ДЕМИДОВЫ

Игорь Юркин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена жизни и деятельности основателя промышленной династии Никиты Демидова, заложившего основу великой горной империи, его сыновей, при которых она достигла наибольшего расцвета, и внуков, при которых распалась. Биографии большинства героев впервые изложены с такой степенью полноты и точности. Автор, доктор исторических наук, подчеркивая значение созидательной деятельности Демидовых, в то же время далек и от панегирических восхвалений, и от изображения героев кровавыми злодеями. Широко используя документальные (включая привлекаемые впервые) источники, рассказывает о событиях, охватывающих почти столетний период, об отношениях Демидовых с властью (в том числе с Петром Великим), о вкладе представителей рода в развитие Российского государства.

- Игорь Юркин
  - ○
  - ○ ДЕМИДОВЫ: ПРИСТАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД ПОТОМКОВ
  - ○ Глава 1.
    - ■
    - ■ Кузнецы и домники додемидовской Тулы
      - ■ «Ручное» железо Древней Руси
      - ■ Первые металлургические мануфактуры тульского края
      - ■ Тульские казенные кузнецы-оружейники
    - ■ Детство, отрочество, юность
      - ■ Кузнецы Антюфеевы. Загадки их происхождения
      - ■ Ранние упоминания об Антюфеевых
      - ■ Кто Никиту кормил, поил и учил
    - ■ «Кузнец, оружейного дела мастер…»
      - ■ Никита в Москве
      - ■ Война за мельницу
      - ■ Царь и кузнец: встреча
    - ■ Восход Никиты
      - ■ Царь и кузнец: заводу быть
      - ■ Тульский завод в первые его годы
      - ■ Родственное окружение Демидовых
  - ○ Глава 2.
    - ■ Горизонты Каменного пояса
      - ■ Путь на Восток

        - Демидовы на Невьянском заводе
        - Вживание в Урал. Комиссарство
    - Прощание с Тулой
        - Семья и тульское домохозяйство Никиты Демидова
        - Переезд семьи
        - Трудная судьба Тульского завода
    - Возвращение в Тулу
        - Младшие Сыновья: вступление во взрослость
        - Возвращение Демидову Тульского завода
        - Конфликт с Иваном Баташевым
    - Демидовы на двух стульях
        - Предпринимательские дебюты младших Демидовых
        - Комиссар Демидов и фискалы
        - Строительство демидовского Урала
- Глава 3.
    -
    - Отец и сын: от победы к победе
        - Тульский завод. Отношения с конкурентами
        - Урал: замыслы и достижения.
        - Конфликт с Татищевым
        - Как жил Никита
    - Отец и «лишние» дети: поиск формулы отношений
        - Выбор наследника
        - Отвергнутый: в жерновах первоначального накопления
        - Отвергнутый: на пути в Берг-коллегию
    - Никита Демидов (мемориал)
        - Портреты Никиты: прижизненный и посмертный
        - Памятники Демидову
        - Никита Первый: несколько прощальных слов
- Глава 4.
    - Род: силы центробежные и центростремительные
        - Одворянивание
        - Наследство находит наследника
    - Созревание и зрелость
        - Ученик и сотрудник
        - Диалог с властью

- Горизонты Акинфия Демидова
  - Акинфий в Туле
  - «Ведомство Акинфея Демидова»
  - Тестируя пределы, или Прыжок на Алтай
- Глава 5.
  - Григорий Никитич
    - Последние годы
    - Выстрел в Гончарной слободе и его эхо
  - Никита Никитич
    - «В Туле у десятинного збора…»
    - Тяжелые бои местного значения
    - Проникновение на Урал
- Глава 6.
  - Следователи на заводах
    - Следствие о партикулярных заводах: что это было
    - Тульские заботы асессора Васильева
    - Доносы на Никиту Демидова
  - Доносы и доносители
    - Звездный час Родиона Горбунова
    - Смерть Татьяны Демидовой
    - В это время на Урале
  - Комиссия и/или Кабинет: соединения последовательные и параллельные
    - Комиссия за работой
    - Капитан Лавров, или Смерч над Тулой
    - Демидов и Татищев: третий раунд
  - Торжество Демидовых. 1736—1737
    - От десятины к доменному обложению
    - «Мнение» о доносе Игнатьева
    - Возвращение алтайских заводов
  - Судьбы обвинителей и обвиняемых
    - Родион Горбунов: итоги
    - Другие приговоры
    - Что помогло Демидовым выпутаться?
- Глава 7.
  - «Достиг я высшей власти…»
  - Уральские заводы. Упущенная Благодать
  - «На Воскресенских оного Демидова заводех, что у Колыванских гор…»
  - Серебро и золото алтайских руд
  - Тайное сокровище Невьянской башни
  - Агония Тульского завода
  - Завещание Акинфия Демидова

- Глава 8.
  - Помощники Демидова
  - Гавриил Семенов и его братья
  - Откровения чернеца Паисия
  - Еще о демидовских приказчиках-староверах
  - Борьба со старообрядцами на заводах. Их «выгонка»
  - Тульские староверы и их защитники
  - Акинфий Демидов — старообрядец?
- Глава 9.
  - Повседневность созидания. «Обретение» золота и судьба Алтая
  - Семейные заботы последнего года
  - Дома Акинфия. Акинфий дома
  - Лики Акинфия Демидова: Акинфий Великий
  - Талант, воля, труд
  - Лики Акинфия Демидова: Акинфий Грозный?
- Глава 10.
  -
  - Первенец: детство и юность
  - Драма на охоте, или Новый российский дворянин: проблема интеграции в сословие
  - Молодой промышленник
  - Средний сын
  - Никита, внук Никиты
  - Рубикон перейден. Что дальше?
- Глава 11.
  - На три не делится…
    - Как не выполнили волю Акинфия
    - Алтайские заводы: второе взятие в казну
    - Как делили и как разделили
  - Акинфиевичи: перезагрузка
    - Заводчики на пути к независимости
    - Предпринимательские заботы Прокофия
    - Примеряя наряд чудака
    - Григорий и Никита
  - «Другие» Демидовы
    - Зеленые наслаждения Демидовых
    - Меценаты и благотворители
- Глава 12.
  - Никита Второй при жизни Первого
  - Братья: двадцать лет между войной и миром
  - «Ее императорскому величеству не противимся, да смерть себе от Демидова видим…»

        - Никита Демидов vs Александр Шувалов, или Как хоронили и как спасали подмосковную металлургию
            -
            - Жизнь в Туле и не в Туле
            - Братья Никитичи, их университеты
            - Жребий брошен
            - Заводчики Демидовы: пополнение списка
    - ДЕМИДОВЫ — ОТЦЫ И ДЕТИ, ИЛИ КОЕ-ЧТО О ЦЕНЕ ПОБЕД
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕМИДОВЫХ
    - СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
    - ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116

- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160

- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204

- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248

- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292

- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336

- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380

- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424

- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468

- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512

- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556

- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600

- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644

- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688

- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732

- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776

- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820

- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864

- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908

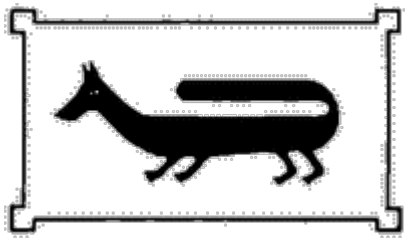
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934
- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938
- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941
- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945
- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949
- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952

- ○ 953
- ○ 954
- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960
- ○ 961
- ○ 962
- ○ 963
- ○ 964
- ○ 965
- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971
- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978
- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982
- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985
- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989
- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993
- ○ 994
- ○ 995
- ○ 996

- ○ 997
- ○ 998
- ○ 999
- ○ 1000
- ○ 1001
- ○ 1002
- ○ 1003
- ○ 1004
- ○ 1005
- ○ 1006
- ○ 1007
- ○ 1008
- ○ 1009
- ○ 1010
- ○ 1011
- ○ 1012
- ○ 1013
- ○ 1014
- ○ 1015
- ○ 1016
- ○ 1017
- ○ 1018
- ○ 1019
- ○ 1020
- ○ 1021
- ○ 1022
- ○ 1023
- ○ 1024
- ○ 1025
- ○ 1026
- ○ 1027
- ○ 1028
- ○ 1029
- ○ 1030
- ○ 1031
- ○ 1032
- ○ 1033
- ○ 1034
- ○ 1035
- ○ 1036
- ○ 1037
- ○ 1038
- ○ 1039
- ○ 1040

- ○ 1041
- ○ 1042
- ○ 1043
- ○ 1044
- ○ 1045
- ○ 1046
- ○ 1047
- ○ 1048
- ○ 1049
- ○ 1050
- ○ 1051
- ○ 1052
- ○ 1053
- ○ 1054
- ○ 1055
- ○ 1056
- ○ 1057
- ○ 1058
- ○ 1059
- ○ 1060
- ○ 1061
- ○ 1062
- ○ 1063
- ○ 1064
- ○ 1065
- ○ 1066

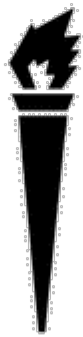
Игорь Юркин
ДЕМИДОВЫ
Столетие побед



Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



ВЫПУСК

1610

(1410)

«Молодая гвардия», 2012

ДЕМИДОВЫ: ПРИСТАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД ПОТОМКОВ

Демидовы… С этой фамилией тульских и уральских горнозаводчиков связано немало страниц истории отечественной промышленности и предпринимательства. Трудами историографов прошедших поколений Г.И. Спасского, К.Д. Головщикова, В.И. Рожкова, Б.Б. Кафенгауза и ныне здравствующих Н.И. Павленко, А.С. Черкасовой, Т.К. Гуськовой, Е.И. Красновой, А.Г. Мосина, Н.Г. Неклюдова и других их вклад в нее в важнейших чертах выявлен и осмыслен. Будущие изыскания добавят к уже известному новое, может быть, неожиданное. Но едва ли деятельность Демидовых будет радикально переоценена, во всяком случае, сомнительно, что нынешняя высокая оценка ее результатов снизится, — вероятнее обратное.

Их место — особое. И не только в силу масштаба и значимости совершенного ими. (Хотя более полусотни заводов, которыми Демидовы владели на протяжении XVIII столетия, — несомненное свидетельство уникального уровня предпринимательской активности.) Многое в их истории драматично и романтично, подчас подчеркнуто романно. Это качество их семейных хроник определило устойчивый интерес к ним не только историков, но и тружеников цеха изящной словесности. Алексей Толстой, Евгений Федоров, Павел Северный, Вячеслав Пальман, Александр Бармин, Александр Родионов — далеко не полный список литераторов, в меру одаренности и увлеченности темой внесших лепту в превращение событий хроник демидовского рода из собственно истории в ее гармонизированное и мифологизированное отражение, заместившее в массовом сознании пеструю и на первый взгляд бестолковую реальность. Прибавим к ним Владимира Акимова и Эдуарда Володарского — авторов сценария художественного фильма о Демидовых, вместе с другими его создателями внесших весомый вклад в закрепление сложившихся мифов и создание новых.

Интересно, что произошла эта подмена вполне естественным образом. Никто к Демидовым аршина мифологем насильно не прикладывал (нам, во всяком случае, подобные попытки неизвестны) и под стандарт не «подстругивал». Реальное прошлое их фамилии содержит сюжетно-фабульные элементы, которые словно сами стремятся преобразиться в нечто романное. На некоторые из них укажем в этом повествовании.

Но есть еще одно обстоятельство, которое способствовало укоренению совокупного образа Демидовых, собранного из кирпичиков легенд. Оно — в истории изучения этого рода. Его начинали историки, которым документальные источники были малодоступны и, соответственно, малоизвестны. Первую, довольно скромную по объему биографию Акинфия Демидова издал в 1833 году Г.И. Спасский, искренне веривший, что создает ее по документам (он прямо указал на это в названии сочинения), но в действительности использовавший их в весьма ограниченном объеме. Дальше, хотя и ненамного, ушел в использовании документальных источников К.Д. Головщиков. Он выполнил немалую и очень полезную собирательскую работу: объединив доступные ему сведения о представителях рода, создал сборник посвященных им биографических очерков. Им, а также приложенной к нему библиографией широко пользовались популяризаторы вроде В.В. Огаркова, подготовившего посвященный Демидовым очерк для павленковской серии «Жизнь замечательных людей». Следующее за этим объемное, при этом написанное строго по источникам пополнение демидовианы произошло только в 1949 году. В отличие от труда Головщикова автора книги, Б.Б. Кафенгауза, интересовали не члены фамилии. Его «героем» стало хозяйство Демидовых, рассмотренное как часть истории уральской металлургии. Сочинение содержало материал и биографического характера. Но, впаянный в структуру изобиловавшего цифрами и таблицами историко-экономического сочинения, для широкого читателя он оказался труднодоступным.

Нам неизвестно, был ли знаком с сочинением Кафенгауза писатель Павел Бажов, но высказанные им мысли по поводу Демидовых во многом перекликаются с выводами маститого историка. А призыв «показать Демидовых как сподвижников Петра», больше того, «требование» поставить их «вровень» с Петром выглядит логичным развитием этих выводов. Некоторые сходные идеи кажутся у него выраженными даже ярче, что не удивительно — писателя интересовали прежде всего личности, а не пуды с рублями[1].

В касающейся темы специальной литературе поворот к человеку осуществил Н.И. Павленко. В ставшей научной классикой его монографии об истории отечественной металлургии XVIII века с характерным подзаголовком «Заводы и заводовладельцы» (1962) впервые в истории изучения демидовской темы в фокусе внимания исследователя оказалась личность предпринимателя. Занятия промышленника, представлявшиеся его предшественникам самодостаточным

социально-экономическим феноменом, для него превратились еще и в форму выражения этой личности. Он привлек большое количество нового документального материала, установил важные факты и многое прояснил. Но материала о первом Демидове даже у него оказалось сравнительно мало — большая часть демидовских страниц в его сочинениях посвящена сыновьям и внукам. В общем, получилось, что популяризаторы и литераторы взялись за дело, когда архивисты и историки не завершили даже первичную разработку темы.

Между тем документов, позволяющих реконструировать опирающуюся на исторически достоверные факты биографию первых Демидовых, сохранилось немало. Пожалуй, только самый ранний ее этап — вторая половина XVII века, время, когда основатель рода даже Демидовым еще не назывался, — освещен выявленными источниками плохо. С начала следующего столетия объем документов быстро нарастает. От времени внуков первого Демидова уже сохранились остатки личных архивов со столь любимыми биографами документами личного происхождения — письмами. Огромный объем информации о демидовских заводах (соответственно — о их владельцах) хранит архив горного ведомства — Берг-коллегии. Ответы на многие вопросы, остающиеся до сих пор без ответа, содержат материалы Сената, Юстиц-коллегии, Вотчинной коллегии, других центральных и местных госучреждений.

Написать биографию строго по документам — одно из требований, которые ставил перед собой автор, приступая к этой книге.

Сказанное не означает автозапрета на использование того, что сохранила о Демидовых память поколений — преданий, легенд, произведений других жанров устного народного творчества. Фольклористы и историки собирали их и сохраняли, видя в них частицы образа национальной истории, запечатленной в коллективной памяти народа. Обращаемся к ним и мы — как в тех случаях, когда документы молчат, так и когда интересен собственно миф — продукт непрекращающейся работы массового сознания. О потомках — тех, кто хранил и украшал эти предания, — он говорит подчас больше, чем о самих Демидовых. Но говорит и о них тоже — никто не мешает искать в легенде историческое зерно.

Наличие источников и решимость использовать любые их виды не устраняют полностью трудностей, возникающих в работе над биографиями избранных нами героев. Сохранившихся и доступных материалов действительно не так уж мало. Но вплоть до конца первой трети столетия почти все —

делопроизводственная документация учреждений и разного рода акты. Личного происхождения бумаг среди них мало, что для биографа, конечно, большой минус. Какой текст ни открой — всё заводы, заводы, руда, работные люди, перелив капиталов… Сведения о не связанных с производственной сферой сторонах жизни извлекаем из этих документов с трудом. Что-то находим в них о семье, но отношения в ней приобретают объем только в моменты конфликтов, в ситуациях, односторонне эти отношения обостряющих. О других сторонах жизни личности узнаем из них и того меньше. Как человек воспринимал мир, что любил, чего сторонился и что ненавидел, как реагировал в рядовых и экстремальных ситуациях, каким был в общении — вопросы, одни вопросы без ответов.

Только постепенно начинаешь понимать, что самое важное источники всё же отразили. История первых Демидовых — это почти сплошь история их трудов, огромных по размаху затеянного и результатам совершенного. Дым заводской трубы застилает человека, грохот молота заглушает речь. То же и в документах: дым, грохот, горячий огонь. Заводы для промышленника — а в первых поколениях Демидовы на все сто промышленники — то же, что для писателя его романы, для режиссера фильмы. В них его мечты и желания, в них взлеты и падения, достижения и вложенные в них воля и труд. Каждый из них — родное чадо, кровинушка (дитя любимое или нет — другой вопрос). Нам, вглядывающимся в Демидовых, точно так нужно отнестись и к сердцевине их Дела, к заводам. Чтобы проникнуть в их мысли и чаяния (раз уж, вслед за Пушкиным, согласны, что «следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная»), войдем в мир строившегося ими горного царства, познаем его географию и, каким бы страшным это ни казалось, экономику, познаем бытовой мир, познакомимся с людьми — приказчиками, мастерами, беглыми, старообрядцами, чиновниками — всеми, кто составлял окружение первых Демидовых. Верно, среди них были и царедворцы, были даже цари, но ближайшие — они, тот самый «простой» народ, из которого вышли сами Демидовы.

Прав был уральский писатель-краевед Игорь Шакинко, говоря о трудностях писания о первых Демидовых, «известных людях», отмечавший, что они «в определенной степени уже канонизированы»[2]. Важнейшая часть этого канона — их Дело.

Борясь с парсунностью в портретах, не скатимся в другую ложь. Не закроем высокомерно свои гуманитарные глаза на то негуманитарное, что было для них главным.

Если первые Демидовы вошли в историю России как

выдающиеся предприниматели, то следующие их поколения — еще и как деятели, оставившие заметный след в других сферах жизни общества — благотворительности, меценатстве, коллекционировании, науке, технике. Рассказ даже о наиболее крупных фигурах в этом ряду, именно рассказ, а не перечисляющая достижения энциклопедическая скороговорка, потребовал бы книги значительно большего объема. Надеясь не сбиться на сухой перечень, мы ограничили наше повествование периодом становления рода — временем деятельности основавшего промышленную династию Никиты Демидова, его сыновей и внуков. Подробное изложение доводим до расцвета промышленной империи самого известного и успешного сына Никиты Акинфия, которое относим к последним годам его жизни. Следующие за этим 12 лет — время, в течение которого созданное им хозяйство продолжало жить как единое целое. С разделом его между наследниками в 1757 году объединявшие его связи были разорваны, единство стало разрушаться.

В качестве хронологической границы повествования избрано начало 1760-х годов. В 1761 году случились две смерти. 25 декабря умерла императрица Елизавета Петровна, личные отношения с которой (и, добавим, ее двором, вскоре сошедшим со сцены) сыграли важную роль в жизни Акинфия Демидова и в посмертной судьбе его хозяйства. К этому времени его имущество было уже разделено, наследники жили самостоятельно. В том же году, 13 ноября, один из них, Григорий, умер и на сцену вышли его дети, четвертое поколение Демидовых. Если взять младшую ветвь рода, то и в ее истории в начале 1760-х годов произошло важное событие — смерть Никиты Никитича, последнего из второго поколения Демидовых, предпринимателя, настроившего заводов меньше старшего брата, но тоже много. Нажитое он разделил между сыновьями еще при жизни. С елизаветинской эпохой закончилась история гигантских демидовских хозяйств. Порезанные на ломти, они будут существовать еще долго, но империями не станут. Превращением их в СНГ *(совокупности* независимых «государств») и завершается наш рассказ.

Итак, книга охватывает, считая от рождения родоначальника, примерно сто первых лет истории рода Демидовых. В общих чертах реконструировав биографию Никиты Демидова (насколько нам известно, с такой степенью детализации подобный опыт предпринят впервые), переходим к его сыновьям, из которых главное внимание по праву уделяем старшему. Одновременно следим за подрастающими внуками. Для последних лет пребывания на престоле Елизаветы Петровны «увеличение» постепенно изменяем. Теперь уже не до подробностей — круг

контактов, сфера занятий героев слишком расширяются. С постепенным отдалением Демидовых от заводов все более значимыми для них становятся культура, искусство, благотворительность, одновременно — новое окружение, великосветское и не очень. Но… это уже другие Демидовы, а значит — другая история.

И последнее. Все предпринимавшиеся прежде попытки представить в одной книге более или менее подробную историю демидовского рода лишь продемонстрировали, что это задача невыполнима. За 130 лет после выхода в свет одного из наиболее добросовестных опытов такого рода — книги К.Д. Головщикова — изучение истории династии продвинулось вперед очень значительно, объем фактического знания существенно увеличился. Некоторые результаты новейших исследований представлены в книге, другие учесть не удалось. Тем не менее для автора вполне очевидно, что во многих отношениях эта книга — результат большой работы, проделанной другими учеными, тружениками прежних поколений. Им с великим почтением и благодарностью он ее и посвящает. Спасибо и современникам — историкам, архивистам, работникам музеев: Ю.Д. Анашкину, В.И. Байдину, А.И. Гамаюнову, С.В. Сироткину, С.П. Калите (особо), В.А. Касаткину, А.В. Контеву, Н.С. Корепанову, Е. И. Красновой, Е. А. Курлаеву, Т.А. Лаптевой, О.А. Малолетневой, И.Ю. Соснеру, А.С. Черкасовой, Д.П. Шпиленко, — помощь которых в реализации замысла трудно переоценить.

Глава 1. «ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАСТЕРА»

Чтобы понять, на какой наковальне ковалось могущество рода Демидовых и на каких дрожжах поднимались их капиталы, нужно погрузиться в эпоху, когда ни могущества, ни самого рода не было и в помине.

Рода не было, но были пращуры и предки, были занятия, умения, поначалу скромные «прибытки», которые они накапливали и завещали потомкам. Демидовы поднимались на витаминах и гормонах Петровской эпохи. Но то, что с удивлявшей современников скоростью набирало на их глазах вес и силу, было заложено задолго до Петра Алексеевича и его энергичных соратников.

Кузнецы и домники додемидовской Тулы

«Ручное» железо Древней Руси

Первые Демидовы остались в памяти поколений прежде всего строителями и владельцами металлургических мануфактур. Этим словом историки именуют предприятия, одновременно обладавшие несколькими признаками: они были относительно крупными, на них присутствовало разделение труда, производство осуществлялось не вручную, а с помощью машин. Считается, что в России мануфактуры возникли еще в конце XVI века. Одной из первых стал казенный (принадлежавший государству) Московский пушечный двор, отливавший бронзовые пушки.

В России крупные предприятия, перерабатывавшие железную руду, появились значительно позже, чем в Западной Европе. Но отсутствие таковых не означает, что собственного производства железа здесь не существовало. Этот металл требовался в любом — городском и сельском — домохозяйстве: и для плуга, и *для* топора, и для подковы. Его покупали у соседей (в частности, в Швеции), однако, вполне понятно, импортное железо употребляли не для нужд многочисленных крестьянских хозяйств. Живших на Русской равнине хлеборобов, охотников и рыболовов с самого начала железного века «титульным» металлом обеспечивали свои же братья — крестьяне-«домники», вырабатывавшие железо на крошечных заводах, называвшихся «ручными». Главной производственной единицей на них был один или несколько именовавшихся «сыродутными» горнов. Такие горны, они же «домницы», представляли собой металлургические печи, в которых при относительно низкой (ниже расплавления металла) температуре путем прямого восстановления получали мягкое малоуглеродистое железо. Извлеченное из горна, оно именовалось «крицей» и представляло собой ком весом в пуд-полтора, в котором восстановленный металл был смешан со шлаком, «соком», как тогда его называли. Это железо считалось «сырым» — использовать его по назначению было невозможно. В особых «железцовых» кузницах крицу, многократно подогревая, проковывали, механически освобождая от шлака. Так получали «батожки» (куски) сравнительно однородного железа, которое, отличая от сырого, называли «дельным». Именно из него делалось большинство изделий, в частности крестьянский инвентарь. Но для некоторых предметов требовался материал с другим, более

высоким комплексом свойств. Дополнительная обработка дельного железа позволяла насытить его углеродом, превращая в более прочный и твердый «уклад» (низкоуглеродистую сталь) и даже в сталь среднеуглеродистую — еще более твердую и прочную. Но в большинстве случаев кузнецов устраивало и простое, сравнительно мягкое железо.

Первые металлургические мануфактуры тульского края

Описанная технология была проста и дешева, благодаря чему получила широчайшее распространение и использовалась в России очень долго — до XVIII века включительно.

Между тем в Европе еще в XII веке научились получать из железной руды принципиально иной, высокоуглеродистый сплав — чугун. Восстановление при новой технологии велось в значительно больших по размерам печах (предках современных домен) и, благодаря более интенсивному дутью, — при более высокой температуре. Имея недостатки (в частности, повышенную в сравнении с железом хрупкость), чугун обладал и ценными качествами — прежде всего хорошими литейными свойствами. Со временем был разработан способ снижения в сплаве содержания углерода, благодаря чему он превращался в обычное малоуглеродистое железо. Так родилась принципиально новая технология переработки железной руды: в отличие от ранее существовавшей одностадийной (руда — железо) — двухстадийная (руда — чугун — железо). Более сложная, чем прежняя, она обладала множеством достоинств. Важнейших было два: неизмеримо большая производительность процесса и большая однородность металла, позволявшая обеспечить более стабильное его качество. Доменный завод обладал всеми признаками мануфактуры. Это было относительно крупное производство. На нем трудились узкоспециализированные в своих умениях мастера — доменный, литейный, плотинный и прочие. Здесь действовали сложные механизмы, приводившиеся в действие уже не вручную, а силой воды, отчего такие заводы называли «вододействующими».

Первые попытки создать доменную мануфактуру в России связывают с деятельностью английских купцов, появившихся здесь при Иване Грозном. Но данное им на это разрешение вскоре было отозвано. Первая домна в Московии появилась значительно позже — при первом царе из династии Романовых.

Отцом русской доменной металлургии суждено было стать нидерландскому предпринимателю Андреасу Дионисиусу (в

России Андрею Денисовичу) Виниусу, первоначально занимавшемуся здесь торговлей. Пару раз по поручению правительства он довольно успешно продал за границей казенный хлеб, благодаря чему в качестве поощрения получил льготы. В 1632 году государь пожаловал купца снова: по его просьбе велел ему и компаньонам, родному его брату Абрахаму (Авраму) Виниусу и Юлиусу Виллекену (Елисею Вылкенсу, Вилкенсену), из железной руды «делать всякое железо на десять лет безоброчно». Заниматься этим было указано (оговорено: «против их челобитья») «меж Серпухова и Тулы на трех реках: на речке Вошане, да на речке на Скниге, да на речке на Вороне и вперед, где они… места приищут». Компаньонам предписывалось «мелницы на тех местах ставить и железо на всякие статьи плавить и лить и ковать пушки и ядра и котлы и доски и разное прутье и всякое железное дело делать»[3]. Под «мельницами» подразумевались гидросиловые установки, использовавшиеся для приведения водой в действие доменных воздуходувок и перековывавших чугун молотов.

Заводы — фактически цехи единого предприятия — были поставлены цепью вдоль речки Тулицы, притока реки Упы, на расстоянии один от другого одна-две версты. (Разместить их рядом не позволяла слабость водотока небольших речек.) Адрес: Тульский уезд, Старогородищенский стан, по которому заводы получили одно из названий — Городищенские (другое — Тульские). От ближайшего из них до оружейной Тулы (с которой еще познакомимся) было всего 12 верст. Обратим внимание: первый доменный завод России, давший продукцию уже в 1636 году, действовал вблизи центра, где исстари делалось оружие. Связь между двумя отраслями российской промышленности — черной металлургией и производством вооружения, существовавшая уже давно, с пуском под Тулой домен еще более укрепилась.

На Городищенских заводах совмещались производство чугуна и его передел в железо. Отливавшие пушки и ядра к ним, делавшие сковороды и кандалы заводы стали опытным полигоном, доказавшим, что из русских руд лить чугун можно не хуже, чем в других странах, что железо из такого чугуна во многих случаях вполне заменяет шведское. Государство, кровно заинтересованное в наличии в России подобной индустрии (во многом обеспечивавшей потребности армии), помогало его развитию: предоставляло заводчикам ссуды, приписывало к заводам дворцовых крестьян.

Первостроитель заводов Андрей Виниус «выпал» из их истории уже через десятилетие после пуска. Созданные его

заботами печи и молотовые перешли к его компаньонам «второй волны»: к нидерландскому купцу Филимону Акеме и выходцу из Гамбурга, резиденту датского короля Петру Марселису. Именно они построили верстах в сорока от Городищенских заводов первый в России чисто передельный (железоделательный) комплекс — Каширские заводы на речке Скниге, работавшие на чугуне, с полной переработкой которого молотовые на Тулице не справлялись. За ними последовали новые мануфактуры. Так Городищенские заводы стали центром Тульско-Каширского металлургического района, древнейшего в истории русской доменной металлургии.

Большинство владельцев российских металлургических мануфактур XVII века были иностранцами. Имелись и исключения, но немногочисленные. Только в последнем десятилетии века наметилась новая тенденция. В 1690 году все заводы Марселисов, как выморочное имущество, отошли в казну и вскоре были переданы отечественному собственнику — дяде царя Петра Алексеевича боярину Льву Кирилловичу Нарышкину. А через несколько лет началось строительство заводов русскими предпринимателями. Первыми из них были основатели завода в городе Романове дьяк Кузьма Борин и принадлежавший к гостиной сотне Никита Аристов. Примерно в это же время строил в Туле свой первый завод казенный оружейник Никита Демидов.

Тульские казенные кузнецы-оружейники

Тульский край не только родина российского чугуна. Он же подарил России целую когорту выдающихся предпринимателей-металлургов. Баташевы, Мосоловы, Красильниковы, Лугинины, Ливенцовы — их имена навсегда остались в истории российской промышленности. Но первыми в ряду и по масштабу, и по значимости совершенного, безусловно, стоят Демидовы. Они торили трудную дорогу, они же первыми среди тулян (так называли жителей города в те времена) показали, как далеко можно по ней пройти.

Средневековая Тула (первое надежное упоминание — 1381—1382 год) к большим городам долгое время не относилась. Заметную часть ее населения в XVI—XVII веках составляли ратные люди — служилые люди «по прибору»[4]. Но и невоенное ее население своими занятиями было связано с главным в то время назначением Тулы — крепости на южной границе Русского государства. Не позднее последней четверти XVI века здесь появились кузнецы, делавшие оружие для казны. В 1595 году они были освобождены от тягла, им было дано право жить особой

слободой отдельно от посада. Было ли это право тогда же реализовано — неизвестно. Источники первой четверти XVII столетия упоминают две группы кузнецов — казенных и оброчных, в начале следующей четверти века, по-видимому, слившиеся. Местом их жительства стала казенная Кузнецкая слобода, располагавшаяся в Заречье — местности на правом берегу Упы, противоположном тому, на котором находилась основная, с построенной в 1514—1521 годах каменной крепостью, часть города. (В литературе эту слободу называют также Оружейной. Хотя это название стало употребляться позднее, будем использовать его как синонимическое.) На протяжении XVII века численность казенных кузнецов устойчиво увеличивалась: за 70 лет (с 1626 по 1695 год) выросла почти до двухсот человек — вчетверо[5].

Основной продукцией тульских казенных кузнецов этого времени было простейшее огнестрельное оружие — *самопалы,* как обобщенно его называют в документах начала XVII века (соответственно, оружейников — *самопальниками).* Другое название — *пищали* — ближе к концу столетия сменяет слово *фузея.*

Кузнецы работали в находившихся на их дворах мастерских. Железом обеспечивали себя фактически сами. Его готовили «железного дела промышленники» — особая группа в составе слободы, владевшая ручными заводами с сыродутными горнами и железцовыми кузницами. Довольно рано труд слободских кузнецов специализировался — среди них появились особые ствольные заварщики, замочники, «ложные» (ложевые) и прочие мастера узкого профиля. Организация производства усложнилась, но выбиравшиеся ими из своей среды оружейный староста и его помощники с ней справлялись. Развитое разделение труда склоняет некоторых историков считать их слободу примером особой разновидности мануфактуры — «рассеянной». Но машины, сложные станки тульскими кузнецами не применялись — труд оставался ручным.

Работая на казну и поставляя ей продукцию по фиксированной цене, кузнецы имели немалые льготы, набор которых расширялся. Превратившись в привилегированное сословие, оружейники добивались расширения привилегий, выпрашивая их, а подчас и явочным порядком захватывая. Показателен случай, о котором сообщает жалоба, поданная тульским земским бурмистрам в 1710 году. Получив список казенных кузнецов, на которых числился долг по налогу с домовых бань за 1707 год, избранные посадом его сборщики отправились в слободу собирать задолженность. «Ходили, —

рассказывают они, — многажды, и им де нихто не платит». Сборщики известили об этом воеводу, позже — еще раз. Тот, призвав, потребовал деньги с них самих. Они еще раз пожаловались: им «таких денег кузнецы не платят, чинятьца им силны. И за то де он, воевода, их, целовальников, приказал держать за короулом в приказной избе и бил батоги без вины нещадно. И хочет де мимо их, кузнецов, те банные денги доправить на них, зборшиках, безвинно, незнаемо почему»[6]. Три года кузнецы не платят налог, а воеводская власть, вместо того чтобы помочь сборщикам, решает «доправить» деньги не с защищенных указами неплательщиков, а с простых посадских, на свою беду попавших в сборщики по выбору «общества».

Привилегии стимулировали рост численности слобожан, позволяли наиболее удачливым и оборотистым из них зарабатывать и приумножать капиталы. Так в этой среде вырастали «пожиточные» люди, многие из которых, числясь представителями оружейных профессий, «самопального дела» уже не работали. Свою норму они выполняли, скупая готовую продукцию у других оружейников и сдавая ее от себя, сами же занимались предпринимательством, преимущественно торговым. Отношение к слободе у них было двойственным: льготы, конечно, облегчали коммерческую деятельность, но их приходилось отрабатывать личным участием в выборных слободских службах, становясь, на время, то старостой, то расходчиком, целовальником и т. д. — исполнителем одной из должностей, сопряженных с ответственностью и отнимавших время. Некоторые, наиболее оторвавшиеся от оружейного дела, уже тяготились своей сословной принадлежностью, но стряхнуть ее, перейдя в другое качество, не могли. К тому же и ниши, в которую можно было бы вложить постепенно прираставшие капиталы, помимо торговли и кредитных операций долгое время они не имели.

Не имели, пока на нее не указал своим примером Никита Демидов.

Детство, отрочество, юность

Кузнецы Антюфеевы. Загадки их происхождения

К казенным кузнецам принадлежали и отец Никиты Демидова, и сам Никита. Только родился он не Демидовым, а Антюфеевым.

Фамилий в современном понимании этого слова в посадской среде русского города XVI—XVII веков и у крестьян в селах не существовало. Их место занимали уличные прозвания, державшиеся обычно недолго — в лучшем случае несколько поколений. Но некоторые из них со временем закреплялись, и прозвище превращалось в фамилию. Так произошло и с тульскими кузнецами, звавшимися в XVII веке Антюфеевыми: одна их ветвь стала Демидовыми, другая — осталась какой была.

В литературе принятие Никитой Антюфеевым новой, ставшей впоследствии знаменитой, фамилии иногда связывают с преимущественным ее использованием в официальных документах. Г.И. Спасский называет даже конкретный акт, подавший повод «к принятию навсегда сего прозвания», — именно грамоту от 4 марта 1702 года о передаче Никите Невьянского завода[7]. Мы не склонны к столь жесткой временной привязке этой важной перемены, но вполне согласны с основной мыслью. (Забегая вперед отметим, что смена фамильного прозвания подчеркивала отдаление Никиты от корневого своего рода — отдаление, свидетельствовавшее о достигнутых им успехах и этим приятное. В известной степени она носила символический характер. Так меняют имя постригаемому в монашество, в некотором смысле начиная его жизнь заново. Антюфеев оставался в прошлом. Выстроивший себя, обновившийся Никита, с его точки зрения, имел полное право на новое прозвание — Демидов.)

Что предки Никиты Демидова именовались не так, как его потомки, было известно давно. Но прозвание рода, из которого выросла одна из крупнейших предпринимательских династий России, в большинстве книг иное — чаще всего *Антуфъевы.* Именно так называли их многие из писавших о Демидовых историковXIX века: И. Х. Гамель, Г.И. Спасский, К.Д. Головщиков. Наряду с ней в историографии мелькали другие варианты — Антюфьевы[8], Антуфеевы[9], но именно как варианты. Форма Антуфьевы явно доминировала. Историки следующих поколений относились к ней как к общепринятой, не задаваясь вопросом,

достоверна ли она.

Стоило обратиться к документам, как выяснилось, что в позднесредневековой Туле не было жителей, звавшихся Антуфьевыми. Были созвучные по прозванию, но другие — *Антюфеевы*. Именно их, не Антуфьевых, встречаем в XVII столетии в составе разных групп тульского населения: среди кузнецов, кирпичников, стрельцов, даже казаков.

Из известных нам историков XIX века только один, В.А. Левшин, указал правильную форму фамильного прозвания рода, к которому принадлежал Никита Демидов[10]. Но в полном виде сочинение Левшина было издано только в начале XXI века. Исправить историографическую ошибку, заметим, вполне невинную до той поры, как она закрепилась, оно не могло.

Тульские Антюфеевы XVII века принадлежали к разным сословным группам. Какая же почва питала своими соками родословную веточку *наших* Антюфеевых? Ориентируясь на род занятий зрелого Никиты Демидова, уместно предположить, что он происходил из кузнецов, казенных или посадских. Большинство из упоминаемых в документах Антюфеевых — действительно казенные кузнецы. Здравый смысл подсказывает с них и начать поиск. Однако предание выводит Антюфеевых из другой среды. Согласно ему Антюфеевы — кузнецы, но для Кузнецкой слободы некоренные. Историографическая традиция в качестве родины предков Демидовых указывает вообще негородской адрес.

Во мнении на этот счет историки XVIII—XIX веков (И. Х. Гамель, И.Ф. Афремов, Г.И. Спасский) фактически единодушны. Так, один из первых историографов рода Демидовых тульский историк Иван Афремов упоминает отца Никиты — «бывшего кузнеца села Павшина… который для усовершенствования себя в кузнечестве часто живал в Туле»[11]. О селе он сообщает, что оно находилось в Алексинском уезде. Гамель и Спасский уточняют: в 20 верстах от Тулы. В петровское время в Алексинском уезде существовал стан Старое Павшино, он же Старопавшинский или просто Павшинский. Он включал несколько сел, в том числе село Павшино, часть которого стала впоследствии именоваться деревней Сементиново[12]. Наряду с ним существовало село Новое Павшино, оно же Новопавшинская слобода[13]. На карте Дубенского района Тульской области находим его и сегодня. Оно-то обычно и считается местом жительства предков Демидовых, хотя толком объяснить, чем оно предпочтительнее Старого Павшина, никто не берется[14].

В Павшине действительно работали крестьяне-«домники» — владельцы сыродутных горнов и железцовых кузниц. Во всяком

случае, именно такую картину рисуют источники 20-х годов XVIII века — времени, когда село принадлежало князьям Волконским[15]. Такого рода промысел на старообжитых местах, как правило, имеет длительную историю, обусловленную сочетанием в этом районе необходимых ресурсов. Очень вероятно, что крестьянская металлургия существовала здесь и в XVII веке.

Среди известных поименно лиц, в том или ином качестве имевших отношение к павшинской металлургии, — ни одного с прозванием Антюфеев. Конечно, до нас дошли не все имена здешних жителей. Тем не менее результат настораживающий.

Отталкиваясь от этого факта, генеалог В.А. Могильников предположил, что зафиксированное историками XIX века предание о происхождении рода Демидовых говорит не об алексинском Павшине, а о Павшинской слободе — районе города Тулы. Такая слобода существовала на западной его окраине. Ее застройка тянулась вдоль дороги к одноименному селу, от которого и получила свое название. Гипотеза, перемещающая ранних Антюфеевых из алексинского Павшина в тульскую Павшинскую слободу, право на существование, несомненно, имеет. Только вот слабых мест у нее, пожалуй, даже больше, чем у старой версии. Антюфеевых в списках жителей этой городской слободы обнаружить пока не удается. Больше того. Для алексинского Павшина хоть известно, что в нем была развита смежная отрасль ремесла (крестьянская металлургия), значит, были кузнецы. Сведений же, что домники и кузнецы имелись среди жителей Павшинской слободы Тулы, у нас нет. О существовании их на тульском посаде в несколько более позднее время известно[16]. Но связь их с Павшинской слободой пока не прослеживается.

Высказанные сомнения, конечно, не перечеркивают новую версию в принципе, но толку от нее на данный момент не много. Устранив одну трудность, гипотеза породила новые, справиться с которыми оказалось не проще.

Тем не менее некоренной характер Антюфеевых для тульской Оружейной слободы (на чем настаивает традиция) вполне вероятен. Только не ясно, кем были Антюфеевы изначально — крестьянами или посадскими.

Ранние упоминания об Антюфеевых

Мы не нашли Антюфеевых в селе Павшине, не нашли в Павшинской слободе Тулы. Между тем в писцовых и переписных книгах Тулы XVII века Антюфеевы и лица, имеющие родственные

им формы фамильного прозвания, как уже говорилось, мелькают. Наиболее ранние выявленные упоминания — в писцовой книге 1625 года. В этом году в Туле проживали оброчный кузнец Владимир Антифеев (варианты Онтифеев, Антюфеев), казенный кирпичник Андрей Антифеев и стрелец Савелий Онтифеев[17]. В связанных с учетом городского населения более поздних документах Антюфеевы, известные и новые, встречаются снова. Впрочем, по-прежнему не так часто, как носители старинных тульских фамилий — Баташевы, Мосоловы, Постуховы, Сабинины… Во всем этом можно усмотреть косвенное свидетельство того, что род Антюфеевых — не коренной для Тулы: закрепившись в ней, разрастись он пока не успел. Но можно акцентировать внимание и на другом: не будучи коренным, он все же в ней закрепился.

Исследователи обратили внимание на присутствие в так называемых «сметных росписях» по Туле за 1669 год в списке казенных ствольных заварщиков имени некого Демидки Клеменова, в котором заподозрили отца Никиты Демидова[18]. Поскольку прозвание этого Демидки в документе не сообщено, аргументов в пользу гипотезы было немного: совпадали только принадлежность к предпочтительной сословной группе (к кузнецам казенной слободы) и имя. А вот патроним (отчество) не столько подтверждал правильность отождествления, сколько настораживал. Дело в том, что историки XIX века отчество отца Никиты чаще называли другое — Григорьевич[19].

Сравнительно недавно удалось обнаружить то же имя в более раннем, 1655 года, документе — сказке казенных кузнецов, составленной в связи с запросом о потерях тульского населения в «моровое поветрие» 1653/54— 1654/55 годов[20]. В списке семей присутствует запись: «Дементей Клеменов сын Антюфеив сам третий живы». На обороте листа — заверяющий автограф: «Демка Клеменав сын сказал и руку приложил»[21].

Итак, Демид Клеменов принадлежал к роду Антюфеевых, что резко увеличивает его шансы оказаться отцом основателя династии Демидовых. Точки над і расставляет список тульских казенных кузнецов, составленный при передаче города новому воеводе в декабре 1676 года. Он напрямую связывает два поколения рода: в нем упомянуты «Демка Клеменов сын Антюфеев, у него сын Микитка»[22].

Заметим, что уменьшительное имя *Демка* могло быть образовано от нескольких полных, в данном случае: *Демид, Демьян, Дементий, Дементьян.*

Суммируем информацию, которую можно извлечь из этих документов, — информацию скупую, но в сравнении с преданием

неизмеримо более достоверную. Итак, в Туле в третьей четверти XVII века жил казенный кузнец Дементий, он же Демка, Клеменов, сын Антюфеев. В середине 1650-х годов он имел семью, но небольшую («сам третий»). Последнее могло быть связано с его относительной молодостью и недавним отделением от отцовского хозяйства[24]. Если одного человека могли именовать Демидко и Демка, в чем сомневаться, в данном случае, не приходится, если полные формы (Демид и Дементий) тоже воспринимались вариантами одного имени, то допустимо заключить, что этот человек был жив и 14 лет спустя, в 1669 году. Он оставался казенным кузнецом, принадлежа к одной из трех основных профессиональных их подгрупп, именно — к ствольным заварщикам. В этом же качестве, уже с сыном, встречаем его и в 1676 году.

По И.Ф. Афремову, Демид умер не позднее 1690 года[25]. Х. Хадсон, не ссылаясь на источник, сообщает, что он скончался через восемь лет после рождения сына Никиты[26], — получается, около 1664 года. Это несомненно не так — имя Демида встречается и в более поздних документах, до 1676 года включительно. А вот в списке тульских казенных кузнецов ствольных заварщиков от ноября 1680 года на том же месте, где в списке 1676 года находился Демка Клеменов с сыном Микиткой[27], записан уже один только Микитка[28]. Вариант выделения сына из отцовского хозяйства отпадает: отец в списке вообще не фигурирует. Единственное правдоподобное объяснение — сын к этому времени осиротел.

Получаем простую и достаточно «крепкую» родословную схему этой линии рода Антюфеевых: Клементий (Клемен) — Дементий (Демка, Демидко) — Микитка, будущий тульский и уральский заводчик Никита Демидов. А в туманной дали маячит имя возможного прадеда Никиты. Его след можно усмотреть в той же росписи 1655 года. В ней, сразу за именем Дементия Клеменова, следует запись: «Клемен Деменов з женою и з детми сам шест живы»[29]. Если с учетом близости записей предположить, что этот Клемен — отец Дементия и дед Никиты, то его (Клемена) отчество дает имя прадеда. В пользу предположения может свидетельствовать и то, что семья Клемена имела большую численность (дольше существовала?), и то, что возможный «отец» в отличие от сына не приложил к документу руку (принадлежа к «старому» поколению, был неграмотен?). В документе патроним предстает в форме *Деменов,* производной от Дементьев или Демидов. Как видим, не исключено, что имя Дементий/Демид передавалось в роду Антюфеевых из поколения в поколение.

О родственном окружении Демида Клементьевича сказать можно немного. У него, по-видимому, имелся брат. Его существование предположил И.Ф. Афремов, производивший от него современных ему Антюфеевых, живших в середине XIX века в Чулковской слободе Тулы. Историк полагал, что, как и Демид, он переселился в Тулу из алексинского Павшина[31]. Уездное происхождение требует доказывания, между тем как существование брата можно считать вероятным и без специальных разысканий. Недавно с этим братом отождествили упоминаемого в документах 1669—1683 годов замочного мастера Василия Антюфеева, для которого удалось установить его отчество — Клементьевич[32]. Этот Василий имел сына Игната, приходящегося Никите Демидову, получается, двоюродным братом.

В скольких браках состоял Демид Антюфеев, как звали его жену — неизвестно. Историки XIX века сообщают имена его сыновей: кроме знаменитого Никиты называют также Семена и Григория[33], но документальных подтверждений их существованию пока не найдено. Некоторые относящиеся к 1710 году данные о тульском кузнеце Семене Демидове Евтифееве[34] выявить удалось, но был ли он братом Никите — уверенно заключить из них невозможно[35]. Сами сведения очень интересны — они приоткрывают дверь в частную и общественную жизнь представителей рода. В доношении, поданном князю Г.И. Волконскому, Семен признается в двоеженстве, упоминает имя своей второй жены (Федосья Козмина дочь), говорит о принадлежавших ему дворах в Москве (наемном) и Туле, о том, что на последнем хранилось 1100 пудов железа. Любопытная деталь — явно конфликтные отношения С.Д. Антюфеева с племянником Н.Н. Демидовым. Семен рассказывает лишь об одном эпизоде их вражды, но не исключаем, что она затянулась на десятилетия. Не этим ли объясняется странность, обращающая на себя внимание при изучении корпуса демидовских приказчиков: в значительной степени сформированный из родственников и свойственников, родни ближайшей — Антюфеевых — он не включал никого?

Не исключено, что другая семья Семена Демидовича (жена Анна Кондратьева, трое сыновей и две дочери) упомянута в переписной книге тульской Оружейной слободы 1715 года. О самом Семене сказано, что он «с Тулы бежал в 712-м году»[36].

Высказано предположение о существовании у Никиты Демидова двух неизвестных по имени сестер, одна из которых вышла замуж за казенного кузнеца Аврама Артемьевича Куприна, а другая — за Степана Копылова. Сыновья обоих служили позднее

у своего дяди в приказчиках[37].

В первой трети XVIII века Антифеевы, не занимая значительного места в промышленной среде Тулы, тем не менее в ней оставались. Двое из них — стальной мастер Макар Игнатьевич и промышленник Андрей Семенович Антюфеевы (можно предположить: сыновья Игната Васильевича и Семена Демидовича) — принадлежа к казенным кузнецам, владели ручными заводами[38]. Кем бы они ни приходились нашим Демидовым, родственная их близость им несомненна. Тем более показательная их причастность к миру тульского металла.

Антюфеевых среди жителей Тулы встречаем и позже — в XVIII и XIX веках, причем почти все они по-прежнему оружейники. Жили здесь Антюфеевы и в XX столетии. Вопрос, кто из них был близок к Демидовым (принадлежал к потомкам братьев Никиты или к линии его дяди), требует изучения.

Кто Никиту кормил, поил и учил

Документов, которые хоть что-то рассказывали бы о первой половине жизни Антюфеева Никиты (время приблизительно до начала 1690-х годов), как мы убедились, огорчительно мало. Портрет на их основе не создать, даже эскиз не набросать — в распоряжении мелкие упоминания, случайные частности. Безмолвие документов отчасти компенсируют легенды, тоже, впрочем, немногочисленные и немногословные. В чем-то неточные, в чем-то искажающие реальность, во многом они, однако, вполне правдоподобны и, не исключено, — даже и достоверны.

Большинство авторов, в сочинениях которых они переданы, лишь пересказывают уже опубликованные версии, иногда перерабатывая их и дополняя. Наиболее интересны самые ранние фиксации того, что сохранила коллективная память, — тексты, помещенные в работах И. Х. Гамеля (1826), Г.И. Спасского (1833) и И.Ф. Афремова (1850).

Согласно Афремову, придерживавшемуся, как мы помним, версии сельского происхождения предков Демидовых, Никита родился уже в Туле в 1656 году. Эти данные заимствованы скорее всего из эпитафии на его надгробии, которая сообщает еще и дату события: 26 марта[39]. На основании указов царя Федора Алексеевича 1678 и 1679 годов, «коими дозволено всем, из свободного состояния кузнецам, записываться в тульские самопальники, старик Демид… с сыном своим, отлично уже обучившимся оружейным мастером *Никитой Демидовым* и внуками, приписался в казенные самопальники и, имея от

прибыльных трудов своих хороший достаток, обзавелся в Кузнецкой слободе двором и домом… По кончине родителя *Никита Демидович Антуфеев* 1690-го года имел уже много работников и зажиточное состояние»[40].

Не всё в приведенный рассказ перешло из предания, даты историк черпал откуда-то еще — они в памяти поколений без письменной фиксации не удерживаются[41]. Но отличная обученность молодого Никиты, прибыльность его трудов и хороший достаток в доме — обогатить рассказ такими деталями могла как раз устная традиция.

Чему учился Никита — долго гадать не приходится. Читать и писать он не умел. Зная о природной его талантливости, это можно объяснить только тем, что грамоте его не учили. Где учился другим «наукам» — тоже не секрет. Несомненно, в самой слободе, где индивидуальное ученичество еще долго оставалось единственной формой передачи прикладных знаний и опыта. Несомненно, вначале у отца. Вероятно, у кого-то из местных мастеров он «стажировался» после смерти родителя — об этом рассказывает предание, которое приведем ниже. С учетом того, что, как обнаружится позже, он обладает знаниями, достаточными для постройки вододействующего металлургического завода, очень вероятно, что он поработал и на одном из существовавших под Тулой таких заводов, куда время от времени направляли и казенных оружейников[42].

О том, как применял освоенные навыки молодой Никита Антюфеев, повествует история, известная благодаря Д.Н. Бантышу-Каменскому, у которого она была заимствована Е. П. Карновичем и К.Д. Головщиковым. Присутствующие в ней детали — из тех, которые или фольклор сохранил, или кто-то придумал, вжившись в стиль. Вот как передает ее Головщиков: Никита «нанялся… в работу у одного из местных (тульских. — *И. Ю.)* кузнецов с платою по одному алтыну в неделю. Первые 5 алтын, заработанные Никитой Демидычем, он отдал своей матери, сказав при этом: "Вот тебе, матушка, за то, что ты меня кормила и поила!" Сосед мастера, у которого жил Никита, заметивши в нем хорошего работника, стал переманивать его к себе, обещая вместо одного три алтына в неделю. Демидыч же, помня хлеб-соль своего хозяина, сообщил об этом ему, прося прибавить к прежней плате хоть что-нибудь. Кузнец, зная искусство и прилежание Никиты, охотно согласился на прибавку, и Демидыч остался у прежнего хозяина»[43].

Обратим внимание, что Никита в этом рассказе изображен уже потерявшим отца, причем складывается впечатление, что довольно давно (иначе кормильцем уместнее было бы называть

именно его, а не мать). Это не согласуется с документами, в одном из которых, 1676 года (Никите 20 лет), он упомянут вместе с родителем, тогда еще живым. Документ и предание дают две версии биографии, принципиально между собой различающиеся. Одну путевку в жизнь получает отпрыск, растущий под руководством и защитой родителя, совершенно другую — безотцовщина, подрабатывающий в мастерской у соседа. Совместить две версии юности невозможно. Документ и предание не согласуются.

Между тем именно этот и подобные ему исторические анекдоты формировали у потомков образ молодого Никиты: умелого и работящего, уважающего старших и помнящего добро, преданного данному им слову, готового ради него пренебречь корыстным интересом. Были ли перечисленные качества присущи ему в действительности? Они ли образовали тот сплав, который позднее позволил ему добиться столь блистательного успеха?

«Кузнец, оружейного дела мастер…»

Никита в Москве

Первые документальные сведения о Никите, из совокупности которых можно выстраивать короткий рассказ, относятся к 1691 году. Они касаются спора вокруг земельного участка в Кузнецкой слободе. Оружейники, которые издавна покупали на нем уголь и «простреливали» (испытывали) казенное ружье, считали его своим. Стольник Михаил Васильевич Арсеньев утверждал другое: участок принадлежал его отцу. Не имея подтверждающих документов (якобы сгоревших при пожаре дома в деревне), Арсеньев тем не менее дворовое место огородил. Он хлопотал о его за ним закреплении и добился-таки посылки из Москвы грамоты соответствующего содержания тульскому воеводе. Кузнецы, утверждая, что в писцовых книгах такая собственность за Арсеньевыми не значится, исполнению указа противились. Арсеньев потребовал их к суду. Трое из них, староста Никифор Орехов и казенные кузнецы Никита Демидов и Исай Мосолов, находились в это время в Москве. 26 июня в Оружейной палате они объявили, что по иску Арсеньева отвечать «без совету мирских людей, своей братьи» отказываются. Одновременно заявляли о намерении «бить челом великим государем на него, Михаила Арсеньева, об отчистке торговой нашей площади, которую загородил он, Михайло, себе во двор и завладел без крепостей». Возможно, не вполне уверенные в прочности своей позиции, ссылаясь на данный слободе срочный заказ, они попытались разбирательство отложить: просили, чтобы Арсеньеву было указано «иску своего искать», когда ружья будут сделаны и сданы. Успеха в этом, однако, не добились: воеводе было послано распоряжение сообщить кузнецам о необходимости выслать в Москву одного или двух доверенных представителей «встать к иску» в Оружейной палате. Соответствующие расписки и поручительства воевода отправил 28 августа[44]. Дальнейшие события неизвестны.

Что в первую очередь останавливает внимание в этой небогатой событиями и невыразительной в деталях истории — сам факт присутствия Никиты Демидова в составе делегации, во-первых, составленной из далеко не рядовых представителей слободы, во-вторых, занимающейся в столице вопросом, значимым практически для всех казенных кузнецов (уголь, которым торговали на спорном месте, покупали для работы все

оружейники, проверке подлежала продукция также всех). Отчетливо видно, что, перевалив рубеж 35-летия, Никита Антюфеев сумел утвердить себя в слободе в качестве человека, способного решать ответственные и непростые задачи (в данном случае — защищать корпоративные интересы в центральном государственном органе). Нечто (авторитет? возросший уровень материального благосостояния?) подняло вчерашнего молотобойца до уровня, позволившего ему работать на равных с деятелями круга слободской элиты, — с действующим старостой и одним из представителей фамилии Мосоловых, род которых не раз давал слободе кандидатов на самые ответственные должности внутреннего самоуправления.

Поездка Никиты в Москву в 1691 году обратила на себя внимание историков еще и потому, что позволила предположить, что именно в это время он познакомился с царем Петром Алексеевичем[45]. Не зная, когда и как это в действительности произошло, выскажем, однако, сомнение в правдоподобности этой гипотезы. Петр не часто в это время посещал Оружейную палату, если же посещал — прежде всего ради оружейных ее «закромов», откуда черпал оружие для вчерашних потешных. Такими вещами, как разбор спора по поводу небольшого земельного участка в провинциальном городе, он не интересовался — во всяком случае, подобных случаев в хронике его жизни мы не знаем.

Но крайне малая вероятность встречи с царем непосредственно во время рассмотрения в Оружейной палате дела, в котором участвовали кузнецы, не отменяет возможности их встречи в Москве в это и даже в более раннее время по другому поводу. Какому — узнаем.

Война за мельницу

Документы о борьбе оружейников за спорный двор в Кузнецкой слободе фактически не содержат сведений о Никите Демидове. Единственное, о чем говорится прямо, — что он в этих событиях участвовал. Прочее — умозаключения, лишь более или менее вероятные. А вот несколько грамот, посланных из Москвы в Тулу в 1695 и 1696 годах, рассказывают о сорокалетнем тульском кузнеце немало нового, причем такого, что объясняет, как, догнав слободскую братию, он рассчитывал ее обогнать. Правда, сами грамоты недоступны — или не сохранились, или пока не найдены. Но они прошли обычную для таких документов регистрацию в записных книгах Печатного приказа, где фиксировалось краткое их содержание. К этим записям и

обратимся.

Грамот четыре, все по челобитьям Демидова, все к тульскому воеводе.

В первой, от 13 мая 1695 года, сообщено, что «Никиту и учеников ево ни в каких делех ныне и впредь на Туле ведать не велено, для того что ведомы они в Преображенском»[46].

Во второй, от 12 августа, приказано «в мельничном ево разоренье и в похвалных на него словах смертного убивства тульского ямщика Васку Косинова сыскать, на Туле в приказной избе допросить во всем подлинно, да тот допрос, и, досмотря, того разоренья досмотр и сыск прислать к Москве в Преображенское».

В третьей, от 31 августа, «велено спорную землю в Тулском уезде, которая дана ему, Миките, по имяному великих государей указу после Прокофья Семенова сына Коптева, что спорят ныне тульские ямщики и владеть не дают ему, Миките, досмотрить, и описать, и чертеж учинить по писцовым межевым книгам… и по отказным книгам… да тот досмотр, и опись, и чертеж прислать к Москве в село Преображенское»[47].

Последней, от 16 января следующего, 1696 года, было «велено тулских ямщиков Ивашку Костина с товарыщи сыскать за ослушание, что они чинатца силны — ему, Никите, мельницы строить не дали, сковав, прислать к Москве, в Преображенское»[48].

Попробуем в этом разобраться.

Первая грамота выводит Демидова из юрисдикции местной власти. Неподсудность ей, несомненно, была для него важна, поскольку конфликты с тульскими жителями, если еще и не проявились, буквально стучались в дверь. Следующие рассказывают о борьбе и одержанной Демидовым победе в таком конфликте — первом из ставших нам известных. В двух грамотах говорится о данной Демидову земле, которую «спорили» тульские ямщики, препятствуя ему ею владеть, о каком-то «мельничном разорении» и об угрозах ямщиков в адрес Демидова. Что оба документа порождены одним конфликтом, не сказано, но их внутренняя связь очень вероятна: место действия, время, участники — все совпадает. Обратим особое внимание на упомянутую в тексте мельницу. Демидов ею не то владел, не то ее строил, а ямщик — разорил, нанеся Никите ущерб. «Мельница» — ключевое здесь слово. Обзаведение ею оружейника — прямая декларация далекоидущих его планов, поэтому неудивительно, что вокруг нее разгораются такие страсти. Победителем выходит Демидов: лиц, разоривших его мельницу[49], велено скованных прислать в Москву.

Примечательны характеристики, сопровождающие в грамотах имя Демидова. Он назван «оружейным мастером», при этом в двух — «туленином», еще в двух — мастером Преображенского полка. Что Демидов родом из Тулы, не новость. А вот его связь с Преображенским полком, любимым детищем молодого Петра, неожиданна и ценна. Через нее могут быть разъяснены многие загадки молодого Демидова. Станет понятнее происхождение опыта, обеспечившего включение Никиты в делегацию 1691 года. Решительность, с которой он, частное лицо, противостоял группе лиц (ямщикам), обладавшей и правами, и решимостью их защищать. И — причина неизменной его поддержки сверху.

Интересно бы знать, когда возникли эти отношения. В.О. Ключевский, не ссылаясь на источник, упомянул, что «еще в 1686 г. для потех Петра привозили в Преображенское сотни тульских ружей мастера Демидова»[50]. Нам удалось обнаружить только косвенное этому подтверждение. Документы свидетельствуют, что в этом году царь указал «ружье, завесные новые и мушкетные старые стволы, которое велено в Ствольном приказе починивать и отделывать в станки, простреливать в Москве и в походе при себе Великом Государе». Всего в тот год было пристреляно (частично, несомненно, в присутствии царя) более шести тысяч ружей. Среди записей, фиксирующих расходы на перевозку, присутствует и такая: «Июня 23-го: завесных 850 стволов Московского и Тульского дела, да мастеровых людей и зелья, возили в с. Преображенское и обратно на одинадцати подводах, по 4 алт. за подводу»[51]. Итак, летом 1686 года в Преображенское, где преимущественно жил в то время Петр, действительно привозили для пристрелки тульские ружья и мастеров. Поскольку это была самая первая из организованных Петром пристрелочных стрельб, не приходится сомневаться, что царь присутствовал на ней лично. Среди доставленных тогда тульских ружей вполне могли быть демидовские, среди сопровождавших их мастеров — тридцатилетний Никита Антюфеев.

Что Демидов в конце столетия был одним из крупнейших поставщиков тульского оружия, было известно и раньше. Так, И. Х. Гамель отмечал, что сверх основного задания «могли Тульские кузнецы за положенные цены ставить стволы, замки или даже готовое ружье, сколько кто хотел, в Оружейную палату, а на сторону продавать строго было запрещено. — Таким образом от себя ставили в Москву ружья казенные кузнецы: Исай Масалов, Никита Орехов, Максим Масалов, а более всех Никита Демидов Антуфьев (Антуфеев)»[52]. Это утверждение также не сопровождается ссылкой на документ, но неудивительно, что на него до сих пор часто ссылаются. Гамель — историк, не склонный

к фантазиям, строго придерживавшийся в своих утверждениях данных исторического источника.

В документах упоминаются действительно крупные — сравнимые с величиной казенного задания слободе — партии оружия («подрядного ружья»), принятые от этих и других заводчиков в Оружейную палату «для предбудущих воинских походов». Так, в 1699 году 1300 фузей сдал казенный кузнец Максим Мосолов, в 1700-м он же «объявил на продажу» тысячу фузей, Никита Демидов — две тысячи[53]. В 1703 году последний поставил 4009 фузей[54]. Что, однако, интересно: Демидов, если судить по подобным записям, ничем от других крупных тульских поставщиков оружия принципиально не отличался. И почему ему удалось совершить такой мощный рывок вперед и обогнать Мосоловых и Ареховых — совершенно не понятно.

Не понятно, пока не вспомним, что Никита — еще и оружейник Преображенского приказа. Вот ключ к первому его успеху. Точнее — ключ и сейф к ключу. Вот перекресток, на котором могли сойтись Петр и Демидов. Точнее — не могли не сойтись. Вот точка опоры набиравшего силу Демидова. Точнее — источник его силы.

Царь и кузнец: встреча

Но предания (вернемся к преданиям) о знакомстве кузнеца Антюфеева с царем Петром повествуют нечто иное. О связи Никиты с Преображенским полком они не помнят. В них не Магомет идет к горе, а гора к Магомету. Всё, если верить преданиям, начинается с появления Петра в Туле.

Вот как рассказывает о первой их встрече И.Х. Гамель: «В 1696 году Государь Петр Первый, при проезде своем в Воронеж, остановился на короткое время в Туле и, желая заказать несколько алебард по имевшемуся при Нем иностранному образцу, велел призвать к Себе тех из казенных кузнецов, которые знали ковку белаго оружия: никто из них однако не смел явиться, кроме упомянутаго Никиты Антуфьева. Государь, увидя его, любовался его стройностию, большим ростом и необыкновенною силою, и сказал окружающим Его Боярам: вот молодец, годится и в Преображенский полк в гренадеры. — Испугавшийся Антуфьев упал к ногам Монарха и со слезами просил помиловать его для престарелой матери, у которой он был один сын. Государь, издеваясь, сказал: Я помилую тебя, естьли ты скуешь Мне 300 алебард по сему образцу. — Антуфьев уверил Государя, что скует гораздо лучше показываемаго ему образца и привезет к Нему в Воронеж через месяц, что и исполнил в точности. Государь,

получивши сии алебарды, так был доволен работою, что пожаловал Алтуфьеву втрое против того, во что они стали, и сверх того одарил его Немецким сукном на платье и серебряным ковшом небольшой цены, обещаясь на возвратном пути в Москву заехать к нему в гости»[55].

Еще живописнее рассказ И.Ф. Афремова, у которого описанию встречи царя и кузнеца предшествует вводный эпизод с участием П.П. Шафирова, призванный подготовить самодержца к этой встрече. Итак, готовится Азовский поход, в связи с чем царь начиная с 1694 года (так у Афремова) часто ездит в Воронеж.

«В одну из поездок этих, — повествует Афремов, — бывший с государем вице-канцлер барон Шафиров[56], отличный стрелок своего времени, проезжая Тулу, услышал об отличном тульском мастере *Никите* Антуфееве и отдал ему починить свой дорожный пистолет, работы славного Кухенрейтера. По истечении некоторого времени *Демидов* принес исправленный пистолет, и когда он всеми найден был в совершенной исправности, Демидов сказал, что у пистолета, отданного для поправки, испортилась затравка, и как его уже нельзя было починить, то он купил другой кухенрейтерский пистолет. Подавая другой пистолет Шафирову, он сказал: "Не угодно ли вашему превосходительству взять два пистолета вместо одного, потому что вина моя, я и поплатиться должен?" Оба пистолета были испробованы, сверены и признаны произведениями одного и того же мастера. Тогда *Демидов* объявил и доказал, что только один из них был настоящий кухенрейтерский, а другой собственной его работы. Такое искусство Демидова, — заключает Афремов, — сделало его известным императору Петру 1-му».

Вскоре царь и умелый мастер знакомятся лично. «Государь, — продолжает Афремов, — проезжая в 1696 году в Воронеж, остановился в Туле и приказал вызывать кузнецов, желающих приготовить алебарды, по привезенному им образцу. — На вызов государя явился *Никита Демидов.* Император, полюбовавшись его стройностью и высоким ростом, сказал, что этот молодец годится и в Преображенский полк в гренадеры. Демидов, сочтя эти слова за повеление принять его в полк, бросился к ногам государя и просил его помиловать для престарелой его матери, у которой он один только сын. Император отвечал ему шутя, что его помилуют, если он сделает триста алебард по данному образцу *Демидов* взялся сделать лучше образца и привезти их в Воронеж. — Действительно он приготовил алебарды…» Последующее — как у Гамеля: высокая оценка работы (уточнено: был доволен отделкой), тройная оплата, пожалование немецкого сукна и серебряного ковша, обещание на обратном пути заехать в гости.

Известны версии (в том числе фольклорные[57]), в которых события этих историй смешаны: в приключении с пистолетом место Шафирова занимает Петр.

Удостоверить документами точность диалогов между царем и кузнецом невозможно в принципе. Может быть, имеет смысл оценить вероятность их встречи в то время и там, когда и где рассказывает предание? На первый взгляд эта задача кажется более выполнимой.

Начнем с того, что если связывать посещения царем Тулы с его поездками в Воронеж, то раньше 1696 года царь и кузнец встретиться на пути туда не могли — до этого времени Петр Алексеевич в Воронеже не бывал[58]. Позже — могли неоднократно. Но именно *могли.* До сих пор у историков нет ни одного прямого документального свидетельства того, что царь посещал Тулу (притом что для разных мест тульского края таких свидетельств множество). Единственный случай, для которого проезд через Тулу можно считать доказанным, — его поездка в Воронеж в феврале 1700 года, когда он миновал Вашану, ближайшую к Туле станцию, где меняли лошадей. Отсюда дороги на юг в объезд Тулы не существовало.

Анализ исторических источников позволил установить вероятные даты посещений Петром Тулы[59]. Увы, попытка проверить, могла ли состояться интересующая нас встреча, согласовывая ее с ними, обречена на неудачу. И не потому, что предполагаемые даты неточны (хотя это тоже не исключено). Дело в том, что в записанных вариантах легенды время, когда происходят события, обозначено приблизительно (да и странно было бы встретить в произведении этого жанра точную дату), так что легенду просто не к чему привязывать.

Реальность событий, описанных в ней, тоже под вопросом. Биографии некоторых «выходцев из народа», достигших высот в Петровскую эпоху, содержат эпизоды, подозрительно похожие на историю восхождения Никиты Антюфеева, какой ее рисует предание. Удачно сформулировав мораль таких историй словами «Петр Великий, отдавая справедливость талантам, в ком бы оные ни были, употребляет одаренных оными к важнейшим должностям», три подобных примера привел в своем собрании анекдотов о Петре его биограф И.И. Голиков. Действующими их лицами выступают московский купец Илья Исаев, сделанный царем обер-инспектором в Рижской таможне, некий сиделец в Гостином дворе (фамилия не указана), определенный третьим членом в портовую таможню, и еще один сиделец, из московской лавки купца Евреинова, — упомянутый Петр Павлович Шафиров, достигший больших высот и отмеченный за труды титулом. Царь

в этих историях сначала убеждается в высоких профессиональных качествах простолюдинов: замечает способности у Исаева, наблюдает порядок в лавке, знание немецкого языка и «порядочные ответы» первого сидельца, проворство, владение тремя иностранными языками и «разум» второго. Заметив, запоминает и со временем определяет к работе, дающей возможность себя показать[60]. Упоминается сходная легенда о встрече с царем, перевернувшей жизнь Михаила Ивановича Сердюкова, создателя и позднее арендатора Вышневолоцкой водной системы[61]. (Любопытно, что и Сердюков, и Шафиров оказались связанными с Демидовым: Шафиров, как мы уже знаем, якобы дал ему возможность продемонстрировать свое мастерство, а Сердюков с Демидовым породнился: его сын женился на внучке Никиты.) Но сколь критически мы ни относились бы к легендарным рассказам о встрече Демидова и царя, сколь тщательно ни счищали бы с них вызывающие сомнение подробности, сам факт их встречи и знакомства подвергать сомнению не приходится. Очевидны и исключительные по значимости последствия этого для судьбы Демидова и его дела. Ближайшим стало строительство им мельницы на речке Тулице, которая, обзаведясь домной, скоро обернулась металлургическим заводом.

Восход Никиты

Царь и кузнец: заводу быть

«Завод Демидова был построен на р. Тулице; время основания его в точности неизвестно, но он существовал уже в 1697 г.», — писал авторитетнейший специалист в истории хозяйства Демидовых Б.Б. Кафенгауз в капитальной своей монографии, основанной на скрупулезном изучении множества архивных источников[62]. Но источников, позволявших уточнить дату основания завода, Кафенгауз не обнаружил, а то, что он нашел в предшествующей литературе[63], не вполне между собой согласовываясь, опиралось на предание. Добросовестный историк предпочел ограничиться формулой «не позднее» — огорчительно недостаточной, но, по крайней мере, не вводящей в заблуждение.

Писавшие о заре демидовской промышленной империи после Кафенгауза, касаясь трудного вопроса, обогащали тему не столько фактами, сколько наблюдениями и умозаключениями, иногда поверхностными, иногда остроумными. Источниковая база, на которую они опирались, оставалась скудной и однобокой — по-прежнему ее составляли в основном предания.

Вот пример одного из них в передаче Гамеля. Сообщив колоритный анекдот о некстати поднесенном царю виноградном вине и поцелуе, который заслужила Кузнецова жена (приведем его позже), он продолжает:

«Государь велел Антуфьеву идти за Собою до Своей ставки, где показал ему иностранное, хорошо отделанное ружье; а когда Антуфьев взялся сделать таковое же, то Государь казался тем весьма доволен, долго с ним говорил и хвалил его ум и редкую предприимчивость. Когда же Антуфьев привез к Государю в Москву сделанныя им 6 таковых ружьев, то Монарх пожаловал ему 100 рублей и, поцеловав в голову, сказал: постарайся Демидыч разпространить фабрику свою, а Я тебя не оставлю — и тут же дал Указ отвести ему близ Тулы, в Малиновой засеке, несколько десятин земли для копания железной руды и для сжения из леса уголья. Антуфьев не упустил сего случая воспользоваться милостию Монарха. Он завел на речке Тулице, близ впадения оной в Упу, чугуно-плавильный завод, вероятно по образцу Городищенскаго, и вскоре отлил 5000 пудов артиллерийских снарядов, которые по возвращении Государя из чужих краев привез в Москву в Артиллерийский Приказ. Государь, узнав о сем, так обрадовался, что тотчас Сам туда

приехал осмотреть снаряды сии, благодарил Антуфьева и велел выдать ему втрое против цены, платимой за таковыя же вещи с Нарышкинских и Миллеровых заводов»[64].

Как видим, Гамель об обсуждении заводской темы во время тульской, 1696 года, встречи царя и Демидова не говорит ничего. Царь, посетив его в Туле, пьет у него водку, пиво и мед, целует хозяйку, потом ведет кузнеца показать понравившееся ружье. Далее действие переносится в Москву, куда привезены уже готовые ружья, и лишь после обещания царем покровительства («я тебя не оставлю») сообщается о заведении завода.

Не так у Афремова, решение важного перспективного вопроса относящего к более раннему времени. Речь о заводе заходит у него сразу после конфуза с вином. «Демидов, — продолжает Афремов, — *для* распространения фабрики своей, пользуясь благорасположением государя, стал просить дозволения устроить в Туле железный завод с вододействующими машинами, на устьях Тулицы, по примеру Городищенского немецкого завода (в 15-ти верстах выше, при селе Торхове). Великий Петр, осмотревши лично место это, дал соизволение свое Демидову делать плотину и строить завод (1696 г.), положивший начало обширному производству чугунного и железного дела в Туле… — Вскоре после этого *Демидов* привез в Москву шесть отличных заказных ружей. Государь остался ими весьма доволен, пожаловал смышленому русскому мастеру сто рублей и сказал: "Постарайся, *Демидыч,* пораспространить фабрику свою и завод, а я тебя не оставлю". Тогда же Петр Великий приказал отвести ему в *Малиновой* засеке (в 12-ти верстах от Тулы) несколько десятин земли для добычи чугунной руды и сжения угля (так называемые *рвы,* под засекою показывают до сего времени место это)…»[65]

В отличие от Гамеля, не сопроводившего рассказ о начале Тульского завода Демидова ни одной датой, у Афремова дата присутствует. Только вот к какому событию она относится: к разрешению завод «завести»? к его основанию (началу работ)? к строительству? к пуску? И что из перечисленного правильнее выбрать в качестве «дня рождения» предприятия?

Автору этой книги удалось обнаружить документы, в своей совокупности приоткрывшие завесу тайны, окутавшей события, поистине ключевые для истории рождавшейся промышленной династии. Новым содержанием наполнился и вопрос о дате основания первого более чем из полусотни демидовских заводов.

Первый документ, подсказавший искомую дату, обнаружился в спорном деле 1756 года, возникшем в связи с размежеванием земель расположенного неподалеку от Тулы селения Алешня и прилегающих к нему пустошей между тогдашними их

владельцами Баташевым, Ивашкиным и тульскими ямщиками. Помимо прочего предметом дискуссии стала существовавшая в этих местах некая «сухая речка» — лишенное воды русло неясного происхождения. Ямщики называли его перекопом, в давние времена устроенным Баташевым. Проводивший межевание землемер Шулепов доказывал иное. Устроить русло на этом участке, по его мнению, Баташев не мог, потому что прежде участок был залит водой — сюда, и даже дальше, заходил демидовский заводской пруд. В подтверждение землемер называл даты событий, из которых это следовало: «А завод Демидова Тульской прежде зделан, как Боташов: а имянно, Демидова завод — по жалованным грамотам 203 году, а платина повышена в 1701 году, а Боташов получил во владение свои завод в 711-м году»[66].

Итак, по Шулепову, демидовский завод на Тулице был построен на основании жалованных грамот 7203-го, то есть 1694/95 года. Откуда Шулепов почерпнул эти сведения, было не ясно (его обращение к личным архивам Демидовых более чем сомнительно), что, не дезавуируя его утверждения, несколько снижало их надежность. Новые находки, однако, полностью их подтвердили.

В 1733 году в Тулу для ревизии находившихся в ней и ее окрестностях частных металлургических заводов приехал асессор Василий Васильев. Нам еще придется говорить о событиях, связанных с этой командировкой, подробно, сейчас же заглянем в бумаги, составленные им при осмотре Тульского завода, принадлежавшего в то время старшему сыну Никиты Акинфию. По прибытии на завод ревизору было предписано первым делом потребовать у хозяина или приказчиков «подлинных указов или грамот, почему он, Демидов, теми заводами владеет». Акинфия на заводе не оказалось, отвечал его шурин, главный приказчик завода Семен Пальцов. Отвечал так: «Акинфей Демидов Тульскими железными заводами владеет по данной грамоте отцу ево, Акинфиеву, Никите Демидову, а надеетца де он, что та грамота дана ис Пушкарского приказу; да сверх той грамоты о владении оных заводов имеетца привилегия; и та грамота и привилегия имеются де в тулском доме оного Демидова у матери ево, которыя он, Палцов, отъискав, объявит….А в котором году построены и привилегии даны, о том значит во оной грамоте и привилегии»[67].

Принес ли, порывшись в доме Демидова, Пальцов что-то из обещанного им — из документов не ясно. Но кое-что, имеющее отношение к делу, было обнаружено Васильевской ревизией самостоятельно при разборе заводских «писем». В частности — копия справки, присланной в Берг-коллегию из Конторы главной

артиллерии и фортификации в 1730 году. В ней сообщено о челобитье Никиты от 31 марта 1694 года — документе, появление которого, возможно, и запустило маятник истории его завода. Его прошение касалось отписанной по обращению тульских ямщиков на государя мельницы на Тулице, к которой для сбора помольных денег был приставлен выборный целовальник. На нее-то и положил глаз Демидов, просивший теперь «пожаловать ево тою мелницею в жалованье на оружейное дело». Сообщено о удовлетворении прошения: «…та мелница по имянному великого государя указу дана ему по оценке со всякими мелничными заводы на 20 лет вместо денежного и хлебного жалованья»[68]. Решение сообщено в справке без даты.

Последовавшие за этим события смыкают историю мельницы с историей завода. О них сообщает воспроизведенная в справке сказка Демидова, показавшего в Пушкарском приказе: «Отдана ему, Никите, мушная мелница на оброк вместо годового окладного жалованья на 20 лет; и тое мелницу он снес, а около той мелницы построил железной завод, и тою мелницею к заводам владеет седьмой год, а еще владеть ему 13 лет»[69]. Эта сказка тоже не датирована, но приблизительно, с точностью до года, время ее подачи определяется легко — это 1700 или 1701 год[70]. Получается, что мельница была ему отдана в 1694-м, самое позднее — в начале 1695 года. Именно это можно предполагать, ориентируясь на скорость, с которой решались прочие вопросы, возбуждавшиеся Демидовым. Но в данном случае это особенно важно. Если так и было, то трансформация мельницы (снос построек при несомненном сохранении плотины и элементов гидроэнергетического хозяйства) могла начаться уже в 1694 году. Что именно тогда все и началось, говорят грамоты, уже известные нам по записным книгам Печатного приказа. Вот в чем состояла бурная деятельность Демидова на мельничном месте (он создавал на этой площадке завод), вот чему бурно сопротивлялись тульские ямщики, вероятно, уже осознававшие, что им придется расстаться с частью своих выгонов и огородов.

И это все следы событий начальной поры Тульского завода, которые удалось в 1733 году обнаружить? Да, именно так. Сведения, несомненно, интересны, в силу чего и нашли отражение в экстракте. Но самого для нас (как и для ревизоров 290 лет назад) важного документа — именно разрешительного указа на строительство Тульского завода — найти и тогда не удалось. Пальцов вынужден был признать: «…по которому указу Никите Демидову велено завесть те Тулские железные заводы, оного указу у Акинфия Демидова он не видывал; и после смерти отца ево, Акинфиева, Никиты Демидова остался ль, или оной

указ, хотя и был, а в бывшей пожар, как оные заводы в 1718-м году згорели, з другими писмами сгорел, того он сказать не знает»[71].

Итак, документы говорят, что строительство завода началось в 1694-м, самое позднее — на рубеже 1694 и 1695 годов. Самый же ранний приезд Петра в Тулу, возможность для которого оставляют косвенные данные, относится к осени 1695 года. Предлагаемая преданием последовательность событий (тульская встреча — разрешение — строительство) в эту хронику не вписывается. Получается, что донесенные им сведения о встрече царя и кузнеца следует признать недостоверными?

Думаю, что нет. Встреча в Туле могла состояться. Возможно, она сыграла определенную роль в истории завода. Но эта история к тому времени уже началась. Скорее всего и о мельнице, и о заводе с царем было говорено еще в Москве. В Туле Петр действительно мог осмотреть «место сие» и мог сказать сохраненную народной памятью фразу: «Распространи Демидыч свою фабрику, а я…» Только раньше слушатели и читатели понимали под фабрикой ремесленную мастерскую Никиты, а общий смысл фразы состоял в том, что ее должен заменить вододействующий завод. Теперь из нее можно вычитать и другой смысл. Петр увидел похожее на сказку превращение мукомольной мельницы в металлургическую мануфактуру и не мог не пожелать волшебнику «распространить» его чудесное умение. Когда через восемь лет он будет размышлять над предложением передать Никите казенный Невьянский завод на Урале, то, может быть, вспомнит об этом случае.

Установив, что в 1694 году Демидов уже строил завод, мы вправе спросить: а когда ему это разрешили? Не исключено, что разрешительного указа у Никиты на тот момент не было. Можно представить два сценария развития событий, в обоих из которых строительство завода начинается до появления такого указа. Первый: Никита имел предварительное устное разрешение Петра, которое мог получить где угодно, но вероятнее всего — в Москве. Второй: он мог начать работы на свой страх и риск, в расчете на то, что оформит разрешение позже. Ожидавшаяся встреча с царем в Туле — вполне подходящий для этого момент. Общим для них является то, что рождавшийся на месте мельницы завод какое-то время мог строиться и даже существовать, считаясь официально все еще мельницей. Погружение в этот вариант снова запутывает вопрос, прояснившийся благодаря найденным документам. И окончательно распутать его (в смысле — вывести на однозначный ответ) не позволят никакие новые находки (а они возможны, даже вероятны). Все равно в поисках даты рождения первого

демидовского завода придется принимать волевое решение, основанное не только на знании фактов, но, как мы уже говорили, на представлении, какое событие лучше подходит для того, чтобы считаться его рождением.

А хроника этих событий выстраивается уже сейчас: 31 марта 1694 года — подача Никитой просьбы отдать ему мельницу на Тулице «в жалованье на оружейное дело»; последовавший за этим указ, удовлетворивший эту просьбу; 1694/95 год — указ (или указы), разрешившие строительство завода. При этом сами работы (снос мельницы и строительство завода) начались, возможно, раньше.

Тульский завод в первые его годы

Выяснить, что происходило на заводе в первые годы его существования, не проще, чем разобраться в обстоятельствах его появления на свет.

След событий, сопровождавших превращение мельницы в доменный завод, сохранили уже цитированные грамоты тульскому воеводе, посланные в 1695-м — начале 1696 года из Преображенского. Мы помним о связанных с этим столкновениях — первых, в которых наблюдаем Демидовых воюющими со своими одноземцами. Пройдет совсем немного времени и подобные этому эпизоды станут повторяться. В боях и победах Демидов будет утверждать отличный от общего новый свой статус, преодолевая сопротивление среды, — продвигать и расширять свое дело.

Глухое свидетельство о состоянии дел на заводе относится к марту 1697 года. К этому времени Демидов, давно сотрудничавший с Преображенским приказом (учреждением, управлявшим Преображенским полком), завоевал авторитет в качестве специалиста в вопросах производства и ремонта оружия. В это время в Москву поступила прибывшая с Урала железная руда, которую последнее время усиленно там искали, намереваясь строить казенные заводы. Для экспертизы обратились к московским мастерам-бронникам и к Демидову. Он опробовал руду, изготовив из нее в качестве образца две фузеи с замками и два копья. Общее свое заключение сообщил в устной сказке в Сибирском приказе. Собственно руда получила в ней весьма высокую оценку. Но в приказе ему был задан еще один вопрос: согласится ли он переехать на Урал для ее разработки и плавки? Никита ответил обтекаемо: вроде бы отрицательно, но с перечислением условий, которые позволили бы ему озвученное решение изменить. Оговорки позволяли вернуться к вопросу

вновь. Что же Никите мешало отправиться на Урал? По его словам, то, что «у него на Туле дом, и деревни, и железных и мельнишных заводов и снастей железных и оружейных заведено немалое число, и многие заводы не довершены»[72]. Из этих слов, если понимать их буквально, можно заключить, что на указанный момент Демидов не считал строительство своего Тульского завода законченным — оно продолжалось.

Мощность гидросиловых установок завода напрямую определялась запасом воды в заводском пруду, а он — площадью, ею залитой. Той земли, которую Демидов получил в свое распоряжение грамотами 1695 года, не хватало. Выход рисовался один — экспансия на прилегающие земли ямщиков. Демидов прямо (сказкой) просил об этом в 1700 году[73]. Просил и добился! Положительное решение оформил указ от 2 января 1701 года, известный по производному от него указу, данному спустя полмесяца тульскому воеводе Ивану Игнатьеву. Земля Демидову отводилась без обиды для ямщиков: те должны были получить в полтора раза больший участок за счет стрелецких земель. Завод этим указом отдавался Никите «впредь впрок безсрочно» (прежде — на 20 лет вместо денежного жалованья). Ему предоставлялось множество льгот, из которых важнейшая касалась отвода для рубки засечного леса: он получил в свое пользование полосу в Щегловской засеке шириной в пять верст. Плюс — монопольное право искать и добывать руду в ближайших к Туле Щегловской и Малиновой засеках[74]. Последнее, будь оно в точности исполнено, грозило полной остановкой копки руды на продажу, которой занимались крестьяне, и вслед за этим остановкой всех работавших на этой руде ручных заводов — основного поставщика металла для оружейного дела. Отчасти в силу столь опасных последствий, отчасти потому, что полная монополия на местную руду Демидовым ни тогда, ни после нужна не была, это свое право Демидовы в Туле реализовать не пытались.

Еще одна важная льгота, дарованная Никите указом 1701 года, — право покупать к своим заводам землю и людей. В отличие от других заводчиков он все еще умудрялся содержать свой завод без приписки к нему дворцовых крестьян, чем немало гордился, о чем при необходимости напоминал. Поскольку и крепостных он поначалу не имел, его предприятие носило чисто капиталистический характер (если считать главным его признаком использование вольнонаемной рабочей силы). Но при отсутствии достаточно развитого ее рынка надеяться на существенное развитие бизнеса не приходилось. Это понимал не только Демидов. Альтернатива приписке дворцовых волостей существовала одна: предоставление предпринимателю права

покупать земли и крестьян. Прочие заводчики из непривилегированных сословий получат такое право только через два десятилетия после Демидова. Владение им — одна из причин, позволившая ему вырваться вперед в сравнении с другими заводчиками так далеко, что никто из преследователей уже не смог его догнать.

Этим разрешением Демидов воспользовался немедленно. Возможно, нам известны не все ранние его приобретения такого рода. Но совершенно точно, что в 1700— 1702 годах он пятью покупками приобрел 35 четей земли и 14 душ крестьян в деревне Понарьиной соседнего с Тульским Крапивенского уезда. Они обошлись ему в 90 рублей 80 копеек[75]. Благословенная древность, когда масштабы подобных сделок были таковы, что стороны учитывали копейки…

За что же такая щедрость царя, в общем-то не склонного осыпать подданных подобными милостями? Содержащееся в указе 1701 года обоснование пожалования коротко и исчерпывающе ясно: «…за ево знатную службу, что он построил новые железные заводы своими деньгами и проторми бе[з] споможенья и дачи дворцовых крестьян, как преж сего давали к таким же заводам в разных местех и в город ех иноземцом, и что он при иноземцах, которым многие дворцовые крестьяне к заводам даны, у железа и у всяких воинских железных припасов цены убавил…»[76]

Впоследствии общим местом станет утверждение, что Демидов поставлял казне продукцию по ценам существенно ниже других заводчиков. Утверждать, что это было всегда и касалось всех видов продукции, не приходится. В отдельных случаях восторги обоснованы, в других — преувеличены. Будь демидовская цена в сравнении с предлагаемой другими поставщиками значительно ниже, казна, покупавшая и у них, заставила бы ее сбить — у нее имелись рычаги воздействия на строптивых. Вместе с тем очевидно, что Никита очень умело манипулировал и ценами, и всем другим, что касалось работы по заказам казны (как и чем — ниже). И в большинстве случаев добивался того, что им были довольны. Это и отразил цитированный указ.

Указ от 18 января 1701 года — высшая точка успехов Демидова в тульский период истории его хозяйства. Совсем скоро, всего через полгода, привилегия рубки засечного леса будет у него отнята, что существенно изменит его представления о перспективах развития бизнеса в центре европейской части России и на Урале.

Родственное окружение Демидовых

Город, где превратившиеся в Демидовых Антюфеевы рождались и жили, выступал не только пространственной средой, в которой они трудились. Первые три их поколения тесно связаны с жителями Тулы через браки. Родственники и свойственники — ближайшее окружение заводчиков, без знакомства с которым невозможно представить атмосферу, которая их выковала и закалила. Они были естественной их опорой в бизнесе, именно с ними они достигли тех высот, благодаря которым остались в памяти поколений. Те же, что состояли у Демидовых на службе (немало было и таких), в некоторой степени могут считаться соавторами их достижений.

Родственное окружение Демидовых в первых поколениях этого рода составляли исключительно туляне. Они представляли две основные группы населения: оружейников и посадских. К сожалению, родственные фамилии поколения Никиты нам неизвестны. Но брачные связи его детей изучены хорошо.

Акинфий Демидов своими браками — первым, с Авдотьей Тарасовной Коробковой, и вторым, с Афимьей Ивановной Пальцовой, — соединил Демидовых сразу с двумя фамилиями тульского посада.

Тарас (Тараско) Панкратьевич *Коробков,* возможный тесть Акинфия, отмечен писцовой книгой Тулы 1685 и 1686 годов. Он и его братья Елисейко, Карпушка и Мишка упомянуты в ней в сопровождении прилагательного «кодошевец»[77], что указывает или на их профессию, или, скорее, на связь с московской Кадашевской слободой, население которой составляли казенные кадаши (ткачи). Впрочем, утверждать, что корни Коробковых находятся в Москве, преждевременно. Карп Панкратьевич Коробков (вероятный брат Тараса) в качестве «засецкого земляного валу сторожа» присутствует в сметной росписи Тулы 1669 года[78]. В первой четверти XVIII столетия несколько Коробковых неизменно остаются в составе тульского посада. Так, в 1726 году их (взрослых мужчин) было в нем шестеро[79]. Коробковы торгуют в рядах[80], среди прочих торговцев заметно не выделяясь. Впрочем, один из них в 1722 году становится посадским старостой, а они избирались из лиц с достатком выше среднего. Отношения между родственными семьями разные, в том числе и напряженные (один Коробков, Илья Прокофьевич, напившись пьяным, бранится и грозит: «…я де их, своих родственников Корабковых, разорю всех»)[81]. Тарасовичей среди тульских Коробковых этого времени нет — а вот на Урале, рядом с Демидовыми, одного из них находим.

В отличие от Коробковых, происхождение которых не вполне ясно, *Пальцовы* издавна, самое позднее с 1625 года, принадлежали к тульскому посаду. В начале XVIII века район в восточной части Тулы, располагавшийся за линией ее Земляного города, назывался по самой распространенной здесь фамилии его жителей *Пальцовой слободой,* и это название присутствовало в именовании здешней церкви. (В начале третьего десятилетия века большинство Пальцовых переберутся ближе к центру города — в приход церкви Казанской Божией Матери. Но расплодившиеся потомки трех семей, оставшихся на старом месте, со временем снова увеличат представительство Пальцовых в слободе, еще недавно именовавшейся по их фамилии.) С Демидовыми породнилась линия рода, идущая от некоего Лукьяна Пальцова, известного единственно тем, что он был прадедом родившегося около 1650 года Ивана Яковлевича Пальцова. Иван с братьями владел несколькими лавками на тульском торге, в рядах Мясном, Железном и других. Жену Ивана звали Марьей, она была моложе супруга лет на десять. Известны имена нескольких его детей: братьев Абрама (Авра-ма), Семена, Ивана и сестры Афимьи (Евфимии). Именно она и стала второй супругой Акинфия Демидова.

Сближение с Демидовыми изменяет судьбу этой ветви рода Пальцовых. Отец, Иван Яковлевич, перебирается на жительство в Сибирь. Трудовая биография его сына Семена начинается в 1708-м — с этого года он, что вполне естественно, работает «при Сибирских и Тулских воденых железных заводех… камисара Никиты Демидова», обучаясь здесь «завоцкому мастерству»[82]. В 1710 году встречаем его в Невьянске, при сестре и ее муже. Братья Абрам (старший, отделившийся от отца) и Иван остаются в Туле, но первый в 1721 году с женой и имуществом отправляется в Сибирскую губернию, в Верхотурский уезд (можно думать, к отцу и сестре), «для житья вечного». А вот Иван — наоборот, закрепляется в Туле, где со временем становится самым доверенным здешним приказчиком Акинфия, главным управляющим на его заводе[83]. Его имя еще не раз возникнет на страницах этой книги.

Младший брат Акинфия Никита Никитич первым браком был женат на Настасье (Анастасии) Герасимовне Постуховой. Род *Постуховых* имел своих представителей как в посаде, так и среди оружейников. Постуховы, с которыми породнился Никита Никитич, — посадские. Анастасия принадлежала к ветви, идущей от Василия Постухова, жившего в первой половине — середине XVII века. Его внуком был Герасим Авксентьевич, одногодок Никиты Демидова. Первоначально он продолжал занятия отца —

торговал в Туле в рядах. В 10-х годах XVIII века его судьба круто изменилась: он записался в «санкт-петербургские жители». С 1720 года встречаем его, однако, снова в Туле. Здесь он занимался торговлей, в том числе с участием приказчиков, посылавшихся в города. Не принадлежа теперь к посаду, он не тянул тягла и не исполнял выборных посадских служб, что для его бизнеса было, конечно, очень удобно. Торговлей его тульские занятия не исчерпывались, здесь он владел еще кожевенным заводом. Его старший сын Антип родился на год позже Акинфия Демидова. При отце (тот умер в конце 1724 года) Антип трудился на фирму, отправляясь по ее делам в неблизкие поездки, например в Архангельск. Некоторое время жил в Москве в «компанейщиках» полотняной фабрики. После смерти родителя на основании указа о единонаследии получил всю его недвижимость. Торговлей занимался и его младший брат Терентий, иной раз по коммерческим делам тоже отправлявшийся в дальние командировки, тоже добиравшийся при этом до Белого моря. После раздела наследства он жил преимущественно в Туле, хозяйствовал успешно, был человеком состоятельным и уважаемым, избирался бургомистром Тульской ратуши[84].

С Матреной Антиповной Постуховой, дочерью Антипа Герасимовича и племянницей Настасьи Герасимовны (жены Никиты Никитича Демидова), состоял в браке старший сын Акинфия Прокофий.

Вполне естественно, что среди тульских свойственников Демидовых были не только посадские, но и оружейники.

Дочь Марию Акинфий выдал замуж за казенного кузнеца Федора Петровича Володимерова. *Володимеровы* — старинный тульский род, большинство представителей которого принадлежали к казенным кузнецам-оружейникам. Наиболее ранние упоминания о них относятся к некоему Федору Володимерову, в январе 1663 года купившему лавку в Туле, в располагавшемся неподалеку от каменной крепости Большом Москотинном ряду. Лавка перешла к его сыну Андрею, казенному кузнецу, занимавшемуся разнообразным предпринимательством — как торговым (в писцовой книге 1685—1686 годов за ним записано не менее семи торговых мест на посаде), так и промышленным (владел железными «ручными» заводами при собственной его усадьбе)[85]. По сведениям тульских земских бурмистров, около 1720 года он посылал товары в Петербург, Архангельск и Ярославль, торговал юфтью (особой выделки кожей) и косами[86].

Принадлежа к верхушке слободы, Андрей Володимеров служил по выборным должностям, в том числе в 1695 году

(вероятно, и в 1694-м) был слободским старостой[87]. В 1705 году, когда дьяк Андрей Беляев развернул в Туле строительство деревянного Оружейного двора, непосредственным исполнителем работ по этому проекту он избрал именно его[88] — это говорит как минимум о наличии у Володимерова необходимых для этого профессиональных знаний и опыта.

Не менее заметны среди жителей слободы были сыновья Андрея Володимерова Петр и Родион. Последний, кстати, подобно отцу, в 1713 году послужил обществу в качестве старосты[89]. Петр в просмотренных нами документах упоминается с 1712 по 1730 год. В сказке 1723 года по поводу занятий Петра отмечено, что он «за старостию от… железного дела промыслу отбыл», из чего заключаем, что его рождение относится приблизительно к середине XVII века[90]. Известные нам упоминания о Родионе Андреевиче относятся к 1713—1744 годам.

Как и отец, оба Андреевича занимались торговым и промышленным предпринимательством. Петр брался также за организацию строительных работ. В мае 1712 года сенатор князь Г.И. Волконский поручил ему строительство в Туле нового, на этот раз каменного, Оружейного двора[91]; Володимеров в его должности именовался этого двора «надзирателем»[92].

Нам известны единственный сын Петра Федор (родился около 1702 года)[93] и двое сыновей Родиона — Родион (родился около 1708 года) и Антип (родился около 1714 года)[94]. Из них особенно заметных успехов добьется Федор. Он же, женившись на дочери Акинфия Демидова, сблизит эти фамилии. Но произойдет это сближение еще нескоро — во всяком случае, не в хронологических границах этой главы. Пока же отметим, что кое-какие контакты Володимеровых с Демидовыми прослеживаются и для представителей предшествующих поколений этих родов[95]. Правда, и они относятся к довольно позднему времени.

Еще одна оружейная фамилия, тесно связанная с Демидовыми, — *Красилъниковы.* Впрочем, оружейники они некоренные — вчерашние посадские. В Оружейную слободу они записываются как раз в период, когда судьба сближает их с Демидовыми.

Красильниковы — ветвь, отделившаяся от родословного древа с иным именованием, и в этом отношении их генеалогическая судьба подобна судьбе Демидовых. Пребывая в посаде, они звались *Сидоровыми.* Первый представитель этого рода, четкий след которого отпечатался в истории Тулы, носил имя Марк. Память, которую он по себе оставил, вполне заслуженна: в 1712—1714 годах он осуществлял техническое

руководство строительством Тульского оружейного завода, фактически был автором его проекта и, выражаясь современным языком, главным инженером. Мы еще расскажем, как, продумывая планировку предприятия, он избежал решений, которые слишком тесно связали бы с оружейным заводом старый демидовский завод. Не нашел бы он устраивавшего всех — и казну, и Демидова — варианта, скорее всего не так часто бывал бы Никита в Туле, с которой десятилетием раньше простился.

Итак, Сидоровы. Отцом Марка Васильевича[96] был Василий Андреевич, которого в источниках с равной частотой называют то по старинке Сидоровым, то уже Красильниковым. Судьбоносным решением для него самого и потомков оказался переход пятидесятилетнего Василия в 1705 году из посада в Оружейную слободу[97]. С Василием перешли сыновья Михаил и Марк. Из детей последнего известны двое: Лукьян и Семен Марковичи, каждый из которых участвовал в строительстве металлургических заводов (в Казанской губернии), положив тем самым начало особой промышленной династии. Дети и внуки Марка Васильевича именовались уже только Красильниковыми.

За Лукьяна Никита Демидов выдал родную дочь Настасью. Несомненно, определенную роль в выборе Красильниковыми траектории своей судьбы сыграло близкое общение с Демидовыми, полученный благодаря этому общению опыт. Остается, однако, вопрос: что побудило породниться с ними Демидова, к моменту заключения брака далеко их в качестве предпринимателя обогнавшего?

Известны не все браки Демидовых. Мы не знаем девичьих фамилий жены Никиты Демидовича, жен его братьев, жен сына Григория Никитича и внука Ивана Григорьевича, фамилий мужей гипотетических сестер Никиты. С другой стороны, известны фамилии (например, *Поповы, Копыловы),* представители которых считали себя родственниками Демидовых, мы же, зная об этом, пока не можем выявить узлы генеалогических схем, в которых контактировали эти фамилии. Реальные связи Демидовых с тульским посадом и тульскими казенными кузнецами были прочными — как и все остальные в этом маленьком мирке, они были стянуты матримониальными путами, которые чувствуются во всем: в подборе менеджеров, получении кредитов, отношениях с конкурентами, наследственном переливе капиталов.

Больше того. Видя тесную деловую связь Демидовых с той или иной тульской фамилией, невольно подозреваем лежащую в ее основе родственную связь. Вот Мосоловы — третья по успешности, после Демидовых и Баташевых, промышленная династия Тулы XVIII века. Фамилия Мосоловых мелькает рядом с

демидовской то и дело. В 1731—1732 годах казенный кузнец Тимофей меньшой Мосолов был одним из трех приказчиков, заменявших на Тульском заводе Акинфия временно отсутствовавшего главного его приказчика Семена Пальцова. У другого Демидова, Никиты Никитича, на Брынском его заводе в 1733 году служил тульский житель Терентий Мосолов. Туляне Максим Мосолов с братьями, железного дела промышленники, некоторое время нанимали ручной железный завод, оставленный в Туле переехавшими в Казанскую губернию братьями Лукьяном (зятем Никиты Демидовича) и Семеном Марковичами Красильниковыми[98]. Эти фамилии соприкасались и через браки. Дочь Л.М. Красильникова вышла замуж за Алексея Федоровича Мосолова[99] — тот, получается, был женат на внучке Н.Д. Демидова. Некоторое время этот Мосолов даже жил у тещи, демидовской дочери. Кроме того, известна дальняя — через Баташевых — связь между этими фамилиями.

Наряду со взаимным родством существовал еще один фактор, незримыми узами скреплявший жителей русского города XVIII века. Не всех, но многих связывала принадлежность к старообрядчеству, в развитии предпринимательства в России сыгравшему роль поистине исключительную[100]. Степень его распространенности по регионам была разной, но в Туле старая вера пустила глубокие корни, а ее приверженцы принадлежали к заметным людям.

Но о нем позже.

Глава 2.
В ТУЛЕ И НА УРАЛЕ

Горизонты Каменного пояса

Путь на Восток

Высокая оценка, которую получили уральские руды (такую дал не один Демидов, но также московские и зарубежные эксперты), открывала перспективу строительства завода для их переработки. Кому следовало им заниматься — казне или частным лицам? Демидов, у которого интересовались его отношением к перспективе переселения на восток, отвечал уклончиво, оставляя себе возможность изменить позицию. Да, уральская руда ему понравилась. В каком, однако, качестве его на Урал приглашали? Судя по тому, что он выговаривал право перед передачей завода в казну владеть им десять лет, ему не предлагали даже этого. Променять собственный Тульский завод на должность казенного управляющего, в лучшем случае именоваться комиссаром? Но слишком много вложено в домну и молотовые на Тулице, которые, если к тому времени и окупились, больших «прибытков» наверняка не принесли. И риск был велик: испытанная порция оказавшейся отличной руды не гарантировала устойчивого качества при промышленной разработке. Никита обдумывал доходившие с Урала новости, готовился предложить свои услуги и добиться от государства помощи, без которой нечего было и думать поднять такое великое дело.

В принципе, казна могла и принудить Демидова заняться работой на Урале в качестве своего в этих краях представителя. Так был отправлен в Тобольск суздальский оружейник Никифор Пиленок — строить там казенный оружейный двор, налаживать на нем производство ружей. И ведь что-то построил, какие-то ружья сделал. Но Демидов — не Пиленок. Тульский оружейник, в отличие от суздальского, уже имел в Москве налаженные связи, а Тульский его завод исправно давал государству сравнительно недорогую продукцию военного назначения. Демидов в случае давления на него всегда мог прикрыться своим заводом. Он то достраивался, то перестраивался: принудите его оставить — домны в Туле без хозяина погаснут.

Вот и вышло: строить заводы на Урале взялась казна, Демидов же пристально следил за тем, что у нее там получалось.

А у нее — действительно *получалось.* Дело — шло. Пока царь в составе Великого посольства путешествовал по Европе, начальник Сибирского приказа думный дьяк Андрей Андреевич Виниус (сын строителя Городищенских заводов) собирал

мастеров. Множество раз писал об этом деле царю: отчитывался, сообщал об успехах, просил найти специалистов за границей. Петр, сознавая важность дела, пытался помочь, но не слишком успешно. Тех, кто поедет на Урал, с огромным трудом удалось насобирать на подмосковных заводах — как их владельцы утечке кадров ни сопротивлялись, приходилось подчиняться. Между прочим, одного человека — некоего Марчка кузнеца (предполагают, он был учеником Никиты Демидова) — Виниус пытался получить и «с Тулы»[101], писал по его поводу даже за границу Петру, прося содействия. Скорее всего не получил. Во всяком случае, позже, когда Демидов сам окажется на Урале, заниматься там возвращением себе отданных прежде мастеров он не станет — стало быть, нечего было и возвращать, сумел от казны отбиться еще раньше. А с демидовским Марчком (судя по всему, Марком Васильевичем Красильниковым), которого Виниус тщетно пытался у Демидова вырвать, мы еще встретимся. Он останется в Туле, где в звездный свой час сыграет очень заметную роль.

23 апреля 1699 года был дан указ строить заводы в Верхотурском уезде на реках Тагиле и Нейве. Заложенные на Нейве поначалу будут называться то Верхотурскими, то Федьковскими, потом навсегда прикипят к истории и географии под именем *Невьянских*. Одновременно с ними на речке Каменке, притоке реки Исети, отправленными на Урал мастерами строилось еще одно предприятие — Каменский завод. Именно на нем 15 октября 1701 года был получен первый уральский чугун. Ровно два месяца спустя чугун дала домна Невьянского завода; 8 января следующего года из него выковали прутовое железо. Его образец был отправлен в Москву, куда прибыл быстро — уже 23 февраля. В испытаниях, которые организовал Сибирский приказ, в качестве эксперта участвовал Афанасий Абрамов, представитель Демидова[102].

Первый, пилотный этап масштабного проекта создания на Урале доменной металлургии можно было считать успешно завершившимся: она была создана. Но за ним, доведенным до завершения с немалым трудом, неизбежно следовал новый. Нужно было достроить третий, Алапаевский завод, а уже пущенные предприятия — «распространить»: расширить и укрепить, чтобы добиться устойчивой их работы. Огромную роль на этом этапе играло грамотное и умелое управление производством. Между тем на строившихся заводах не все в этом плане шло гладко. На Невьянском возникла ссора между теми, кто руководил там работами; один из них и плотинный мастер его покинули. Если бы не последующие резкие изменения в

судьбе этого предприятия, об этих шероховатостях в его истории, возможно, и забыли бы, списав на трудности роста. Но в дело вмешался Демидов.

Созрел? Да он никогда, ни в какой ситуации не выглядит как несозревший, в смысле — к ней не готовый. Не он созрел, а казенный завод в его понимании дозрел до такого состояния, что его можно было проглотить, не рискуя испортить желудок. Никита предоставил казне пройти первый (для него, вероятно, самый обременительный) этап — строительство предприятия. Он не вкладывал в него средства и труд, получал готовое. Строя его, казна кое-как решила и ряд вопросов, заниматься которыми Никите было бы нелегко (особенно в условиях Урала), в частности приписку населенных слобод. Вот теперь можно было брать дело в свои руки и доводить его до ума — на это Никита чувствовал себя вполне готовым. А что до понесенных при строительстве затрат, которые придется возвратить казне, так их со временем можно будет и погасить.

Было еще одно обстоятельство, подталкивавшее Демидова к «новому, отважнейшему предприятию» (выражение Г.И. Спасского). Заводчик недолго пользовался предоставленной ему возможностью рубить лес в казенной засеке под Тулой. После царского указа прошло немногим более полугода, и это право было у него отнято. Петр предпочел нуждам металлургии нужды судостроения?[103] Верно, но подозреваем, что одновременно он рассчитывал повлиять на Никиту, стимулировать его интерес к Уралу. Пиленка послали в Тобольск насильно. Принуждать Никиту Петр, похоже, не хотел (может быть, из-за наличия уже сложившихся личных отношений). Он поступил более деликатно: перекрыл ему в Туле кислород. Никите, испытывавшему затруднения с обеспечением предприятия древесным углем и осознававшему неизбежное в будущем ухудшение положения с ним, ничего не оставалось, кроме как выбрать для бизнеса новую площадку — уральскую.

Кто сделал первый шаг в деле о передаче Невьянского завода Демидову, неизвестно. Не исключаем, что это был не Никита. Вспомним о том, что несколько лет назад вопрос о его переселении на Урал поднимался Сибирским приказом. Его начальник, умный и увлеченный идеей создания там большой металлургии Андрей Виниус, вполне мог вернуться к этой идее, переформатировав ее с учетом новых реалий.

К моменту, когда начались официальные переговоры, к ним были готовы обе стороны — об этом говорит поражающая воображение быстрота, с которой они пришли к соглашению. Никита всегда позиционировал себя в качестве крепкого

хозяйственника с железной рукой и надежным словом. Таким он представлялся властям еще в 1698-м. Сейчас, когда необходимость в таком человеке стала еще более очевидной, он мог просить больше, чем то, о чем заявил четыре года назад. И.Ф. Афремов передает сохраненные молвой подробности, касающиеся того, при каких обстоятельствах Невьянский завод был отдан Демидову: «Говорят, что *Никита Демидович* лично просил об этом государя, вместе с сыном *Акинфием* будучи еще в Москве, и что царь, несмотря на их простую одежду, состоявшую из обыкновенных *кожанов* (тулупов), пригласил обоих к столу своему, и что он тут же обещал исполнить их просьбу»[104].

Этот рассказ представляется вполне правдоподобным и по сути (для начала переговоров требовалось предварительное принципиальное согласие царя), и по месту событий. Первая достоверно известная дата в их истории — 10 февраля 1702 года, день, когда Никита Демидов обратился по поводу завода со словесным челобитьем в Сибирский приказ. Ближайшие к ней сохранившиеся бумаги Петра посланы из Преображенского 9 и 13 февраля[105].

Решение действительно было принято на удивление быстро. Запросы Демидову и его ответы на них заняли время до 3 марта. За ними последовал указ от 4 марта 1702 года о передаче завода, зачитанный ему в Сибирском приказе[106]. На то, чтобы решиться расстаться с заводом, который с таким напряжением строился, казне понадобилось всего три недели.

Скорость, с которой было принято решение, поражает еще больше, если вчитаться в содержание того, о чем просил и что получил Никита. Г.И. Спасский обратил внимание, что из условий, на которых передавался завод, следует, что Никита «знал в полной мере все местные выгоды и недостатки тамошнего края, хотя ничем не доказывается, чтобы когда-нибудь прежде того бывал в Сибири»[107].

В завершившем переговоры указе от 4 марта сказано немало убедительных слов, объясняющих, для чего нужны новые заводы, каково их место в «его, великого государя, воинских промыслах». Но, что интересно, причина передачи частному лицу нового, с иголочки, казенного завода сведена в первую очередь к пробуксовке в делах из-за того, что прежние ответственные исполнители не смогли между собой сработаться: «А те заводы Верхотурские ему, Никите, для того мы, в. г., отдать указали, что нерадением и многими сварами и крамолами приставников чинилось тому доброму и полезному делу остановка и уездным людям премногая тягость». «Приставники» подвели завод к «совершенному разорению»: пошли уже разговоры, чтобы «и

плотину переносить на иное место»[108]. Следующая далее ссылка на повысившийся по причине войны спрос на железо и поручение Демидову умножить заводы — не причина, породившая ситуацию, а способ выправить положение. Если принять это объяснение за чистую монету, то получается, что причина приватизации — не принципиальные представления о том, на какой основе надо развивать отечественную промышленность, а исключительно человеческий фактор. Были бы работавшие на месте менеджеры и мастера более толерантными, гибкими, контактными — не видать Демидову Урала как своих ушей.

Думаем, соображений метауровня, которые бы инициировали процесс, у власти действительно не было. Не было новой предварительно обдуманной промышленной политики, она рождалась одновременно с действиями или слегка отставала от них. А что точно было — это головная боль от чужих свар, входить в суть которых не хотелось, была вера в организационные способности тульского кузнеца, который и дело знает, и разрулить межличностные конфликты сумеет. Было обещание «я тебя не оставлю», о котором, конечно, можно было бы и позабыть, но повода для измены слову не было. Много чего было, но только не стратегических идей в области экономики.

Для судьбы Демидова (шире — Демидовых) этот указ имел не меньшее значение, чем прежде — передача ему тулицкой мельницы и разрешение ее перестроить. Указ предписывал «Верхотурские железные заводы на Нейве реке… отдать во владение ему, Никите, и ставить ему с тех заводов в… казну… воинские припасы, пушки, мартиры, бомбы, гранаты». Предприятие, как видим, передавалось ему именно во владение, а не в аренду на десять лет, как еще недавно просил он сам. Расходы казны ему предстояло компенсировать продукцией. (Фактически выходило, что он получил долгосрочный беспроцентный кредит, который к тому же можно было отдавать в натуральном выражении.) Как и прежде, он прочно держался за государственный заказ, а тот в тех условиях был только военным: артиллерийские орудия и снаряды. Его не пугало, что казна могла задержать оплату. Для Никиты, а позже и для Акинфия, наличие за казной долга будет использоваться в качестве средства добиваться в диалоге большей ее сговорчивости. Это был опасный путь, требовавший ума, терпения, изворотливости, однако Демидовы, решившись ступить на него, показали, что он вполне проходим.

Но Демидов получил не все, о чем просил. Не получил, в частности, права покупать к уральскому заводу крестьян. Для него это, вероятно, не было слишком большой потерей, поскольку

такое право предоставлялось ему указом, касавшимся Тульского завода. Вероятно, он полагал, что пока крепостных можно будет перевозить из-под Тулы (что и делал), а позже вопрос как-то решится. И опять не ошибся.

И еще одно, важное. По договоренности, приобретая Невьянский завод, Демидов терял завод Тульский, переходивший к казне (и он, и казна за полученное должны были со временем расплатиться). Так приход на Урал становился для Никиты Антюфеева еще и прощанием с родной Тулой. Во всяком случае, именно так тогда казалось.

Демидовы на Невьянском заводе

Указ о передаче Невьянского завода Никите Демидову был дан, и вот уже в апреле 1702 года первое задание новому владельцу: к «предбудущей весне» отлить на нем по 200 пушек двух калибров и доставить их по полой воде к Москве или куда впредь будет указано[109]. Учитывая, что завод еще предстояло принять, а после наладить на нем работу (известия о неполадках и неустройствах на нем, несомненно, тревожили), задание было не из простых.

Отправиться на Урал сразу Никита не смог. Тульская оружейная слобода занималась в это время изготовлением крупной — восемь тысяч фузей — партии оружия для казны. Испокон веку действовавшая здесь система организации работы, при которой главными регуляторами выступали слободской староста и его товарищи, с таким объемом работы не справлялась, начала давать сбои[110]. Наладить работу поручили Демидову. Такое решение нарушало традиционный регламент. Подобными делами должна была заниматься система слободского самоуправления. Демидову, и прежде ее сторонившемуся, взвалить на себя работу старосты сейчас было тем более не ко времени. Подозреваем, что его согласие заняться этими фузеями было платой (не единственной!) за Невьянский завод.

На Урал он послал своего приказчика Емельяна Ксенофонтова. Он прибыл в Верхотурье 2 мая, а 13-го приступил к приемке завода. Тот был на ходу, но за недостатком угля домна стояла. Вслед Ксенофонтову Никита послал сына Акинфия, отправившегося из Тулы 13 июля и прибывшего на место 8 сентября. Он сразу занялся домной, и через несколько дней она была задута. В начале августа на Урал наконец выехал и сам Никита[111].

Невьянский завод, каким он был принят демидовским приказчиком к 20 мая, масштабом здесь построенного не

поражал. Плотина длиной 101 сажень (около 220 метров), высотой три сажени. Кирпичная домна высотой четыре сажени. Доменный амбар. Две молотовые, одна на ходу, другая недостроенная. Два угольных сарая и сарай для припасов. Кузница с тремя горнами. Огороженный «государев двор» (здесь жили приказчики) с двумя соединенными сенями жилыми избами, изба «приворотная», амбар, баня. Задний двор с конюшней, избой и кладовой. Жилая изба для мастеров-кирпичников. Десять изб для житья мастеровым людям, три — для приезжих работных людей, для них же еще одна баня. Имелись в наличии небольшие запасы сырья (руда, в том числе магнитная, дрова, уголь, известь), строительных материалов (бревна, доски, кирпич), различный инструмент. Из готовой продукции оставались 34 тысячи пудов чугуна и четыре несверленые пушки. На момент передачи на заводе находилось 27 человек производственного персонала, 22 из них были приезжими («московской присылки»), в том числе плотинный мастер[112], едва ли не самый важный специалист на стадии пуска.

Из сухого перечня неясно, в какой степени предприятие в описанном его состоянии было готово к работе. Судить об этом позволяют ответы Никиты, в начале 1703 года спрошенного в Сибирском приказе, может ли он взяться за изготовление фузейных замков по образцу показанного ему «свейского». Демидов тогда отвечал, что Тульские заводы у него взяты, а «на Верхотурских де заводах делать ему нельзя для того, что де те заводы в совершенство не приведены». Сложное хозяйство нужно было отлаживать, его элементы — притирать друг к другу, согласовывать. Демидовы на Невьянском заводе — это не только сразу же заведенные на нем новые порядки, это и немедленно затеянная основательная его перестройка, усовершенствования. А ведь параллельно нужно было выполнять задания казны — и данное при передаче завода, и новые. Отлить несколько десятков пушек удалось (две плюс партию железа отправили еще в январе), но в весеннюю навигацию смогли отправить только боеприпасы и железо[113]. По высокой воде реки Чусовой ушли в Москву пушки одного казенного Каменского завода. Следом еще неудача: не демидовскими мастерами строенная плотина весной 1703 года была повреждена паводком, и завод снова остановился. Хозяин вынужден был его ремонтировать и одновременно, расширяя, перестраивать.

В конце июля 1702 года, примерно в то же время, что и Никита Демидов, на Урал с инспекционной поездкой отправился глава Сибирского приказа Виниус. По прибытии, осмотрев казенный Каменский завод, отправил с него Демидову память, в

которой требовал прислать работавших у него московских мастеров и некоторые снасти (на Каменском заводе собирались ставить вторую домну). В ней же предписал ему прибыть для отчета. Но отчет получил позже — когда сам приехал на Невьянский завод. Здесь заводчик получил от него вопросные пункты и 1 декабря дал на них под запись ответы. Здесь же состоялись переговоры, итоги которых зафиксировала память из десяти статей, посланная Виниусом Демидову из Тобольска 6 декабря[114].

В преамбуле «тобольских статей» Виниус называет следующую причину передачи Демидову казенного завода: «Сие тебе, Никите, памятовать, что тебе такие готовыя заводы великий государь пожаловал во владение, отдать велел, только для верьныя твои на Москве к великому государю службы, что ты, крестьянских у себя не имея дворов, убавил у припасов воинских у иных половину; и по той же цене обещался ставить, опричь провозу из Сибири к Москве». О первой причине, названной в указе от 4 марта (остановка делу и тягость уездным людям от свар и крамол «приставников»), речь уже не идет — передача управления одному лицу разногласия ликвидировала. На роль первой причины вышла теперь причина экономическая: Демидов сократил государственные издержки — обошелся без дворцовых крестьян, снизил цены на изделия по госзаказу Виниус призывает Демидова действовать и далее в этом духе: «…и ту великую его царскую милость непрестанно памятуя, не толико своих, сколько его на его великого государя искать прибылей ты должен во исполнение согласное»[115].

Следующие статьи охватывают едва ли не весь спектр актуальных вопросов, касавшихся переданного Демидову предприятия. (В том числе — один из самых тогда для владельца важных — об обеспечении завода рабочей силой.) Автор требовал от Демидова читать их «почасту» и строго им следовать.

Возвращаясь в Москву, Виниус оставил в Верхотурье нового воеводу — назначенного его указом от 8 декабря 1702 года стольника Алексея Калитина. Хозяйство ему досталось большое и сложное. Трудные задачи были поставлены перед ним в части развития металлургии. Помогая Каменскому заводу, он должен был обеспечить продолжение строительства еще одного, нового, Алапаевского. Отношения Калитина с Демидовыми не сложились. Калитин, помня о поддержке в Москве (он приходился Виниусу зятем), заботился прежде всего об объектах, ответственность за которые нес лично он, при этом действовал напористо и решительно. Демидовы воспринимали его требования неизменно в штыки, компромиссов не искали и на предложенные не шли. Да,

им было трудно: на Невьянском заводе прорвало плотину, производство остановилось[116], не хватало людей и т. д. Но, приглядываясь к избранной ими линии поведения, к событиям, в которых они ее демонстрировали, невольно задумываешься: не пробный ли это шаг в предстоявших им поединках с местной и коронной администрацией? Конфликт развивался. Каждый шаг воеводы, который можно было бы истолковать против него и в пользу Демидовых, брался на заметку и включался в жалобу[117].

Тем временем патрон Калитина Виниус попал в полосу серьезных неприятностей. 28 июня 1703 года царь распорядился всеми делами Сибирского приказа ведать князю Федору Юрьевичу Ромодановскому. Об отставке Виниуса Демидовы, несомненно, узнали довольно скоро, и это прибавило им сил и решимости в борьбе с Калитиным. Тот, однако, не сдавался. В начале ноября Демидов отправил в приказ послание, в котором, перечислив множество жалоб, просил или защитить его, или велеть принять заводы назад в казну, возместив ему понесенные убытки. Не дожидаясь ответа, уже на следующий день он предпринял неожиданный и очень эффектный шаг. С семьей и двумя пушечными мастерами он уехал с завода, демонстративно устраняясь от управления им. Дело разбиралось в Москве, без Калитина (он оставался в Верхотурье), зато с участием Демидова. 4 апреля 1704 года воеводе была послана большая грамота с решениями по жалобе заводчика[118]. Воеводам отныне ведать Демидова было «ни в чем не велено». Заводчик получал отнятых плотников и мастеров. К его заводу приписывались леса в тридцативерстной округе. Калитин потерпел полное поражение. Демидов одержал победу.

Прямым следствием виктории над воеводой и благоприятного для Демидова изменения обстановки на Урале явилось его намерение, выражаясь современным языком, изменить прописку. Было ли оно вполне добровольным — судить трудно. В своей челобитной (начала апреля 1704 года) он писал о том, что ему было велено ехать на Невьянские заводы и дано столько-то подвод, «а ныне велено ехать с женою и з детьми», но с учетом их, а также отправляемых работников подвод нужно больше[119]. Смущает выражение «ныне велено ехать». Отражало ли распоряжение чье-то реальное веление, или Никита сам так решил, но представил собственное намерение как распоряжение, — трудно сказать. Могли послать принудительно? Конечно, могли. Посылали же со всех концов страны в молодой Петербург благополучные семьи ремесленников и купцов. Решились же однажды переселить всех тульских казенных кузнецов в Ярославль, где специально для них строился новый оружейный

двор. Но не исключена и добровольность, не исключено, что Никита наконец «дорос» до осознания необходимости переместить штаб-квартиру (в смысле и штаб, и квартиру) на Урал. И недавно одержанная там победа над местной властью должна была этому осознанию помочь.

Вживание в Урал. Комиссарство

Планы правительства в отношении завода и заводчика становились более конкретными и детальными. За указом от 4 марта последовала серия распоряжений, касавшихся будущей деятельности Никиты на Урале. 8 марта он получил наметившее далекую перспективу разрешение «всякие заводы заводить».

По мере того как Демидов осматривался на новом месте, уточнялись и развивались и его планы. 14 апреля 1703 года он подал челобитную, в которой просил о разрешении построить новый железный завод в Кунгурском уезде[120]. Всего четыре дня спустя такое разрешение было получено[121]. Едва ли он собирался заниматься заводом скоро, в обозримой перспективе, предполагаем, что как раз не собирался. Забот на Невьянском заводе хватало сполна, да и оставленный без хозяйского присмотра завод Тульский тоже требовал внимания. В это время конфликт с верхотурским воеводой еще только развивался. Тот строил завод (Алапаевский) — Никита заявлял, что тоже намерен строить. Заводчику было выгодно подать себя в приказе как деятеля с планами не менее масштабными и важными, чем проект, реализацией которого занимался воевода. Слушателям своим Никита открывал заманчивые перспективы, рисовал обольстительные миражи.

Одновременно — оттирал конкурентов.

В январе 1705 года Демидов известил, что в том же Кунгурском уезде имеется медная руда, на которой он хочет строить медеплавильный завод. Но этим не ограничился, попросил большего: предоставления ему в этом районе монополии на металлургическую деятельность[122]. Использовать ее он предполагал адресно. В 1704 году в Кунгуре появился промышленник Федор Молодой, привезший грамоту из Рудного приказа, разрешавшую ему «заводы заводить и из руд товары делать». Тогда же он начал строить в уезде, на речке Мазуевке, железный завод. В конце года тот дал первую продукцию. Теперь Демидов просил «в близости тех урочищ, отколе мне возможно руды возить и где места медной руды вновь приищу» Молодому «никаких своих заводов не заводить и помешки ни в чем мне не чинить»[123]. Указ с разрешением Демидову копать на Кунгуре

медную руду и строить предприятие для ее переработки, данный ему 15 мая 1705 года, фактически устранил потенциального конкурента. Он сохранял Молодому единственный уже действовавший железный завод, ставя тем самым крест на планах строительства любых новых[124]. У Демидова появилась возможность при необходимости мешать попыткам Молодого строить новые предприятия. Всегда можно было сослаться на обнаружение поблизости хорошей руды и свое едва сдерживаемое обстоятельствами намерение ее разработать.

Казна долгое время принимала его декларации за чистую монету и искала, как бы поскорее обзавестись медеплавильным заводом, построенным руками частного капитала. Очередной этап ее мечтаний зафиксировал указ от 14 марта 1707 года о строительстве такого предприятия в едва ли обрадовавшем Демидова формате: как казенного с участием заводчика в качестве организатора производства[125]. Исполнен он не был. Год 1709-й, новая попытка. Новое не то разрешение, не то повеление Демидову строить железные и медные заводы[126]. Результат тот же. Годы шли, а демидовская медь оставалась обещанием.

Что же тормозило освоение медных месторождений Кунгура? Изменяющиеся планы казны? Отсутствие у Демидова необходимого для запуска дела инвестиционного ресурса? Полагаем, свою роль сыграли и эти, и другие (о них еще скажем) причины. И только исправные поставки металла с действующих предприятий спасали заводчика от того, чтобы казна пришла к заключению, что ей из года в год морочат голову.

На этом фоне не совсем понятен смысл пожалования Демидову чина комиссара, состоявшегося 11 февраля 1709 года[127]. Что это — поощрение или обременение? Что Никита в таком-то году был пожалован в комиссары, будет указано в эпитафии на его могильной плите (правда, год будет назван другой). Следовательно, он и потомки гордились этим фактом. Может быть, считать этот чин близким появившемуся в более позднее время чину «директор» — чисто декоративному, не сулившему особых льгот, но все же выделявшему заводчиков, давать которым дворянство не хотели?

К 1710 году относится нереализованный план передачи Никите казенного Алапаевского завода (указ от 4 апреля). И новый (в указе от 30 августа 1710 года) вариант участия Никиты в строительстве казенно-частного медного завода в Кунгурском уезде. Схема предлагалась такая: Никита получает от казны жалованье, предприятие остается в его владении пожизненно. Высказывалось мнение, что этот указ следует понимать в смысле государственного поручения Никите[128]. По нашему мнению, на

эти остававшиеся на бумаге два проекта следует смотреть как на выражение представлений казны о характере ее отношений с Демидовым на новом их этапе (с момента наделения его чином комиссара), шире — отношений при выработке новой промышленной политики, основанной на идее сращивания государственного и частного производства. В ее представлении Демидов — уже не частный владелец в «чистом» виде. Для нее комиссар был минимум наполовину представителем государства со всеми вытекающими последствиями. Демидов же смотрел на вещи по-прежнему как беспримесно частное лицо, для которого государство выступало торговым партнером и источником привилегий — и только. Сделать его доверенным исполнителем на жалованье у государства не получится. Он его обхитрит. А медные заводы на Кунгуре много лет спустя построит его сын.

Прощание с Тулой

Семья и тульское домохозяйство Никиты Демидова

Обратимся теперь к семейной жизни Никиты Демидова, которая скоро самым решительным образом вмешается в его предпринимательские планы. И.Ф. Афремов упоминает, что Демидов «двадцати лет вступил… в брак с дочерью самопальника Федота, Авдотьею Федотовною»[129]. Названные им имя (Евдокия) и отчество его жены подтверждаются множеством документов, а вот из какой фамилии она происходила — остается до сих пор неизвестным. По-видимому, она была моложе супруга. Предположить это можно из того, что мужа, умершего достаточно пожилым (на 70-м году жизни), она пережила по меньшей мере на 19, но может быть, и больше лет[130].

Мы знаем четверых достигших зрелого возраста детей Никиты: дочь Анастасию и сыновей — Акинфия, появившегося на свет в 1678 году или немного позже[131], последовавшего за ним (когда — неизвестно) Григория и, наконец, Никиту, рожденного не позднее 1688 года[132]. Таким образом, все известные нам дети Никиты родились на протяжении десятилетия: между 1678—1688 годами — в эпоху правления царя Федора Алексеевича и в регентство царевны Софьи Алексеевны.

Акинфий первым приобщился к отцовским делам и первым же показал себя реальным в них помощником. Несомненно, тому же учились и младшие, но ко времени, когда они подросли, Акинфий прочно занял при отце место ближайшего доверенного сотрудника. Он стал его правой рукой, можно считать, младшим компаньоном, с той, впрочем, оговоркой, что до смерти основателя дела не имел выделенной доли в управлявшемся при его участии имуществе. К отцовским занятиям с молодых лет приобщались и младшие сыновья. Но все расширявшаяся деятельность отца долгое время затмевала их робкие, ученические шаги в деле промышленного предпринимательства. Какая-то индивидуальность начинает различаться в них только в XVIII столетии: у Григория в первом его десятилетии, у Никиты и того позже.

В отличие от братьев, которые, возмужав, превращаются во вполне осязаемые «фигуры», бесплотная, лишенная индивидуальных черт Анастасия такой для историка пока и остается. Имя ее раз-другой мелькнет в делах по наследству и снова исчезнет. Единственная персональная о ней информация —

за кого она была отдана замуж. Плюс — границы временного интервала, в течение которого была несомненно жива.

Где размещалось это немалое семейство (к детям скоро прибавились внуки)?

Тульский двор Демидова — одна из площадок, на которых разворачиваются события уже известной нам истории отношений Никиты и Петра. По преданию, именно здесь был сделан важный шаг на пути к той приязни, которую в течение всей жизни питал к кузнецу царь.

Вернемся к «демидовской легенде» — тому в ней эпизоду, где Петр, обрадованный отлично исполненными алебардами, одаривает мастера серебряным ковшом и сукном на платье. Одарив, обещает «на возвратном пути» в Москву заехать к нему в гости. «Государь, — уверяет Гамель, — сдержал слово. Осмотрев небольшую фабрику Антуфьева, посетил Он его в избе. Когда же при сем случае Антуфьев стал подчивать Высокаго гостя виноградным вином, то Государь дал ему пощечину, говоря: неприлично кузнецу пить такое вино. — Антуфьев отвечал, что никогда хмельнаго и в рот не берет, а купил сие вино для Великаго посетителя хижины его. — Отнеси назад и дай мне рюмку простяка — сказал Государь, которую и выпить изволил. Сверх того выкушал Он стакан пива и стакан меду из рук жены его, которая была и молода, и прекрасна, и поцеловал ее»[133].

Сравним этот, принадлежащий Гамелю, текст с вышедшим четверть века спустя из-под пера тульского автора И.Ф. Афремова. Рассказывая ту же историю, он опирается на авторитетное сочинение предшественника-академика, позволяя себе даже текстуальные из него заимствования. При этом — редактирует: кое-где уточняет (виноградное вино становится французским), добавляет (Петр «хвалил ум и предприимчивость хозяина» — у Гамеля этого нет) или же, напротив, удаляет (снята характеристика фабрики — «небольшая»). В целом прослеживается стремление представить образ Петра более отлакированным, чем он дан у Гамеля. Именно этим скорее всего объясняется изъятие из повествования в афремовском его изложении такой живой детали, как царский поцелуй[134].

Заметим, что наиболее яркие эпизоды приведенного предания не являются специфически демидовскими: они находят целый ряд параллелей в циклах посвященных Петру исторических анекдотов. Приведем два фрагмента, оба из голиковской их серии.

В первом адмиралтейский магазейнвахтер (служитель склада) просит Петра принять от купели новорожденного сына. Тот соглашается. «После крещения монарх поздравил

родильницу, поцеловал ее и пожаловал на зубок два рубли. Хозяин поднес его величеству рюмку гданской водки. Государь, прикушав оную, сказал ему: "Кум! Это гданская водка, вить она дорога и не по твоему жалованью". — "Для такого кума, каков ваше величество, — ответствовал он, — ничего нет у меня дорогого". — "Однако ж, — сказал, государь, — нет ли анисовой?" Подал и ту, и государь, отдав первую, выкушал последнюю».

Вторая сцена происходит в лавке, где для дорогого гостя уже приготовлено угощение. «Сиделец (уже известный нам персонаж, отличавшийся любовью к порядку. — *И. Ю.)* поднес его величеству гданской водки и поставил закуску. Монарх, прикушавши оной, поставил рюмку и спросил: хозяин ли он или сиделец. — "Сиделец всемилостивейший государь", — ответствовал сей. — "А сколько получаешь ты жалованья?" — спросил монарх. — "Сто рублей". — "Из такого жалованья несходно покупать тебе такие водки, да они и совсем излишни, особливо ж для тебя, — сказал монарх. — Сверх сего не хочу я, — продолжал государь, — чтоб ту поставил на счет хозяину, что покупал гданскую водку для государя", — и так, не став пить оные, вышел»[135].

Право, повторяемость мотива создает впечатление, что одной из важнейших задач монарха, как их представлял себе Петр, было научить подданных употреблять напитки, соответствующие их сословному статусу. (Впрочем, сам Петр вкусы в питье имел скромные. По рассказу А.К. Нартова, «водку употреблял государь анисовую. Обыкновенное питье — квас, во время обеда пил вино "Эрмитаж", а иногда венгерское»[136].)

Но наряду с деталями, кочующими от одного персонажа к другому, в фольклорной истории Демидова есть детали и более оригинальные, может быть, отразившие вполне конкретную тульскую реальность.

Местоположение сценической площадки, на которой выпивали и целовались, в нашем случае может быть определено довольно точно. Тот же Афремов, рассказывая о строительстве Акинфием Демидовым нового каменного дома в Оружейной слободе, говорит, что тот был поставлен на старом «отцовском и дедовском месте». Место этого дома известно (остатки его сохранились). Соответственно, можно считать установленным и место двора его отца Никиты Демидова — то самое место, где стоял дом, который посетил Петр Великий.

Самое раннее упоминание о нем в документах относится ко времени строительства Тульского завода. В одной из закладных, данной в январе 1696 года, упомянут находившийся «в межах» к заложенному двору кузнеца Мансурова двор Никиты Демидова. О

нем больше ничего не сказано, а вот для мансуровского даны пространственные привязки: он располагался «за Упою рекой в приходе церкви Николая чудотворца, идучи от Малого Кружальца в Гончарную слободу на левой стороне»[137]. Соответственно, и демидовский двор находился в заречной части Тулы и скорее всего в приходе Николо-Зарецкой церкви. Именно ее прихожанами на протяжении всех своих тульских поколений были Демидовы, именно в ней многие из них были похоронены. В границах ее прихода находился и двор с постройками, сегодня считающимися остатками дома Акинфия. Все сходится.

Еще одно упоминание о принадлежавшем Н.Д. Демидову дворе находим в раздельной записи 1711 года, оформившей отделение младшего сына Никиты[138]. Передававшийся тому двор находился «на Туле, в Казенной слободе, в межах подле двора казенного кузнеца Филипа Третьякова, а с другой стороны — Якова Филатова з братьеми; а позади того двора берег реки Упы». Трудно судить, то же ли это дворовое место, которым Демидов владел во второй половине 1690-х годов. Скорее всего другое: это было передано младшему сыну, а родовая усадьба досталась в конце концов старшему. Нельзя, конечно, исключить каких-то неизвестных нам родственных обменов недвижимостью. Но вот еще аргумент. Судя по сказке 1744 года, двор демидовского соседа, «старинного кузнеца» Филиппа Федорова, сына Третьякова, находился в 40-х годах XVIII века в приходе не Никольской, а соседней с ней Вознесенской церкви[139].

Итак, на момент отделения сына Н.Д. Демидов владел в Туле по меньшей мере двумя крепостными дворовыми местами. Они находились в Зареченской (Московской) части города, на берегу реки Упы. По меньшей мере один из них, а скорее всего оба, располагался в казенной Кузнецкой слободе. В более раннее время городской недвижимости у него было, вероятно, меньше. Единственное свидетельство, относящееся ко времени поездок Петра через Тулу, указывает на один, вероятнее всего первый из упомянутых выше дворов, соседний с дворами кузнеца Мансурова и посадской вдовы Афанасьевой. Дом, где, может быть, встречали высокого гостя, находился на том месте (в квартале, ограниченном берегом Упы, нынешними Оружейным переулком и улицами Герцена и Демидовской), где по сей день высятся остатки построек комплекса городской усадьбы Акинфия. В конце XVII века демидовский (в то время — антюфеевский) двор имел, несомненно, меньшую площадь, чем при Акинфиевичах[140]. В какой части построенной позднее усадьбы находилось ее историческое ядро — не удалось установить даже после проведенных здесь летом 1991 года археологических раскопок.

Раздельная запись дает общее представление о том, что собой представляла городская усадьба, которую Демидов отдавал сыну. Забудем, что этот двор — скорее всего не тот, который посетил Петр. Несомненно, и он характеризует домашний быт Демидова в Туле. Заводчик отдавал младшему сыну двор «с хоромы, и с местом, и с лавками, и с лавачными местами, и со всем дворовым строением, с посудою, с домашнею рухледью, с лошедьми, и с коровы, и с мелкою скотиною на Туле, в Казенной слободе… на переднем конце двора моево семь замков лавок, что ныне таргуют мясам…»[141]. Хоромы (жилая изба), хозяйственные постройки (хлев и конюшня) — все это как бы само собой разумеется. Менее ожидаемы лавки, располагавшиеся, судя по описанию, в границах дворового места. А вот следов «небольшой фабрики», упомянутой преданием, описание, напротив, не зафиксировало. Постройки производственного назначения в нем вообще не упомянуты. Может быть, они были сконцентрированы на другом дворе, этот же имел торговую специализацию?

Впрочем, в 1711 году, то есть много позже того, как Никита перебрался на Урал, производственных построек в Туле у него могло вообще не быть. Если же такие еще оставались — они находились скорее на заводе, а тот в это время давно был собственностью не Демидова, а казны. Однако в 1695—1696 годах (наиболее вероятное время встреч с царем) основные принадлежавшие кузнецу мастерские, как и у других оружейников, должны были располагаться на территории его усадьбы, рядом с жилой избой. Возможно, именно здесь изготавливалась часть оружия, которым потом воевали преображенцы.

Прочие принадлежавшие Демидовым тульские дворы известны только по поздним о них упоминаниям. Какой-то из земельных его участков оставил след в документе 1728 года. В нем упомянуто, что он владел «местом старого съезжего двора в Кузнецкой слободе, меж казенных кузнецов и посацких людей, где приезжали посланники и гонцы, от Упы-реки до проезжей Кузнецкой улицы»[142]. Этот и описанный выше дворы, хотя и находились оба на речном берегу, — суть разные объекты: один был отдан младшему сыну, другой до конца жизни оставался в собственности комиссара. Существовали ли на нем постройки — неизвестно.

Еще один принадлежавший Демидову жилой дом находился, возможно, на его Тульском заводе. Из плана завода, на котором указано его местоположение, и поэтажных планов самого здания (каменного) можно составить отчетливое представление об этой несохранившейся постройке. К сожалению, чертеж относится к

более позднему времени — к середине XVIII столетия. Когда появился этот дом — неизвестно. В 1741 году, во время пожара, на заводе пострадал какой-то деревянный жилой дом, возможно, предшественник каменного. Не исключено, что он существовал здесь еще при первом Демидове.

Переезд семьи

Вернемся на несколько лет назад. Зорко и ревниво посматривая на то, что происходило на уплывавшем из рук Тульском заводе (об этом чуть ниже), Никита занимался в Туле другими делами. Организовывал выполнение крупного заказа казны на оружие. Набирал и отправлял на свой уральский завод мастеров, что было непросто и потому, что их было мало, и потому, что за ними с неменьшей настойчивостью охотилась казна. Занимался проблемами в семье.

Вначале такая проблема была, собственно, одна, и много размышлять над ее решением не требовалось. Семью следовало отправлять по новому месту жительства. Впрочем, не исключено, что Никита размышлял, не оставить ли кого из младших сыновей приглядывать за хозяйством, которое здесь еще оставалось.

Подавая в 1704 году заявку на подводы для перевозки семьи на Урал, Никита упомянул, не называя имен, жену, двоих сыновей, один из которых был женат, и четверых «робят моих внучат». Акинфий выехал на завод еще в феврале[143]. Раз так, то сыновьями, для которых Никита просил подводы, должны оказаться Григорий и Никита. Это, высказанное в литературе, мнение не кажется нам вполне очевидным. Возможно, Никита подразумевал кого-то из младших сыновей и Акинфия, точнее, не его самого, а его семью. Последняя, если уже и побывала на Урале, в памятный день демарша 7 ноября 1703 года, когда Демидовы покинули Невьянский завод, скорее всего отправилась с ними (иначе бы демонстрация не выглядела достаточно правдоподобно). Взял ли ее с собой Акинфий, возвращаясь на Урал в феврале, нет ли — не знаем. Если нет, теперь ее отправлял туда Никита.

А семья одного из младших сыновей могла быть оставлена в Туле. Чья? Думаем, скорее Григория. Он был постарше, мог присмотреть за остававшимся здесь имуществом, и прежде всего за отцовским заводом. Ведь компенсации за него Никита пока еще не получил, так что, кто бы на нем фактически тогда ни хозяйничал, формально он оставался пока еще в его, Демидова, собственности.

Трудная судьба Тульского завода

Вообще-то смена хозяина на Никотином первенце, Тульском доменном и железоделательном заводе, шла, но процесс развивался так медленно, что впору было забыть о том, что на нем происходит.

Предприятие, каким его покидал, отправляясь на Урал, Никита, было уже не новым, но находилось в том самом желанном для владельца состоянии, когда все налажено и работает как бы само собой. На Невьянском заводе им при передаче было принято всего 150 коробов угля по 20 пудов в коробе. «А на Туле, государь, — не без гордости замечал Демидов, — и скудно лесами, только на тульских у меня заводах купленого уголья работать на двое домны и на две молотовые на год будет, и болши». Верхотурский воевода, услышав, что Демидовым нужна помощь в заготовке двадцати тысяч саженей дров при наличии всего двух тысяч, принял это «в смех и оплошку»[144]. Полученный на Урале завод был совсем новенький, но довести его хотя бы до состояния завода тульского еще предстояло.

В начале (январе?) 1703 года Никита, отказываясь в Сибирском приказе от поручения делать фузейные замки, заявил, что «фузей де и багинетов делать ему, Никите, негде», поскольку «Тульские заводы взяты у него на великого государя»[145]. Тем самым вполне официально заявлял, что брать на себя связанные с этим заводом задания права уже не имеет. Тем не менее он, судя по всему, некоторое время еще продолжал пользоваться им и после указа о передаче ему завода Невьянского. Статус-кво оставался неизменным более года. Но в апреле 1703 года боярин и адмирал Ф.А. Головин в отправленном из Шлиссельбурга в Москву письме передал управлявшему Адмиралтейским приказом Ф.М. Апраксину царское распоряжение Тульский завод закрыть. Точная дата остановки назначена не была. Завод некоторое время должен был делать железо «к карабельному строению», потом оружейникам на стволы. Остановить его (домны разломать, а мельницы отписать на великого государя) предполагалось по исчерпании самого дефицитного ресурса — древесного угля. Новые заготовки Демидову были запрещены, с исчерпанием накопленного запаса (следить за ним назначались наблюдатели) сворачивалась и работа. 21 апреля во исполнение этого указа завод был передан в ведение елецкому воеводе Фатею Тютчеву, которому велено было описать оставшийся уголь, по его израсходовании — «заводы все разорить», а инструменты взять на великого государя с обещанием, что «за то ему, Никите, даны

будут деньги»[146]. Тютчев «для надзирательства» завода прибыл и, оставаясь в Туле больше трех недель[147], что-то для исполнения поручения, вероятно, сделал. Но точки над «i» не поставил: завод «разорен» не был.

Почему забуксовало исполнение плана, неизвестно. Скорее всего сначала из-за срочных заказов закрытие снова и снова переносилось, а позже вопрос «перерешили». Хотя необходимость остановки мотивировалась объективными причинами (прогрессировавшее исчерпание лесного фонда и намерение его замедлить), в стране, не изобиловавшей металлургическими заводами, но испытывавшей возросшую в условиях войны потребность в железе, хладнокровное уничтожение налаженного его производства на крупном и сравнительно новом предприятии выглядело бы, мягко говоря, неоправданным мотовством. Царь и правительство это обстоятельство, вероятно, не только осознавали — оно все больше их смущало. В конце концов о вынесенном заводу приговоре «забыли»[148].

Тульский завод по-прежнему работал. Допускаем, что включительно по 1706 год он считался принадлежащим все еще Демидову. Таким положение могло оставаться вплоть до того, как казна наконец решила рассчитаться за него с бывшим владельцем. В апреле 1706 года было завершено составление описных его книг. 29-го они были посланы в Адмиралтейский приказ — свидетельство того, что по факту предприятие состояло в это время в ведении именно Адмиралтейства. Завод был невелик: одна домна, три молотовые — две на ходу, одна «не в отделке», амбар, «где пушки сверлят», мельничный амбар (разоренный), изба «болванная» (здесь делали пушечные «болваны»), изба меховая, два угольных амбара, еще несколько для хранения припасов, в том числе один казенный. Возможно, решимость казны все-таки забрать завод, с тем чтобы его рано или поздно закрыть, подтолкнул пуск построенного Никитой в 1707 году Дугненского завода, взявшего на себя исполнение некоторых казенных заказов. Демидов оценивал Тульский завод примерно в 11 тысяч рублей, получил из Адмиралтейского приказа меньше — 4—4,5 тысячи, которые прошли двумя траншами в 1707 и 1709 годах[149].

Планы казны менялись, и реальный ход дел все больше отклонялся от предписанного указами 1703 года. Завод работал на Адмиралтейство — ведомство, ведавшее делами, для Петра из важнейших важнейшими. Обеспечивавшие его нужды другие заводчики, по-видимому, не были настолько производительны и надежны, чтобы Адмиралтейство спокойно отказалось от собственного железа, выделанного в молотовых Тульского завода.

Используя завод, оно даже пыталось его модернизировать. После взятия в казну здесь были построены каменная домна (не ясно, правда, вторая или заменившая первую, демидовскую) и особый амбар, в котором было налажено волочение проволоки. Все это потребовало немалых расходов, включая оплату труда проволочного дела мастера, помимо прочего обучавшего «тому мастерству матрозов 10 человек»[150].

Адмиралтейство привыкало к заводу Демидова. Но вполне ли отвык от него бывший хозяин? Значительная часть его бизнеса по-прежнему была связана с казной — партнером непростым, требовавшим строгой дисциплины от поставщика, но не всегда аккуратным при расплате. Между тем вживание в Урал потребовало времени, сил и средств больших, чем можно было ожидать вначале. В этой ситуации Никита не мог не вспоминать о Туле — городе, с которым публично распрощался даже дважды: сначала отправив на Урал семью, после отдав казне завод.

Вспоминал еще и потому, что, покидая Тулу, мосты к ней отнюдь не сжигал, напротив, по мере надобности ими пользовался. Потеряв здесь главную площадку для реализации предпринимательских устремлений, разрывать *все* с нею связи Демидов не собирался. Отчасти по расчету, отчасти по привычке он продолжал делать деньги и здесь. В том числе — в сферах, которые могут показаться неожиданными.

21 июня 1708 года тульские земские бурмистры получили распоряжение передать Никите Демидову винокурню кружечного двора — ее постройки, оборудование, посуду. Никита должен был заплатить за имущество, после чего готовить и ставить на кружечный двор вино, «сколько когда бурмистром на продажу понадобитца». Дело пошло, но уже в следующем году, 29 ноября, бурмистры сообщили в Ратушу, что Демидов по установленной указом цене ставить вино отказался. Месяц спустя, 26 декабря, он предстал в Ратуше, где заявил, что поставку вина в наступающем году производить не будет, так как, прося винокурню, предлагал одну за него цену, а бурмистры дают другую. Сначала он еще отдавал вино «по нужде с убытком», но «впредь по той цене ставить ему невозможно», нужно ее увеличивать[151]. Он сообщил также, что «за тульскую кабацкую винокурню по оценке денги у него готовы», из чего заключаем, что полтора года он пользовался ею фактически в долг.

Нам неизвестно, чем закончилась эта история. О примечательном ее эпизоде (финальном?), участие в котором принял конкурент Демидова И.Т. Баташев, будет рассказано ниже. Но и в таком, не имеющем конца с моралью, виде она интересна, поскольку демонстрирует инерционность

накопительской психологии. Ворочая немалыми деньгами и демонстрируя временами стратегический уровень мышления, Никита не чурался и тех форм предпринимательской деятельности, в которых происходило первоначальное накопление его капитала.

Возвращение в Тулу

Младшие Сыновья: вступление во взрослость

Что Григорий в отсутствие отца присматривал за Тульским заводом, представляется вероятным еще и потому, что в начале «нулевых» годов он скорее всего жил общей с ним семьей. Его отделение произошло около 1708 года[152], примерно тогда же, когда, по нашей прикидке, у него родился сын. Младший брат, Никита, получил самостоятельность еще позже — лишь в 1711 году[153].

Как отнеслись к отделению и каким его запомнили братья, показывает позднее (1748 года) письмо младшего, обращенное к графу М.И. Воронцову. К этому письму мы еще вернемся и объясним, зачем его автор вспомнил о событиях 37-летней давности. Пока же процитируем и сопоставим с фактами.

Никита писал: «…Уповаю, что Вашему Сиятельству небезъизвестно есть, каким образом учинил покойный родитель мой между нами братьями разделение, которого от света не слыхано, и во всех государствах то не имеется, что и натуре противно. А именно, пожаловал мне только из движимого и недвижимого имения пять тысяч рублев и более ничего. Не токмо чем пожаловать, и посуду всю обобрал и в одних рубахах спустил. Да что ж в то время делать было!»[154]

Это «резюме» можно сравнить с текстом документа — упоминавшейся раздельной записи от 23 марта 1711 года[155]. Никита Демидович заявляет, что отделяет сына Никиту от себя, жены и детей (подразумевается неотделенный Акинфий) «жить себе». Далее заявляет: «По тому моему отделу дал я, Никита, ему, сыну своему Никите, ево жеребей весь сполна: денег пять тысяч рублев, да платье ево, и что на жене ево моей покупки, да двор мой с хоромы, и с местом, и с лавками, и с лавачными местами, и со всем дворовым строением, с посудою, и з домашнею рухледью, с лошедьми, и с коровы, и с мелкою скотиною на Туле, в Казенной слободе, в межах подле двора казенного кузнеца Филипа Третьякова, а з другой стороны — Якова Филатова з братьеми, а позади того двора берег реки Упы, а от Тулицы на переднем конце двора моево семь замков лавок, что ныне таргуют мясам; да в Мескатинном ряду лавки ж с месты, которыя я владел по письму Филата Данилова да Кузмы Душкина по купчим, да лавка в Железном ряду…»

Как видим, из памяти шестидесятилетнего Никиты Никитича

выпали не только мелочи вроде посуды и платья (все это было ему оставлено), но также городская усадьба и с десяток лавок и лавочных мест. Между прочим, пять тысяч рублей — сумма по тем временам немалая, на эти деньги и небольшой завод можно было построить. Кстати, один завод, Перевидский (или Перевинский), отец Никите тоже передал, правда, он был винокуренным. Как видим, достойного уровня жизни и возможности заниматься предпринимательством он сына не лишал, однако направлял его инициативу в сферу, удаленную от обжитой им и Акинфием. Это может свидетельствовать о зародившемся уже тогда плане не делить нажитую недвижимость, оставив все старшему. Предчувствуя это, Григорий и Никита, несомненно, обижались.

Но убрать их с пути, совершенно выдавив из металлопромышленности, — такой задачи Никита Демидович перед собой не ставил. Это было бы технически трудно, не говоря о том, что и несправедливо. Действовать в том же духе, как с Федором Молодым, он не мог — помнил, что они его дети. Он хотел избежать внутрисемейной конкуренции, а для этого было достаточно сделать так, чтобы младшие не претендовали на долю уральского богатства, не искали, путаясь под ногами, счастья там, где надеялись найти отец и старший брат. Было достаточно размежеваться — имущественно и территориально. Поэтому, отделяя их и намереваясь сдержать проникновение на Урал, он помогал им закрепиться на другой, покидаемой им, территории — в центре Европейской России.

И у них, постепенно становившихся на путь, проложенный отцом, был интерес в сотрудничестве с ним. Дарованные Никите привилегии упрощали решение производственных проблем. Долгие годы младшие Демидовы не имели возможности покупать населенные деревни. А вот отец такое право имел — оно в индивидуальном порядке было дано ему еще в 1702 году. Имея, пользовался. Не исключаем, что братья обращались к нему и в поисках кредита. Они ждали его помощи и, в общем, несмотря на обиду, тянулись к отцу. Он, в той степени, в какой это не затрагивало его и Акинфия интересов, помогал — выводил и их в заводчики.

Первым испытал себя в этом качестве, естественно, тот, который был постарше, — Григорий. Отец и сын, промышленники опытный и только начинающий, сошлись в общем деле на площадке Дугненского завода.

О ранней истории этого предприятия известно еще меньше, чем об истории первого завода Демидовых. Попытку завести завод на притоке Оки речке Дугне (нынешняя Калужская область)

предпринимали еще Марселисы, металлопромышленники первой волны, но за смертью последнего из них, Кристиана, работы остановились вскоре после начала. Новую просьбу разрешить здесь промышленное строительство подал в 1701 году Никита Демидов, арендовавший для этой цели на 20 лет землю у стольника Ладыженского[156]. Положительное решение он получил в 1707 году, что может быть связано с началом в этом году выплат ему компенсации за изымавшийся в казну Тульский завод.

Присутствующие в литературе сведения о строительстве и принадлежности завода противоречивы. По утверждению Н.И. Павленко, хотя строить его начинал Григорий, владельцем считался отец[157]. Именно Никита получил разрешение, он же решил вопрос с землей. Этим, скорее всего, и определилось, чей собственностью являлся завод, независимо от того, кто его фактически строил. Некоторые данные позволяют думать, что в начале 1710-х годов Григорий и Никита управляли предприятием совместно[158]. (Разумеется, с поправкой на то, что Никиты значительную часть времени не было ни в Туле, ни тем более на Дугне. Другое дело Григорий, о котором в одном документе 1712 года сказано так: «…дворево ва Оружейной слободе, а он, Григорей, живет на железных своих заводах в Олексинском уезде»[159].)

Выплавлявшая чугун и ковавшая железо Дугна стала для молодого Демидова школой, в которой он приобрел опыт самостоятельного управления металлургическим предприятием. Реализовать его он смог на другом заводе — Верхотулицком, пущенном в конце 1710-х годов. (Кстати, это предприятие возникло тоже при содействии отца — именно он купил для него землю.) Григорий-промышленник следующего десятилетия — весь в заботах о своем Верхотулицком заводе плюс эпизодически в подготовке к строительству вспомогательного передельного завода.

А Дугненский завод через несколько лет после того, как комиссар Демидов восстановит свое присутствие в Туле, перейдет к купившему его младшему из сыновей. Никита Никитич отстроит его заново на новой площадке. Так родится Нижний Дугненский завод, который вскоре, когда об отцовском и братнем его предшественнике забудут, станут называть просто Дугненским.

Любопытно, что у нового его хозяина, юридически давно свободного от опеки отца, какая-то связь с отцом на Дугне еще сохранится. Утверждать это позволяет документ осени 1720 года, фиксирующий заем Д.И. Ладыженским (представленным в

документе служителем дома царицы Прасковьи Федоровны) у Н.Д. Демидова 200 рублей. В обеспечение займа служитель заложил мельницу на Дугне со строением и землей, которая «отдана сыну ево (заимодавца. — *И. Ю.)* Никите в наем во владенье»[160]. В случае невозврата займа мельница по закладной переходила к Никите-старшему. Спросим: зачем все это нужно, если владельцем нового завода на Дугне был теперь один Никита-младший? Старший намеревался сохранить свое присутствие на объекте и имел для этого возможность? А как относился к этому сын? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к отношениям отца и сына в связи с предпринятой как раз в это время попыткой последнего зацепиться за Урал. Но об этом позднее.

Как видим, Никита Демидович, сосредоточив основную промышленную деятельность на Урале и постоянно наращивая свое там присутствие, сумел сохранить связь с Тульско-Каширским металлургическим районом. Пока это было возможно, он не отпускал в плавание с казенным капитаном Тульский завод. Позже, когда казна начала за него расплачиваться и стало ясно, что завод потерян, добился разрешения построить новый на Дугне и как-то держался за него, даже когда тот сменил хозяина.

Несомненно, он преследовал при этом собственные интересы. Но несомненно и то, что только предпринимательской выгодой сохранение им связей с Тулой объяснить нельзя. Личный интерес переплетался с желанием помочь младшим сыновьям. Характерно, что добиваясь новых льгот, Никита нередко включал в свои челобитные просьбу распространить их на сыновей. В 1715 году под предлогом обеспечения безопасности хранящихся на его и детей дворах боеприпасов и заводских «снастей» он добился указа «у него, Демидова, и у детей его и в доме их постою никакого не ставить»[161]. Он хлопотал о расширении иммунитета от местной власти: просил дать ему и сыну Никите (!) право самостоятельно чинить суд и расправу, за обычным в таких случаях исключением «татинных и убивственныхдел»[162].

Приведенные факты (они будут умножены) опровергают универсальную применимость заключения Н.И. Павленко, писавшего, что «отец не только не способствовал, но даже препятствовал строительству заводов младшими сыновьями и глушил их инициативу»[163]. Оно справедливо только в отношении реакции комиссара на их (прежде всего Никиты) попытки проникнуть на Урал.

Возвращение Демидову Тульского завода

Трудно сказать, когда и почему у комиссара Демидова возникло намерение восстановить свое присутствие непосредственно в Туле в полном объеме. Несомненно, этому способствовал относительный успех совместной с Григорием работы на Дугне. Отец увидел, что хозяйствовать не в убыток под Тулой в новой ситуации по-прежнему можно, хотя ради получения преференций от власти готов был работать иногда и в убыток. Нисколько не тесня Урала, Тула вновь оказалась в перспективных его планах.

История возвращения родоначальника Демидовых в Тулу тесно смыкается с историей строительства здесь казенного оружейного завода. Война со шведами продолжалась, нагрузка на казенных оружейников увеличивалась. Оружейная слобода все с большим трудом справлялась с исполнением казенных нарядов. Прибавка за счет ружья, делавшегося по подряду (то есть частным порядком), была недостаточной. После неудачи первой попытки подстегнуть производство, построив в Туле Оружейный двор (оружейники переходить под его крышу не захотели, потом двор горел), после неудачи второй, предусматривавшей перевод всех оружейников в Ярославль (и на этот раз исполнению помешал пожар, на этот раз на ярославском оружейном дворе), было решено предпринять еще одну попытку. Приунывшие в ожидании переезда тульские оружейники воспрянули духом. В книге записей мирских расходов за 1712 год появилась такая: «Да как солдаты Князя Григорья Ивановича сказали нам, что слышали подлинно Государев Указ нам не быть в Ярославле, в то число дано им на попойку и на калачи 6 алтын 4 деньги»[164].

15 февраля этого же года состоялся сенатский указ князю Г.И. Волконскому, предписавший значительно увеличить производство в Туле оружия (фузей — до 15 тысяч штук ежегодно), для чего построить здесь новый оружейный двор и оружейные заводы. За разработку проекта заводов взялся вчерашний посадский, а ныне оружейник, приходившийся Никите Демидову сватом Марк Васильевич Красильников (Сидоров). Ему же Волконский поручил и текущий надзор за строительством. Поскольку царский указ точное местоположение завода не оговаривал, возникал соблазн новых амбаров не строить, а разместить станки и оборудование в принадлежащих казне постройках бывшего демидовского завода. Идея его включения в оружейный комплекс Тулы витала в воздухе давно. Еще 5 августа 1706 года «память», данная Никите, оповестила о переводе его заводов, судя по всему — тульских, из Адмиралтейства в ведение Оружейного приказа (Оружейной палаты)[165]. При этом именно ему предписывалось их починить и отстроить, из чего заключаем,

что до расплаты с бывшим владельцем завод на Тулице еще не считался в полной степени казенным.

Никита, как мы помним, деньги за него от казны все же получил, что для этого завода означало окончательную смену собственника. Но в преддверии строительства казенного оружейного завода вопрос о передаче в оружейное ведомство бывшего демидовского завода возник снова. В июле 1712 года свое мнение по поводу возможных последствий этого довел до Сената Волконский, предупреждавший: «…ежели де великий государь укажет быть тем прежним железным заводом к Тулской оружейной слободе, то вновь на Туле других оружейных заводов строить не надлежит для того, что, ежели двои оружейные заводы будут, то будет на Туле в руде и в угольях к оружейному делу оскудение, и в покупке цены излишъняя передача»[166].

Логика тут немного хромает. Если Волконский подразумевает перепрофилирование демидовского завода в оружейный (рассматривая вариант, в котором *«двои оружейные* заводы будут»), то непонятно, чем эта метаморфоза усугубит положение с рудой — оружейному заводу она не нужна. Для нас, однако, интересна не столько причина, сколько сама позиция Волконского. Он против превращения демидовского завода в оружейный. Полагаем, немалую роль в том, чтобы он стал на эту точку зрения, сыграли аргументы Красильникова (а может быть, и самого Демидова?), сводившиеся к одному: новый завод не должен погубить существующий.

Подбирая место для нового строительства, Красильников прошел мимо построек бывшего демидовского завода, площадки, на которой они находились, и обширной его гидросистемы — все это было оставлено им нетронутым. Рабочие колеса демидовского завода по-прежнему крутились водами Ту-лицы. Источником энергии для станков оружейного завода в разработанном им варианте выступала другая река — Упа. При таком планировочном решении заводы — старый и новый — могли сосуществовать, не мешая друг другу. При этом — располагаться рядом (расстояние между ними составляло всего 230 саженей[167] — около 500 метров).

Невозможно усомниться в том, что Красильников осознанно добивался того, чего добился. Трудно не заподозрить, что строительство казной оружейного завода связано с возвращением Демидову его металлургического завода на Тулице, последовавшим в 1713 году. И вполне очевидно, что любой вариант размещения нового завода, затрагивавший постройки или гидросистему завода Демидова, означал бы, что комиссару уже нечего возвращать.

В отличие от довольно хорошо документированной истории получения Демидовым казенного Невьянского завода подробности возвращения ему Тульского казенного (бывшего демидовского) завода неизвестны. По состоянию на июль 1712 года он выпускал железо, которое «на всякие припасы употреблялось к Воронежу»[168], и состоял в ведении Адмиралтейства. Несомненно, очень существенную роль сыграла позиция руководителя этого учреждения. Демидов, скорее всего, не смог бы получить Невьянский завод без содействия главы Сибирского приказа А.А. Виниуса. Тульский завод не мог бы вернуться к нему без поддержки «адмиралтейца» Ф.М. Апраксина. Частные его переговоры с Апраксиным и то, как заводчик пытался влиять на его позицию, останутся навсегда неизвестными. Но то, что Апраксин последовательно поддерживал Демидова в важных для него делах — факт, сомнения не вызывающий.

Возвратив себе старый завод, Никита вскоре решает еще одну важную проблему. Предприятие хронически страдало от недостатка энергии, а увеличить ее съем с валов было невозможно по причине ограниченной площади пруда. Ямщики не только не уступали ему прилегающую землю, но и продолжали конфликтовать по поводу занятой прежде. Царский указ 1701 года был выполнен только частично: Демидов у них землю забрал, они же компенсации за нее не получили. Теперь, в 1714 году, ямщики за 700 рублей отступного дали Никите запись, в которой заявили, что «поговоря… меж себя с ним, камисаром Никитою Демидовым, полюбовно», отступаются от своих к нему претензий. Теперь они были согласны не валить все в кучу, готовы добиваться отвода им земли, не претендуя на возвращение отторженной для Демидова[169]. Как покажут события, заняв такую позицию, они совершат ошибку: обещанного царем им не дадут. А вот для Демидова получение от них такой записи окажется правильным шагом: за сравнительно небольшую сумму он защитит от посягательств важнейший элемент того, что входило в понятие недвижимой собственности — землю.

Конфликт с Иваном Баташевым

За тульскими и уральскими успехами Демидова внимательно следили его земляки. Казенный кузнец Иван Тимофеевич Баташев был первым из тех, кто попытался повторить этот успех.

Потомственный оружейник, в 1709 году он построил на Тулице мельницу, на месте которой позднее поставил металлургический завод[170]. Чудесное превращение, повторившее эволюции, происходившие полтора десятилетия

назад с мельницей, отданной Демидову, произошло не сразу. В том же году Баташева вызвали в Москву, в Артиллерийский приказ, откуда послали в Сокольск на казенные железные заводы. Хотя с этого момента часть своего времени он вынужден был проводить там, все свое будущее — планы и большие, и малые — он связывал по-прежнему с Тулой.

Припомним историю о том, как Демидов хозяйничал на тульской винокурне. Она имеет продолжение. Через три дня после посещения Ратуши, где он объявил об отказе поставлять вино по первоначальной цене, у него объявился конкурент — туленин казенный кузнец Иван Тимофеев. В своей челобитной он просил повелеть ему ставить вино на тульский кружечный двор, причем называл существенно более низкую за него цену, чем выставил Демидов. Больше того, вином по своей цене он брался обеспечить кабаки не одной Тулы, но также близлежащих городов Дедилова и Епифани. При этом даже не претендовал на винокурню, которой распоряжался Демидов, — соглашался развернуть собственное производство. Эти условия выглядели настолько соблазнительно, что решение было принято почти тотчас. 4 января 1710 года Ивану Тимофееву было велено ставить вино по предложенной им цене в названные города «и для того куренья построить ему на речке Тулице вновь винокурню». В сообщавшем об этом указе Ратуши тульским земским бурмистрам были строки, касавшиеся его предшественника: «А на Никите Демидове за прежнюю тульскую кабацкую винокурню по прежнему указу денги взять по оценке» и прислать их «с ценовною росписью к Москве немедленно»[171].

Совокупность сообщенных документами идентифицирующих признаков позволяет предположить, что упомянутый в документе тульский казенный кузнец Иван Тимофеев — наш Баташев. Тот факт, что отсутствует его фамильное прозвание, слишком смущать не должен — Никита Демидович Антюфеев в этом документе также назван без него, по патрониму. Итак, похоже, что в конце 1709 года Баташев обошел Демидова: воспользовавшись случаем, предложил цену более низкую и перебил подряд. При этом, осознавая, что отнимать винокурню у Демидова себе дороже (тот бы, скорее всего, сразу ее не отдал, вступил в переписку с учреждениями, затянул дело и подвел ситуацию к опасному рубежу), решился вложить в проект свои средства: за собственный счет построить новый производственный объект. Зачем? Или он считал деньги хуже Демидова? Нет, тут что-то другое. Не исключено, например, что Баташева привлекала в этой затее возможность более прочно закрепиться на Тулице. Зная о появлении там шесть лет спустя

завода, это кажется даже весьма вероятным.

Объявленный Баташевым альтернативный демидовскому бизнес-план оказался, впрочем, не вполне реалистичным. Уже летом этого года, в августе, целовальники новых кабаков Епифанского уезда подали в Тульскую земскую избу словесный извет. Они сообщили, что на Епифанском кружечном дворе, с которого они должны были получить вино, его им не дали, заявив, что «давать де нечего; а подрядчик Иван Тимофеев вина на новопостроеные кабаки ставить не хочет»[172]. Обсуждать, была ли ситуация, в которую попал Баташев, для него неожиданностью или он ее все же предвидел (по принципу: один пишем, два в уме), не беремся.

Данный эпизод прекрасно вписывается в наши представления о Баташеве и Демидове, в представления о формах первоначального накопления капитала, о формах конкуренции.

Превращение лягушки из мельничного пруда в металлургическую царевну, вызвавшее острый конфликт Баташева с Демидовым, произошло позже — в 1716—1717 годах.

Есть основания предполагать, что взаимоотношения Баташева и Демидова первоначально носили вполне добрососедский характер. Приобрести землю под мельницу на Тулице помог Баташеву именно Демидов, как мы помним, обладавший правом «приискать к тому своему железному заводу какой угодной у вотчинников земли… и… покупать вольно»[173]. В 1711 году он же дал Баташеву запись, что земля куплена на средства Баташева и передается ему, его жене и детям «впредь для владения»[174]. (Но как совместить это с описанным выше эпизодом, демонстрирующим не слишком дружественные отношения Баташева и Демидова уже в 1709—1710 годах?[175] Может быть, конфликт закончился миром, частью условий которого явилась передача Баташеву земли на Тулице?)

Очень вероятно, что лавры мукомола недолго прельщали Баташева. Демидов своим примером подсказал оружейникам куда более перспективное направление предпринимательской деятельности. Первым, кто попытался пойти его путем, стал именно Баташев. Плотину тулицкой мельницы он использовал для вододействующего доменного и передельного завода, строительство которого начал в 1716-м и завершил в 1717 году.

С превращением Баташева в мануфактуриста для Демидова он превратился в конкурента, причем потенциально много более опасного, чем Баташев-мельник. Сотрудничество дало трещину, трещина расширялась.

Первые данные о конфликте Баташева и Демидова относятся к году пуска завода. Характер столкновений определился

ландшафтом поля битвы. Завод Баташева находился рядом с заводом соседа выше по течению реки. Подъем Демидовым плотины, позволявший ему увеличить запас воды в заводском пруду, неизбежно вел к наступлению этого пруда на площадку баташевского завода. Баташев скоро столкнулся с подтоплением его рабочих колес, что тормозило работу предприятия в целом, а в особенности — энергоемкого молотового хозяйства. Баташев пожаловался в Оружейную контору, та отправила на место представителей, которые должны были определить, можно ли опустить плотину демидовского завода, чтобы «Баташева заводам и покосам повреждения не было». Демидов посланцев конторы на свой завод не пустил[176].

Конфликт то тлел, то вновь разгорался. Одной из причин временной приостановки боевых действий явилось, вероятно, несчастье, случившееся у Демидова. В 1718 году его Тульский завод горел[177] и хозяину, естественно, некоторое время было не до дрессировки соседа. Очередное обострение имело место в начале 1720-х годов, о нем будет сказано в следующей главе.

Демидовы на двух стульях

Предпринимательские дебюты младших Демидовых

Постепенно становились на ноги и младшие сыновья.

Григорий, как уже говорилось, с 1707 года был погружен в заботы о строительстве и управлении Дугненским заводом, хотя не вполне понятно, в каком формальном качестве. Не известно, занимался ли он чем-то связанным с металлургией в период между 1717 годом, когда этот завод перешел к его младшему брату, и 1719-м, когда сам приступил к строительству нового завода. Последний располагался в Тульском уезде, в Старогородищенском стане, в девяти верстах от Тулы, на той же Тулице-реке, на которой уже четверть века плавил руду отец, а совсем недавно появилась еще и домна, принадлежавшая Ивану Баташеву. Находившийся по течению реки выше двух этих предприятий, завод Григория именовался Верхотулицким. Как и Дугненский, он был доменным и передельным; управлял им Григорий Демидов сначала один, позднее — при участии сына Ивана.

В связи с начальной историей этого предприятия, ставшего впоследствии объектом семейно-имущественной распри, необходимо отметить важное для понимания дальнейших событий обстоятельство. В связанных с конфликтом документах 1728—1729 годов отмечается, что завод был построен на купленной у стольника Петра Еремеевича Арсеньева «на имя отца их, умершаго ж камисара Никиты Демидовича, вотчинной земли»[178]. Основная сделка состоялась в мае 1718 года[179]. Арсеньев за проданные им 34 четверти в пустоши Кисленка и две мельницы (одна на ходу) на речке Тулице получил довольно крупную сумму — 1600 рублей[180]. Покупателем, что естественно, выступил отец.

Григорий построил на Тулице земляную плотину, домну, молотовой амбар, поставил в нем молот и горн и приступил к работе. Первое полосное железо завод дал в 1719 году, но Григорий, называя его «ученическим», использовал на внутренние нужды — «на всякия к тому заводу принадлежащие инструменты». Одновременно в молотовом амбаре монтировался еще один молот и устраивались несколько горнов, пущенных в начале 1720-го. В том году завод дал уже три тысячи пудов полосного и связного железа. Хозяин поставил его на «дело ружья» тульским мастерам-замочникам, остаток продал[181].

И все же у Григория дело шло не так успешно, как у других Демидовых. Главной причиной этого лично он считал нехватку квалифицированного персонала. Объяснял это так: завод «в совершенство против других заводов работою не действует, понеже у меня сущих и знающих к тому заводскому мастерству мастеровых людей нет, а работают по моему указаванию и учению из моих работников, ис которых ту заводскую работу по моему научению инные мало и восприяли». Не удивительно, что к строительству второго молота в молотовом амбаре он приступил не прежде, как «изуча (то есть научив. — *И. Ю.)* оных тому заводскому мастерству своих работников и других чинов людей»[182].

Пока металлургия не давала прибылей достаточных, чтобы заводы множились, а их владелец процветал, Григорий занимался делом, которое на этапе первоначального накопления капитала было не чуждым, можно думать, всем Демидовым. Речь идет о мелком кредитовании — занятии, сулившем гарантированный доход, хотя и сопряженном с некоторым риском, а иногда и хлопотном. Зная, как остра была для Григория проблема обеспечения производства рабочей силой, в фиксирующих его кредитно-ссудные операции документах замечаем любопытные детали вроде следующей. В конце июля 1719 года он на три месяца ссудил 40 рублей солдату Преображенского полка Георгию Хитрово. В обеспечение заемщик заложил два крестьянских двора в деревне Телегиной близлежащего Соловского уезда. Солдат соглашался, если в срок деньги не отдаст и тем учинит убытки и в промыслах остановку, считать, что оформленная заемная и закладная кабала равносильна купчей на эти дворы. Григорий мог, даже «не бив челом великому государю», этих крестьян «продать, и заложить… и с той деревни куды похотят перевесть»[183]. Думается, что кроме дохода от операции[184] Григория привлекало в ней и другое — шанс получить крепостных крестьян. Ограничивая вложение капитала в дело, частью его он ловил в свои сети крепостных. В данном случае надежды его, похоже, оправдались. Месяц спустя после истечения срока он запустил процедуру оформления собственности на принадлежащих Хитрово крестьян: бил челом в Тульской провинциальной канцелярии о записи факта просрочки займа в книгу[185].

Со временем к промышленной деятельности приобщился и младший Демидов — Никита Никитич. Занимался ли он чем-то подобным до 1717 года, нам неизвестно. Единственный намек на такие занятия, и то не связанные с металлургией, содержит документ 1711 года — известная нам запись о его отделении от

отца. В нем отмечено, что Никите Никитичу передаются Перевицкие винные заводы. Но сведений, как он управлялся с этим имуществом, в нашем распоряжении нет.

В 1717 году Никита за тысячу рублей купил у отца Дугненский завод. Цена была небольшой, однако и завод находился в то время «в ветхом строении и от полой воды разнесеной… которого уже было содиждить невозможно»[186]. Учитывая, что отцовский завод он восстанавливать не стал, а занялся строительством на другой площадке, не ясно, в чем состоял интерес для него этой покупки. По-видимому, приглядев подходящее для завода новое место, он был вынужден выкупить завод своего предшественника. Оставаясь владельцем предприятия, внося арендную плату за землю, на которой оно стояло, отец рано или поздно должен был решать, что делать с проблемным активом.

«Разнесенный» завод можно было восстановить самому или продать для восстановления постороннему лицу. Никиту Никитича, если он рассчитывал строиться поблизости, не устраивали обе эти возможности — он получал конкурента буквально под боком. Младший Демидов, избегая столкновения интересов в будущем, предпочел купить ненужные ему руины сам.

Сказка, поданная Никитой Никитичем в начале августа 1721 года, рисует его деятельным, энергичным предпринимателем, добившимся, несмотря на молодость, некоторых успехов. Новый завод он поставил на той же реке на версту ниже существовавшего на наемной земле в дачах помещиков Василия и Дмитрия Лодыженских. В этот же 1717 год Демидов насыпал поперек реки земляную плотину длиной 150 метров, устроил в ней нужные прорезы и ларь. Рядом с ней поставил домну и молотовую с молотом и двумя горнами. Работа в них началась в феврале 1718 года. Предприятие проработало год и остановилось, сильно поврежденное в половодье — «от полой воды на том заводе плотину розрыла и спуски у вешнеков розломала». Завод простоял «мало не весь год без работы» — все то время, пока плотину «прудили». Тем временем на нем строилась вторая молотовая с молотом и двумя горнами. В январе работа началась сразу в двух молотовых, но шла «за умолением воды с нуждою, для того что за неотделкою помянутой платины воды поднять было невозможно». В 1721 году младший Демидов построил третью молотовую, и этим его планы по расширению завода еще не исчерпывались[187]. Наблюдая эту замечательную по своей энергии деятельность, невольно сравниваешь ее с работой других Демидовых на Урале. И достижения младшего Никиты сравнение

выдерживают.

Другой оставшийся в Туле Демидов, Григорий, не столь успешен. Он явно отставал и от отца, и от обоих братьев. Да, он сталкивался с трудностями, но эти же проблемы приходилось решать и другим заводчикам. (Не хватало квалифицированного персонала — они отыскивали его, завлекали, переселяли, удерживали[188].) Григорий на долговременной основе использовал временные решения и схемы, в применении к устойчиво работающему предприятию мануфактурного типа выглядящие по меньшей мере «не солидно». Так, он не имел своих рудников — руду покупал у крестьян «повольною ценою» с возов, складывал ее на своем тульском дворе, откуда перевозил на завод, нанимая возчиков. Покупал он и уголь, только уже на заводе, куда его доставляли поставщики. Казалось бы, чем плохо — налицо прогрессивные рыночные, капиталистические отношения, способные добровольно вовлечь в производство новых работников[189]. Так, может быть, действительно было проще. Но при такой практике не удавалось добиться устойчивой работы — из-за перебоев с рудой и углем случались «прогулки многая». Как все это далеко от вертикально интегрированного хозяйства старшего Демидова. Страдая от недостатка рабочей силы, возможностями вольного найма он не пренебрегал, но не на него делал ставку. Комиссар Никита настойчиво добивался закрепления за ним рудных мест и, добившись, копал руду уже на собственных рудниках руками крестьян, наемных в том числе. Только так можно было удовлетворить ненасытные аппетиты его уральских домен.

Как бы прилежно Григорий ни догонял, но до лидера ему оставалось как до звезды. Его завод в начале 1721 года находился примерно в том же состоянии, что и завод Ивана Баташева, но даже от него слегка отставал: у того уже строился второй молотовой амбар[190]. А ведь Баташева уже несколько лет давил старший Демидов, Григория же никто специально не тормозил.

Григорий догонял, но, чтобы догнать, чего-то — таланта? удачи? покровительства? — ему не хватало.

И всё же, ступив на дорогу отца, дети двигались по ней довольно успешно. И как тот ни управлял ими, перенаправляя молодую энергию в безопасные для себя проекты, возникали ситуации, в которых они его планам мешали. В 1720 году показал зубы младший. В это время отец закреплялся на реке Вые, где намеревался строить медеплавильный завод. Никита попросился к брату в пайщики. Отец ему отказал. Тот обиделся, предупредил: «Меня де ты в те дачи не пустишь, чюжия де люди ворвутца». Вслед за этим «воздвигнул» на него стороннего претендента,

заявившего, что занимался рудными разведками в этих местах еще до Демидовых. С ним комиссар боролся своими методами, а вот с непокорным сыном — обратился за помощью в Берг-коллегию: попросил повелеть его сыну Акинфию «владеть всем недвижимым». В принципе это было действием избыточным — младшие сыновья давно были от отца отделены. Но до официального объявления преемника какой-то шанс наследовать отцовское имущество у них оставался. 23 декабря 1720 года, когда Берг-коллегия в заседании во главе с Я.В. Брюсом своим решением просьбу старшего Демидова удовлетворила[191], этот шанс исчез.

Комиссар Демидов и фискалы

С возвращением старшему Демидову его Тульского завода складывается и надолго закрепляется новая схема пространственного размещения его заводского хозяйства. Оно приобретает двухъядерную конфигурацию с выраженной и все увеличивающейся асимметрией. Каждое из ядер — уральское и тульское (а позже возникло еще одно, вспомогательное, нижегородское) имело функциональную специализацию. Она идеально отражала сложившуюся практику работы с двумя категориями потребителей — государством и раздробленным на множество лиц, но единым в своем интересе рынком. В остававшихся непростыми экономических взаимоотношениях с властью был найден вариант, одновременно привлекательный для казны (часть заказов размещалась в Туле, что ускоряло их выполнение) и для заводчика (эти заказы не мешали нормальной работе уральских заводов, к тому же реализовывались с наименьшими затратами).

Но оптимизация архитектуры хозяйства и неизменно сохранявшееся царское покровительство оказались условиями все же недостаточными, чтобы обеспечить спокойную работу. Начиная с 1712 года Никита на протяжении нескольких лет обороняется от нападок на него фискалов, укусы которых были и болезненны, и опасны.

Система фискалитета была создана в 1711 году[192]. Фискалы исполняли надзорную функцию: должны были доносить обо всех действиях частных лиц, следствием которых являлся или мог явиться ущерб государственному интересу. При этом фискалы были лично заинтересованы в выявлении и наказании преступивших этот интерес. В случае подтверждения доноса доля от штрафа или изъятого имущества доставалась лично им.

В первом доносе на Никиту, поступившем от фискалов

Нечаева и Косова в 1712 году, его обвинили в продаже железа без уплаты пошлины. Позже к этому прибавились утверждения, что он завышает цены на железо, поставляемое в казну с Урала, указывалось и на другие его якобы мошенничества. Доносы на Демидова разбирались в Канцелярии лейб-гвардии капитана-поручика И.Н. Плещеева, позже — в Канцелярии лейб-гвардии подполковника князя В.В. Долгорукого. Давая показания во второй, Демидов привел целый ряд аргументов, обосновывавших казавшуюся завышенной цену[193]. Но эти аргументы носили качественный характер, не были подтверждены экономическими расчетами, по каковой причине могли быть сочтены удовлетворительными, а могли и не быть. Решающую роль сыграл, похоже, тот факт, что по собранным сведениям цены Никиты оказались все же ниже, чем у других поставщиков. Он был от обвинений очищен и указом от 12 мая 1715 года получил новые поручения, за которые выпросил новые льготы[194]. Обращает на себя внимание факт, что с этого времени ему было предписано поставлять железо не только для артиллерии, но и для Адмиралтейства[195]. В этом трудно не усмотреть последствия передачи ему двумя годами прежде Тульского завода — лишившееся его Адмиралтейство ясно представляло возможности использования предприятия и не хотело терять с ним связи.

Строительство демидовского Урала

Зная, сколько заводов построили Демидовы, невольно задумываешься о причине длительной паузы между приходом Никиты на Урал и постройкой им здесь первого собственного завода. Четырнадцать лет! Готовился? Собирал силы и капитал? Несомненно, и это тоже. И все же — не четыре, а четырнадцать, на протяжении которых он не раз обещал что-то построить, получал на это разрешения… и не строил. Ладно, медеплавильные заводы — достаточного опыта работы с медными рудами у него еще не было, да и не очень понятно было, насколько медь окажется прибыльна. Но железные заводы при такой замечательной руде, таких лесах…

Вместе с тем можно долго перечислять, сколько сделал за это время Никита. Получив казенные заводы в состоянии, которое охарактеризовал словами «самые малые», он полностью их перестроил и расширил.

Первые пушки и мортиры, присланные с Каменского завода — числом до 350, оказались нехороши — при испытаниях до трети их разорвало. На Невьянском заводе, уже демидовском, за первую половину 1703 года было отлито 53 пушки и одна

мортира[196]. Некоторое их число было готово уже к весне, но задержались с отсылкой и к Москве отправили всего восемь[197]. В столице впечатление об уральских пушках складывалось пока в основном по продукции Каменского завода. После стрельб 1703 и 1704 годов отношение к первой уральской артиллерии вполне сформировалось. 19 января 1705 года разочарованный ею царь указом, данным из Приказа артиллерии в Сибирский приказ, «на Каменских и Верхотурских железных заводех чугунных пушек, мартиров, гоубиц лить не указал, для того по опытом прошлого 704 году присланные сибирские пушки явились зело плохи и к стрельбе негодны. А велено на тех слободских заводах делать прутовое, доброе железо, а из самого плохова, которое в ковку негодно, лить бомбы и гранаты…». Через несколько дней аналогичные указы были посланы в Тобольск и Верхотурье, так что Никита уже вскоре получил предписание пушек в казну не ставить, присылать только железо[198].

Несмотря на это уже с 1706 года невьянские пушки снова принимают на Пушечный двор, в связи с чем высказано предположение, что они сыграли заметную роль в разгроме шведов под Полтавой[199]. Сохранившийся документ — сводная ведомость о продукции, отправленной с Невьянского завода с момента пуска до 1720 года, не подтверждает этого. 26 пушек были отправлены в Москву в 1705 году. (Указ января этого года запрещал отливать пушки, но судьбы уже отлитых не касался.) В следующем году — пауза (принятые в тот год — потонувшие и поднятые из воды пушки, отправленные годом раньше). С 1707 года интерес к пушкам невьянского литья как будто усиливается: тогда, как и в первую демидовскую навигацию, к Москве было отправлено восемь орудий: четыре пушки и четыре мортиры. Следующее за этим увеличение производства пушек на Невьянском заводе связано с крупным заказом верхотурской администрации. «По указу из Верхотурья в отпуску припасов для оберегательства от воровских башкирских татар» в 1708 году в шесть населенных пунктов (Верхотурье, Кунгур, Мурзинская, Ирбитская, Белослудская, Красноярская слободы) было послано 19 пушек. На другой год столько же было отправлено по трем сибирским адресам (Тюмень, Тамакульская и Камышловская слободы), а еще 11 — в Москву. Со следующего года количество отсылаемых с Невьянского завода орудий непрерывно увеличивалось и в 1714 году составило 204 пушки[200]. Помимо Москвы они доставлялись также «к Макарью» (на Макарьевскую ярмарку) — здесь вообще было много изделий из уральского металла Демидовых: заслоны, таганы, скамьи, творила…[201]

Как видим, подозревать, что среди русских пушек на поле

Полтавского сражения было много невьянских, не приходится, хотя и категорически отрицать, что такие могли там быть, тоже не станем. А вот в ближайшие после Полтавы годы Невьянск исправно производил артиллерийские орудия, и определенный его вклад в русские победы в Северной войне несомненен.

Но неизмеримо большую роль играло невьянское железо. Оно пользовалось спросом на рынке, его забирала казна, употребляя для нужд артиллерийского ведомства. С середины второго десятилетия XVIII века демидовское железо поставлялось и в Адмиралтейство.

Преодолевая трудности, сопряженные с работой на казну (ответственность, задержки с оплатой), а когда не удавалось преодолеть — мирясь с ними, Демидов всеми силами добивался новых ее заказов. Для вытеснения конкурентов он снижал цены, повышал качество продукции, брал на себя заботу о ее транспортировке. Добившись признания, старался добиться монопольного положения и одновременно льгот, привлекая в помощь ведомство, для которого выполнял заказ. Пользуясь именно такой схемой, еще в 1715 году он вошел в число поставщиков железа для Адмиралтейства (прежде на него работали в основном Нарышкины и Меллеры), одновременно получив освобождение своих и детей дворов от воинского постоя. Три года спустя последовал указ все железо в Адмиралтейство покупать только с сибирских заводов Демидова. Сразу же после того как он был ему прочитан, Никита подал жалобу на кунгурского воеводу и местных откупщиков. Его услышали: распорядились ему, его подрядчикам и работным людям «никаких обид и налог никому не чинить»[202].

Х. Хадсон удачно определил характер отношений между Демидовыми и государством как «брак по расчету». А.Г. Мосин дополнил эту формулу: «…еще и брак поневоле». Погоня за привилегиями, стремление к вытеснению конкурентов и монопольному доминированию были реакцией на (его выражение) «удушающие объятия» самодержавного крепостнического государства[203].

В 1718 году Демидов получает еще один правительственный заказ, важный еще и потому, что продукция предназначалась для царя и его семьи. Никите было поручено делать чугунные фонтанные трубы и железо для строившихся тогда дворцов под Петербургом и в Ревеле. Первые поставки труб относятся к 1720—1721 годам, впоследствии они продолжались[204].

14 лет главным производственным объектом Демидовых на Урале оставался Невьянский завод, 14 лет они разгонялись, готовясь к новому строительству. В 1716 году затянувшаяся пауза

была прервана — на притоках Нейвы речках Шурале и Быньге они построили и пустили Шуралинский, а через два года — Быньговский заводы. Оба были железоделательными. На Шуралинском имелось четыре действующих молота, на Быньговском, с его более мощной речкой, — втрое больше[205]. Поставленные вблизи Невьянского завода (первый в пяти, второй в семи верстах[206]), они являлись вспомогательными: перерабатывали невьянский чугун, с которым собственные его молотовые не справлялись. Теперь ситуация коренным образом изменилась: возможности передельного производства обогнали ресурс выплавки чугуна. Можно было думать о строительстве нового доменного завода.

Напомним, что в 1713 году Демидову был возвращен его Тульский завод. С восстановления присутствия в Туле начинается новый этап истории дела Демидовых — этап утверждения их присутствия на всех территориях, представлявших интерес для развития на них металлургии. Начинается то, что Хадсон назвал «захватом Урала»[207].

Да и Уралом Никита уже не ограничивался. В 1720 году купил у графа Н.Ф. Головина часть большого села Фокина в Нижегородском уезде[208] — и там скоро появились его заводы[209]. Своим колючим, цепким взором он смотрел еще дальше, через тысячи верст — на Алтай.

Глава 3. ПОСЛЕДНЕЕ ПЯТИЛЕТИЕ РОДОНАЧАЛЬНИКА

Рубеж второго и третьего десятилетий XVIII века — хронологическая веха, к которой тяготеют сразу несколько важных событий. С них начинается новый этап в истории рода Демидовых и их промышленных хозяйств.

В декабре 1719 года была опубликована Берг-привилегия — основополагающий законодательный акт, определивший отношение государства к частной горно-металлургической промышленности. Документ пропитан идеей «горной свободы» — принципом, дозволявшим каждому желающему на любых землях искать и добывать руды, из руд — выплавлять металлы. Вся история отечественной металлургии и горного дела XVIII века пронизана влиянием этого исключительного по значимости документа, квинтэссенции петровской промышленной политики. Привилегия провозгласила создание Берг-коллегии — нового государственного органа, призванного обеспечить реализацию ее положений. Без малого столетие отрасль развивалась с деятельным участием этого органа, иногда менявшего обличье и название, но потом возрождавшегося на началах Берг-привилегии, петровских началах.

Дарованные привилегией свободы дополнил и экономически подкрепил указ, изданный 18 января 1721 года[210]. Люди купеческого звания получили право приобретать к заводам населенные деревни. Обеспечение предприятий рабочими — в позднефеодальной России с ее слаборазвитым рынком свободной рабочей силы дело очень непростое — облегчилось. Персонально Демидов этим правом владел давно. Теперь разница в ресурсе развития у него и других заводчиков, преимущественно недворян, сократилась.

Эти события — общероссийского масштаба. Другие произошли непосредственно в истории фамилии. В конце 1720 года окончательно закрепились отношения отца с сыновьями. По его инициативе Берг-коллегия особым приговором «учинила» единственным наследником нажитой Демидовым-старшим недвижимой собственности сына Акинфия. Это на первый взгляд внутрисемейное дело имело исключительное значение для его потомков, отразилось на их личной судьбе, на стратегии развития хозяйств, в конечном счете — на истории отечественной

металлургии.

В том же году родоначальник едва не стал дворянином: во всяком случае, появился на свет диплом о пожаловании ему дворянского достоинства. Подписан он, впрочем, не был, но первая попытка Демидовых преодолеть разделявший сословия перевал состоялась.

Заканчивается охваченное этой главой пятилетие смертью Никиты (ноябрь 1725 года), месяц спустя после которой первый чугун дал доменный и молотовой Нижнетагильский завод, в будущем одно из самых известных демидовских предприятий.

Отец и сын: от победы к победе

Тульский завод. Отношения с конкурентами

Итак, три вполне оформившиеся ветви древа демидовского рода: отец с Акинфием и живущие собственным умом младшие сыновья.

Какие все разные! И сколько в них общего!

Никита Первый входил в третье десятилетие века на всех парусах: только что пустившим очередной завод — Верхнетагильский доменный и железоделательный (январь 1720 года[211]). Металлургических мануфактур у него было уже пять: три завода полного цикла (Тульский, Невьянский и новый Верхнетагильский) и два молотовых (Шуралинский и Быньговский).

Немало было и трудностей, и все же успех следовал за успехом. Дело развивалось устойчиво. Ничто серьезное, кажется, уже не могло ему помешать: укрепился, заматерел.

Старейший Тульский завод достиг полной зрелости и жил сообразно возрасту и положению. Он занял свое место в демидовском хозяйстве и, сколь бы оно ни казалось скромным, исправно дымил, выдавая чугун и железо. Правда, в 1722 году Никита остановил одну из двух его домен (эксплуатация двух при поднимавшихся ценах на уголь себя не оправдывала), но ломать ее не стал, оставил про запас[212]. Пожалуй, единственное касающееся тульских дел Демидовых заметное происшествие этого времени было связано с заводским приказчиком, свойственником Никиты Семеном Пальцовым: у того возникли неприятности с Преображенским приказом[213]. Но дело обошлось для него без последствий.

Демидов давно уже чувствовал себя в Туле человеком, которому позволено многое, другим недоступное. Говоря дальше о его уральском конфликте с прибывшими туда из столицы представителями горного ведомства, мы увидим, насколько свободно он распоряжался тем, что ему там принадлежало и не принадлежало. А в родной Туле ему уже и черт был не брат. В начале 1720-х годов произошло новое обострение отношений с тульским соседом Демидова заводчиком Иваном Баташевым. Как давил конкурента Демидов и какие это имело последствия, сообщает сказка Баташева, поданная им 5 августа 1721 года. По его рассказу, «не любя меня, Никита Демидов поды[ма]л у себя плотины вверх многое число и потопил те мои вышеписанные

заводы. И работают с великою нуждою в один молот в два горна, а бывает то, что и в адин горн с нуждою». (Заметим, что в это время на заводе было две молотовые, имевшие три молота и пять горнов. Благодаря Демидову более половины его оборудования простаивало.) «А зимним временем, — продолжал Баташев, — и гуляют многое число. И оттово у меня мастера руские и иноземцы разошлись»[214].

Из текста сказки не ясно, когда началось обострение. Год, считая с августа 1720-го, завод еще работал (исключая два месяца, когда молот простаивал «за вешнею полою водою»), даже произвел почти три тысячи пудов железа. Но действовал не в полную силу. Напротив, по словам Баташева, «ежели б тот мой вышеписанной завод в потоплении не был, и третей молот в совершенство приидет, то бы мне возможно зделать тысяч девять или десять в год»[215]. В том году доменная печь скорее всего еще работала. А вот в 1722 и 1723 годах «на том ево заводе построенная домня была без работы праздна» и «плавки чюгуна… не было»[216]. Металлургия угасала. Впору было мельницу восстанавливать.

«А от того потопу не токмо прибытку, но и убытку многое число», — печально констатировал Баташев, завершая свою сказку. И жаловался, насколько ему труднее, чем Демидову, содержать свой завод: «А к тем моим заводам крестьян, и земли, и лесов, и руд, и мастеров по указом ничего не дано, как дано Никите Демидову. А крестьян и землю к тем заводам я купил на свои денги; да к тем же заводам руду и уголья покупаю и всякия припасы с торгу повольною ценою с платежем пошлин»[217]. Характер документа таков, что во всем верить жалобщику мы бы остереглись, но в данном случае он, похоже, не преувеличивал ни трудности, ни тем более отличия своего положения от демидовского.

Сколько же потерял Баташев, вынужденно терпя от соседа? Зная потенциальную и фактическую производительность, подсчитать нетрудно. До двух третей прибыли! С каждым рублем недополученной выгоды сокращались инвестиции в развитие производства. Сильный и непривыкший уступать комиссар Демидов в течение нескольких лет успешно сдерживал конкурента, неосмотрительно построившегося рядом с ним[218]. Преодолеть барьер, поставленный комиссаром Демидовым, Ивану Баташеву не удавалось вплоть до 1727 года, когда он развернул строительство нового предприятия, местом размещения которого выбрал далекий калужский край. Его война с Демидовым, как *все* войны, закончилась прекращением военных действий и, как *некоторые,* — уроком на будущее (а он такой извлек). Вместе с

тем конфликт с Демидовым явился для Баташева одним из тех испытаний, в которых закаляются крепкие натуры[219].

Урал: замыслы и достижения. Начало демидовской меди

На Урале дела у Демидова шли тоже достаточно споро. Заводы (о Верхнетагильском уже сказали) — строились. На последнее пятилетие пришелся пуск двух новых.

23 ноября 1723 года на речке Лая (притоке реки Тагил) в 20 верстах к северу от построенного вскоре Нижнетагильского завода им был пущен завод Нижнелайский, железоделательный и металлообрабатывающий. Разрешения на его строительство Никита не получал — действовал на основании старого, от 8 марта 1702 года, указа о передаче ему Невьянского завода, позволявшего ему, находясь на нем, рубить лес, выжигать «уголье» и строить новые заводы[220].

В это же время в 20 верстах к югу от Нижнелайского на реке Тагил создавался и доменный завод — знаменитый в будущем Нижнетагильский[221]. И он первоначально строился на основании указа 1702 года — позволение Берг-коллегии было получено всего за две недели до пуска домны[222]. Никиты к этому времени уже не было в живых.

Все эти заводы тяготели к Невьянскому и так или иначе были с ним технологически связаны. Но уже в это время Никита думал об освоении новых территорий.

Очень привлекательным для разработки представлялось месторождение железной руды, обнаруженной «в Сибирской губернии в пустых и диких местах» у Волчьей горы (Волчихи). По пробе железо получалось «самое мяхкое». На протекавшей поблизости речке Ревде (приток Чусовой) он задумал строить завод. Речка и гора находились, по его словам, «в самом пустом месте, жилья около их никакого не имеетца»[223]. Землю Демидов у башкир купил, но в возможности обеспечить производство достаточной рабочей силой сомневался. Поэтому решил ограничиться постройкой домен, а переделывать чугун в другом месте — на молотовом заводе, который намеревался построить в своей ветлужской вотчине в Галицком уезде. Возить чугун собирался водою — на стругах по Чусовой, Каме, Волге[224]. 9 июня 1724 года Берг-коллегия разрешение на строительство дала, но за оставшиеся ему неполные полтора года жизни воспользоваться им Никита не успел.

Новые перспективные для освоения территории присматривались не только на Урале. Уже упоминалось о покупке

им в 1720 году села Фокина в Нижегородском уезде. Может быть, приобретая его, он интересовался в первую очередь крестьянами, намереваясь их перевести к существовавшим и строившимся заводам. Но со временем предприятия появились и в этом районе.

Никита строил новые заводы, готовился строить еще. При этом, вспоминая сценарий, освоенный еще в 1702 году, был не прочь приватизировать что-нибудь и из состава казенной собственности. В 1722 году он просил о передаче ему старейшего на Урале Каменского завода, строившегося в одно время с его Невьянским, а пущенного даже немного раньше. Аргументировал так. Выполняющие заказ Адмиралтейства Шуралинские заводы «лесами весьма обсечены», большого количества железа делать «за оскудением того лесу не на чем». В таком же положении и казенные Каменские заводы. Выход: позволить ему эти предприятия закрыть и «со обретающимися на тех заводах со всеми служители» их «перевесть». Производства, заменяющие закрываемые Шуралинский и Каменский заводы, Никита готов был строить на речках Пышме, Ревде и Полевой «или где приищетца удобное место». Предложения не приняли[225].

Этот случай демонстрирует один из приемов ведения Демидовым своих дел. Адмиралтейские заказы, понятно, — заказы ответственные. Но Демидов их уже несколько лет исполнял единолично и, похоже, больших претензий к нему у Адмиралтейства не было. Корабельное железо, которое он упоминает, — формальный повод. Его действиями руководило ощущение, что пришел момент, подходящий для нового рывка. 1722 год богат признаками этого. Личная встреча Никиты с царем в апреле, во время которой заводчик жаловался на В.Н. Татищева[226] и, по-видимому, сумел убедить Петра в своей правоте. Июльское письмо государя, заметившего исполнительность Демидова в поставке фонтанных труб и лично давшего новое задание. Наконец, заключение казной пятилетнего контракта с английским купцом Мейером о продаже им железа производства государственных заводов. (Кто в этой ситуации становился главным производителем его для нужд империи? Демидов. Шутка ли!)

Кстати, возможно, на апрельской встрече был поднят вопрос о Каменском заводе и Петр оставил надежду на его решение в будущем в пользу промышленника. Последующий разбор Вышним судом его конфликта с Татищевым и ознакомление царя с его результатами остановили его готовность расстаться с еще одним казенным заводом, отдав его (для уничтожения!) в частные руки.

В эти же годы Никита Демидов пустил наконец

медеплавильный завод. Мы помним, что за разрешением плавить медь в Кунгурском уезде Демидов обращался еще в 1705 году. Он его получил, больше того, для работы в этом районе ему была предоставлена монополия. Оттеснив мешавшего ему Федора Молодого и оценив как неудобный тот формат, в котором ему предлагалось хозяйствовать (фактически речь шла о казенном предприятии, которым он управлял бы на пару с воеводой), Демидов надолго успокоился. Дозволение строить медные заводы подтверждалось и позже — в 1707 и 1709 годах, но достоверных данных о попытках реализовать эти указы не имеем[227].

Новым разрешением, касавшимся добычи и переработки руд в районе речки Выя, Демидов, наконец, воспользовался. Он получил его 20 декабря 1720 года — в те дни, когда решался вопрос об утверждении выбранного им наследника заводов, буквально за три дня до принятия решения. Место, где он был заложен, находилось в 50 верстах к северу от Невьянского завода и всего в двух — от Нижнетагильского (в настоящее время в черте города Нижний Тагил). Два года спустя, 23 ноября 1722 года, он был пущен. Первоначально на нем действовали шесть печей для плавки меди, к которым вскоре прибавились еще четыре. Тем самым Демидов формально исполнил давнее свое обещание: освоил промышленное производство металла для денежного двора и артиллерии. Правда, завод работал вполсилы — в первые три года и тысячи пудов меди в год не давал, потом пару лет вообще не действовал[228]. Но начало было положено.

Почему Демидов осваивал производство меди так медленно и трудно? Причин было несколько.

Металлургия меди в сравнении с имевшей в России к тому времени примерно 85-летнюю историю доменной металлургией была делом относительно новым. Правда, первое медеплавильное предприятие в России — Пыскорский завод на притоке Камы речке Камгорке — было построено еще в 1634— 1635 годах, то есть одновременно с первыми доменными Тульскими (Городищенскими) заводами[229]. Тем не менее полноценной медеплавильной промышленности в России в XVII веке не возникло. Поскольку не было стабильно работающих заводов, не было (или остро не хватало) специалистов.

Занявшись наконец промышленной выплавкой меди, наладить ее Демидов смог не сразу. Об этом свидетельствуют, в частности, письма В.И. Геннина, весьма осведомленного и высококвалифицированного специалиста, посланного на Урал, чтобы, помимо прочего, «подтянуть» там казенную и присмотреть за частной металлопромышленностью. В обширном послании императору от 15 февраля 1723 года, отправленном с казенных

Уктусских заводов, Геннин, между прочим, упоминает и медную руду, которую «Демидов у себя на заводах (вероятно, на пущенном за три месяца до этого Выйском. — *И. Ю.)* плавил собою». По словам Геннина, в получавшемся сплаве «железа выходило много». Демидов пытался разделить медь и железо переплавкой, но они разделялись у него «с великою трудностию, и от того угару было много, и веема неприбытна». Геннин ранее уже сообщал об этом царю и даже послал ему кусок такого сплава. Теперь он забрал у Демидова 500 пудов руды и переплавил ее на Уктусских заводах «по саксонскому». Результат оказался более удачным: «…по сплавке явилось в выходе медь чистая без железа, толко самое малое число железа в последнем верхнем слою меж пеною явилось». Геннин, как представитель казны, которому положение дел на частном заводе в данном случае было не менее важно, чем на государственном, помог Демидову освоить более совершенную технологию: взял у него человека для обучения «как печи для плавки меди делать и медь по саксонскому плавить, чтоб Демидов для государственной Вашего величества ползы мог медное дело распространить»[230].

Итак, помимо уже названных причин делу мешали сложности в переработке местных руд? Демидов, получается, просто не умел их переплавлять из-за особенностей состава? Но отчего не подготовился, не научился загодя? Почему за «науку» взялся только при Геннине, то есть не раньше 1722 года, а не в упомянутых 1705, 1707, 1709-м?

Чтобы ответить на эти вопросы (а какие-то — снять), нужно вернуться к тем годам, пока Демидов только еще устраивался на Урале.

Если верно, что главной задачей, которую он первоначально ставил перед собой в Кунгурском уезде, где начинается история его меди, была не организация там ее производства, а закрепление в перспективном районе с вытеснением оттуда конкурентов, то высококвалифицированные медеплавильные мастера в то время были ему еще не нужны. Для организации промышленной плавки меди он пока еще не имел ни материальных, ни других ресурсов. Черная металлургия была привычнее и обещала более быструю прибыль. А в технической осуществимости медной плавки он в то время сомнений, вероятно, не имел. Плавил же ее, пусть и в сравнительно небольших количествах, Федор Молодой.

Здравый смысл подсказывает, что, вступая с ним в борьбу за кунгурскую медь, Никита какие-то опытные плавки на местной руде тоже провел. Есть два свидетельства этого.

Первое давно известно. В Нижнетагильском музее стоит

медный стол с надписью: «Сия первая в России медь отъ искана в сибире бывшим комисаром Никитою Демидовичем Демидовым по грамотам ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ И ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ПЕРВАГО в 1702 1705 и 1709 годах. А из сей перво выплавленной российской меди сделан оной стол в 1715 году»[231].

Если верить этой надписи, первая, вторая и даже третья медь была выплавлена Демидовым задолго до пуска Выйского завода. Где же именно?

Правда, некоторые детали в тексте настораживают[232]. Например, именование Петра «императором». Этот титул был поднесен ему от Сената 22 октября 1721 года в связи с окончанием Северной войны. Надпись, следовательно, не 1715 года, а самое раннее — конца 1721-го. Второе: именование самого Никиты «бывшим комиссаром». Комиссаром он оставался до конца жизни, о чем прямо сказано в эпитафии: «…был в том чину даже до часа смертнаго». С учетом этого прилагательное «бывший» следует связывать не с комиссаром, а с его именем. Другими словами: надпись подразумевает, что комиссара Никиты Демидовича Демидова нет в живых. Датировка еще более отодвигается — к самому концу 1725 года, а то и к более позднему времени.

Итак, надпись была сделана позже событий, о которых в ней говорится. Но признания этого факта еще недостаточно, чтобы утверждать, что стол — «фальшивый» (в том смысле, что изготовлен после года, указанного в надписи). Сделать стол могли действительно в 1715 году, надпись же появилась позже.

Е. А. Курлаев недавно обнаружил еще одно интересное свидетельство самого Никиты, касающееся ранних его опытов с выплавкой меди. Речь идет о доношении заводчика в Берг-коллегию, относящемся к ноябрю 1723 года. Как можно из него заключить, прибывший на Урал Геннин крайне низко оценил медеплавильные достижения Демидова: заявлял, пишет Демидов, «что из медной руды медь плавить не знаю, и мастера такого у себя не имею, который бы мог разделить медь с железом, и будто я тому медному делу охоту и старание не прилагаю». Опровергая эти «не знаю», «не имею» и «не прилагаю», Демидов сообщил: «Для медеплавильного дела построил я заводы. И на оных заводах зделано было у нас для плавки медных плавильных печей 10 и более. Да на старом железном заводе и на руде — 15 печек»[233].

Разберемся с географией. По словам Демидова, печи строились на специализированных медеплавильных заводах, на «старом» железном заводе и «на руде». Железный завод — несомненно, Невьянский. Медеплавильные… Е.А. Курлаев высказывает предположение, что подразумевается предприятие в

Кунгурском уезде. Печки «на руде», по его мнению, — на речках Вые или Ревде. Вывод: «25 медеплавильных печей были построены Демидовыми еще до появления Выйского завода». Полагаем, однако, что в список адресов можно по формальным признакам включить и Выйский завод, — ничто не мешало предположить, что именно он (вариант: также и он) подразумевался в том месте письма, где Никита говорил о заводах «для медеплавильного дела».

Итак, по утверждению промышленника, к моменту написания письма медеплавильных печей им было построено уже множество. Игнорировать это заявление невозможно, да и ничего противоречащего здравому смыслу в нем нет. Поставить близ рудника небольшую опытную печь проще, чем везти руду на ближайший завод. Такие же временные, а в отдельных случаях, может быть, даже полупромышленные печи могли строиться и в ходе подготовки к пуску Выйского завода. Сколько их было поставлено к 1715 году[234] — трудно сказать. Меди для изготовления стола требовалось немного, получить ее и с небольших печей было, наверное, нетрудно. Но в лучшем случае это было опытно-промышленное производство.

И вот, наконец, Демидов берется за строительство полноценного медеплавильного завода (о том, что его к этому подтолкнуло, — чуть ниже). И немедленно сталкивается на Вые с проблемой разделения меди и железа, которая на Кунгуре с такой остротой не возникала. Тем не менее завод строит именно здесь. Была ли медь главной его целью? Не можем исключить, что Демидов по-прежнему искусственно притормаживал развитие у себя медеплавильного производства, отдавая душу и капитал более выгодному производству железа. Именно в этом видел причину его медеплавильных неудач авторитетный горный специалист И.Ф. Блиер, на глазах которого строился Выйский завод. Толчок к его строительству, по мнению Блиера, дала Берг-привилегия, в которой Демидов углядел, с одной стороны, «многие пресечении» его намерениям, с другой — «хотящим же вновь заводы строить волности». Дополнительно подтолкнул приезд на Урал группы Татищева — Блиера — специалистов, которые были сюда «нарочно для размножения оных отправлены». Блиер утверждал, что «убоясь он (Демидов. — *И. Ю.),* чтоб у него на Тагиле места не отняли под строение государевых заводов, без указу начал наискоряя на речке Вые строить железной завод»[235]. Железный!

В версии Блиера (свидетеля пристрастного, но подоплеку дела знавшего или, во всяком случае, чувствовавшего) логика действий Демидова реконструируется примерно такой. Он хотел

строить железный завод, но опасался, что Берг-коллегия, зная, что поблизости есть медная руда, строить его ему не позволит. На перспективу выплавки меди смотрел скептически: считал, что «оная медная руда для многаго в ней железа неприбыточна». Полагал, что и Берг-коллегия в конце концов в этом убедится, а «уведав», сама решит построить «государевы железные заводы, а особливо для литья пушек»[236]. Поэтому спешил: бил челом в Берг-коллегии об отдаче ему руды «в Верхотурском уезде у Магнитной горы за речкою Выею». Просимое разрешение (на разработку руды и строительство медеплавильного завода) получил, а с ним и адресованный в обербергамт указ об отводе земли. Казалось, своего добился. Так и было, за исключением того, что указ предписывал, «чтоб ему при том медном заводе железа отнюдь не делать, и вновь железных заводов не строить». Демидов в бергамте указа не объявил, не потребовал отмежевания земли, не попросил другой помощи — он спешил «оныя железныя заводы построить». Свидетельство того, что Демидов, строя завод якобы медный, не имел ясного представления, как выплавляется этот металл, Блиер усмотрел и в том факте, что заводчик прислал человека на Уктусский завод к Патрушеву учиться, «как печи строят и мед[ь] плавят»[237]. Свое доношение Блиер заканчивает следующим выразительным пассажем: «Тако ж в прибытие вашего превосходительства (Геннина, которому адресовано доношение. — *И. Ю.)* сам Демидов сказывал и писменно об[ъ]явил, что… меди он, Демидов, делать не умеет и не хочет. Тако ж и при осмотре его медных заводов мог ваше превосходителство видеть, что оной строен железной под видом медного, ибо домнами, в которых он ныне в противность указу железо плавит, меди нигде такими домнами не плавят»[238].

Если все так и было (а Блиер, разбираясь в подоплеках, в технических вопросах тем более разбирался), то имеем замечательный пример того, к каким приемам прибегал комиссар Демидов, добиваясь прочно связанных с его именем поражающих воображение побед на ниве промышленного предпринимательства. Следует очень подумать, всегда ли он носил кафтан государственника, в котором запомнился потомкам.

Конечно, противопоставление «государственник/радетель собственной выгоды» неправомерно сводить к оппозициям белый/черный, хороший/плохой. У Татищева (вот уж государственник так государственник!) была своя правота, была она и у Демидова, который, сотрудничая с государством, во главу угла ставил предпринимательский интерес. Единственное, что мы из нашего

далека можем сегодня сделать, — определить приоритеты и цели каждого, выяснить, какими средствами они двигались к их достижению. Но это — после того, как надежно установим факты. Так что объяснение неудач с выплавкой меди тем, что Никита первое время не хотел ее плавить, не снимает вопроса: все же умел он это делать или не умел? Однозначного ответа на него пока не имеем.

Выскажем свое мнение. Руда руде рознь. На Кунгуре, полагаем, он бы задачу решил успешно. Еще раз напомним о Федоре Молодом, который медь из нее выплавлял. Вспомним и о столе, сделанном, может быть, из первой меди кунгурских руд. На Вые руда была другой, он с ней не справлялся, но долгое время, возможно, не сильно об этом печалился. Присоединяемся к мнению Блиера: Выйский завод только писался медным, строился же он для другого. Как и на Кунгуре, на Вые Демидов заботился прежде всего о том, чтобы занять перспективное место. Только конкурентом ему в данном случае выступал не частный заводчик, а казна. Чтобы обойти ее, понадобилось больше усилий — потребовалось создать симулякр. Подчеркивая трудности освоения плавки меди, демонстрируя усилия по их преодолению, Демидов тайно молился старому богу — черной металлургии, которой он занимался всю жизнь, которая казалась ему более надежной сферой вложения капитала, чем металлургия цветная. Что плавить выйскую руду не умел, было бедой поправимой. Захотел бы — и готовых мастеров нашел, и своих подготовил. Окунуться с головой в медеплавильное производство он долгое время опасался, имея на это несколько причин. Он не хотел потерять свое лидерство в качестве железного короля Урала. Занявшись медью, он рисковал упустить площадки для доменных и передельных заводов, которые строить умел отлично. Риск этого возрос после введения Берг-привилегии, объявившей политику горной свободы. Никиту смущали и изобретавшиеся государством схемы сотрудничества с частным бизнесом. Он не хотел служить наемным работником на казенном заводе, не желал участвовать в проектах на смешанном капитале. Он уходил от таких предложений, не исключая, что в будущем устроит собственный медеплавильный завод.

Эти надежды сбылись уже после смерти Никиты. И вклад комиссара в их реализацию, если судить объективно, не так уж мал. Демидовское строительство на Вые упростило закрепление за Демидовыми ближайшего района, тем самым — получение разрешения на строительство ставшего со временем одним из лучших у Демидовых Нижнетагильского завода. Выйский же завод, едва ли принесший Демидову большие прибыли, заложил

кадровую и технологическую основу, благодаря которой его сыну удалось создать новый горно-металлургический район — Алтайский, в котором из местных полиметаллических руд была получена не только великолепная медь, но позже серебро и золото. Может быть, выйская медь выплавлялась в построенных домнах совсем для другой цели, поначалу как бы «понарошку». Но эти опыты имели долгое эхо.

Из Невьянска, из горного своего гнезда, Никита Демидов оглядывал вершины далеких гор, сделать которые своими предстояло его потомкам.

Конфликт с Татищевым

Напомним об обучении демидовского мастера на Уктусском заводе. Чем не пример лояльного и взаимополезного сотрудничества Демидова и власти. Геннин в письме, сообщавшем царю об этом факте, написал о Демидове немало нелицеприятного. Однако, приняв мастера для обучения, он же продемонстрировал вполне доброжелательное отношение к заводчику, поскольку видел в достижении Демидовым успеха прямую государственную пользу. Но сколько было случаев, когда две пользы не совпадали!

Довольна ли была своим комиссаром власть, прежде всего — власть коронная? Свидетельством удовлетворенности могут служить поощрения — им, несомненно, могло бы явиться, скажем, пожалование дворянства. Но, мы уже говорили, соответствующий диплом подписан царем не был. Почему?

По мнению Б.Б. Кафенгауза, это произошло «случайно, за отъездом Демидова»[239]. Нам неизвестно, на какие сведения, утверждая это, опирался историк, но даже если об этом так прямо в известном ему документе и было сказано, рискнем усомниться в достоверности утверждения. Присутствия Демидова для подписания документа не требовалось, а если бы он и понадобился — доставить к царю вчерашнего кузнеца, который ни от кого не прятался, сложности не представляло, где бы он ни находился.

Тот факт, что решающий шаг в этом деле сделан так и не был, И.М. Шакинко связал с временным охлаждением царя к Демидову Он полагал, что его вызвало письмо Геннина, пришедшего к неблагоприятному для заводчика заключению по поводу его конфликта с Татищевым, и решение по тому же вопросу Вышнего суда. «Петр, — писал Шакинко, — кажется, изменил свое отношение к Демидову. Указ о его дворянстве так и не был подписан… Судя по всему, Петр в нем разочаровался так

же, как в Меншикове и во многих других своих соратниках»[240]. К сожалению, усмотренная историком связь кажется уже не столь убедительной при сопоставлении дат: 23 сентября 1720 года (диплом[241]) и 15 февраля 1723-го (доно-шение Геннина)[242]. Если роковую роль в отношении Петра к Демидову сыграли разоблачения Геннина, то что целых два с половиной года до его письма мешало царю сделать Никиту дворянином?

Уж скорее это были разоблачения Татищева или вызвавшие подозрения жалобы Демидова. Хотя и такое предположение не без изъяна: напряжение отношений между Демидовым и Татищевым наметилось действительно в 1720 году, но сор из избы был вынесен не прежде 1721-го. И все же возникший между ними конфликт на мнение царя о Демидове, несомненно, повлиял.

Обратимся к истории этого столкновения. Написано о ней немало. И хотя новые документы по теме вводятся в оборот до сих пор[243], можно считать, что на сегодняшний день ход событий в основном установлен. Даны и оценки действий, впрочем, весьма несхожие.

Познакомимся с фактами. В январе 1720 года Берг-коллегия решила направить на Урал бригаду специалистов, в которую вошли В.Н. Татищев, бергмейстер И.Ф. Блиер, берг-шрейбер (бергфохт) И.Ф. Патрушев и еще несколько человек. Им поручались ведение казенных заводов и надзор за частными промышленниками. Главными фигурами в этой группе были Татищев и Блиер. Исходное, заданное в коллегии распределение между ними обязанностей не ставило Татищева над коллегой. Оба имели собственную сферу компетенции, учитывавшую их знания, опыт и отчасти, возможно, склонности. На Татищева по инструкции возлагались административно-финансовые вопросы и материальное обеспечение, на Блиера — техническое руководство. Василию Никитичу Татищеву на момент ответственного назначения было 34 года; вскоре после него он получил чин капитана артиллерии[244].

Посланцы ехали через Москву (здесь команда пополнилась учениками артиллерийской школы и рудоискателями[245]), откуда отправились 20 мая. Прибыли в Кунгур 30 июля 1720 года[246], на казенный Уктусский завод — в ночь на 30 декабря. Именно он стал основным местом пребывания Татищева, здесь же находилось вскоре созданное горное начальство (обербергамт), присутствие которого составили Татищев, Блиер, Патрушев и позднее Михаэлис[247].

С появлением на Урале представителей Берг-коллегии Демидов оказался в положении, от которого давно отвык. За

полтора с лишним десятилетия, проведенных им на Урале, он сумел поставить себя так, что ничьих указов, кроме именных царских, не слушался[248] (исключая, конечно, тех более низкого ранга распоряжений, которые его устраивали). Заводчик чувствовал себя на своих землях едва ли не полным хозяином (Геннин: «…до сего времени никто не смел ему, бояся его, слова выговорить, а он здесь поворачивал как хотел»[249]). И намерен был так же чувствовать и так же вести себя впредь. Но горные чиновники и специалисты, среди них Татищев, исполняя данные им инструкции, заметно ограничивали и его свободу, и в известной степени прибыли.

Татищев занялся улучшением положения и расширением старых казенных заводов, подбором мест для строительства новых, попытался добиться большего порядка в рубке лесов, в отведении рудных мест. Все это косвенно, а нередко и непосредственно противоречило интересу Демидова. Не могло понравиться ему и вводившееся Берг-коллегией налогообложение частных заводчиков. «Ему ж досадно было, — свидетельствует Геннин, — что Татищев стал с него спрашивать от железа десятую долю, которую во всем свете промышленики монарху своему должны платить»[250]. Как бы не видя, что «Демидов делал, что он желал», Татищев действовал в системе координат, в которой право вершить судьбами промышленного района было предоставлено обербергамту.

Демидову предстояло его или «переубедить», или ему подчиниться.

Сначала он попробовал переубедить. Подробности того, как Демидов «подъезжал» к Татищеву, отсутствуют, но разбиравший позднее это дело Геннин знал достаточно, чтобы не сомневаться: он вполне определенно пишет, что тот «денгами не мог Татищева укупить»[251].

Не укупив, Демидов начал войну Ближайший сподвижник Татищева Блиер в доношении Геннину от 15 декабря 1722 года рассказывает о ней такими словами:

«…И в бытность нашу, имея в разныя времена, терпели мы от Демидова многие противности в делех его величества, и срамныя на писмах и на словах поношения и обиды. И хотя, по прозбе нашей, указом из Берг-коллегии велено всем здешним промышлеником быть под ведением нашим и указом повиноваться, но он не токмо наши посылаемыя указы, но и приеланныя от коллегии презирал, и по оным иногда и не ответствовал, а когда ответствовал, представлял разныя непотребныя отговорки, о чем мы многократно коллегии доносили. Оной же Демидов, видя нас презренных, более нас поносил и указом

противиться начал…»[252]

Далее Блиер сообщает факты «противностей» заводчика — те же, о которых в коллегии знали от Татищева. Не позднее января 1722 года в ней знали и то, что Демидов на него жалуется (или намерен пожаловаться). В начале года Татищев сам собрался в Москву. Здесь в марте у него состоялась встреча с Петром. Вскоре, в апреле, царь переговорил с Демидовым. Содержание этих бесед неизвестно, но о нем нетрудно догадаться. Татищев был отстранен от исполнения своих обязанностей[253]. Расследовать демидовские жалобы на него (не наоборот) было поручено только что произведенному в генерал-майоры Вили-му Ивановичу Геннину (Георг Вильгельм де Геннин), посланному в Сибирь независимо от Берг-коллегии.

Геннин приехал в Кунгур 2 октября 1722 года[254]. Призвав Демидова, потребовал подать письменный перечень обвинений. Демидов поначалу отказался, сославшись на то, что неграмотен и вообще не ябедник. Геннин настаивал: если письменных обвинений подано не будет, то и расследовать он ничего не станет и это выйдет Демидову боком: окажется, что Татищев оговорен напрасно. Демидов жалобу подал, но она содержала всего два пункта. Прочие претензии он снял, то ли не надеясь их доказать, то ли опасаясь разбирательства, которое могло вскрыть что-то для него нежелательное.

Первое обвинение касалось ограничений, якобы чинившихся Татищевым доставке на демидовские заводы хлеба. Татищев учредил на дорогах заставы, там стали брать пошлину, которой прежде не бывало, и, утверждал Демидов, облагать торговцев дополнительными поборами. Геннин быстро выяснил, что Татищев установил пошлину абсолютно законную, а эпизодическое лихоимство персонала застав — личное их злоупотребление положением. Введенную капитаном практику генерал закрепил.

Вторая претензия Демидова к Татищеву состояла в том, что он изгнал заводчика с пристани на реке Чусовой, которую тот сам построил и к которой сам проложил дорогу. Тем самым — затруднил формирование железных караванов и задержал их отправку. И с этим все оказалось между «не совсем так» и «совсем не так». Демидовская пристань стояла на государственной земле, основана была еще до Демидова, дорогу к ней делали не демидовские работники. Если что расчистил Демидов — то так, «малые кустики». По приказанию Татищева на пристани действительно поставили казенный амбар, но на краю, так что Демидова при этом не вытеснили — только потеснили. Геннин, не усмотрев и в этих действиях Татищева нарушений, пошел

навстречу Демидову: новое казенное строительство перенес от пристани выше по реке, при этом в письмах в Кабинет и государю предлагал за ним (Демидовым) эту пристань закрепить.

Таким образом, те немногочисленные факты в обвинениях Демидова, которые подтверждались, не являлись ни преступлением, ни ошибкой, ни оплошностью. Татищев действовал по закону, преследуя при этом исключительно государственный интерес, каким его рисовали данные ему инструкции. Другое дело, что перечисленные претензии Демидова можно было разрешить, что называется, «в рабочем порядке», не привлекая для разбирательства генерала. Было очевидно, что ни одна из сторон конфликта не испытывала особого желания к сотрудничеству. Не испытывал его Демидов, не готовый к уступкам и жертвам, исключая разве что умеренные затраты, связанные с необходимостью «укупить». В личном списке одержанных им побед над чиновниками был памятный эпизод, в котором он сумел сместить верхотурского воеводу (Алексея Калитина). А ведь было это в самом начале его прихода на Урал. Ужели сейчас, когда его, крупнейшего заводчика России, могущество неизмеримо усилилось, он должен был прогнуться под какого-то капитана? Но также не испытывал желания искать компромиссы и этот капитан, упрямство которого питала идея служения царю и отечеству. Ему не хватило гибкости, которой обладал, как показало дальнейшее, Геннин? Верно, но это не преступление.

15 февраля 1723 года Геннин послал в Петербург два пакета. В одном находился рапорт Кабинету, содержавший в приложении копии документов, в которых сотрудники Татищева обличали происки Демидова (в том числе и доношение Блиера, фрагменты которого мы цитировали). Во второй были вложены выписки из дела и послание государю, в котором коротко, в нескольких пунктах, Геннин излагал свое мнение по поводу того, что произошло между Демидовым и Татищевым. По Геннину получалось, что Демидов, «мужик упрям», недовольный попыткой взять его под контроль, обвинил Татищева фактически безосновательно. Ничего, что могло бы бросить хоть малейшую тень на Татищева, Геннин не нашел. Убедившись в профессиональных качествах Татищева, он лелеял надежду привлечь его, оклеветанного и отстраненного, хотя бы к текущей работе. Но осознавая, что противопоставление чистого, аки ангел, капитана царскому любимцу выглядит не вполне убедительно, попытался убедить корреспондента… в личном нерасположении к Татищеву: «Того ради вашему величеству… как отцу своему объявляю: к тому делу лутче не сыскать, как капитана Татищева,

и надеюсь, что ваше величество изволите мне в том поверить, что я оного Татищева представляю без пристрастия, не из любви или какой интриги или б чьей ради прозбы. Я и сам ево рожи колмыцкои не люблю, но видя ево в деле веема права и к строению заводов смышленна, разеудителна и прилежна»[255].

По завершении первого этапа расследования начался второй, касавшийся подозрений в упущениях Татищева в его служебной деятельности уже вне связи с его отношениями с Демидовым. Явилось ли это отголоском оговоров заводчика или источник подозрений был другим, неизвестно. Как бы то ни было, проведенное следствие окончилось для Татищева также благоприятно. Характерно, что ни Демидов, ни его агенты на этом этапе никаких обвинений против Татищева не выдвинули[256].

Как видим, Геннин в противостоянии Демидова и Татищева недвусмысленно принял сторону второго. Однако он знал, что в Петербурге живут могущественные покровители заводчика — А.Д. Меншиков, Ф.М. Апраксин и другие. Опасаясь их гнева, старался вести дело осторожно. Осторожность временами выглядела комично. Вот его письмо А.В. Макарову от 23 октября 1723 года, в котором сообщено о нескольких смехотворных по сумме подношениях Татищеву от мирских старост и выборных (21 рубль 71 копейка)[257]. Осознавая, что «сие и малое дело», умолчать о нем он не решился. Первая причина — при отъезде дал присягу ничего не таить. Вторая — «Демидов об оном деле не без известия», а через него может проведать «великий адмирал» (Апраксин), который, делится Геннин своим беспокойством, «и так целой год ко мне не изволил писать, и я признаваю, что изволит на меня гневатца». За этим следует чудная сценка, рожденная фантазией взволнованного генерала: «То первые слова адмиралские: бедново Демидова ты обвинил, а Татищева взятки утаил. И в то время государь меня велит судить и рострелят по достоинству»[258].

Заметим, что покровительство Демидову со стороны Апраксина — человека близкого к Петру и связанного с ним свойством (он был братом супруги царя Федора Алексеевича), не фантазия Геннина. Точно так же оценивал его роль и Татищев, много позже, в 1744 году, писавший кабинетсекретарю Черкасову о «злости» на него «сильных»: «Демидов через адмирала графа Апраксина так меня пред его величеством оклеветал, что все думали о моей погибели…»[259] Что их сближало? Несомненно, то, что Демидов достаточно аккуратно исполнял задания Адмиралтейства. Но учтем и свидетельство современника, дипломата, в своих записках отметившего, что Апраксин

«иноземцев ненавидел смертельно и был очень корыстолюбив, за что чуть было не погиб…»[260].

Пока Геннин вертелся на начинавшей подпекать сковороде, Татищев пытался развернуть дело в другом направлении: добивался того, чтобы оправдываться начал Демидов. Вероятно, с той же целью обращались к Геннину с жалобами на Демидова товарищи Татищева по бергамту. Геннин, однако, увести себя на скользкую дорожку не позволял: отвечал, что в данной ему инструкции о необходимости расследования «помешательств» Демидова не сказано. Одновременно письмо за письмом писал Макарову и Брюсу, прося посодействовать в том, чтобы вопрос решился скорее. Но кабинетсекретарю доложить царю об этом деле долго не удавалось. Только 16 июля 1723 года Петр известил генерала, что его пребывание на Урале долго не продлится, что он будет отозван в столицу, а его место займет Татищев[261]. Тем самым косвенно выражал новую свою позицию в деле о конфликте Татищева и Демидова.

Юридическое решение вопроса было отдано на волю Вышнего суда, вынесшего приговор 22 ноября 1723 года. Татищева суд признал невиновным, а с заводчика было решено взыскать 30 тысяч рублей. Но не за бесчестье Татищеву — за то, что Демидов «дерзнул его величество в неправом своем деле словесным прошением утруждать», то есть подал жалобу в обход положенной процедуры лично монарху[262]. Думаем, что заводчику такая мотивировка была даже неприятнее, чем весьма значительная сумма наложенного на него штрафа. Ему указали на место, которое он занимал, отдалили от государя, личным покровительством которого он пользовался всю жизнь. Только что вынырнувшая из небытия Берг-коллегия становилась, похоже, реальной властью: по множеству важных вопросов его принуждали сноситься именно с ней. А вот петербургские покровители, можно думать, отнюдь не сожалели о таком решении вопроса: чем дальше для Демидова был государь, тем больше он (Демидов) нуждался в них. Урок ему был дан неприятный и тревожащий.

Впрочем, судьба, по крайней мере, пощадила его карман. Петр во время посещения 15 января 1724 года канцелярии Вышнего суда распорядился решение отодвинуть до приезда в Петербург Геннина. Их встреча, однако, не состоялась: прибыв в столицу, в живых монарха тот уже не застал. Запрошенный по поводу решения Вышнего суда, Геннин ответил уклончиво. Осознавая, что к власти пришел Меншиков, один из покровителей Демидова, осторожный генерал в отношении заводчика больше упирал на позитив: подчеркивал хорошее состояние его

предприятий, писал о великой от них пользе государству и прибылях казне. О наложенном начете высказался отрицательно: промышленников вроде Демидова «не надо штрафовать и в печаль приводить»[263]. Казалось, дело шло к освобождению от штрафа или, по меньшей мере, к его сокращению. Но отпраздновать свое спасение Никите Демидову не удалось — умер.

А что Татищев? Татищев в те дни, когда выносил решение Вышний суд, был послан Генниным в Петербург, откуда по указу царя (от 1 октября 1724 года) в начале ноября отправился в Швецию[264]. Он еще попытается получить удовлетворение за обиды, нанесенные Демидовым. Но продолжительный тайм-аут охладит накал страстей. Да и главного обидчика уже не будет в живых.

Как жил Никита

Жил по-прежнему в разъездах. Сведшую его в могилу болезнь он привез, по Афремову, тоже с дороги («Возвратясь больным с своих уральских заводах… скончался…»[265]).

Как было не ездить? Производство находилось в двух взаимоудаленных местах. Оно было прочно связано с государственным заказом, и эта связь усиливалась — следовательно, возрастала ответственность. Хорошо, что на Урале находился Акинфий, успешно справлявшийся с огромным тамошним хозяйством — и с производством, и со строительством, хорошо, что в Туле сидели имевшие большой опыт преданные приказчики. Но полностью обходиться без Никитина участия в деле не могли ни он, ни они. Никита одновременно «обслуживал» и Урал, и Тулу. И что было не менее важно — все контакты «вверху», с царем и ближнем его окружением. Здесь, в столицах, он завоевывал покровителей, здесь делал все необходимое, чтобы их покровительство продолжалось. Мог бы он взвалить на себя и успешно нести ношу, скажем, адмиралтейских заказов, если бы одним из его «благодетелей» не был Апраксин?

Частые поездки подразумевали необходимость иметь собственные дома в местах, где часто бывал. О московском дворе Никиты имеем сведения, относящиеся к концу 1710-х годов[266], но можно не сомневаться, что недвижимостью в старой столице он владел и раньше. В 1724 году принадлежавший ему дом находился близ берега Москвы-реки в приходе церкви великомученика Георгия, что в Ендове[267]. Скорее всего собственный дом имелся и в Петербурге.

Но основных домов по-прежнему было два — тульский и

невьянский. Семью в Невьянск он перевез, вероятно, еще в 1704 году. Впрочем, младшие сыновья не позднее конца 1700-х — начала 1710-х годов возвратились в Тулу[268]. Не безвыездно жила в Невьянске и их мать Евдокия Федотовна. Встречаем ее в Туле, например, летом 1719 года — заметим, в то время, когда сам Никита, по словам его московского приказчика, находился в Сибири[269].

Это свидетельство очень интересно. Еще недавно само собой разумеющимся считалось, что основным жилищем старшего поколения Демидовых (Никиты и его жены) был дом на Невьянском заводе. Сейчас это далеко не так очевидно. Акин-фия, его жены, детей (внуков Никиты) — да, именно там, но Никиты… Задуматься заставляет не только присутствие его супруги в Туле в 1719 году. В двух переписных книгах Невьянско-го завода, 1710 и 1721 годов, Никитиной жены нет, тогда как жена Акинфия — упомянута[270]. Спросим: где же была записана Евдокия? Иного ответа, как «в Туле», не найти. Живущей в Туле встречаем ее и после смерти комиссара — вплоть до лета 1744 года, когда она, прихожанка тульской Николо-Зарецкой церкви, подписывает (чужой рукой) прошение по поводу изменений в ее штате[271]. Не прижилась на Урале, возвратилась в Тулу? Но и Никиты Демидова нет в переписи Невьянского завода, проведенной в июле 1710 года. Если бы он находился во временной отлучке, его бы в книгу внесли, только отметили отсутствие.

Что представлял собой демидовский дом в родной его Туле — не знаем. Жилые хоромы, в которых, по преданию, кузнец принимал царя, до смерти обоих сохранились едва ли. За три десятилетия с того памятного события Никита взлетел так высоко, что прежний дом должен был казаться и ему, и окружающим не соответствующим его новому положению. Тем не менее никаких сведений о строительстве на родовом месте в Оружейной слободе до того, как его (строительство) в начале 1730-х годов затеет сын Акинфий, не имеем.

Напротив, о доме в Невьянске известия сохранились. Вот как описывает его К.Д. Головщиков:

«На заводе этом (Невьянском. — *И. Ю.),* находящемся в Екатеринбургском уезде… до сих пор можно видеть стародавний дом Никиты Антуфьева, в нем хранится множество бумаг… В этом доме… устроена была Никитою Демидовым, не дававшим отдыха себе и не терпевшим ленивых, акустика, дававшая ему возможность слышать все, что говорилось и делалось за несколько комнат. Дом этот построен весь из камня, железа и дуба; стены двухаршинной толщины и до сих пор ничто не изменилось в нем со времени первого владельца. Узкие окна,

узкие чугунные лестницы, поставцы в стенах, балконы, на которых может стоять один лишь человек, все напоминает о давно прошедших днях»[272].

Судя по переписным книгам, хозяйский двор в Невьянском заводе был довольно многолюден. В 1710 году кроме семьи Акинфия, состоявшей тогда из шести человек[273], при нем были записаны еще семь наемных работных людей, исполнявших роль обслуживающего персонала. Пятеро пребывали тут с семьями, две женщины были одиноки. Любопытно упоминание о живших здесь же, на хозяйском дворе, четырех холостых работниках в возрасте от десяти до двадцати лет, трудившихся по найму «на куренях»[274]. Видим из этого, что домашние Демидова настолько не оторвались еще от «народа», что позволяли жить в одном с ними доме неквалифицированным наемным рабочим.

В переписной книге Невьянских заводов 1721 года Никита присутствует. Его и сына неразделенная семья имеет ту же численность, хотя и несколько иной состав. «Домовых» людей семеро, все женаты или замужем, у троих дети и внуки[275]. Некоторые из трудоспособных членов этих семей скорее всего служат по дому. Всего при хозяйском дворе записано 34 человека, треть из них в возрасте до двенадцати лет. Без детей — до четырех человек «обслуги» на члена семьи заводовладельца.

Дворня и работники внизу, узкий балкон, на который только что вышел хозяин. Словно с капитанского мостика вчерашний тульский кузнец, итожа сделанное, пристально вглядывается в будущее основанной им промышленной династии.

Отец и «лишние» дети: поиск формулы отношений

Выбор наследника

Первая половина 1720-х годов — время, когда стратегия отношений Никиты Демидова с сыновьями не только определилась, но и стала во всей полноте последовательно реализовываться.

Никита Демидов и все первое поколение его потомков — личности цельные. Никиту вела по жизни сильная, преобладавшая над другими творческая страсть, не только питавшая его энергией, но и указывавшая направление движения. Но это не значит, что ему были незнакомы внутренние конфликты. Они были, и он, не упуская из виду главных ориентиров, более или менее успешно их преодолевал. Один из важнейших — конфликт между стремлением обеспечить развитие своего дела и благополучием семьи, конкретно — интересами потомков, которые могли привести к его раздроблению.

То, что на роль основного помощника и преемника первым был испытан Акинфий, предопределила сама судьба: старший, он прежде других «вошел в разум», приохотился к отцовскому делу. Но, хотя отец быстро привык к его помощи и после первой попытки просмотр претендентов был остановлен, жизнь показала, что младшие сыновья способностями тоже не обделены. А дело шло не легко, прирастало не быстро. Очень долго оно оставалось сравнительно (с амбициями) небольшим: сначала Никите принадлежала мельница, позже единственный Тульский завод, потом по-прежнему единственный Невьянский, потом Невьянский в паре с Тульским. Только в 1716 году к ним прибавился третий. Все в его небольшом хозяйстве было связано, занимало определенное место, звенья не дублировались. При раздроблении между наследниками с трудом «созижданное» неизбежно бы разрушилось. Допустить этого он не мог.

Полюс, на котором стояли интересы дела, тянул к разрушению семейного клана: Акинфия следовало еще более приблизить, остальных отдалить. Именно этой логикой руководствовался комиссар Демидов, отделяя от своего хозяйства младших сыновей. С появлением в 1714 году указа о единонаследии (а он относился не только к дворянскому сословию) Никита-старший помимо юридической основы — она была и раньше — получил моральную поддержку: собственный

его план вписался в выраженные в законе идеи государя. Как результат, Берг-коллегия указом от 23 декабря 1720 года утвердила сделанный им выбор наследника заводов[276].

Не станем, однако, утверждать, что Никита был равнодушен к младшим сыновьям (а в литературе такой взгляд на внутрисемейные отношения первых Демидовых превратился едва ли не в общее место[277]). Патриархальная основа той культуры, в которой он вырос, не могла ему позволить так к ним отнестись. И многие факты (некоторые уже приводились), если к ним присмотреться как к совокупности, показывают, что равнодушен к ним он отнюдь не был. Мы уже возражали против кажущегося нам чрезмерно категоричным утверждения, что отец препятствовал строительству заводов младшими сыновьями. Если это не наносило ущерба главному делу, отец их не только не тормозил, но даже пытался помочь. И действительно, помог обосноваться в Тульско-Каширском металлургическом районе, с которого когда-то начинал сам.

Весть, что все заводы отца официально наследует Акинфий, для Григория и Никиты не стала неожиданной. Они скорее всего давно уже не надеялись на долю в отцовском «имении», смирились с этим. Надеялись в основном на себя. Пока отец и Акинфий осваивали Урал, Григорий и Никита обустраивались в Тульском и Алексинском уездах.

Отвергнутый: в жерновах первоначального накопления

Трудно сказать, насколько успешно работал принадлежавший Григорию Демидову Верхотулицкий завод в первые годы: приносил владельцу прибыль или убытки. В августе 1721 года Григорий в поданной сказке (уже цитированной) достигнутые успехи оценил невысоко: писал, напомним, что завод «в совершенство… работою не действует», потому что «сущих и знающих» людей нет, что те, которые имеются, действуют по его, Григория, «указаванию и учению», но обучаются плохо: заводскую работу «иные мало и восприяли»[278]. Нечем было ему похвастаться и пять лет спустя. В доношении 1726 года он писал, что на его заводе на Тулице «в выплавке чюгуна, и ис того чюгуна зделано было железо, малое число… понеже в тех годех были де многия прогулки за умалением воды и за непривозом руд и уголья». (Впрочем, не факт, что приведенные оценки выражали действительное его мнение, а описания — фактическое положение дел.) Тяжелый удар постиг заводчика в 1725 году: «… тот ево завод Божию волею и с принадлежащими к тому заводу припасы и с ынструменты згорел, и от того учинились де ему

великия убытки». Григорий духом не пал «и по исходе того пожарного времени на том же месте в том же 725-м году зачал он строить вновь завод»[279].

В делах Тульской провинциальной канцелярии сохранились связанные с Григорием документы, мизерные по финансовому выражению отраженных в них споров и на первый взгляд незначительные по содержанию. При этом — ярко рисующие положение, в котором пребывал не особенно успешный заводчик, круг волновавших его проблем и способы, которыми он эти проблемы разрешал.

В сентябре 1725 года Григорий отправил заводское свое железо в стоящий на Оке город Алексин. Там его должны были положить в нанятый у рыбака сарай (заметим: в отличие от уральских Демидовых своей пристани у Григория не было), потом погрузить в струги и отправить на продажу. Железо повезли на двадцати двух подводах нанятые за четыре рубля крестьяне-возчики. Наниматель их предупредил: если потребуют хомутный сбор — не платить, говорить, что они принадлежат отцу Григория и возят «без найму», по его, отца, приказу. Но по прибытии на место их узнали. Возчики в присутствии алексинского бургомистра признались, что они — нанятые, что выдавали себя за демидовских «по приказу заводчика Григорья Никитина для утайки пошлин». В сказку попали их слова: «А не велел им тех денег платить и велел бес плотежа провозить и именем Никитиным пролыгатся помянутой сын ево завотчик Григорей Демидов. И приказывал им, подвотчиком: хотя же вас поймают и станут держать две недели, и вы де отсиживайтесь, а с найму десятой доли не плотите». Старшего, Максима Ермолина, отправили в Тулу для дальнейшего разбирательства. Его отпустили лишь на исходе второй недели под расписку двух лиц, но, отпустив, не освободили — предписали, оставаясь в Туле, ждать указа. Теперь самое интересное: пошлинный сбор, вокруг которого все это крутилось, составлял десятую часть суммы, заплаченной при найме, то есть всего 13 алтын 2 деньги или 40 копеек. Григорий не хотел платить эти деньги и не заплатил их — названная сумма была внесена Ермолиным[280]. Именно так — в буквальном смысле по денежке — собирал свои капиталы сын и брат крупнейших в России металлозаводчиков.

Григорий выкачивал прибыль из первого своего завода не для того, чтобы сложить монеты в сундуки. Они копились на второй завод. Первый завод у вступивших на эту стезю всегда совмещал доменное и железоделательное производства. Часто случалось, что энергоемкий передел отставал: молоты не справлялись с переработкой чугуна. Задача имела простое решение: в помощь

заводу полного цикла следовало пустить вспомогательный, чисто железоделательный. Место для него Григорий уже присмотрел. В Старопавшинском стане Алексинского уезда в 1723 году он купил деревню Сементину (Сементинову) на речке Рысне. Первая попытка развернуть здесь промышленное строительство оказалась неудачной — «за помешательством помещиковым» его пришлось отложить. Но проблема оставалась актуальной, и Григорий от намерения пока не отказывался.

Как видим, металлургия, дав Григорию достаточный кусок хлеба, не спешила превращать его в бутерброд. Отставание от братьев приобрело хронический характер. Сравнение челобитных Григория и Никиты, поданных по одному поводу в 1721 году[281], показывает это очень отчетливо. (Напомним из Григорьевой только одну деталь: при нехватке на своих заводах специалистов Григорий учил мастеров лично. Это, конечно, вписывается в стиль эпохи, но большие дела так не делаются. Петр Великий — великое же исключение.) Григорию по-прежнему не хватало одного, другого, третьего (энергии, удачливости, «правильной» и своевременной поддержки). Он постоянно буксовал.

Но Григорий был как-никак Демидовым и сдаваться не собирался. Тем более что подрастал сын Иван, будущий помощник.

Отвергнутый: на пути в Берг-коллегию

Уж если Григорий не поспевал за вырвавшимися далеко вперед отцом и старшим братом, как должен был отстать от них Никита-младший! Позже всех вышедший на дорогу большого предпринимательства (так и тянет переставить слова: на большую дорогу предпринимательства), наверное, долго почти незаметный его лидерам, он поначалу, как и положено, все наверстывает, наверстывает…

В том числе осваивает практиковавшееся братом Григорием кредитование. Неполнота данных не позволяет полноценно сравнить подобные занятия двух тульских братьев. Но кое-что сказать по этому поводу можно. В крепостной книге Тулы за 1725 год 27 записей, в которых Н.Н. Демидов выступает в роли кредитора. Всего в том году в книге было зарегистрировано 180 операций, предметом которых являлся денежный кредит. На младшего Никиту подобных операций приходится больше всех— 15 процентов! Его кредитом воспользовались 19 человек: один дворянин, 14 посадских и четыре казенных кузнеца. Любопытно, что страхующий возврат долга заклад имущества в документах Никиты, в отличие Григория, не оговаривается. М.Я. Волков

объяснял это отсутствием у Никиты сомнений в достатке своих клиентов, а также тем, что «никто из получателей кредита не осмелился бы на судебную тяжбу с Н.Н. Демидовым»[282]. Скоро узнаем, каким издевательствам осмеливались подвергать Никиту Никитича те же оружейники. Учитывая это, усомнимся и в том, что они опасались при необходимости судиться с Никитой Никитичем. Что из документов действительно следует — это что увеличить число принадлежащих ему крепостных и дворов Никита в отличие от брата не стремился.

Все силы Никиты-предпринимателя были брошены в промышленную сферу. Родной Тульско-Калужский металлургический район казался ему то ли тесным, то ли малоперспективным. Расширяя в нем свое хозяйство, взор он устремлял на Урал. Узнав об обнаружении медной руды на Вые, Никита стал проситься «к брату своему большому Акинфию в те жалованные… места в пайщики». Отец ему отказал, заявив, что «ему того дела снесть не уметь». Можно ли доверять этой оценке, помня, что толком плавить медь в то время эксперт тоже не умел, больше того, строя Выйский завод, возможно, и не намеревался ее здесь выплавлять? Никита Никитич оценивал свои способности не столь низко и отступать не собирался. Н.И. Павленко полагал, что уже в это время из него сформировался «опытный делец и интриган». Младший Никита предупредил отца, что, если тот не пустит его «в те дачи», в них ворвутся чужие люди. В качестве средства давления он использовал организованную им челобитную владельца красочного завода Сидора Томилина, представившего себя в ней открывателем рудных мест на Вые еще до появления там Демидова. 14 декабря 1720 года Никита Демидович подал в Берг-коллегию свое прошение, в котором это опровергал, утверждая, что заявка Томилина инспирирована местью младшего сына[283]. На попытку оказать на него давление комиссар ответил безжалостно: в том же прошении официально попросил все недвижимое утвердить за старшим сыном. Этот раунд выиграл, безусловно, старший Демидов.

Отца и старшего брата Никите Никитичу догнать не удавалось. Но какая настойчивость в этом стремлении. И какая изобретательность.

Если отец носил чин комиссара в значительной степени формально, оставаясь до мозга костей частным промышленником и лишь имитируя готовность стать служащим, его младший сын, не оставляя занятий бизнесом, вступает в ряды быстро множащегося в петровской России чиновничества. Он находит в структуре государственного управления место, которое, как он надеется, должно позволить ему обойти некоторые препоны,

которые чинит заботливый родитель, он же — куда менее любвеобильный конкурент.

Предваряя рассказ о многолетнем «романе» Никиты Никитича с Берг-коллегией, имеет смысл присмотреться к его отношениям с ней в период до внезапно вспыхнувшей между ними страсти.

Июнь 1724 года. Берг-коллегия указом своему Московскому обербергамту приказывает взять с Н.Н. Демидова горную подать за 1723 год в сумме 159 рублей 51 копейка. Начинается его поиск. Сначала бергамт три месяца разыскивает его в Москве. Получив информацию, что тот в Туле, отправляет указ тульскому воеводе выслать плательщика в Москву. Провинциальная канцелярия неоднократно посылает к нему солдат — самое большое, чего удается им добиться, переговорить с его женой. Правда, один раз в провинциальной канцелярии он все же появляется, но с предложением, которое исполнение распоряжения лишь отодвигает: ссылаясь на сенатский указ, просит разрешить ему заплатить налог не в Москве, а в Туле, в камерирской конторе. И вновь исчезает. Бергамт посылает для его доставки солдата, тот отправляется к Никите на двор, его не застает, берет в «заложники» его человека; Никита подает челобитную, выражая готовность заплатить, но снова прося освободить его от поездки; воевода принимает решение просьбу удовлетворить и деньги «принять к камерирству», пишет отписку в Москву… На этом документе, врученном в конце ноября отправлявшемуся в обратный путь солдату, и заканчивается дело[284], сообщающее о том, как Демидов, несмотря на семь посылок за ним, так за пять с половиной месяцев перед Берг-коллегией и не предстал. Как видим, младший Демидов не только не тянется к этому учреждению, напротив, настойчиво, умело и в конечном счете успешно контактов с ним избегает.

Тем интереснее, что очень скоро он окажется его сотрудником.

Никита Демидов (мемориал)

Портреты Никиты: прижизненный и посмертный

В 1725 году, генваря 28 дня скончался император Петр Великий, человек, сумевший разглядеть и оценить встретившегося на жизненном пути тульского кузнеца Никиту, помогший ему стать родоначальником новой фамилии и основателем промышленной династии.

В том же году ноября 17 дня скончался и этот кузнец, немало потрудившийся над фундаментом и стенами рассчитанной на века государственной постройки, которую возводил Петр.

Каким он был, родоначальник Демидовых?

Внешний его облик сохранил портрет неизвестного художника, не вполне совершенный в одних деталях, странный в других, но удивительный по силе и цельности общего впечатления. Экземпляров портрета существует несколько. Самыми старыми считаются принадлежащие Невьянскому историко-краеведческому музею и Нижнетагильскому музею-заповеднику. Остальные, предположительно, более поздние копии, но окончательное заключение по датировке некоторых следует отложить — они в должной степени не исследованы.

Портрет поясной. Никита изображен в темном кафтане с наброшенной на правое плечо алой накидкой. Костюм необычный. Накидка, тем более алая — вещь неносильная. Она, конечно, здесь «для красоты» (сильное цветовое пятно — решающее в цветовой композиции холста). Но, возможно, еще и для чего-то символической природы. Мысленно снимем ее — получим один из многочисленных в российских музеях купеческих портретов. Накидка переводит образ из бытового измерения в некое метапространство, придает облику осо-бость, своего рода царственность.

Ладонь правой руки возложена на толстый суковатый посох. Левая рука перед грудью, жест ее непонятен. Во всяком случае, она не поддерживает накидку[285] — та не смята, рука ее не касается.

Голова изображена с явным нарушением правил анатомии: череп вытянут, его затылочная часть непропорциональна велика. Тонкий нос. Сложного рисунка с несколькими изломами тонкие брови. Впалые щеки. Лоб и темя лысы, остатки волос на голове образуют некое подобие темного нимба. Усы, черная, может быть с сединой, ухоженная борода. Кожа на лбу и висках — сухая,

тонкая, со множеством морщин. Выразительные, сильные глаза (притом что правый из них явно неправильно «посажен»). В целом ощущение какой-то карикатурности — но при этом какое выразительное лицо!

Заставляет задуматься борода. Перед нами, безусловно, не дворянин. Ходить дворянину с таким лицом, особенно в столице, куда Никита то и дело приезжал, было недопустимо. А вот старообрядцем изображенный на портрете мог быть безусловно. Подчеркнутая простота одежды (накидку в счет не берем), аскетизм облика, посох, борода, хоть и не великая, но такая, отращивать которую нужно не один месяц, — так мог бы выглядеть даже не рядовой приверженец старой веры, но и начетчик. У Семена и Андрея Денисовых, какими их изображают миниатюры поморцев, усы и борода нисколько не больше и фасон их — такой же. Если заказной портрет — всегда представление обществу облика, который модель *хочет* ему представить, то перед нами декларация: я — такой, именно таким меня воспринимайте при жизни и после смерти помните. Такой — то есть образом старообрядец.

Перед Никитой прямоугольный стол. Возможно, его покрывает ткань — об этом говорят вертикальные полосы на боковой поверхности, напоминающие складки покрывала. На столе три книги, две в темно-коричневом с зеленью переплете, одна — в светлой коже, виден ее корешок с золотым тиснением. Книги лежат на листе белой бумаги с рисунком трех построек. Здания — явно нежилого назначения.

И здесь две неясности. Поверхность стола — зеленая или, может быть, зеленовато-коричневая[286]. Боковая сторона, та, что с вертикальными складками ткани, по цвету другая — от почти белого до светло-бежевого. Переход цвета — точно по границе горизонтальной и вертикальной плоскостей. Единое целое с материалом, покрывающим столешницу, ткань боковых свесов составлять не может — между тем границы между ними не показано. Стол изображен условно: его границы строго вписаны в вытянутый прямоугольник. Возникает впечатление, что изображение стола перекрыло какое-то другое, более раннее. На ум приходит единственная разумная догадка: на оригинале здесь первоначально располагался прямоугольник с надписью. Подобные портреты в петровское время были достаточно распространены. Обширную надпись, в которой, между прочим, упомянуты труды автора в развитии горнорудной промышленности («обыскал серебряную руду»), имеет, например, портрет воеводы и дипломата Ивана Власова из Нижегородского государственного художественного музея, написанный Г.

Адольским (Одольским) в 1694/95 году[287].

Портрет хорош, но как заглянуть в глубину картинной рамы? Как, заглянув, — увидеть?

Облик — сохранен, черты характера, манера поведения, тем более внутренний мир — закрыты. Воспоминаний о Никите его современников не сохранилось, кроме отдельных упоминаний, информация которых иногда очевидна («мужик упрям» — воля), иногда оригинальна и интересна (оказывается, обладал уникальной памятью). Переписки, кроме деловой, нет, да и та не его руки: диктовал. Из нее случайно знаем, что к концу жизни ослабело зрение. Что-то компенсируют фольклорные источники (не пил вина, ценил шутку и т. д.), но в них Никита и Акинфий могли смешаться.

Говоря о Никите начала 1700-х годов, Б.Б. Кафенгауз отмечал в нем «свойства сурового и алчного эксплоататора, не считавшегося с интересами работавших у него крестьян и мастеровых»[288]. Действительно, высокой заработной платой и хорошими условиями труда он персонал не баловал. Примерно к этому же времени относится челобитная, поданная воеводе четырьмя уральцами, жившими в селениях, приписанных к демидовскому заводу, но служить Демидову не желавшими в силу того, что были ясачными людьми. Даже не связываемые сюжетом, эти фрагменты весьма выразительны и показательны. Демидов «взял у Максима Синбирца из двора дву сыновей и увез с собою на заводы. И ево, Максима, и детей ево стегал на плотине плетми на смерть и держал их в железах шесть недель и морил голодною смертью….А тем де он битьем сына ево изувечил, а как из желез выпустил, заставил уголье дрова ево и детей обваживать». «…А как он, Никита, поехал с Невьянских заводов без подорожной к Москве, и, будучи у Чюсовской слободы в уезде в деревне Нижней, к нему, Максиму Скоробогатому, в дом приходил со многими людьми. И он ево, Никиты, убоясь, заперся в клеть, и Никита де у той клети двери выломил… И в то время он, Никита, увез у него с лошадей ево четыре хомута ременные и взял четыре лошади в подводы, также и у иных крестьян подводы… брал сильно». Спрошенный в Сибирском приказе, Никита отвечал на такие обвинения с полной уверенностью в своем праве устанавливать порядок хотя бы и силой: «А Максима де Синбирца с Федковски[х] и з детми ево брал и в чепи шесть недель держал, что он чинился силен, и по многим присылкам на завод работать не ходил. И за то ево ослушание он, Никита, на плотине плетми бил при многих людех для того, что велено ему, Никите, ослушников смирять, чтоб иным людем непослушания чинить было неповадно и тем ослушанием в заводах какой

остановки не учинить»[289].

Все это словно специально придумано, чтобы проиллюстрировать процитированную выше характеристику, данную более шестидесяти лет назад умным, информированным, но не вполне свободным от влияния идеологии ученым. В наши дни, когда историк менее ею связан, можно было бы ожидать и более мягких оценок. Факты смягчению, однако, сопротивляются, причем настолько, что историографы новой волны не только не обеляют, но, напротив, подчас обогащают отрицательные характеристики предшественников оригинальными наблюдениями. Так, современный исследователь Н.С. Коре-панов полагает, что высказывания о «старом» Никите Демидове уральских мастеровых и заводских управителей позволяют говорить «о грубости его и способности легко отказываться от данного слова, о сохранявшихся до конца жизни маргинальных замашках и всегдашней готовности на провокацию»[290].

Но, способный быть жестким и в общении с равными, тем более со стоявшими ниже нередко выбиравший именно этот стиль взаимодействия, с прочими Никита при необходимости мог показать и владение наукой компромисса. Присматриваясь к его поведению в конфликтных ситуациях (часто более отчетливо раскрывающих личность), замечаем, что в некоторых случаях он ведет себя более гибко, чем молодой и (потому?) горячий Акинфий. Возьмем столкновение с Татищевым.

Акинфий его обостряет, приехавший же Никита налаживает довольно сносные отношения[291]. Что скрыто за этим? Более мягкий характер или свойственное возрасту снижение энергетики? Возможно и второе. За 20 лет до истории с Татищевым в совершенно аналогичной ситуации с воеводой Калитиным он, приехав на помощь к Акинфию, ситуацию, напротив, обострил.

Кроме прижизненного портрета Никиты сохранился еще один, посмертный, способный рассказать о нем тоже немало интересного. Портрет словесный, его запечатлела эпитафия.

На ныне утраченном надгробии Никиты Демидова, существовавшем некогда в Николо-Зарецкой церкви Тулы, была помещена надпись, в XIX веке скопированная и тогда же несколько раз изданная. Из нее узнаем, что Никита Демидов в вечное блаженство преставился в 9 часов 20 минут пополудни на Тульских своих заводах. Погребен был в 20-й день ноября[292].

Обратим внимание на место смерти. Никита много ездил, но скончался на родине. Бывал в разных местах — от простой кузницы, где в юности работал молотобойцем, до царского дворца, где обедал с монархом. А умер — на заводе[293].

Отвлечемся, указав на еще один относящийся к той эпохе источник, содержащий любопытное упоминание, касающееся погребения Никиты. В надписи на 53-пудовом колоколе, отлитом в Москве в 1728 году мастером Иваном Моториным «по обещанию и по приказу» вдовы Никиты Евдокии Федотовны «для вечнаго поминовения супруга ея», были несколько неожиданные для подобных текстов слова: «А мысль свою он желает в вечном успокоении пребывать до втораго Христова пришествия в Сибири близ Невьянских железных и медных ево заводов на Высокой-Горе, нарицаемой Шуралинской»[294]. Напомним, что Шуралинский завод (первый самостоятельно построенный Никитой на Урале) находился в пяти верстах от Невьянского. Так где же — в Туле или на Урале — желал покоиться Никита Демидов? И.Ф. Афремов, опираясь, может быть, на слышанные им предания, упоминает, что Никита скончался, «возвратясь больным с своих уральских заводов»[295]. Отметим в этой связи уральское о нем предание: «Вот больной уж сильно, ходить не мог, а попросил, чтобы положили его на носилки и пронесли по его имению. Понесли его, а он так жадно смотрит кругом, а потом поставили его на пригорок, носилки-то, а он и сказал: "Все это мое было" — и развел руками»[296]. Если отбросить следующие далее размышления и предположения рассказчика («Ну, а не взял же на тот свет с собой. А думается, если можно было бы, то и мертвый он с добром своим не расстался»), увидим печальную сцену, в центре которой человек, всю жизнь трудившийся, строивший, а теперь отрываемый, нет, не от богатств — от Дела всей его жизни. Конечно, он жадный, но это жадность скорее к жизни и творческому труду.

В тексте эпитафии жизнь Никиты разделена на две части. Первая — охватившая от рождения три четверти отведенного ему жизненного срока: время, когда он, «имея жительство в Оружейной слободе и железных Тульских заводах, именовался чином до 1707 года[297] кузнец оружейнаго дела мастер. И в таком чину был 51 год». Часть вторая начинается, когда переросший этот «чин» Никита был «за знатную его службу, за неусыпный его труд в произведении как железных и медных, так к пользе всему нашему Российскому государству многих воинских и прочих припасов, и кованнаго железа, именным указом в каммиссары пожалован». В статусе комиссара пролетела еще одна, последняя четверть земного срока — Никита «был в том чину даже до часа смертнаго»[298].

Как видим, в эпитафии, словесном его портрете, Демидов представлен человеком знатной службы и неусыпного труда. Плоды труда — железные и медные «припасы», собственно

железо. Если надпись хотя бы отчасти выражает представление о себе самого Никиты[299], получается, что именно *этим* гордился он, умирая. В этом, а не в заводах (из уральских ни один не упомянут!) видел важнейшую свою «пользу всему нашему Российскому государству». Этим похожий на старообрядца старик хотел запомниться потомкам.

Кем сочинялась эпитафия, неизвестно, а вот нижеследующее — несомненный текст Никиты Демидова. Это фрагмент из его доношения в Берг-коллегию, поданного в июне 1720 (?) года.

«А в Сибири то железо промышляют они на государево[й] земле и лесах. А когда те заводы в Сибири заводили, то к строению и размножению тех заводов и для того железного промыслу призывали многих, токмо охотников не было и доныне». (Ну, это, положим, не совсем так. Вызывались охотники. Демидов немало потрудился, их отваживая.)

«А хотя и многия охотники есть (так-то вернее. — *И. Ю.),* только вступают в те промыслы, где есть готовыя заводы и ко многим крестьяном, и желают быть хорошим помещиком, а не промышленником.

А такого охотника не изыщется, чтоб хто обыскал руды медныя и железныя, и вновь бы собою заводы заводил и строил, как он (то есть сам Демидов. — *И. Ю.)* там, в Сибири, многие заводы великие собою заводил и построил, и умножил на тех заводех железо на государевы потребы, и х каробельным делам, и на продажу».

Дальше про трудности, про медленное обращение капитала: «И за сими объявлении, как Берг-каллегия изволит разсудить, чрез тяжкие труды, и убытки, и волокиты оной им промысл достаетца».

Здесь Никита переходит к главной для него в том документе теме — изменению системы налогообложения (брать «десятую долю от истинны, а не от прибыли»). Он ратует за единство подхода ко всем заводчикам, дабы они «один перед другим облехчены и отяхчены ни были, чтоб каждой промышленик мог свои заводы к лутчему исправлять и Росийское государство сим заводствовать (! — *И. Ю.)* и славою обучать перед другими государствы»[300].

Прочитав это, можно уверенно констатировать, что Никита освоил фразеологию и главные положения петровского «образа веры», что научился прилагать их к своей деятельности. Но тут важнее не то, рупором каких идей некто выступает, а то, что этот некто — именно он. Такие вот демидовские обобщения, такой взгляд на вещи с высоты. Такое и завещание потомкам: «Чтоб каждой промышленник мог… Росийское государство сим

заводствовать и славою обучать». Тут не меньше половины можно переписать вместо эпитафии.

Памятники Демидову

Способный мыслить по-государственному, гордившийся службой государству и государю[301], был ли он должным образом ими оценен? Пожалуй, да. «Брак государства с Демидовыми, — замечает Х. Хадсон, — оказался взаимовыгодным»[302]. Власть и главный ее носитель царь деятельность Никиты в целом оценивали весьма высоко. Но оценка не была неизменной. Власть соизмеряла его дела со своими интересами и планами, которые менялись и ситуативно, и стратегически.

Сохранилось предание, казалось бы, с абсолютной ясностью расставляющее точки в вопросе об отношении Петра к Демидову. В изложении К.Д. Головщикова оно таково: «Генерал-адмирал Граф Апраксин сказал однажды Петру: "хорошо, если б у тебя было человек десятка два таких каков Демидов". Я счастливым бы себя почел, — отвечал Петр, — если б имел таких пять, шесть или и меньше»[303]. Отнюдь не исключаем, что Петр такое действительно когда-то сказал. Но когда? При каких обстоятельствах? И не было ли при других сказано им иное, куда менее для Демидова приятное?

Петр пожаловал Никиту правом рубить лес в принадлежавшей государству засеке под Тулой — через полгода разрешение отменил. Допустил приватизацию казенного Невьянского завода — ответил отказом на просьбу о приватизации другого казенного завода, Каменского. Приходил к нему в гости в тульский дом — через Вышний суд наказал штрафом за прямое к нему обращение с жалобой. Назначил комиссаром (чем Никита гордился), пожаловал свою «персону» — дворянский диплом не подписал.

Если перебирать приведенные и подобные им факты, то возникает ощущение, что со временем душевное расположение Петра к Демидову остывало, а вслед за этим нарастала осторожность, появлялась подозрительность. Это, впрочем, именно ощущение, не уверенность. Для многих случаев, которые можно принять за свидетельство охлаждения, находим вполне правдоподобные объяснения действиям царя, никак не связанные с «градусом» его отношения к Демидову. Кроме того, есть претендующие на достоверность и другие (помимо приведенного) предания, которые свидетельствуют об очень высокой оценке Петром трудов Демидова. Например, такое:

«…Демидов населил людьми своим коштом отдаленные Сибирские места, даже до Колыванской округи. Государь, изъявя о том свою признательность, желал, чтоб он умножил там заводов больше, обещая за то в вечную его память вылить из меди статую его и поставить на публичном месте»[304].

Памятник Демидову в «публичном месте» поставлен не был («вероятно, по той же скромности Демидова», — замечает К.Д. Головщиков[305]), хотя, случись это, вопрос об отношении царя к кузнецу скорее всего уже у потомков не возникал.

Между прочим, известно о еще одном очень раннем намерении соорудить памятник Никите Демидову: бюст его вроде бы собирался поставить на Невьянском заводе в последние годы жизни Акинфий Демидов. Успели отлить только постамент — большой чугунный столп. Акинфий умер, наследник Прокофий продал завод Савве Яковлеву, бюст которого и водрузили на колонну[306].

Но, в сущности, когда Акинфий готовился к установке бюста, памятник Никите Демидову на первом его уральском заводе уже существовал. Архитектурный памятник.

В Невьянске, бывшей столице старого демидовского Урала, демидовской старины осталось немного. Не считая древностей, сохраненных в местном музее, — только бывший заводской пруд и наклонная башня неподалеку.

Стройная 57-метровая башня — трехъярусный восьмерик на высоком четверике, стоящем на двухэтажной палате, — образована нанизанными на общую ось объемами, обычными для церковной колокольни. Но башня — не колокольня, хотя колокола на ней имеются и время от времени подают голос.

Ранняя история этой башни — сплошная загадка. Непонятно, для чего она была построена. На протяжении почти трехвековой истории ее помещения использовали для разных целей — в них хранили заводской архив, содержали нарушителей порядка, обжигали и промывали алебастр, развернув пробирную лабораторию, проводили анализы руд. По устланному чугунными плитами обходу одного из ярусов ходили сторожа, высматривая, в порядке ли обывательское строение. Однако едва ли башня строилась именно для этого — все перечисленное можно было делать куда в более скромных постройках. На одном из ярусов установлен часовой механизм, по сей день отсчитывающий время. Это, возможно, планировалось изначально (башни с часами существовали и на других демидовских заводах, на Нижнетагильском и Тульском в том числе[307]). Но только ли для часов поднимали к небу ярус за ярусом?

Неизвестно и то, когда башня была построена.

Фигурирующие в литературе даты получены с помощью умозаключений. В последнее время набирает силу версия, согласно которой башня создавалась в два этапа. На первом (в конце жизни Никиты — приблизительно в 1723—1725 годах) были возведены палата с крыльцом и четверик. На втором, продлившемся до 1732 года, строили собственно башню — многоярусный восьмерик. Предполагаемыми руководителями работ называют происходивших из города Хлынова каменщиков: для четверика — Ивана Савина Нарсекова, для башни — Константина Алексеева Совина (или Солвина)[308].

Башня окутана легендами, записанными фольклористами и раскрашенными беллетристами во все цвета радуги. Пожалуй, самая известная из них гласит, что в подземных помещениях башни находилась секретная плавильня, в которой содержавшиеся в неволе мастера выделяли из черной меди серебро, а из него чеканили поддельную монету. Тайный подвал якобы был связан с заводским прудом тайным же подземным каналом, перекрытым затвором. Прудовая вода, пущенная в подземелье, должна была скрыть грехи, если другими средствами скрыть их возможности уже не оставалось. Однажды, повествует предание, тайный шлюз был открыт.

Существует множество аргументов против этой легенды. Укажем один. Секретные гидротехнические сооружения могли быть созданы только на нулевом, «фундаментном» цикле работ — никак не позже. Мысль о тайном цехе должна была оформиться самое позднее на стадии проектирования башни. Допустить возможность его существования — значит допустить, что демидовские мастера научились выплавлять серебро лет на 20 раньше того времени, к которому обычно относят это событие. А доказать это будет, пожалуй, не легче, чем обнаружить подземелье.

На данном этапе нам кажется вполне приемлемым предположение, что одной из функций башни (именно башни, а не сооружения в целом) первоначально была функция мемориальная. На нее наслаивались другие — часовая, сторожевая и прочие. Надстраивая четверик, Акинфий ставил памятник отцу и великому его Делу. А если и не так, время примыслило к авторскому замыслу свой. Расчет оправдался: башня стала памятником роду Демидовых, сооруженным самими Демидовыми.

Из архитектурных свидетелей истории демидовского рода она — из числа самых ценных и выразительных. В списке отечественных древностей не так уж много объектов со столь высоким мемориальным потенциалом. Невьянская башня, старый

соболь (клеймо на демидовском железе), родовой их герб с рудоискательными лозами… — пожалуй, и все. Обретя их, демидовский Урал обрел демидовские символы. Обрела их и Россия.

Никита Первый: несколько прощальных слов

Вернемся к основателю рода. Никита Демидов, каким он видится в трехвековой дали прошлого, — одно из наиболее совершенных реальных воплощений лучшего, что собрано в рабочем человеке, в Мастере: тяги к новым знаниям и умениям, природной талантливости, усиленной и высветленной упорной огранкой, внутренней энергии, неистовой увлеченности делом, стремления дойти в работе до мыслимого совершенства…

Погруженность в земные заботы совмещалась с религиозностью. Замечательно интересное упоминание о Демидове оставил В.Н. Татищев, ценное тем более, что уж его-то подозревать в лакировке фактов никак не приходится. «Мы все знали кузнеца, а потом дворянина Никиту Демидова, которой грамоте не учен, но другие ему Библию читали; он все, в памяти достойные, в которой главе стих, не токмо сказать, но пальцем место указать мог»[309]. Нет сомнения, что перед нами свидетельство не только о замечательной памяти неграмотного кузнеца, но и о глубоком его интересе к Писанию, к истинам, открытым в Откровении.

Историографии демидовского рода больше двухсот лет, но и сегодня первый Демидов — одна из самых загадочных фигур в его истории. Невозможно предвидеть, какие еще неожиданности он нам готовит. Вот недавняя архивная находка, удивившая символичностью совпадения. Автору этих строк посчастливилось обнаружить документ, содержащий дату первой поставки в казну железа с первых в России доменных и передельных Городищенских заводов[310]. Оказалось, что она состоялась по старому стилю 24 марта, по новому — 3 апреля 1636 года. Как видим, хотя события разделяют два десятилетия, день рождения доменной металлургии России и день рождения одного из самых великих российских металлургов очень близки, почти совпадают.

Знал ли об этом Демидов? Знает ли? Со своего странного огненного портрета колючим сфинксом глядит он на нас, не отвечая на обращенные к нему вопросы — сам требуя ответов. Чего он ждет, глядя с таким напряжением, что не всякий выдержит, — смутится, отвернется, возвратится в привычный мир уютной прянично-самоварной старины? Что высматривает?

Не знавший отдыха и покоя великий труженик и созидатель,

он и в *том* мире с нами.

Глава 4.
ПОСЛЕ СМЕРТИ НИКИТЫ ПЕРВОГО: АКИНФИЙ

Род: силы центробежные и центростремительные

Одворянивание

Со смертью Никиты Демидова давно обособившиеся его сыновья удаляются друг от друга еще стремительнее, расходятся еще дальше. И все же не настолько далеко, чтобы оборвать все родственные связи. Остаются дела, в которых Демидовы выступают членами по-прежнему объединенного общими целями рода, остаются другие, в которых каждый преследует интересы хотя и личные, но при обоюдном усилии легче достижимые.

Именно в это время важнейшим их общим проектом становится присоединение к дворянскому сословию. В аноблировании (одворянивании) были заинтересованы все Демидовы. Оно означало приобщение к социальной группе, наиболее близкой к власти и любимой ею, к тем, кто управлял движением важных для них дел. Даже если для кого-то из Никитичей простонародное происхождение, подчеркивая достигнутые каждым высоты, подогревало тщеславие, выгода от такого перехода была очевидна. Особенно жаждали «преображения» младшие братья, долгое время не обладавшие правами, в порядке исключения дарованными отцу. Кое-что, важное для их бизнеса, благодаря указу 1721 года они получили. Но дворянские привилегии открывали для развития новые возможности.

Как же рожденные кузнецами Демидовы стали дворянами? Что подтолкнуло чудесное превращение, что его питало?

Петровская Табель о рангах (1722) создала социальный лифт такой грузоподъемности, какой русское общество еще не знало. Пропуск в дворянское сословие давало не только рождение — возникла возможность войти в него, также выслужившись или будучи пожалованным. В семье Демидовых первые шаги к сословной трансформации были сделаны скорее всего еще при жизни родоначальника. Что возможность стать дворянином Никиту равнодушным не оставила, представляется очень вероятным. Слишком заманчивой рисовалась перспектива, чтобы пренебречь ею. Однако неизвестно, делал ли он в этом направлении практические шаги, а если делал — какие именно. Переговоры с теми, кто мог повлиять на ход событий, полагаем, велись и решение постепенно приближали, но документально, разумеется, не фиксировались. Оставшимся без отца сыновьям

оставалось начатую работу продолжить и закончить. Только так, по нашему мнению, можно объяснить, почему частично лишившиеся отцовских связей Никитичи после смерти родителя в решении волновавшего их непростого вопроса преуспели довольно быстро.

Примечательно, что Демидовы, жизненные пути которых уже разошлись, к дворянству шли объединенной группой. Сплочение повышало шансы на успех. Правда, Акинфия чужая удача, в отличие от собственной, едва ли радовала. Старший брат помнил, с каким упорством, несмотря на противодействие, стремился на Урал младший. Одворянивание укрепляло позиции упрямого Никиты Никитича. Получалось, что Акинфий, выступая двигателем проекта (человек, благодаря отцу известный при дворе, именно он обратился с прошением к императрице), одновременно усиливал своего конкурента! Но добиться дворянства для себя единственного было, наверное, труднее — чем можно было бы аргументировать выделение одной фигуры, когда занятие у всех было одинаковым и пользу государству приносил каждый? Ситуация толкала старшего к сближению с младшими: к большей уступчивости, к поиску решений, позволявших избежать соперничества.

Претендуя на дворянство, братья могли сослаться на прецедент — без пяти минут состоявшееся дворянство отца. Где-то в архивной каморе не первый год пылился дворянский диплом Никите Демидову, в свое время заготовленный по распоряжению царя Петра Алексеевича[311]. Доказывало ли его существование намерение венценосного благодетеля сделать Никиту дворянином, доказывало ли неподписание обратное — зависит от точки зрения. В новом дипломе, составленном от имени императрицы Екатерины I, на двусмысленный факт указывалось недвусмысленно: было отмечено, что в названный день «камисара Никиту Демидова за его верную службу и за особливо показанное прилежное радение и старание в произведении медных и железных заводов в государстве его императорского величества пожаловал во дворяне и шляхтичи»[312]. Именно так: «пожаловал». Что подпись императора патент не утвердила — ни полслова.

Кто помог Демидовым? Что им помогло? Из конкретных деятелей скорее всего А.Д. Меншиков, имевший на императрицу огромное влияние и находившийся на вершине своего могущества, принадлежавший к одной с ним «партии» президент Адмиралтейств-коллегий граф Ф.М. Апраксин и кабинетсекретарь А.В. Макаров.

Кроме того, для пожалования имелся подходящий повод —

очередное достижение Демидовых в качестве «промышленных людей». Только что 10 января 1726 года приехавший в Петербург Акинфий поднес императрице и президенту Берг-коллегии Я.В. Брюсу образцы руд с Алтая, а девять дней спустя подал просьбу разрешить построить там завод для их переработки. Прося об этом, он фактически декларировал, что уже приступил к освоению нового горно-металлургического района. Конечно, только будущее могло показать, окажется ли его затея успешной и когда это произойдет (вспомним, как долго Демидовы обещали освоить добычу меди на Кунгуре). Но должным образом поданная, она должна была произвести впечатление. Останавливает внимание и посланная вдогонку, 4 февраля, еще одна просьба Акинфия: разрешить вступить в компанию с ним для строительства медеплавильного завода на Алтае Геннину и другим лицам, «кого мы, впредь усмотря, и в компанию пожелаем»[313]. Указывая на главного горного начальника Урала, Акинфий апеллировал к его авторитету. Уж если сам Геннин готов войти в число компаньонов (следовательно, готов рискнуть капиталом), значит, дело верное.

16 февраля Берг-коллегия строительство завода разрешила, а 18-го кабинетсекретарь Алексей Макаров явился в Верховный тайный совет и напомнил о «жалованной грамоте» для сыновей комиссара Демидова. «По рассуждении» этот вопрос был решен в тот же день: определили «помянутых Демидовых детей написать в той жалованной грамоте во дворяне». Месяц спустя, 24 марта 1726 года, патент на дворянство Демидовых подписала императрица. В отличие от петровского в нем говорилось о пожаловании дворянства не одному человеку, а целому роду — «наследником и потомству мужеска и женска полу в вечные времена, в честь и достоинство». Демидовых пожаловали в дворяне по Нижнему Новгороду, что явилось в известной степени случайностью. Уездов, в которых владения были у каждого из братьев, не существовало ни одного. Единственной единицей административного деления, на территории которой имелись владения всех братьев, была Тульская провинция (не уезд!) Московской губернии. В Нижегородском уезде Никите принадлежало купленное им за пять лет до смерти село Фокино с деревнями. Теперь оно переходило к Акинфию. Другие Демидовы здесь, насколько нам известно, владений не имели.

В патенте оговаривалось одно обстоятельство, выделявшее Демидовых из дворянской среды. Составитель текста, можно думать, с учетом мнения самих заводчиков провозгласил: «…их, и детей их, и потомков против других дворян ни в какие службы не выбирать и не употреблять, насупротив чего они да будут иметь

ноивящее тщание и попечение в произведении вышепомянутых заводов, тако жив приискании медных и серебреных руд, и к тому законных своих наследников и потомков обучать»[314]. Логика в этом, несомненно, присутствовала: заслужили поощрение на конкретном поприще — на нем же служите дальше. Можно не сомневаться, что первые Демидовы, для которых очень важна была свобода от посторонних служб, об ином и не мечтали. Но устроит ли добровольный «запрет на профессии» их потомков, которых очень скоро потянет в сферы, весьма далекие от горного дела и металлургии?

Итак, Демидовы стали дворянами. Но с появлением у них дворянского патента вопрос получил разрешение только в формальном плане. Предстояло не менее важное — интеграция в сословие. Процесс оказался длительным и для многих из Демидовых болезненным. Павел Бажов, пытаясь понять личность Акинфия, усмотрел в ней след «основного и самого трудного конфликта Демидовых с родовым барством». Это наблюдение можно и проигнорировать, списав на отражение свойственных эпохе интерпретационных моделей (вроде того, как понимал суть опричнины Сталин: конфликт самодержавной власти с боярством). Но, погружаясь в исторический материал, трудно не согласиться с тем, что в истории рода Демидовых писатель подметил нечто действительно важное. И уж если к этому конфликту он свел главное в Акинфии (это, по нашему мнению, едва ли справедливо), то что говорить о других Демидовых, к боям с этим противником (потомственным дворянством) менее подготовленных. Чуть ниже увидим, как долго, изощренно и безнаказанно унижали и ставили на место брата Акинфия Никиту в родной его Туле, категорически не желая воспринимать его в новом сословном амплуа. Причудливая личность Прокофия Демидова (старшего сына Акинфия) в значительной степени сформировалась такой именно в силу непреодоленных им возрастных конфликтов, развивавшихся на фоне очень негладкой интеграции в сословие.

Мы сказали, что Демидовы, обретая дворянство, что-то и проигрывали. Прежде всего они теряли сформированную средой, в которой родились, идентичность. Приобрести ее, меняя лошадей на переправе, было непросто.

Наследство находит наследника

Если одворянивание в какой-то степени сплачивало род, другие события, произошедшие после смерти Никиты, продолжали былое его единство расшатывать. Несомненно,

именно такую роль сыграли действия Акинфия, властной рукой закрепившего за собой не только завещанное отцом, но и движимое и недвижимое имущество, принадлежавшее его матери.

Мы помним, что комиссар Демидов сначала одного за другим отделил младших сыновей, потом в 1720 году приобретенным имением (имуществом) «во всем удостоил и благословил вечным наследником большаго сына». После смерти Никиты четвертая часть этого имущества по закону должна была отойти его вдове Авдотье Федотовне. Управлял им Акинфий, его родительница в дела не входила. Но в качестве потенциальных наследников матери на доли доставшейся ей недвижимости в принципе могли рассчитывать и другие сыновья. Акинфий желал захватить ее всю, несомненно считая принадлежащей себе по праву. Можно назвать по меньшей мере две причины, дававшие ему моральное для этого основание. Во-первых, воля отца (недвижимое не дробить) по этому поводу была высказана со всей определенностью (что она еще и совпадала с законом — другой вопрос). Во-вторых, Акинфий при жизни отца трудился в одной с ним команде, делал общее дело и никак не выделял своей доли нажитого. В каждом рубле, оставшемся после Никиты, были и его гривенники. В ситуации, когда часть собственности переходила к матери и она могла назначить другого наследника, он рисковал частью капитала, созданного собственным трудом.

Принимая отцовское наследство, Акинфий занялся закреплением за собой и материнской доли. Прежде всего в 1726 году по ее распоряжению он «наградил» братьев и сестру «денгами немалою суммою» сверх полученных ими раньше (братьями — при отделении, сестрой — при выдаче замуж). Эти деньги, передача которых подавалась как благодеяние, совершаемое «для поминовения», фактически являлись отступным за согласие младших не оспаривать ее завещание, каким бы оно ни было[315]. Названные «немалыми» суммы были, возможно, не так уж велики и уж точно не сравнимы с тем, что предстояло получить старшему сыну. Их величина, несомненно, обсуждалась. Остались ли заинтересованные лица итогами переговоров довольны — трудно сказать. Но соглашения были достигнуты и юридически закреплены данными братьями друг другу особыми записями, оформленными в Петербурге в присутствии и за свидетельством высокопоставленных персон (графов Федора и Петра Апраксиных, Антона Девиера и других)[316].

Образец такой записи демонстрирует документ, данный Акинфием Григорию 10 февраля 1726 года[317]. Содержащиеся в нем детали дополняют представления о взаимоотношениях

потенциальных наследников. Запись должна защитить Григория. Акинфий заявляет, что ему до брата, его жены и их детей дела нет, обязуется «ни во что ево, братня, как в движимое, так и в недвижимое имение и в покупные ево, братняя, заводы… не вступатца и ея императорскому величеству челом не бить». Одновременно запись страхует и автора текста — Акинфий упоминает, что Григорий давно отделен «от отца нашего и от меня прочь с награждением как от движимых, так и от недвижимых имений». А ведь, казалось бы, старшему за успех юридического оформления гигантского наследственного приобретения опасаться не приходится. И тем не менее… За нарушение соглашения назначается неустойка в две тысячи рублей — довольно значительная, подтверждающая серьезность намерений.

До смерти Григория эти договоренности сторонами не оспаривались. (Да и как было оспаривать, если вдова в своей духовной именовала передаваемые при этом ею суммы «награждением», то есть актом ее доброй воли?) А вот позже Акинфий один из пунктов нарушил, что привело к резкой и длительной дестабилизации отношений внутри рода. Но об этом позже.

Свою долю в недвижимом имуществе покойного мужа вдова, «не бив[318] челом и не справя за собою, все без остатку уступила… в вечное владение» Акинфию. По-видимому, к осени 1727 года это решение было уже оформлено — в документе этого времени она упоминает, что об этом известно в Вотчинной коллегии и в Тульской провинциальной канцелярии[319].

Разделавшись с недвижимостью, 23 октября этого года вдова составила завещание, определив в нем судьбу также и движимого своего имения. Собственные денежные ее средства были скромными, что понятно: насколько известно, никакого участия в делах мужа и сыновей она не принимала. Григорию и Никите она назначила по 500 рублей, замужней Анастасии 300. Еще что-то (суммы не оговорены) завещательница определила раздать по церквям, на милостыню нищим и «роду своему неимущим», а также «на здание церковное». Все оставшееся приказывала «ему, Акинфию, и по нем наследником ево держать в поминовение [по] муже моем и по мне по вся годы по расмотрению своему, оставя скупость… души наши поминовением строить, и годовые службы по нас служить по християнской законной должности». «И оным меньшим моим детем, Григорью и Никите, дочери Настасьи и наследником их до того оставшаго имения дела нет». Душеприказчиком назначался Акинфий. Присутствовала санкция: нарушителей воли (перечислены поименно все дети, кроме

Акинфия) матушка пугала вечным проклятием. Впрочем, если они «пребудут в тишине и в покое… завещание непоколебимо содержать», она же была готова желать им мира, благополучия, послать материнское благословение. Как видим, завещательница (а за ее спиной и Акинфий) отнюдь не исключала, что младшие «учнут об оном оставшем имении, которое я чрез сие завещание утвердила… бить челом на вышеписанного сына моего». Потому и просила, если такое случится, челобитных у просителей не принимать, суда не давать, требовать от них церковного покаяния и проч. Свидетельствуя верность выражения воли завещательницы, руку к ее духовной приложили 12 человек, все — временные и постоянные тульские жители: дворяне, чиновники, оружейники, посадские, среди прочих — состоявшие в свойстве с Демидовыми Петр Андреевич Володимеров и посадский Антип Герасимович Постухов (за него подписался сын Харитон). Завещание было зарегистрировано в Тульской крепостной конторе[320].

Но Акинфий на этом не успокоился. Два года спустя, 12 января 1730 года, он решил записать материнское завещание еще и в Юстиц-коллегии, о чем подал туда прошение. Коллегия обратилась в Тульскую провинциальную канцелярию с требованием допросить завещательницу, ее духовного отца, свидетелей и писца. Те всё подтвердили[321]. Нарушений закона и споров по духовной также не обнаружилось. В вынесенном в коллегии 23 апреля определении это обстоятельство прописано тщательно: «И при письме той духовной никакова от нее, завещательницы, спору и прекословия не было и ныне нет. И на ту духовную во оной калеги[и] от посторонних ни от кого спору, и в той духовной противности указом и государственным правам не явилось». Выдержавшая проверки духовная была внесена в записную книгу и, запечатанная коллежской печатью, передана челобитчику[322].

Зададимся вопросом: зачем Акинфию понадобились хлопоты с записью в Юстиц-коллегии и без того законного документа? Полагаем, эти действия были вызваны напряжением отношений с ближайшими родственниками, возникшим в борьбе за наследство Григория Демидова. Подробно остановимся на этой истории позднее, сейчас скажем лишь то, что Акинфий выставил претензию на оставшийся от брата завод на Тулице. Ее удовлетворение означало существенное усиление его позиции в Туле, где после смерти Григория (1728) из Демидовых рассчитывал господствовать Никита. Не все в этой истории понятно. Возможно, Акинфий действительно добивался заявленного и только потому пошел на перемирие, что на него

«нажал» Никита, припугнув перспективой оспорить завещание матери. Не исключено и то, что Акинфий, воспользовавшись ситуацией, хотел лишь «повоспитывать» тульских родственников, напомнив, кто в роду главный, но и только — он больше играл, в действительности вполне удовлетворенный тем, что получил в Туле от отца. Как бы то ни было, в конце концов в вопросе о заводе Григория (и еще в одном, очень важном, решавшемся в это время, — о проникновении Никиты на Урал) он пошел на компромисс. Но невмешательство Никиты в завещательные распоряжения матери решил дополнительно закрепить, записав вполне устраивавший его документ дополнительно в Юстиц-коллегии.

Как видим, смерть отца, а потом и одного из сыновей, не развалив род окончательно, привела к столкновению интересов оставшихся — Акинфия и Никиты. (Об участии Григория в этих междоусобиях сведениями не располагаем[323].) Оба стремились укрепить, усилить свое положение, но шли и на сделки, договаривались с противником, находя возможность свой интерес как-то с чужим сбалансировать. Итогом этих балансировок явилось сохранение Акинфием в своих руках всей, уральской и тульской, недвижимой собственности отца и выход Никиты на Урал, куда он давно стремился и куда при отце попасть не сумел.

Созревание и зрелость

Ученик и сотрудник

Вспомним действующих лиц предания, рассказывающего о том, как Демидов выпросил у царя Невьянский завод. Рядом с Никитой старший сын. Деталь примечательная. Хотя Акинфий в этой истории лично не действует, самим присутствием он позиционирован как сотрудник. Можно сказать, отец представляет его царю в этом именно качестве.

Совсем скоро отец посылает его налаживать работу на только что принятом от казны заводе. Акинфий, месяц хозяйничая там самостоятельно, ожидания оправдывает: уже через три дня пускает молотовые, потом домну. Наконец приезжает отец, но уже через два месяца возвращается в Тулу, оставляя все на Акинфия.

Итак — сотрудник. Конечно, принципиальные решения принимал отец. Но на незнакомом (не ими строенном) заводе наверняка возникали неожиданные ситуации, на которые нужно было реагировать быстро. Реагировал Акинфий. То есть, во-первых, был доверенным лицом, во-вторых, обладал значительной свободой действий. Последнее не удивительно — в свои 24 года (столько ему было в год передачи завода на Нейве) он был сложившимся техническим специалистом.

Откуда взялись необходимые познания? Анонимная биография Акинфия, сохранившаяся в архивном фонде Демидовых, сообщает, что он «с самых юношеских лет приучаем был Родителем своим к познанию Минералов, Гидравлики, Механических и других искуств, повсюду находился с ним при Устроении Заводов и был ему вернейшим помощником»[324]. Итак, приучался «с самых юношеских лет». В одном из поздних (1739) писем приказчику Григорию Сидорову Акинфий прямо апеллирует к традиции, усвоенной им в Туле: «…В которой я слободе родился, больших мехов не имеется». Продолжая далее, подчеркивает непреходящее для него значение этой традиции: «Впредь, пожалуй, ты нас, чему мы научены, не переучивай», «резон», с которым посланы укладные мастера, — «по своему не переворачивай»[325]. Опыт, на который опирается Акинфий, как видим, по меньшей мере частично, — из Тулы. И это, и приведенные выше строки ранней биографии, и, наконец, здравый смысл свидетельствуют об одном — Акинфий помогал отцу на Тульском заводе, именно здесь он и получил многие свои

знания. Акинфиева традиция — прежде всего традиция тульская.

Но не только. Имеются упоминания (подтверждаемые пока, к сожалению, только косвенными доказательствами), что Акинфий побывал в Германии, именно в Саксонии, в знаменитом своими шахтами и горными мастерами Фрейберге[326]. Во всяком случае, точно известно, что один из купленных им ценных минералогических кабинетов принадлежал известному фрейбергскому минералогу Генкелю[327]. Саксония — основной источник мастеров, на протяжении XVIII века переносивших в Россию европейскую горно-металлургическую традицию. Факт приобщения к ней Акинфия, причем непосредственно на месте, может многое объяснить в блистательном его успехе. Если, конечно, он имел место, этот факт.

Первые месяцы эксплуатации Демидовыми Невьянского завода определили распределение ролей, впоследствии закрепившееся. Акинфий пребывал в основном на Урале. Формально он был вторым после отца, который оставался первым уже потому, что юридически завод был передан именно ему. Но, хотя отец и считался чем-то вроде «генерального директора», в практике управления он составлял с сыном одно целое. Бумаги в учреждения посылали и сын, и отец, и они, как правило, не противоречили друг другу. Нам не известно ни одного документа, в котором отец отменил распоряжение сына. Ни одного случая, когда казна после заявления Акинфия потребовала бы согласования сказанного им с мнением Никиты. Если они чем и отличаются, так это возрастом, сопряженным с ним объемом связей и вполне разумной функциональной специализацией менеджмента: отец обеспечивает контакты с властью и единство хозяйства, сын рулит самым сложным в хозяйстве звеном. Отец колесит по стране, останавливаясь более или менее подолгу в Туле, Москве, Петербурге и на «своем» Урале, Акинфий — почти исключительно уральский житель. Такое разделение труда вполне естественно, органично.

Их «почерк» ведения дел несколько различается? Может быть. Вот конфликт Демидовых с Татищевым. Уже отмечалось, что приезд Никиты отчасти снизил напряжение, до которого дошли отношения, когда от имени Демидовых действовал молодой неуступчивый Акинфий[328]. Не думаем, впрочем, что сын по темпераменту был склонным к более импульсивному, чем отец, поведению — судя по письмам последнего десятилетия, Акинфий всегда сохранял контроль над собой. Сказывались скорее возрастные различия.

Диалог с властью

Одна из важнейших проблем, с которой столкнулись сыновья комиссара Демидова после его смерти, — необходимость создания новой формы отношений с государственной властью. Выстраивая их, они стремились к одной цели, но, находясь в разных условиях, задачи решали разные.

Государству от всех Демидовых было нужно одно: вовремя, в полном объеме, по согласованной цене получать заказанную продукцию плюс налоги. А вот у братьев конкретные интересы и планы различались существенно. Акинфий владел заводами в нескольких удаленных один от другого районах, пользовался полученными отцом привилегиями и оставался тесно связанным с госзаказом. Заводские хозяйства Никиты и Григория, отличаясь от Акинфиева, были между собой схожи компактностью — находились в центре европейской части России. Но будущее младшие братья видели разным: Никита рвался на Урал, куда не пускал отец, Григория же, похоже, вполне устраивала родная колыбель. Оба работали в основном на рынок, хотя Никите был знаком и госзаказ.

Акинфию досталась роль самая привлекательная: наследника, продолжателя, умножителя. Оставалось сделать в сравнении с братьями немногое: перевести на себя нужные контакты, не утратив существовавших, завязать новые жизненно важные связи. Это было необходимо еще и потому, что вместе с уникальными стартовыми условиями, отцом для него созданными, он принимал на себя взятые тем обязательства. За привилегии нужно было платить.

Предание почти не сохранило рассказов о личном общении Акинфия с венценосными особами. Пожалуй, единственное исключение — анекдот о разговоре с императрицей Елизаветой Петровной, который перескажем, говоря об истории открытия в демидовской руде серебра. Бедность фольклора не восполняют письменные источники. В послепетровские годы власть была уже не так демократична в общении с подданными, как это было при Петре, принимавшем просителей и сажавшем за свой стол, невзирая на их наряд. Сам же Петр сдвинул планку, издав указ о правилах подачи прошений. Напомним: Никита, ища управу на Татищева, обратившийся к монарху по старинке, напрямую, был наказан не за то, что оклеветал противника, а за нарушение протокола. В послепетровское время проблем, требовавших для решения прямого вмешательства власти, было не меньше, но прямые контакты с нею стали еще менее доступными. Оставалось влиять опосредованно — через заступников.

Менялись лица, окружавшие трон, — менялись те, к кому приходилось обращаться за покровительством. Отец опирался на

поддержку Ф.М. Апраксина, А.А. Виниуса, М.П. Гагарина, Н.М. Зотова, А.Д. Меншикова. Среди «милостивцев» его старшего сына — тех, протекцией которых он сумел заручиться, — статусные фигуры тоже высшего разбора: ближайший друг императрицы Анны Иоанновны владетельный герцог Курляндский и Семигальский граф Эрнст Иоганн Бирон, президент Коммерц-коллегии барон Петр Павлович Шафиров, кабинетсекретарь императрицы Елизаветы Петровны Иван Антонович Черкасов. Каждый из них сыграл свою роль в том, чтобы Акинфий на протяжении двух десятилетий чувствовал себя хозяином на принадлежавших ему землях и заводах и был очень влиятельным человеком во многих других местах, так или иначе связанных с его бизнесом. Прочные и эффективные патрон-клиентские связи — одна из основ, на которых базировалось благополучие Акинфия Демидова.

Отношения с местной администрацией, с коллегиями и их местными органами не требовали после смерти отца столь существенной корректировки, как отношения с царедворцами. С представителями центральных и местных госучреждений Акинфий тесно общался еще будучи в тандеме вторым. Как мы уже отмечали, первый Демидов позволял ему от имени фирмы вступать в деловую переписку. На этом уровне с ним считались куда в большей степени, чем с младшим братом в оставленной Туле. Акинфий, несомненно, обладал не меньшим талантом управлять людьми, чем его отец, и, как и он, прибегал при необходимости к разного рода средствам манипулирования ими. Кроме того, он прекрасно умел учиться на своих ошибках, что в сочетании с постепенно ослабевавшей горячностью делало его почти непобедимым бойцом.

Яркий пример сказанного видим в событиях, связанных с завершением истории конфликта Демидовых с Татищевым.

Смерть Никиты Демидова и отъезд Татищева в Швецию замедлили их ход. Заводчик умер в ноябре 1725 года — именно тогда, когда Вышний суд заслушивал мнение Геннина по его с Татищевым делу[329]. Последнее слово оставалось за императрицей — ей собирались отправить и экстракт решения суда, и мнение Геннина. В этой точке дело могло замереть на годы.

Возвратившийся в Петербург в начале мая 1726 года, Татищев его подтолкнул. Почти сразу, в июне, он подал челобитную, в которой писал о «пагубной клевете» Демидова, стремившегося без причины его погубить. За верную и прилежную службу Татищев надеялся на милость государя. Вместо этого вызнал его гнев, из-за чего и здоровья лишился, и «едва живот

удержал». Пока шло следствие, ему долго не платили жалованья, он вынужден был влезть в долги. Татищев подчеркивал, что Вышний суд оправдал его и будто бы «за невинное терпение и разорение» приговорил «учинить» ему награждение. По его словам, отпуская в Швецию, выдать награждение обещал ему и Петр[330].

Резолюции на эту челобитную не последовало (по мнению А.И. Юхта, не без влияния Меншикова), но Акинфий Демидов, оповещенный о ней, обоснованно забеспокоился. Как повернется дело дальше — было не ясно. Возможно, лучшим для него шагом в этой неудавшейся интриге было заключение мирового соглашения. В случае утверждения приговора оно не отменило бы штрафа (назначенного не за обиды Татищеву, а за нарушение Демидовым правил подачи жалоб). Больше того, оно подразумевало дополнительные расходы — следовало что-то заплатить обиженному. Но, заключенное сейчас, оно погасило бы активность Татищева, подталкивавшую утверждение приговора. Руководствуясь, возможно, такими соображениями, Акинфий написал письмо Меншикову, в котором описывал свое видение ситуации и советовался по ее поводу. Приговор, подчеркивал Акинфий, учинен в Вышнем суде до ознакомления с мнением Геннина (намек на то, что в противном случае он был бы другим, что, заметим, вполне возможно). Но даже и в нем «того не показано, чтоб ему, Василию Татищеву, какую награду учинить». Трудно сказать, какой выход из положения — мир или продолжение войны — в действительности предпочел бы Акинфий[331]. Судя по письму, он был готов на мировую (инициатором которой, по его словам, выступил Татищев), соответственно, был готов «хотя ему что и дать — быть так». Закрытие темы ценой умеренных расходов вполне его устраивало. Война — это новые жалобы Татищева, новые обращения к покровителям с целью эти жалобы нейтрализовать. Но в выборе решения он полагался на мудрость патрона: будет так, «как ты, государь, о сем соизволишь»[332]. По мнению Юхта, решающее слово сказал именно Меншиков, очевидно, посоветовавший мириться.

Сделка состоялась во второй половине февраля или в марте 1727 года. Сумма заплаченного отступного неизвестна: Демидов писал, что Татищев просил у него две тысячи рублей, пострадавший много позже упоминал о сумме в три раза большей. После расчета заводчик попросил Татищева подать новую челобитную, что тот и сделал, написав в ней, что «добровольно помирился» с Акинфием и его матерью (вдовой обидчика) и в дальнейшем ни он, ни его наследники впредь дела

по этому предмету обязуются не возбуждать. О состоявшемся мире с господином советником Татищевым Демидов в апреле информировал Меншикова[333].

Итак, Акинфий Демидов потерпел поражение. Но, во-первых, кашу с Татищевым заварил не он. Во всяком случае, все действия, после которых дело уже нельзя было повернуть назад, предпринимал отец. Если Демидовы допустили в этой истории ошибки, то более чем наполовину это были ошибки отца. Во-вторых, нет худа без добра. Раньше за контакты с VIP-персона-ми отвечал отец. Лишившись налаженных связей, Акинфий первое время, можно думать, чувствовал себя не так уверенно, как прежде. Судьба послала ему случай, мобилизовав дипломатические способности, наладить отношения с наиболее актуальным «милостивцем» — в данном случае с Меншиковым.

Но память у Акинфия была, наверное, не хуже, чем у помнившего наизусть Писание отца. Он не забудет поражения, хлопот, здесь и там упущенной выгоды. Когда судьба снова столкнет его с Татищевым, он одержит победу.

Затянувшийся конфликт научил Акинфия многому. В том числе — с властью не задираться, использовать в диалоге с ней мягкую силу. Что он извлек из этой истории уроки, видим, наблюдая развитие его отношений с Генниным.

Главный командир уральских заводов В.И. Геннин появился на Урале, когда конфликт Демидовых с Татищевым зашел в тупик и требовал постороннего вмешательства. Демидовы были остро заинтересованы в том, чтобы склонить генерала на свою сторону. И отношения с ним с самого начала выстраивали значительно более аккуратно, чем начинали их строить с Татищевым. Не испортив их, Акинфий в конечном счете сумел его приручить.

Геннин по характеру был человеком более гибким, чем Татищев. При этом — отнюдь не легковерным, склонным скорее переоценить опасность, чем недооценить. В том, что из себя представляют комиссар Демидов и его старший сын, в их достоинствах и недостатках он вполне разобрался, расследуя ссору с Татищевым. По мере разбирательства его отношение к ее участникам менялось то в одну, то в другую сторону — на него влияли документы, с которыми он знакомился, показания свидетелей, непосредственное общение с заводчиками, мнение близких к трону их защитников.

Проведя порученное расследование, Геннин довольно быстро склонился на сторону Татищева. Но чтобы убедить, что разбирался в деле «не маня ни для кого», признал факт, что на заставах, устроенных Татищевым на дорогах к демидовским заводам, задержки проезжающих, хлеба и припасов все же имели

место. Всю вину за них он возложил на «плутов камисаров и на заставах будучих»[334], которых своей властью и наказал. В обвинениях Демидовых, получается, почти ничего не подтвердилось, а что подтвердилось — Татищев был ни при чем. Кратко изложенная в шести пунктах донесения Петру геннииновская версия событий выглядит весьма убедительно и в том, что касается Демидовых, хорошо согласуется с нашим о них представлением. Вместе с тем следует учесть, что Геннин был лично заинтересован в том, чтобы обелить Татищева в глазах Петра. В литературе отмечалось (и ознакомление с документами подтверждает обоснованность этого мнения), что Геннин опасался надолго застрять на Урале[335]. Задержки было не избежать, если бы не нашлось достойной ему замены. Петр дал Геннину гвардии сержанта Украинцева, чтобы после того, «как все здешние заводы исправлены, манифактуры и фабрики построены и в действо произведены будут», тот стал «над оными всеми делами директором». Поработав с ним, Геннин отозвался о кадровом резерве более чем недвусмысленно: «…человек доброй, но не смыслит». Не приглянулся ему и Михаэлис: «…неможет (болеет. — *И. Ю.)* и мало памятен… он мне мало помощи здесь подает». Единственной кандидатурой, за которую Геннин, похоже, мог поручиться, был «смышленый, рассудительный и прилежный» Татищев. Но он от предложений подключиться отговаривался, заявляя, «что ему у того дела быть нельзя» сразу по нескольким причинам. Две из них, названные Генниным, касаются отношения Петра к Татищеву и того, как это может повлиять на результаты трудов последнего. Третья — непосредственно конфликта с Демидовым. Татищев вполне резонно рассуждал, что «ежели на Демидова управы учинено за оболгание не будет и убытки ево награждены не будут, то он и впред с ним будут во вражде и безпокоистве, чрез что ползе вашего величества не без вреда быть может»[336]. Нет оснований подозревать в Геннине стремление очернить Демидовых вообще. Но в том, что ему было выгодно, чтобы Петр принял сторону Татищева, посчитав действия его противников «оболганием», сомневаться не приходится. А если так, то остережемся полностью доверять доводам генерала, тосковавшего по Петербургу.

Впрочем, в мире человеческих пороков недостаточное чистосердечие не из числа самых страшных. Геннин не все говорил, но, слава богу, старался не лгать. А иногда демонстрировал замечательную проницательность и, что особенно важно для потомков, доверял ее бумаге. Изучив Демидовых, он научился просчитывать их действия на несколько шагов вперед. И, как правило, не ошибался в расчетах.

Летом 1725 года генерал-майор получил задание собрать десятину с уральских заводов Демидова. В случае, если Демидов откажется платить, ссылаясь на незавершенность расчетов с ним Артиллерии, Геннину поручалось арестовать на его пристанях железо и часть его, на сумму долга, отправить в Берг-коллегию.

2 января следующего года Геннин сообщил в коллегию, что Акинфия на заводах нет, а его приказчики десятину без хозяина платить «не смеют» и не будут. Геннин полагал, что для этого имелась объективная причина: опираясь, по-видимому, на слышанное от приказчиков, он заявил, что «ныне они при заводах у себя денег не имеют и платить нечем». Геннин уверенно моделировал последующее развитие событий: Демидов, когда прибудет, «тем же станет отговариватца, что денег не имеет».

Геннин предвидел не только отговорки Акинфия. Он представлял реакцию на попытки на него надавить. Положим, рассуждал он, указом коллегии причастные к делу демидовские приказчики будут арестованы. Последствия ждать себя не заставят. «Демидов, — писал Геннин, — отпуск припасов нарочно остановит и сыщет такую отговорку, что отправить припасов было не с кем, понеже де прикащики ево держимы от нас под арестом в платеже оной десятины». Геннин предвидел поток жалоб на него со стороны демидовских контрагентов: от Адмиралтейской коллегии, от Городовой канцелярии, «от купецких людей, у которых он (Демидов. — *И. Ю.)* в железо денги уже забрал». Не останется в стороне и Коммерц-коллегия — от нее «жалоба произойдет во остановке купечества и в зборе пошлины». Решение Геннин видел в том, чтобы ему от решения устраниться. Он предлагал Берг-коллегии просить Сенат «определить к збору оной десятины нарочного кроме нас, или… збирать с него, Демидова, оную десятину камериром, как… определено збирать и с протчих промышлеников»[337]. То есть пускай занимается этим кто угодно, лишь бы не он.

Так, стремясь избежать неприятного поручения, разговаривал Геннин с Берг-коллегией. А вот как — с Акинфием Демидовым (по другому вопросу — о продаже меди по вольной цене, чего добивался заводчик). В цитируемом ниже письме упомянута и Берг-коллегия, обратим внимание, в каком ключе:

«Господин комиссар Акинфий Никитич! Писал ты, что медный промысел хорош, токмо охоты не будет и бросишь, ежели воли не будет продавать, как всяк хочет. И ты в том право пишешь и рассуждаешь. А я тебе порука, что оный указ, учиненный из Берг-коллегии, не устоит, но Его величество не велит никому охоты в горных делах снимать и убыток чинить промышленникам. И в том надейся крепко, и охоты не потеряй и

промышляй с Божиею помощью»[338].

Как видим, Геннин полностью разделяет позицию Акинфия в отношении ценовой политики, выражает уверенность (!) в том, что идущий вразрез с нею (позицией) указ госучреждения будет отменен, и призывает заводчика ждать и работать. Какой еще большей лояльности ждать частному лицу от государственного чиновника, тем более столь высокого ранга?

Доброжелательное и внимательное отношение Геннина к Акинфию Демидову имело серьезные «промышленные» последствия. Историк Н.С. Корепанов подчеркивает, что «долго и трудно рождавшееся медное дело Демидовых во многом оказалось вытянуто благодаря настойчивости Геннина»[339]. Так было с самого прибытия Геннина на Урал — уже говорилось о демидовском мастере, с согласия Геннина обучавшемся «чистить» медь на казенном заводе. Возвратившись к середине 1720-х годов, вспомним, что незадолго до сочинения цитированного письма в коллегию, в ноябре 1725 года, Геннин подал свое мнение по поводу решения Вышнего суда — мнение, значительно более лояльное к Демидовым, чем высказанное им в феврале 1723 года в письме Петру. За страшилками, которыми он в начале 1726-го пугает Берг-коллегию, стоит нежелание нарушить устоявшееся равновесие в отношениях с Демидовыми, конкретно — с Акинфием. Да это уже не просто равновесие. В феврале 1726-го Акинфий, как уже говорилось, просит разрешить Геннину вступить с ним в компанию по разработке алтайских руд. За нежеланием Геннина заниматься делами, наносящими ущерб Демидову, — желание заниматься другими, которые приносят прибыль и Демидову, и лично ему.

Примечательно и то, что избегавший обострять ситуацию в дни, когда решался вопрос о его дворянстве, Акинфий повел себя отнюдь не столь резко, как пугал коллегию Геннин. 24 февраля заводчик подал сказку, в которой согласился заплатить десятину за 1720— 1726 годы, но заявил, что пока «во оном платеже десятины… подлинного щету учинить невозможно, для того, что подлинных записных книг при нем здесь не имеетца». По прибытии на заводы, куда он тогда собирался, он обещал нужные ведомости выслать. Пока же ручался, что после отъезда его из Петербурга, в мае, приказчик Иван Переславцов отдаст в Берг-коллегию в счет десятины две тысячи рублей[340].

А что же компания с Генниным, о создании которой хлопотал Демидов? Ничего больше не слышно об этой компании. Не исключаем, что обещаниями законных прибылей заводчик торил путь к лояльности не дававшего себя подкупить генерала, а когда надобность в ней отпала (после получения дворянства и указов,

разрешавших строительство новых уральских и алтайских заводов), спустил вопрос на тормозах. В конце концов компания — вещь сугубо коммерческая. Если одной из сторон (Акинфию) она стала невыгодна — кто мог заставить ее завести?

Обострения, впечатляющую перспективу которого в угоду Акинфию нарисовал Геннин, удалось избежать благодаря доброй воле и расчету Демидова. Но как же боевой дух, свойственный его отцу, — неужели уже в этом поколении его потомков он стал ослабевать?

Мы еще убедимся, что подозревать это нет оснований. Тем более нет, говоря о другом духе — духе созидания, в неменьшей мере присущем Демидовым в первых поколениях их рода.

Горизонты Акинфия Демидова

Акинфий в Туле

На Тульском заводе, каким его оставил сыну комиссар, было две домны, из которых одна уже несколько лет простаивала. В апреле 1726 года Акинфий ее сломал[341], чем дал понять, что производство в Туле чугуна наращивать не будет. К этому и шло, поскольку уголь с каждым годом дорожал. Но отец, вероятно, держал про запас в уме вариант, при котором запасная домна могла понадобиться. Не понадобилась. Новый хозяин поставил точку, вскоре после смерти отца уничтожив бездействующий агрегат.

В оставленных в строю трех молотовых, в каждой по два горна, делалось железо полосное и связное — оно и составляло основную продукцию предприятия. Артиллерийских орудий завод не производил, хотя при необходимости мог: в 1732 году на нем было отлито 12 пар аршинных пушек, в следующем — 6 пар полуаршинных[342].

Эти пушки сделал на Тульском заводе «про себя» Прокофий, старший сын Акинфия, подраставший и постепенно входивший в тонкости отцовского дела. Но главной фигурой на Тульском заводе после смерти Никиты оставался дядя Прокофия Семен Пальцов. В 1726 году в одном из прошений он прямо так себя и рекомендовал: «при заводах по отлучении оного Акинфия Демидова на Сибирския заводы всякия дела отправляю один». Мы еще встретимся с ним, пока же обратим внимание на только что цитированный документ — его челобитную, поданную в июле 1726 года в Тульский провинциальный магистрат. В ней, ссылаясь на законы, Пальцов напоминал, что «прикащики, и мастеры, и ученики их свободны от службы», в связи с чем просил его челобитную «для ведома записать в протакол, дабы за неведением оных именных блаженныя и вечнодостойныя памети Его Императорского величества указов от оного магистрату не выбран был х каким делам и чтоб за тем в завоцких всяких отправах не учинилась остановки»[343]. Демидовский шурин снисходил до переписки с магистратом, сохраняя максимум достоинства: не просил, но уведомлял, действовал вроде как не ради себя (был настолько, по его мнению, защищен указами, что за себя не беспокоился), а из снисхождения к магистрату — чтобы там по незнанию указов дров не наломали и себе же не навредили.

Высокомерие Семена Пальцова зиждилось на его близости к

Акинфию Демидову. Тот, между прочим, как раз в эти годы в известной мере восстанавливал свою связь с Тулой, ослабевшую за годы, когда по сложившемуся в фирме распределению обязанностей он занимался делами на Урале. Восстанавливая и не собираясь в будущем ее разрывать, радикально перестраивал главное (после завода), что у него здесь было: отцовскую усадьбу в Оружейной слободе — ту, которую, по преданию, посетил царь Петр. На месте обветшавших деревянных построек, помнивших царскую щедрость (оплеуху хозяину и поцелуй хозяйке), он построил обширный (по фасаду 64 метра, в высоту 15 метров) каменный дом с поместительными подвалами.

С обликом и интерьерами нового дома в кузнецкой слободе мы еще познакомимся. Его описание, заимствованное из сочинения И.Ф. Афремова, который постройку во всей ее красе уже не застал, не может претендовать на точность документа. Это не портрет, а оставшийся в памяти потомков образ до пожара 1779 года, превратившего дворец в обгоревшие руины. Но образ, несомненно, опиравшийся на реальные впечатления. Строительство дома, по мнению Афремова, является прямым свидетельством того, что около этого времени «Акинфий Никитич решительно изменил свой образ жизни и стал жить вельможею»[344]. Согласимся с этим: тульский дом стал одной из официальных резиденций Акинфия, понадобившихся после смерти отца, когда контакты с высокопоставленными особами легли уже на его плечи. Императрица Елизавета Петровна, в 1744 году отправившись в Киев и прибыв в Тулу, разместилась именно в демидовском доме.

Еще один каменный дом Акинфия Демидова находился на Тульском его заводе. Но он был построен скорее всего в последние годы его жизни, в связи с чем рассказ о нем отложим.

В эти же годы Акинфий строит в Туле две церкви.

Совершенно преображается приходская церковь Демидовых, священники которой являлись их духовными отцами.

Две деревянные церкви — Никольская (летняя) и во имя Рождества Христова с Георгиевским приделом (зимняя) — впервые упомянуты в писцовой книге Тулы 1625 года. При Акинфий Демидове их сменила построенная им чуть в стороне от существовавших двухэтажная кирпичная церковь, именуемая в просторечии Николо-Зарецкой, с находящейся внутри усыпальницей храмоздателя и его рода. На прилегающем к зданию с севера приходском кладбище покоился прах прихожан — казенных кузнецов и членов их семей, в том числе представителей фамилий металлопромышленников, не только Демидовых — также Баташевых, Мосоловых, Красильниковых. В

1996 году на территории этого городского некрополя, на месте, где по приблизительной оценке может быть захоронено до трети тульских оружейников Петровской эпохи, был установлен каменный памятный крест.

Считается, что к строительству храма приступили в 1730 году. Мы, однако, не исключаем, что начало следует отодвинуть к несколько более раннему времени — во всяком случае на год[345]. Службы в нижнем храме шли уже осенью 1730 года, верхний освятили 25 июня 1735-го, соответственно, последнюю дату можно считать временем завершения работ[346]. Имя архитектора неизвестно. Высказывалось мнение, что им был кто-то из видных петербургских зодчих, соответственно, храм, выстроенный по его проекту, характеризовался как яркий образец новой столичной архитектуры. Действительно, формы и декор здания, в которых властвует петровское барокко, отличаются от тульских храмов близкого времени. Напротив, в церковной колокольне несомненна преемственная связь со старой архитектурой города[347].

Первоначально церковь строилась «кораблем»; с востока на запад по прямой линии располагались алтарь, средний храм, трапезная, колокольня. Трапезная была двухэтажной, колокольня стояла на сводах второго этажа в западной части храма над демидовской усыпальницей. 3 октября 1730 года недостроенная звонница обрушилась, при этом погибли люди. Богослужение в нижнем храме (уже освященном) распоряжением Синода было приостановлено. По-видимому, из соображений безопасности новую колокольню возвели как самостоятельную постройку на противоположной стороне Никольского (ныне Оружейного) переулка.

Церковь имела несколько престолов. Нижний храм был освящен во имя святителя Николая Чудотворца не позднее начала октября 1730 года. Придельный престол нижнего этажа во имя Андрея Первозванного — 25 ноября 1734 года. Дата освящения верхнего храма в честь праздника Рождества Христова приводилась.

Одним из «народных» названий храма было бытовавшее в XIX веке «Никола Богатый», появившееся и прижившееся как из-за великолепия убранства, так и по причине близости к главной городской усадьбе Демидовых. Благодаря богатым и щедрым вкладчикам, в нем скопились значительные художественные и материальные ценности, в том числе предметы, попавшие туда благодаря Демидовым: чугунные престол и жертвенник, паникадила из уральской меди работы невьянских мастеров и многое другое. Образцы строительного металла (ступени

лестниц, оконные решетки, металлические связи в сводах) можно наблюдать в интерьере и сегодня.

Церковь украшала крытая чугунная галерея с переходом на колокольню, огромной подковой охватывавшая часть храма и трапезную по внешнему периметру второго этажа. Во время пожара 1779 года она сильно пострадала. После этого, по одним данным, была разобрана, по другим — реконструирована: превращена в открытый обход с легкой ажурной решеткой[348]. Позже исчез и он.

Построенная Акинфием Демидовым церковь должна была служить местом погребения храмоздателя, его предков и потомков. Полагаем вероятным, что Акинфий, выбирая для нее место, осознанно сдвинул постройку таким образом, чтобы могила отца оказалась в западной его оконечности — там, где намечалось возвести колокольню[349]. Позднее колокольня переместилась на другую сторону переулка, а усыпальница осталась на прежнем месте. В ней в разное время были погребены представители минимум трех поколений рода Демидовых. Именно здесь покоятся останки Никиты и Акинфия Демидовых.

Церкви повезло больше, чем демидовскому дому в слободе: пострадавшая в пожар 1779 года, она была скоро отремонтирована и, потеряв часть былого великолепия (в том числе галерею и переход), дожила до наших дней. После ремонтно-реставрационных работ, выполненных в середине 1990-х годов, она прибрела облик, относительно близкий к тому, который сохранили фотографии конца XIX века. Впрочем, сбитое в конце 1970-х годов лепное убранство ее фасадов восстановлено так и не было.

Еще один храм — в те же годы и тоже во имя святителя Николая Чудотворца — был построен Акинфием недалеко от его завода, в Чулковой слободе Тулы. Внешний его облик много скромнее, что не удивительно — Чулково тогда только еще превращалось из пригородного села в городскую окраину. И в этой церкви есть могилы членов демидовской фамилии — именно Евдокии Тарасовны, первой жены Акинфия Никитича[350].

«Ведомство Акинфея Демидова»

Послужной список уральских достижений Акинфия открывает пуск им Нижнетагильского завода, состоявшийся немногим более месяца спустя после смерти комиссара Демидова, — 25 декабря 1725 года. Через год — вторая домна. В январе 1730 года — третья! Была поставлена еще и четвертая домна. По крайней мере, до 1733 года в действии все четыре

одновременно никогда не бывали, но резерв мощности был создан огромный. Позднее две домны были Акинфием снесены, но произошло это прежде всего из-за изменения правил начисления налога — теперь держать неработающие домны становилось накладно.

К тому времени, когда Акинфий получил полную власть над заводами, лес вокруг них на большое расстояние был вырублен. Перестраивая отцовское хозяйство, Акинфий принимает на вооружение следующую тактику: на существующих заводах оставляет только домны, молотовые же переносит ближе к лесам (с учетом, конечно, наличия между ними водной коммуникации). Следующие три завода — Шайтанский (на притоке Чусовой речке Шайтанке, 1727), Черноисточенский (на притоке Тагила речке Черный Исток, 1728) и Уткинский (на притоке Чусовой речке Утке, 1729) — были пущены строго в рамках этого подхода.

Ждало освоения заводское место у Волчьей горы на реке Ревде, разрешение на освоение которого получил отец. За ним, простаивавшим напрасно, зорко наблюдал рвавшийся на Урал младший брат, дважды, в 1727 и 1730 годах, просивший передать ему право на строительство там[351]. Домну здесь Акинфий долго не строил, решив предварительно обеспечить ревдинскому чугуну площадку для передела. Первоначально молотовые к нему решил строить в Ветлужской вотчине Галицкого уезда. Но подобрать там подходящее место долго не удавалось. В конце концов передельные мощности были созданы в Нижегородском уезде, близ села Фокина на речке Чугунке. Заводов было построено (пущены в 1730 году) целых три — Верхнечугунский, Нижнечугунский и Корельский. Расстояние между ними не превышало шести верст, от Нижнего Новгорода они отстояли примерно на ПО верст. Строительство Ревдинского завода, для переработки чугуна которого они создавались, несколько от них отстало — оно продолжалось с 1732 по 1734 год[352].

Одновременно с развитием комплекса предприятий черной металлургии Акинфий развивал и медеплавильное производство.

Продолжал действовать Выйский завод. Первое время число печей на нем увеличивалось и достигло десяти. Но с 1726 по 1731 год завод простаивал из-за нехватки угля, усугубленной пожаром, случившимся в 1729-м. Пущенный, он действовал, имея одновременно в ходу не более трех печей. Невысокое качество руды (содержала большой процент железа) привело к остановке и их. Некоторое время завод перерабатывал медный полуфабрикат других предприятий. В 1749 году невьянский приказчик сообщал, что при жизни Акинфия «присылаемая из Колывано-Воскресенских заводов черная медь по большей части очищаема

была при Выйском заводе, при котором к тому делу пристойные горны и мастеровые люди и углю пристойное число имеется»[353]. Позже завод преобразовали в доменный[354].

Тем временем Демидов строил новые медеплавильные предприятия. По данному 11 августа 1727 года указу Берг-коллегии он начал строительство Суксунского завода, пустил его полтора года спустя — 15 января 1729 года. Завод располагался на берегу речки Суксун (притоке реки Сылвы) в 45 верстах к юго-востоку от Кунгура[355]. Бросается в глаза контраст между капитальностью построек этого предприятия (каменная плотина длиной 120 сажен, каменные постройки) и неудачным его расположением по отношению к местам добычи руды. Она доставлялась на завод из района речки Бым, при этом ближайшие рудники находились не ближе 65 верст, а дальние отстояли на 120 верст. Оценить запасы было невозможно, так как руды были гнездовыми. Заводу их хватило лишь на первые годы — уже в середине 1730-х он перешел на очистку медного полуфабриката, доставлявшегося с других заводов[356].

В этом районе Акинфий построит еще три медеплавильных предприятия, из которых первым начнет возводить завод вблизи бымовских месторождений руды.

Тестируя пределы, или Прыжок на Алтай

Помимо группы медеплавильных заводов в Кунгурском уезде, формирование которой было начато постройкой Суксунского завода, Акинфий приступил к созданию еще одной их группы на совершенно для него новой, далекой территории — в Западной Сибири.

Первые известные нам факты, касающиеся освоения Демидовыми богатств Алтайского края — посылка им неизвестных по именам «олонецких стариков» для поиска в Томском и Кузнецком уездах медных руд, — относятся к последнему году жизни основателя династии: скорее всего к 1725 году, ну, может быть, к 1724-му[357]. Впрочем, позднее Акинфий писал об этом такими словами, что создается впечатление не отцовской, а персональной его инициативы («…посыланы от меня нижайшего были…»)[358]. Но даже если именно он организовывал ту экспедицию, определял цели, которых ей предстояло достичь, ставил перед ней задачи, без «проговора» этих целей и задач с отцом представить запуск обследования столь удаленного и трудного для последующего промышленного освоения района невозможно. И быстро, на ходу, подобные решения не принимаются. Стремиться ли еще раз отодвинуть границу зоны

своих интересов, теперь уже в сторону Алтая, или не распыляться и работать на освоенных двух площадках, тульской и уральской, — это был вопрос стратегии, и продумывался он, несомненно, коллективно, продумывался тщательно.

Посланные Демидовыми «старики» обнаружили богатые медные руды. Демидов обратился в Берг-коллегию, и та 16 февраля 1726 года предоставила ему разрешение добывать их и строить медеплавильный завод. Уже осенью 1727 года на берегу речки Локтевки (приток реки Чарыш) построили первое на Алтае демидовское предприятие — Колыванский завод, простую избу с единственным в ней горном. Производившиеся здесь плавки были столь незначительны по объему, что отнести это предприятие к промышленным можно только с большой натяжкой. Пользуясь современной терминологией, этот ручной завод уместнее назвать экспериментальным, в крайнем случае опытно-промышленным производством. По этой причине первым демидовским заводом на Алтае обычно считают построенный немного позднее вододействующий завод на речке Белой, к строительству которого приступили весной 1728 года. Его сооружали при содействии Берг-коллегии, по просьбе Демидова направившей с Урала на Алтай знающего горного специалиста Никифора Герасимовича Клеопина — именно он фактически и руководил строительством. Этот завод, сыгравший в дальнейшем выдающуюся роль в истории цветной металлургии России XVIII века, получил название Колывано-Воскресенского (иногда, как и первый, опытный, на Локтевке, его именовали просто Колыванским). Завод был пущен 21 сентября 1729 года. Предполагается, что уже весной или в начале лета следующего года коломенки с алтайским металлом отправились в далекий путь по рекам России: по Чарышу до Оби, по Оби до устья Иртыша, оттуда вверх по Иртышу до Тобола, вверх по нему до устья Туры, потом по Туре к заводским владениям Демидова на Урале[359].

Первоначально печи Колывано-Воскресенского завода выдавали только «черную» медь, полуфабрикат, лишь половину массы которого составляла медь. Дальнейшая очистка осуществлялась в так называемых «гармахерских горнах» — печах, из которых выходила значительно более чистая «красная» медь. На заводе она появилась не ранее лета 1730 года[360]. За этим следовала еще одна переплавка, в ходе которой получали штыковую (ковкую) медь.

В ноябре 1731 года Демидов сообщал Берг-коллегии, что руды, которые «по пробе явили плод богатый», найдены им уже во множестве мест: «выше Семи Полатной крепости по Иртышу реке и по речке Калманке, по Убе и Алей рекам, и речке Березовке». Из

них лишь ближайшие перерабатывались на Колыванском заводе, прочие «за малолюдством и за дальностию возкой оставлены». Особенно привлекало «довольное число» руд близ Иртыша — привлекало потому, что здесь, в Тарском уезде, по реке Иртышу ниже устья речки Убы, Демидов «через посланных своих» «обыскал лесов… довольное число». Их обнаружение стало для металлургического освоения Алтая событием не менее важным, чем открытие богатых месторождений руды. Леса в окрестностях Колыванского завода было мало, древесину с самого начала приходилось экономить, что сдерживало развитие предприятия. На правом берегу Иртыша такие леса существовали, а выше их по основному руслу и по притокам имелись и выходы руд.

Совместить в одном месте нужные для плавки компоненты можно было несколькими способами: возя к руде дрова, возя к ней древесный уголь, наконец, возя руду на завод, построенный вблизи леса. Металлозаводчики европейской части России покупали готовый уголь, покупали и дрова — все это, естественно, предполагало их перевозку. Но другого выхода у них просто не было — их заводы уже существовали. Акинфий, только еще готовясь к строительству, рассудил, что «руды медные с выше показанных мест по рекам Иртышу, Убе судами вниз весьма возить к тем лесам способно будет». Именно там, в непосредственной близости от лесов, он и намечал строить новый завод, на что просил Берг-коллегию дать ему разрешительный указ. Точное место нового завода в известных документах не указано, но высказано предположение, что для этой цели его приказчики присмотрели место в устье притока Иртыша речки Шульбы[361].

Транспортная схема при таком положении мест добычи и переработки руды была организационно и технически вполне осуществимой, хотя и необычной. Прежде водой отправляли потребителю готовую продукцию, теперь дополнительно к этому должны были подвозить руду.

Между тем некоторое время спустя после восшествия на престол императрицы Анны Иоанновны произошла реорганизация управления горной отраслью, помимо прочего отразившаяся на судьбе первых демидовских предприятий на Урале, как действовавших, так и только еще задуманных. Берг-коллегия, более десятилетия вполне исправно исполнявшая возложенные на нее государством функции, изменила название и статус: 8 октября 1731 года на правах экспедиции вошла в состав Коммерц-коллегии[362].

Первым важным для алтайских предприятий Демидова мероприятием реорганизованного горного ведомства стал приезд

сюда созданной по указу императрицы особой комиссии, которой предстояло ревизовать государственные и частные, железные и медеплавильные заводы. Комиссия (ее возглавляли горный советник Винцент Райзер и капитан артиллерии Вильгельм Фермор) трудилась долго. Побывав на предприятиях Демидова и осмотрев Екатеринбургский казенный завод, она возвратилась в Петербург в сентябре 1732 года. Ее заключение совершенно совпало с выводами, к которым пришел Акинфий Демидов (фактически его приказчики): леса мало, при работе на Колывано-Воскресенском заводе всего четырех печей его хватит «токмо на пятнатцать лет»[363]. Отсюда напрашивался вывод: поскольку перевозить древесный уголь на большие расстояния невозможно, развивать металлургию на Алтае можно единственным способом: приближая заводы к лесам даже при неизбежном удалении при этом от руд.

Но это — что касается стратегии развития. Требовалась еще и тактика, включающая план спасения уже действовавшего предприятия. Выводы комиссии Райзера — Фермора и в этом совпали с мнением демидовских приказчиков. Сократить потребления заводом леса предлагалось на основе того же принципа, которому рекомендовали подчинить географию размещения предприятий: путем приближения производства к местам, изобильным лесом. Для колыванской меди пошли на разрыв технологической цепочки, оставив на существующем заводе только первичную переработку руды. Часть полученной черной меди для очистки стали отправлять по воде на Урал, от недостатка лесов пока не страдавший. С 1732 года такая схема работы утвердилась как основная. На двух коломенках, в мае следующего года отправленных с шестью тысячами пудов алтайской меди по Чарышу на Урал, чистой меди было всего три процента[364].

Справедливо отмечается, что «отправка медного полуфабриката, а не чистого металла, тысячекилометровым водным путем на Урал была необычным решением»[365]. Необычным, но отнюдь не уникальным. Обратим внимание на многочисленные параллели, логично подталкивавшие к нему Акинфия. Всегда подчеркивается, что Демидовы стремились к хорошим рудам. Это совершенно так, поскольку без них металла не выплавить. Но не всегда замечается, что при этом они столь же последовательно бежали от малолесья. Отмена Петром данного Никите Демидову разрешения жечь лес в казенной засеке под Тулой явилась основной причиной, подтолкнувшей заводчика разыграть уральскую карту — и мы уже видели, какие последствия имел этот опыт, на который Никита решился далеко

не сразу. Вернувшись на Тульский завод в 1713 году, Никита некоторое время спустя остановил одну из доменных печей, решив, что основной центр производства выгоднее держать на богатом лесами Урале («понеже те железные заводы без лесов не могут быть»[366]). Его младший сын Никита Никитич, долгое время эксплуатировавший свой Дугненский завод как завод полного цикла, со временем оставил там одно доменное производство, переведя передел на новые заводы в калужском крае, достаточно удаленном, но более изобильном лесами.

Вот что говорил по поводу лесов Никита Демидов в давней, 1704 года, своей сказке, посвященной ответам на жалобы крестьян, прежде в отданных ему лесах охотившихся: «А леса де ему даны около заводу (Невьянского. — *И. Ю.)* по тритцати верст… безспорно; и те де леса велено ему беречь накрепко, чтоб те леса огнем не выжигали, и чтоб от тех огней не было в лесах пожару, и леса б не выгарели. А буде кто в тех лесах станет класть огни, и тех де людей велено ему ловить, и бить гораздо, и отсылать на Верхотурье, чтоб тем заводам за лесами остановки не было». И далее, со ссылкой на статьи, присланные к нему из Сибирского приказа: «А леса де однолично беречь и велеть сечь с ряду, чтоб то место в запусте опять поросло. А что мужики своим глупым неразумением или озорничеством леса жгут и тем дубравы редковаты, потому что с травою малые деревца погарают, учинить объезды почасту и заказ жестокой. И где мужики наедут, кои зажигают, бить премногих, гораздо отсылать в город или просить указ, чтоб то зажиганье было во всех страшно»[367].

Продолжавшаяся многие годы отправка черновой меди для ее доочистки в печах Невьянского и Выйского заводов породила легенду, дающую объяснение экономически вполне прозрачной кооперации двух промышленных районов: одного богатого великолепными полиметаллическими рудами с другим, богатым лесами и уже накопившимся за три десятилетия профессиональным опытом мастеров. Легенда дает другое, не требующее углубления в историю экономической географии объяснение этим далеким перевозкам: в подвалах Невьянской башни Демидов тайно выделял из полуфабриката содержащуюся в ней примесь серебра, из которого делал фальшивую монету. Вот и объяснение баснословному богатству заводчика: деньги печатал. Просто и романтично. Мы еще коснемся этой легенды, здесь же еще раз подчеркнем, что загадка медных караванов легко объясняется и без примысливания чего-то такого, что сколько-нибудь надежно доказать до сих пор никому не удалось[368].

* * *

Прощаясь на время с алтайскими делами и планами Демидова, зададимся вопросом: как он справлялся со всем этим — с Тулой, Уралом, Алтаем? Причем справлялся успешно? Алтайский проект особенно поражает: ведь до сих пор доподлинно неизвестно, бывал ли Акинфий Никитич в этих краях лично.

Сам он в 1744 году (это — за год до смерти) заявил в Московской конторе Сената, что «на своих Колыванских заводах никогда не бывал»[369]. Некоторые историки вполне ему в этом поверили[370]. Но размах, с которым удалось поставить здесь дело и за сравнительно короткий срок добиться поистине поразительных результатов, заставлял некоторых историков усомниться в правдивости этого заявления. В.И. Рожков прямо писал, что «память изменила Демидову»[371]. Были и другие, полагавшие, что поездки на Алтай имели место[372].

Уральский историк В.И. Байдин, разделяющий эту точку зрения, недавно попытался ее конкретизировать и доказать. По его мнению, Акинфий Никитич посетил Колывано-Воскресенский завод в июле 1731 года, повторно в начале лета 1732-го и, наконец, осенью 1734-го[373]. О поездке 1732 года упомянул В.И. Рожков: по его утверждению, Акинфий сопровождал В. Райзера. В.И. Байдин немало потрудился, подбирая доказательства этих предположений. Аргументов много, и они интересны, но у них общий недостаток — все они косвенные. Так что, не отвергая возможности таких поездок в принципе, не потерял смысла поиск ответа на вопрос: благодаря каким качествам Акинфию удалось поднять алтайскую металлургию *дистанционно!*

Отвечая на него, отметим прежде всего, что помимо хороших природных данных (при отце, одаренном прекрасной памятью, наверное, и сын забывчивостью не страдал) Акинфий обладал блестящими способностями управленца. Он умел находить и выращивать сотрудников, не боялся делегировать другим значительную часть своих прав, умел контролировать тех, кто ими распоряжался. Это отчетливо видно из его писем, посылавшихся на Алтай. В качестве примера обратимся к нескольким, адресованным в Колывано-Воскресенскую заводскую контору. Они относятся к чуть более позднему времени, но в следующей главе поговорить на эту тему повода не будет.

Вот «ордер» Демидова от 17 июля 1732 года. Тема — условия, на которых с Колыванского завода можно отпустить несколько лет служившего на нем у прихода и расхода денежной казны Никифора Семенова (на этой примечательной личности мы еще

остановимся). Хозяин не разрешает отпустить его «сюда» (вероятно, в Невьянск) прежде, как он будет на месте тщательно сочтен «со всякою [с]праведливостию и свидетельством», и объясняет, почему этого нельзя сделать позже, по его прибытии. Акинфий сообщает, как должны быть оформлены результаты сверки, какие документы и куда надо направить. Вместе с тем ощущения забюрократизированности от описания процедуры не возникает — возникает же ощущение рационально поставленного делопроизводства, материальной основы учета и контроля[374].

Цитированное письмо показывает, как Демидов работал с персоналом. Следующее, отправленное полгода спустя (4 января 1733 года), демонстрирует, насколько легко он воспринимал цифровые показатели производства (следовательно, и технологию, которую они отражали, тоже хорошо знал). В этом письме он анализирует присланные к нему с завода две ведомости о плавке руд и очистке меди. Одну он находит вполне правдоподобной (цифры в ней друг другу не противоречат), а вот вторая вызывает у него недоумение. «И мы того, — пишет он, — заподлинно истолковать не могли» и поясняет: «…не слыхано такой угар — слишком десять частей у вас показано в угаре». К тому же данные ведомостей плохо согласуются между собой. Свои недоумения Акинфий подкрепляет ссылкой на хорошо известное и, несомненно, авторитетное на Колывано-Воскресенском заводе лицо: «Вышеозначенной вашей ведомости о плавке меди подивился здесь и господин Клеопин». Имеются указания чисто технологического характера: «К тому ж веема нам невразумительно о показанном вами порштейне, что он выжигаетца. А когда вам противно ево на дровах жечь, тоб надлежало ево с рудою в плавку употреблять для доброго дела и плавки крепких руд, а на гермахерских горнах отнюдь ево с медью не очищать». Здесь же фрагмент, показывающий, что Акинфий вполне определился со схемой территориального разделения восстановительной плавки и последующей очистки меди: «И впредь вам медь, кроме своей вам нужды, не очищать, а по прежнему нашему к вам писму отпущать черную медь в Невьянския наши заводы».

Несмотря на невразумительность отчетности, получаемой от облеченных доверием лиц, тон его письма к ним можно считать в общем спокойным и деловым. Ругани и грубого запугивания он избегает, эмоциональных выражений — тоже. Но отношения к промашкам и лицам, повинным в них, не скрывает: «Да пишут к нам с Невьянского заводу, что в отпущеной от вас меди является великой недовес. А об оном недовесе и напред сего многократно к вам писано, уже не знаю, как мне к вам, деревянным, будет и

писать. А Алхимов за то от нас и наказан будет»[375]. Эпитет «деревянные» выглядит весьма деликатным на фоне богатого бранными фразеологизмами («цыц и перецыц», «как лягушек раздавлю») эпистолярного наследия другого заводчика, племянника Акинфия дворянина Никиты Никитича Демидова, — наследия, образец которого мы еще приведем.

Итак, Акинфий далеко, но он постоянно на связи, постоянно в курсе дел. Вот только информация запаздывает: последнее из цитированных его писем добирается из Невьянска на Алтай два с половиной месяца.

Глава 5.
ПОСЛЕ СМЕРТИ НИКИТЫ ПЕРВОГО: МЛАДШИЕ НИКИТИЧИ

Григорий Никитич

Последние годы

Комиссар Демидов умер, когда второй его сын Григорий заканчивал восстановление пострадавшего от пожара Верхотулицкого завода. Домна на нем была задута 20 декабря того же 1725 года[376], до истечения печальных сорока дней после кончины отца, в свое время помогшего Григорию обосноваться на этом месте. После пуска домны восстановительные работы здесь некоторое время еще продолжались, но вскоре производство вошло в обычный для него ритм. Хозяином единственного завода Григорий оставался до конца отведенных ему судьбой коротких дней. Завершить прерванное строительство Сементиновского завода он так и не успел.

Деятельность Григория-коммерсанта не исчерпывалась промышленным предпринимательством. Свои пока еще довольно скромные капиталы он продолжал приращивать и посредством мелкого кредитования. Деньги под проценты продолжал ссужать и другой тульский Демидов, его брат Никита Никитич.

Присматриваясь к личности Григория, скоро убеждаемся, что из поколения сыновей он, пожалуй, самый… — как бы это сказать… — неинтересный, тусклый. Ведет себя исключительно как частное лицо. Не лезет не только ко двору, но и в контакты с Берг-коллегией, кроме вынужденных (указ — исполнение), не вступает. Образ его жизни, окружение, занятия — абсолютно те же, какие были в додворянский период жизни. Рожденный тульским оружейником, он тульским оружейником до конца и остался, не считая того, что лично производством оружия заниматься перестал, а в 1726 году еще и сбросил оковы зависимости от Оружейной канцелярии.

Григорий не только не интересен, он еще и малосимпатичен. В поведении груб, временами груб до дикости. Проиллюстрируем утверждение рассказом об одном происшествии, случившемся, обратим на это внимание, в год пожалования братьям дворянства.

8 декабря 1726 года в Тульский провинциальный магистрат поступила явочная челобитная бургомистра Афанасия Никитича Красноглазова. Тот рассказал, что два дня назад, 6-го, в праздник Николы зимнего, присланный к нему от Григория Демидова казенный кузнец Федор Степанов пригласил его к заводчику в гости. Видимо, Красноглазов прежде общался с Григорием запросто. Во всяком случае, получив приглашение, поехал даже

не один, а прихватив собственных гостей — посадских людей братьев Петровых и работника Тимофея. По дороге заскочил к брату Григория Никите «по зазыву ш ево». Здесь компания направлявшихся к Григорию увеличилась: к ней присоединились посадский человек Терентий Герасимович Постухов (брат Никитиной жены) и казенный кузнец Козьма Петрович Володимеров. Прибыли, расселись. И тут произошло нечто, о чем Афанасий в челобитной умолчал, сразу перейдя к описанию неожиданно изменившегося поведения только что гостеприимного Григория: тот «незнаема для чего стал гаварить со злобою». Видя это, прибывшие с бургомистром гости поспешили отбыть восвояси. Главного же гостя Григорий удержал, стал бить, сломал ему правую руку и повредил ноги. Этого показалось ему мало. Выйдя на крыльцо, он приказал работникам съездить на свой завод, привезти оттуда плетей, прихватить людей, говорил: «Я де бургомистра та выглажу». В плен также были взяты лошадь Красноглазова и сопровождавший его работник. Но тот, разгадав Григорьеву «злохитрость», вырвался и, перебравшись через забор, ушел на чужой двор. Освободившись, стал спасать хозяина — «бегая по улице, кричал», потом кинулся в Оружейную контору. Бывшие там двое солдат вмешаться отказались: «Нам де с кораулу без ведома камандира нашего итить нельзя, а камандира де нашего на квартире нету, отлучился де в гости». Тимофей поспешил «для извету» к Родиону Володимерову[377] — опять неудача: ему ответили, что того в доме нет. От Володимерова к другому слободскому «авторитету» — к железного дела промышленнику Максиму Перфильевичу Мосолову. Он на поднятый крик со двора вместе с работниками вышел, но этим, кажется, свое участие в инциденте и ограничил. Не найдя помощи в слободе, Тимофей прибежал на двор к своему хозяину Красноглазову, звал: «Демидов бьет смертельно и едва де живаго застаните». Ко двору Григория спасать отца бросились сыновья Петр и Дмитрий, с ними свойственники и посторонние люди. Придя, просили отца отпустить. Григорий «стал бранить их матерно и, — как рассказывал потом бургомистр, — выбежав на улицу к варотам своим с кортиком, гонялся за ними, и в том числе свойственника нашего Максима Красноглазова тем кортиком поколол, а на помянутом Тимофею в двух местех карзол (так. — *И. Ю.)* проколол». Спасатели, видя свое «безмочьство», кричали, на крик сбегались любопытные. Из дома Григория выбежала гостья Фекла Аверкиева, обратилась к сыновьям жертвы: «Что де вы отца своего не выручаетя; отца де вашего Григореи смертно бил и теперва де бьет». Петр и Дмитрий кинулись к Никите Никитичу, просили выручить, не допустить

убить до смерти. Младший из братьев Демидовых оказался первым, кто попытался что-то сделать. Сам к брату он, впрочем, тоже не пошел, но послал на выручку двух своих людей. Сыновья Красноглазова и посланцы Никиты снова пришли к Григорьеву двору, снова просили отдать отца. Но Григорий успокаиваться не желал, больше того, «выбежав из горницы на двор, стрелял по них из ружья». Его противники, видя «Григорьев токой нестерпимы воровской и умышленной бой», тем не менее не испугались и, «уфотя (ухватя? — *И. Ю.)* ево, Григорья», вошли в горницу. Красноглазова нашли «на полу лежащего и объногощенного, от бою разбитаго, едва жива», вынесли «замертва» на двор в присутствии жены хулигана и его снохи. Красноглазова и Демидова повезли в провинциальную канцелярию для подачи челобитной, но Григорий «с ними дрался и, отбився на дороги, ушол». Упустив хулигана, изменили маршрут: вместо канцелярии повезли избитого домой. Челобитье было подано на другой день, тогда же произведен осмотр «бою и ран». Покалеченный бургомистр о том, как он гостевал у Григория Демидова, пожаловался в ближайшие дни во все инстанции, куда было можно: кроме провинциальной канцелярии — в Оружейную контору, на полковой двор стоявшего в Туле Санкт-Петербургского драгунского полка, в провинциальный магистрат (с просьбой сообщить о происшествии в Главный магистрат)[378]. Чем закончилось дело — неизвестно.

Что вызвало такое «безбашенное» поведение Григория — сказать не можем. Не исключено, что помогло хмельное питье, но для избиения и издевательств требовался еще и повод. Красноглазов этот момент в своей челобитной, как уже сказано, обошел, а объяснением Григория не располагаем. Важнее, однако, не причина озлобления, а факт его проявления. Вот так позволял себя вести со своими гостями, не последними в Туле людьми, новоиспеченный дворянин Григорий Никитич Демидов.

Неудивительно, что, ориентируясь на подобные примеры, единственный его потомок мужского пола по выработанным воспитанием повадкам недалеко ушел от отца. Этого отпрыска по имени Иван родила около 1708 года первая Григорьева жена Анна Емельяновна[379]. Он, кажется, первый из поколения внуков основателя династии, о ком сохранились сколько-нибудь персонифицированные сведения. И сведения любопытные.

Иван, судя по жалобам на него в провинциальную канцелярию, был человеком склонным к «предерзостям». Вот в декабре 1725 года (ему около семнадцати лет) на него жалуется приказчик одного из сел Тульского уезда. Ехали крестьяне этого села в Тулу, везли на продажу уголь. «И как будут в ночи против

заводу тульского кузнеца Григорья Никитина сына Демидова, ис того заводу вышед сын ево, Григорьев, Иван с роботники своими многолюдством и со оным угольем на штидесят четырех подводах заворотил к себе на завод. И оные… крестьяне в том спорили. И оной Демидов… крестьян бил смертным боем. И вышеписанной уголь ссыпал безденежно»[380]. Описание «боя и ран» опускаем.

Ноябрь 1727 года. Девятнадцатилетний Иван едет с двумя приказчиками в Малиновую засеку, на Судаковские рвы, где копали руду работники его дяди Никиты Никитича. Приехав, избивает одного из работников «дубьем смертно, безвинно: руки и ноги ему, Михаиле, перебили и голову до мозгу испроломали». Потерпевшего не решаются даже везти в Тулу для освидетельствования — «для осмотру и описи бою и ран» просят послать подьячего с солдатами «на те Судаковския Рвы»[381].

Да, Иван был, что называется, «не подарок», и это неудивительно, если вспомнить, у кого он брал уроки толерантности. Неудивительно и то, что отношения отца и сына, в равной мере драчливых и упрямых, мягко говоря, не сложились. Помощник из крутого парня не вытанцовывался. Напряженность нарастала.

Выстрел в Гончарной слободе и его эхо

После смерти комиссара Демидова его сыновья развивали свой бизнес независимо, друг о друга не спотыкаясь. Об этом позаботился отец, принявший необходимые превентивные меры. Этому же способствовала внутриклановая политика старшего из сыновей, беспокоившегося, конечно, прежде всего о собственных интересах, но готового ради них и на умеренные уступки. При закреплении имущества почившего родоначальника распри удалось избежать.

Равновесие было нарушено в 1728 году, в ночь на 14 мая, в третьем часу, когда средний из братьев, Григорий, был злодейски убит неизвестным лицом.

В тот же день в Тульскую провинциальную канцелярию поступило явочное челобитье за подписью Акинфия и Никиты. По их рассказу, брат ехал домой со своего завода на Тулице вдвоем с приказчиком, тульским посадским Александром Даниловым. Он был уже в Гончарной слободе, когда «незнаемо де кто, умысля воровски», застрелил его «из ружья з затылку в голову до смерти». Тело при свидетелях осмотрели. «И по осмотру явился он застрелен в затылок и значит, что фузейною пулею, и та пуля вылетела насквозь в лоб, и череп разбито до мозгу». Имя убийцы оставалось загадкой недолго. Через неделю, 21 мая, Акинфий и

Никита новым прошением в провинциальную канцелярию, сославшись на казенных кузнецов Антона Гущина и Василия Салищева, публично его объявили. Стрелял, заявили они, сын Григория Иван[382].

Известие не показалось братьям невероятным. На молодого Демидова жаловались часто, не жалея бранных слов, а один из челобитчиков за пять месяцев до рокового выстрела пророчески назвал его «ведомым плутом, озорником и убийцей»[383].

Придерживаясь обычной процедуры, провинциальная канцелярия вынесла решение по поводу обращения и приступила к его исполнению. Ивана предварительно «распросили» (допросили), после чего приступили к «розыску» (допросу под пыткой). Иван в содеянном признался, все рассказал. Когда отец поехал с завода в Тулу, сын, взяв с собой работника Антона Гущина, отправился за ним следом. В городе, за Гончарной слободой, Иван приказал спутнику держать лошадей, а сам, взяв фузею, пошел той слободой «напереим». Выстрел прозвучал, когда отец находился в проулке близ двора Лукьяна Копылова. Иван действовал осознанно и мотив преступления от дознавателей не скрыл: застрелил «за то, что де помянутой отец ево хотел лишить ево, Ивана, от наследства движимого и недвижимого своего имения, а хотел де учинить в том имении наследницею дочь свою Анну»[384].

Розыск продолжился: по состоянию на конец октября провели две пытки, готовились к третьей. Поскольку никаких открытий она не сулила (картина была, в общем, ясная), пришло время решать, что делать с имуществом, оставшимся от покойного.

Хотя Григорий оказался в бизнесе наименее успешным из братьев, добра после него осталось немало: «…в Туле дворы и лавки, да в Тулском уезде в стану Старом Городище на речке Тулице на купленной земли железныя воденыя заводы и мельницы, дворы, и протчия всякия строении, и купленыя и по указом отданныя мастеровые, и работные и дворовые люди, и крестьяне, да в Олексинском уезде в Павшинском стану купленая деревня Сементино… с людьми и со крестьяны с пашенною землею и со всеми угодьи». Всему этому предстояло сменить собственника. Иван из списка наследников выпадал: по предварительному заключению занимавшейся им провинциальной канцелярии, он по указам и Уложению (глава 22, пункты 1 и 2) «за то пребеззаконное отцу своему умышленное убивство достоин смертной казни без всякие пощады»[385].

Кроме Ивана существовали и другие родственники. К ближайшим относились вдова Христина Борисовна, дочери Акулина (от первого брака, замужняя) и Анна (от второго,

собиравшаяся замуж девица), мать Евдокия Федотовна и братья — Акинфий и Никита. Поскольку завещательного распоряжения не существовало[386] (не считая устно высказанного намерения, юридической силы не имевшего), следовало применить действующий порядок наследования по закону. Но законом, как вскоре выяснилось, можно было и поуправлять.

Первое время, месяца полтора-два, Акинфий и Никита подписывали касавшиеся завода обращения к властям вдвоем (как, например, в конце июня, когда неизвестные «воровские люди» украли деньги, хранившиеся в «скрыне» в заводском амбаре[387]). О наследнике они в подобных документах не упоминали, но ясно, что в случае различия во взглядах на этот ключевой вопрос общих обращений скорее всего не было бы. Судя по всему, первоначально по общему молчаливому согласию единственными наследницами считали себя вдова и младшая дочь. С утверждением себя в этом статусе они не спешили — лишь в октябре обратились в Берг-коллегию с просьбой закрепить имущество за ними юридически[388].

Но их надежды получить его без хлопот не оправдались. Неожиданно объявился сильный соперник — дядя Акинфий, соблазнившийся идеей побороться за имущество. Для начала, явочным порядком поставив на заводе своих приказчиков, он фактически его захватил.

Повод вмешаться в развитие событий предоставило ему следующее обстоятельство. У покойного брата был имущественный спор с соседом помещиком Михаилом Даниловым — тот обвинял Григория в завладении принадлежащей ему землей. Тульская провинциальная канцелярия, куда жаловался Данилов, потребовала от Григория предоставить документы на владение спорным участком. То ли таких документов не существовало, то ли Григорий не успел их предъявить, но после его смерти вопрос оставался нерешенным. Осмелевший Данилов предпринял ряд набегов на лишившийся хозяина Верхотулицкий завод. Одна из акций устрашения была совершена в августе. Данилов, приехав с людьми на завод, поймал там при доме дворовую девку Прасковью Алексееву и бил ее «смертным боем». Прочие Григорьевы люди, «убояся от него смертнаго убийства, все разбежались, и заводы, и дом все оставили пусто». Во избежание повторения событий следовало обеспечить охрану имущества и людей. Акинфий, воспользовавшись этим предлогом, не только пожаловался о произошедшем в провинциальную канцелярию (при этом назвав себя в прошении ближайшим наследником)[389], но и привел на завод своих представителей.

Тем временем Берг-коллегия требовала от его младшего брата, в это время служившего местным ее уполномоченным за сбор налога с металлопроизводителей, обеспечить присылку сведений о продукции, выпущенной Верхотулицким заводом, и прием с него налоговых платежей (десятины). Получив этот указ 5 августа, Никита Никитич пригласил потенциальную наследницу — вдову Христину. Денег она не принесла, заявив, что ей «наличного чюгуна ведомостей подать и десятины заплатить за прошлые годы нечим, понеже после смерти мужа ее брат ево, дворянин Акинфей Демидов, дом ее со всякими де пожитки, деньги и письма запечатал безвременно собою без указу самовольно. А завод де мужа ее он, Акинфей, насильством же своим у ней вдовы отнял и владеет самовольством же своим». Деверь, жаловалась вдова, поставил на нем своих приказчиков «и всякия припасы, готовленные де мужем ее, котлы, железо и протчае де продает, на всякия росходы употребляет он, Акинфей, якобы из собственных своих. А ее де, вдову, и дочь ее, наследницу девицу Анну, на тот завод не впускает и ничего де не дает». Вдова, по ее словам, «претерпевает глад и превеликую де нужду, так что за тем де ево, Акинфиевым, всего мужа ее имения самовольным отнятием дневные пищи не имеет». Она уповала на помощь Берг-коллегии: просила «дабы повелено было от колегии дом де ее роспечатать, а завод отдать по-прежнему, а до указу из колегии из-под караула ее вдову уволить»[390].

Не получив денег, Никита Никитич 13 сентября послал на завод подканцеляриста Петра Митрофанова с приказанием за неплатеж десятины впредь до указа опечатать там «пожитки», припасы и дельное железо. Тот съездил и отчитался: имущество осмотрел, составил опись. Железа он обнаружил больше десяти тысяч пудов, чугуна тысяч семьдесят; имелись также котлы, казаны и припасы. Учтенное опечатал в двух амбарах, в одном из которых оставил, между прочим, два сундука, «покрыты кожею и окованы железом, в которых нутряные замки и при тех де замках печати на воску под именем бывшаго Григорья Демидова». Три недели спустя, 6 октября, вдова и младшая дочь подали в Берг-коллегию просьбы о записи за ними Верхотулицкого завода. Обращения были встречены вполне лояльно, оформление пошло, была уже составлена выписка[391]. Оставалось ее рассмотреть и принять решение. Сама вдова, даже не имея доступа на завод, насколько могла, продолжала им заниматься[392]. Но в дело снова вмешался Акинфий. После поданных им в коллегию в декабре двух доношений вопрос о наследниках потерял былую однозначность.

При первом, от 11-го числа, он представил копию с купчей,

данной стольником Петром Арсеньевым комиссару Демидову, купившему у него в 1718 году землю в Тульском уезде — ту, на которой ныне стоял завод. Акинфий напоминал, что отец единственным наследником недвижимости — деревень и заводов — утвердил именно его. Ему же позже отдала свою долю и мать. На этом основании Акинфий «явил» в Вотчинной коллегии доставшиеся ему купчие, «в том числе и вышеписанную Арсеньева явил же. Которые, — утверждал он, — за мною и записаны».

Закрепившись на этом плацдарме, Акинфий перешел в наступление. Претензию на владение Верхотулицким заводом объявили оставшиеся после брата «второбрачная ево жена Христина Борисова» и дочь Анна, пожелавшие «отлучить» себе имущество от законных наследников и лично от него — имение, купленное отцом у Арсеньева, «и построенной на той земле железной завод со всяким строением». (Обратим внимание на подмену объекта. Христина и Анна просили исключительно о заводе.) При этом Акинфий отмел необходимость учесть интересы Анны, назвав ее «прижитою от прежнего ее, Христиньина, мужа, а не от брата моего, дочерью». В обоснование раскрыл семейную тайну покойного: «…она, Христина, за брата моего Григорья пришла чреватою и, прожив з братом моим немногие недели, оною свою дочь Анну и родила. А в челобитье своем она, Христина, вымышленно ее, дочь свою Анну, брату моему Григорью написала дочерью». В действиях Христины Акинфий усматривал прежде всего имущественный интерес: она действовала, «желаючи после жизни ево, брата моего Григорья, отлучить» имущество «себе на четвертую часть, а дочере своей Анне, якобы сущей законной наследнице, оставшие три части». Законными наследниками Акинфий считал себя и дочь Григория от первого брака Акулину. Он просил не верить «ложному» челобитью вдовы, не отнимать у него землю с заводом и «о помянутой Христининой дочере Анне изследовав… учинить милостивое решение»[393].

Забегая вперед укажем на отмеченную Анной эволюцию позиции Акинфия по вопросу о наследнике: «…октября 25-го числа он же, дядя мой Акинфей, подал в Вотчинной колегии имянем помянутой моей сестры Акулины челобитною… а во оной написал, что во всем недвижимом и движимом имении отца моего наследница одна она, сестра… А в августе месяце сего ж году в поданном в Туле к десятинному збору доношении написал, что недвижимых имениях отца моего наследник он, и ближе его по линии никово нет»[394]. Полагаем, трезво осознав, что претензия на единоличное владение слишком похожа на «несытое лакомство» (выражение Анны), Акинфий вскоре признал

законными наследниками себя и Акулину

Второе доношение Акинфия поступило в Берг-коллегию 20 декабря. Оно заполнило логическую дыру в системе аргументов, представленных им прежде. Что он имел основания претендовать на землю под заводом — допустить было еще можно, но с какой стати — на завод? Акинфий придумал, с какой. В новом прошении он заявил: завод «покойному брату моему Григорью сыну Демидову во время жизни своей им, отцем моим, отдан был для ево пропитания на время». Доказательств не привел (их не было), но, чтобы отвлечь от этого обстоятельства внимание, резко переключил его на другой аспект темы, для коллегии крайне важный. На заводе имеются чугун и припасы — их, писал Акинфий, нужно немедленно освидетельствовать и взвесить, «чтоб надо мною от государьственнои Берг-калегии для платежа десятинного и впредь для зделки со вдовою Христиной Борисовой оного брата моего бывшею женою от Берг-калегии какова подозрения не было»[395].

(Заметим, как, настраивая в свою пользу коллегию, умно и умело он себя подавал: не отвергал полюбовной сделки, напротив, декларировал, что готовится к ней. Вообще, мастерство Акинфия в составлении документов, подобных прочитанному, временами просто поражает. Взвешено каждое слово. Точно прописан каждый нюанс. Умно обыграны все неточности и двусмысленности в текстах противника. При необходимости — обширный и важный для общей картины подтекст.)

Почему позиция Акинфия, первые месяцы после трагедии не противопоставлявшего себя семье брата, изменилась столь радикально, становится ясно из рассказа Анны Григорьевны. «Означенная купчая, — писала она, — всегда была у отца моего по самую ево смерть, а потом у матери моей до того времяни, как означенной дядя мой приехал в дом отца моего, без вашего императорского величества указу пожитки и писма все запечатал и потом из оных к себе брал, между тем и оную купчую вымышленно вынял и объявил ее Вотчинной колегии уже за челобитьем моим, как я стала просить о справке за себя недвижимого отца моего имения». В представлении Анны действия дяди — не что иное, как «сильной грабеж»[396].

Можно предположить, что повлекшая междоусобие идея пришла в голову Акинфию еще до того, как он получил документ, позволивший ее реализовать. Вполне вероятно, он знал, на чье имя покупалась земля, — всю свою жизнь он был с отцом очень близок, и едва ли тот скрыл от наследника подробности рядовой сделки 1718 года. Вот только нужного документа у Акинфия до поры до времени не было. Но он знал, где его искать. Захватив

осиротевший дом и документы, нашел среди них и купчую. Найдя, стал действовать.

Акинфию ответила Анна, в то время невеста секретаря Андрея Пареного, убедительно оспорившая доводы дяди. В поданной в Берг-коллегию 28 декабря обширной челобитной она заявила, что тот опережает события. «Арсеньева купчая, — писала она, — в Вотчинной колегии за ним не записана, понеже то недвижимое имение куплено отцом моим блаженные памяти Григорьем Никитичем и денги заплачены собственные ево, и железной завод на том имении построен отцом же моим. А означенная купчая учинена на имя деда моего Никиты Демидовича для того, что отец мой в 1718-м году о покупке к заводам вотчин милостивыми вашего императорского величества указами был еще не пожалован, а дед мой в то время такое позволение уже имел»[397]. Все это, по меньшей мере, очень правдоподобно. Напомним, что и комиссар Демидов, и его сыновья во второй половине 1710-х годов все еще принадлежали к непривилегированному сословию. «Воденых железных заводов управитель Григорей Никитин сын Антюфеев» до свалившегося за два года до смерти ему на голову дворянства числился в казенных кузнецах[398]. Право покупать деревни к заводам лицам недворянского происхождения было дано только в 1721 году. Отец же получил такое право в индивидуальном порядке двадцатью годами раньше. Указ 1701 года разрешил ему «где может, приискать к тому своему железному заводу какой угодной у вотчинников земли или крестьян, и ему, Никите, покупать вольно для того железного дела, чтоб всегда множилась»[399]. Под маркой «чтоб множилась» комиссар Никита Демидов и покупал. Но на арсеньевской земле множил в данном случае другой Демидов — Григорий Никитич.

С целью доказать принадлежность завода последнему Анна привела длинный, в семь позиций, список ссылок на документы, авторами которых выступали частные лица (Демидовы Никита Демидович, Никита Никитич и сам Акинфий Демидович) и государственные учреждения. Даже то, что не любивший сорить деньгами Акинфий выступил с инициативой внести в казну часть налога за завод, она обернула в свою пользу. Объявляя об уплате, Акинфий писал, что платит с «заводу брата ево». «И сие, — замечает по этому поводу Анна, — чинил для одного своего несытого лакомства и сребролюбия, хотя тем, как ни есть, до владения означенных заводов прилепитца. Что потом и действително учинил и ныне ими владеет насильством своим и наглостию»[400].

И все же весовые категории спорщиков были неравны. Дом

вдовы 19 декабря все еще стоял запечатанным, запечатанными оставались и «пожитки». Как перебивались в этой ситуации невестка комиссара Демидова и его внучка — неясно, но их слова о разорении и скитаниях «меж двор» были, возможно, не слишком преувеличенными. Пока вдова и дочь писали письма, Акинфий распоряжался на Верхотулицком заводе, хозяином которого в местных учреждениях уже привыкали считать именно его[401].

Сторону вдовы и ее дочери принял, однако, младший из братьев Демидовых, Никита Никитич. (Не он ли, кстати, и приютил их, лишившихся крова?) Кажется естественным, что оттертые Акинфием наследники кинулись за защитой именно к нему. Он, как и они, в известной мере был обижен Акинфием (хотя решение, надолго испортившее братские отношения, принял отец). Кроме того, им не без основания казалось, что к нему, человеку системы, должны прислушаться внимательнее, чем к ним, частным лицам. Фигуру Никиты в этом конфликте и роль, им сыгранную, особо выделял историк Н.И. Павленко. По его мнению, он «проявил столько же цепкости и несокрушимой воли, как и Акинфий, и в конечном счете вынудил последнего пойти на компромисс». Говоря о «несокрушимой воле», автор, на наш взгляд, несколько преувеличил, но присущие ему решительность и упорство Никита в этом деле несомненно продемонстрировал.

Он в полной мере воспользовался возможностями, которые открывала ему должность представителя Берг-коллегии. Коллегия требовала ведомости и десятину, что позволяло Никите вмешиваться в конфликт, снимать показания, опечатывать имущество и так далее. Акинфий, прекрасно его права осознавая, попытался снять вопросы, по которым Никита мог бы к нему «цепляться». Прежде всего — внести часть средств по налоговой задолженности. Как сборщик подати, Никита должен был не раздумывая взнос принять и предложить приходить чаще. Но, чудо, он повел себя не по-предписанному «Платить ему, Акинфию, не подлежит, а надлежит взыскивать з жены ево, Григорьевой, — сообщил он свое мнение Берг-коллегии, — для того, что он, Григорей Демидов, был отделен и тот завод строил сам своим коштом после розделу от отца своего». Об этой важной детали (строил после имущественного раздела), в жалобе Анны отсутствовавшей, Никита напомнил еще раз, пересказывая слова Христины: «…муж ее, Григорей Никитин, от отца своего, а от ее де свекора Никиты Демидова был отделен уже з дватцать лет и больше до состоявшихся де о наследствии пунктов, и отделен был от отца де своего с раздельную записью и жил особым двором»[402].

Свое наполненное обвинениями в адрес Акинфия доношение Никита готовил во второй половине декабря 1728 года. Всего полгода назад он и брат сообща подписывали прошения по делам Верхотулицкого завода. Последовавшее позднее обострение отношений привело к столкновениям, сопровождавшимся завуалированными оскорблениями, не столь серьезными, как в синхронном конфликте Никиты с оружейниками (о нем ниже), но все же неприятными из-за публичного их характера. Одним из поводов послужила состоявшаяся в начале декабря повторная посылка Никитой своих представителей на Верхотулицкий завод. Посланным поручалось проверить целостность печатей, взять сказки о выходе чугуна и выяснить, кто сейчас заводом владеет. К ним вышли приказчики Акинфия Иван Михайлов и Иван Леонтьев. Выслушав наказную память, «приложенных печатей осматривать их, посланных, оные де прикащики не допустили, и с ними де, посланными, в Тулу не поехали, и взять де себя не дали. И его де императорского величества указу учинились они не послушны, а сказали де им, конаниру с товарищи: "Печать не государева, печатал де мужик своею печатью", и смотрить де их, посланных, тех печатей не допустят. Тако ж де их, посланных, з двора ево, Григорья Демидова, собравъся людственно, сослали де с нечестию»[403]. Конечно, не Никиту Демидова приказчик его брата обозвал «мужиком» и вытолкал со двора, но неуважение к нему, чиновнику, было продемонстрировано отчетливо. И в посланном после этого в Берг-коллегию доношении Никита в выражениях не стеснялся: воспроизвел все резкости, сказанные о брате ограбленными им родственницами (Акинфий стремится «несытость в великом де своем богатстве паки наполнить» и законных наследников «между де двор пустить» и т. д.). Итоговое его мнение: «За показанными от него, Акинфия Демидова, против его императорского величества указов противностьми имеетца в зборе десятины немалое помешательство и упущение в доимку напрасно»[404].

Напряжение достигло кульминации. Но ни одна из сторон, по-видимому, не считала свое положение достаточно прочным. Анна в известных нам ее посланиях деликатный вопрос о том, чья она дочь, обходила стороной. Акинфию приводимые им аргументы тоже не казались вполне безупречными. Не пожалев на родственников грязи в декабре, в дальнейшем он стоял на более умеренной позиции — де-факто исходил из представления о совместном владении заводом Никитой и Григорием. Соперники пошли на компромисс. Его зафиксировала сделочная запись Христины Демидовой и Анны Пареной (уже вышедшей замуж), данная Акинфию Демидову и Акулине Даниловой 31 мая 1729

года[405]. За пять тысяч рублей вдова и младшая дочь отступались от права на оставленное Григорием имущество, переходившее теперь к Акинфию (завод с произведенной продукцией) и Акулине (все остальное, «кроме одного женского моего и дочери моей Анны, которое мы взяли, платья»). За нарушение назначалась неустойка в десять тысяч рублей[406]. Сумма, заметим, сопоставимая со стоимостью действующего завода.

Хотя Акинфий, возможно, некоторое время еще сохранял свое присутствие на Верхотулицком заводе[407], вопрос можно было считать закрытым. Но юридически оформленную развязку Акинфий сопроводил избежавшим протокола дополнением. Он продемонстрировал беспрецедентную щедрость: не оформляя этого письменно, передавал завод в эксплуатацию (бесплатную аренду) Акулине и ее мужу тульскому купцу Илье Ивановичу Данилову. Не отрицаем добрых чувств, которые Акинфий мог питать к своей племяннице (он, кстати, должен был знать ее лучше, чем Анну, родившуюся и подраставшую, когда Акинфий жил преимущественно на Урале). Но его благотворительность опиралась на вполне прагматичную оценку ситуации. За принятым им решением просматривается трезвый расчет. Скорее всего он решил, что эксплуатация Верхо-тулицкого завода слишком дорого ему обойдется.

Основную ставку Акинфий давно уже сделал на заводы уральские. Именно на Урале резервировались им заводские места, леса и рудники в их окрестностях. Тульский регион как база для развития металлургического хозяйства в его глазах себя исчерпал.

Главной проблемой для промышленности региона оставался усугублявшийся «дровяной кризис», все более и более поднимавший цены на уголь, а следовательно, и на готовую продукцию. Леса, сведенные объединенными «усилиями» крестьянской железоделательной промышленности, ранних металлургических мануфактур XVII века, оружейников и присоединившихся к ним винокуров, если не считать лесов засечных, в районе Тулицы почти отсутствовали.

Еще в начале 1710-х годов этот кризис едва не привел к полному пресечению казенного оружейного производства Тулы: уже решено было перенести основную оружейную базу в Ярославль, для чего построить там Оружейный двор и перевести туда всех тульских оружейников. Только случайность помешала приступить к переселению — операции, последствия которой для Тулы трудно сравнить с каким-либо другим событием в ее истории.

А частные заводы страдали еще более. Единичные случаи

покупки угля в обход ограничений проблемы не решали. Тот же Григорий Демидов давно возил уголь из уездов Малоярославецкого, Медынского, Алексинского[408].

Была еще одна причина, по которой Верхотулицкий завод не был особенно нужен Акинфию. Ему принадлежал действующий Тульский завод с двумя домнами и молотовыми. Продукцией, находившей наибольший спрос, являлось железо. На одной площадке разместить молотовое производство, достаточно мощное, чтобы справиться с переделом металла от двух домен, учитывая ограниченные энергетические ресурсы Тупицы, было невозможно. Существовало два пути решения проблемы: посредством включения в комплекс специального передельного завода либо ограничения производства чугуна. Если бы Верхотулицкий завод был чисто молотовым, его присоединение к Тульскому позволило бы Акинфию обеспечить полный передел чугуна, выплавлявшегося на последнем (разумеется, при наличии достаточного количества угля, но это — другая проблема). Но завод Верхотулицкий имел ту же ахиллесову пяту, что и Тульский: сравнительно слабое молотовое производство. Именно по этой причине Григорий намеревался строить на речке Рысне молотовой Сементиновский завод. Н.И. Павленко, говоря об этом проекте, обращает внимание на умаление воды и удаленность действующего завода от источников угля[409]. Но площадка нового завода была к ним ненамного ближе. Не о приближении к источникам сырья в данном случае думал Григорий. Решающую роль для него играл профиль нового завода: он задумывался чисто передельным.

Но строительство завода на Рысне не состоялось. Теперь, в 1729 году, к заводу с недостаточно развитым молотовым производством (Тульскому) предстояло прибавить еще один такой же. Проблема, таким образом, не только не снималась, но, напротив, усугублялась. Браться распутывать два узла, тем более в условиях, когда дефицит леса стягивал их все туже и туже, было как минимум неразумным. Полагаем, что именно по этим причинам Акинфий отдает проблемный Верхотулицкий завод Акулине и сосредоточивает свое внимание на остающемся у него в Центральном металлургическим районе единственным старом Тульском заводе. И этим решает проблему максимально рационально. Видя непрерывное ухудшение рентабельности производства, понимая, что, с другой стороны, полностью свернуть его нельзя (Тульский завод — звено, нужное для исполнения казенных заказов, с которыми он крепко связан), Акинфий отказывается от увеличения на нем выплавки чугуна (ломает, как мы помним, запасную домну), но модернизирует его

энергетическое хозяйство, открывая этим возможность для наращивания мощности молотового производства.

Получив в подарок Верхотулицкий завод, Акулина получила в придачу и все его проблемы. Она сумела построить вспомогательный молотовой завод (все в том же Сементинове на реке Рысне), но, разумеется, не смогла переломить неблагоприятную ценовую динамику. К проблемам с углем со временем прибавились и полностью выработанные рудники[410]. Впрочем, руду еще, напрягшись, найти было можно, но с углем стало совсем плохо.

Вероятно, заводы Акулины Даниловой умерли бы естественной смертью (что с ними в конечном счете и произошло), не привлекая к себе внимания ни современников, ни историков (как тихо остановились старейшие в России Городищенские заводы), если бы не новый семейный скандал, в центре которого они позднее еще раз оказались.

Пока длились эти родственные разборки, человек, с выстрела которого они начались, томился в темнице. Ивана дважды пытали, но и в октябре 1728 года розыск был «еще не окончан… за болезнию его, понеже он от вышепомянутых розысков имелся быть в жестокой болезни»[411]. Наверное, он все же окреп, наверное, окрепшего, его пытали в третий раз… В тюрьме внук Никиты Демидова провел без малого три года.

Казнен был в Туле в феврале 1730-го[412].

Никита Никитич

«В Туле у десятинного збора…»

В отличие от Григория Никитича его брат Никита Никитич вошел во вторую половину 1720-х годов полным планов и необходимой для их осуществления энергии. В январе 1726 года он просил Берг-коллегию разрешить ему возвести на единственном принадлежавшем ему Дугненском заводе при новой плотине еще одну домну и построить новый молотовой завод. Поскольку окрестности существующего завода на Дугне порядочно обезлесили, новый он намеревался строить в более подходящем районе — в купленной им еще в 1722 году деревне в Мещовском уезде на реке Брыни[413]. Оба разрешения были даны. Брынский, называвшийся также Мещовским, завод с его перерабатывавшими дугненский чугун десятью молотами стал строиться и через пару лет был пущен[414]. Последовавший далее перерыв в строительстве заводов в европейской части России понадобился для приобретения вотчин, земли и крестьяне которых будут в дальнейшем включены в промышленное хозяйство. В это же время им был совершен прорыв на Урал.

Во второй половине 1720-х — начале 1730-х годов Никита Никитич, как уже говорилось, занимался доселе небывалым для Демидовых делом. Оставаясь частным предпринимателем, он служил при Берг-коллегии, собирал для нее налоги с промышленников Тульско-Каширского и прилегающих к нему металлургических районов.

История отношений с властью младшего из Демидовичей отличается от описанной для Акинфия настолько и в том, насколько и в чем отличалось от Акинфиева общественное положение Никиты Второго.

Оба помнили, как относился к их отцу первый российский император, осознавали, что успехи родителя в немалой степени проистекли из правильно выстроенных и закрепленных отношений с государем. Но преемником этих отношений выступил один Акинфий, сохранив связи с престолом и лицами первого эшелона. Его брат, доступа к ним лишенный изначально, мог только с завистью следить за его на этом поприще успехами. Никите-младшему было его уже не догнать. Самодержцы, занимавшие трон после Петра, в избы к кузнецам не заглядывали, не спрашивали у них рюмку «простяка», не обещали, сошедшись: ты потрудись, а я тебя не оставлю. Другая наступила эпоха. Но

хотелось, ох как хотелось услышать заветные слова. И временами казалось, что такая возможность может еще появиться.

Осень 1729 года. Государь (юный Петр II) в походе: по горящим золотом лесам[415] к югу от Москвы несется царская охота. Несется так быстро, что денег, выданных Главной дворцовой канцелярией «на всякие дворцовые росходы и на дачю ямщикам прогонов», не хватает. Недостающее занимают по пути у кого ни попадя: ладно у коломенского воеводы — он лицо должностное (не важно, что деньги ссужает собственные), даже у серпуховского купца. Среди прочих заимодавцем выступает и Никита Демидов — одалживает 500 рублей[416]. (Примечательно: в отличие от других без разъяснения в документе, кто он такой. Стало быть, берущим знаком.) Дает, скорее всего осознавая при этом, что забавляющемуся государю источники финансирования его утех не интересны, что фамилия Демидов царского слуха не коснется. И все же — повод хоть как-то приблизиться ко двору, к царедворцам, к среде, в которую Никите ходу прежде не было. Рискнуть ради этого пятьюстами рублями — почему бы и нет?

Уровни, на которых Никита выстраивает отношения с властью, в целом ниже Акинфиевых. Это местная администрация и местные же структуры разных ведомств. В отношениях с ними есть и опыт, и достижения. Но нужно идти дальше, брать — выше.

Готовясь к рывку вперед, Никита решает заручиться поддержкой Берг-коллегии — учреждения, позиция которого в основном для него деле была исключительно важна.

Характер первоначальных отношений Никиты с этим молодым ведомством демонстрирует уже известная читателю история о том, как оно пыталось заставить заводчика заплатить годовой налог с его предприятия. Напомним, что многократно посылавшиеся к нему чиновники дома его неизменно не заставали, а приказчики вместо хозяина разговаривать с ними отказывались. С большим трудом найденный, Никита заплатить согласился, но час расплаты вновь оттянул: попросил разрешение произвести ее в другом учреждении. И прочее в том же роде. Административная инициатива тонула в болоте тихого, но упорного саботажа[417].

И вдруг — о чудо! — еще вчера прятавшийся от Берг-коллегии, Никита Никитич Демидов стал ее служащим. Заметим: происходит это всего через три месяца после смерти отца[418].

Берг-коллегии идея сделать своим агентом одного из рода Демидовых должна была казаться, несомненно, весьма привлекательной. С момента установления Берг-привилегией налога на производителей чугуна и железа (он составлял десятую долю от прибыли) коллегии, которой было поручено его

собирать, поставить дело должным образом никак не удавалось. В том числе и в одном из важнейших районов металлопроизводства — в центре европейской части России. Не желавших платить десятину тульских железного дела промышленников покрывала Оружейная канцелярия, которой казенные кузнецы по сословной «прописке» подчинялись. Берг-коллегии пробить броню не удавалось. Никита Никитич происходил из этой среды, хорошо знал ее, его трудно было запутать внешне правдоподобными, но в действительности пустыми аргументами. Учитывая это, а также давнее напряжение между Демидовыми и окружавшим их миром владельцев оружейных мастерских и ручных железных заводиков, можно было надеяться на его (Никиты Никитича) добросовестную службу интересам Берг-коллегии. Сделать своим орудием отбившуюся от стада и вовсе не рвавшуюся вернуться в него овцу — что в данном случае можно было придумать лучше?

Интерес к сотрудничеству проявлял и младший из братьев Демидовых. Именно в это время решался вопрос о пожаловании ему дворянского достоинства. Казенный кузнец по рождению, он, вероятно, осознавал, что в один день дворянином в глазах тех, кто отлично помнил их простонародное детство и юность, не станет. Помочь окружающим осознать реальность изменения личного статуса могли одновременные изменения других социальных его атрибутов. Готовясь стать дворянином, Никита приобщался к власти еще и по роду деятельности — тем, что добровольно включался в работу одного из госорганов. Не самого престижного, но и далеко не бессильного.

Привлекало и обещанное за службу награждение от Берг-коллегии. Оплата в виде жалованья не предполагалась, но «позволение в покупке деревень и в произведении заводов ево»[419], далеко не избалованного привилегиями заводчика, заинтересовать было должно. Правда, право приобретать деревни к заводам промышленники, среди них и Никита Никитич, в 1721 году получили. Но коллегия манила еще и обещанием содействия в «произведении заводов». В документе сказано об этом достаточно обобщенно, но представить, чего именно жаждал Демидов, нетрудно. Прежде всего, разумеется, предоставления площадки для мягкой посадки на Урале. Отношение Берг-коллегии к этой давней его мечте было ему далеко не безразлично, оно могло сыграть ключевую роль.

Имелись и другие причины, подталкивавшие Никиту Никитича к тому, чтобы на время стать винтиком в системе исполнительной власти. Урал был журавлем в небе, синицей же, пригревшейся в руках, оставалась для него Тула. Синица, однако, имела острые коготки. Никите очень хотелось окончательно

утвердиться здесь металлургическим королем. Вырвавшийся далеко вперед Акинфий не был ему помехой — тот, подобно отцу, относился к своему Тульскому заводу как к вспомогательной единице, развивать его не собирался. Конкурентом мог стать Григорий, но пока что в отношениях с ним удавалось избегать публичных конфликтов — можно было надеяться удержаться от них и впредь. А вот с казенными кузнецами — родственниками, соседями, однокашниками, однокорытниками — отношения все еще развивались. И чем выше возносились Демидовы, тем хуже становились эти отношения. Для оружейников Демидовы были выскочками, уступать которым без боя родную Тулу они не собирались. Противопоставить слободскому «обществу» еще и административный ресурс — Никите Демидову это должно было казаться совсем не плохой идеей.

И последнее. Никита становился не чиновником «вообще» — ему поручался сбор налогов с металлозаводчиков. Занимаясь этим, для себя эти налоги можно было, мягко выражаясь, оптимизировать.

К моменту подключения к делу Никиты Демидова работа по налаживанию сбора металлургической десятины в Туле уже шла. По приговору Московского обербергамта 11 января 1726 года для ее сбора с «завоцких компанеистов» в Тульскую провинцию отправились копиист Петр Митрофанов и два канонира[420]. Едва приступив к делу, он столкнулся с трудностями. Но, к счастью для него, больших шишек набить за месяц не успел. В Берг-коллегии «изобрели за благо» другой «способ для достоверного освидетелствования обретающихся в Тулской правинции компанейских и промышленичьих заводов и верного збора десятины»: поручили дело младшему из братьев Демидовых. Решением коллегии от 23 февраля 1726 года теперь уже он должен был переписать все имевшиеся в провинции железные водяные заводы и ручные домны, установить, «с которого году оные заводы и по каким указом заведены, и кто ими ныне владеет, и что у них с 720 года в каждом году порознь было в выходе чюгуна, железа и крич». Ответы на эти вопросы следовало получить от заводчиков или их приказчиков, пугая их, в случае запирательства, «потерянием движимого и недвижимого имения». Сведения следовало проверить, для чего опросить мастеров, а также сравнить со сведениями о выходе продукции с других предприятий. С владельцев, предоставивших данные, не выдержавшие проверки, Демидов имел право увеличить десятину, «примером усматривая по состоянию завода и представляя им (заводчикам. — *И. Ю.)* во изобличение другая тамошния ж промышленичьи заводы, которые произведением подобны им, а

выходом чюгуна превосходят». Промышленников, которые «в платеже оной десятины будут противны», разрешалось держать под караулом до указа коллегии. Для осуществления этих и других репрессивных действий ему предоставлялась команда: ранее посланные за десятиной в Тульскую провинцию чиновник с солдатами. Специальный указ тульскому воеводе требовал от него «чинить» Демидову «во всем вспоможение», в том числе предоставлять по запросу солдат[421].

Порулить в Туле с воеводой на запятках — это дорогого стоило. А неизбежных столкновений с товарищами по детским играм младший Демидов не боялся. Поначалу он не сомневался, что в столкновении с ними одержит победу.

Тяжелые бои местного значения

Держа в руках указ о назначении, Никита Никитич не знал, что первое сражение в предстоящей ему войне уже состоялось и передовому отряду Берг-коллегии в столкновении с противником была учинена порядочная трепка. Руководил «отрядом» предшественник Демидова Митрофанов. Развивались события так.

8 февраля 1726 года казенные кузнецы подали озадачившему их Митрофанову сказку, в которой, ссылаясь на старый, 1721 года указ Берг-коллегии в Оружейную канцелярию, писали, что «они к другим завотъчиком и промышлеником ни в чем не приличны» (стало быть, и требования Берг-коллегии им не указ), что платить с кричного железа им «не с чего», что ведомости «о состоянии» без указа Главной артиллерии и без позволения Оружейной конторы предоставлять «не смеют». Неделю спустя Митрофанов обратился с просьбой о содействии его миссии в Тульскую провинциальную канцелярию. 23 февраля (в день, когда начальником ему был назначен Демидов) получил указ из Оружейной конторы, которая сообщала, что о «подании» кузнецами «ведомостей о платеже десятой доли» она «запрещения чинить не будет». «Обнадеял я», — писал потом окрыленный этим известием Митрофанов, что казенные кузнецы будут ему «не противны». «Обнадеяв», в тот же день приступил к операции, для чего запросил у провинциальной канцелярии солдат. Получив троих, прибавив к ним двух собственных, отправил их в слободу с заданием «сыскать в Камерирской канторе железных заводов завотчиков и ручных домен казенной слободы кузнецов для взятья у них ведомостей о выплавленном чюгуне, и десятой доли, и процента». Для начала они направились в Оружейную контору к поручику Ивану Свечину («которому оные кузнецу и вся

оружейная слобода правлением ведать поручена»), показали ему сыскную память, на что поручик определил к ним десятского и приказал ему, «чтоб оные кузнецы были во всем послушны». Отряд из семи человек — серьезная сила. Первыми, кого он захватил, оказались кузнец Емельян Кирильцев и промышленник Иван Перфильевич Мосолов. Захватив, повел в Камерирскую контору. Но не довел. «Оного де Мосолова брат ево Максим Мосолов з братьями своими и со многолюдством, прошед церковь Николая Чюдотворца, оных посланных салдат и конаниров били смертным боем кулаками и топъками, и оных де взятых брата ево, Мосолова, Ивана и Емельяна Кирильцова отбили. А конанир Тит Еремеев при том бою означенному Максиму Мосолову говорил, чтоб данную им, солдатом, сыскную вычел. И оный Мосолов ту сыскную читал и говорил, что он не слушает. И канониру Еремееву он же Мосолов говорил же, что де "Не скверни моих рук и отойди же прочь, пока жив"»[422].

Как видим, «обнадеялся» Митрофанов скоропалительно: дело свелось к мордобою и закончилось изгнанием сборщиков подати из слободы.

Разумеется, Митрофанов отправил побитых на освидетельствование, разумеется, собрал свидетельские показания и, куда мог, пожаловался. Ближайшую над ним власть, Московский обербергамт, он просил послать в провинциальную канцелярию указ о розыске «в непослушании» и «в бою салдат и кана-ниров», просил подключить к делу штаб базировавшегося в Туле полка[423].

Расхлебывать первую неудачу пришлось Никите Демидову, прибывшему в Тулу к отправлению обязанностей 8 марта. Пять дней спустя он отправил в Берг-коллегию доношение, 20 апреля — еще одно. Единственное, чего сумел он добиться за первые полтора месяца, — получить кое-какие сведения от владельцев водяных заводов. Заставить заплатить не удалось никого. Хозяева ручных заводов стойко держали оборону, отвечая на требования отказом и забалтывая ситуацию похожими на правду аргументами в пользу своей позиции. Демидов с их доводами не соглашался, на все имел контраргументы. Лично он был против, чтобы потворствовать строптивым кузнецам: «И ежели со оных де их ручных домен десятой збор за такими их отговорками уничтожитца, и в том немалой будет в ынтересе убыток». За конфликтом внимательно наблюдали немногочисленные (не считая самого Никиту — трое) владельцы вододействующих заводов. «А помянутой прикащик Палцов, — извещал Никита, имея в виду главного распорядителя дел на Тульском заводе старшего брата, — в платеже десятой доли отговарива[е]тца, что

де приказ ему от господина ево есть: как де казенные промышленики, которые имеют ручные домны, платить будут, то де и он заплатит бездоимочно, а ежели де они, промышленики, платить не будут, то де и ему платить тое десятину не подлежит». Сопротивление мелких заводчиков было на руку крупным. Как Демидов ни напрягался, не платил никто. «И за таки[ми] их отговорками… в следствии имеетца немалое помешателство», — сетовал Никита, вероятно, несколько удивленный своими неудачами[424].

Если бы только отговорки! Демидова и Митрофанова, пожелавших осмотреть принадлежавшие кузнецам домницы (особенно интересовали «новозаведенные», о которых не было известно ничего определенного), те на дворы к себе вообще не пустили. Заявили, что согласятся на осмотр только после указа из Оружейной канцелярии.

Дополнительное своеобразие ситуации придает еще одно обстоятельство. 24 марта 1726 года (месяц спустя после назначения Демидова «у збору десятинных денег») императрица подписала диплом, пожаловавший Демидовым дворянство[425]. Мы не знаем, когда тульские Демидовы получили об этом известие и когда соответствующий указ доставили в провинциальную канцелярию, но не сомневаемся, что смирению драчливых оружейников он не способствовал. Те были воодушевлены силой круговой поруки, поддержанной сверху, и над известием о сословном метаморфозе не сумевшего их сломить Демидова скорее всего смеялись.

Демидовы, хлопоча о дворянстве, осознавали, что отношение к ним в одно мгновение не изменится (другое дело — в какой степени осознавали). В протоколе заседания Верховного тайного совета от 18 февраля 1726 года, на котором по инициативе А.В. Макарова «рассуждали» о жалованной грамоте Демидовым и приняли на этот счет положительное решение, отмечено: «…а те слова, которые в дипломе были изъяснены, что ежели их кто не будет за дворян почитать, то будут наказаны, велено отставить»[426]. Кто, как не сами Демидовы, более всех могли тогда чувствовать необходимость наличия таких слов в дипломе? Кто, как не они, добившись включения их в проект, были заинтересованы в сохранении в окончательном тексте?

Прошел 1726-й, за ним 1727 год. За это время возможность пожалеть о том, что в подписанном императрицей дипломе этих слов не оказалось, Никите Никитичу предоставлялась неоднократно. Демидов не отступал. 12 февраля следующего, 1728 года доносил в Берг-коллегию: «А десятинного збору за 727 год в приходе не имеетца, и в том имеетца по силе указов тем

завотчиком в подании ведомостей и в платеже десятины принуждение»[427].

К этому времени конфликт Берг-коллегии с группой тульских железного дела промышленников, переросший в конфликт горного и артиллерийского ведомств, породил, как казалось, приемлемое компромиссное решение. В указе Берг-коллегии к Демидову от 2 января 1728 года было сообщено, что «с владеющих ручными домнями тульских казенных промышленников собирать десятину» велено в Тульской оружейной конторе майору Кириллу Хомякову «по поданным их ведомостям и скаскам». Уже от него эти документы и собранная десятина должны были передаваться тульскому уполномоченному за «десятинный збор» — Демидову[428]. Решение должно было устроить оба учреждения. Главную артиллерийскую канцелярию (ей подчинялась канцелярия оружейная) — тем, что сохраняло иммунитет оружейникам по отношению ко всем ведомствам, кроме артиллерийского. Берг-коллегию — тем, что позволяло наладить сбор налога, учрежденного как всеобщий, не отменяемый принадлежностью к льготной группе.

Положение, однако, не изменилось. 29 мая Демидов жаловался в Берг-коллегию, что в прошлом и текущем годах запрашивал в Оружейной конторе сведения, «кто имяны казенные промышленики ведомости и скаски подал, и коликое число в каждом месяце с кого имяны и со скольких подов в положенной десятинной збор взято», требовал, «чтоб те ведомости, и скаски, и десятину прислать к десятинному збору» для последующей отсылки в Берг-коллегию. Но ни ведомостей, ни сказок, ни десятины «к десятинному збору и поныне в присылке не имеетца». Почему? Потому де, что их из Оружейной конторы «якобы без повелительного из Главной артилериской канцелярии указу прислать не мочно, для того что де Оружейная кантора и они, промышленники, в послушании только в одной Главной артилериской канцелярии»[429].

Октябрьское, от 22-го числа, послание Демидова добавляет к этой картине несколько неожиданных подробностей. Он известил, что Оружейная контора в переписке с ним сообщила о полученном ею еще год назад, 21 ноября 1727 года, указе из Главной артиллерии. «Хотя де оная Берг-колегия требует, — говорилось в нем, — чтоб де помянутые ведомости и десятинные денги отсылать ему, господину маэору, к дворянину Никите Демидову, а от него де будут присылаться в Берг-колегию, однако же де якобы Главная артилерия ему де, господину маэору, заслуженому и чесному штап-афицеру обиды учинить не может.

Ис чего де и Берг-колегия за благо разсудить может, что де заслуженому штап-афицеру репортовать неслужащаго к регулу несогласно и немалая де в том ему обида». Действия ознакомленной с мнением вышестоящей инстанции Оружейной конторы: по силе этого указа «зборныя десятинныя денги и о выходе кричного железа ведомости для де свидетельства и отсылки в Берг-колегию в Туле к десятинному збору… Кантора оружейная без повелительного из Главной артилерии Его Императорского величества указу отдать не смеет»[430].

Итак, дело уже не в том, кто имеет право собирать налоги с тульских оружейников. Теперь главная препона сбору — необходимость для заслуженного и честного штаб-офицера отчитываться перед Демидовым, хотя и дворянином, но не служащим. Что это, как не плевок в лицо новоиспеченному дворянину, как не намек на плебейское его происхождение? И тот факт, что Оружейная контора защищает при этом интересы группы оружейников, свидетельствует о том, что они к Никите Демидову относятся так же — отнюдь не как к дворянину.

Что оставалось делать в этой ситуации Демидову? Да всё то же — жаловаться по инстанции. Он и жаловался: на саботажников кузнецов, на контору, на защищавшую их всех Главную артиллерию. Жаловался, видя, что его энергии даже при поддержке дворянского звания недостаточно, чтобы проломить стену, которую подпирали контрфорсы сословных амбиций.

Дело шло к тому, чтобы к приему денег и ведомостей от Оружейной конторы приставить кого-то другого. Так и случилось. В Тулу, в здешние свои вотчины, как раз собирался асессор Иван Телепнев. Приятное решили дополнить полезным: ему приказали, «дабы он в Тулу хотя нарочно съездил». Кроме принятия от конторы документов и денег, на него возложили еще и контрольные функции — вплоть до права запечатывать домницы и железцовые кузницы, если будет усмотрено что-то вызывающее сомнение в правдивости поданных на них ведомостей[431].

Но дело не пошло и у Телепнева. 5 октября 1729 года он сообщил Демидову, что ничего от Оружейной конторы еще не получил, а время, которым располагал, минуло. Довести дело до конца он поручил, как это ни странно, тому же Демидову: предписал «означенные ведомости и деньги из Тульской оружейной канторы требовать, и, как пришлютца, приняв, производить следъствие как в присланном из колегии указе показано», после чего в коллегию рапортовать. Можно не сомневаться, что Демидов добился бы на этот раз не большего, чем раньше. Надежда забрезжила только с подключением к делу прибывшего в Тулу должностного лица еще более высокого ранга

— действительного статского советника, президента Берг-коллегии Алексея Кирилловича Зыбина. 6 октября (на другой день после посылки письма Телепнева Демидову) Зы-бин получил послание из Оружейной конторы, сообщавшей, что половина предписанного исполнена («со взятых сказок за 727 год о выходе кричного железа копии посланы»), а остальное будет исполнено вскоре («со взятых же таковых сказок за 728 год копии готовятца… присланы будут в немедленном времени»)[432]. Уверенный, что дело с мертвой точки сдвинулось, он поручил принять эти документы Демидову и подтвердил распоряжение заниматься ему этим и впредь[433].

Но публичные унижения последнего на этом не закончились. Вот описание очередного откровенно издевательского поступка главы Оружейной конторы. Демидов 12 ноября послал в нее промеморию, требуя, чтобы «из оной канторы вышеписанные скаски за 728 год, тако ж и десятинные денги присланы были к десятинному збору Точию обретающейся от Артилери[и] и фартофикации в той Оружейной канторе господин подполковник Хомяков тое промеморию не принел[434]. А имеет отговорку, бутто по присланному Главной артилерии и фартификации из канторы указу велено де такие взятые скаски, и ведомости, и десятинные денги отдать присланному из Берг-колегии ассесору господину Телепневу, а не к десятинному збору». Указ вышестоящего начальства освобождал Хомякова от каких-либо обязательств перед конторой десятинного сбора, позволял в дальнейшем полностью игнорировать Демидова. Как законопослушный чиновник, Хомяков обсудил ситуацию с Зыбиным и тот, по словам Хомякова, «изволил сказать, чтоб к нему письменно ответствовать, а к десятинному де збору без указу отдавать не велел. И о том де он, Хомяков, бутто к нему, статскому действительному советнику Берг-колегии президенту Алексею Кириловичю, чрез писмо ответъствовал. А как де прислан будет к нему указ, и кому те скаски повелено будет отдать, — и те де скаски отданы из той канторы будут в немедленном времени»[435].

«Отданы будут немедленно» и ни разу — «уже отданы». Остается удивляться изощренности фантазии Хомякова и его уверенности в полной безнаказанности. Можно предполагать, какую бурю возмущения вызывали в Демидове эти действия Оружейной конторы, с какой ненавистью смотрел он на вчерашних собратьев и сотоварищей, а ныне — раздраженных соседей, сплотившихся в своем ему противостоянии. Демидов надеялся, что со сменой сословной «прописки» легко изменит к себе отношение? Не тут-то было. Он возбудил неприязнь у всех: и

с кем соединялся, и с кем расставался. Трудно судить, кто более виновен в этом, — кузнецы (которыми, кроме материальной выгоды, несомненно, руководила и зависть к успехам соседа) или Демидов (который, самоутверждаясь, меньше всего думал об интересах кузнецов). Но остается фактом, что совокупными усилиями противники Демидова долгое время успешно противостояли любым его действиям.

Издевательства, продолжившиеся даже после личного вмешательства в дело президента Берг-коллегии, кажется, послужили Демидову уроком. Самоуверенности поубавилось. Вдоволь нанюхавшись порохового дыма, он осознал, что потерпел поражение. Смирившись с этим, искал теперь, как бы половчее устраниться из этого дела, просил коллегию «о увольнении ево от того збору для лутчаго произведения к пользе государственной собственных ево заводов»[436]. «Всенижайше доношу, — писал он, заканчивая обращенное в коллегию послание от 12 декабря 1729 года, — чтоб государъственная Берг-колегия соблаговолила за вышеписанным для показанного следствия о казенных промышлениках и кузнецах, тако ж и для збору десятины с протчих завотчиков определить вместо м[е]ня другова, кого соизволит, понеже я у того дела обретался с 726 по 729 год без жалованья и без награждения. А ныне я в заводцком своем отправлении имею немалую суету. И от несмотрения моего те мои заводы пришли в разорение»[437]. Демидов приводил свежайший пример такого «разорения»: на Брынском заводе некому восстанавливать сгоревший амбар для машин «резанья железа и плащильного дела» — таких мастеров у него нет, а он сам занят в Туле[438].

Прошение удовлетворено не было. Но в 1729 году в порядке поощрения за труды он получил от Берг-коллегии горный чин цегентнера[439].

Между тем силы оружейников прибывали. В 1731 году Тульский оружейный завод рождался заново. После того как годом раньше на нем «платину всю размыло и инструменты водою разломало»[440], началась большая его реконструкция: «И по силе ея императорского величества имянных указов, состоявшихся в прошлом 1731-м году февраля 4-го до марта 8 чисел, велено де оружейные заводы в доброе состояние привесть и в деле доброго оружья умножить»[441]. Была увеличена численность оружейников, их и разных чинов людей судом и расправою приказано было ведать в Оружейной конторе[442]. Контора, обретая дополнительные права, обретала и дополнительную власть. А вот Берг-коллегию, как уже упоминалось, в октябре 1731 года на правах подразделения

(экспедиции) влили в Коммерц-коллегию. Понижение статуса госструктуры, руководившей в стране горным делом, немедленно ослабило его позиции в спорах с другими центральными учреждениями, что проявилось и в конфликте с артиллерийским ведомством. Прогибаться под отдел Берг-коллегии, тем более под бывшего оружейника Демидова Оружейная контора не собиралась. Неудивительно, что последнему этот год принес новые неприятности в его отношениях с оружейниками и защищавшим их учреждением, во главе которого в это время стоял вполне достойный преемник Хомякова — капитан полевой артиллерии Макарий Половинкин.

Последовавшее вскоре (в конце 1731 года) обострение отношений между ними имело следствием очередное грубое публичное унижение Демидова.

23 ноября 1731 года цегентнер представил в Коммерц-коллегию доношение, в котором писал, что Половинкин «в десятинном платеже тульских оружейных промышлеников защищает и слушать не велит». 28 ноября Демидов уехал в Москву, а ночью того же дня последовал ответ оружейников на его жалобу. Ответ действием: один из подчиненных ему рассыльщиков, Василий Фомин, направлявшийся на съезжий двор для караула денежной казны, был ими избит. Позже в Оружейной конторе, куда, предварительно отобрав палаш с ножнами, они его притащили, Фомина истязал (бил «безвинно батогами смертно») лично Половинкин. После «капитанского бою» Фомин лежал «при смерти с три недели и больше, отчего де и ныне от тех смертных злодейских боев едва жив», — жаловался в Коммерц-коллегию возвратившийся в Тулу в конце декабря Демидов. Последовало вялое делопроизводство, в ходе которого 8 мая 1732 года контора Коммерц-коллегии потребовала от Тульской провинциальной канцелярии «по тому делу исследовать». Оружейная контора вину отрицала: появился-де при ночном рогаточном карауле неизвестный человек, ругался матерно, обнажил палаш. Приведенный в контору, «ответствовал с великою противностию, и невежеством, и с великим криком». А насчет битья батогами — так об этом, оказывается, он сам просил: «…начал тотчас собою раздеватца и кричал же: "Извольте де бить"». Просьбу уважили: требовавший экзекуции был «высечен лехко, а не смертно, батоги и не злодейски». По версии оружейников, Фомин фактически предварил подвиг унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла. Соответственно, «он, Демидов, Кантору оружейную и капитана Половинкина оболгал неправедно и приводит в тяжкое подозрение». В связи с этим оклеветанная контора обращалась в Канцелярию главной артиллерии и фортификации с просьбой

«исходотайствовать, где надлежит, милостивой обороны и сатисвакции (так. — *И. Ю.)* по ея императорского величества указом и государственным правам, чтоб ему, Демидову, и другим таковым же впредь чинить так было неповадно»[443].

Примечательно, что обширное архивное дело, по документам которого мы излагаем эти события, имеет заголовок, очень точно отражающий их смысл: «По доношению онаго ж (десятинного. — *И. Ю.)* збора о чинимых обидах капитаном Половинкиным Никите Демидову»[444]. Все, тем более Демидов, прекрасно понимали, что подчас простодушные, подчас хитроумные аргументы, к которым прибегала Оружейная контора, были направлены против планов Демидова, стремились помешать достижению целей, которых он добивался. Били Фомина — учили Демидова. Снова и снова его, дворянина, ставили на место. На прежнее, недворянское место.

Неудивительно, что Демидов, узнав о происшествии с рассыльщиком и легко расшифровав это ему послание, в том же декабре 1731 года вторично обратился в Берг-коллегию с просьбой об отставке[445]. Ответ получил тот же: отказ. И это притом что ссылки Никиты на ущерб, который присмотр за сборами наносит его собственному хозяйству, не были отговоркой, несомненно, отражали искреннее его мнение по этому поводу. К необходимости управлять своим заводом в центре европейской части России (единственным, имевшимся у него, когда начиналось его сотрудничество с Берг-коллегией) со временем прибавилась необходимость заниматься другими заводами, в том числе уральским. Его промышленное хозяйство и в старом, и в только еще осваиваемом им районах расширялось. В августе 1732 года Демидов просил Берг-коллегию о предоставлении ему трехмесячного отпуска для поездки на Урал, где он намеревался осмотреть свой завод на речке Шайтанке и подыскать место для постройки еще одного. В начале сентября такое разрешение было ему дано[446].

Главная задача, в решении которой он когда-то надеялся на помощь Берг-коллегии, была к этому времени решена (о ней позже). Груз же опостылевших тяжб с оружейниками и их защитниками продолжал давить. В 1733 году он получил от них еще одну оплеуху. Она последовала в ответ на его попытку по договоренности с некоторыми из железного дела промышленников добиться их исключения из числа оружейников с переводом в ведение Коммерц-коллегии. Половинкин их, разумеется, не отпустил. Демидов вынужден был донести о провале и этого своего плана: хотя «послушныя указы из Главной артилерии и фортификацыи х капитану Половинкину и присланы, но токмо по тем указом, також и от десятинного збора

промемориям он, Половинкин, не исполняет и тех промышлениковъ не отдаетъ»[447]. Для намерившихся сменить ведомственное подданство промышленников, для Демидова, для Половинкина — для всех такой переход имел и положительные, и отрицательные последствия. Решительное противодействие ему со стороны Оружейной конторы имело единственную причину: согласиться на него означало позволить Демидову добиться хоть какого-то успеха.

Неудивительно, что Демидов снова поднял перед Коммерц-коллегией вопрос об отставке. Теперь он ссылался на упомянутый диплом о дворянстве, в котором Демидовым «и потомком их ни у каких дел быть не велено, а велено быть при собственных их заводах»[448]. Событие (обретение дворянства), способствовавшее его решению ввязаться в сражение, теперь, пять лет спустя, использовалось им для того, чтобы из него хоть как-то выйти.

Неизвестно, как долго оставался бы Демидов «в плену» Берг-коллегии, когда бы не неприятности, посыпавшиеся на него в ходе Следствия о партикулярных заводах, которому посвящена следующая глава. Замена его на посту тульского цегентнера другим лицом произошла в 1734 году

Сравним Демидовых в их битвах с казной в 1720-х — начале 1730-х годов. Никита Первый и Акинфий, сражаясь на Урале с Татищевым, выступавшим от имени горного ведомства, действовали довольно успешно, какое-то время казалось даже, что они его победили. Лишь немногим позже Никита Второй воевал в Туле с Хомяковым и Половинкиным, выступавшими от лица Оружейной конторы. Победы не добился, более того, был неоднократно повержен и унижен. Следует ли из этого, что у младшего Никиты недоставало чего-то, что было в избытке у комиссара и его старшего сына? Думаем, что не следует.

Прежде всего, учтем, что главного, что обещал, вступая в должность, Никита Никитич Демидов, он все же добился: отчетность производителями металла составлялась, десятина с них собиралась. Что механизм ее сбора очень долго отлаживался и получился слишком сложным — не его вина. И в том, что, настойчиво стремясь к цели, насобирал синяков, нет позора. Раны — украшение бойца. Чего стоит победа, за которую ничем не заплачено?

Существовало множество внешних факторов, мешавших цегентнеру Демидову. Артиллерия, одно из военных ведомств, имела больший вес, чем Берг-коллегия, которую по ходу событий вообще прикрыли. Не справился с ней не только новоиспеченный дворянин (выходов на первое лицо государства не имевший), но и представители учреждения, на которое он работал, пару раз

приезжавшие к нему на помощь. Асессор, просидевший в Туле впустую, вынужден был уехать, оставив расхлебывать кашу тому же Демидову, на котором его противники немедленно отыгрались (чего стоят их рассуждения о чести, о том, что служащему неприлично подчиняться неслужившему).

Следует учесть и обстановку, в которой Никита Никитич воевал с Оружейной конторой. В начале их конфликта, в марте 1728 года, погиб его брат Григорий. По репутации Демидовых был нанесен удар. Вот Хомяков отказывается передавать собранную сумму Демидову под предлогом, что строевому офицеру неприлично ему подчиняться. Но в его словах можно вычитать и подтекст: Демидов — не только неслужащий, он еще и представитель рода, честь которого подмочена[449].

Проникновение на Урал

Подведем итоги. Для Никиты Никитича Демидова они на первый взгляд не слишком впечатляющи. На фоне некоторых достижений на ниве промышленного предпринимательства — цепь несчастий и неудач. Умер отец, который хотя и относился к сыновьям неодинаково, но семейную честь унизить бы, без сомнения, не позволил (атаковав, победил? вовремя сгладил конфликт?). Погиб брат. Государыня пожаловала дворянство, но в родном городе соседи, вчерашние друзья, ведут себя так, как будто ничего не изменилось.

Все это так. Но можно ли считать семилетие после смерти отца прожитым Никитой бесполезно? Ни в коем случае.

Мы уже сказали, что, несмотря на трудности, решение задачи, которую поставила перед ним Берг-коллегия, он существенно продвинул. Решил он и те задачи, которые ставил перед собой. Да, длительную паузу, которую он взял, построив Брынский завод, можно объяснить тем, что слишком много времени тратил на войну с тульскими оружейниками (ему и на имевшихся заводах латать дыры было некогда). Но тесный контакт с Берг-коллегией, которая, судя по всему, долгие годы ему вполне доверяла и действия его в Туле одобряла, несомненно, помогал ему в упорном стремлении на Урал. И именно в эти годы он этой проблемой упорно занимался — искал для внедрения подходящую лазейку.

Напомним, что комиссар Демидов, а позже его сын Акинфий, получив разрешение на постройку Ревдинского доменного завода, долго его не строили. Никита Никитич держал ситуацию на контроле: выждав три с половиной года, в конце 1727 года обратился в коллегию с предложением передать

неиспользованное место ему. Последовал отказ. Два года спустя, так и не дождавшись от коллегии содействия его планам, он подал прошение отставить его от сбора десятины. И в этом ему отказали, однако сигнал получили и осознали: без поощрения заниматься трудным и малоприятным делом Никита больше не сможет. И что же? А то, что, когда в мае 1730 года он повторил свою просьбу по поводу заводского места, причем в сопровождении жалоб не только на противодействующего ему Акинфия, но и на Геннина, его просьба была встречена куда более милостиво. Акинфию пришлось пойти на переговоры. Старший брат, сохранив за собой место на Ревде, уступил младшему место на другой речке, Шайтанке. Договорились и об использовании рудников. В поданной в Берг-коллегию совместной челобитной братья пообещали «друг другу в завоцких делах помешательств ни чрез какие вымыслы не чинить»[450].

9 июля 1730 года Берг-коллегия вынесла решение о разрешении Н.Н. Демидову строить завод на Шайтанке. В следующем году строительство началось и шло быстро: в первый день декабря была пущена домна. Новый завод, чтобы отличать от железоделательного завода старшего брата, называли Нижнешайтанским или Васильево-Шайтанским. Никита Никитич Демидов добился того, чего желал долгие годы, чего так не хотел ему дать отец. И неизвестно, сколько бы продлилось его ожидание, если бы не содействие Берг-коллегии, последовавшее в ответ на его отчеты о многолетних турнирах с собратьями по Оружейной слободе.

Ни неуверенности, ни утомления нет и в помине. Никита Демидов, набив шишек себе, наставив столько же другим, закрывает один исчерпавший себя проект, открывает другие.

Глава 6.
СЛЕДСТВИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Следователи на заводах

Следствие о партикулярных заводах: что это было

Первая половина — середина 30-х годов XVIII века — один из самых трудных периодов в жизни Акинфия и Никиты Демидовых. Обвинения в преступлениях вплоть до уголовных, расследования, вызванные обвинениями, нанесли чувствительные удары по упорным трудом ковавшемуся могуществу рода. Помогая друг другу (жизнь снова их сплачивала), братья ударам сопротивлялись, с невзгодами боролись. Преодолев трудности, вышли из испытаний окрепшими.

Локомотивом, тянувшим за собой обрушившиеся неприятности, выступали претензии экономического характера, прочие прицепились к ним по пути, по пословице «Пришла беда — растворяй ворота». Демидовы были далеко не единственными, кому в эти годы (1733—1735) подобные претензии предъявили. Кампания, именовавшаяся (одно из названий) *Следствием о партикулярных заводах,* коснулась множества, практически всех, владельцев частных металлургических предприятий России. Она состояла из большого числа относительно самостоятельных расследований, которые объединяло стремление чиновников выявить недоплату промышленниками налогов. Наиболее интересны сюжеты, относящиеся как раз к Демидовым, владельцам самых крупных металлургических комплексов страны. Для большинства других заводчиков проверки проходили хотя и нервно, но сравнительно безболезненно: ревизор приезжал, изучал документы, опрашивал персонал, записывал, уезжал, позже хозяина оповещали о штрафе, часто большом, но редко — убийственном для бизнеса. Демидовскими заводами занимались долго. Выявили факты, позволявшие говорить не об ошибках — о намеренном искажении отчетности. Недоимки и штрафы, насчитанные по результатам следствия, оказались весьма значительны. В ходе следствия заводовладельцев ограничили в перемещении, а позже, когда ограничения сняли, Демидовы сами не рисковали далеко отъезжать от столиц, где в это время вершилась их судьба.

Запустил следствие указ императрицы Анны Иоанновны, данный президенту Коммерц-коллегии барону Петру Павловичу Шафирову 4 августа 1733 года. Ему предписывалось провести проверку расчетов металлопромышленников с казной, прежде всего правильности уплаты ими десятинного налога. Он получил

двух помощников: только что введенного в штат Коммерц-коллегии советника Михаила Шафирова (родственника президента[451]) и асессора Василия Васильева, которым было поручено собирать «принадлежащия к тому справки». Так под началом П.П. Шафирова образовалось небольшое временное учреждение, в документации именовавшееся Комиссией о исследовании десятинного сбору с партикулярных железных и медных заводов[452], проще — Комиссией следствия о десятинном сборе[453] или совсем коротко — Комиссией следствия о заводах[454]. Для освидетельствования состояния домен и медеплавильных печей намечалась инспекция предприятий. С указом Шафирову императрица подписала инструкцию гвардии Семеновского полка капитану-поручику Савве Кожухову, направлявшемуся для этой цели на уральские заводы[455]. Обследование предприятий центрального района поручалось Васильеву, также получившему инструкцию и собиравшемуся в Тулу. Михаил Шафиров определялся в Москву проверять уплату заводчиками пошлин, сопряженных с продажей их товара. Здесь была создана контора Комиссии.

Работа «на выезде» потребовала немалого времени. Исполнив порученное, ревизоры возвратились в Петербург только в следующем, 1734 году: Кожухов — 18 мая, Васильев — 27 октября. На этом активная фаза следствия, посвященная главному вопросу — проверке расчетов по десятине, завершилась. Основное, чем по возвращении контролеров занималась Комиссия, — анализ огромной по объему привезенной ими документации (свыше 500 тетрадей), подготовка из них экстрактов, а на их основе — предложений[456]. Кроме того, проверялись поступившие по ходу проверок доносы, следствие по которым сильно затянулось. Решение вопросов, затронутых Следствием, и подготовка по ним указов продолжались до ноября 1736 года[457]. С их оглашением кампанию можно считать в основном законченной. Не вписались в эти рамки только расследование доносов и, соответственно, исполнение назначенных по ним наказаний.

Тульские заботы асессора Васильева

Следователи отправились в путь в августе 1733 года[458]. Васильев, прибыв в Тулу[459], начал с завода Акинфия.

Он был невелик. Из двух домен осталась одна. Три молотовых амбара, в каждом по одному молоту и два горна. Основной продукцией были полосное и связное железо, изделия из него[460]. Исполняя инструкцию, Васильев 9 сентября опечатал

в заводской конторе все «о заготовлении всяких военных припасов… указы, и заводские книги, и записки, и векселя, и крепости, и прикащичьи щеты, и всякие ево партикулярные письма»[461].

Сложности возникли с самого начала. Главный приказчик Акинфия, его шурин Семен Пальцов, исчез — явно неспроста. Где он скрывается, сообразил прикрепленный к Васильеву тульский подьячий Яков Самсонов. Пальцова, приведенного под караулом, оставили под охраной «во опасение впредь от того следствия побегу ево». Многие объяснения приказчика больше смахивали на увертки. Плохо было и с документами. Разрешение, на основании которого Никита стал строить завод, не нашли. Не смог предъявить его и Пальцов. Говорил, что такого у Акинфия Демидова «не видывал». «И после смерти отца ево, Акинфиева, Никиты Демидова остался ль, или оной указ хотя и был, а в бывшей пожар, как оные заводы в 1718-м году згорели, з другими писмами сгорел — того он сказать не знает»[462].

Предоставленные книги текущего учета следователю тоже не понравились: то чугун указывался по весу без цены, а то — без того и другого, чугун «порознь званиями» часто не разделялся, записывался «суммою». Обработать такой материал, чтобы выявить общую картину, было невозможно. Книг за 1720—1722 годы не имелось вообще, а в наличной учетной документации были большие пропуски. Пальцов отвечал, что сведения за ранние годы можно найти в ведомостях, поданных в Берг-коллегию, что других книг никогда не было и, как их вести, он «не сведом», да и от хозяина что-то изменить в постановке учета приказания не получал[463].

Вскоре после приезда на ревизора посыпались касавшиеся Демидовых доносы. Интересную информацию дал прежде служивший в провинциальной канцелярии Яков Самсонов. Он же указал на другого потенциального доносчика — Алексея Игнатьева, который «может многую интересную утайку знать за Демидовым и за прикащиками его», и кое-что из услышанного от него пересказал[464]. «Наводка» производила правдоподобное впечатление. Игнатьев, поповский сын, в 1731 году служил у Акинфия приказчиком в Москве[465]. Ему могли быть известны кое-какие секреты хозяина.

К Игнатьеву присмотрелись, прислушались. В начале 1734 года он был уже в Петербурге. 22 января подал в Комиссию донос, которым указал на «некоторое ея императорского величества интереса похищение», обвинив в нем Акинфия Демидова, его ближайших родственников и доверенных помощников шурина Семена Пальцова и зятя Федора Володимерова, тульских

приказчиков Тимофея Полосатова, Осипа Акулова, Ивана Переславцова, московского первой гильдии купца Петра Матвеева, серпуховского откупщика Григория Кишкина. 1 февраля Петр Шафиров приказал произвести необходимые по этому доносу следственные действия (в том числе опечатать деловую переписку) в Москве Михаилу Шафирову, в Туле — Васильеву, а также послать запрос в рижскую таможню о торговавшем там железом Пальцове. До завершения проверки Игнатьеву запретили выезжать из Петербурга, то же — находившимся в столице Акинфию и его зятю. Им, ознакомившись с выписками из доношения Игнатьева, следовало стать в назначенный час «к ответствию», а доносителю — «к доказательству»[466].

Получив это распоряжение, Игнатьев на пятый день исчез. Он не появлялся на съемной квартире, ее хозяин сведений о нем не имел. В результате 14 февраля П. Шафирову пришлось принимать новое решение по поводу запущенного расследования. Он приказал искать доносителя через Главную полицмейстерскую канцелярию и через московского и тульского своих представителей. Предписывалось объявлять, что Игнатьев может возвращаться в Комиссию без всякого опасения, одновременно — пугать карами укрывателей. Акинфия Демидова и Федора Володимерова Шафиров приказал допросить и обязать из Петербурга не выезжать[467].

Между тем Демидов как раз собирался Петербург покинуть. Сибирские заводы требовали внимания, которое он долгие годы щедро им оказывал. «В небытность ево» там «водою и огнем великое учинилось повреждение, и от того остановка». Заводчик уже получил именной указ, которым «повелено было ево, Акинфея, из Санкт-Питербурха на те ево Сибирские заводы отпустить и от Комиссии… дать пашпорт». В связи с расследованием доноса Игнатьева отъезд был отложен. Доноситель пропал — отъезд отдалился на неопределенное время. 7 марта Демидов подал в Комиссию доношение, в котором сообщил, что «допрашивай обстоятельно», что живет сейчас в Петербурге праздно, напоминал, что обязан поставлять казне военные припасы и корабельное железо, пугал, что «в небытность де ево не токмо, чтоб те припасы были отправлены, но и в состоянии заводов произойдет наивящее разорение» — в общем, просил его из Петербурга все-таки отпустить. Вместо себя он оставлял приказчика, позже обещал прислать другого. 12 марта Шафиров просьбу удовлетворил: приказал Демидова «на Сибирские ево заводы на время» отпустить. Теперь выезжать из Петербурга запрещалось приказчику, Демидову же

предписывалось к «поверенному своему писать почасту, где он обретаться будет»[468].

Как видим, Акинфий на десятом месяце следствия обрел наконец долгожданную свободу. Обрел, да не полную: его отпустили не на четыре стороны, а в конкретную поездку, при этом обязали извещать о местонахождении. Далеко ли он уехал? 26 августа в письме поверенному сообщил, что «обретаетца» в Москве[469].

Доносы на Никиту Демидова

Младшему из братьев Демидовых подготовиться к визиту ревизора помог старший, познакомивший его (переслал с сыном Прокофием) с копией данной ревизору инструкции[470].

Васильев, отточив мастерство на заводе Акинфия, следствие в отношении заводов его брата начал с того, что попросил представить письменные ответы на все пункты. Никита представил: сообщил сведения по истории предприятия, еще кое-что, но некоторые вопросы фактически проигнорировал. По поводу производительности печей простодушно заявил: сколько «в выплавках было из домен в каждые судъки — того де он не упомнит»[471]. Васильев понял, что разобраться с положением дел у младшего Демидова будет не проще, чем у старшего.

На заводы Никиты Никитича он прибыл 11 октября. Предварительно отправил на Дугненский завод помощника, сержанта Преображенского полка Ивана Трунова. Еще не доехав до места, тот получил донос: в Алексине бурмистр городской ратуши Иван Рыкалов объявил ему о неуплате заводовладельцем таможенных пошлин[472].

Помимо Дугненского обследованию подлежал и Брынский завод. Качество нужной следователю информации в полученных от заводчика ответах и тут было ниже критики: «Сколко в котором году с начала оного заводу поныне в деле было полосного и связного железа, того он сказать не упомнит, для того что записных книг тому железу у него не было и ныне нет; понеже де те книги по прошествии каждого года и по щете прикащиков он, Никита, дирал (! — *И. Ю.)* для того, что тому кованому железу записных книг и ведомостей в Берг-коллегию не требовано и указу о присылке того во оную коллегию было не прислано. Сколко в котором году на оных ево заводех полосного и связного железа кому имянно продано, того он сказать не упомнит же для того, [что] записок он не имел и в таможне той продаже не явил»[473].

На Брынский завод отправился сержант Трунов. Он опросил

там выборных крестьян, мастеровых людей и подьячего, жившего «для всяких заводских записок». На предложение предъявить «записные книги» выборный Савва Алексеев объявил: «По прошествии каждого года означенной хозяин ево, Никита Демидов, и сын ево Василей определенных прикащиков считывали и по сщете те книги оные хозяева бирали к себе, а где девали — того де он не ведает». (Мы уже ведаем — они их «дирали».) «Да и ево де, Савиновы, и товарища ево, Павловы, всякие записные книги он, хозяин ево, по щете взял к себе же»[474]. В это трудно поверить, но на заводе на момент приезда ревизора не оказалось *никакой* учетной документации — даже книг текущего года.

Среди сказок, отобранных Труновым на Брыни, нет принадлежащей заводскому приказчику. Между тем Никита его имя Васильеву ранее называл — это был тульский казенный кузнец Родион Горбунов. На службу тот поступил недавно и прослужил недолго. Его отсутствие объяснил один из допрошенных: «…в декабре месяце 1733-го году означенной Горбунов поехал в город Мещовск и ис того города бежал»[475]. По-видимому, на момент приезда ревизоров Горбунов находился в командировке, плавно переходившей в побег.

В том же декабре следователь получил от Горбунова донос[476]. Тот подал его на пути в Москву (Демидов организовал за ним погоню), подал тайно — опасался расправы[477]. Основания для беспокойства у него, безусловно, были. Горбунов сообщил об инструкции Демидова, на основании которой велась подготовка к приезду ревизора. Лично ему он велел показать, что в бытность его приказчиком кованого железа было продано 50 пудов, тогда как в действительности, утверждал Горбунов, много больше, пудов 500, причем беспошлинно. Хозяин писал к Лукьяну Копылову (Горбунов называет его *главным* приказчиком), чтобы он и молотовые мастера кованое железо в своих сказках тоже таили. Исполняя, Копылов учил их о железе, кто и сколько его в неделю делает, «сказывать с утайкою». Записные книги по принятому от них железу переписали с искажением реальных цифр[478]. Подлинные отправили в Тулу, заменив фальшивыми. Нежелательных людей с завода удалили[479].

Предварительное следствие по доносу Горбунова вел Трунов, вызвавший Никиту Демидова для допроса на съезжий двор. Тот призыв проигнорировал, «упрямством своим сказки не дал, и без указу сбежал из Тулы на заводы»[480].

События разворачивались стремительно. 8 января 1734 года Трунов явился в Оружейную контору, где объявил возглавлявшему ее капитану Половинкину, что имеет до Родиона

Горбунова «Ея Императорского Величества интересное дело», и потребовал «ево от нападающих на него всякого чина людей охранять и ни х какой напрасной страсти не допускать»[481]. Трунов хлопотал о защите свидетеля и защитника ему выбрал правильно. Половинкин, мы помним, был давним недоброжелателем младшего из Демидовых.

Меры предосторожности не помогли. Как узнал позже Трунов от охранявшей приказчика команды, Демидов прислал людей, которые Горбунова «отняв разбоем и бив, положа в сани, повезли в поле незнаемо куды». Половинкин организовал поиск. Похищенный нашелся на штабном дворе базировавшегося в Туле Санкт-Петербургского драгунского полка. Горбунов рассказал, что группа захвата, избив, отвезла его на двор посадского Терентия Постухова (шурина Никиты Демидова). Оттуда присланные от полковника Протасова драгуны доставили его на штабной двор, где он теперь и сидел «под великим караулом, скован». Операция, итогом которой явилась изоляция доносителя от жаждавшего его откровений ревизора, привела, по словам последнего, к тому, что в «следствии и в доказательстве на того Демидова таковым ево вымышленным подлогом учинилась остановка»[482].

Никита Никитич сделал эффектный ход. Действовал, исходя из принципа, что лучшая защита — нападение. При этом, похоже, имел козыри, позволявшие оправдать явное и опасное свое самоуправство.

Доносы и доносители

Звездный час Родиона Горбунова

Козырь действительно был. На следующий день после обращения Трунова в Оружейную контору Демидов подал прошение на полковой двор, в котором сообщил о побеге от него приказчика Горбунова. Беглец, по его утверждению, украл хозяйские деньги, письма и «пожитки».

Похищенного имущества набралось три ящика. В Калуге, на дворе посадского человека Ивана Белоглазова, Горбунов их якобы разграбил, после чего бежал, часть похищенного бросив. Белоглазов отправил ящики в калужскую ратушу. Горбунов, по сведениям Демидова, скрывался в Туле, у себя в доме. Истец просил «сыскать» беглеца и «по роспросу и розыску» отослать в провинциальную канцелярию[483].

Поданные на таком фоне действия группы, посланной на охоту за Горбуновым, выглядели вполне невинно — как помощь органам правопорядка. Мордобой представал технологическими издержками («Лес рубят…»).

Итак, проблемный служитель был на время нейтрализован. 11 января его допросили. Он рассказал, что работал на Брынском заводе приказчиком с февраля 1733 года. Кражу денег, имущества, побег отрицал. Деньги — 170 рублей — возил по письменному распоряжению Демидова и по приказу Лукьяна Копылова в город Мещовск для уплаты разных сборов. Большую их часть на эти хозяйские расходы и потратил: уплатил за мельницу, домовую баню и рыбные ловли. Доказать это, правда, не смог — взятую квитанцию, по его словам, кому-то передал. Да и не все деньги, сознался он, были израсходованы по назначению: девять рублей издержал на себя. Факт посещения Белоглазова Горбунов подтвердил: на двор к нему заезжал, в доме ночевал, три ящика оставил. Но они, утверждал Горбунов, к Демидову отношения не имели: были сделаны на Брынских заводах для него, Горбунова, на его деньги. И ничего в них ценного и не было — «только одна выдра», 23 аршина холста и письма от брата. Со двора Белоглазова Горбунов уезжал не таясь, договорившись об отправке имущества за ним в Тулу. Любопытно, однако, что эти показания, если не считать признания в растрате девяти рублей, обелявшие Горбунова, он подписал только в черновике — «упрямством своим к белому распросу» руки «не приложил»[484].

Известие о тульских событиях Васильев отправил в

Московскую контору, оттуда его переслали в Петербург. 4 февраля глава Комиссии вынес решение: просить Военную коллегию приказать Протасову и его офицерам, чтобы они отдали Горбунова Васильеву и впредь в делах следствия «чинили всякое вспоможение». Самому Васильеву на заводы, куда он собирался ехать (подразумеваются заводы дальние), предписывалось отправить на время другое лицо, а самому оставаться в Туле, где по поводу заводов Никиты Демидова «следовать без всякого послабления». Если без розыска (пыток) разобраться окажется невозможно, в делах, касающихся «похищения интереса», разыскивать, но — «кроме Никиты Демидова». В случае же, «ежели по тому следствию он, Никита, дойдет до розыску», писать в Петербург, в Комиссию, со мнением и обстоятельным экстрактом из бумаг следствия, а Никиту и «протчих по тому делу приличившихся содержать под крепким караулом на Туле до получения о том резолюции». М. Шафирову в Москве было приказано немедленно извещать Петербург обо всем, что сообщит ему Васильев[485].

Волнения вокруг Горбунова в Туле тем временем продолжались. Интерес к нему обнаружила провинциальная канцелярия, причем интерес, с демидовскими претензиями не связанный. Оказывается, кузнецы Тульской оружейной слободы Родион и Никифор Горбуновы арендовали винокуренный завод в Алексинском уезде, принадлежавший асессору Герасиму Мансурову. По сведениям из Алексинской воеводской канцелярии, они не заплатили налог за 1731—1733 годы, насчитанный за 15 казанов на общую сумму 153 рубля. 22 декабря 1733 года провинциальная канцелярия обратилась в Оружейную контору, требуя предоставить должников для правежа. Та сообщила, что один из Горбуновых, Родион, живет на Брынском заводе. Канцелярия решила действовать через заводовладельца: сыскать Никиту Демидова и потребовать от него «поставки» Горбунова. Вроде бы логично: тот сам писал об этом человеке и сообщил, где он находится. Но Демидов просил канцелярию о содействии в поимке, а теперь получается, она сама его об этом попросила… Нет, тут не все просто, тут просматривается подтекст, тут, возможно, не обошлось без интриги Демидова. Ему было выгодно Горбунова всячески опорочить, овиноватить перед всеми, одновременно — самому получить право Горбунова схватить. Провинциальная канцелярия легитимизировала его похищение.

В посланной на штабной двор промемории воевода просил передать Горбунова в его ведение. Поскольку долго держать арестанта в расположении полка оснований не имелось, такое

развитие событий Демидова вполне устраивало. Просьба была удовлетворена: в кандалах, в сопровождении драгуна, Горбунова 12 января переправили в провинциальную канцелярию[486].

Беспокойство о судьбе Горбунова проявляло еще одно учреждение — не уберегшая его Оружейная контора. В день, когда арестанта передавали провинциальной администрации, Половинкин в письме на полковой двор сообщил, что Горбунов проходит по «интересному делу», что следствие требует его охранять и к «напрасной страсти» не допускать. Между тем Горбунов непонятно по какой причине содержится на полковом дворе. Половинкин усматривал в этом нарушение иммунитета. Горбунов «без сношения канторы Оружейной» взят под караул на штабном дворе и «то учинено в противность указу». Согласно ему «казенных оружейных мастеров и кузнецов судом и расправою, кроме криминальных дел» предписано «ведать» исключительно в Оружейной конторе. Как видим, у Половинкина было даже две причины для возмущения действиями заводчика и потворствовавших ему офицеров. Он представлял учреждение, ведшее с цегентнером Демидовым давнюю и в целом успешную личную войну. Он отстаивал право этого учреждения не допускать до «своих» никакой иной власти, право «рулить» ими самодержавно. Лицо, приписанное к Оружейной слободе, забрали без «сношения» с его конторой. Половинкин, потребовав, чтобы Горбунов «содержен был до указу в добром и безопасном охранении»[487], оставлять без ответа вмешательство в его дела не собирался.

Юридические основания некоторое время подержать Горбунова на штабном дворе, однако, имелись. По указу 1724 года обретавшимся «на вечных квартирах» полковникам и иным офицерам вменялось в обязанность смотреть, «чтоб в дистриктах их воров, и разбойников, и беглых людей и крестьян не было». А Демидов обвинял Горбунова именно в воровстве (в узком смысле). Кроме того, истец просил о минимальном содействии: только чтобы беглеца и вора сыскали и расспросили, предлагая отослать его после к «воевоцкому правлению». Так, собственно, и поступили: после допроса отправили в провинциальную канцелярию. Один из офицеров полка, обращаясь к своему начальнику, не без иронии прибавил по этому поводу: для случаев, если кто «в каком разбое или воровстве ис показанных казенных кузнецов» явится, требования, «чтоб без сношения с Оружейной конторою по них не посылать и в других камандах следствия не производить, — о том в… печатном плакате и в указах… не объявлено»[488].

Понятно, что интерес к Горбунову был отраженным. Через

него одни подбирались к демидовским тайнам, другие пытались их скрыть. И все же, какой успех для человека, не лишенного тщеславия! Почти одновременно он привлек внимание наиболее важных находившихся в Туле учреждений — сразу четырех, причем по разным, на первый взгляд независимым, поводам. Штабной двор с подачи Демидова выяснял, не является ли он вором и разбойником, казна, интересы которой представляла воеводская власть, пыталась взыскать с него недоимку, наконец, по «интересному» делу его персона потребовалась столичному ревизору. Лицезреть его пожелала и Оружейная контора, претендовавшая на контроль контактов подопечных с внешним миром. Придет время — он побьет этот личный рекорд.

Но всякий плюс — два сцепившихся между собой минуса. Минимум два. В истории с Горбуновым минусы выстраивались в очередь. Общий прогноз — отрицательный.

Демидов преследовал Горбунова якобы за кражу. Но и у того были козыри в рукаве. Бригаде Васильева он сообщил пока не все, что могло бы ту заинтересовать. Позже, кивая на еще одного фигуранта этого дела — канцеляриста Самсонова, он заговорит еще и о подкупе должностного лица. Истинность своих слов попытается доказать в Петербурге.

Между тем следствие выявляло все новые противозаконные действия Демидова. Оказалось, он угрожал физической расправой («тянуть жилы и клещами выбрать ребра») тем из своих мастеровых, кто не скрыл правды от ревизоров, одного даже избил. Девять наемных работников (из «правдолюбов») отправились жаловаться в Москву. Ходоков нагнали и, задержав шестерых, выставили им ведро водки, дали денег — всё с той же целью: заставить изменить первоначальные показания[489].

Слухи о проблемах, возникших у Никиты Демидова, несомненно, долетели и до горного управления. Отношение к нему там менялось. Получалось, что за порядок в платеже десятины отвечал тот, кто сам, возможно, был нечист на руку. Вспомнили про старые просьбы Демидова об отставке, последняя из которых была подана 7 февраля 1734 года. Заменить его было, однако, не просто. Требовался человек, хорошо разбиравшийся в предмете и обладавший подходящим складом характера. На подбор ушло семь месяцев. Наконец Московская контора Коммерц-коллегии отправила в головное ведомство доношение, в котором, прописав все резоны и сославшись на присутствующий в демидовском патенте на дворянство запрет быть при делах помимо заводов, предложила назначить в Тулу на место Никиты Демидова прапорщика Меркула Филисова. Последний имел некоторый опыт: недавно посылался Коммерц-конторой в

Киевскую и Белгородскую губернии и в «малоросиския городы» для сбора там десятой доли с производителей селитры и кричного железа. Коллегия с предложением согласилась, и Филисов стал собираться в новое путешествие по казенной надобности[490].

Почти весь 1734 год Васильев выяснял факты и составлял из них экстракты. Расследование дел на заводах центра Европейской России потребовало года и трех месяцев работы — больше, чем такая же работа на уральских заводах[491].

Смерть Татьяны Демидовой

В том же 1734 году в семью Никиты Никитича Демидова пришла беда: неожиданно заболела дочь Татьяна. Больную исповедал ее духовный отец, священник Николо-Зарецкой церкви Иван Федоров; Святых Тайн приобщил священник того же храма Трофим Акимов. 19 августа она скончалась.

Тело еще не было предано земле, когда некто объявил архимандриту Тульского Предтеченского монастыря Дионисию, протопопу Успенского собора Михаилу Никитину и попу Петру Петрову, что Татьяна умерла не своей смертью — была убита отцом. Соответствующие доношения были поданы тульскому воеводе полковнику Сергею Шишкову, на штабной двор и в Московскую контору Комиссии следствия о десятинном сборе.

Человек, пополнивший и без того изобильный список обвинений в адрес Никиты Демидова подозрением в уголовном преступлении, в документах Следствия о заводах назван «бывшим на заводах его подьячим» Василием Пономаревым[492].

Тульские жители Тимофей Латов и Василий Пономарев служили на Брынском заводе Никиты с самого его пуска — были у «завоцких записок» подьячими. Пономарев проработал шесть лет, и лишь в 1733 году, в октябре, на его место пришел москвич Иван Васильев. «А оного де Пономарева хозяин ево со оного заводу сослал»[493].

Работая на Демидова, подьячий, несомненно, узнал о нем немало такого, о чем следовало помалкивать. Будучи с завода «сослан» (в смысле — изгнан; из-за чего — узнаем позже), вскоре «засветился» благодаря доносу Горбунова. Тот донес, что Демидов наряду с «фальшивыми» письмами на Брынь к Лукьяну Копылову «прислал в цыдулках на особливых листах шестнатцать пунктов, как кому во время следствия… сказывать, и о том всех научать, в том числе и оного подьячего Понамарева». Последний при допросе существование пунктов в «цыдулках» подтвердил: то «письмо он, Копылов, и доноситель Горбунов, и он, Понамарев,

читали». Горбунов, обличая Демидова, в подтверждение своих слов и на Пономарева ссылался. Но подьячий Иван Васильев, тоже вроде бы свидетель (он якобы копировал злосчастные пункты), на очной ставке с Горбуновым его утверждения опроверг: да, пункты переписывал, но не с письма Демидова, а со слов… самого Горбунова. «И оные пункты подлинно ль от оного Демидова к помянутому Копылову были присланы» — этого следователь установить не смог[494].

Пономарев при разбирательстве с пунктами проходил свидетелем — лично к нему претензий не было. Тем не менее он и еще пять человек были отправлены в Московскую контору Комиссии следствия о десятинном сборе, куда прибыли 12 июня. После случая с похищением в январе Горбунова держать важных свидетелей в Туле асессор под свою ответственность опасался. Но считал при этом возможным, если те сыщут «знатные и добрые поруки», отпустить их «на росписки». Такой вариант устраивал и контору. По получении поручительств московских купцов Пономарев был «для пропитания» отпущен домой в Тулу. Во все тульские учреждения, которых это касалось, были посланы указы, чтобы ему до решения «интересного» дела «напрасных никаких обид и нападков и утеснения чинено не было»[495].

Видя, что Демидовы, несмотря на атаки, не без участия местных властей из болота постепенно выкарабкиваются, Пономарев копил озлобление против тех и других. Мотив посчитаться с Никитой у него был. Совсем недавно, в 1733 году, Никита приводил Пономарева в провинциальную канцелярию «к розыску» за побег и кражу денег[496]. (Вот, видимо, и причина, почему хозяин «сослал» своего сотрудника, бессменно работавшего у него от основания Брынского завода.)

Грезивший о реванше Пономарев мог рассказать следователям много интересного о порядках на демидовском заводе. Но, как показал опыт Горбунова, сказанное нужно было доказывать, надежных же доказательств ни тот ни другой, похоже, не имели. Смерть Татьяны Демидовой и что-то, может быть, серьезное, ставшее ему о ней известным, вытащили Пономарева из засады, в которой он отсиживался в ожидании часа. Час, как ему показалось, пробил.

Но местные духовные власти к Василию не прислушались. Больше того, вместо того чтобы после его сигнала задержать похороны (для осмотра тела), разрешили перенести тело в церковь и на другой день, перед литургией, совершили обряд погребения[497].

Попытки привлечь внимание других властей оказались ненамного успешнее. Доношение в Тульскую провинциальную

канцелярию Пономарев подал 21 августа. Указал в нем источник сведении: «…о убийстве Никитою Демидовым дочери его, девки Татьяны, уведомился от тульскаго кузнеца Дмитрия Стрельчихина, да от подьячаго Василья Струкова». Но дело пошло не так, как требовал регламент и рассчитывал доноситель. Воевода осмотреть тело «чрез искусных женщин» не приказал. С допросами Стрельчихина и Струкова не поспешил: одного допросил две недели спустя, другого еще позже. Демидова вообще не допрашивал, лишь принял от него через месяц челобитную, по которой действий не предпринял. Самого доносителя держал в тюрьме в цепи и в железах, определив, наконец, приговором, чтобы его за неправый донос наказать публично кнутом[498]. И это всего десять дней спустя после получения прямого указа о его защите!

Отметим, однако, что основания не поверить Пономареву у воеводы были, причем те же, которые смущают и нас: он знал, что у Пономарева имелся мотив вредить бывшему работодателю. Никита поймал его на краже — вот, решил воевода, он и затаил на него злобу. Обвинения счел поклепом, обвинителю назначил наказание. Но, готовясь привести приговор в исполнение, провинциальная канцелярия вспомнила о полученной из Москвы охранной грамоте Пономареву и осознала, что находится в непростой ситуации. Указ из конторы Комиссии следствия о заводах требовал «никаких обид, и нападков, и утеснения» Пономареву не чинить. Намеченное наказание подпадало под все в этом списке. В голову пришел оригинальный выход. 22 ноября 1734 года Московская контора получила из Тульской канцелярии доношение о произведенном ею расследовании с заключением, что «по следствию де за ним, Демидовым, никакова смертнова убивства не явилось», и решением «за ложной ево (Пономарева. — *И. Ю.)* донос учинить наказание — бить кнутом публично». Далее предлагалось, чтобы наказание «учинено было от вышеозначенной Московской от комиссии канторы».

Понятно, что Комиссия без надобности облачаться в кафтан экзекутора не захотела. 23 декабря П. Шафиров приказал напомнить Тульской канцелярии, что дело по обвинению Пономарева начато и закончено ею, канцелярией, и что назначенное наказание она «по правам исполнять может». Напротив, «в Москве учрежденная кантора в то дело, яко к своему следствию не надлежащее, вступать не должна. И чему он, Пономарев, по изследствию оного в Тулской канцелярии имеющагося дела по указам достоин, то и учинено быть имеет от оной же Тулской канцелярии»[499].

Вернемся к событиям августа 1734 года. О реакции других

учреждений, в которые обратился Пономарев, имеем сведения только в отношении полкового штабного двора. Когда доноситель сидел, скованный, в канцелярии, оттуда были направлены две требовавшие освобождения Пономарева промемории. Воевода по первой «ничего не учинил, а другой и не принял»[500]. С какой стати полковой двор взялся защищать интересы Комиссии о заводах — можно только догадываться.

Епархиальную власть (Пономарев обратился и к ней) донос обеспокоил серьезно. Епископ Коломенский Вениамин потребовал разъяснений от архимандрита Дионисия. Тот ответил, что тело покойной не осматривал, доверившись словам священников. Их опросили. Оба, а также протопоп Михаил, сообщили, что об угрозе убийства ни от самой девицы (при исповеди), ни от кого другого не слышали. Нечто настораживающее сказал поп Трофим, приобщавший ее Святых Тайн: девица, дескать, телесным видом казалась «недавной болезни», «того ж дни во всем совершенном была здравии». Но от выводов воздержался: «от убиения ль умерла, того не ведает». С учетом того, что никто из допрошенных даже предположительно не поддержал версию убийства, а также «за недопросом некоторых светских людей», начатое по распоряжению епископа расследование было остановлено.

Все вроде бы успокоилось. Но наказанный кнутом Пономарев в том же 1734 году бил челом еще и Кабинету министров: дело, произведенное в провинциальной канцелярии, решено «в противность указам и ему наказание учинено напрасно»[501]. Слабый его голос был услышан и сочтен достойным внимания. Кабинет в следующем, 1735 году решил в нем основательно разобраться, для чего послал в Тулу облеченного полномочиями капитана лейб-гвардии Преображенского полка Федора Лаврова. О сделанных им открытиях — позже.

Не приходится сомневаться, что слухи и догадки, которыми обросла смерть Татьяны Демидовой, бурно обсуждались тульскими обывателями. В вышедшей через полтора столетия книге П.И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии» (1895) сообщено предание, являющееся отголоском этих разговоров. Оно объясняет причину появления в тульской Николо-Зарецкой (Демидовской) церкви одного из ее приделов.

«Придел св. ап. Андрея Первозванного был и в прежней деревянной церкви, на что дают указание сохранившиеся каменные столбы на месте прежних алтарей; тоже говорит и местное предание; оно первоначальное устройство иконостаса связывает со случаем из семейной жизни Никиты Демидова, говорит, что он устроен "на костях" его дочери. У Демидова, так

гласит предание, были разного рода тайные подвалы и ходы; дочь его однажды из любопытства отперла один из подвалов, чем вызвала такой гнев со стороны отца, что он ударил ее так сильно ключами, что она от того умерла; этот случай был на день св. ап. Андрея Первозванного, почему кающимся отцем и устроен придел в честь этого апостола»[502].

Предание демонстрирует обычную для фольклора переработку исторического материала — его упрощение в отношении действующих лиц и элементов сюжета. События жизни всех Никит из рода Демидовых, а их в роду было несколько, стягиваются к одному, не уточнено к какому, — значит, к наиболее известному, первому. Сюжет конструируется из стандартных мотивов: запретная комната, ключи (как символ запрета и орудие возмездия за его нарушение), грозный отец, детоубийство… Создатель мифологизированной истории семьи монтирует факты, подчиняясь законам жанра. Как следствие, факты при проверке друг с другом часто не согласуются. Татьяна умерла летом 1734 года, когда достраивалась каменная церковь (нижний храм в ней был уже освящен, в нем служили), а деревянная — или готовилась к разборке, или скорее была уже разобрана. Создавать в ней (деревянной) новый придел не имело смысла. Не было придела — не было и столба, отмечавшего позже его место. Положение можно спасти, предположив, что в более раннее время в семье Демидовых произошла другая похожая история. Но документы о ней молчат, да и мы считаем это маловероятным.

Какие-то отголоски печального события долетели, может быть, даже до Урала. Приведем предание, совсем уже фантастическое, записанное на Каменном поясе: «Есть тут у нас в Билимбае рощица Могилица. На косогоре стоит особняком. Люди сказывают, похоронил тут заводчик Демидов свою дочь. Зверь человек был. А дочь-то у него красавицей была. Отчаянная девка. С гусаром жила да убежала. Отец отыскал да и убил. Похоронил на косогоре. А потом рощицу насадил. Сверху поглядишь: будто имя Мария из сосен сделано. Сам же убил, сам и живой памятник сделал. Вот поэтому и назвали рощу Могилицей»[503].

Не станем обсуждать правдоподобность этой странички из истории мемориального ландшафтного дизайна. Отметим лишь, что, хотя Билимбаевский завод дал первый металл в том же году, когда умерла Татьяна, основан он был не Демидовыми, а бароном А.Г. Строгановым[504].

В это время на Урале

Посланный Комиссией на Урал капитан Кожухов, несмотря на удаленность от Москвы (до Невьянска — месяц пути[505]), с делами управился быстрее Васильева. Но это не значит, что стоявшая перед ним задача была проще. Он столкнулся с тем же, что и Васильев: неисправной документацией, укрывательством важных сведений, доносами… Тем не менее, взяв напряженный темп, Кожухов с него не сбивался, пауз себе не позволял, на мелочи не отвлекался, в полемику с начальством в отличие от Васильева не вступал.

Кожухов начал с Невьянского завода, куда прибыл не позднее 13 ноября. Сразу объявил приказчикам указ: «В чем будут против данной за подписанием ея императорского величества руки инструкции требовать сказок, то б показали сущую правду под присягою и под опасением смертные казни, ежели неправду покажут». С другим указом обратился к заводским работникам: предложил им, если могут доказать нарушения, доносить об этом, пообещал треть штрафа, который будет взят с виноватого. Четыре дня спустя запретил невьянским приказчикам куда-либо уезжать[506]. За нарушения грозил смертной казнью.

Вот каким застал Кожухов Невьянский завод осенью 1733 года. Четыре домны, три молотовые, в них четыре молота, один в починке. Семь фабрик (специализированных цехов). В двух «били» кровельные доски, в них же делали уклад и «малыя» крицы, которые шли на тонкое «указное» железо. Одна фабрика с молотом и тремя печами, плавившими медную руду. Якорная фабрика. Фабрика, на которой резалось и плющилось железо. Фабрика — «колокола медныя льют». Фабрика, где лудили жесть и кровельные доски. Пильная мельница. Посудное (медь и железо) производство[507]. Довольно внушительно, особенно если помнить, что домны кроме своих молотовых снабжали чугуном два передельных завода. Здесь же, на «старом» заводе, находился центр управления всеми уральскими предприятиями Акинфия Демидова.

Кожухов действовал по инструкции: опечатал книги, затребовал документы, подтверждающие законность владения предприятием, начал допрашивать персонал. Уже 15 ноября последовало первое «объявление» (так в документе вежливо именуется донос), внесшее в рутинную работу бодрящую интригу. К следователю явился поп невьянской заводской церкви Никита Петров, прослышавший о призыве извещать об утайках и обещании поощрять доносчиков. Сообщил: Иван Борисов, прибывший от Демидова, сказывал ему, что привез приказчикам Василию Николченину и Ивану Лыскову письмо, в котором требовано, чтобы в конторе «всякие письма, и книги, и записки до

приезду помянутого капитана-порутчика господина Кожухова убрали. Которые по тому письму и выбраны, а держат де толко одни нынешние записки». Служителей, состоявших «у записок», приказчики из конторы «выслали»[508].

Вот оно как. Едва в Петербурге определилось, кто, куда, с каким заданием поедет, а Акинфий обо всем уже знает, уже посылает своего гонца, минимум на полтора месяца обгоняющего правительственного чиновника. У посланца приказ скрыть часть информации. Распоряжение доставлено. Времени подготовиться достаточно. Если бы не болтливость гонца (и что он полез к попу с откровениями — не знал, в чем каяться на исповеди?) и не склонность к доносительству невьянского священника, операцию «тайный архив Акинфия Демидова», вполне возможно, удалось бы сохранить в секрете.

Кожухов стал разбираться. Допросил Юшева (такую фамилию носил Иван Борисов). Тот подтвердил: по приезде вручил приказчикам пакет с письмами и указами, объявил о предстоящем приезде Кожухова и передал словесное распоряжение убрать из конторы книги, письма и записки. Николченин от всего отперся: о переносе архива ничего не знает, контору содержат Лысков и Степан Густомесов. Допросили Степана. Когда прибыл гонец, он находился в Екатеринбурге, куда уехал платить пошлины. Что книги и письма убрали под церковь, узнал по возвращении от приказчика Ивана Леонтьева. «Ас кем, и кто носил, и по письму ль, тако ж и о приезде капитана-порутчика господина Кожухова на оные заводы он, Густомесов, ни от кого не слыхал». Итак, обнаружилось место «схрона» — церковный подклет. Но, по словам Густомесова, архив перенесли туда не весь. Часть его сравнительно недавно покинула Невьянск. В августе к Акинфию отправились подьячий Борис Загребаев и Елизар Миронов. По адресованному Загребаеву письму они забрали из конторы какие-то книги и письма и повезли «к господину их»[509].

На следующий день допросили приказчика Ивана Медовщикова. Он сообщил: книги, уложенные в сундуки и ящики, по приказу Ивана Леонтьева размещали в подцерковье он и казанец Иван Акимов[510].

Отвлекшись на время от этой истории, заметим, что заваривший кашу невьянский священник Никита Петров «объявлением» о спрятанном архиве не довольствовался. Развивая успех, он «объявил за собою слово и дело важное» на четверых заводских жителей, в том числе на Гаврилу Семенова и Тимофея Козьмина, о которых еще вспомним. Священника и задержанных по его доносу Кожухов 17 октября приказал, заковав, послать «на

их коште» в Верхотурье, в провинциальную канцелярию, куда они пять дней спустя и прибыли[511]. Трудно сказать, вполне ли осознавал поп Никита, в какую историю ввязывается, думал ли, что вскоре отправится в малоприятное, в кандалах и под конвоем, путешествие в компании тех людей, на которых донес. Но капитан-поручик, к которому он явился, законы знал и предписанное ими исполнил немедленно.

6 ноября Кожухов приступил к допросам мастеров Верхнетагильского завода и продолжал их несколько дней[512]. Смотрел заводскую отчетность. Часть книг отсутствовала. О выплавке чугуна с 1720 по 1723 год вообще никаких записок на обоих заводах отыскать не удалось[513]. Окончив обследование Верхнетагильского завода, 15 ноября перебрался на Нижнетагильский, где уже на следующий день собирал показания приказчиков. За ним последовали завод на Вые[514] и другие предприятия. Все шло по накатанной колее.

В мае 1734 года, обгоняя еще составлявшего экстракты Васильева, выполнивший поручение Кожухов возвратился в Петербург[515].

Комиссия и/или Кабинет: соединения последовательные и параллельные

Комиссия за работой

Пока следователи трудились на заводах, Комиссии рассматривать было нечего — разве что осуществлять общее руководство и работать с попадавшими в нее доносителями. С поступлением материалов от Кожухова центр основной работы переместился в Комиссию.

Знакомясь с ними, в Петербурге со дня на день ожидали возвращения Васильева. Его уже поторапливали: 17 июня 1734 года П.П. Шафиров распорядился послать к нему указ, «дабы он, асессор, трудился по крайней возможности тех заводов следствие оканчивать и надлежащие ис того экстракты, которые прежде сочинены будут, те б присылал немедленно с нарочными. А з досталными… велеть ему, асессору, ехать самому в Санкт-Питербурх и явится в учрежденной Комиссии, как скоро управится может»[516].

Васильева торопили, а он не ехал, снова и снова пересчитывая, причем всякий раз с возраставшим итогом. Акинфий жаловался: документы, включая необходимые для оперативного управления векселя, крепости, «прикащичьи щеты» и партикулярные письма, опечатаны, недоступны, пользуясь этим, контрагенты не исполняют обязательств, налицо ущерб, возможны задержки с исполнением военных заказов. Васильеву приказали арестованные бумаги возвратить, Демидову — по требованию их предоставлять. Потом он просил еще раз: Васильев его крепостям и векселям «учинил просрочку. И ныне де заимщики за непротестом по вексельному уставу в указные числа и денег ему не платят. И тем пришел он в напрасное разорение и многие учинились ему ис того убытки». Акинфий добивался, чтобы его векселя и закладные крепости «в просрочку не причитать, а повелено б было вменять в действительные векселя по векселному уставу». 29 мая 1734 года Шафиров, рассмотрев прошение, его удовлетворил: приказал дать такой указ из Коммерц-коллегии[517].

30 августа Шафиров обратился к императрице с докладными пунктами. Прежде, заявлял он, за сбором пошлины не было «никакого смотрения», так что скоро «немалая сумма в пошлины явится». Пришло время «разсмотреть, со сколько, и с кого именно взыскивать десятину, и какие положить на заводчиков штрафы».

Но в одиночку разобраться в материале трудно, нужно определить к нему «товарищей». На ожидание резолюции ушло несколько месяцев. Она последовала 4 декабря. В помощь Шафирову назначались действительный статский советник Маслов и асессор Васильев[518].

Шафиров и Маслов приступили к работе. По крайней мере один из важнейших вопросов — о недоплате десятины с сибирских и тульских Акинфия Демидова медных и железных одиннадцати заводов — предварительно решили, подав 5 апреля 1735 года доклад «со мнением». В дальнейшем Маслов за болезнью в дела «не вступал», 5 ноября он скончался. Пока Маслов болел, Шафиров делами по Комиссии себя тоже не обременял, прикрываясь тем, что «тех дел один решить без указу не мог». 15 ноября он потребовал от Кабинета министров резолюции, «кому те дела оканчивать».

Ответа пришлось ожидать четыре месяца. Решение состоялось 23 марта 1736 года. Теперь в качестве помощников Шафирову предписывалось принять вице-президента и членов присутствия Коммерц-коллегии. Работа, хотя и «между протчими текущими колежскими делами», снова пошла.

Капитан Лавров, или Смерч над Тулой

Перенесемся опять в Тулу, которую мы покинули летом 1735 года. Разбирательство по вопросам, ради которых затевалось следствие, близилось к финалу. Асессор Васильев работу сворачивал. Но дела, заведенные по доносам, были от завершения еще далеки.

Не успевшая позабыть Васильева Тула была взбудоражена приездом нового следователя — присланного от Кабинета капитана Федора Лаврова. Следы его деятельности обнаруживаем с сентября 1735 года[519], но, возможно, появился он здесь раньше. Прибыв, разбирался с какими-то «непорядочными поступками», касавшимися Половинкина, отправлял в Кабинет «ведомости о ружье»[520]. Но занимался и другими, куда более интересными для нас делами, а именно связанными с Пономаревым, Самсоновым, Копыловым. В конечном счете — с Демидовыми.

Общаясь с провинциальной канцелярией, Лавров ссылался на именной императорский указ, содержание которого в переписке не раскрывал. Единственное, что конкретное из него сообщил: ему поручено, «отыскав, разсмотреть и о всем изследовать» дело «якобы в смертном убивстве… девки Татьяны»[521]. Тот факт, что он работал не только с донесшим об этом Пономаревым, но также

с Самсоновым и Копыловым, позволяет предположить, что ему поручили доискаться до истины еще по одному важному обвинению — по поводу взятки, якобы полученной П. Шафировым.

Не удостоить вниманием Самсонова Лавров просто не мог. Не будучи ключевой фигурой, он имел отношение чуть ли не ко всему. Возможно, он заинтересовал Лаврова в связи с тем, что когда-то показал на Игнатьева (то есть фактически по делу Акинфия), или по горбуновскому доносу (очернявшему обоих, но больше Никиту), или потому, что он входил в круг лиц, привлеченных к расследованию обстоятельств смерти Татьяны Демидовой.

Месяц спустя после ареста Самсонова, выжав из него что можно, Лавров в конце октября явился в провинциальную канцелярию. Сославшись на именной указ, потребовал выдать к переследованию «вершеное дело якобы о смертном убивстве… девицы Татианы». Получив, унес с собой и вскоре известил Кабинет, что обнаружил по нему «непорядочное следствие и неисправность». Оттуда 13 ноября потребовали экстракт о «непорядках» и копию указа о наказании Пономарева[522].

К тому времени, когда эта бумага пришла в Тулу, лавровское следствие набрало обороты. Посланные капитаном солдаты 8 ноября арестовали секретаря канцелярии Николая Семенова, канцеляристов Ивана Гостеева и Романа Никитина. Позже прибавили к ним подканцеляриста Максима Викулина. Большинство из задержанных оказались причастны к делу о смерти девицы Татьяны.

Заметим, что по действовавшим правилам секретарей и повытчиков, «не приняв от них правления их дел по описи», «отрешать» от работы было запрещено. Лавров запрет проигнорировал. Кроме того, дело изъял и служащих арестовал «без всякого письменного виду». Между тем по июльскому (того же года) указу это тоже не разрешалось, причем о нарушителях предписывалось сообщать в Кабинет министров.

Отсутствие чиновников тормозило делопроизводство («во отправлении всяких требуемых по силе присланных… указов и в сочинении ведомостей, и счетов, и всяких дел учинилась немалая остановка»), о чем провинциальная канцелярия неоднократно напоминала Лаврову. В его ответе — спокойствие, за которым и уверенность в своих силах, и убежденность в праве обходиться с законами «по усмотрению»: «Дело взято… по силе имеющагося у меня имянного… указу, по которому… и следуетца. И приличившияся по тому делу… секретарь и канцеляристы… взяты и содержатца под караулом до окончания… А из них, ежели

по следствию важности какой до кого не будет — тогда и без требования правинциалной канцелярии свобожены будут. А чтоб о том деле о приличившихся к следствию иметь с… канцелярией письменную пересылку — о том во оном… указе не изображено»[523].

Что же раскапывал Лавров, без малого месяц потративший на допросы и очные ставки? Предполагаем, что часть времени поглотило расследование заинтересовавшего его сообщения Ивана Гостеева. Тот рассказал о подмене важной бумаги, касавшейся дела «о якобы убийстве» — присланной из Тульского архиерейского приказа в провинциальную канцелярию промемории, в которой помимо прочего было написано, что тело умершей Татьяны «не было посыпано перстию» (землей). Для чего это было отмечено в данном документе и какую реакцию читателя предполагало — доподлинно нам не известно. А вот ознакомившийся с ним Демидов испугался, засуетился, заподозрил (или ему подсказали) бомбу замедленного действия. Указание на отклонение от общепринятого церковного обряда могло вызвать подозрение в ортодоксальности православия его участников. Насколько это было близко к истине — здесь не важно, важно же, что сомнений в правоверии допустить было нельзя. Демидов упросил воеводу и секретаря Николая Семенова переписать промеморию. По их приказу это было сделано подканцеляристом Максимом Викулиным. Опасное место предстало в ней отредактированным: мертвое тело оказалось «перстию посыпано». Подлинный документ был «изодран» Романом Никитиным[524].

Лавров с провинившимися канцеляристами разобрался и, взяв с них подписки о невыезде, отпустил по домам — 5 декабря Викулина, через несколько дней и остальных[525]. Самсонов, проходивший сразу по нескольким следственным сюжетам, несмотря на хлопоты провинциальной канцелярии, продолжал оставаться под стражей даже и в январе следующего, 1736 года. Освобожденных же ждали наказания, назначить которые предстояло Кабинету министров.

Словно смерч пронесся Лавров над сонной Тулой. Погибших, к счастью, не было. Но скольких напугал, сколько добра переломал…

Многие детали следствия, которое проводил Лавров, остаются пока неизвестными. Размышляя о нем, пытаясь связать его нити, объяснить действия, невольно «спотыкаешься» о фигуру Горбунова. Опережая события, отметим здесь, что именно в сентябре 1735 года он зачем-то посылался Кабинетом министров в Тулу. Посылался и поехал, даже не уведомив разбиравшуюся с

его доносами Комиссию о заводах. Объявившись в ней много месяцев спустя, он сообщил об этой поездке, но цели ее не назвал, сказал только, что о возвращении известил Кабинет и теперь ждет его решения. Невольно приходит на ум, что Горбунов или ехал с Лавровым (вот почему так резко перестал появляться в Комиссии — посадили на подводу и в путь), или независимо от него, но по тому же делу. Очень похоже, что лавина предпринятых Лавровым арестов — это круги на воде от камней, брошенных не только Пономаревым, но и Горбуновым.

Несколькими названными им тульскими жителями Лавров занялся очень плотно.

11 сентября 1735 года из Сената в Тульскую провинциальную канцелярию отправили с нарочным указ с требованием немедленно выслать в Петербург Якова Михайлова сына Самсонова — того, который, помним, помог Васильеву отыскать Пальцова, указал на Игнатьева, а потом заговорил о взятках — предмете еще более интересном. Самсонов должен был явиться в Сенате «у прокурорских дел» в течение месяца. В провинциальной канцелярии указ получили 23 сентября, на следующий день в дом к Самсонову послали сержанта, который хозяина не застал — прошедшей ночью тот был арестован другим сержантом с солдатами, присланными от капитана Лаврова. Единственное, что оставалось провинциальной канцелярии, — запросить последнего, «оной Самсонов чего ради к тому следствию, истребовав, из провинциальной канцелярии взят… и в Сенат прислан будет ли»[526].

Указ отправить Самсонова в Петербург и одновременное задержание его в Туле — события несогласованные, но взаимосвязанные. Вчера подсказывавший следствию имена осведомителей, сегодня сам оказался «под колпаком». На Самсонова указал Горбунов: заявил, что ему известно нечто о взятке в три тысячи рублей, данной Никитой Демидовым руководившему следствием барону Шафирову[527]. Канцелярист на допросе сначала запирался, потом показал на Лукьяна Копылова, от которого «за разговорами» он будто бы о ней и узнал. Взятый к следствию не позднее первой половины октября (возможно, и в сентябре), Копылов ни в чем не признавался и приоткрыл тайну лишь в застенке.

Информированные о ходе следствия кабинетминистры в середине октября приказали Лаврову устроить Самсонову и Копылову очную ставку. В случае, если Копылов, противореча Самсонову, будет запираться, капитану предписывалось допрашивать его «с пристрастием», но, особо оговорено, не пытать. Для Лаврова большой разницы между «пристрастием» и

«пыткой» не существовало. Содержавшийся «под крепким караулом» Копылов был не только скован, но «и в застенке подымай неоднократно, отчего у него рука повреждена». Взявшийся хлопотать за него Никита Демидов утверждал, что тот «лежит болен», и, судя по тому, что мы знаем об обхождении с подследственными, так оно скорее всего и было. Спасая двоюродного брата, Демидов сумел достучаться до Кабинета министров, прося освободить узника из-под караула на поруки и обещая, что «ежели до него что касаться будет, о том он ответствовать будет на свободе». Господа министры 19 декабря такой указ Лаврову отправили. Обращает на себя внимание фраза: «А за что оный подымай в застенке, о том вам в Кабинет репортовать». Указ взял лично Никита Демидов, отправившийся с ним в Тулу[528].

Одни хлопотали об освобождении, другие ломали кости. Даже удивительно, как Копылов стерпел, не оговорил других. Сказал: была ли взятка — не ведает, но слышал в приватном разговоре с Никитой Демидовым, что Шафиров просил у него «на вексель» две тысячи рублей. Добавил: «а даны ль те денги, про то ведает сын ево, Никитин, Евдоким»[529].

Уровень своих полномочий Лавров еще раз продемонстрировал, арестовав 14 ноября 1735 года самого Акинфия Демидова. Он был приглашен на квартиру к Лаврову, который объявил ему «словесной домовой арест» и «приставил для содержания» двух солдат. Арестанту, жаловался его сын Прокофий, не позволили даже сообщить «о себе, куда надлежит». Показателен ответ Лаврова на протесты Прокофия (напомнившего, между прочим, и про запрет «словесных» указов): «Что де ты мне сделаешь, что я так учинил? — Я де о том в Кабинет… императорского величества писал»[530]. Доношение Прокофия, сохранившееся в архивном фонде Тульской провинциальной канцелярии, было подано им на полковой двор. Почему туда? Как оказалось в провинциальной канцелярии? За отсутствием логики в этих поступках видим на некоторое время оторопевших Акинфия и ближайших членов его семьи, которые не могут сообразить, куда жаловаться на бесстрашного капитана, которому сам черт не брат.

Жесткое поведение следователя было тем более удивительно, что положение Акинфия именно в это время стало выправляться. Еще в марте по ряду важных для Демидова вопросов было вынесено решение в его пользу; тогда же его отпустили на свои заводы. Казалось, Акинфий вновь набирает силу: очередные указы носят характер, в целом устраивающий заводчика. Сопоставим, однако, даты: в Туле он был арестован менее чем за месяц до

ближайшего из этих указов (от 12 декабря) и просидел под арестом несколько недель… Штрих для характеристики Лаврова выразительный.

Обвинение младшего из братьев Демидовых в даче взятки Шафирову В.И. Рожков справедливо считал сутью, сердцевиной горбуновских доносов. Обвинение серьезное. Жестоко покарать могли и за совсем малые суммы — вспомним о Леонтии Кокошкине, повешенном за пять рублей, неправедно взятых «у приему подвод». Конечно, нельзя исключить оговора. Но делает ли сомнение преступление невероятным? Отнюдь. Мы слишком хорошо знаем, насколько укоренен был этот способ достижения успеха в деловом обиходе той эпохи и как Демидовы к нему прибегали. Когда звезда герцога Бирона бесславно закатилась, за ним обнаружился пятидесятитысячный долг Акинфию Никитичу. Что рядом с этим две тысячи на вексель? Пустяк, карманная мелочь. Другое дело, что *возможное* — отнюдь не действительно *бывшее*.

Причина ареста Акинфия остается пока неизвестной. О чем Лавров его расспрашивал и имело ли это отношение к делу его младшего брата и покойной племянницы? Акинфия арестовали через шесть дней после привлечения к следствию основной группы тульских чиновников — то есть по прошествии времени, как раз достаточного для проведения первых их допросов, возможно, открывших Лаврову что-то важное и в отношении Акинфия. При этом отнюдь не обязательно, что оно было связано с делом «о якобы убийстве». Нам более вероятным представляется, что информация касалась слухов о взятке.

Подписанное Прокофием доношение было подано 29 ноября — на этот момент Акинфий, следовательно, все еще находился под арестом. 11 декабря в Журнале Кабинета министров записано: «В Тулу к Лаврову послать указ, чтоб Акинфия Демидова, взяв у него реверс, отпустил в С.-Петербург». Из текста не ясно, оставался ли в это время Акинфий еще под арестом, но очевидно, что на тот момент распоряжался его передвижением Лавров. Восемь дней спустя последовал упоминавшийся указ ему об освобождении Копылова. 28 декабря среди бумаг, поступивших в Кабинет, записано «доношение лейб-гвардии капитана Лаврова — о получении указа о подписке Акинфия Демидова, чтоб ехал он прямо в С.-Петербург»[531]. Опираясь на эти даты, можно предположить, что Акинфий был освобожден 9 или 10 декабря. Крупнейший частный металлопромышленник России оставался под арестом почти месяц.

Кстати, почему оказался схвачен именно он, а не младший брат? Ведь показания Копылова касались в первую очередь не

Акинфия, а Никиты[532]. Выскажем два соображения. Не очевидно, что с Никитой ничего не произошло. Когда бы не челобитная Прокофия (напомним, неизвестно как попавшая не в то учреждение, для которого сочинялась), возможно, и об аресте Акинфия мы бы не знали. Если же Никиту цепкие объятия Лаврова действительно миновали, то, может быть, его спасло отсутствие в Туле — поездка в Петербург, куда он отбыл, спасая двоюродного брата. Кабинетминистры были не столь кровожадны, как их эмиссар, даже сделали лейб-гвардии капитану по поводу несанкционированной ими пытки Копылова замечание. Вернувшийся в Тулу Никита скорее всего застал Лаврова несколько поумерившим пыл.

Лавров оставался в Туле еще и в начале 1736 года. 29 февраля в Кабинет министров поступило доношение «о бытии ему сюда, и колодников с собою брать ли», а 5 апреля — об отправлении из Тулы в Петербург[533]. Вихрь, на протяжении полугода пугавший обывателей, прихватив нескольких из них с собой, унесся на северо-запад.

Тем временем продолжали развиваться события, связанные с первым — о непорядках на Брынском заводе — горбуновским доносом. Разобраться в его обвинениях не удавалось долго. В конце лета 1735 года Горбунов и Никита Демидов пребывали в столице, ожидая отпуска от Комиссии. Ее работа подходила к концу — из дела уже составили экстракт. 3 сентября Комиссия потребовала, чтобы истец и ответчик приложили к нему руки. Никита Никитич требование исполнил, после чего ему разрешили, оставив поверенного, из Петербурга отбыть[534]. Горбунов повел себя не по предписанному. Руки к экстракту не приложил (знакомый прием), а после 17 сентября перестал в Комиссии появляться. Он исчез из поля зрения Следствия почти на год. Попытки отыскать его в Петербурге, Москве и Туле успеха не имели[535]. Нормальный ход запущенного его доносами дела приостановился. Местопребывание Горбунова оставалось в Комиссии неведомым десять месяцев.

Демидов и Татищев: третий раунд

Немало нового и важного для Демидовых происходило в это время и на Урале. 17 марта 1734 года Геннин от руководства здешними горными заводами был наконец освобожден. Ему на смену пришел В.Н. Татищев, давний знакомец Акинфия Демидова.

Получив инструкцию, Татищев тронулся в путь летом. Прибыв в Екатеринбург 1 октября, приступил к изменениям в

управлении горной промышленностью края. Вводимые им правила существенно стесняли свободу частных промышленников, Демидова, отвыкшего от мелочной опеки, в особенности. Татищев, исполняя данную ему при отправлении на Урал инструкцию, ввел практику посылки на частные заводы шихт-мейстеров[536] — горных чиновников, которые контролировали их работу: следили, чтобы заводчики «в пользе промыслов не повреждали», не принимали беглых, подавали правильные отчетные данные и прочее. Акинфию только и оставалось, что терпеть и, усмотрев подходящий повод, жаловаться. Что он, находясь вдали от терпящих невзгоды заводов, и делал, веря, что разлука с ними вечно не продлится.

Еще более неблагоприятно развивалась ситуация с алтайским проектом Акинфия. Рассказ о покорении им Алтая прервался на том, что он принял решение о строительстве нового завода, присмотрев для этого место в Тарском уезде на одном из притоков Иртыша. Незадолго до начала Следствия о заводах, в мае 1733 года, он отправил с Урала в город Тару инструменты и припасы. Конечным пунктом их назначения были скорее всего находившиеся близ устья речки Шульбы «Демидова амбары», соединенные дорогой с рудниками на речке Убе и в верховьях Иртыша[537].

На примете у Акинфия была и другая площадка для строительства. Еще в феврале 1734 года Геннин послал на алтайский его завод металлурга Иоганна Христиана Инглика и артиллерийского капрала Мартына Кошкина. Демидов не возражал — напротив, в посланном в мае из Петербурга письме Кошкину просил его подтянуть там дисциплину: не допускать персонал до «богомезского пьянства», ибо ничто больше его «так доброму порятку, паче же завоцкому произвождению, не препятствует». В том же письме он просил отправить приказчика на приток Оби речку Бобровку: не лучше ли там «способность может быть к постройки завода… как лесами, так и к перевоске от Колыванских заводов медных руд и черной меди»[538]. Акинфий, вероятно, знал о значительном лесном массиве, подходившем к Оби как раз в этом районе. Туда съездили. В отношении возможности построить здесь завод Инглик дал заключение вполне благоприятное: лес простирался на десятки верст, поблизости имелись глина, горновой камень и «жилье немалое, что может быть при том заводе работными людьми довольно»[539].

Следствие о заводах надолго эти планы перечеркнуло. В данной Татищеву инструкции предписывалось по завершении важнейших дел по Екатеринбургу и Перми ехать в Томский и

Кузнецкий уезды для организации там казенных медеплавильных заводов. Уже существовавшему демидовскому Колывано-Воскресенскому заводу в случае, если это не помешает «размножению казенных заводов», разрешалось «с прилежностию… вспомочь». Не исключалось развитие событий и по другому, менее привлекательному для Демидова сценарию: «Ежели же усмотрите, что заводы Демидова медные для пользы нашей надобно взять на нас, то оные у него взять, описав… сочинить правильный счет по настоящей цене, и оный прислать к нам»[540]. Окончательное решение оставалось, понятно, за императрицей. Но право «взять» их предварительно, так сказать начерно, было Татищеву предоставлено.

Историк В.И. Байдин высказал предположение, что осенью 1734 года Акинфий предпринял поездку на Алтай, занявшую у него ни много ни мало четыре месяца. На Колывано-Воскресенском заводе он был в октябре. Доказательства — только косвенные (что объяснимо — как предполагается, поездка была тайной). Момент был действительно подходящий: если уж ехать, так обгоняя Татищева. Но стоила ли овчинка выделки? По мнению Байдина, целью поездки было «лично проследить за сокрытием улик»[541]. Полагаем, однако, что нарушений на демидовской Колывани было не больше, чем на других заводах (в тайной добыче серебра сильно сомневаемся). Проверки на Урале и в Туле показали, чего нужно было опасаться. Времени, чтобы подретушировать картину, у Акинфия Никитича имелось достаточно. Было и кому ретушировать — доверенным приказчикам.

Татищев посетить Томский и Кузнецкий уезды так и не собрался. Видя, что он туда не успевает и не желая упускать дела в стратегически важном районе, он отправил «для свидетельства и описания тех заводов» майора Леонтия Угримова. Тот прибыл на место в феврале следующего, 1735 года. При нем очистка меди на Колывано-Воскресенском заводе была окончательно остановлена. Отныне ее очищали на казенном Полевском заводе, направляя далее на Екатеринбургский монетный двор[542].

Начало передаче управления в руки представителей казенного ведомства было положено. И чем дальше, тем более отчетливо зрела у Татищева мысль довести эту работу до логического конца. Давно сформировавшиеся взгляды на соотношение государственного и частного секторов в металлургической промышленности, его отношение к Демидовым, сложившееся не вчера и не на пустом месте, укрепляли его в намерении перевести алтайские предприятия — завод и рудники — в собственность государства. Руководимое им

правление сибирских заводов 30 июня принимает принципиальное решение: послать Угримову приказ «иметь оныя заводы ему, Угримову, как казенные»[543]. Это, конечно, еще не изъятие в чистом виде, но уже лишение частного лица важнейшего элемента права собственности — права распоряжаться имуществом. Вслед за этим Татищев предпринимает следующий шаг: посылает на Алтай дополнительную команду из офицеров. По прибытии их на завод в сентябре создается специальный государственный орган для управления горно-металлургическими предприятиями юга Сибири — Томское и Кузнецкое горное начальство. Местом его пребывания определяется Колывано-Воскресенский завод.

Торжество Демидовых. 1736—1737

От десятины к доменному обложению

В то время, когда кабинетский эмиссар «прессовал» действующих лиц нашей истории в Туле, Комиссия следствия о заводах — и главная ее штаб-квартира в Петербурге и Московская контора, подталкиваемые сверху, продолжали переваривать горы наработанной собственными и чужими трудами бумаг, составляя из них «мнения». Впрочем, сказанное касается прежде всего Москвы. П.П. Шафиров ожидал помощников, мы оставили его только что их получившим.

Благодаря подключению сотрудников Коммерц-коллегии (которую, как мы помним, Петр Павлович возглавлял) работа пошла. Многие дела были завершены и «некоторые, а особливо Акинфея Демидова, яко главнаго заводчика» в Кабинет «со мнением» переданы. 19 июля 1736 года Комиссия своим решением определила донести Кабинету, что «ево, Акинфиевы, в той Комиссии имеющийся дела в сих днях окончаны» и вскоре будут «взнесены в доклад»[544].

Пока Комиссия обрабатывала материал, пока Кабинет рассматривал ее предложения, составляя доклады для апробации императрице, жизнь продолжалась. Из домен выходил чугун, из ворот молотовых фабрик — железо. Вот только качество его на демидовских заводах стало вызывать беспокойство.

Еще недавно, в июне 1733 года, Берг-коллегия требовала от казенных заводов, чтобы они делали железо по качеству «против Демидова»[545], тем самым признавая его продукцию образцовой. Без присмотра хозяина дела на уральских заводах шли не так успешно. И все же, хотя разрешение Акинфию ехать на заводы давалось не раз[546], заводчик долго не рисковал отлучаться от столиц дальше Тулы. Не уезжал, даже узнав, что туда отправляется давний его неприятель Василий Татищев.

Акинфий избегал прямой встречи с Татищевым не из трусости и не по недомыслию. Он был уверен, что сейчас переменчивая фортуна прячется от него не в теснинах уральских гор, не в чащах лесов, не в водах быстрых речек, а в императорских дворцах, домах знатных вельмож, в присутственных местах российских столиц. И жертвуя им свое время и деньги, в расчете не ошибался. Его дела постепенно приходили в порядок. Выходившие один за другим акты высшей власти содержали вполне устраивавшие его распоряжения.

Коснемся тех, в которых разрешались вопросы, ради которых было затеяно следствие.

Вопрос о недоимках был из основных основным. Именно их расчеты и перерасчеты так все затянули. В отношении Акинфия его решила резолюция императрицы на докладе, составленном в Кабинете министров на основе экстракта Комиссии, поданного еще 15 апреля 1735 года. По оценке Комиссии, Акинфий задолжал казне очень большую сумму — один Васильев насчитал более 85 тысяч рублей[547]. Готовя вопрос, его дробили, доводили «до ума» по частям. Схема была такой. Комиссия выявляла недоплату по отдельным статьям и предъявляла претензии Акинфию. Тот претензии опротестовывал, указывая основания, недоплату позволявшие оспаривать. Мнения Комиссии и возражения заводчика поступали в Кабинет министров, в нем составляли доклад для императрицы. Принимая решение по каждому пункту, она, как правило, утверждала не сумму, а подход к ее расчету. Сумму предстояло уточнить, что делалось в рабочем порядке. Неудивительно, что сумма, которую Акинфий после перерасчетов фактически платил, в документах Комиссии отсутствует.

Интересно сравнить три взгляда на предмет: мнение Комиссии, возражения Демидова и решение императрицы. Приведем пример. Комиссия, опираясь на данные ревизоров, решила, что Акинфий не заплатил попудные деньги в общей сложности за 1 миллион 237 тысяч пудов чугуна. Заводчик заявил, что более половины его произведено на трех новых заводах, налог с которых он имел право в течение трех лет не платить. Комиссия, не отрицая существования льготы, высказала мнение, что Демидов должен был попросить разрешение воспользоваться ею. А поскольку не попросил — хотя по указу взыскивать с него «не надлежит», следует «за своеволие его попудныя деньги с того чугуна 7811 р. 20 к. взыскать в штраф». И тут же продемонстрировала совершенно противоположный подход, решая вопрос об Акинфиевых Томских (алтайских) заводах, которые также были на время освобождены от десятины. В этом случае неплатеж в вину Акинфию поставлен не был, более того, Комиссия посчитала уместным наложить штраф на заявившего о нем доносителя. Резолюция императрицы: «…И это определение коммиссии одно с другим весьма не согласно, ибо дела равны. Штраф не взыскивать, ибо Демидову бить челом о том не почто, уволен был по привилегиям»[548].

Пример не уникален. Во многих предложениях Комиссии чувствуется предвзятость, настроенность против Демидова. (Приведенное ниже ее заключение по доносу Игнатьева, в целом

благоприятное для Демидова, — скорее исключение. При его составлении, полагаем, возобладало желание наказать принесшего ей столько хлопот доносителя.) В обоснование неблагоприятных для Демидова решений часто приводились явно несостоятельные, противоречащие элементарной логике аргументы. Не сознательная ли это игра в поддавки? *Глупые* предложения, на выработку которых потребовалось два года работы, как бы подсказывали императрице *мудрые* (в действительности — просто устранявшие очевидную ахинею) решения. Какие же? В пользу Демидова. Не в этом ли объяснение замеченного Б.Б. Кафенгаузом факта, что «резолюции императрицы исключительно благоприятны, можно сказать, пристрастны к Демидову»[549].

То же можно сказать в отношении резолюции императрицы Анны Иоанновны на доношение Демидова в Кабинет министров. Последовавшая 12 ноября 1736 года, она фактически поставила точку в затянувшемся следствии. Налогов и других вопросов, упоминаемых в исходном, 1733 года, указе, документ не касается, поэтому рассмотрим его позже. Отметим лишь, что его появление — иллюстрация к народной мудрости «Нет худа без добра». Не было бы Следствия, не факт, что Акинфий смог бы в такой степени «оптимизировать» законодательство с учетом своих интересов.

Следствие показало, что введенная петровской Берг-привилегией система начисления металлургического налога была неудобной для практического применения. По его завершении была введена важная новация, упрощавшая расчеты и устранявшая ситуации, подобные той, в которой начиналось Следствие. По предложению Акинфия в расчетах с ним было решено отказаться от использования в качестве расчетной базы объема выплавленного металла. От попудного обложения перешли к доменному, при котором владелец (пока один Акинфий) должен был платить постоянную сумму с каждой домны. Всего в расчет включили шесть печей на Невьянском, Ревдинском, Уткинском, Верхне- и Нижнетагильском заводах. Общая сумма налога с них с учетом таможенных сборов составила 18 тысяч 352 рубля. Правительству такая система была выгодна — согласованная сторонами расчетная ставка определялась по максимальной (без простоев) производительности заводов. Была выгодна она и Демидову — его освобождали от подачи ведомостей в Генералберг-директориум и уплаты отдельного таможенного сбора[550]. Опираясь на идеально поставленную заводскую статистику, Демидов, несомненно, хорошо просчитал финансовую

составляющую своего предложения и внакладе не остался.

Обратим внимание на упомянутое в документе новое учреждение, Берг-директориум, созданное для управления горной промышленностью страны по именному указу от 4 сентября 1736 года. Его возглавил принятый в русскую службу в должности генералберг-директора саксонский оберберг-гауптман и камергер королевства Польского барон Курт Александр фон Шемберг. Ему поручалось полное «правление горных и рудокопных дел и заводов» с «отрешением» их от Коммерц-коллегии[551].

Татищев, тесно соприкасавшийся с ним на протяжении нескольких лет, оценивал профессиональную компетентность Шемберга невысоко: он «нималого знания к содержанию таких великих казенных, а паче железных заводов не имел и нигде не видел»[552]. Но, нанятый по заданию правительства резидентом Кезерлингом, Шемберг был тесно связан с Бироном (историки прямо называют его «ставленником» последнего[553]) и пользовался исключительным авторитетом у императрицы. Объявленное указом от 4 сентября подчинение Татищева Шембергу в делах по сибирским заводам и произошедшее позднее отстранение Татищева от руководства сибирским отделением горного ведомства, перевод его на другой пост — события, находящиеся в тесной связи с отношением к нему Шемберга, не желавшего спотыкаться о строптивца. А вот Акинфий ценой уступок и, можно предположить, «подарков» общий язык с Шембергом нашел и больших проблем с ним не имел.

Не столь блестяще, как старший брат, но вышел из полосы бед и младший. Никиту Никитича окончательно отпустили в «дом свой» только в феврале 1736 года; «у дел в оной Комиссии» он оставил поверенное лицо. Впрочем, таких проблем с управлением хозяйством, как у Акинфия, у него не было — основные стабильно работавшие и приносившие доход его предприятия находились в старом металлургическом центре. Кроме того, у него подрастали сыновья, на практике постигавшие науку управления. Один из них, Василий, заменял Никиту на строившемся на Урале Шайтанском заводе.

В 1737 году Никита Никитич попросил о разрешении платить налог с подмосковных своих заводов по системе, на которую годом прежде перешел брат. У Никиты в центре европейской части России имелись три сравнительно (с уральскими Акинфия) маломощные домны, из которых одну он решил ликвидировать, а с двух остальных предлагал брать налог такой же, как с одной уральской брата[554]. Сумма оказывалась большей, чем прежде, но заводчик, видимо, был счастлив переплатить за освобождение от изнурительных проверок, пережитых недавно.

«Мнение» о доносе Игнатьева

И снова лето 1736 года. Обещание в скорейшем времени представить Кабинету министров доклад по Акинфиевым делам Комиссия выполнила. 28 июля в ней утвердили документ из десяти пунктов, содержавший мнение по доносу Игнатьева.

Игнатьев заявлял, что Тульский завод «пожалован» Никите Демидову за обещанную им убавку цен против меллеровских вдвое. Комиссия заключила, что цены «за некоторые припасы и веема ниже тех цен». Верхотурские (Невьянские) заводы, писал Игнатьев, пожалованы Никите за такие же уступки в ценах — и эти уступки Комиссия признала. Игнатьев доносил о завышенных ценах на поставляемую Демидовым картечь, которая за пожалование сибирских заводов тоже должна была поставляться недорого. Выяснилось, что в старых указах цена на некоторые ее сорта установлена не была и что с получением заказа на них Демидов просил составить особый договор. Цены на кровельное железо были якобы тоже завышены. Кроме того, пытаясь получить подряд на его поставки для цейхгауза, Акинфий, по уверению Игнатьева, сулил взятку ответственному лицу. Заводчик, объяснения которого Комиссию удовлетворили, утверждал, что все делается по договорам, что цены — с уступкою. Кроме того, у него железо мягкое, тогда как у Нарышкиных и Меллеров — «кропко и ломко, и на покрывание негодно»[555].

Важный пункт обвинений Игнатьева касался демидовской меди. Якобы у Никиты Демидова был договор с сибирским губернатором князем М.П. Гагариным, согласно которому заводчик должен был поставлять медь на монетные дворы по цене три рубля пуд. Акинфий его не соблюдает, «на денежной двор по 732 год ни одного пуда не ставил, а в народ де продает высокою ценою» — по 8—9 рублей, а в посуде и того дороже: до 12 рублей. Хоть бы и был у комиссара с Гагариным договор, рассудила Комиссия, медеплавильных заводов у Демидовых до 1722 года не было. С появлением таких Берг-коллегия определила, куда ее принимать, и цену поставки, которая учитывала реальные расходы. В общем, тот факт, что Демидов получил за свою медь «с некоторым умеренным и прибытком, но по указным ему определенным ценам», Комиссия в вину ему не поставила. Больше того, признала, что «доноситель о том доносил, знатно не справясь и не ведая вышеозначенных указов без основания (а наипаче видно, что по какой страсти и на него, Демидова, по злобе)»[556].

Следующее обвинение касалось важнейшего для Комиссии вопроса о пошлинах, но носило слишком общий характер: с

продажи при заводах меди, железа и припасов Акинфий «пошлин, где надлежит, почти не платит». На этом вопросе Комиссия, что называется, собаку съела («и о том о всем следствие уже произведено не по ево доношению, но прежде того за немалое время по имянному… указу»). С учетом «съеденного» насочиняла бумаг: «И что по тому следствию и по разсмотрению во учрежденной Комиссии явилось в неплатеже десятины и пошлин, о том мнении той Комисии некоторые уже поданы Ея Императорскому величеству, а и достальные ныне взносятся в доклад». Донос неоснователен по сути («о том он доносил, не справясь»), необоснованно порочит невинных («тем ему, Демидову, наводил подозрение»), обременяет ответственных лиц («…и Комисии затруднение напрасное»)[557].

Опровержения по некоторым пунктам вызывают интерес не столько убедительностью, сколько ходом мысли. Вот Игнатьев пишет об обещанных Демидову в городах дворовых местах для выгрузки припасов. Комиссия выясняет, что тот ничего не получил, разбирать, следовательно, нечего. Мнение, однако, высказывает: «Да хотя б ему, Демидову, оные дворовые места, тако ж и заводы… и подлинно были отданы, и о том доносить было на него нимало не пристойно, ибо он получил бы оное по указам, а не собою». Особенно хороша последняя фраза: «А наипаче без резонов и не в ползу казенную, никогда такой отдачи было ему не учинено»[558]. Совсем в духе Гегеля: все действительное — разумно.

В очередном пункте Игнатьев раскрывал уловку, к которой Демидов прибегал в интересах родственников — зятя Ф. Володимерова и шурина С. Пальцова. Акинфий отдавал им железо для торговли через Петербургский и Рижский порты, разрешая продавать его дороже назначенной им цены и забирать разницу себе. Игнатьев усмотрел в этом неявную покупку и перепродажу железа — покупку скрытую, поэтому не обложенную пошлиной. Акинфий возражал: «…чтоб оные Палцов и Володимеров свое собственное железо где продавали и с каким уменьшением пошлины платили, того он, доноситель, ничем не доказал». Комиссия согласилась: «…того от него, Акинфия, в продажу, а им, Палцову и Володимерову, от него в покупку якобы безпошлинную… ни по чему причесть невозможно». Утайки пошлины нет, поскольку Демидов своих свойственников «тем награждает, а не продает, и то награждение состоит в его воли»[559].

Если бы Пальцов и Володимеров продавали свое железо под видом продукции привилегированного родственника, в этом не было бы ничего для Демидовых необычного. Когда-то к этому

приему прибегал комиссар Демидов, лишивший младших сыновей доли в наследственной недвижимости, но по временам делившийся своими льготами, чтобы поддержать их «по мелочи». Помогал, например, приобретая на свое имя землю, на которой дети строили заводы. Но в использовании этого приема можно было усмотреть нарушение, причем серьезное — уход от налогов. Не случайно Демидов и Комиссия доказывают не малозначительность события, а отсутствие самого этого факта. Внутрисемейной продажи не было, следовательно, вопрос снят.

Обвинения Игнатьева в адрес представителей демидовского клана этим не исчерпывались. Не ограничившись частностями, он заявил, что если указом опечатать домовые конторы Пальцова, Володимерова, Переславцова, Струговщикова и Кишкина, «сверх вышеявленных писем и счетов… явится обличение, и разнь паче ис того ясно покажется». Домашние бумаги перечисленных лиц опечатали, но ничего «кроме партикулярных их купеческих писем и векселей и крепостей, никаких заводских о продаже железа и меди, и о платеже пошлин писем, и записок, и заводских щетов» обнаружено не было. Сколько их ни читали, ни на кого «подозрения никакова не явилось»[560]. Бумаги вернули владельцам.

Разобравшись с конкретными обвинениями, Комиссия высказала и общее мнение по поводу Игнатьева — о его «откровениях» и поведении. Припомнили всё. Что в бытность в Туле Васильева он уже жаловался ему на Акинфия, «токмо словесно» и «не собою, но чрез тульского подьячего Якова Самсонова». Что после того, как ему было указано подать Васильеву доношение «письменно за рукою», он, «не подав онаго, более в Туле не явился». Что потом объявился в Петербурге, в Комиссии, где подал доношение, повлекшее следствие. Что, как только оно началось, он «знатно ведая свою неправду и что по тому своему неосновательному и ложному доношению ничего подлинно доказать не может, в кратком времяни… скрылся». Что его искали в столицах и Туле, а он «поныне нигде не сыскан и не является». Сославшись на подходящие места Уложения и инструкции фискалам, Комиссия рассудила: «Доносителю Алексею Игнатьеву за оное ево ложное доношение, которым он не токмо ему, Акинфию Демидову, напрасное наводил подозрение, но и другим многим посторонним купецким людем по тому ево доношению отбиранием и печатанием писем в домах их учинена немалая турбация, и за оной неосновательной ево донос, когда оной сыскан будет, надлежит ему учинить наказанье такое, какову подлежали те, на кого он доносил, ежели бы оныя от него были обличены»[561].

Выводы по Игнатьеву чем ближе к концу разбирательства, тем в большей степени были предрешены. Человек, обрекший чиновников на большую и, как оказалось, напрасную работу, возбуждал у них острую неприязнь. Итог расследования обвинений других доносителей — сотрудничавших со следствием Горбунова, Самсонова, Пономарева — мог оказаться другим.

Возвращение алтайских заводов

Буря успокаивалась. Расчеты по недоимкам завершались, страшилки Игнатьева посчитали мыльным пузырем. Но оставалась болевая точка, для Акинфия Демидова очень чувствительная, — Алтай. К концу 1735 года операция по «пленению» казной построенного им Колывано-Воскресенского завода закончилась. Теперь здесь базировалось Томское и Кузнецкое горное начальство. Предприятие финансировалось государством, которое выплавленным металлом распоряжалось как собственным[562].

7 февраля 1736 года горное начальство сообщило Кабинету министров, что завод «взят на ваше величество». Взятие обосновало тремя причинами. Первая: здешние руды — «лучшие и богатейшие во всей Сибири». Чем это мешает их разработке частным лицом — не объяснено. Вторая: руд много, лесов «скудно», заводы надо строить «по разным местам», а это партикулярному человеку «никак не удобно». Чем будет удобнее при казенной разработке — не ясно. Третья: «Оные заводы стали на границе калмыцкой в великой небезопасности, для которого Демидову надлежащих людей для обороны содержать невозможно…»[563] Из дальнейшего убедимся, что Демидов знал решение этой задачи.

Акинфию, правдами и неправдами боровшемуся со свалившимися на него напастями, удалось освободить заводы только в конце года. В своем прошении в Кабинет министров, говоря о Томских (то есть алтайских) предприятиях, он жаловался, что «ныне действительной статской советник Татищев теми ево заводами командует и прикащикам ево писать к нему запретил». Он просил освободить его от команды Татищева «и те заводы и взятые инструменты ему отдать». 12 ноября последовала резолюция императрицы: «Понеже он, Демидов, те заводы построил по данному по привилегии позволению, того ради те от него построенные заводы ему по-прежнему возвратить». Далее следует обоснование, что любопытно, опирающееся на информацию Татищева: «Понеже и кроме заводов Демидова в тех местах (как Татищев доносит) к строению как казенных, так и

партикулярных заводов удобных мест довольно»[564].

Резолюция решила ряд больших и малых вопросов, касавшихся развития промышленного хозяйства на новых территориях. Демидову разрешалось строить новые заводы по Оби и Иртышу, что возвращало перспективу алтайскому проекту. Была удовлетворена его просьба по поводу охраны заводов. Прежде в Томском и Кузнецком уездах ее осуществляли солдаты, предоставлявшиеся Тобольской губернской канцелярией (Акинфий содержал их «на своем коште»). Отнятые при Татищеве, они были ему возвращены.

Демидовы, зализав раны и подлечив кровавые мозоли, вышли из невзгод победителями, были бодры и готовились к новым победам. Украшающие мужчин шрамы обрамляли роскошные парики.

Судьбы обвинителей и обвиняемых

Родион Горбунов: итоги

Комиссии следствия о заводах уже не раз напоминали, что порученную ей работу пора сворачивать. Несколько частных расследований, преимущественно по доносам, закончить, однако, не удавалось. Казалось, давно можно было разобраться с тем, что наговорил Горбунов, но…

Мы расстались с ним в Петербурге, откуда он исчез в сентябре 1735 года. Работа остановилась: «…дело, по ево доношению следствием произведенное, за неприкладыванием от него руки поныне не решено, и право ли он доносил, и о всем ли доказал — о том… Коммерц-коллегия не известна»[565].

В Москву и Тулу были посланы новые указы, предписывавшие его «сыскивать», о нем публиковать и прочее. От провинциальной канцелярии потребовали опечатать его тульский дом и поставить при нем караул. В случае объявления Горбунова — выслать его в Петербург. Тульский воевода бригадир Иван Тургенев приказал огласить указ в «пристойных местах». Распорядился «снестись» с Оружейной конторой (поскольку Горбунов «ведомства тоя канторы»), с тем чтобы «запечатать» дом[566]. Дом при понятых опечатали.

Горбунова искали и по Москве, объявляли о нем в публичных местах. Если Горбунов у кого-то скрывается, предупреждали, чтобы те «об нем объявили и ево самого, доносителя, представили в Комерц-кантору». Тех, кто промолчит, тем паче «укрывать будет», пугали карами. Послали указ и в Тулу[567].

Он поступил сюда, всего на два дня опередив другой, из Петербурга, данный в Комиссии 29 июля. В нем сообщалось, что Горбунов «ныне во оной Комиссии уже содержится под караулом». Дом Горбунова предписывалось распечатать, караул снять, домашним «турбации не чинить». Печати сняли. Копиист провинциальной канцелярии, ходивший исполнять поручение, сообщил в донесении любопытные сведения о житье-бытье беспокойного приказчика. Дом Горбунова находился в Оружейной слободе. В нем жила мать, которой и передавалось имущество. Распечатывать пришлось всего лишь один чулан с «рухледью» — то ли прочее имущество не «запечатали» (оставив для пользования матери), то ли его просто не было. По снятии печатей взорам явились единственный сундук с бельем и маленькая коробка с хрустальными стаканами[568]. Даже если

старуху-мать пожалели и имущество опечатали не полностью, оставить ей должны были необходимое в быту, ценное же — безусловно опечатать. Что же по факту опечатали? Хрустальные стаканы…

Горбунов, состоя на ответственной и, вероятно, неплохо оплачиваемой службе (приказчик), выступая с братом арендатором винокуренного заводика, был, похоже, не богат[569].

12 июля 1736 года столь же неожиданно, как и исчез, Горбунов объявился. Это произошло в Петербурге, в Комиссии, в послеполуденные часы, когда почти никого из членов присутствия на службе не было. Горбунов появился в подьяческой каморе, побыл там недолго и пошел было по своим делам[570]. Так бы, возможно, и ушел, если бы не был замечен советником Свеленгребелем, который приказал его задержать. Задержали.

Два дня спустя поверенный Никиты Демидова Иван Попов подал доношение. Горбунов в Комиссию хотя и пришел, писал он, но тайным образом, «уведав о себе публику» (объявление о поиске). Появившись в другой раз, хотел, «видя свою неправду», снова скрыться. Попов просил впредь держать Горбунова под караулом, если же отпускать, то на «добрые поруки».

Бумагу подал и Горбунов. Что разыскивается, он узнал из указов, направленных в Москву и Тулу. Свое отсутствие объяснил тем, что в прошлом году, в сентябре, по другому делу был послан от Кабинета в Тулу. По возвращении явился в Кабинет, подал доношение «о чем надлежало», теперь ждет указа. Он просил сообщить в Москву и Тулу, что явился, и, соответственно, о прекращении его поисков. Просил освободить его из-под караула без поруки, поскольку в столице «свойственников и знакомцов» не имеет.

Дело, как мы помним, остановилось некогда на том, что Горбунов предъявленный ему для ознакомления экстракт из дела читал и, не подписав, исчез. Теперь ему снова было предложено его подписать. В случае если не найдет, кто за него поручится, было решено оставить его под караулом[571].

Финал дела «Горбунов против Никиты Демидова» отражен в утвержденном императрицей 27 октября 1737 года решении Кабинета министров. В нем констатировано, что доказать дачу Демидовыми взяток барону Шафирову Горбунов не сумел и ему следовало бы «учинить наижесточайшее наказание, для чего он такую знатную персону тем оболгал». Было найдено основание и для смягчения участи: он действовал «хотя не ведая подлинно о самой истине, однако ж слышал от других». За то, однако, что «не разведав подлинно, в такое дело вступил», Горбунов высылался «на житье в Сибирь»[572].

Комиссия была оповещена об этом указом из Правительствующего Сената от 23 ноября. Получив, занялась отправкой Горбунова до Тобольска: искать солдат для сопровождения и оформлять предоставление подвод. К середине января следующего года подобрали одного: солдата Сибирского гарнизона

Енисейского полка, по-видимому, возвращавшегося из столицы. Ему выдали деньги, вручили указ для передачи в Сибирскую губернскую канцелярию[573].

Этим заканчивается история человека, вынесшего из демидовской избы частицу тщательно скрываемого в ней от постороннего взгляда сора. 12 рублей 54 копейки — вот сумма, которую он, жаждавший признания и награждения, получил на совместную с конвойным отнюдь не развлекательную поездку. С этого момента Горбунов исчезает из списка действующих лиц нашего повествования навсегда. Азартный игрок, он проиграл и сошел с круга.

Другие приговоры

Не избежали наказания и Самсонов с Копыловым, втянутые в историю с доносом о взятке. Приговор им определила упомянутая высочайшая апробация от 27 октября[574]. Поскольку ничего определенного добиться от них не удалось («в том сомнительном деле ни малого следа не сыскано»), более того, об этом «и по розыску (то есть с применением пыток. — *И. Ю.)* доискатца трудно, а люди перепорчены будут», было решено «тот розыск оставить, а за ложные их первые ответы канцеляриста Самсонова записать в салдаты, а с кузнеца Копылова взять в штраф двести рублев в оружейную сумму»[575]. Гуманность аргумента, обосновывающего отмену розыска — доискаться трудно, а люди «перепорчены будут», — на фоне жестокостей следственной практики той поры поразительная. Какие усилия и кому понадобилось предпринять, чтобы добиться такой снисходительности, остается только догадываться.

О своем решении Сенат 24 ноября 1737 года сообщил указом в Оружейную канцелярию, та на следующий день — в Тульскую свою контору, которой и предстояло взыскивать с Копылова[576]. Параллельно соответствующий указ был послан из Сената и в провинциальную канцелярию.

Исполнение решений затянулось. 19 июня следующего года Оружейная канцелярия напомнила Тульской конторе о поручении по поводу Копылова. В указе за подписью Геннина, ссылаясь на необходимость отчитаться Сенату, она требовала взыскать штраф

«в самой крайней скорости без всякого послабления и упущения под опасением… штрафа и взыскания с тех денег процентов». Копылов заявил на это в Оружейной конторе, что «платить ему ныне за неимением оного числа денег нечем, а ежели дан будет срок впредь на месец, то оные деньги платить будет ис пожитков своих». Если не заплатит — готов на их продажу Оружейной конторой. Контора рапортовала об этом в канцелярию, прибавив, что Копылов, если денег от продажи не хватит, будет определен на оружейные заводы «в работу»[577].

Прошло два месяца. Оружейная канцелярия заволновалась снова. «Знатно то невзыскание чинитца от нерадения и упущением той канторы, за что оная подлежит за неисполнение по указом штрафа» — делался вывод в очередном ее указе, тоже за подписью Геннина, отправленном в Тулу 24 августа 1738 года. Работа идет, успокоила контора, пожитки, «которые с публичного торгу и продаваны быть имеют», уже опечатаны. Не хватит вырученного — пойдет на заводы «к сверленью стволов или к другому оружейному делу, х какому способен будет»[578].

Наконец 11 сентября Оружейная контора приказала взысканные с Копылова 200 рублей записать в приход в оружейную сумму и отрапортовать об этом. В тот же день распоряжение исполнили. Дело было сделано. Два года спустя о нем еще вспомнит провинциальная канцелярия[579], но это будет уже недоразумение, гримаса канцелярского быта.

Итак, наказанными оказались чрезмерно разговорчивые «стрелочники». Но наказание настигало их с неотвратимостью весьма избирательной. Горбунова за то, что «не разведав, в дело вступил», отправляют в Сибирь, Самсонова за запирательство — записывают в солдаты, Копылова за то же прегрешение — только штрафуют, причем неспешно. Обратим внимание на медлительность с исполнением приговора: с момента поступления в Тулу указа и до его исполнения проходит девять месяцев. Чем в это время Копылов занимался? Оружейная контора в рапорте, поданном в июне 1738 года, сообщила, что он содержится под караулом, но долго ли это продолжалось — неясно.

Затяжку с исполнением приговора Копылов и Оружейная контора объясняли величиной взыскиваемой суммы. Но так ли она была для Копылова велика? Родственник богатого человека, он еще и служил у него на ответственном посту[580]. Несомненно, Копылов принадлежал к числу доверенных его лиц — иначе не узнал бы деликатную информацию о «займе» Шафирова. Известно, что Никита Никитич хлопотал о его освобождении. Похоже, кто-то повлиял на приговор Копылову, а после обеспечил

«льготный» режим его исполнения. Заказчик угадывается, имен исполнителей не узнаем никогда.

За решением дела по доносам Горбунова и Игнатьева 7 ноября 1737 года последовала резолюция кабинетминистров по делу Пономарева, обвинявшего Никиту Демидова в убийстве дочери.

Основным фигурантам приговоры вынесли такие. Бывшего тульского воеводу полковника Шишкова за то, что «Демидову ко оправданию способствовал и в противность указов поступал, унизить рангом» и взять 200 рублей штрафа. Со сменившего его на воеводском посту бригадира Тургенева и асессора Жедринского, которые «то дело не разсмотря, доносителю учинили наказание кнутом», взять штраф с каждого по 50 рублей, «дабы впредь в делах осмотрительно поступали». Секретарю Семенову, составившему подложную промеморию и способствовавшему Демидову, учинить наказание плетьми, записать в копиисты и «доправить» 100 рублей в штраф. За ту же провинность канцеляриста Никитина и подканцеляриста Викулина наказать плетьми, записать в копиисты, взять с каждого по 50 рублей. Канцелярист Гостеев, хотя, по мнению министров, «и подлежал такому-ж штрафу», с учетом сотрудничества со следствием («чрез его повинную о подложной промемории сыскалось») от штрафа был освобожден, наказан же тем, что переведен в копиисты[581].

Об архимандрите Дионисии и протопопе Михаиле Никитине, «приличившихся» по делу о подложной промемории, было решено сообщить в Синод. Его определением от 10 октября 1738 года оба были лишены чинов и священства. Дионисия отослали в серпуховский Высоцкий монастырь. О послушании протопопа приказали решить епархиальному архиерею. Священник Петр Петров (третий, рассматривавший донос Пономарева) был отстранен отдел и наказан плетьми. Отстранили от службы и священников Николо-Зарецкой церкви. Повторный их допрос новых обстоятельств по делу не выявил, и в 1739 году их от запрещения разрешили. В том же году по доношению тульских жителей были возвращены чины и священство архимандриту Дионисию и протопопу Михаилу с определением их на прежние места[582].

На этом фоне особенно интересен приговор, вынесенный Кабинетом Никите Демидову. В ходе следствия, которое вела провинциальная канцелярия, он, как мы помним, даже допрошен не был — воевода Шишков счел, что достаточно поданной им месяц спустя челобитной. Никита писал, что Пономарев его поносит напрасно. Он подавал дело так: дочь умерла от

«случившейся ей жестокой болезни», при ее кончине присутствовали свойственники — родные братья его жены со своими женами и другие, всего семь человек. Две женщины (указал какие) обмывали тело. Свидетели, однако, показали, что «они о болезни означенной девки были неизвестны, и при кончине никого не было, и мертваго тела не обмывали». Как выяснилось, он же просил воеводу переписать злополучную промеморию, что и было сделано. По мнению составителей экстракта (на основе которого выносился приговор), «ему во очищение чести своей надлежало, когда на него подано было о том доношение, во время погребения дочери своей и самому просить, чтоб то мертвое тело из знатных женскаго пола осмотреть, а он, Демидов, к оправданию своему произыскивал вышепоказанные другие, фальшивые способы». Вывод: ныне довести до конца расследование невозможно, но «он, Демидов, к тому убийству явился подозрителен»[583].

Итак, Демидов и первоначальное следствие «фальшивыми способами» завел в тупик (при этом уничтожив улики), и собственную невиновность при повторном следствии нисколько не доказал. Неудивительно, что кабинетминистры с перечисленными аргументами согласились, наиболее сильные из них повторили в резолюции и в принципе поддержали предложенное в экстракте наказание. Приводим приговор полностью: «Дворянин Никита Демидов по тому делу произыскивал к своему оправданию и просил воеводу и прочих, чтоб вышепомянутую подложную промеморию переписать, что, по прошению его, и учинено, и хотя ныне подлинно о том исследовать невозможно, однакож, он к тому убийству явился подозрителен, и за такое произыскивание взять с него штрафа 500 р., из которых дать доносителю в награждение 200 руб., а в прочем сие дело оставить, понеже далее следовать уже невозможно». Подписали Андрей Остерман и князь Алексей Черкасский[584].

Что здесь интересно — сумма штрафа. Да, 500 рублей — это, конечно, больше, чем 50, к уплате которых приговорили «офисный планктон» Никитина и Викулина, проходивших по тому же делу. Но в относительных единицах штраф, наложенный на процветающего заводчика, оказался много более щадящим, чем определенный канцеляристам. Тем более что с этого заводчика не были сняты подозрения в убийстве.

Заплатить 500 рублей в казну за резолюцию «дело оставить», с учетом того, что дело — уголовное, было не жалко. Хотя, конечно, фактических затрат такая резолюция потребовала, несомненно, больших.

Что помогло Демидовым выпутаться?

Итак, Демидовы не просто выпутались из неприятностей, но преодолели трудности с «прибытком». Чтобы понять, почему, несмотря на доносы и кляузы, они вышли, что называется, сухими из воды, полезно вернуться к самому истоку Следствия о заводах. Ради чего была начата эта кампания, заведомо трудоемкая и длительная? Публичной причиной запуска «проекта» явилось законное беспокойство казны правильностью сбора налога — она полагала, что частные заводчики ее обманывают и недоплачивают. Но были и другие причины. Металлурги отливали артиллерийские орудия и боеприпасы для армии, они же обеспечивали металлом оружейников, трудившихся на казну.

Войны заканчивались, им вслед спешили другие. В том же 1733 году началась война «за польское наследство», которая продлилась до 1735 года. Не приходилось сомневаться, что она будет не последней, что России еще предстоит столкнуться с Оттоманской империей и Швецией.

Еще в 1731 году правительство озаботилось модернизацией Тульского оружейного завода: в феврале и марте последовали указы его «в доброе состояние привесть и в деле доброго оружья умножить». Помимо технического обновления намечалось увеличить численность оружейников, для чего не только не отпускать стремившихся покинуть их ряды, но и «посторонних с пашпортами из найму принимать»[585]. Эти меры теряли смысл, если производство не было обеспечено металлом должного качества и в должном количестве. Подталкивая оружейное производство, война одновременно стимулировала развитие его металлургической базы. «Об Урале, — по справедливому замечанию известного уральского историка Д.А. Гаврилова, — вспоминали при каждой новой войне…»[586] Вспоминали и о заводах европейского центра России — настолько, насколько были в них заинтересованы.

Складывалась противоречивая ситуация. С одной стороны, владельцев частных металлозаводов «кошмарили», выискивая ущерб казне — уход от налогов. С другой — были заинтересованы в ритмичной работе предприятий, многие из которых входили в цепочку обеспечения армии вооружением.

Эта двойственность в полной мере отражалась на положении, в котором работали Демидовы, самые крупные в то время российские металлозаводчики, издавна связанные с казенными заказами, львиную долю которых составляло вооружение. Ситуацию осложняло то, что младший из братьев, Никита, долгое время служил цегентнером Берг-коллегии и, собирая с тульских

промышленников налог, вошел и с ними, и с Оружейной канцелярией в очень непростые отношения. Его поведение затрагивало имущественные интересы одной из групп оружейников — железного дела промышленников. Но канцелярии не был безразличен и старший брат, Акинфий, владевший в Туле доменным заводом, металл которого использовался в оружейной работе.

Год 1733-й, месяц июнь. Из Канцелярии главной артиллерии и фортификации в Тульскую оружейную контору поступает указ, упоминающий, что канцелярией готовится договор с Акинфием Демидовым, сколько он «на дело оружия на Тулских своих железных [заводах] зделает и поставит доброго и к оружейному делу годного железа повсягодно пуд, тако ж и на протчие в артиллерию потребные дела». В том же году, осенью, в Тулу прибывает асессор Васильев.

Упоминание о переговорах, которые ведутся с А.Н. Демидовым, было звеном в цепочке хитроумных рассуждений. Дело в том, что незадолго до того группа железного дела промышленников «изменила» оружейному ведомству, которому издавна подчинялась. Через Никиту Демидова она добилась, чтобы ее из ведения Оружейной канцелярии перевели в подчинение Коммерц-коллегии, то есть фактически исключили из числа оружейников. Приведенные в указе умозаключения по этому поводу довольно любопытны. Если будет договор с Акинфием (а он будет), то металл от владельцев ручных горнов не потребуется. Появляется возможность сохранить лес, поглощаемый ручными горнами. Ею следует воспользоваться: чтобы на оружейных заводах в лесных припасах и в угле не учинилось недостатка, промышленникам следует запретить делать железо ручными домнами и железцовыми кузницами. Но если они не будут его делать, зачисление их в ведение Коммерц-коллегии (к которой перешли функции недавно ликвидированной Берг-коллегии) потеряет смысл. Вывод: «в ведомство Камерц-колегии к десятинному збору их не определять, понеже де оные имеют быть определены ко оружейным делам». Выгода двойная: насолить Н.Н. Демидову, с которым давняя война, и оставить изменников у себя, дабы «определять в службы ко оружейным делам с протчими в равенстве»[587].

Как видим, Канцелярия главной артиллерии и фортификации, подзуживаемая давним тульским недоброжелателем Никиты Демидова главой Тульской оружейной канцелярии капитаном Макаром Половинкиным, пытается нанести удар по Никите фактом своего сотрудничества с другим Демидовым, Акинфием. Поводом для раздора между ними на

этот раз стали тульские железного дела промышленники. Первоначально сами конфронтировавшие с Демидовым, позднее они частично переметнулись в его лагерь и, соответственно, противопоставили себя прежней администрации. Оружейное начальство грызется с Никитой, оно же вполне комфортно чувствует себя, сотрудничая с Акинфием. И тот не внакладе. После того как осенью все того же 1733 года к нему на завод приезжает следователь Васильев, цепкие объятия Акинфия становятся еще гостеприимнее.

Неприятностей у А.Н. Демидова по ходу Следствия о заводах было хоть отбавляй. Он даже, мы помним, был взят под арест и просидел под арестом без малого месяц[588]. Но напоминание правительству о военных заказах, которые ему предстояло выполнять, неизменно облегчало его участь.

Год 1734-й. Акинфий дает объяснения по обвинениям Игнатьева. Последний исчезает. Демидов пишет в Комиссию о проводимом им праздно времени в Петербурге, в то время как в Сибири останавливаются его заводы. «По присланным де к нему ея императорского величества указом, — продолжает он, — требуется с тех ево заводов военных припасов и карабельного железа немалая сумма. А в небытность де ево не токмо, чтоб те припасы были отправлены, но и в состоянии заводов произойдет наивящее разорение». За сим просит «за вышепоказанными нуждами на Сибирские ево заводы отпустить». Принятое Шафировым решение: «Акинфея Демидова для исправления вышеозначенных на заводах ево нужд в разсуждении, дабы в небытность ево те заводы не пришли в крайнее раззорение, тако ж и для отправления по указом с тех заводов потребных военных припасов и карабельного железа, отпустить на Сибирские ево заводы на время и дать ему от Комисии пашпорт»[589].

Игнатьев обвинял не в смертных грехах, но он «показал на дворянина Акинфия Демидова и на протчих некоторое ея императорского величества интереса похищение»[590], и игнорировать этот факт было нельзя. Мы уже подчеркивали, что огромная работа Комиссии о партикулярных заводах была направлена в первую очередь на то, чтобы установить факт экономических правонарушений. Следствие застряло, мнение выработано не было, тем не менее Акинфий получил разрешение отбыть в трудно досягаемые из Петербурга дали. Шлагбаум перед его коляской был поднят военными заказами, которые издавна прочно связывали его и казну Хомут, годами натиравший шею горячего жеребца, обратился в спасательный круг, державший на поверхности даже в девятый вал.

Еще один эпизод, уже упоминавшийся. Год тот же —1734-й.

Акинфий доношением сообщает, что 9 сентября прошлого года асессор Васильев запечатал находящиеся в конторе на Тульском его заводе «присылаемые о заготовлении всяких военных припасов ея императоръского величества указы», заводские книги, векселя, письма и прочее. Распоряжение опечатанное распечатать Васильев не исполняет. Акинфий просит исполнить, ссылаясь на просрочку векселей и обусловленные этим убытки. Решение положительное: составив опись, взятое возвратить. Но какова аргументация! Первой причиной (обошедшей по важности опасение остановки заводов) названа такая: «…ежели подлинно присланные к нему о заготовлении военных припасов указы з другими писмами запечатаны, дабы, он, Демидов, в приуготовлении тех военных припасов под претекстом того запечатания не учинил остоновки»[591].

Другое дело — брат Акинфия Никита Никитич. Многолетние его сражения с неплательщиками металлургической десятины, раны, полученные им в этих боях, — все забыто. Асессор Васильев получает копию с указа 1726 года, которым Демидов назначался на должность собирателя десятины. Комиссия о заводах, ознакомившись, решает послать запрос: собирал ли Демидов что-то? понуждал ли противящихся? кого именно? и т. д.[592] А ведь речь не о чем-то времен Рюрика и первых князей — последние столкновения Демидова на этом поле происходили всего-то год назад.

Впрочем, у Никиты Никитича хорошие отношения с квартирующим в Туле полком, он (Демидов) время от времени этим пользуется, и это тоже приходится учитывать. Капитану Половинкину (соответственно, Оружейной конторе) не удается сохранить отданного им «под охранение в команду» Родиона Горбунова. Посланные Демидовым люди отбивают его и, положив в сани, куда-то увозят. Капрал отправляется на поиски и узнает, что его «пришед с штапного двора, присланные от полковника Протасова драгуны, взяв, отвели на тот штапной двор, на котором ныне он содержится под великим караулом, скован»[593]. Заинтересованный в свидетеле, глава Комиссии предписывает просить Военную коллегию распорядиться о возвращении Горбунова со штабного двора.

Заказы для армии и (в меньшей мере) сложившиеся у Демидовых контакты с офицерами расквартированных полков сыграли немалую роль, способствовавшую благоприятному для заводчиков исходу самой крупной за столетие проверки добросовестности частных заводчиков в их экономических обязательствах перед казной.

* * *

Ревизоры разъехались, чиновники распечатали опечатанные ими чужие бумаги, исписали стопы своей, сочиняя дела, потом экстракты из дел и мнения на основе этих экстрактов, на мнения были получены резолюции императрицы. Фредди Крюгеры, попугав и слегка покалечив, разошлись по другим страшным снам. Пробудившиеся и освободившиеся от их власти возвратились к делам, разъехавшись по необъятной России, кто добровольно, кто под конвоем.

Что же увидели мы в этом маленьком кошмаре эпохи Анны Иоанновны?

Мы увидели Демидовых во всей их силе — властителей множества судеб, решателей задач государственной значимости. Увидели Демидовых во всей беззащитности их от абсолютистской власти, готовой миловать и казнить ради целей, спрятанных под маской придуманной Петром Великим общенародной пользы. Увидели их во всем блеске и бесстыдстве приемов, которые они за долгие годы отточили, смело и умело применяя их в борьбе когда за «интерес» (прибыль), а когда и за жизнь.

Увидели измученный и не осознающий источника муки народ, бесконечный в своем терпении, но и яростный в своем бунте (не важно, что на этот раз не с топором в руке, а с доносом).

Увидели авантюристов, с поражающим упорством цепляющихся за хвост птицы удачи и пропадающих из виду на снежных просторах бескрайней Сибири.

Увидели Россию.

Глава 7.
РАСЦВЕТ ГОРНОГО ЦАРСТВА

«Достиг я высшей власти…»

Ощущение, что удача снова поворачивается к нему лицом, возникло у Акинфия еще в 1735 году, в следующем — стало отчетливым. Еще через год, в октябре 1737-го, в налоговых счетах с ним была поставлена окончательная точка[594]. Долги и штрафы были насчитаны неразорительные, взятки доказать не удалось. Получили свое и правдолюбцы, самый из них неугомонный отправился в Сибирь.

Одновременно с вопросами, ради которых затевалось Следствие, по ходу его было решено еще несколько, в том числе важных. Решения закрепили законодательные акты.

Датированная 12 декабря 1735 года резолюция кабинет-министров на прошение Акинфия отменила присутствие на его заводах путавшихся под ногами шихтмейстеров. Любопытна мотивировка решения: они сведены от него потому, что плохо знают арифметику и не могут правильно вести бухучет. (Демидовские приказчики, почем зря переписывавшие учетные книги, конечно, знали его лучше.) Этот же документ устранил другие ограничения, источником которых Демидов считал Татищева: запретил переводить плавильных и других мастеров с частных заводов на казенные, принуждать детей заводских работников обучаться в школах, предоставил заводчикам право обсуждать условия с мастеровыми[595].

Соблюдая хронологию, следует упомянуть еще один указ (именной) этого времени, а именно от 7 января 1736 года, к «демидовской серии» не относящийся, но исключительно важный и для них, и для многих других заводовладельцев. В первом пункте резолютивной его части значилось: «Всех, которые поныне при фабриках обретаются и обучились какому-нибудь мастерству, принадлежащему к тем фабрикам и мануфактурам, а не в простых работах обретались, тем быть вечно при фабриках»[596]. Пожалуй, после петровского указа 1721 года, разрешившего заводчикам из недворян покупать к заводам населенные деревни, это был наиболее важный акт промышленной политики государства в той ее части, которая регулировала обеспечение заводов рабочей силой. Вольнонаемные квалифицированные работники как группа с особым статусом отныне исчезали — лица, ранее ими являвшиеся, фактически становились собственностью заводовладельца. Петр I немало сделал для того, чтобы русская промышленная мануфактура стала мануфактурой крепостной. Эту работу продолжали его преемники на троне, Анна Иоанновна в их числе. «Общий дух неволи распространялся

на все общество», — заметил по этому поводу историк Е. В. Анисимов[597]. Не забудем, однако, что неволя вчерашних вольных мастеров была долгожданным подарком для промышленников, с самого рождения российской частновладельческой мануфактуры старавшихся уловить и закрепить специалистов при заводах. Не забудем и того, что на этот вызов (неволю) общество, во всяком случае его низы, ответ давно знало. Им стало широчайшее распространение побегов и жизнь беглецов вне закона или на его грани. Именно так на Урале и Алтае у Демидовых (и не только у них) жили старообрядцы, о которых еще скажем. Все усилия репрессивного аппарата в борьбе с ними оказывались неэффективными, по сути — бесполезными.

Еще об одной победе Демидова объявил именной указ от 15 апреля 1736 года. Он сделал его заводы фактически недостижимыми для Татищева: изъял их из ведома местных горных властей, подчинив Коммерц-коллегии. Больше того, предписал «взятых с заводов его на казенные Наши заводы и в другие места мастеров и подмастерьев и работных людей, каких ни есть чинов, всех возвратить…»[598].

В предыдущей главе упоминалась резолюция императрицы Анны Иоанновны на доношение Демидова в Кабинет министров, данная 12 ноября 1736 года. Поскольку текст исходного документа (доношения) принадлежал Демидову, в нем говорилось в основном о правах и привилегиях — о восстановлении прежних и предоставлении новых. Так, другим заводчикам запрещалось (с оговорками) добывать руду вблизи демидовских рудников. Был затронут и неизменно актуальный для Демидова вопрос о рабочей силе. Указ разрешил пришлых крестьян других владельцев, обучившихся мастерству на заводах, оставить на них вечно, приписав к казенным слободам и компенсировав ущерб прежним владельцам передачей им демидовских крепостных. Было подтверждено освобождение рабочих от рекрутской повинности[599]. Ряд благоприятных для Акинфия решений касался демидовских заводов в Западной Сибири.

С благополучным для Акинфия завершением Следствия о заводах начинается короткий, меньше десятилетия, период относительно спокойного развития его бизнеса, отмеченный чередой замечательных достижений и побед.

Успехи сопровождают поощрения и пожалования со стороны власти. Упорными усилиями, продуманными, последовательными действиями (праведными и не очень) отношения с ней он отрегулировал идеально. В 1740 году «за размножение рудокопных заводов» получил чин статского советника

(соответствовал армейскому чину бригадира) — первое отличие после пожалованного в 1726 году дворянства[600]. Прикрепленное к чину обращение — «ваше высокородие» — особенно впечатляет, если помнить, что *родом* Акинфий был из кузнецов, что первый уральский завод отец и он просили, по преданию, представ перед царем, придававшим немалое значение «пристойной униформе»[601], в простых «кожанах». 30 сентября 1742 года за статским последовал чин действительного статского советника (соответствовал рангу армейского генерал-майора)[602]. Наконец, за год до его смерти императрица Елизавета Петровна издала указ (от 24 июля 1744 года), в котором объявила о намерении «содержать» заводчика «в собственной протекции и защищении»[603]. Историк Н.И. Павленко, перечислив, что это давало, заключил: «В истории металлургии России ни один заводовладелец не пользовался столь обширной привилегией, какая была предоставлена Акинфию Демидову»[604].

Впрочем, чинов, даже таких, Акинфию Никитичу было уже мало. В последние годы жизни он хлопотал о получении баронского титула. Будь больше времени — мог бы и его получить.

Чины и титулы — формальное выражение социального признания личной успешности. Успешность очевидна, о ней говорят выдающиеся достижения на стезе предпринимательства. А вот то, как они оценивались, в немалой степени определялось отношением к Акинфию элиты — императриц Анны Иоанновны, позже Елизаветы Петровны и лиц, окружавших трон. Письмо, из которого узнаем об Акинфиевых планах в отношении титула, было написано им Бирону[605]. Сближение с ним Демидова относят приблизительно к 1735 году[606], но не исключаем, что началось оно раньше. Оба — и Демидов, и Бирон — знали, чего друг от друга хотели. Бирон искал дополнительные источники дохода. Придворная жизнь требовала больших трат, а он к тому же строил два дворца в Курляндии, оба по проектам Растрелли: с 1736 года в Руетале (Рундале), а с 1738-го еще и в Митаве (Елгаве). В 1740 году оба здания были возведены, но предстояла отделка, требовавшая немалых средств[607]. При таких расходах 50 тысяч рублей, «одолженных» Бирону А.Н. Демидовым[608], были герцогу очень кстати. Вполне естественно, что жертвовавший частью своего богатства заводчик рассчитывал на покровительство герцога. «…Как усилился брат мой у Регента, тогда и поминать было невозможно»[609], — напишет уже после смерти Акинфия его брат Никита в письме, объясняя, почему он тогда не жаловался на неравно разделенное отцовское наследство. Подразумевался, разумеется, не только короткий

период между объявлением Бирона регентом малолетнего императора Ивана Антоновича (16 октября 1740 года) и его, Бирона, арестом (9 ноября того же года). Акинфий вел дела с герцогом Курляндским задолго до определения того регентом.

В сентябре 1736 года ключевой фигурой в управлении горной отраслью при содействии Бирона стал генералберг-директор барон Шемберг. И с ним, главой Генералберг-директориума, верховной структуры горного ведомства, Акинфий сумел выстроить приемлемые отношения. Демонстрируя лояльность, он предоставил барону собственный дом в Петербурге, на Васильевском острове[610].

Акинфию Демидову удалось навести мосты и в отношениях со многими высокопоставленными персонами нового двора, в частности с кабинетсекретарем императрицы Елизаветы бароном И.А. Черкасовым. Указ 1744 года о взятии Акинфия в «протекцию и защищение» состоялся не без их содействия.

Уральские заводы. Упущенная Благодать

Основу хозяйства Акинфия Демидова по-прежнему составляли предприятия черной металлургии. Он их и строил, и реконструировал. Схема, при которой передельные заводы выносились ближе к лесам, при наличии налаженной коммуникации между ними и заводами доменными себя оправдывала. Еще лучше получалось, когда передел приближался к Европейской России, поглощавшей большую часть продукции. Именно из этой логики исходил Акинфий в 1740 году, прося разрешить ему строительство молотового завода на речке Ножевке в своей вотчине в Осинском уезде.

Еще два таких завода он построил в 1740-х годах. Сооружение обоих было начато прежде, чем он получил на это разрешение. Игнорирование стандартных процедур согласования промышленного строительства свидетельствует о его уверенности в устойчивости собственного положения, о том, что гроза миновала. Один завод, Висимо-Шайтанский, Акинфий начал строить в 1739 году, другой, Верхнелайский, — в 1742-м. Вообще-то завод на реке Лае у него уже имелся, но при его плотине он в 1738 году устроил косную фабрику (эксплуатировал ее в компании с зятем Федором Володимеровым). Акинфий гордился ею, писал, что такой «и поныне ни у кого в России не имеется». Для налаживания производства на ней выписал из Пруссии двух специалистов: мастера и обер-мастера. Но воды на освоенном месте не хватало. Пришлось в полутора верстах ставить новый завод. Предприятия были так близки, что фактически создавался новый цех уже существовавшего. В список предприятий черной металлургии перешел при Акинфии и Выйский завод. Основанный медеплавильным, он менял профиль дважды: сначала преобразовался в доменный и передельный, позже — в чисто молотовой.

Не менее успешно расширялось производство меди. Оно развивалось в двух районах — в Кунгурском уезде и в Приобье. На Кунгуре Акинфий поставил в общей сложности четыре завода. О первом, Суксунском, уже говорилось. После исчерпания близких месторождений руды здесь с 1730-х годов занимались исключительно очисткой меди. Следующий завод (шесть печей, пущен в 1736 году) строился ближе к рудам — на речке Бым, притоке реки Ирени, в 35 верстах от Кунгура. Проект оказался не особенно успешным — воды для стабильной работы не хватило. Кроме того, поставленное недалеко от двух уже действовавших заводов Осокина предприятие испытывало трудности с

обеспечением сырьем.

Третий завод, Шаквинский (37 верст к северо-востоку от Кунгура), как и строившиеся одновременно с ним железные заводы, был «незаконнорожденным». На реке Шакве у Акинфия первоначально были соляные варницы, за «невыходом» соли уничтоженные. Строить здесь медеплавильный завод он начал без указа. Когда, наконец, обратился в Генералберг-директориум, тот в 1740 году повелел Канцелярии главного заводов правления обследовать место на Шакве и выяснить, подходит ли оно для завода. Прибывший чиновник обнаружил действующий медеплавильный завод. Акинфий за нарушение процедуры наказан и на этот раз не был, выданный ему в 1743 году указ лишь закрепил свершившийся факт.

Строился и четвертый завод — на речке Большой Ашап (притоке реки Ирень), в 44 верстах от Кунгура. Он будет пущен меньше чем за год до смерти Акинфия — осенью 1744 года.

Говоря о предприятиях медеплавильного комплекса, упомянем также латунную фабрику, построенную Акинфием на старом, еще отцовской постройки, Быньговском молотовом заводе и пущенную в 1739 году. Позже, в связи с недостатком леса, ее решат перенести на речку Шайтанку[611].

В ни на минуту не прекращавшейся борьбе с конкурентами Акинфий, как и прежде, пользовался всеми доступными средствами. Видим это на примере отношений с соседями — балахнинскими купцами Петром и Гавриилом Осокиными, медеплавильные заводы которых в Кунгурском уезде (крае, который он долго считал зоной своего исключительного влияния) очень его раздражали.

Комиссар Демидов, застолбивший медные рудопроявления на Кунгуре, ничего там не построил. Не спешил обустраиваться в этих краях и Акинфий Никитич, полагавший, что сумеет удержать других промышленников от проникновения в перспективный район. Не сумел. Осокины с разрешения горного ведомства построили поблизости от отведенных Демидову рудников четыре своих предприятия, при этом один из заводов оказался всего в версте от демидовского рудного места. Демидов, обеспокоенный утратой доминирования, в 11 верстах от Юговского завода Осокиных поставил Бымовский завод. Осокины жаловались: Демидов и его приказчик Петр Мануйлов, «забыв страх божий, чинят многие помешательства, хотя привести к запустению наши заводы». Демидов скупал у ясашных татар земли, на которых находились уже разведанные рудники, а пермское горное начальство, по словам Осокиных, желая ему угодить, осуществляло их отводы, по мнению Осокиных, незаконные.

Встречные обвинения в адрес Осокиных и якобы способствовавшей им Канцелярии главного заводов правления выдвинул и Акинфий. Но довел их до власти не предписанным регламентом каналом, а более коротким путем: написал И.А. Черкасову[612].

Разумеется, Акинфию удавалось воплотить в жизнь не все свои планы. Иногда мешали объективные обстоятельства. Иногда — появление более сильных игроков.

В сентябре 1735 года В.И. Татищев посетил неизвестную прежде гору, находившуюся в 50 верстах к северу от Нижнетагильского завода. О горе, а главное, о руде, из которой она состояла, русским горным властям сообщил, по преданию, местный охотник-вогулич (манси). В этих не имевших селений местах в том же году прошли демидовские рудоискатели, но набитую рудой гору не заметили. Вот как позже описал ее в «Лексиконе российском» В.Н. Татищев: «…Гора в Верхотурском уезде, высокая, близ реки Кушвы, от Туры 8 верст, исполненная преизрядной железной руды, которой во всей Сибири лучше нет, особливо то удивительно, что на самой оной горы верху великой столп чистой железной руды вышиною аршин в 5. Вся гора вышиною перпендикулярною от болота 627 сажень[613], в окружности, где руда лежит, по низу близ 4-х верст, однако ж руда лежит в одной западной половине. Оная старанием бывшего над заводами главного начальника Татищева в 1734 году обретена, и великие заводы построены. *Благодать* имянована в честь вечнодостойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны в ее имя»[614].

Татищев принял решение о строительстве близ горы силами казны двух предприятий. Указ по поводу завода, именовавшегося в дальнейшем Кушвинским (по речке Кушве, притоку реки Туры), был подписан 17 декабря 1735 года; управляющим им был назначен Шемберг[615]. В конце 1736-го — начале 1737 года места поблизости Татищев отвел и частным заводчикам. Среди получивших разрешение брать руду с Благодати был и Петр Осокин. Вскоре он предложил гору и места под заводы, включая казенные, передать одному ему. Разумеется, при этом брал на себя обязательства перед казной, по его мнению, способные ее заинтересовать. В том числе — брался поставлять ей продукцию (сортовое железо и якоря) с уступкой против цен Демидова[616].

Татищев в доношении Кабинету высказал отрицательное отношение к этой идее. Человек, искренне убежденный в благе для России крупной казенной промышленности, он утверждал, что в ней ни один промышленник не построил самостоятельно ни одного завода, все тянулись за казенными. Отмечая, что частные

заводчики, получившие места недалеко от Благодати, приостановили работу, объяснял: ждут от казенных заводов «разных припасов и машин», поскольку Демидов с Нижнетагильского завода ничего им не отпускает, не желая помогать конкурентам. Татищев полагал, что казенные Гороблагодатские заводы должны оставаться казенными, если же будет принято решение отдать их в частные руки, нужно допустить к конкурсу всех заводчиков — не предложит ли кто условия более выгодные, чем Осокин. В случае, если таких не окажется, гору и недостроенные казенные заводы следует отдать, однако, не ему, а Демидову, который единственный из всех заводчиков ранее разведывал эти места, а позже просил передать ему уникальную гору. Примечательно, что по видимости ходатайствуя за Демидовых, некогда обиженный ими Татищев не может удержать внутреннего недоброжелательства к Акинфию и сообщает факт, явно неуместный в рекомендации. Демидов будто бы «предлагал за это в подарок 3000 руб., но токмо, — говорит Татищев, — помятуя мою должность и храня честь мою, я тем подарком не прельстился, но по рассуждению в собрании, оное челобитье отрешили»[617].

Несмотря на то, что отношение Татищева к Демидову стало все же более лояльным, рудников на Благодати и казенных при них заводов Акинфий не получил. Верх взяла еще большая сила, которой и взятки, наверное, не понадобились, — бироновская. Татищев вспоминал о ее носителе такими словами: «…Когда герцог Курляндской Бирон вознамерился оной великой государственной доход похитить, тогда он, призвав из Саксонии Шомберга… учинил его генераломберг-директором с полною властию, частию подчиня Сенату. Но потом, видя, что Сенат требует о всем известия и счета, а тайный советник Татищев, которому все сибирские заводы поручены были, письменно его худые поступки и незнание представил, тогда, оставя все о том учиненной комиссии представлении, все заводы под именем Шомберга оному Бирону с некоторыми темными и весьма убыточными казне договоры отдали»[618]. Действительно, в один день, именно 3 марта 1739 года, императрица подписала два документа: Берг-регламент и указ об «особливой Берг-привилегии» Шембергу: разрешении учредить горную компанию, получавшую для разработки рудники в Лапландии и заводы при горе Благодать. Их императрица принимала «в особливую Всемилостивейшую протекцию»[619]. В том же году Шемберг получил еще несколько коммерчески чрезвычайно привлекательных привилегий, в том числе, 6 июня, откуп на сбыт за границу казенного железа. Поручителем Шемберга при

заключении этого договора выступил Бирон[620].

Демидову оставалось только ждать. Шемберг и Берг-компания на Гороблагодатских заводах хозяйничали недолго. «… Паки все оное уничтожено, — вспоминал Татищев. — Шомберг за похищение многой казны арестован, и учинена паки по-прежднему Берг-коллегия». Гора Благодать и Кушвинский завод при ней через три года после приватизации, 7 апреля 1742 года, указом императрицы Елизаветы Петровны были возвращены в казну. В 1744 году на заводе дополнительно к производству железа началась выплавка меди[621].

Но Демидову это богатство так и не досталось.

«На Воскресенских оного Демидова заводех, что у Колыванских гор…»

К 1739 году Акинфий, можно думать, уже смирился с невозможностью получить гору «железной руды, которой во всей Сибири лучше нет». Когда Благодать передавали Шембергу, он был погружен в другой проект, алтайский, имевший еще большую перспективу. Лапландия и железная гора на Урале связали Шемберга, не позволив оценить то, что происходило в Приобье.

Получив в конце февраля 1737 года распоряжение Томские заводы «отдать ему, Демидову, по-прежнему немедленно», горные власти послали из Екатеринбурга указ на Алтай: передать его приказчикам «или кто от него пришлетца» Колывано-Воскресенский завод «со всеми припасами». Казенная плавка меди на нем была остановлена 15 мая. Началась передача имущества. Горное начальство покинуло завод и переехало в Томск.

Этим закончилось первое «взятие» алтайских заводов Демидова в казну. Начался новый период их истории, с которым связано дальнейшее их развитие.

Как ранее упоминалось, императрица резолюцией от 12 ноября 1736 года предоставила Демидову преимущество в пользовании рудными местами. Ему предписывалось отвести рудники, «сколько по препорции ево заводов потребно», а в том, что оставалось сверх «препорции», повелевалось «дать волю и другим». Полной монополии на добычу и переработку алтайских руд он не получил. Государственной пользы в этом в Петербурге не усмотрели, поскольку, как отмечалось в резолюции, удобных мест для строительства заводов в этих краях «довольно». Это решение дополнительно мотивировало Акинфия строить новые заводы: кроме рудников, от которых во многом зависела перспектива, он получал и потенциальных конкурентов — фантом, побуждавший к ускоренному развитию.

Передача завода продолжалась до конца лета 1737 года. Но сразу приступить к строительству нового предприятия Демидов не смог — отсутствовал плотинный мастер. Такой, собственно говоря, имелся, но в годы «взятия» его перевели: отправили на берега Енисея строить казенный завод в Красноярском уезде. Требовалось обеспечить ему замену, а ближе Якутска никого подходящего не нашли.

Добравшись наконец до Алтая, мастер приступил к работе осенью 1739 года. Ранее присмотренное место на Бобровке он

забраковал, пришлось искать новое. Оно было найдено неподалеку — всего в 15 верстах ниже по Оби, близ устья реки Бар-наулки. Строительство Барнаульского завода началось 28 сентября. Расчищалось место, заготавливались материалы, весной приступили к сооружению плотины[622]. Потом строили медеплавильные печи и гармахерские горны.

Демидов просил позволить возвести вокруг завода деревянную крепость, вооруженную чугунными пушками. В сентябре 1741 года правительница Анна Леопольдовна такое разрешение дала с указанием строить ее по образцу той, что стояла в Кунгурском уезде «при его ж Демидова заводе». Создавать укрепления и вооружаться Акинфий должен был на собственный счет. Впрочем, отливать хорошие пушки Демидовы научились давно, при необходимости их делали даже в Туле.

Еще в 1738 году Генералберг-директориум разрешил приписать к Колывано-Воскресенским заводам до двухсот дворов государственных крестьян. Приписали с задержкой — только в 1740-м. Акинфий получил более тысячи душ, подневольный труд которых обходился дешевле вольнонаемного. На другой год дали разрешение на приписку к строившемуся Барнаульскому заводу еще 300 дворов. Фактически он получил 200, но дело все же пошло быстрее[623].

Кроме трудностей со специалистами и работными людьми были, возможно, и другие причины, тормозившие строительство второго алтайского завода Демидовых. На нем попытались реализовать усовершенствованную технологию плавки, а посланный на Алтай ее создатель старообрядец Родион Набатов (о нем ниже) долго находился под арестом[624].

Барнаульский завод строили без малого пять лет. Он заработал в 1744 году — 5 июля началась плавка в гармахерском горне, 8-го пустили первую рудоплавильную печь. В том же году были пущены еще один горн и печь. Затем дело заглохло — за год, оставшийся до смерти Акинфия Демидова, строительство новых объектов не продвинулось дальше фундаментов.

С Колывано-Воскресенского завода, где работало семь печей и не было ни одного гармахерского горна, примерно половина черной меди поступала для очистки по-прежнему на заводы Среднего Урала, тогда как остальное — на Барнаульский завод. В первый год его работы на нем выплавили 750 пудов чистой меди и 850 пудов черной. Это, конечно, немного. На Колыванском заводе в лучшие годы чистой выплавляли до трех тысяч пудов[625]. Но это, казалось тогда, было только начало. Между тем до полной остановки нового завода оставался всего год.

Серебро и золото алтайских руд

С медью дело постепенно налаживалось. Но в тени алтайской меди долгое время таилось серебро.

Сыскать серебряную руду обещал Петру I еще отец Акинфия. Царь напоминал об этом, ждал известий об открытии. Не дождался.

О присутствии серебра в алтайской руде достоверно стало известно в 1726 году, когда в доставленном Акинфием образце ее обнаружил пробирер Иван Шлаттер. Правда, содержание в нем драгоценного металла было вдвое меньше, чем в то время считалось приемлемым для промышленной разработки месторождения. Прямых последствий открытие не имело, но Акинфий результат шлаттеровских опытов мимо внимания не пропустил.

26 сентября 1727 года вышел указ императора Петра II, разрешивший в отдаленных местах Сибири (за Тобольском, в Иркутской и Енисейской провинциях) всем, кто «сыщет… руды золотыя, и серебряныя, медныя, оловянныя, свинцовыя, железныя или минеральныя и краски, тем самому или с кем компанию согласится, заводы строить, какие кто похощет, и оныя руды и минерал плавить и делать свободно и безвозбранно»[626]. Свобода и «безвозбранность» обеспечивались переходом от разрешительного к уведомительному порядку добычи и использования руд. Единственное, что требовали от промышленника, — по вступлении в «промысл» в срок до трех месяцев подать воеводе «для ведома» сведения о себе и компаньонах, месте обнаружения руды, содержании в ней металла, расположении завода. Оповещение Берг-коллегии возлагалось уже на воеводу[627].

Чувствуя близость открытия, Акинфий продолжал поиски. В 1730 году, в ноябре, обнадеживающие известия прислал ему с Алтая Никифор Семенов: руда, приисканная в одной из гор, вероятно, содержит серебро, но полной уверенности в этом еще нет.

Когда оправдались предчувствия и в какой степени? В 1733 году канцелярист Коммерц-коллегии Григорий Капустин подал донос: на демидовских заводах серебряная руда уже найдена, «а ныне тое руду без указа плавить не велено»[628]. Он был прикомандирован к отправлявшемуся на Урал по делам Следствия о заводах капитану Кожухову. Капустину предписывалось быть при Кожухове неотлучно, а Кожухову — «по представлением ево, что к пользе интереса нашего надлежит,

всякое усердное произведение и следование чинить неослабно». Мотивировка: «понеже оной канцелярист в тех делех имеет искуство»[629]. Капитану Преображенского полка поручалось действовать по «представлениям» канцеляриста… К доносу, как видим, отнеслись серьезно. Но доказать его не удалось.

Весной 1739 года был введен в действие Берг-регламент, многие правила изменивший. Нельзя сказать, что он полностью ломал практику, введенную Берг-привилегией и дополненную (*для* отдаленных территорий) указом 1727 года. Он адаптировал ее к ситуации таким образом, чтобы предоставить максимум удобств и выгод для человека, управлявшего в то время горной отраслью страны, — барона Шемберга.

В отношении руд всех «металлургических» металлов, включая драгоценные, восстанавливался разрешительный принцип их добычи. Теперь первым действием счастливого открывателя должно было стать *немедленное* объявление в Генералберг-директориуме или определенным от него горным «управителям». Декларировалось, что обнаружившему руду «по его прошению… дастся к рудокопию *позволение* наперед других». Вместе с тем предписывалось, «дабы каждый и все… для тех, как уже действительных, так и еще вновь учреждаемых заводов, являлись в Нашей Резиденции Санктпетербурге в Нашем Генералберг-Директориуме, и оных кондиций ожидали, которыя от Нашего Генералберг-Директориума постановить за потребно разсуждено будет»[630]. Тем самым обещание дать позволение приобретало условный характер: нужно было ехать, бить челом, ожидать кондиций.

Обратим внимание на включенное в документ требование присылать из губерний «аккуратные описания горам» и «находящимся при оных горных местах сортах каменьев»[631]. Шемберг, вступая в должность, озаботился сбором данных о разведанных месторождениях. Собирая, стремился обеспечить пополнение и обновление информации. Для этого и вводил требование немедленного оповещения Генералберг-директориума, на крайний случай его представителей. Останавливает внимание и полностью перенесенная в Берг-регламент из Берг-привилегии санкция: «Против же того тем, которые изобретенныя руды утаят и доносить об них не будут, или другим взыскание, устроения и разширения тех заводов[632] запрещать будут: объявляется Наш жестокий гнев, неотложное телесное наказание и смертная казнь и лишения всех имений, яко непокорливому и презирателю Нашея Высочайшия воли, и врагу обще народныя пользы, дабы мог всяк того стрещися»[633]. Заметим: проступков, достойных столь серьезного наказания,

здесь указано всего два, при этом один — утаивание руд.

Спросим, зачем было Шембергу такое подкручивание гаек при сохранении в общем достаточно демократичных принципов допуска охотников к горным занятиям? Ответ становится очевидным, если вспомним, какие руды вырвала для собственной разработки возглавлявшаяся им Берг-компания: серебряные рудники в Лапландии (единственные в стране) и заводы при горе Благодать — лучшем руднике Урала. Не исключались и новые выдающиеся открытия. За желанием главного берг-директора узнать о них как можно скорее — надежда вовремя пристроиться к чужой удаче, снять с нее сливки.

Высказывается мнение, что после открытия на Алтае серебряной руды Демидову не имело смысла прятать ее, поскольку он был волен руду разрабатывать, не спрашивая на это разрешение властей[634]. Да, формально указ 1727 года никто не отменял и Демидов при необходимости мог на него сослаться.

Но рядом своих положений старый акт вступал в противоречие с принципами, вводимыми Берг-регламентом, что означало фактическую их (старых положений) отмену. Да, Берг-регламент обещал разрешить первооткрывателям руды ее разработку, обещал на том же месте, в полном согласии с Берг-привилегией, всё, что «обрящут», «копать, плавить, варить, чистить и потребное строение строить»[635]. Но прежде чем заняться перечисленным, нужно было оповестить ведомство Шемберга. И что дальше? О том, что серебряные руды в Лапландии, полученные Шембергом одновременно с введением Берг-регламента, были открыты отнюдь не им, — Акинфий помнил хорошо.

В случае обнаружения серебросодержащих руд выйти из положения, в которое ставил заводчика Берг-регламент, можно было двумя способами: скрывать этот факт или приватным образом сообщить о нем Шембергу, теша себя надеждой в дальнейшем его переиграть или, в крайнем случае, взять в компанию и поделиться прибылью. Решился бы Акинфий стать на эту, вторую, дорогу? Отчего нет? Известно же о его плане 1744 года создать компанию вместе с Геннином[636].

Всё так, но долгое время и хитрить не требовалось. Алтайское серебро от изыскателей успешно скрывалось. Казенные мастера, распоряжаясь на Колывано-Воскресенском заводе без малого два года (1735—1737), не выделили из руды, в которой оно присутствовало, его ни грамма.

В 1741 году к работе на Колыванском заводе приступил нанятый Демидовым на три года специалист из Саксонии — штейгер Филипп Трейгер. Он уже работал с серебром — в 1733

году разведывал месторождение на острове Медвежьем в Белом море. По некоторым данным, воспользоваться опытом Трейгера Демидову посоветовал Шемберг. Если так, то возможность их альянса повышается. Не исключено, что у него с Демидовым были какие-то общие планы относительно вероятного открытия серебра, встретить которое они готовились, может быть, общими усилиями.

Насколько Трейгер, занимавший у Акинфия должность главного управляющего здешними рудниками, преуспел в решении поставленных задач, среди которых, возможно, была и задача извлечь из местной руды промышленное серебро, — неизвестно. На серебряную руду он, правда, вышел, но плавил ли ее и успешно ли? Можно предположить, что чего-то он все же добился, но Демидов, похоже, ясной информации об этом не имел. Ближе к концу срока контракта с ним заводчик нанял новых специалистов: Берг-гиттенмейстера Иоганна Юнгган-са и берг-лейтенанта Иоганна Самуэля Христиани, которым установил большие оклады — 600 и 400 рублей. И деньги потратил не напрасно — они сумели выплавить серебро. В поданном Демидову от Христиани рапорте, датируемом приблизительно концом 1743-го — началом 1744 года, перечислены семь разновидностей местных руд, содержащих *по опыту* на центнер массы от 12 до 30 золотников серебра.

Вскоре после этого встречаем Акинфия в Москве, где с конца января 1744 года находятся императрица и двор. В феврале он пишет письмо некоему придворному (скорее всего управляющему Кабинетом И.А. Черкасову), в котором сообщает о состоявшейся «вчерашней день» аудиенции у императрицы, во время которой он просил «на словах» ее императорское величество быть с детьми и заводами «под ведением в высочайшем Кабинете». На свою просьбу получил «милостивное высокоматернее монаршее обещание» и теперь надеется этому «видеть действительное совершение». Просит адресата «подать моему желанию руки помощи». «При оном же, — пишет Акинфий далее, — вашему высокопревосходительству *для* любопытствия объявляю те руды, из которых выплавлено поднесенное ея императорскому величеству мною, нижайшим, серебро». В приписке — сведения о рудниках, на которых передаваемые руды сысканы: указаны их местоположение (Сибирская губерния, Кузнецкий уезд, близ Колывано-Воскресенского завода) и названия[637].

Неожиданный подарок Демидова — серебряный слиток весом 27 фунтов 8 золотников[638] — Елизавета Петровна получила очень вовремя. Приток серебра в казну в 1744 году был скуден, его пришлось регулировать указами. Открытый Акинфием

Никитичем новый постоянный источник его поступлений давал ему основание рассчитывать на столь же беспрецедентную милость (за царский подарок — царская благодарность). Какую — он объявил: прямое подчинение Кабинету.

Императорский Кабинет — учреждение, профиль которого был размыт при самом его рождении. В ведение личной канцелярии монарха могло попасть всё, за чем монарх считал необходимым вести наблюдение. Своим существованием он нарушал принцип отраслевой специализации, который настойчиво проводил Петр I, выстраивая систему госорганов. Подчиняться Кабинету — подчиняться, по сути, напрямую монарху, в данном случае императрице. И эта милость, как мы помним, указом от 24 июля 1744 года была Акинфию дарована.

Поднося серебро, Акинфий чувствовал себя вполне уверенно. Оправдываться ему было не в чем. Серебро выявил и некоторое его количество он добыл совершенно легально — на основании упоминавшегося указа 1727 года. Он и в дальнейшем надеялся его добывать, пускай и под надзором императрицы. Елизавета Петровна, судя по ясно выраженной в указе ее реакции, ни о какой конфискации его предприятий тоже не помышляла. Это, однако, не отменяло необходимости выстраивать новые отношения с заводчиком — хотя бы потому, что рядом с его заводом в ближайшем будущем могло появиться и государственное предприятие. В общем, на Алтай нужно было посылать своего человека. Тем более что об этом попросил и сам Демидов.

Задание разобраться с алтайским серебром получил бригадир Андрей Венедиктович Беэр, управлявший в то время Тульской оружейной конторой. Акинфий хорошо его знал, у них сложились доброжелательные отношения. (Не заводчик ли подсказал кандидатуру для назначения?) Данная Беэру 17 мая 1744 года инструкция гласила: взяв знающего пробирное дело поручика Улиха, отправляться на алтайские Демидова заводы; там, отобрав руду из разных мест, заставить при себе выплавить из них медь, свинец и серебро. Всё взвесить, подсчитать содержание, составить смету расходов. Расчеты, смету, выплавленное серебро и по десять пудов руды каждого сорта отправить с офицером в Петербург. Оставаясь на заводе, определить, «есть ли оной руды такой квантитет (количество. — *И. Ю.),* для чего б завод мочно завесть». Сделав заводам и рудникам описание и планы, ехать в Москву, где явиться к императрице[639].

Итак, главная задача, поставленная перед Беэром, — ознакомиться с ситуацией и оценить, имеет ли смысл строить на Алтае новый завод. По отношению к Демидову текст был вполне

нейтрален — ничего расследовать не предписывал.

Положение, во всех отношениях выгодное для Акинфия, неожиданно для него (впрочем, и для всех прочих) осложнило одно обстоятельство. В алтайской руде в дополнение к серебру обнаружилось золото.

Первая принесшая относительный успех попытка получить российское золото относится к Петровской эпохе. «Пробовальный» мастер Иван Макеев в 1714 году обнаружил его след в серебре, добытом из руд Нерчинского месторождения. Несколько лет ушло на освоение технологии разделения металлов. В 1718—1719 годах промышленное золото наконец было получено. В надписи на наградной золотой медали, отчеканенной в честь Ништадтского мира, упомянуто, что она изготовлена «из злата домашнего»[640]. Однако золота из нерчинского серебра удавалось извлечь немного — неизмеримо меньше, чем мечталось. Хотелось обрести новые, как знать, может быть, более богатые месторождения.

Руда с одного из них, расположенного в алтайских горах, через Трейгера к пробиреру и попала. Именно «через». Трейгер, по-видимому, не был ее первооткрывателем. Считать таковым уместнее Федора Лелеснова, который, как он сам вспоминал четверть века спустя, незадолго до отъезда Трейгера в столицу показал ему образцы руды с заброшенного рудника на Змеиной горе. Что эта руда собой представляет, Лелеснов доподлинно не знал — он лишь заподозрил в ней наличие драгоценного металла. Трейгер, специалист, знакомый с внешними признаками серебряной руды с Медвежьего острова, образцами заинтересовался. Нам неизвестно, успел ли он, собираясь в путь, провести опытные плавки. Если нет, то открытие произошло в столице. В руде действительно обнаружилось серебро. Но не только оно. Проводивший анализ пробирер нашел в ней еще и золото, причем много: две части на три части серебра. Этот замечательный результат (вот оно — открытие алтайского золота!) был получен 22 июня 1744 года проводившим анализ Иоганном Улихом[641].

«Такого расклада, — полагает А.В. Контев, — не ожидал ни А. Демидов, ни сам Ф. Трейгер». Оба, а также обнаруживший руду Ф. Лелеснов, надеялись только на серебро[642]. Присоединимся к мнению относительно Трейгера. Будь иначе, поднося руду императрице, основной акцент он, несомненно, делал бы именно на золото (окажись надежда напрасной — наказан бы не был). Не знал скорее всего и Демидов. В противном случае действовал бы осторожнее, не объявлял руды, независимый анализ которой мог повлечь труднопрогнозируемые последствия (что и случилось), а

объявив — готовился к нежелательному для него повороту в деятельности комиссии Беэра (что тоже, как увидим, произошло).

Тайное сокровище Невьянской башни

Факты, упомянутые в рассказе об алтайском серебре и золоте, благодаря документам установлены вполне надежно, гипотезы о мотивах, двигавших участниками событий, опираются исключительно на них. Нельзя, однако, исключить, что какая-то совокупность важных для общей картины фактов остается нам неизвестной, из-за чего эта картина искажена. Если добавить к фактам предположения, из них можно собрать и другие истории… Особое распространение получила гипотеза, согласно которой открытие серебра состоялось значительно раньше официального об этом объявления. Акинфий якобы его тщательно скрывал, вел секретную плавку драгоценного металла и объявил о нем, только когда «припекло». «Тайная выплавка серебра из алтайской меди на Урале, — полагает, например, В.И. Байдин, — несомненно, велась». В доказательство ссылается на упоминание в «Российской горной истории» Н.С. Ярцова (труд начала XIX века) предания о фабрике на острове посреди Черноисточинского пруда, где очищалась медь и отделялось серебро[643]. Не исключаем, что результаты будущих археологических там исследований в совокупности с новыми архивными находками позволят взглянуть на историю открытия алтайского серебра во многом по-новому. Но пока доказательств того, что Акинфий Демидов долгие годы играл в очень рискованную игру, автору этих строк не хватает и он склоняется к обеляющей заводчика версии событий. Наиболее подробно она обоснована в работах алтайского историка А.В. Контева. Рассмотрев основные доказательства сторонников «обвинительного уклона», он большинство из них убедительно опроверг.

Алтайскую черную медь перевозили по воде на Урал для извлечения серебра? Нет, отвечает Контев, причина, почему ее нельзя было доочистить на Алтае, другая — нехватка там лесов. Производство алтайской меди было заведомо убыточным для Демидова и медью он только прикрывал истинный интерес — извлечение серебра? Тоже нет, государство покупало у него медь по ценам, близким к рыночным; случай 1735 года, когда Татищев забрал ее по более низкой цене, был исключением, ошибкой, которую правительство вскоре исправило. В 1732—1733 годах для проверки подозрений о плавке драгоценных металлов на Колывано-Воскресенском заводе работали специальные комиссии? Такая комиссия была всего одна (Райзера — Фермора), и посылалась она на заводы для решения других вопросов. Во время же памятной читателю общей проверки партикулярных

заводов (1733—1734) вопрос о серебре всплыл только в доносе. В ходе пробных плавок колыванских руд, проводившихся в период первого взятия заводов в казну, было обнаружено серебро? Это не так, из-за несовершенства технологии опыты серебра не выявили. Мастер Трей-гер, таясь, бежал от Демидова с образцами руды? О побеге говорить не приходится — в столице он появился, когда срок его контракта истек. Поднести серебро императрице Демидов решился, испугавшись доноса Трейгера? Историк реконструирует другую картину. Мастер Юнгганс выплавил из привезенной на Невьянский завод колыванской черной меди 27 фунтов серебра. Для Демидова, по мнению Контева, это оказалось неожиданным. Задумав наладить его добычу, он, оставаясь в правовом поле, решил просить покровительства у императрицы. Поднеся серебро, попросил. Для расследования тайной плавки серебра на Алтае императрица отправила комиссию Беэра? Мы уже знаем, что перед ней ставились другие задачи. Прибыв на Алтай, комиссия обнаружила там сереброплавильное производство? Верно, но создано оно было недавно — прибывшими на Колывано-Воскресенский завод в конце 1743 года Юнгансом и Христиани. На уральских (Невьянском и Нижнетагильском) заводах имелись печи для плавки драгоценных металлов? Имелись. Их постройку Контев связывает с переработкой на Невьянском заводе черной колыванской меди, проводившейся в 1743 году Юнгансом, или, может быть, с работой в 1745 году Улиха, оставленного здесь отправившимся в Петербург Беэром. Указом императрицы алтайские заводы были в наказание Акинфия в 1747 году у Демидовых конфискованы? Они действительно перешли в казну и находились с той поры в ведении Кабинета, но речь о конфискации не шла — предполагалось, что расходы, понесенные бывшим владельцем, будут наследникам компенсированы.

Хочется верить, что вопрос об открытии алтайского серебра когда-нибудь получит непротиворечивое решение, которое убедит большинство, а то и всех историков. Но существуют те, кому ждать не хочется. Такие заполняют лакуны доморощенными легендами и мифами. Согласно одному из них с тайной демидовского серебра связана одна из тайн Невьянской башни.

Сохранился исторический анекдот, с переносом в эпоху Анны Иоанновны даже экранизированный. В фильме (талантливом опыте альтернативной истории) рассказан он так. Акинфий является к императрице «поклониться» с корзиной серебряных монет. Она: «Это твои или мои рублевики?» — «Так все мы твои, матушка, и всё, что у нас есть, — тебе принадлежит», — отвечает находчивый фальшивомонетчик. Императрица в восторге.

Нужно ли было Демидову юлить, ловкой фразой уходя от ответа за преступление?

Вернемся к конспирологической версии в той ее части, которая касается демидовской башни. Познакомиться с ней тем более любопытно, что ее адепты попытались подтвердить ее данными естественных наук.

Попытка поддержать лирику физикой (предания и легенды — данными химических и физических исследований) последовала за множеством краеведческих публикаций, авторы которых рассказывали о подземельях старого демидовского гнезда. Не можем удержаться, чтобы не процитировать по книге В.Г. Федорова рассказ старожилов, в 40-х годах XX века якобы проходивших по этим подземельям и видевших там «две небольшие плавильные печи, нары из почерневшего дерева и на полу человеческие кости»[644]. В этой картине не хватает только кандалов и цепей рядом с костями и хлюпающей жижи под ногами. К сожалению, ни один из этих ходов и подземных комнат не осматривался археологами и, кроме устных свидетельств, ничего, что подтверждало бы их существование, в распоряжении историков долго не имелось[645]. Но вот в 1973 году была опубликована статья кандидата геолого-минералогических наук С.А. Лясика, сообщившая результаты спектрального анализа сажи из дымохода башни. В ней обнаружилось относительно высокое содержание серебра (грамм на тонну), еще большее — свинца и цинка[646]. Это был ценный подарок сторонникам гипотезы «тайной плавки». Наука, казалось, полностью ее подтвердила.

По мнению Контева, всё далеко не так очевидно. Исследование сажи подтвердило только то, что здесь работали с содержащей серебро медью. Очищая, из нее выжигали свинец, с ним улетали в трубу и сопутствующие ему в руде серебро и цинк[647].

Заметим, что принятие этой точки зрения вовсе не требует в качестве исходного условия, чтобы где-то под башней (во всяком случае ниже дымохода) перерабатывали черную колыванскую медь. Какая-то плавильня, похоже, в башне действительно существовала. Но почему обязательно промышленная? Скорее (учитывая скромную площадь помещения) это были плавильные печи пробирной лаборатории. Что такая здесь имелась, выше уже отмечалось. И Улиху, готовясь к выделению из полуфабриката серебра, нужно было хотя бы примерно знать, каково его в нем содержание. Ответ на вопрос давал пробирный анализ.

А как же фальшивая монета? Ни «рублевиками» демидовского производства в коллекциях, ни ранними документальными свидетельствами о них в архивах наука сегодня

не располагает. Совокупность же косвенных данных говорит о том, что таких скорее всего не существовало.

Агония Тульского завода

В то время как на алтайских и уральских заводах Акинфия его плавильщикам наконец явились самые ценные из металлов, с которыми имела дело металлургия той эпохи, медленно умирал его Тульский завод.

Дефицит угля, без которого не могли действовать домны, усугублялся, затраты на производство увеличивались. Ситуация была особенно неблагоприятной из-за того, что конкурентом металлургии в пользовании лесом выступало казенное оружейное производство. К середине — второй половине 1730-х годов проблема достигла невиданной прежде остроты.

Приведем фрагмент «объявления», направленного из Кабинета в Сенат 14 сентября 1738 года. В нем излагается доношение А.В. Беэра, знакомого с положением дел не понаслышке, — напомним, что он стоял в то время во главе Тульской оружейной конторы. Беэр сообщал, что для заготовки «дерев на дело фузейных и пистолетных станков посылал он промемории в Алексин и в Лихвин к воеводам и нарочно в те уезды закупщиков, однако ж ни по какой цене годных на то дерев достать не могли, и крестьяня не возят, отъговариваяся тем, якобы леса вырублены… И за тем в деле ружья учинилась всеконечная остановка… И хотя он, едучи чрез те засеки, приказывал крестьяном, чтоб удобной лес возили на станки в Тулу, но оные без указу не слушают и отговариваются, что кроме засеки такого лесу взять негде, а воеводы и надзиратель без указу в засеке рубить не дают». Беэр просил приписать эти засеки к оружейному заводу, дабы «употреблять к оружейному делу на уголь и станки». На заседании Кабинета было «усмотрено», что лес к оружейному делу приходится возить из «дальних мест дорогими ценами, отчего и ружью цена повышается». Из опасения остановки «в деле ружья» предложение Беэра приняли[648]. Последний лесной резерв — казенные засеки Лихвинская, Перемышльская, Козельская и Одоевская — именным указом были приписаны к заводу[649]. Потребности государственного предприятия были этим удовлетворены. Но многочисленным мелким мастерским, в которых выполнялась часть технологических операций, легче не стало. Для рядовых кузнецов, работавших хоть и на казну, но в собственных дворах в слободе, с припиской засек ситуация изменилась мало. Беэр в 1739 году сообщал о конкуренции между казенными оружейными мастерами и владельцами железцовых кузниц. Железного дела промышленники, по его словам, «привозимой в Тулу для продажи

уголь у оружейных мастеров перекупают по ночам и выезжая по дорогам. А оружейным мастерам за непристанною при оружейном деле работою, от которой им всегда отлучится не можно, того угля по времяни, как от работ свободятся, и купить нечего. А хотя многократно от Оружейной канторы публиковано и тем промышленикам перекупать угля и запрещено, пока оружейныя мастера не накупятся углем, однако на то несмотря, крадком покупают и великую цену на уголь подымают, и за угольем в оружейном деле остановку чинят»[650].

В таком непростом положении находилось казенное производство, а ведь его проблемы решали в первую очередь. Партикулярным заводам (Тульскому Акинфия Демидова в том числе) приходилось труднее.

Кроме того, 10 июля 1741 года его завод пострадал от пожара. Беэр, со ссылкой на демидовского приказчика Ивана Зотова, сообщал в Кабинет, что «у помянутого Демидова пожар учинился… от произходящаго из молотовой в трубу огненных искр, от которых приуготовленные к той работе насыпанные в сарае и пред сараем уголья загорелись. И от того де пожара дом и со всем строением згорел весь без остатка. Уголья згорело немалое число, а оставшей заливается водою»[651]. Сгорели также сараи, конюшня.

Завод снова пустили, но вопрос, нужен ли вообще этот старый завод, работавший на среднего качества руде и продолжавшем дорожать угле, остался. Стоило ли его поддерживать, если конец, казалось, неизбежен?

Акинфий пытался подтянуть экономические показатели, ослабив налоговую нагрузку: в 1742 году попросил о сложении «за учинившимся пожаром» доменного оклада на три года. По-видимому, просьба осталась без удовлетворения, и в июле следующего года он бил челом вновь: называя оклад «отягощенным», просил об освидетельствовании тульской домны и установлении для нее новой ставки налога по образцу, принятому для соседей — Родиона Баташева (сына умершего к тому времени Ивана Баташева) и Акулины Даниловой. Завод между тем работал — в 1743 году с него рапортовали о выплавке чугуна.

По-видимому, в полной мере преодолеть трудности, связанные с восстановлением завода, выйдя при этом на терпимый уровень рентабельности (или терпимой убыточности), после пожара так и не удалось. В 1744 году Акинфий остановил единственную домну Тульского завода — может быть, прямую наследницу первой домны, построенной его отцом[652]. Несколько последующих лет на предприятии работали только молотовые.

Каковы были планы Акинфия в отношении старейшего своего производства — остается загадкой. За 20 лет самостоятельного после отца управления хозяйством он не построил ни одного завода в центре европейской части России. Сомневаемся, что его отношение к этой промышленной площадке изменилось к концу жизни, — хотя бы потому, что проблема с углем, ставшая одним из основных стимулов, развернувших Демидовых в сторону Урала, только обострилась. Вроде бы всё шло к тому, чтобы закрыть единственный принадлежавший ему на родине завод и окончательно проститься с Тулой. Но так ли было в действительности?

Некоторое сомнение на этот счет возникает при размышлении о судьбе каменного дома, находившегося на демидовском заводе. Его облик известен по планам двух его этажей, снятым с натуры в 1754 году. Что этот каменный дом возник при комиссаре Демидове, маловероятно. Озаботься строительством Никита Первый, он бы начал с перестройки главного дома (в Оружейной слободе), а не заводского. В период раздела наследства Акинфия, когда было неясно, кому какой завод достанется, эта постройка появиться тоже не могла. Наиболее вероятное время строительства — Акинфиево двадцатилетие. В цитированном рапорте Беэра 1741 года упоминается, что огонь, уничтожив деревянный дом, пощадил некие «большие каменные полаты»[653]. Это могли быть складские помещения. Но не исключаем, что подразумевался строящийся жилой дом, которому предстояло сменить деревянный.

Акинфий собирается свертывать бизнес в Туле, закрывать здесь завод и одновременно строит на нем капитальный каменный дом? Неувязочка…

Противоречие можно снять, предположив, что дом строился для сына Прокофия. Возможно, Акинфий, опираясь на опыт своего отца, старался удержать его, неизбранного в качестве наследника, подальше от Урала — получается, в Туле. Здесь у Акинфия было единственное достойное жилище — в слободе. Этот дом как нельзя лучше выполнял представительские функции, и Акинфий, можно думать, намеревался оставить его себе. Прокофию после отделения следовало отселиться. На начало 1740-х годов подходящего дома в Туле у Акинфия, похоже, не было. Возможно, именно поэтому он и затеял строительство нового дома у плотины постепенно угасавшего завода.

Но как быть с тем, что, судя по завещанию, сам завод Акинфий Прокофию отдавать не собирался? Не исключаем, что, закладывая фундамент дома, он еще не стоял на столь категоричной точке зрения. С учетом глубины пропасти, в

которую сползала экономика этого завода, он мог и решиться на такой подарок.

Впрочем, могло быть и не так или не совсем так. Смущают «каменные палаты» на заводе, упомянутые Беэром, — что если это старый жилой дом, сосуществовавший с деревянным? Смущает активная позиция Акинфия в вопросе, который, казалось, давно был закрыт, — по поводу Верхотулицкого завода, после бурных внутрисемейных разборок доставшегося дочери его брата Акулине. Но об этом — в следующей главе.

Завещание Акинфия Демидова

Незадолго до того как Акинфий занялся приведением в порядок дел по этому заводу, аналогичную по смыслу операцию он провел в отношении собственных заводов. Только регулировал положение не сегодняшнего, а завтрашнего дня.

Его власть была крепка как никогда. Все элементы хозяйства были продуманно взаимосвязаны. По мере роста хозяйства связи крепли и усложнялись. Но постепенно вызревал фактор, грозивший стройной системе разрушением. Подрастали потенциальные наследники нажитого. Как было сохранить плоды огромных трудов?

Вторая жена Акинфия Демидова Евфимия Ивановна была моложе мужа — родилась, по одним данным, в 1691-м, по другим — в 1693 году[654]. Родила ему четырех сыновей: Прокофия, Григория, Ивана (умер младенцем) и Никиту. Не исключаем (подробнее дальше), что первоначально Акинфий намеревался заводы между ними разделить, лишь выбирал, по какому принципу это сделать. Но, так и не найдя устроившего его варианта, убедил себя, что недвижимую собственность детям «равномерно росписать невозможно». Объяснял это так: она «состоит более в заводах», с которых его «всеподданническая должность» требует ставить в казну разные «припасы». Чтобы обеспечить поставки, «те заводы всегда должно содержать в прилежном смотрении и в починках, имея к тому для вспоможения доволные к каждым заводам особые вотчины и капитал, дабы оные никогда не могли приходить во оскудение»[655]. Сократить вотчины и капитал — рано или поздно сорвать поставки.

Связанные с оформлением завещательной воли хлопоты Акинфий начинает в 1741-м, заканчивает в 1743 году, 24 марта, оформлением в Туле формального завещания[656]. Прокофию в это время было без малого 33 года, Григорию — 28, Никите — 19. Следуя примеру отца, свое дело Акинфий передает одному сыну, а именно — Никите. Учитывая, что петровский закон о майорате был давно (1731) отменен, прочие отпрыски считали себя обделенными. Ситуацию усугубляло и то, что отец в преемники выбрал младшего из братьев, тем самым развеяв надежды более зрелых и подготовленных. За плечами у Прокофия было самостоятельное (разумеется, относительно самостоятельное) управление Тульским заводом, у Григория — соляными промыслами в Соликамске. А что у Никиты? В лучшем случае — невьянский опыт, полученный под присмотром отца.

Отношения в семье не могли не обостриться. Судя по реакции, особенно тяжело переживал Прокофий, отныне вынужденный идти собственным путем. Мы еще расскажем, как, становясь на самостоятельный путь, он попытался купить выставленный казной на продажу заводской комплекс. В этом поступке не только расчет. Это еще и жест, обращенный к отцу: ладно, и без твоих подачек обойдусь. А старшим сыновьям было действительно трудно. Ведь, лишив их иллюзий относительно будущего, Акинфий и свободы им не предоставил — они не были им отделены.

Глава 8.
АКИНФИЙ ДЕМИДОВ И СТАРООБРЯДЧЕСТВО

Помощники Демидова

К моменту смерти Акинфия заложенная его отцом промышленная империя достигла максимального за время ее существования размера. Вскоре она раздробится, и ни одна из получивших самостоятельность частей не приблизилась к тому, чем недавно владел Акинфий. Развалят ее не экономические причины. Можно уверенно утверждать, что в последние годы жизни Акинфия его хозяйство кризиса не испытывало, напротив, успешно развивалось.

Щедро одаренный способностями организатора и руководителя, Акинфий успешно справлялся с развитием охватившего огромную территорию многопрофильного вертикально интегрированного бизнеса. «Заводы яко детище малое непрестанного требуют к себе доброго надзирания» — такими афористичными словами определил он отточенную десятилетиями труда формулу управления производством[657]. Ему помогали дети: на Тульском заводе Прокофий, в Соликамске и на Сук-суне Григорий, в Невьянске Никита. Но те подоспели не сразу — были молоды, опыт только накапливали. Главными помощниками, без которых даже Акинфию с делом было не справиться, его стооким и многоруким Аргусом выступали многочисленные тщательно подобранные и испытанные приказчики и служители.

Характерная особенность контингента приказчиков эпохи комиссара Никиты Демидова и его сыновей — присутствие занимавших ответственные посты родственников. Таковы Семен Пальцов (на протяжении долгих лет главный приказчик на Тульском заводе), Федор Володимеров (торговал Акинфиевым товаром в Петербурге), Лукьян Красильников, Емельян Ксенифонтов, Афанасий Абрамов, Лукьян Копылов (приказчик у Н.Н. Демидова). Высказано предположение о родственной связи с Демидовыми ближайшего их окружения на Урале: Мураковых, Неклюдовых, Переславцевых, Стариковых. Впрочем, утверждать, что оно состояло *исключительно* из родственников[658], не приходится. В эпоху Акинфия штат приказчиков так разросся (превысил две сотни человек), что родственников для заполнения вакансий не хватило бы.

Существовала и другая связь, для судьбы Дела в уральский его период (а может быть, и раньше) не менее значимая, чем родственная. Подразумеваем принадлежность доверенных людей к старообрядчеству. Старообрядцы — еще одно кольцо силы вокруг Демидовых, еще один источник, черпая из которого, они

многократно умножали природную мощь, и без того немалую. Познакомимся с ними на примере братьев Семеновых, Гавриила и Никифора, и Родиона Набатова, выделяющихся еще и тем, что оказались связанными не только с демидовским Уралом, но и с его Алтаем. Подобные личности обречены на внимание историка, помнящего провозглашенную Акинфием версию открытия алтайских руд, — они были найдены якобы «олонецкими стариками».

О связях Демидовых со старообрядчеством — теме, которой, говоря о них, миновать невозможно, — уже упоминалось в главах, посвященных отцу Акинфия. Похожий на старообрядческий след мелькнул и в событиях, произошедших после обросшей кривотолками смерти Акинфиевой племянницы Татьяны Демидовой. Но пока старообрядчество только еще напоминало о себе, оставляя в недоумении, что перед нами: нечто в демидовском контексте случайное и малозначительное или — важное, но внимания к себе старающееся не привлекать?

Тесная связь со старообрядчеством Акинфия Демидова сомнения уже не вызывает. Больше того, вполне очевидно, что старообрядцы были одним из камней, на которых он утвердил здание своего горного царства.

Союз Акинфия со старообрядцами был взаимовыгодным. Приверженцев православия в дониконовской его редакции государство угнетало и экономически, и духовно. На землях Демидова направленные против них законы применяли «по понятию», и это диссидентов привлекало. Старообрядцам не без основания казалось, что им с упрямым и умным заводчиком компромисса достичь будет все-таки легче, чем с бездушной машиной власти. Логика развития дела подталкивала к сближению с ними и Демидова. Один из крупнейших центров старообрядчества находился в Олонецком крае, жители которого издавна занимались добычей и переработкой местных руд. В условиях постоянного дефицита рабочей силы сотрудничество с умелыми и дисциплинированными работниками, какими в своей массе являлись старообрядцы, было заводчику чрезвычайно выгодно. Тем более что, расширяя круг адептов, они прививали эти качества и другим. Демидов относился к ним с явным сочувствием — это подтверждают настолько неоспоримые факты, что с ними согласны все историки. А вот решиться на следующий шаг — заявить о его принадлежности к одной с ними вере — не так просто. Впрочем, разговор об этом еще будет.

История становления уральского хозяйства Демидовых — это и история проникновения на Урал старообрядчества. Действуя рука об руку, две великие силы сыграли выдающуюся роль в

освоении земель Северной и Восточной Азии.

Гавриил Семенов и его братья

Продвижение старообрядчества на восток Российского государства, одновременно — сближение и постепенное врастание его в дела, которыми занимались Демидовы, демонстрирует биография авторитетного старообрядческого деятеля Гавриила Семеновича Украинцева или, как первоначально по отчеству его называли, Гаврилы Семенова. Не будучи Акин-фию ни родственником, ни свойственником (во всяком случае, таких сведений нет), он принадлежал к числу самых доверенных людей заводчика и назывался иногда его приказчиком, хотя в обычном смысле слова таковым скорее всего не являлся.

«Бяше бо муж зело словесен и писанию сведущ. Аще и свободных наук не коснулся, но натурою веема обогащен бяше». Так писал о нем анонимный автор «Дополнения сея Выгорецкия истории» — продолжения «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова[659]. Эта пустынь, именуемая также Выго-Лексинским общежительством, находилась недалеко от Онежского озера, к северо-востоку от него. Она была основана Даниилом Викулиным в 1694 году — заметим: одновременно с Тульским заводом Никиты Демидова.

Личности и деятельности Гавриила Семенова автор «Дополнения…» посвящает немало проникновенных строк — потому что «много бо сей подвижный муж благодействовал выголексенское общежителство»[660], а он, автор, был тесно с этим центром биографически связан. Фигура Семенова впервые высвечивается из небытия именно здесь, на Выге. Придя в обитель и прожив в ней несколько лет, обретя здесь авторитет и влияние, он перевез сюда семью: отца Семена Митрофанова, младших братьев Ивана (в старообрядчестве Терентия), Никифора и сестру. Сам он позже монастырь, однако, оставил: «послан бысть за послушание в сибирские страны от отец Даниила и Андреа». (Андрей Денисов — выдающийся деятель старообрядчества, один из духовных столпов Выгореции. Автор «Дополнения…» обращает особое внимание на их духовную связь: «Гавриил бе зело любим великопремудрым отцем Андреем кинновиархом. Взаимно же и от сего Гавриила зело почитаем и возлюблен бяше овый»[661].)

Семенов «в разных городев быв, приеха в Сибирские страны, в город Тобольск, и… купечество тамо начал…»[662]. На Урале он оказался около 1710 года, и с той поры его жизнь была связана в основном с этим краем. За ним сюда перебрались оба брата. Иван, покинув Выг по смерти отца, нашел Гавриила в 1713 году в

«тюменских пределах» в Кошутской пустыни. В 1715 году полторы сотни ее насельников, окруженные воинской командой, решились на самосожжение. Но Семеновых в это время здесь уже не было. Деятельность братьев продолжалась в другой старообрядческой пустыни, созданной ими на Ишиме близ города Тары. Иван оставил по себе память как талантливый проповедник.

К этому времени можно довольно уверенно говорить о связи Семеновых с Акинфием Демидовым. В 1720 году Гавриил Семенов некоторое время живет в тобольской его резиденции. Обращает на себя внимание и такое совпадение. Казенные власти направляют из Тобольска на Алтай рудознатцев Костылева, Волкова и Инютина — примерно в это же время Гавриил Семенов, откликаясь на призыв алтайских старообрядцев, посылает туда брата Ивана. Тот туда добирается, однако в полную силу развернуться не успевает — в марте 1723 года гибнет с единоверцами в Елунской «гари»[663].

Оставшимся братьям суждена была обильная приключениями жизнь. И жизнь — рядом с Демидовым.

Образ Гавриила в глазах человека, знакомого с его биографией, постоянно двоится, хотя темперамент и черты характера проступают общие. Семенов — лидер старообрядчества, авторитетный учитель жизни и распространитель веры. Автор «Дополнения…» оценивает его в этом качестве весьма высоко: «Не непричестен же сей муж и научению тамошних стран, кои не точию облиз Демидовых заводов. Научи многая благочестию, но и в далноразстоятелных местах поблизости барнаулских заводов и по великой Оби и даже до реки Енисея простре учения своего проповедь, которыя и потом в том непременно стояти утверждаются…»[664] Но Гавриил Семенов еще и человек при Демидове — энергичный и успешный проводник его интересов. Более узкая специализация Семенова в этой его ипостаси — всё, что связано с поиском месторождений руд. Причем занимался он не столько поиском как таковым (на это времени у него скорее всего не хватало), сколько связанной с ним организационной работой, включая «связи с общественностью». Вот в 1722 году он беседует с упомянутым Костылевым, и эта случившаяся на базаре их беседа — отнюдь не вероучительная. Костылев недавно подал две заявки на разработку открытых им медных месторождений. Именно они, а также еще незаявленные Семенова и интересуют. Убедившись, что Костылев действительно знает алейские руды[665], он предлагает свою поддержку: «…тебе де оных руд одному не поднять, разве де в том спомоществовать будет он, Семенов, для

того что де господин генерал его знает»[666]. Здесь нет прямого приглашения перейти в лагерь Демидова. Напротив, Семенов привлекает внимание собеседника к своей связи с другим влиятельным лицом — Генниным. Но для Костылева он — *демидовский* приказчик (так рудознатец в своей сказке его и называет). И интерес Акинфия за его уговорами просматривается отчетливо.

Площадка для деловых (горное дело и металлургия) контактов Акинфия с выговскими старообрядцами была подготовлена давно. Работавшие на местных рудах олонецкие металлургические заводы действовали со второй половины XVII века. С ними, естественно, было связано и окрестное население, не только перенимавшее от заводских специалистов знания и навыки, но и накапливавшее полевой опыт поиска и добычи руд. В 1705 году старообрядческое поселение на Выге было приписано к Повенецким железным заводам. Этим решением царь Петр I (по преданию, сказавший по поводу выговских пустынников: «Пускай живут»[667]) определил их место в системе приобретавшего все более тотальный характер крепостничества. Оставаясь формально свободными, здешние жители должны были обслуживать новый горно-металлургический комплекс, создававшийся на северо-западе страны.

Петр I оценил умения выговских старообрядцев. Еще лучше были о них осведомлены Никита и Акинфий Демидовы. И, несомненно, желали поставить себе на службу.

В ноябре 1723 года к Геннину обратился Гавриил Семенов, представленный в поданном ими доношении как олонецких петровских заводов приписной крестьянин и одновременно приказчик Акинфия Демидова. Он и три его товарища заявили, что желают в Сибирской губернии «изыскивать и всячески проведывать» медные и железные руды. Обещая объявлять о них Геннину «без всякого умедления», просили дать им соответствующий указ. Получив его, они, может быть, что-то потом и искали, но сведений об объявлении ими руд в горном ведомстве на середину 1730-х годов не было. В литературе высказано предположение, что указ был нужен Семенову, чтобы прятаться от властей. Согласившись с этим, выскажем сомнение по поводу другого предположения: что «Геннин и не старался добиться каких-либо известий от Гаврилы Семенова, но старался угодить Демидову — так ему было выгоднее»[668]. Вспомним, что обладавший деловой хваткой приписной с олонецких заводов был известен генералу лично. Отнюдь не исключено, что, давая просимый указ, он надеялся перетянуть Семенова от Демидова к себе.

В 1729 году Акинфий добился еще большей свободы для своего поверенного. Он известил Берг-коллегию о намерении посылать некоторых из приказчиков, в том числе Гавриила и Никифора Семеновых, «для прииску» в разные места и просил, чтобы никто не чинил им в том «помешательства». Коллегия просьбу удовлетворила, дала указ, назвав в нем Гавриила *Украинцевым*. Предполагают, что смена фамильного прозвания произошла тоже не без умысла — она затруднила его поиск борцам с расколом.

Выразительную характеристику места, которое занимал при Акинфий Гавриил Семенов, дает перешедший в православие старообрядец Григорий Яковлев: «…некоим случаем прислужился к нему (Демидову. — *И. Ю.)* сей поминаемый Гавриил, и быть при нем всегда дома его верный надзиратель, и другой некто над прикащиками его главный Стефан Егоров, тамошний житель, потаенный же раскольник»[669]. «Дома верный надзиратель» поставлен здесь на одну доску с «над прикащиками главным» — один пасет дом, другой — стадо менеджеров.

Кстати о Егорове. Он бессменно командовал на Нейве с 1734 года и сумел добиться такого доверия хозяина, что первым из демидовских людей получил полномочия, избавлявшие его от повседневного надзора. После смерти Акинфия служил и его наследникам. Степана с братом Яковом называют «самыми яркими из всех уральских заводских приказчиков»[670]. И хотя характеристики типа «самый из всех» всегда несколько настораживают, игнорировать их по «формальному признаку» было бы неправильно. Так вот, и Степан был старообрядцем, причем, и это примечательно, не пришлым (как Семенов и многие другие), а местным, сибирским — происходил из тюменских разночинцев.

На примере братьев Семеновых, Егорова и многих других, имена которых еще назовем или пропустим, видим степень глубины и естественность проникновения старообрядчества в горное царство Демидовых. Заводские управленцы разных уровней, другие лица, занимавшие сколько-нибудь значимые должности по управлению, — в большинстве старообрядцы.

Иван Филиппов так описал карьеру Гавриила Семенова. Первоначально он жил на сибирских заводах Демидова и по мере возможности помогал «братству» (Выговской пустыни) хлебом и деньгами. По его просьбе к нему «в пособь» были посланы брат Никифор и другие лица. Живя с Гавриилом, прибывшая с Выга «братия» «Гавриловым тщанием… прииска ше медную руду в дальнем разстоянии от старых заводов». Семенов объявил об этом Демидову, и после проверки тот начал строить у той руды заводы.

Теперь Гавриловы люди посылались «в пособь» уже к заводам. «Большим приказчиком» на них стал брат Никифор, трудившийся, «правя и строя оные заводы»[671].

Филиппов не указывает, где именно были основаны новые заводы и когда это произошло. Разумно предположить, что речь идет о предприятии на Алтае. Об интересе Гавриила Семенова к алейским рудам уже говорилось. Упоминание о посылке на заводы приказчиком его брата превращает предположение в неоспоримый факт: работа Никифора на Колы-вано-Воскресенском заводе отражена в документах.

Автор «Дополнения…» к «Истории…» Филиппова сообщает о реакции заводчика на труды Гавриила Семенова, который «в ыных и далнорастоятелных местех обыскав зело прибыточ-ныя руды и тамо основа заводы и насели ту жителями. За которую его услугу от господина Демидова много всеми вещьми опрезетован и чрез онаго прошение общежителное братство от Демидова по премногу одолжено бысть»[672]. Свидетельство очень интересное. Автор, человек весьма осведомленный, фактически утверждает, что внимание Акинфия Демидова к выговским беспоповцам не было вынесенным с детства. Его обеспечил вполне конкретный человек, приблизившийся к нему на рубеже 1720-х годов, — именно Гавриил Семенов.

И еще. Семенов «дальнорастоятелные» места и обследует, и населяет. При любых возможных возражениях и оговорках это деятельность по продвижению фронтира, работа по колонизации континента. Суть *цивилизаторская* деятельность. Семенов, старообрядцы — те, кто деятельно и успешно помогали Акинфию в этой тяжелейшей работе.

Откровения чернеца Паисия

Не претендуя на то, чтобы дать всесторонний очерк темы «Демидовы и старообрядчество» (она необъятна), в качестве иллюстрации того, какое распространение получили на демидовском Урале старая вера и ее приверженцы, обратимся к рассказу современника — первоначально ее адепту, позднее ей изменившему. Как это часто случается у предателей, рассказ не свободен от искажений и преувеличений. Но многие факты, в нем приведенные, в то время было нетрудно проверить, поэтому они скорее всего отражают реальность вполне объективно. Документ — доношение Сильвестра, митрополита Тобольского и Сибирского (1749—1755) в Контору Святейшего синода от 11 июня 1751 года[673] — относится ко времени после смерти Акинфия, но в нем немало сказано и об Акинфиевых временах. Для историка временной лаг даже выгоден. Смерть всесильного заводчика и последовавший за ней долгий раздел наследства ослабили страхи, развязали языки. Временная дистанция, отодвинув в сторону маловыразительное, позволила выделить самое яркое.

Итак, познакомимся с откровениями арестованного властями «раскольнического чернеца» Паисия, начинающего долгий рассказ со своей биографии.

Приближавшийся к тридцатилетию Паисий происходил из крестьян Тобольской епархии Исетской провинции какой-то из вотчин Успенского Долматова монастыря. При рождении имя ему было дано Павел.

«Отец ево, того Долматова монастыря крестьянин Никифор Переберин, назад тому болши двадцати лет от оного манастыря по набору с числа душ взят был в рекрута и служил в Санкт-Петербурге немногое время. И из той военной службы неведомо каким случаем покойной Акинфей Демидов того отца ево выручил и определил жить в Невьянском своем заводе, куды он, из монастырской вотчины перебрався, вседомовне и на житье з детми своими и с ним, Павлом, переехал и ныне там обретается. И живучи в том Невьянском Демидова заводе, он, Павел, научен тамошними расколники, а особливо приезжающим в тот завод с местечка, называемаго Сулатки, расколническим чернцом Моисеем и жившим близ Черноисточинского Демидова завода на острову расколническим же старцом Авраамием. Которой чернец у означенного покойного Демидова в особливой находился милости: и сам он, Демидов, ево посещал, и с собою в коляске возил, и снабдевал всеми потребностьми, и с них другие

расколнические старцы же под ево, Демидова, апекою находились. И построены там, на острову, преогромные двои зимние и летние с двенатцатью горницами для житья расколническим лжеучителям старцам хоромы. А в строении де тех хором, когда были строены, для виду разглашено было при заводах, якобы строятца оные для житья, якобы, на приезд некиих знатных особ. Куда и он, Демидов, как выше значитца, приезжая, посещал; где и он неоднократно бывал и содержал потаенной раскол толк *софонтиевшину».*

Далее Павел рассказывает о поездке в Долматов монастырь, предпринятой им для свидания с жившими поблизости родственниками. Здесь он совершает весьма неожиданный поступок: получив за «услугу» 70 рублей, своей волей идет в рекруты вместо тамошнего монастырского крестьянина и оказывается зачисленным в Оренбургский драгунский полк[675]. Часть дальнейших приключений пропускаем. Наконец, судьба сводит его с неким Тихоном Козьминым, жившим прежде в старой столице, а потом перебравшимся на Урал.

«В бытность свою в Москве и по прибытии с теткою своею, Гавриловой дочерью, да московского Ивановского девича монастыря со старицею Варсонофиею из Москвы в Демидова заводы, содержал он, Тихон, с ними, теткою и старицею, квакерскую ересь, называемую *христовщину,* а по их раскольническому толку *духовщину.* И сообщився тут с раскольники и живали с ним, Паисием, по разным в заводах же и около заводов местах. И сперва жил он, Паисий, у него, квакера, на подворье, а потом и двор ево за себя в том же Нижнотагилском заводе перевел. И за ведомом вышеобъявленных нижнотагилских расколников приказщика Федора Махотина и полицейскую должность правящего подьячего Демида Лебедева с товарищи во оном Нижнотагилском заводе жил он, Паисий, до нынешней ево поимки. Женат от роду не бывал, токмо под видом послужения держал при себе двух молодых девок. А в расколе будучи, исповедывался и причащался у вышепомянутого старца Аврамия, кои бывал из Великоновгородской епархии. Да и сам он, Паисий, по удостоению ево, Авраамия, и старца Антония подручных своих старцов и одну старицу исповедовал и по расколническому обычаю хлебными крошками причащал».

Рассказ рисует картину широкого распространения старообрядчества на демидовских заводах, особо выделяя два — Невьянский и Нижнетагильский. Всё происходит с ведома заводской администрации (приказчиков и подьячих), одновременно — под высшей дирекцией заводовладельца.

Паисий набрасывает портреты нескольких старообрядческих

учителей, «между Демидовых заводов и в самых заводах находящихся», из которых ограничимся одним — «расколнического лжеучителя чернца Севастияна, в Нижнотагилском заводе бывшаго». На завод он пришел «в чернеческом платье, дьяконом себя называя. Для угождения другим всякие толки держит, в том числе и к самоволному простых мужиков и невежд сожигателству объявляя и утверждая их, что тое самоволное их сожигателство будет де второе нескверное крещение и венец страдания, подговорщик. И у раскольников крестит младенцов и протчие потребы отправляет. И когда ездит для прельщения и подговору в раскол невежд, то называется Иваном Васильевым и на голове волосы стрижет. А жителство имел под укрывателством объявленных раскольников Махотина и Лебедева с товарыщи. Он же, Севастиан, и волхв великой. И тем своим волшебством привратил к себе на телесное смешение бывшую в том же Нижнотагильском заводе расколническую старицу Настасью и валялся с нею в скверности телесной. И так ее обволшебствовал, что, ежель когда она, старица Настасья, ево, Севастиана, не видит, то аки изумлена бывает. Которым волшебством и означенного Паисия повреждал и чють де не повредил. А жил он, Севастиан, как выше значит, в том Нижнотагилском заводе под укрывательством у прикащика Махотина, и подьячего Лебедева, и у протчих расколников. И о себе, стращая их, им, Махотину с товарыщи, он, Севастиан, говаривал, что ежели де они стоять за него не будут и к следствию в Тоболск отдадут, то де он за собою половину завода поволочет»[676].

Еще раз подчеркнем, что многое из сказанного может быть, конечно, и оговором. Но огромный авторитет, который имел старец, защищал его от любой клеветы. Его уважали. Его боялись.

Митрополит Сильвестр, из доношения которого заимствованы процитированные фрагменты показаний Паисия, упомянул в нем многие из приведенных имен. Документ содержит любопытные подробности того, как «десятоначалник» нижнетагильский священник Дмитрий Лапин пытался задержать Севастьяна. О последнем сообщается, что он «бывал прежде диаконом и имеется у тамошних Демидова заводов расколников главным лжеучителем, и веема грамотен, к тому ж волхв великой, что он жителство имеет в вышепомянутом Нижнотагилском заводе, Верхърудянской улицы в своей келье». Предпринятая 1 октября 1750 года спланированная акция (операция началась в первом часу ночи) успеха не принесла: Севастьяна «тамошние расколники Махотин с товарыщи отбили»[677].

Заводы были окружены раскольничьими скитами. По доносам

обывателей их иногда захватывали и разоряли, о чем сообщает и митрополит Сильвестр: «…сысканы… два раскольнических скита, ис которых в одном о четырех горницах с часовнею устроенном, было десять, а в другом три расколнические старицы, девки и бабы, и при них в каждом скиту по одному труднику потаенных беглых и незаписных расколников, в том числе один при недавно бывшей генералной ревизии показан Невьянской Демидова заводов богаделни богадельником. И из оных раскольнических стариц две только пойманы».

При столь широком распространении старообрядчества представители господствующей церкви чувствовали себя на демидовских заводах неуютно. Миссионерская деятельность здесь была малоэффективна (арестам «своих» препятствовали), а временами и опасна («…а за поимку их он, священник, и причетник ево, и понятые ис правоверных до полусмерти раскольниками прибиты и ругателски озлоблены»[678]). Строить новые храмы как в Туле, так и на Урале Демидовы не спешили. В Невьянском заводе деревянная трехпрестольная церковь была освящена в 1710 (один алтарь) и 1712 годах (два других)[679]. Пущенный в 1725 году Нижнетагильский завод церкви долгое время не имел. Рассказывая о неудачной попытке взять под караул потворствовавшего старообрядцам Махотина, Сильвестр упоминает о священнике Лапине, находившемся в это время поблизости «для истребования от дому господского потребного на пристройку по посланному от моего смирения указу к имеющейся во оном Нижнотагилском заводе часовне олтаря… на пол и на подволоку досчатого лесу». Далее разъяснено, что пиломатериалы понадобились, «чтоб устроить оную часовню церковию, понеже никакой церкви доныне *за нерачением обывателей* там не было, а дворового числа болши пятисот сорока, где имеется и самое прибежище, и гнездилище, и укрывател-ство от всех стран стекающихся раскольнических различных толков, тако ж и протчих незаписных и потаенных государьственных и помещичьих мужиков, суеверием расколническим помраченных»[680]. О том, что церкви на крупнейшем из демидовских заводов не было, по крайней мере, до середины 1730-х годов, говорит и его изображение, приложенное к завершенным в это время «Абрисам» (описанию заводов) В. Геннина[681].

Еще о демидовских приказчиках-староверах

Чернец Паисий, знакомя с наиболее выдающимися старообрядческими деятелями на заводах Демидовых, упомянул и Гавриила Семенова. «Перекрещиванцов толку в самом Невьянском Демидова заводе имеется монастырь. Под имянем оной состоял лжеучителя Гаврила Семенова, в коем жили девки Бархатовы, о которых выше значится. И оной Семенов перекрещивал людей, держал у себя баб, девок, блуда в грех не ставил, сам блудодействовал з девкой Василисой. Тут же жили бабы и девки сами между собою. Исповедываются и причащаются от мужиков простых и от баб. И оной же Гаврило был и волхв, а расколники де звали ево столпом великим и учителем якобы благочестия»[682].

Указания на распутный образ жизни старообрядческих духовных лидеров — общее место в писаниях их противников, деталь, носящая своего рода этикетный характер. Обсуждать ее не имеет смысла. Интерес в этом рассказе вызывают известие о женском монастыре при Невьянском заводе, который опекал Семенов, и оценка его личности в старообрядческой среде: он — столп великий и учитель благочестия. Теперь понятно, почему приказчик Акинфия оказался одновременно «дому его верным надзирателем». Надзиратель здесь — не начальник охраны. Носитель высочайшего нравственного авторитета, именно им охранял Гавриил Семенов покой невьянского дома Акинфия Демидова.

Любопытные сведения о братьях Семеновых, Гаврииле и Никифоре, можно извлечь из упоминавшегося письма Акинфия Демидова в Колывано-Воскресенскую заводскую контору от 17 июля 1732 года. Здесь, на Колывани, служил Никифор Семенов, помимо прочего, искавший для Акинфия серебряную руду. Письмо Акинфия начинается словами: «Просил нас Таврило Семенов, чтоб обретающагося в Колыванских заводех брата ево Никифора Семенова с тех заводов свободна учинить». Зададимся вопросом: зачем заводчику оповещать своих приказчиков, что некто ходатайствовал о перемещении одного из них? Вероятный ответ: для указания на лицо, настолько для них авторитетное, что вопрос о целесообразности действия снимается. Больше того, сообщая, что исходный импульс идет от чужой воли, всесильный Демидов не стесняется в этом (в покорении ей) признаться. Вот уж действительно «дома его надзиратель» — оказывается, в чем-

то он и за хозяином надзирает, а тот его слушается.

Впрочем, не беспрекословно. Письмо интересно еще и тем, что в нем ищут компромисс, готовность подчиниться цели, неизвестной нам, но, вероятно, более высокой, чем деловой интерес, и естественная для предпринимателя расчетливость. Акинфий и готов отпустить, но требует, чтобы Никифора, бывшего несколько лет при заводе «у приходу и у росходу денежной нашей казны и протчаго», предварительно «во всем счесть справедливостию». Акинфий даже удивляется, почему это не сделано до сей поры, и, словно забыв, что «торг здесь неуместен», рассуждает так, как если бы Никифор был рядовым приказчиком. Даже высказывает предположения на этот счет, бросающие на того тень подозрения: «И веема я сумни-телен, что он о своем щете сам очистки о себе не требует. Ежели б он в том был чист, то б он о счете своем непрестанно нас просил. Д[а] ему б и самому веема то надобно»[683].

Чувствовавшие себя в безопасности под защитой Акинфия старообрядцы и их духовные лидеры имели, конечно, немало и недоброжелателей. Следствие о партикулярных заводах и возвращение на Урал Татищева, относившегося к ним, как и к Демидову, резко отрицательно, ухудшили их положение.

Имя Гавриила Семенова мелькает в документах, отразивших пребывание в 1733—1734 годах на демидовских заводах капитан-поручика Саввы Кожухова, производившего здесь, как мы помним, дознание в связи с подозрением об утайке налогов. Старообрядцы на заводах, с которыми он встречался много раз на день, его как таковые не волновали — инструкция, которой он руководствовался, их не упоминала. Для него они были демидовскими служащими и работниками — и только. Но проигнорировать произнесение при нем «слова и дела государева» он, конечно, не мог. Эти слова были сказаны известным нам (вспомним историю с сокрытием книг) священником Никитой Петровым. 15 октября 1733 года он донес на живших при Невьянском заводе Гавриила Семенова, Александра Ананьина, мастера Тимофея Козмина и вдову Елизавету Иванову. Как и всегда в таких случаях, на местах заявителей не допрашивали. От представителей власти, которым было сказано «слово и дело», требовалось единственное — обеспечив безопасность, как можно скорее доставить их в занимавшееся подобными делами центральное учреждение. Чем — поиском тех, на кого заявили, и подготовкой препровождения — Кожухов сразу и занялся. Мужчин привели к нему сразу, за вдовой пришлось ехать на Быньговский завод, но вскоре отыскали и ее. Уже 17 октября Кожухов распорядился заковать всех в

кандалы и отправить «на их коште» в Верхотурскую провинциальную канцелярию, выделив для сопровождения капрала и пятерых солдат — по одному на конвоируемого. 22 октября их доставили в Верхотурье и под расписку там сдали. В тот же день в сопровождении теперь уже верхотурских служилых людей Семенов и прочие с ним отправились дальше — в канцелярию губернскую, в Тобольск[684].

Гавриила Семенова взяли, в общем, случайно — только потому, что в Невьянске появился чиновник, не связанный с системой местной власти, сквозь пальцы смотревший на ту свободу, которую Акинфий явочным порядком предоставил старообрядцам. Гавриил выйдет из этого приключения невредимым и отойдет в мир иной, недолго поболев, нескоро — только 6 марта 1750 года[685].

Со староверами систематически боролись преимущественно церковные власти, прочие подключались по мере надобности. Старообрядцы не особенно их боялись, а в тех случаях, когда те добивались успехов, осуществляли контроперации.

Примером может служить дерзкая акция, спланированная и осуществленная Родионом Набатовым, еще одним демидовским приказчиком.

Строго говоря, Набатова нельзя считать «чисто» демидовским человеком. В разное время он служил разным хозяевам. (Осенью 1733 года, подтверждая знакомство с объявленным капитаном Кожуховым распоряжением, подписался: «Осокиных заводу сей ея императорского величества имянной указ Родион Набатов слышал»[686].) Но в эпизоде, о котором расскажем, он действует уже в качестве приказчика демидовского.

В 1736 году Набатов подготовил поразительный по смелости идеи побег своего единоверца — схваченного властями старца Ефрема Сибиряка. Отработка деталей заняла три месяца. Родион сумел проникнуть в Тобольский кремль, где под караулом в кандалах содержался Ефрем, сумел встретиться с ним и сообщить план операции. Всё и всех подготовив, исчез. 19 декабря, когда Ефрема, предварительно расковав ему ножные кандалы, вели по тюремному двору в камеру, сопровождавший его солдат остановился «для мочения». Пара притормозила недалеко от узкой бойницы в стене, обычно забранной ставнями, но в тот момент открытой. Возвратившийся к исполнению обязанностей солдат обнаружил исчезновение узника. Ефрем с руками, скованными кандалами, проник в оконце и скатился с пятидесятиметрового откоса к саням, где его уже ждал казак. Какое-то время спустя беглец был доставлен на земли Демидова — сначала в Невьянск, потом в Нижний Тагил, на окраине

которого укрылся в маленькой старообрядческой обители[687].

А Набатов? Набатова давно уже след простыл. Закончив подготовку операции, он в качестве приказчика уехал на Колывано-Воскресенский завод. Имя его всплыло позже. В цитировавшемся письме митрополита Сильвестра он обвинен во множестве преступлений, перечисленных бегло, списком, но от того не потускневших: «…в подговоре им, Набатовым, известнаго расколническаго лжеучителя Ефрема Яковлева ис-под крепкого караула из-за часовых салдат из Тобольска з гобвахты бежать, и в писании к нему, Ефрему, писем и в прочте тех писем от него, Ефрема, которые писма писаны в согласие с ним, Ефремом, о побеге ему, Ефрему, ис-под караула, и о уходе чрез городовую стену в окошко, и в научении тюменского казака Петра Алексеева Зубарева, он же и Калмык, во взятье ево, Ефрема, в воскресенье по полудни в первом на десять часу под горой, у городовой каменной стены, у башни, по Прямскому звозу, где зделан канал, и в показании того места ему, Калмыку, и в держании по побеге ево, Ефрема, в доме у себя тайно, и в научении расколника Стефана Плотникова к свозу к себе в дом ис Тюмени по побеге ево, Ефрема, ис-под крепкого караула, и в даче караулному часовому салдату Тимофею Никитину денег…»[688] Отважный Набатов будет арестован, потом еще раз, подвергнется допросу с пристрастием в Тобольске и Москве. Его рука, заверяя в 1757 году пункты поданного им прошения, дрожит, буквально трясется — почерк совершенно иной, нежели прежде. Историк, работавший с его документами, замечает: «Это, надо полагать, последствия недавнего пребывания Родиона Федоровича в московских синодальных застенках»[689].

Мучения, испытанные Набатовым, терзали не только стойкого в вере старообрядца. Он страдал и как талантливый специалист-металлург, в бытность приказчиком Иргинского завода П. Осокина усовершенствовавший там технологию выплавки меди и позднее пытавшийся ее как можно шире внедрить. Акинфий, как вспоминал Набатов, «ради сыскания к его заводам потребных к тому действию флюсов и крепкой глины и устонову прямо на черную медь» его (Набатова) «призвав, определил»[690]. Неудивительно, что новатор оказался на Колывано-Воскресенском заводе. Здесь, вдали от столиц, было спокойнее ему — скрывавшемуся после блистательного похищения в Тобольске старообрядцу. Но приезд Набатова на Алтай был выгоден и Акинфию. Нововведения Набатова касались начальной стадии процесса — именно той, которая там осуществлялась (напомним, что черную медь везли для переработки на Урал).

Успехи Демидова в цветной металлургии — отчасти заслуга и таких людей, как Набатов.

Борьба со старообрядцами на заводах. Их «выгонка»

Старообрядчество искореняли — при этом терпели. Боролись временами яростно, временами вяло, но никогда не на уничтожение. Даже те, кто мечтал о его искоренении, осознавали, что перед ними цель отдаленная и труднодостижимая. Вполне же реальным казалось выявить одну из бесчисленных групп скрывавшихся старообрядцев и заставить либо присоединиться к господствующей церкви, либо перейти в категорию так называемых «записных» старообрядцев. Последнее для государства в материальном плане было даже выгоднее: они платили двойной налог.

Правительство Анны Иоанновны продемонстрировало исключительную настойчивость в попытках заставить подданных вовремя платить текущие налоги и рассчитаться по долгам (Следствие о заводах — пример того, как это делалось). Решая эту задачу, нельзя было пройти мимо категории населения, налогов вообще не платившей, — мимо беглых. Начинается упорная работа с целью их переловить и отправить «на прежние жилища». После включения России осенью 1733 года в борьбу за «польское наследство» и вступления русских войск на территорию Речи Посполитой появляется возможность захватить беглых, скрывавшихся за границей. В 1733— 1734 годах одна за другой партии их отправляются вглубь необъятной империи.

Особенный интерес для выявления представляли беглые старообрядцы. Обнаружив такого и возвратив в правовое поле, казна получала не простого налогоплательщика, но плательщика за двоих. В районах распространения старообрядчества начинается работа по выявлению скрывающихся, выяснению, кто они и откуда. Начинается их рассылка на места первоначальной приписки для положения там в оклад. У западной границы едва ли не самая масштабная акция такого рода — «выгонка» крупного старообрядческого центра Ветки (современная Гомельская область), осуществленная после ее занятия пятью армейскими полками в начале апреля 1735 года[691].

(Обратим внимание на парадокс: «выгонка», репрессивная в отношении старообрядцев акция, лишь способствовала распространению старой веры по пути следования двигавшихся по России партий старообрядцев. Вот как в 1750 году рассказывал о своем обращении в старую веру один из тульских старообрядцев Иван Котельников: «А как в прошлых годех тому лет с пятнатцать,

в котором подлинно сказать не знает, чрез город Тулу летним времянем везены были с Ветки раскольники монахи и белцы в Москву, то в том городе Туле близ Оружей-наго, называемаго Бархотного, двора, те расколники имели станцию более недели, куда он, Иван, с протчими тулскими жителми, а с кем имянно не упомънит, для гуляния неоднократно хаживали. И между разговоров те расколники учили их, что надлежит креститца двоеперстным сложением, понеже де и в старину так маливались, а троеперстным де сложением изложен крест вновь, також де и брады брить и платье немецкое носить грех. И по тому их обучению он, Иван, двоеперстным сложением молитца начал, с котораго времяни и поныне так двоеперстно креститца, и бороду не бреет, и руское платье носит»[692].)

Работу по выявлению скрывающихся старообрядцев вели не только у западных границ империи. Остается лишь удивляться, что период относительно спокойного существования нелегального старообрядчества при уральских заводах продлился до середины 1730-х годов[693]. При этом «потаенные» старообрядцы (а долгое время все они были такими) верили, что могут выйти из тени без дополнительных обременении и ущемления прав. После переговоров с недавно возвратившимся на Урал Татищевым группа таких надеявшихся легализоваться старообрядцев, поповцев и беспоповцев (объединенная!), живших близ заводов Акинфия Демидова, подала в Канцелярию главного правления заводов доношение с просьбой об отводе им мест под поселение. Решения они ждали долго, не выдержали и изыскали случай обратиться непосредственно к императрице. Признавая высшую власть и соглашаясь платить двойную подать, они просили оставить их жить на тех местах, «где кто ныне имеетца», и узаконить священство, которое служило бы по старым книгам, хотя и поставлялось от государственной церкви. Их челобитная была подана 25 сентября 1735 года. Указ императрицы появился через полтора месяца — 12 ноября. Он перечеркнул надежды заводских старообрядцев на «мягкое» врастание в легальные структуры общества, напротив, открыл кампанию по принудительному в них включению в единственной в то время законной форме — записных старообрядцев[694]. Значительная часть работы по исполнению указа легла на Татищева.

В задании, полученном Татищевым при отправлении на Урал, поручения заниматься старообрядцами еще не было. Были указания по поводу беглых. В инструкции, данной ему 23 марта 1734 года, рекомендовалось заводские работы возможно шире «исправлять вольным наймом, принимая с помещиковыми и управительскими паспортами; токмо того накрепко смотреть,

чтоб паспорты были правдивые». Оставаться «на житье» пришлым из «Русских городов» ни при каких заводах не разрешалось. «А которые до сего времени поселились, тех описав именно, кто чей и откуда, давно ль пришел, и кто их принимал: прислать к Нам известие». Беглые упоминались и в пункте, поручавшем Татищеву смотрение над частными заводами, в том числе демидовскими: предписывалось, чтобы хозяева их «не приманивали и не держали»[695]. Перечисленное — вполне традиционные меры, демонстрирующие решимость правительства продолжать борьбу за полноту охвата тяглого населения. Старообрядцы в этой связи прямо названы в инструкции не были, хотя очевидно, что, начни требуемое исполнять в населенном староверами крае, — такая его специфика должна была сразу вскрыться.

Тем временем Раскольническая контора занималась сбором губернских и провинциальных ведомостей за 1732—1734 годы «о раскольниках и бородачах и о сборе с них и о доимке». Они требовались для составления сводной ведомости, предназначенной для Ревизион-коллегии. Сенат 29 июля 1735 года приказал своей московской конторе распорядиться прислать их немедленно, а после посылать «неотменно» в начале каждого года. За невыполнение распоряжения пугал местную власть штрафами[696].

В эту работу на своем участке включился и Татищев. Из именного указа, данного ему из Кабинета министров 12 ноября того же года, узнаем, что в ходе переписи «явились в разных местах», в лесах, старообрядцы, частью монахи, частью бельцы. Одно из монашеских гнезд он обнаружил близ Черноисточинского завода Демидова. Указ повелевал развезти их жителей по разным монастырям Сибири, по два-три человека в каждый, держать там в особых кельях в мирском платье, увещевать. Тех, которые обратятся, — постригать вновь. Бельцев, посадских и крестьян вывести с пожитками из леса и поселить при заводах для работ в таких местах, чтобы они не могли распространять свою «ересь»[697]. Татищев эти требования исполнял, ему помогали воинские команды, обшаривавшие окрестности предприятий. Антистарообрядческие акции на уральских заводах середины 1730-х годов получили в литературе название «выгонки».

В составленную Татищевым перепись попали 1250 душ мужского пола и 611 — женского[698]. Вот так. Еще в 1727 году Сибирская канцелярия доносила в Раскольническую контору, что при тех заводах раскольников нет[699]. Восемь лет спустя Татищев обнаружил их множество. То ли проповедь находила отклик, то ли татищевские подсчеты были не без изъяна.

Татищев в факте быстрого распространения на заводах старообрядчества не сомневался. В октябре 1736 года он информировал Генералберг-директориум: «Раскольников де в тех местах умножилось, а наипаче, что на партикулярных заводах Демидовых и Осокиных *прикащики едва не все, да и сами промышленники некоторые расколники»* (курсив наш). Он, однако, осознавал, что «ежели оных выслать, то конечно им заводов содержать не кем и в заводех Ея Императорскаго Величества будет не без вреда: ибо там при многих мануфактурах, яко жестяной, проволочной, стальной, укладной, и почитай все харчами и прочими потребностями торгуют Олончане, Туляне и Керженцы». Тот факт, что большинство захваченных им старообрядцев бежали (один побег, организованный Родионом Набатовым, мы описали), его не деморализовал. Борьба продолжалась: «…чтоб Ея Императорскому Величеству о числе их (старообрядцев. — *И. Ю.)* подлинно известно было, послал он их везде переписать и обстоятельно донесет». Татищев уведомлял и о том, что «у Демидова в лесу есть пустыня, и где корень онаго суеверия находится…»[700].

Определив выявленных старообрядцев в «записные», Татищев насчитал с них «за раскол» 2540 рублей. Осознавая, что получить эту сумму будет непросто, он постановил взять вместо нее с Сулемской пристани Акинфиево железо. Указ из столицы этому помешал. Тогда Татищев донес о ситуации в Раскольническую контору, а та стала добиваться взыскания с Демидова этой суммы через Сенат[701].

В мае 1737 года вышел указ Сената, подтвердивший требование всех незаписных старообрядцев первым делом «от заблуждения к познанию истинной веры увещевать», и только если увещевания окажутся напрасными — записывать «в раскол»[702]. Одновременно ужесточалось законодательство: вышел сенатский указ от 21 марта 1738 года «О наказании раскольников за подговор к переходу из православной веры в раскольническую секту и за распространение раскола»[703]. Татищев по ходу выгонки большого внимания увещеванию не уделял — заниматься им должны были духовные власти. Это давало возможность спорить с результатами переписи, пытаться сократить список тех, «за раскол» которых предстояло платить двойной оклад.

В июне 1738 года по указу из Сената было приказано на сибирских заводах Акинфия Демидова «учинить» новую перепись пришлым. Старообрядцев следовало увещевать и записывать «в раскол» только при отсутствии успеха[704]. Указ позволял скорректировать итоги переписи. Демидовский приказчик Степан

Гла-дилов настойчиво этого добивался, твердил, что состав заводского населения с прошлой переписи изменился: «…которые положены в подушной оклад, с тех заводов господина моего многое число сошли к разным заводчикам и на старые жилища и в другие места». Он просил, чтобы до «подлинного о старообрядцах свидетельства и увещевания их на господине моем за тех людей денег взыскивать не определено б было»[705].

Демидов прикрывал старообрядцев, входил в связанные с этим расходы, щедро помогал их центрам и создавал под боком новые. Но платить в казну лишние деньги, не поборовшись за избавление от побора, позволить себе, разумеется, не мог.

Тульские староверы и их защитники

«Пока неясно, — отмечал один из авторитетных исследователей, — когда именно Демидовы установили тесный контакт со старообрядчеством — еще в Туле или уже на Урале»[706]. Ответа на этот вопрос не появилось и через два десятилетия после того, как были написаны эти слова. В том числе — потому, что раннее тульское старообрядчество изучено несоизмеримо меньше, чем уральское. Как результат, не удается не только выявить факты первых контактов, но даже сравнить положение старообрядчества на демидовских заводах Урала и Алтая с его положением в это время в промышленной Туле. Впрочем, накопленного историками материала уже достаточно, чтобы в общих чертах выяснить, какое место занимали староверы на родине Демидовых, как к ним относилось местное население и, в частности, довольно многочисленные в Туле металлозаводчики.

Тула, из которой одни Демидовы вышли и возвратились, а другие и не выходили, была связана со старообрядчеством тоже довольно тесно. Начнем с эпизода, в котором Демидовы в качестве действующих лиц отсутствуют, однако целой группой присутствуют представители других предпринимательских фамилий.

30 июля 1737 года в Тульскую провинциальную канцелярию поступило доношение Успенского девичьего монастыря игуменьи Ансифы. Она сообщила, что 7 марта по указу епископа Коломенского и Каширского Вениамина к ней прибыли монахини из «раскольниц» — «женская одна, девок четыре», содержать которых было велено в особых кельях в мирском платье. Сторожить их игуменья поручила трем монастырским служителям. Но они, по ее словам, без разрешения «отлучились в черкаския городы для торговаго промыслу», передав охрану Авдотье, жене одного из них. 29 июля, ночью, когда та спала, монахини бежали. Игуменья просила организовать их поиск и публично оповестить о нем в Туле и приписных городах. Просьбу, естественно, удовлетворили[707].

Одного из приставленных к охране служек отправили в Коломну, в Духовный приказ. Тот объявил иную, чем названную игуменьей, причину своего отсутствия: свалил всё на приключившуюся с ним «животную болезнь». Он утверждал, что прежде никого к узницам не допускал, но назвал тех, кто ими интересовался. «Токмо де прихаживал, — сообщил он, — к тем же раскольницам для подания милостыни туленин посацкой человек

Фотий Иванов сын Черников, да присылывали ж милостыню туляня ж посацкие люди Алексей Перфильев сын Масалов, Фома Карнеев сын Лугинин, вдова Устинья Никифорова дочь Артемьевская жена Ливенцова да… Антип Постухов». Непосредственного контакта с заключенными они не имели: «милостыню оные люди подавали к ним толко в окошко, а речей никаких… не говаривали».

Фигуры Постухова и его жены высветились в этой истории еще прежде показаний, снятых в Духовном приказе: после побега нашли «просителное писмо к тулскому посацкому человеку Антипе Герасимову сыну Постухову и к жене ево Пелагее Никифоровой, чтоб они, Постухов з женою, выкупили их, расколниц, ис той неволи; и о том бы бил челом епископу и перемолвил с ним наедине, можно ль их отпустить на откуп, и, ежели де можно, то б он их в том не оставил».

В июле 1738 года проштрафившегося служку отправили в Тулу, передав там для розыска провинциальной канцелярии. Приказано было «сыскать» и всех сочувствовавших, дабы выяснить «не их ли каким происком и старанием те раскольницы бежали». Была прямо высказана и причина, обусловившая особое к ним внимание: они, «может быть, сами таковые ж расколники». Подозрительное письмо Постухову было обнаружено *после* побега, то есть, получается, послано оно не было, только готовилось. Тем не менее из круга возможных фигурантов не исключили даже епископа — у Постухова предписано было спросить: по просьбе узниц он к «архиерею прошение имел ли»? Помимо допросов (обстоятельных и с пристрастием) приказано было провести очные ставки.

Провинциальная канцелярия отчиталась о проделанном в начале декабря. Все были сысканы и допрошены. Постуховы ни в чем предосудительном не признались — жена, в частности, сказала, что способа, каким беглянки освободились, не ведает, что «расколу за собою не имеет, и ни за кем не знает». Черников тот факт, что «милостину подал», подтвердил. Но, во-первых, приходил с этим всего раз; во-вторых, при свидетеле (охраннике); в-третьих, подавал он «не токмо де тем раскольницам, но и всем». Охранника пытали, но он ничего, что помогло бы расследованию, не сообщил. Чем закончилась история, неизвестно — самые поздние документы относятся к тому же декабрю, когда он оставался под караулом[708].

Эта история, в общем вполне рядовая, интересна тем, что приоткрывает возможную связь со старообрядчеством сразу нескольких родов, занимавших выдающееся место среди предпринимателей Тулы. Мосоловы, Лугинины, Ливенцовы,

Постуховы — ее промышленная и торговая элита. До этого уровня недотягивают Черниковы, но и они заметны. Прибавим к ним нескольких небезразличных нам фамилий, имевших своих представителей среди записных старообрядцев старой Тулы: Баташевы, Коробковы, Пальцовы, Володимеровы, Лугинины[709].

Почти все эти фамилии были между собой породнены[710], и почти все связаны с Демидовыми. Одних соединяли с ними связи семейные (отношения родства и свойства), других — деловые, а нередко — те и другие вместе. Ближе всех к Демидовым стояли причастные к побегу старообрядок Постуховы. Из этого рода взяли себе жен Никита Никитич и его племянник Прокофий Акинфиевич. Выделяются и Баташевы, о давних связях которых с Демидовыми на профессиональном поле упоминалось — они то сотрудничали, то, чаще, ссорились с Никитой Антюфеевым. Но в Туле XVIII века они же выступили медиаторами, соединявшими все ее наиболее заметные бизнес-фамилии[711].

Характерно, однако, что у известных нам записных старообрядцев из этих фамилий контакты с Демидовыми не прослеживаются. Это, в общем, не удивляет — они и Демидовы принадлежали к разным социальным слоям. Судя по тульским данным, записывались «в раскол» преимущественно представители малоимущего городского населения. Воротилы бизнеса совмещать пребывание «в расколе» и эффективную предпринимательскую деятельность не могли — мешали ограничения. Это, разумеется, не отменяет возможности контактов между ними в принципе, но если они были, то скорее семейно-бытового плана, в своем большинстве не документировавшиеся.

Итак, в Туле Демидовы были окружены довольно плотным кольцом лиц, сочувствовавших старообрядчеству, а возможно, и принадлежавших к нему. Пусть демонстрация этого сочувствия была не столь явной, как на их сибирских заводах. Но вполне очевидно, что оно было. Это косвенный аргумент в пользу предположения, что они сами принадлежали к тем, кого в официальных документах того времени именовали «потаенными раскольниками».

Есть, правда, одно обстоятельство, которое не позволяет тесно связать демидовское старообрядчество в Туле со староверием на Урале и Алтае. Рупором старообрядческой пропаганды на демидовских заводах Каменного пояса выступали беспоповцы Выга и поповцы с Керженца — именно оттуда пришли деятели, сумевшие пробиться в ближайшее окружение Акинфия Демидова. То, что нам известно о староверии в Туле, указывает в первую очередь на тех старообрядцев-поповцев, центры которых

Стародубье и Ветка находились на западе империи. Получается, что в Тулу и на Урал старая вера перетекала через посредство адептов, принадлежавших к далеким друг от друга их группам. Отражает ли этот вывод реальную картину или демонстрирует пока еще недостаточную изученность истории старообрядчества в Туле (что очень возможно) — покажет будущее.

Акинфий Демидов — старообрядец?

Распространенность старообрядчества в предпринимательской среде Тулы с неизбежностью порождает вопрос о принадлежности к нему самих Демидовых. Был ли старообрядцем, в частности, Акинфий Демидов?

Отбросим приведенные раньше свидетельства укрывательства Демидовыми старообрядцев и данные о помощи, которую они оказывали их центрам. Скептик объяснит их практическим расчетом, стремлением привлечь дополнительный трудовой ресурс для развития Дела. В том, что Демидовы лично принадлежали к старообрядчеству, с помощью этих аргументов не убедить, достаточной доказательной силой они не обладают.

Между тем Демидовых в этом подозревали не только историки следующих поколений, но и современники. Вот несколько таких случаев.

Первый упоминался. Имеем в виду подозрения, возникшие в связи с погребением дочери Никиты Никитича Демидова Татьяны. Напомним, что доказать что-либо по главному пункту доноса (что ее якобы убил отец) не удалось. А вот факт подмены документа с удалением из него упоминания о подозрительном нарушении погребального ритуала установлен был. И хотя слово «раскол» в связи с этим нарушением в известных нам документах отсутствует, именно оно приходит на ум, когда размышляешь, чего мог опасаться Никита, организуя подлог. Если не раскол, то принадлежность к тайной секте.

Второй случай касается человека из ближайшего окружения Акинфия, брата его жены, в отношении которого о «расколе» говорилось прямо. Имеем в виду упоминавшийся в третьей главе инцидент 1719 года с Семеном Палцовым, то ли ненароком, то ли умышленно расплавившим в чугуне медный крест. Расследуя этот случай, в Преображенском приказе интересовались, помимо прочего, «за тем Семеном раскол и иконоборство есть ли», и расспрашивали об этом фигурантов[712]. Семен оправдался, но пятно осталось.

Третий касается борьбы вокруг наследства, оставленного Акинфием. «Вокруг раздела шла борьба и плелись интриги, — писал Б.Б. Кафенгауз, — связанные со слухами о приверженности Демидовых к расколу; не обошлось без попыток лишить младшего из сыновей Ак. Демидова и его вдову наследства. Демидовы должны были представить подробные сведения, когда и у кого они бывали на исповеди. Дело кончилось для них благополучно, но младший брат с материю получили предупреждение, что будут

лишены своей части имущества, если подтвердится в будущем их причастность к расколу»[713].

Обратим внимание, что основное внимание привлекли вдова и младший сын[714], при Акинфии пребывавшие преимущественно в Невьянском заводе — не только заводском центре, но и старообрядческом гнезде. Как нам представляется, Прокофий и Григорий, жившие в отдалении от него, соответственно и со старообрядчеством были связаны менее тесно или вообще не связаны. То, что мы знаем об их самостоятельной после смерти отца жизни, отчетливой старообрядческой составляющей как будто не включает.

Да, Тула являлась центром, в котором старообрядчество, как мы убедились, тоже было весьма распространено. Пускай не в такой степени, как на сибирских заводах, но все же. Изобилие старообрядцев на Урале, Алтае, на родине Демидовых — факт важный. Но тоже недостаточный, чтобы утверждать, что и они были «потаенными раскольниками». Вопрос остается открытым.

Приводимые ниже данные позволяют определиться в нем значительно более уверенно. Заимствуем их из показаний известного нам первоначально старообрядческого, а позднее перешедшего в лоно официальной церкви чернеца Паисия:

«Да года де тому з два получил он, Паисий, к себе писмо чрез вышеупоминаемаго квакера Тихона Козмина с Поморья из Заонежья от расколнической старицы Анны Дмитриевой, коя покойному Акинфею Демидову сродная (так. — *И. Ю.)* сестра, которыя де мать была ему, Демидову тетка родная, и имели оне прежде сего жителство в ево, Демидова, Невьянском заводе. В коем она, Анна, вышед за другаго мужа, расколника Прянишникова, и не хотя с ним жить, из оного заводу бежала во означенное местечко Заонежье, где содержит толк перекрещиванцов. А в том писме к нему, Паисию, пишет, чтоб туда к ней приехал без всякаго опасения. А при том она и другие из Москвы и из города Володимера Ржева присылали к нему, Паисию, и к протчим расколникам в заводах Демидова обретающимся лжеучителям на молитву немалыя презенты бархатом и камками, что все привозил вышеозначенной же квакер Тихон Космин, ибо он ежегодно от него, Паисия, в руские города волочился. И в бытность свою тамо, имеет он, квакер пристань и прибежище, а имянно, в Кержанце у старицы Иринархи, коя в демидовских же прежде заводех живала, да в Ярославле у купца Афонасья Иванова сына Юфтникова, да близ Москвы в селе Ивановском у раскольника Григорья Иванова»[715].

Содержащаяся в этом отрывке информация, можно думать, во многом достоверна. Это не эротические картинки, представавшие

воспаленному воображению. Свидетельство Паисия указывает, во-первых, на наличие несомненных старообрядцев среди ближайших родственников Акинфия. Такова старица Анна Дмитриева, во втором браке Прянишникова, двоюродная сестра Акинфия Демидова (ее мать, получается, была сестрой Никиты Демидовича или его супруги). Одно время она жила на Невьянском заводе, потом перебралась в Заонежье. Первым ее мужем был старший брат невьянского приказчика Терентия Ивановича Лыскова. Невьянские Лысковы, происходившие из посадского населения Соликамска, принадлежали к старожилам Невьянского завода — жили в нем почти с самого основания[716]. Старица Анна — не рядовой функционер. Она — деятель. Старую веру не просто исповедует, но служит ей (руководит общиной — «содержит толк перекрещиванцов»). И, несомненно, в той или иной степени ее распространяет, ведя миссионерскую работу.

Во-вторых, источник вскрывает связь Анны с выговскими старообрядцами. О помощи Акинфия Выгу сохранила память старообрядческая историография. Уже цитировались слова анонимного автора «Дополнения…» к «Истории…» Филиппова, прямо писавшего, что здешнее «общежителное братство от Демидова по премногу одолжено бысть». «Ово даянием пенязей, — продолжает он далее, — в ово медию и железом, ово же хлебом приволских промыслах». По его мнению, всё это — результат стараний «всеусердного попечителя» Гавриила Семенова: «Чрез онаго бо прозбу украси Выголексенское общежителство с прекрасным звоном, прислав многия колокола, которыя и доныне жителей своим звоном утешают. Наипаче много ползова сей Демидов общежителство по случившемся пожаре в Лексенском девичьем монастыре, такожде во оно время и на Коровьем дворе, в то бо егда услышав оный пожар много имения на строение посла, которым сооружиша бедным сиротам многия на вселения храмы, все ж сие бысть тщанием и услугою сего пользодателнаго мужа»[717]. Обнаруженная связь демидовской сестры с Выгом говорит о том, что щедрость к нему Акинфия могла иметь несколько причин. Прибыв с Невьянского завода в Заонежье, старица Анна не могла не посетить Лексинский монастырь, больше того, может быть, именно в нем или рядом с ним она и жила. Не принижая роли, которую сыграла пропаганда Гавриилы Семенова, видим, что связи Акинфия с Выгом были прочнее.

В-третьих, приведенные выше свидетельства демонстрируют деятельное внимание, оказывавшееся Акинфием своим уральским старообрядцам и их духовным лидерам (построил для них роскошные хоромы, которые и скитом-то назвать язык не поворачивается, лично посещал строительство и пр.), и —

особенно интересно! — публично выраженные знаки уважения к ним (сажал в коляску).

Так был ли Акинфий Демидов потаенным старообрядцем? Судя по тому, что мы сейчас по этому поводу знаем, окончательного ответа на этот вопрос не будет получено никогда. В том числе потому, что при широком распространении такого явления, как «потаенный раскол», порождавшего весьма причудливые формы поведенческого компромисса для лиц, как бы одновременно принадлежавших вере «древлей» и «новой», даже при хорошей осведомленности в фактах определиться с конфессиональной принадлежностью конкретного лица трудно, подчас невозможно.

Но продолжающееся изучение вопроса применительно к Акинфию Демидову все больше приближает нас к ответу на заданный вопрос. Ответу положительному.

Глава 9.
ПОСЛЕДНИЙ ГОД. ЗАГАДКА АКИНФИЯ

Повседневность созидания. «Обретение» золота и судьба Алтая

Вернемся к короткому периоду Акинфиева триумфа — к году с небольшим после памятного ему июльского дня 1744 года, когда императрица Елизавета Петровна взяла его в «протекцию и защищение». Все это время на Урале продолжалась напряженная созидательная работа: Акинфий снова и снова перечитывал им написанное, редактировал, добавлял новые страницы.

В 1744 году он пустил строившийся уже несколько лет Висимо-Шайтанский завод, осуществлявший передел чугуна Нижнетагильского завода, находившегося от него в 47 верстах. В том же году, в октябре, заработал четвертый завод из группы кунгурских — Ашапский. Он был крупнее Бымовского, имел восемь печей. Кроме того, в отличие от последнего, технологический цикл на нем являлся завершенным: полученная черная медь здесь же и очищалась[718].

Демидовский Урал заводами прирастал, в Туле же производство постепенно сворачивалось. Остановка там в 1744 году домны завода не остановила, но он был радикально «переформатирован». Из предприятия полного цикла превратился в передельное — перерабатывал в железо запас ранее выплавленного чугуна. Молоты еще ковали, но дни завода были сочтены. Запасы чугуна сокращались, а других доменных заводов у Акинфия поблизости не было. Правда, единственная тульская домна снесена не была (что позволяло дать делу задний ход), но на фоне продолжавшегося дорожания угля серьезных шансов вернуться в строй было у нее немного. Вот разве что Акинфий использовал бы Тульский завод в качестве разменной монеты в торге, который могло повлечь отделение Прокофия…

Акинфиев триумф последнего года не был безоблачным, впрочем, некоторые прежние его победы оказывались тоже не без камешка в сапоге.

К моменту подписания императрицей указа о защите Демидова уже существовала комиссия, учрежденная для изучения положения на серебряных алтайских рудниках. Беэр, ее глава, собирался в дорогу.

Он выехал в августе. Путь лежал на Екатеринбург, оттуда в Тобольск, далее на Тару. 20 января 1745 года «команда» Беэра (постепенно прирастая, она достигла шестидесяти человек) прибыла на Барнаульский завод, через неделю — на Колывано-Воскресенский. 4 февраля, взяв офицера с солдатами, восемь

человек специалистов с учениками, 30 работников, Беэр отправился на «доставание на пробу» руд. Он ехал к Змеиной горе, где, как сказано в документе, «обыскал штейгер-мейстер Филип Трейгер золотую руду и ея императорскому величеству объявил»[719].

Неизвестно, повлияло ли поступившее в обход Демидова известие об обнаружении в алтайских рудах золота на отношение к нему императрицы. Но даже в худшем случае (если она решила, что Демидов это открытие от нее утаил), даровав ему милость, было неловко почти сразу ее лишать. Дело ограничилось тем, что Беэр получил дополнительное задание: обследовать руду еще и на присутствие в ней золота.

Руды на Змеиной горе Беэр добыл до четырех тысяч пудов. Улих, Юнганс и Христиани разобрали ее по сортам. Среди прочего в породе обнаружились какие-то самородки. Первая их плавка, запущенная 26 февраля, дала из тридцати золотников исходного металла девять золотников чистого золота. Рапорт с отчетом о результатах работы, составленный Беэром два дня спустя, отправился в Кабинет в сопровождении ящичка с наидрагоценнейшим содержимым — первым алтайским золотом. Результаты были ошеломляюще великолепны. «Оказалось, — писал вскоре Беэр, — милостию Божиею и счастием ея императорскаго величества надежно впредь быть немалой руде квантитет разных сортов и выходу из них серебра и золота…»[720]

Приехав на Колывано-Воскресенский завод, Беэр демидовские плавки серебра здесь остановил. Возможно, опасался потерь по причине неотработанности технологии — хотел определиться в ней с помощью специалистов. Или уже готовился к отторжению от Демидова им обретенного? В феврале главный рудник, дававший серебряные руды, забрал в казенное управление. Забрал пока фактически, но после давших золото плавок уже не казалось фантастикой и юридическое его изъятие с принудительным расчетом с предшественником.

1 августа Беэр получил указ прибыть с серебром в Екатеринбург. Выставив на рудниках караулы и захватив с собой выплавленный драгоценный металл (серебра к тому времени удалось извлечь 26 пудов), он отправился на Урал[721].

Как удачно все начиналось! Открытие и опытная добыча Демидовым серебра в укор ему поставлены не были, напротив, он получил невиданную прежде льготу. Беэровской комиссии он не опасался, та решала вопросы, касавшиеся его только косвенно, — определялась с перспективой независимой казенной добычи. Обнаружение золота ситуацию осложнило. Учитывая, что прежние обязательства были даны императрицей до того, как

стало о нем известно, решение можно было, не теряя лица, и переиграть. Сколько усилий и средств потребует строительство на Алтае казенного завода, было пока неизвестно. Возник соблазн взять уже построенное и налаженное — демидовское. Мы не утверждаем, что подобный план уже созрел, утверждаем, что Акинфий не мог не опасаться такого развития событий. Некоторые действия Беэра (запрет на эксплуатацию змеиногорских рудников) опасения подтверждали. Неопределенность с возможностью дальнейшей добычи серебра и, шире, с судьбой Колывано-Воскресенского завода (какой от него прок без рудников?), несомненно, весьма тяготила заводчика в последние месяцы его жизни.

Пройдет время, и императрица Елизавета Петровна в память о великом обогащении казны «от первого сребра, что недро ей земное открыло» (М.В. Ломоносов) решит создать из него новую раку для мощей небесного покровителя Северной столицы великого князя Александра Невского. Деятельное участие в реализации этого затянувшегося на многие годы проекта приняли упоминавшиеся в этой истории барон Иван Антонович Черкасов и руководивший тогда Петербургским монетным двором советник Монетной канцелярии Иван Андреевич (урожденный Иоганн Вильгельм) Шлаттер — тот самый, который очень давно, еще в середине 1720-х годов, первым обнаружил следы серебра в алтайской руде. Рака предназначалась для Александро-Невской лавры и, созданная, длительное время там и находилась. Сейчас этот великолепный по художественным достоинствам, во многом уникальный образец русского декоративно-прикладного искусства и одновременно памятник выдающихся событий истории открытия и освоения рудных богатств России представлен в экспозиции Государственного Эрмитажа.

«Как прикинешь, — восклицал Павел Бажов, — что сделал этот человек за 43 года своей жизни на Урале без телефона, без машинистки, без почты и железных дорог!..» Как прикинешь, что сделал он на Алтае…

Семейные заботы последнего года

24 июля 1744 года был дан именной указ о «содержании» Акинфия Демидова в «протекции и защищении», 2 августа аналогичный по содержанию послан из Сената в Берг-коллегию[722]. Три дня спустя после первого, основного указа Елизавета Петровна отправилась в Киев, куда днем раньше уже выехали великий князь Петр Федорович и нареченная его невеста Екатерина Алексеевна со своей матерью[723]. Через два дня после второго указа императрица прибыла в Тулу.

Где был в это время Акинфий? «…Я от сибирских моих заводов отлучился давно и ныне обретаюсь в Москве и в Туле для моих необходимых нужд», — сообщал он в одном из июльских своих писем[724]. Именно так: не только в Москве (где с января этого года пребывала императрица), но и в Туле. Он готовил тульский свой дом к приему самых почетных гостей, которых только мог представить: императрицы и наследника престола. Обратим внимание на то обстоятельство, что обычная дорога от Москвы на Киев пролегала в стороне от Тулы: шла на Белев. Можно не сомневаться, что посещение императрицей и ее свитой Тулы произошло исключительно благодаря усиленным хлопотам Акинфия Демидова. Знакомство с Тулой если и входило в намерения Елизаветы, к целям самостоятельно значимым не принадлежало. Она ехала в гости к Демидову.

Мы еще приведем описание роскошного дома Ахинфия в Оружейной слободе, построенного в непростые для него годы Следствия о партикулярных заводах. Нет сомнения, что он любил этот дом. Его поистине царская роскошь была вызовом невзгодам, которые на него в то время обрушились. После — стала мемориалом железной его несгибаемости, зримым воплощением победы, благодаря этой стойкости одержанной. Только вот некому было в Туле всё это оценить. Теперь достойное (самое достойное в государстве) лицо появилось, а с ним — много других лиц, тоже в своем роде достойных. И скрывать ничего не нужно было — напротив. «В этом-то огромном доме, — писал сохранивший для нас представление о его облике И.Ф. Афремов, — Акинфий Никитич Демидов, в вожделенные для Тулы дни 4 и 5 августа 1744 года имел счастие угощать августейшую гостью и благодетельницу свою — императрицу Елисавету Петровну с наследником престола Петром Феодоровичем, нареченною невестою его, Екатериною Алексеевною, и матерью ее, принцессою Ангальт-Цербскою (теткою наследника), шествовавших из Москвы на богомолье в Киев и потом в сентябре

месяце на обратном пути»[725].

Императрица вернулась в Москву 1 октября 1744 года[726], вскоре двор стал готовиться к возвращению в Петербург. Жизнь входила в обычную колею. Великие перспективы требовали ежедневной великой работы.

Более месяца (август — сентябрь) продолжавшееся пребывание Акинфия в Туле не могло не сопровождаться контактами с родственниками. Возникший вскоре рецидив старого между ними спора, новые и острые в нем реплики — возможное следствие чего-то сказанного между ними в напряженные дни этого уходящего лета.

Акинфий, передав в 1730 году Верхотулицкий завод Даниловым в пользование «бес письменного виду», 14 лет спустя напомнил, кто его истинный хозяин. Его действия спровоцировала попытка Акулины Даниловой закрепить завод в родовой собственности, передав его единственной дочери Прасковье, состоявшей в замужестве за московским купцом Петром Струговщиковым[727]. В записи духовной, состоявшейся в Московской крепостной конторе 13 ноября 1744 года, внучка Никиты Демидова завещала ей оба свои завода (на Тулице и Рыс-не) с принадлежавшими к ним землями, угодьями и крестьянами, доставшийся от отца двор со строением в Туле, движимое имущество — в общем, всё, «ничего не оставляя»[728].

Помимо Верхотулицкого завода, юридическим владельцем которого оставался Акинфий, из его собственности уплывала земля в Тульском уезде (что-то подсказывает нам, что подлинник украденной у вдовы купчей на землю он по-прежнему хранил в личном архиве). Можно не сомневаться, что пожилой заводчик был возмущен попыткой провернуть операцию с его имуществом у него за спиной. И это после его широкого жеста четырнадцатилетней давности, на память о котором он вправе был рассчитывать! Самой мягкой реакцией было потрепать нервы неблагодарной племяннице. Тремя годами раньше ее хозяйство приросло Сементиновским молотовым заводом в Алексинском уезде, устранившим в ее хозяйстве дисбаланс между производством чугуна и его переделом. Почему бы владельческие претензии предъявить не на один Верхотулицкий, но еще и на новый завод?

16 ноября Акинфий Никитич опротестовал завещание Даниловой. В доношении, поданном в Юстиц-коллегию, он заявил, что она к имуществу Григория отношения не имеет, поскольку еще при жизни отца была отдана замуж «с награждением». Уже этого, по мнению Акинфия, было достаточно, чтобы признать его единственным законным

наследником брата. Кроме того, еще при жизни отца и матери он был учинен во всех движимых и недвижимых имениях «по первенству». Последнее, по его мнению, позволяло претендовать и на Сементиновский завод, построенный Акулиной и ее мужем самостоятельно, но на земле, купленной Григорием. Такая аргументация железной не выглядела, но в данном случае Акинфию была важна, вероятно, не столько обоснованность, сколько масштабность претензии. Духовную Акулины он потребовал к совершению запретить.

Спустя полторы недели Акинфий снова обратился в Юстиц-коллегию. Аргументы подкрепил документом — копией старой, от 31 мая 1729 года, сделочной записи, фиксировавшей права и обязательства участников четырехстороннего договора — А.Н. Демидова, вдовы Григория и двух его дочерей. Напомним, что в ней за пять тысяч отступного «железные заводы, которые на купленной вотчинной земли… камисара Никиты Демидовича построены», и всё на них находящееся вдова и младшая дочь «поступились… по наследству той помянутой земли ему, Акинфию Никитичю, и наследникам ево в вечное владение». К Акулине переходило остальное, исключая носильное женское платье[729].

Документ, за который в казну было заплачено 670 рублей пошлины, был миной замедленного действия. На нем не было рукоприкладств Акинфия, Акулины и их представителей. Не исключено, что на момент совершения записи вопрос о разделе имущества Григория между Акинфием и Анной не был согласован окончательно. Возможно, решение этого вопроса (в варианте, близком сделочной записи) предполагалось зафиксировать особым двусторонним документом, который и поставил бы окончательную точку.

Но поставлена она не была. Впоследствии это дало Акулине основание заявить (в обращении к Юстиц-коллегии, поданном в декабре 1744 года), что та запись на ее имение Акинфию «к получению онаго не следует», поскольку она ему «отеческого… наследственного имения… никогда не токмо писменно, но и словесно не поступалась». Объяснила почему: «…из-за данной от него отцу моему вышепомянутому с неустойкою записи». Предъявив эту старую, от 10 февраля 1726 года, запись, Акулина просила, несмотря на протест, ее духовную все-таки «совершить», а в случае, если коллегия «того собою учинить не может», — передать дело на рассмотрение Сената[730].

Остается гадать, как рассудили бы это дело в коллегии или Сенате. Шансы на победу имели обе стороны. Запись, данная Акинфием Григорию, подтверждала права последнего только на

«имение», выделенное при разделе покойным отцом. В благоприобретенное имущество Григория (включая заводы) Акинфий тоже обязывался «не вступаться», но земля под Верхотулицким заводом под это ограничение не попадала, поскольку покупалась не на Григорьево имя. Основания требовать ее у Акинфия Никитича имелись. Слабее были его позиции в борьбе за Сементиновский завод, построенный потомками Григория. Тут и на землю претендовать как будто не было оснований: та покупалась Григорием на себя через много лет после отделения. Характерно, что Акинфий, заикнувшись раз о заводе на Рысне, впоследствии не стал разрабатывать эту линию. А ведь была еще четырехсторонняя запись 1729 года, по которой все заводы Григория отходили к Акинфию. Только вот подписали ее не все, кто был должен.

До судебного разбирательства дело не дошло и на этот раз. Спор прервала неожиданная смерть Акинфия, за которой последовал отказ его наследников от притязаний на заводы, связанные с именем Григория Демидова.

Чем объясняется их выход из далеко не безнадежной борьбы? Оставленное Акинфием наследство было настолько обширным, что даже *учет* его собственности представлялся делом долгим и трудным (как в действительности и оказалось). Подключение к нему запутанного вопроса о заводах в Тульском и Алексинском уездах (небольших и в качестве промышленных объектов особого интереса не представлявших) еще более усложняло ситуацию. При неясности перспектив спора возникала угроза задержки (возможно, большой) с решением более важных вопросов. Учитывая это, наследники отказались от спора, затеянного отцом.

Дело закрыла сделочная запись, в 1747 году полученная Акулиной Даниловой от вдовы Акинфия Демидова Евфимии Ивановны и трех его сыновей. Они заявляли, что «помирились в том, что помянутому Тулецкому железному заводу со всяким при нем строением, и с мастеровыми, и работными людьми и с протчими принадлежащими к нему угодьи быть за ней, Акулиной, и по ней за наследниками ее». О Сементиновском заводе не упоминается, подразумевается, что вопрос о нем снят. Отказываясь от претензий на Верхотулицкий завод, вдова и сыновья обязывались впредь не обращаться по его поводу в судебные инстанции и определили за нарушение неустойку в 500 рублей[731]. Встречная, вполне мирная по содержанию запись была дана Акулиной Даниловой вдове и детям Акинфия Демидова.

Полюбовное решение долгого спора вокруг наследства Григория Демидова позволило сохранить терпимые (временами

— доброжелательные[732]) отношения между Демидовыми далеко (в социальном плане) разошедшихся ветвей рода.

Каждому теперь предстояло жить своей жизнью и решать свои проблемы: наследникам Акинфия — 13 лет делить наследство, Акулине — за годом год бороться с трудностями в надежде спасти от краха основанное отцом промышленное хозяйство. Похоже, что в старости ей приходилось заниматься заводами в одиночку — последние известные нам упоминания о ее муже Илье Данилове относятся к 1751 году[733]. Силы слабели с возрастом, истощались с истощением источников сырья (тут и остатки руды на соседнем заводе — подарок). В 1751 году домна простаивала, а доменный оклад, 858 рублей, платить было нужно, ее и служителей разыскивала по этому поводу Берг-коллегия[734]. В 1770 году уже остановленные заводы Даниловой купили братья Андрей и Иван Родионовичи Баташевы (внуки конкурента комиссара Демидова). Скорее всего не собиравшиеся их восстанавливать, вскоре по покупке они добились разрешения на их закрытие и перевели квалифицированных рабочих (самое ценное в этой сделке) на другие свои заводы[735].

Протянувшаяся через десятилетия история борьбы вокруг имущества Григория Демидова полна отражениями и связями, тянущимися к разным сферам общественного бытия. На первый взгляд перед нами чисто семейно-имущественный конфликт со всеми атрибутами свойственной ему атмосферы: здесь и расчет, и хитрость, и алчность, и милосердие. Но уверенно выделить и квалифицировать каждое из этих качеств оказывается возможным только при учете медленно, но неуклонно развивавшихся процессов в сфере экономики: сквозь семейный конфликт проступает история промышленного предпринимательства, сквозь историю предприятий — сложные связи и отношения их владельцев. Генеалогия переплетается с экономикой, социально-экономическая история — с историей семьи.

История долгих споров вокруг наследства Григория интересна еще и тем, что противоборствующие стороны представляют разные сословия. Но — и в этом ее изюминка — сословный фактор как раз и не играет в ней существенной роли. Перед нами тот интереснейший этап эволюции предпринимательской династии, когда сословный и имущественный статус отдельных ее представителей различается уже существенно, но семейно-родственные связи между ними еще крепки (обе жены Акинфия из посадских родов, брат одной из них его приказчик, жена брата Никиты — купчиха, дочь Акинфия замужем за приказчиком, жена сына Прокофия — из купеческого рода и т. д.). Судьбы потомков Никиты Демидова еще разойдутся

(как уже разошлись они с навсегда застрявшими в казенных ремесленниках Антюфеевыми), они освоятся в новых для себя сословных костюмах и докажут свою адекватность сословному стандарту отвечающими его нормам браками. Но этого еще не случилось — длится переходный этап с присущей ему множественностью мезальянсов, причудливостью событийных и сюжетных комбинаций, психологической сочностью лиц, ролей и поступков, пропитанных спаивающими их семейно-родственными связями. (К каким своеобразным результатам это подчас приводило, еще убедимся на примере Прокофия.) Порождаемые ими отношения воздействуют на события не менее существенно, чем перетекание капитала из одной сословной ячейки в другую, чем экономический расчет и целесообразность…

Обострив в 1744 году отношения с племянницей, Акинфий стоял в это же время перед решением куда более важной проблемы — необходимостью отрегулировать отношения с прямыми своими потомками. Принципиальные решения по этому поводу он уже принял, их отразило его завещание. Но дело необходимо было довести до конца. Нужно было обезопасить выбранный им сценарий будущего от потенциальных противников его реализации — от невписавшихся в него старших сыновей. Прежде всего — от Прокофия. Действовать следовало продуманно и осторожно.

В январе — феврале 1745 года Акинфий Никитич отправляет его на сибирские заводы, причем, судя по данной сыну инструкции, надолго. Обращает на себя внимание необычная для автора неконкретность распоряжений. По большей части это общие слова: смотри за исполнением указов казны, за литьем пушек, за ревизией приписных крестьян, за приказчиками и т. д. Автор, складывается впечатление, осознает, что особой надобности в присутствии Прокофия на заводах нет, что, в общем, понятно: в отсутствие хозяина там под присмотром Никиты всем заправляют надежные приказчики. Осознавал Акинфий, возможно, и то, что Прокофий откажется, не поедет. Можно ли говорить, что он его на это провоцировал? Нам кажется, в известном смысле и с оговорками — да. Если предположить, что Акинфий задумал отделение Прокофия (а это в ситуации с завещанием было лучшим сценарием), именно такая реакция была ему выгодна. Приняв к сведению демарш отпрыска, он немедленно выносит сор из избы: 4 февраля пишет письмо о непослушании сына кабинетсекретарю императрицы барону Ивану Антоновичу Черкасову. Сын, жаловался Акинфий, «изволничался»: «ни в чем меня не слушает и никакого от него почтения по должности сыновней не вижу». На возможность

восстановления нормальных отношений отец смотрел скептически: «впредь добраго ждать нечего». В случае если ничего не изменится, он обещал применить законную свою власть и использовать радикальные меры. В подробности на этот счет Акинфий в письме не входил, но упоминал о сценарии, прописанном в его завещании[736].

Конечно, кабинетсекретарю больше нечем было заниматься, кроме как воспитывать чужих детей. Но Акинфию это и не требовалось. Он добивался, чтобы мысль о непокорном и неспособном к заводскому управлению сыне укоренилась у покровителя, а главное — у покровительницы. Укоренится — можно и отделять.

Во второй половине января — начале февраля Акинфий находился в Москве. Возможно, около этого времени он последний раз посетил родовое гнездо в Туле. В конце апреля приказчик Демидова Иван Торопов сообщал горным властям, что его господин в пути и прибытия его на уральские заводы ожидают в скором времени[737].

Но прибытие, однако, задерживается — по пути на Урал Акинфий заезжает на нижегородские заводы. Пишет из Фокина 20 июня Черкасову. Тема вроде бы производственно-техническая (проблемы с рабочей силой из-за обременительных строгостей — нанимать работников можно только тех, кто с печатными паспортами[738]), но в переписке с такими корреспондентами всякое лыко в строку. В начале июля он все еще в нижегородской вотчине — сюда пишут ему и приказчики[739]. По-видимому, именно в Фокине Акинфий Никитич провел последние месяцы своей жизни.

В середине лета он сообщает приказчикам, что находится в дороге и затребованные горным начальством ведомости о предприятиях «будет сочинять по прибытии своем в те заводы»[740]. Обещания он не исполнил. Письмо достигло Невьянска, когда автора уже не было в живых.

Дома Акинфия. Акинфий дома

Первые 24 года своей жизни, почти четверть века, Акинфий Демидов провел в Туле. Нет сомнения, что на какое-то время он уже тогда ее покидал (ездил, допустим, в Москву), но скорее всего покидал ненадолго. С передачей отцу Невьянского завода перебрался на Урал. Оттуда тоже время от времени уезжал — вспомним, как он и отец, протестуя против произвола воеводы, покинули завод осенью 1703 года. Но все же именно Невьянский завод стал на два десятилетия его «штаб-квартирой» — местом, откуда он совершал необходимые «по делу» поездки по Среднему Уралу и Приуралью и куда неизменно возвращался. «Подолгу безвыездно сидит Акинфий Демидов в своей горной столице — Невьянском заводе, как бы изолированный от всего мира… Но из своего невьянского господского дома, похожего на древнерусские хоромы, он видит всё, что ему нужно»[741]. Слова писателя наиболее точно подходят именно к этому периоду жизни Акинфия — времени, когда отец освобождал его от забот, связанных с дальними разъездами.

После смерти отца к привычной заводской работе Акинфия добавилась и та, что прежде брал на себя Никита. Теперь он не только менеджер высшего звена, но еще и маркетолог, еще и «связи с общественностью». Акинфий становится более публичным и более… политичным, что ли, — в том смысле, что вынужден работать еще и с представителями высшей власти. Как следствие, немалую часть времени проводит вне Урала. Добавим к этому вынужденные, подчас принудительные, задержки в столицах и Туле в связи со Следствием о заводах в середине 1730-х годов. В этот период обжитое гнездо на Невьянском заводе уже не исчерпывает образ дома в его сознании. Теперь его дом — «не дом и не улица». Во многих городах появляются принадлежащие ему дворы, на них — «хоромы», которым достается частичка нового, совокупного представления о доме.

В 1715 году Никита Демидов получил освобождение от постоя войск для двух своих дворов — московского и тульского. Скорее всего, уже в это время его городская недвижимость ими не исчерпывалась. При Акинфий дворов не просто больше — их много. В 1732—1733 годах от постоя освобождены его дворы в восемнадцати (!) городах — Москве, Туле, Риге, Новгороде, Твери, Ярославле, Нижнем, Арзамасе, Казани, Царицыне, Саратове, Чебоксарах, Лаишеве, Кунгуре, Соликамске, Верхотурье, Тобольске и в Ирбитской слободе. Большинство из них обслуживало водный путь, по которому доставлялось

демидовское железо, остальные стояли в торговых центрах или были связаны с крупными демидовскими вотчинами. Но этот список тоже не полон. Еще в 1726 году, в апреле, Акинфий купил у графа П. Апраксина дом в Петербурге, на Васильевском острове, — каменные палаты 26 саженей в длину, 20 в ширину. Их приобретение обошлось ему в десять тысяч рублей[742].

Составляя в марте 1743 года свое завещание, Акинфий отметил в нем «каменные и деревянные дворы в Санкт-Петербурге, в Москве, в Туле и в других городех». Отдельно упомянул четыре двора, определенные им в предстоящем разделе Прокофию и Григорию: первому — «в Москве, в Нижних Садовниках, двор каменной, купленной бывшего купца Федора Подсевалщикова у жены ево, которой двор бывал московскаго ж купца Щученкова», второму — «в Ярославле купленной мой двор, что называется "Под зеленью", да другой мой вотчинной двор же, на котором имеются каменныя мои анбары для складки соли, да в Казане двор же в приходе церкви святых Ярославских чюдотворцев, которой куплен у тулскаго купца Стефана Сопелникова»[743].

Состояние, в котором со смертью Акинфия остановилось его домособирательство в городах империи, рисуют описи имущества, известные из дел по разделу наследства.

В «Расписании» (программе) раздела упомянуты 24 двора, все с каменными или деревянными постройками. Каменных домов восемь. Два в Москве: один на Балчуге, другой «называемой "Горской"». Еще два каменных в Петербурге: на Васильевском острове и на Фонтанке, в приходе церкви Симеона Богоприимца и пророчицы Анны. В Казани и Ярославле Демидову принадлежали по три двора, по два — в Твери, Нижнем и на Кунгуре, по одному — в Тобольске, Таре, Екатеринбурге, Серпухове, Костроме, Чебоксарах, Тюмени и на Ягошихинском заводе (нынешняя Пермь). Кроме столичных, каменными были немногие — по одному в Казани, Нижнем, Серпухове и Ярославле[744]. Замечаем, что, хотя некоторые дворы, известные по прежнему их списку, из него выпали, по сравнению с положением на 1733 год он прирос: появились дворы в Екатеринбурге, Серпухове, Костроме, Таре, Тюмени и на Ягошихинском заводе. В то же время в «Расписании» не упомянуты хозяйские дома при заводах (кроме Ягошихинского), а ведь при некоторых они несомненно существовали[745]. Кроме того, ни в Акинфиевом, ни в принадлежавших его сыновьям планах раздела имущества не отмечены также имевшиеся у него дома в Туле: в Оружейной слободе и при его заводе, первый каменный, каким в начале 1740-х был другой — неизвестно[746]. С ними общее число домов,

оставшихся после Акинфия, увеличивается.

Тульский дом в слободе в сколько-нибудь близком первоначальному виде до нас не дошел (пострадал от пожара в 1779 году, после чего был частично разобран, частично перестроен). К сожалению, современных Акинфию документов, которые бы позволили представить облик и убранство дома, не выявлено. Приведем описание, заимствованное из неоднократно вспоминавшейся нами книги тульского историка-краеведа XIX века Ивана Афремова. Живший в Туле и служивший в кадетском корпусе, расположенном в соседнем от демидовского дома квартале, он, несомненно, застал остатки прежде величественной постройки не в столь удручающем состоянии, какое она имеет сейчас. Слышал и рассказы стариков (в своей книге он подчас ссылается на местные предания). Во всяком случае, в его рассказе, который сейчас приведем, присутствует доля, возможно немалая, правды. Итак, слово Афремову.

«…Акинфий Никитич решительно изменил свой образ жизни и стал жить вельможею; начал тем, что на отцовском и дедовском месте выстроил огромный каменный дом в три этажа (1730—1734 гг.), который, выключая подземных коридоров, подвалов и кладовых, имел 7 сажень высоты и 30 сажень длины (15,1 и 64,8 метра. — *И. Ю.)*. Дом этот, соответственно колоссальному богатству хозяина, был отделан с дворцовою роскошью, где, как говорится, золото и серебро столы ломило; картины итальянской и фламандской школы украшали штофом и бархатом обитые стены[747], обставленные богатыми зеркалами и немецкою мебелью; там дивные растения Флоры и Помоны украшали окна и всходы лестниц, златопернатые заморские птицы красовались в золотых и серебряных клетках; всех родов обезьяны и множество других редкостей удивляли посетителей. Тула в первый и, конечно, в последний раз видела у себя такую редкую *чудес палату!»*

Эти восторги могут показаться заимствованными из волшебной сказки — чем не представший взору Людмилы дворец волшебника Черномора? Но в том, что таким мог быть и реальный дом, убеждаемся, заглянув в опись имущества покойного Акинфия, где только запонок алмазных числилось 85, а алмазных и иных разных перстней — 52. Впрочем, о перстнях Афремов не упоминает. Что ж, вот мелькнувшие в его описании картины — по описи, их от Акинфия осталось 173.[749]

Пожалуй, самыми памятными событиями в истории демидовского дома-дворца оказались упомянутые посещения его императрицей Елизаветой Петровной, наследником престола Петром Федоровичем, будущим императором, и его невестой

Екатериной Алексеевной, тоже в грядущем императрицей. Они случились, когда жить Акинфию оставалось меньше года.

Этажами, поднимавшимися над уровнем земли, пространство дома не исчерпывалось. Афремов: «Под всем домом этим устроенные подземные коридоры и кладовые с железными дверями, конечно, имели назначение к складке здесь железа и меди, привозимых в Тулу с многих заводов *Акинфия Никитича».* В самом конце XVIII века угловая часть уцелевшего демидовского дома была продана в казну и перестроена. «Разрушенные подземелья под домом этим долго служили предметом нелепых рассказов между оружейниками, где искатели кладов по ночам часто осаждали железные запоры и двери недоступных демидовских подземных кладовых, и рассказам о ночных подвигах этих несть числа»[750]. А в одном из сохранившихся фольклорных рассказов о демидовском доме (публикация 1880 года) присутствуют совсем уж сказочные детали: дувший из подземного хода сильный ветер, не пускавший в него любопытных, и духи, явившиеся, когда туда попытались проникнуть с крестным ходом[751].

Автор книги в начале 90-х годов прошедшего века сам неоднократно слышал от коренных жителей тульского Заречья рассказы о подземных ходах, якобы соединявших связанные с Демидовыми здешние постройки. Что уж говорить о веке позапрошлом, когда эти подземелья — подвалы полуразрушенного дома — действительно существовали и были, возможно, в принципе доступны.

Другой тульский каменный демидовский дом находился на заводе. Когда он был построен — неизвестно, косвенные данные склоняют к предположению, что он моложе дома в слободе. Его изображения также не найдены, но известно о нем больше, чем о слободском. Сохранились поэтажные его планы, а также перечни материалов, заготовленных при его разборке (она произошла в 1779 году). Этого, конечно, недостаточно, чтобы представить облик дома и его интерьеры во всей полноте, но кое-что, причем абсолютно достоверное, сказать о нем можно.

Фасад изображенного на планах жилого дома ориентирован вдоль берега реки Упы, нынешнее русло которой находилось от него примерно в 650 метрах к югу.

В доме два этажа: верхний, господский, и нижний, где располагались «люцкие покои». На верхнем по 14 окон на южном и северном фасадах, по пять на западном и восточном, на нижнем этаже их было меньше. По центру северного фасада находилось крыльцо (под ним две «полатки»), по центру южного — балкон.

Поднявшись на второй этаж, посетитель попадал в сени с

выгороженными в них тремя чуланами. Дверь, расположенная напротив входа, вела в зал, самую большую комнату на этаже. Двери слева и справа — в прихожие левой и правой половин. Каждая имела по пять комнат. В правой — две спальни, две «передспальни» и кладовая. Спальни были устроены в угловых комнатах, имели одна четыре, другая шесть окон. Дверь из левой прихожей вела в просторную столовую, занимавшую на втором этаже северо-восточную угловую комнату. Особую зону образовывали еще три помещения в этой части здания: передняя, детская и спальня. В обеих (левой и правой) его половинах находились симметрично расположенные кладовые. В каждой из комнат, исключая кладовые, стояла печь. Спальня в юго-западном и детская в юго-восточном углах имели пристроенные снаружи к боковым фасадам комнатки «нужников», еще один, внутренний, был выгорожен в сенях.

Сохранилось описание дома, выполненное при его продаже в казну в 1779 году. От времени, когда в нем жили, осталось немногое, но кое-что любопытное все же мелькает. Приведем в качестве примера описание зала, находившегося по центру второго этажа: «Зал з железными связми, со входу во оной на правой руке кафелная печь на чюгунных столбиках, под печью выслан пол чюгуном, ачаг для третья чаю кирпичной, два окна, в каждой по одной окончины, железныя затворы на заднее крыльцо, двое дверей створчетых, изнутря деревянные, [с] стеклами, снаружи железные, на крыльце решетка чюгунная, на выходе створчетые двери, обиты сукном зеленным, которое уже ветхо, с медным нутреным замком». Сукном или парусиной были обиты многие двери; чаще всего они были зелеными, но присутствовали и более «веселые» цвета (в описании второго этажа: «…в нужник двери обиты обоем порусинным голубаго, желтаго и белаго цвета»). Ткань использовалась не только для обивки дверей («…небольшее число во оном же покое под сводом обита обоем кругом порусинным с синими и желтыми травами»). В интерьере изобилие металла — кажется, всё, что можно из него сделать, именно из него и сделано. Особенно богаты им вспомогательные помещения: «…кладовая с сводами, в ней два окна глуховых, в одном изнутря затворы железныя, в другом, как изнутря, так и ис покою ж затворы железныя ж, пол выслан чюгуном, на пороге доска чюгунная, двери створчетыя, железныя, как изнутря, так и ис покою, с ну-трениыми железными замками и с крюком железным»[752].

Каменный дом соединялся переходом со стоявшим поблизости зданием, названным в описи «покоем о дву этажах». Переход шел от столовой, что подсказывает назначение «покоя».

Функциональным его ядром была вынесенная из основного здания кухня, которую дополняли людские палаты, жилые комнаты (вероятно, для персонала), сени и нужники. В северо-западном углу постройки располагалась лестница на второй этаж, соединенная с переходом, ведшим к столовой палате.

Поразительная деталь: «покой» с кухней в нем находился, если верить чертежу, всего в сажени от стены доменной печи, угол господского дома — саженях от нее максимум в пяти. Можно, конечно, предположить, что кухню и дом поставили, когда домна была уже остановлена (что, впрочем, маловероятно). Но ведь ее не снесли — значит, не исключали, что она еще заработает. Жильцов богатого дома такое соседство, видимо, не смущало.

Любопытна деталь, свойственная окружению демидовских домов при Тульском и Невьянском заводах. На обоих, а также на заводе Нижнетагильском, существовали часовые башни — объекты, для той эпохи не принадлежавшие к широко распространенным. Хорошо известна, даже знаменита, только одна из связанных с Демидовыми таких башен — Невьянская, но существовали, внося важный штрих в облик демидовских поселений, и другие.

Вернемся к домам, которые строил и в которых жил Акинфий Демидов. Только нежелание дробить рассказ о тульских домах несколько отодвинуло представление невьянского дома, на протяжении многих лет главного места пребывания заводчика и его семьи.

Большую часть времени, проведенного на «старом» заводе, он прожил в находившемся внутри деревянной крепости деревянном доме. Эту постройку застал И.Г. Гмелин, посетивший завод в августе 1742 года. Рядом стоял другой дом, каменный, построенный, по словам автора записок, «в нынешнем году». (Это был первый из корпусов сформировавшегося позднее ансамбля.) Гмелин ругает здешних каменщиков. Они — «не из лучших: большинство воздвигнутых ими сводов некоторое время спустя имеют обыкновение обваливаться». Доказательство видит в факте наклона возведенной здесь каменной колокольни с часами (Невьянской башни)[753]. Что демидовские каменщики все же знали свое дело, говорит не только то, что башня до сих пор не обвалилась, но и следующее описание господского дома, относящееся к 1827 году. Его источник — донесение пермского гражданского губернатора, цитирующего записку, полученную от управляющего заводом.

«Дом господский построен тем же господином действительным статским советником Акинфом Демидовым в то

же время как и башня[754], из кирпича, на сваях, люшках и каменном фундаменте, в коем никаких частей, достойных примечания и отличных вещей не имеется, кроме древней, в готическом виде, постройки, неправильной линией и во всех комнатах и подвалах потолки сводныя из того же кирпича сырчетого вида с карнизами, и как оные, так и стены в первых раскрашены разными красками в древнем вкусе и здание сие поныне в том же виде, как первоначально построено, и никаких признаков к разрушению не предвидится.

Начальная же постройка на какой предмет была произведена, канторе неизвестно, кроме как только судя по огромности онаго, величине и единообразии комнат, догадкою полагает, что господин Демидов не располагался ли иметь в них какое-либо мануфактурное тогдашняго времени заведение»[755].

Внешний вид комплекса каменной городской усадьбы и заводской конторы, возведенных в Невьянском заводе в 1740-х годах[756], сохранился на множестве рисунков и фотографий. Оформление главного, выходившего во двор, его фасада, судя по рисункам XIX века[757], было скромным — ничего, кроме немногочисленных пилястр и лестницы с двумя всходами. Несимметричное расположение оконных проемов напоминает о допетровской архитектуре. В сторону от центральной оси смещена и лестница, ведущая в комнаты второго «апартамента». Под ней вход в помещения служебного этажа. Рисунок не отразил детали, присутствующей в приведенном описании, — раскраски стен «разными красками в древнем вкусе», также имеющей корни в позднесредневековой архитектурной традиции. С левой стороны к зданию пристроена стоящая над открытой аркой небольшая трехъярусная башенка — еще одно свидетельство пристрастия заказчика к вертикальным доминантам в архитектурных комплексах[758].

Вспомним заодно еще об одном невьянском доме, доподлинно неизвестно, существовавшем ли, но любопытным связанной с ним апокрифической историей. Приведем это предание по «Пермской летописи» В. Шишонко, дополнив комментарием, принадлежащим Павлу Бажову.

Шишонко начинает рассказ с произведенного Татищевым оповещения властей о злоупотреблениях Демидова. «Высшия власти взглянули на донос очень серьезно. Сенатору князю Вяземскому Высочайше повелено было отправиться на Урал и произвести строгое следствие…

Для помещения князя в Невьянске был наскоро выстроен дом, великолепно отделан внутри и снаружи и снабжен мебелью из самых редких заграничных дерев. Жители, дивясь роскоши

здания, — прозвали его "красными хоромами"…

Вероятно, князь чем-то не угодил Демидову, иначе последний не выкинул бы такого фарса: когда Вяземский и заводчик свиделись в Петербурге и первый, между прочим, похвалил невьянскую квартиру, Демидов выслушал это одобрение молча, но, вернувшись домой, написал своему управителю — предать огню "красные хоромы" со всем, что в них было. Приказ исполнен: здание немедленно сломано и бревна употреблены на обжог руды, мебель и уборы достались управителю, но показаны владельцу истребленными»[759].

Это предание Шишонко приводит со ссылкой на публикацию в «Пермских губернских ведомостях» 1880 года. Писатель Бажов, будучи знакомым с ним из того же источника, то ли несколько его подзабыл, то ли слышал его в другой, независимой версии. Во всяком случае, принадлежащий ему эмоционально яркий комментарий к этому эпизоду в деталях расходится с приведенным рассказом.

Эпизод с хоромами одноразового использования Бажов вспоминает, размышляя об умеренности первых Демидовых в «расходах на роскошь личного порядка». В отношении Никиты тут вроде бы и обсуждать нечего, но писатель считает возможным говорить о «скромности личной жизни» также и Акинфия.

«Единственным случаем неоправданного мотовства, — замечает он, — может служить разве приказ Демидова сжечь специально построенные и роскошно обставленные "Красные палаты", где во время ревизии жил князь Вяземский. Но это случай особого рода. Он, на мой взгляд, может быть кульминационным в основном и самом трудном конфликте Демидовых с родовым барством. Надо было сжечь, чтоб получить право публично сказать сенатору двусмысленную фразу: "Кто же после вашей светлости там жить у нас будет (станет)"».

Анекдот, конечно, хорош — симптоматично, что его не упустили сценаристы фильма «Демидовы». Что ни в одном из довольно многочисленных писем Акинфия (с их возведенной едва ли не в культ бережливостью и контролируемой разумом щедростью к нуждающемуся в ней) нет ничего, хотя бы отчасти подобное событие-жест напоминающее, — это не беда. Бажов так и говорит: «единственный случай». Потому и на право считаться кульминационным он, наверное, мог бы претендовать. Вот только мелочь, обращающая пафосное действие в полный пшик: такого события быть при Акинфии не могло. Сенатор А.А. Вяземский действительно приезжал на Урал, но значительно позже — в 1763 году.

Но операции с домом — его постройка/уничтожение — как

высказывание, это действительно производит впечатление. Даже в том случае, если относится к пространству мифологизированной истории.

Думаем, что реальный Акинфий, окажись в подобной ситуации, так бы не поступил. Он по натуре был собирателем и строителем. Уничтожать «созижданное», самоутверждаясь в комплексах, связанных с адаптацией в новом социальном окружении, не в его стиле. Слишком сильной натурой он был, чтобы действовать, по сути, потакая малодушию. Такое поведение больше к лицу гордому и обидчивому Прокофию.

Остается только сожалеть, как мало мы знаем о четырех домах, которыми Акинфий владел в столицах. Несомненно, они отличались от дома при Невьянском заводе, даже, возможно, от тульского — отличались в сторону большей роскоши. Положение обязывало: живя в столице, Демидов не только посещал важных персон, но и принимал их у себя. Дома имели разную историю. Тот, что в Москве, на Балчуге, принадлежал, возможно, еще отцу. Он, как упоминалось, владел двором как раз в этом районе — в приходе церкви великомученика Георгия, что в Ендове. Несомненно, какие-то участки Акинфий прикупал в столицах и сам. Отнюдь не обязательно, что он приобретал сразу большие — постепенно разрастись мог и первоначально невзрачный клочок земли. Примером может служить расширение петербургского двора в приходе церкви Симеона Богоприимца и пророчицы Анны. У него имелся тут незастроенный участок, обозначенный в документах как «огород». Находясь в Петербурге по делам Комиссии о заводах, Акинфий в марте 1734 года всего за 35 рублей покупает у подьячего Ямской канцелярии Степана Андреева примыкающий к его огороду еще один небольшой (7 на 3,5 сажени) участок с избой[760]. Так, постепенно, зернышко к зернышку, складывалась городская усадьба, которая со временем получит каменный дом и необходимые службы. Естественно, что дворы, ставшие владением Демидовых после равнодушного к излишествам комиссара, тем более дома, построенные на них, были ближе к новым стандартам качества жизни.

Не станем перегружать повествование рассказом о других домах, принадлежавших Акинфию в городах европейской части России, на Урале и в Зауралье. Отметим лишь, что на общем фоне городской застройки некоторые из них, несомненно, выделялись. Показательна история с одним из них — двором в Нижнем Новгороде, находившимся на берегу Волги у Струговой пристани. Его застройка роскошью не отличалась: каменные палаты, деревянный «покой», амбар для «клажи железных припасов». Здесь производилась «железная продажа и складка… военным

разным припасам струговым снастям и инструментам», которой распоряжался демидовский приказчик. В ходе второй ревизии, именно в феврале 1744 года, каменные палаты на нижегородском демидовском дворе были заняты постоем под переписную канцелярию. Уведомленный об этом приказчиком, Акинфий пожаловался императрице. Не соизмерившим с реальностью свои притязания ревизорам, а с ними и губернатору князю Даниле Друцкому после данного ею специального (!) именного (!) указа (от 2 июля 1744 года) пришлось оправдываться. Примечательно, как они объясняли выбор демидовского дома: в городе других подходящих для размещения канцелярии домов, по их утверждению, просто не было[761].

Быт Акинфия в той степени, в какой его можно восстановить по описям оставленного им имущества, не выходит за границы приличного человеку его положения и материального достатка. К сожалению, количество и цена единиц столовой посуды, ювелирных изделий немногое сообщают о его во многом закрытой для нас личности. Но тот же источник содержит сведения, которые все же сообщают нечто и о ней, причем немало. Остановимся на том, какой он рисует его библиотеку.

Библиотека как таковая не сохранилась (предположительно с ней связывают единственную книгу), ее состав известен по описям, не всегда позволяющим идентифицировать издание. Согласно им Акинфию на момент его смерти принадлежала 441 книга. Немало, но представители придворного круга имели нередко и больше: А.П. Волынский — свыше пятисот, А. Х. Хрущев — свыше шестисот, А.Н. Остерман — без малого две с половиной тысячи томов.

Акинфию Никитичу принадлежали книги как печатные, так и рукописные, как светского, так и религиозного содержания, как русскоязычные, так и на иностранных языках[762]. Среди книг светской тематики встречаем сочинения исторические («Синопсис», труды В. Страттемана, Полидора Вергилия, Квинта Курция, Цезаря Барония) и политологические (С. Пуффендорф), рассказы о путешествиях, педагогическую, учебную, назидательную, развлекательную литературу, описания фейерверков, даже оперные либретто. Несколько книг отражают работу Петербургской академии наук. Таково «Руководство к познанию простых и сложных машин», написанное профессором академии Г.В. Крафтом. Акинфию принадлежало и роскошное издание «Палаты Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, Библиотек и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили…» (СПб., 1741). Этот альбом великолепных гравюр предваряло подготовленное И.Д. Шумахером предисловие

под названием «Краткое изъяснение о состоянии Академии наук, также и библиотеки и кунсткамеры», явившееся первым очерком истории молодой Петербургской академии[763]. Имелись книги, посвященные горному делу и металлургии, в частности рукописные «О пробирной науке» и «Описание собранных покойным саксонским бергсоветником Генкелем рудных металлов и минералов». Можно предположить, что «Описание» являлось каталогом рудного кабинета Генкеля, приобретенного Акинфием и позднее переданного его наследниками Московскому университету.

В библиотеке заводчика присутствовали, и довольно в большом числе, книги на немецком языке, что позволило Е. П. Пироговой высказать осторожное предположение, что Акинфий мог им владеть[764]. Нам оно не кажется правдоподобным. Кроме книг, неизвестно ни одного даже косвенного факта, который можно было счесть говорящим в пользу этого предположения. Кроме того, если бы Акинфий знал немецкий язык, он бы и сына Прокофия заставил его выучить, между тем тот в одном из писем прямо заявлял, что немецким не владеет.

Если присутствие книг, касающихся науки и техники, в библиотеке промышленника представляется вполне органичным, несколько неожиданно наличие в ней большого числа книг религиозного содержания, в том числе богослужебной литературы. На полках его библиотеки стояли не только Библия, Апостол, Евангелия, но также Триодь постная и цветная, Минеи служебные, Шестоднев, Служебник, Требник большой, Псалтырь восследованная и другие книги. «Такое значительное количество богослужебной литературы, — пишет Е. П. Пирогова, — думается, не было связано с особой религиозностью Акинфия Демидова: возможно, эти книги покупались для одной из демидовских церквей». Когда бы так, туда после смерти Акинфия их бы и отдали, из раздела исключив. Зная о тесной связи Акинфия со старообрядчеством, помня о том, что его отец знал Библию наизусть, мы бы остереглись отказывать Акинфию в искренней, глубокой религиозности. Может быть, наличию соответствующих книг в его библиотеке и не следует искать иных объяснений, нежели то, которое приходит в голову первым.

Акинфий не только собиратель и владелец книг. Он их активный читатель, иногда заказчик новых их списков. Детали, позволяющие так его характеризовать, находим в письмах приказчикам. Заметим, что факты, которые будут приведены, прекрасно вписываются в наше представление о них — не просто грамотных людях, но в большинстве своем старообрядцах, с великим в этой среде уважением к слову.

Ограничимся примерами из писем 1741 года:

«При сем послана к тебе з Дмитрием Тимофеевым и з сыном твоим Дмитрием книга да белой бумаги стопа. И ты по получении отдай оную книгу списать и чтоб она списана была хорошим письмом. А во оной книге есть многие речи недописаны, и те надлежит исправить с примеру других речей. И что дано будет за списыванья, о том меня уведомить» (Григорию Сидорову, письмо от 30 июня).

«Которому вы писцу отдали книгу переписывать о прежних царех, и того писца писмо полуустав веема изрядно. Дай Бог, чтобы он тое книгу всю бы таким исправным писмом переписал» (в Нижнетагильскую заводскую контору, от 6 июля, приписка в конце).

«Письма из оной канторы и при том полфунта медной проволоки, и две историальныя книги, старая и вновь написанная, чрез Осипа Перезолова сего августа 22 дня получены». Здесь же, в конце: «Перезолову за писмо оной книги денги здесь заплачены» (туда же, от 22 августа)[765].

Из трех коротких упоминаний можно извлечь богатую информацию.

Книга — историческая («историальная»), «о прежних царях». (Внимание! Круг интересов.) Акинфий с ней уже ознакомился и организует ее переписывание, для чего пересылает книгу и купленную бумагу. Отношение к тексту типично древнерусское, предписано редактировать дефектные места по имеющимся образцам (так и возникали новые редакции). Заботится о внешнем виде списка (просит списать «хорошим письмом»), отмечает красивый шрифт («писмо полуустав веема изрядно»). Оказывается, в Нижнетагильском заводе может не быть хорошей бумаги, но в нем есть писцы, которые таким шрифтом владеют, причем настолько профессионально, что быстро переписывают целую книгу.

Изрядно! Но Акинфий не только организует переписывание книг. Он делится книгой с другими потенциальными читателями: «Книжку, данную от меня, ежели прочел, пришли ко мне. Акинфеи Демидов» (письмо Г. Сидорову от 18 января, приписка рукой Акинфия)[766].

Лики Акинфия Демидова: Акинфий Великий

Сохранился единственный портрет Акинфия Демидова, написанный работавшим в Петербурге немецким художником Г. Х. Гроотом. Богатый камзол, позумент, золоченая бахрома, рубашка с кружевными жабо и манжетами, выступающими из рукавов кафтана. Роскошный парик. Лицо холеное, сильное, властное, глаза, похожие скорее даже не на отцовские, а на глаза первого российского императора.

Акинфий Великий, Акинфий Грозный…

Насколько Акинфию, каким он встает перед нами из своих слов и дел, подходят эти определения?

Нет, кажется, никого из писавших об Акинфий Никитиче Демидове, будь то писатели или ученые, кто, пускай с оговорками, не восхищался бы им.

Дмитрий Мамин-Сибиряк, поразмышляв о «странном» (его выражение) характере Акинфия, вынес заключение: «гениальный человек». Павел Бажов призвал пишущих (мы эти слова уже приводили) показать Демидовых «в полный государственный, а не уральский только рост». Деливший свой талант между художественной прозой и научно-популярной литературой еще один уралец, наш современник Игорь Шакинко, пытался взвесить заслуги Акинфия «перед Уралом и Россией и, — добавлял он (с некоторым, похоже, смущением), — если хотите, перед народом». Подводя итог, не смог сдержать восхищения: «Заслуги эти и в самом деле грандиозны», Акинфий, по его мнению, «гениален в своем грандиозном предпринимательстве»[767].

Насколько справедливы оценки литераторов, не преувеличены ли они? Ограничимся мнением лишь одного профессионального ученого, признанного специалиста в области экономической истории Н.И. Павленко. Неоднократно весьма нелицеприятно отзываясь об Акинфии, он тем не менее исключительно высоко оценивал его среди предшествовавших и современных ему деятелей из этой предпринимательской династии: писал, что он «самый одаренный представитель династии Демидовых за всю двухвековую ее историю. Отца он превзошел и организаторскими способностями, и достигнутыми результатами в промышленном строительстве». Именно при Акинфии, по его мнению, «хозяйство этой линии Демидовых достигло зенита»[768].

Акинфии оставил после себя 25 заводов, из которых 18

(включая косную фабрику) построил сам. Промышленное хозяйство, оставленное отцом, расширилось при нем примерно втрое[769]. Стоимость его предприятий (строений и оборудования), без учета алтайских, составляла приблизительно 400 тысяч рублей[770].

Эти заводы — основа демидовского Дела. Но заводами оно далеко не исчерпывается. Пытаясь определить место Никиты и Акинфия Демидовых в отечественной истории только по объему произведенного на их предприятиях чугуна и стали, обрекаем себя на ошибку. Нужно учитывать более широкий контекст.

Деятельность Акинфия Демидова — это, конечно, в первую очередь пример успешного предпринимательства. Но его предпринимательство не паразитирует на обмене, оно сопряжено с огромной творческой работой по хозяйственному освоению края, по вовлечению натуры в культуру. Конечно, край, в который приходили демидовские рудознатцы и металлурги, был отнюдь не пустыней. Он имел коренное и пришлое население, оно — свою культуру. Но это была традиционная культура, Акинфии же нес культуру брезжившей на горизонте индустриальной эпохи. Она предполагала вовлечение в оборот ресурсов, ранее не использовавшихся или использовавшихся очень ограниченно. Продвигая индустриальную культуру на новые для нее территории, Акинфии выполнял роль культурного агента. Само же ее продвижение вполне уместно считать частью колонизационного процесса. Рассмотренная под таким углом зрения его деятельность — деятельность уже не частная, но государственная.

Территория, на которой раскинулось «Ведомство Акинфия Демидова», к концу его жизни охватывала огромную площадь. «А оныя мои Колывановоскресенские медно рудокопныя заводы весьма от Сибирских моих отдалели, хотя и в одной Сибирской губернии строением находятца, точию болея двух тысяч верст междо собою растоянием имеют», — писал он в Кабинет незадолго до смерти[771]. Отдельные центры его «ведомства» были между собой технологически связаны: между ними перемещались люди, сырье, полуфабрикаты, готовая продукция. Организация транспортных потоков требовала прокладки и обустройства дорог, сухопутных и водных, многих из которых до Демидовых не существовало. За их состоянием зорко следил лично Акинфий. В июне 1741 года писал приказчикам в Нижнетагильскую контору: «О починке дороги к Невьянскому заводу приложить вам доброе старание, и чтоб она починена была хорошенько, а не по конец рук»[772]. В июле: «Пошлите за Баранчею дорогу паладить хорошенко. И кого для

лечения[773]оной дороги пошлете, тем посланным прикажите, чтоб они на оной Баранче у мосту сосну, которая имеется у свай, изрубить и пропустить ее на низ, чтобы весною мосту льдом не сломало. А оную Баранчинскую дорогу более велите лечить пашинником, наславши в логоватые места пашиннику повыше, и засыпать землею. О том я в бытность свою у вас тебе приказывал. Да и по нашу сторону Баранчи надлежит приказать Перезолову мосты землею навозить, а в других местах и пашинником заслать. А что бы землю брали гораздо подалее от дороги. А в других местах и каналами обвести»[774].

Участник Камчатской экспедиции И.Г. Гмелин, посетивший обустроенные Демидовым земли в 1742 году, и через без малого 30 лет после него побывавший в тех же краях академик П.С. Паллас отмечали отличные дороги в этих лесистых, мокрых, местами болотистых местах. Они были обсажены деревьями, по обеим сторонам полотна обведены канавами. Низкие места подсыпаны, через ручьи и овраги сделаны мосты. Такое состояние коммуникаций («не так уж легко встретить где-нибудь лучшие дороги, чем в его области») Гмелин связывал с попечением Акинфия об удобстве работников при их переездах и перевозках, считал важным достижением заводчика и относил к его «особенной чести»[775]. Конечно, не один Акинфий строил дороги, строили их Строгановы, строил Геннин. Иногда силы объединялись. Так, дорогу с казенного Алапаевского завода через демидовский Нижнетагильский до чусовских пристаней Демидовы и Геннин договорились строить совместно[776]. Но в границах обширных собственных владений коммуникационную сеть создавал и поддерживал Демидов.

Дороги — всего лишь одно из проявлений огромных по масштабу перемен, которые принесли Демидовы в только еще начинавшие обживаться края. Благодаря им сюда перемещалось население, здесь возникали заводские поселки, со временем превращавшиеся в города (Невьянск, Нижний Тагил, Барнаул и другие), которые и сегодня присутствуют на карте России.

Талант, воля, труд

Чем объясняется эта потрясающая нас и сегодня успешность? Полагаем, в некотором смысле действительно *гениальностью* — врожденными и усиленными воспитанием способностями, совместившимися в нем в таком составе и интенсивности, что до конца его дней позволяли справляться с текущим и перспективным управлением сложнейшим хозяйством. Ну и, конечно, свойственным ему представлением о мире и своем в нем месте, не позволившим растратить эти недюжинные способности понапрасну.

Судя по всему, Акинфий обладал прекрасной памятью. Без нее было бы невозможно держать в поле внимания множество частных вопросов, лишь малая доля которых затронута в сохранившихся документах. По-видимому, ее передал ему отец, свидетельство о выходившей за привычные границы памяти которого приводилось.

Из черт, выработанных воспитанием, отметим исключительно значимое место, которое в системе ценностей Акинфия занимал личный труд. Одно из самых уничижающих слов, которые он употребляет, говоря о других, — *тунеядец.* Торговое предпринимательство — дело для него куда менее достойное, чем промышленное. «Ныне умножилось ваших торговых при заводе живущих тунеядцов», — с сожалением замечает он в одном из писем, связывая с этим фактом некоторые происходящие там неустройства. (Заметим, по наблюдениям Татищева, харчами и «потребностями» при заводах торговали почти сплошь старообрядцы. Получается, что конфессиональное родство не мешало Акинфию объективно оценивать их место в экономической жизни своего «ведомства» и публично называть их так, как они, по его мнению, того заслуживали.) Еще одна выразительная цитата: «Вы посему лень отложите, и в то место смотрение приложите» — так он уговаривает заводских приказчиков, недостаточно прилежных в исполнении своих обязанностей[777].

Начинавший молотобойцем Акинфий, вероятно, обладал неплохим здоровьем. Это в совокупности с высоким статусом труда в его сознании и проистекавшими из этого мотивациями выработало у него высокую работоспособность. Акинфий принадлежал к людям, бесконечно влюбленным в свое дело, с радостью себя ему отдававшим.

Память, разнообразный по содержанию творческий труд, частью которого являлось многолетнее тесное соприкосновение

со специалистами, совместное с ними решение разнообразных практических задач дали Акинфию возможность овладеть обширным опытом, усвоить множество прикладных знаний. Читая его письма, задумываешься: среди проблем, которые ему приходилось разрешать, существовали ли выходившие за пределы его компетенции? Акинфий уверенно дает указания по множеству прикладных вопросов: строительству речных судов и колокольни, подготовке площадки для устройства плотины и пруда, ремонту плотинных ларей, браковке продукции, использованию флюсов при плавке, экспресс-методам различения руд и так далее, и тому подобное. Сомнений в правильности и действенности своих распоряжений он, как правило, не испытывает. И, что удивительно, чаще всего попадает в цель. (Конечно, не всё идет гладко. Например, выбирая место для завода, не всегда удается правильно оценить энергетические ресурсы. Но тут одной выработанной опытом интуиции, понятно, не хватает, нужны исследования гидрорежима и расчеты на их основе.) Приказчик Невьянского завода, отказываясь без хозяина предоставлять Беэру сведения о заводах, писал: «Покуды господин мой сам обстоятельно во всех здешних Сибирских заводах не выправится, то в сочинении показанных ведомостей мне и протчим прикащикам не поверит»[778]. В этих словах — *«сам обстоятелно во всех»* — образ Акинфия-труженика схвачен исключительно точно.

Обширность всё возраставших прикладных знаний и стремление к их применению роднят Акинфия с Петром Великим. Характеристика «вечный был работник» (Пушкин) в равной степени приложима к обоим. Кстати, и относительная скромность в быту (представительские резиденции не в счет) их тоже роднит. Ранее их рядом друг с другом уже ставили. Павел Бажов прямо называл Акинфия «ревностным сподвижником» Петра.

Отметим, впрочем, важную черту самоидентификации Демидова, отличавшую его от царя. Акинфий, притом что его деятельность — часть большой совокупной работы по модернизации России, осознает себя скорее не модернизатором, а традиционалистом. В письмах приказчикам он апеллирует к полученным им в Тульской оружейной слободе знаниям и навыкам, которым вполне доверяет. Вот откровенное его высказывание, обращенное тоже к приказчикам: «Я старое никогда не покину, а вновь зачинать тяжело. Я бы доволен и от вас тем был, чтоб и вы старое не покидали. А вновь от вас без совету и без пробы зачинать вами не желаю. Пожалуйте, утверждайтеся на прежде положенных наших уставах»[779]. Эта черта его мировоззрения сближает его со старообрядцами. Но,

как мы прекрасно знаем, демонстративная приверженность старообрядцев к традиции не мешала им успешно заниматься предпринимательством — тем, для чего позднее был выработан термин «старообрядческий капитализм».

Вдобавок к многоумению, работоспособности, самодисциплине — мощное стратегическое мышление и ярко выраженный талант управленца. Акинфий — менеджер, как говорится, от Бога. И менеджер поразительно эффективный.

Впрочем, основной метод, которым он пользовался, сегодня может вызвать настороженность. Это в чистом, беспримесном виде *ручное регулирование.* Остается только удивляться, как при непрерывном расширении и усложнении его хозяйство действовало, в общем, без существенных сбоев. При Акинфий всё работало как часы и несомненно имело запас прочности. Иначе в те годы, когда он был вынужден покидать заводы и долго жить от них в отдалении, всё быстро бы рухнуло. А оно устояло.

И все же не покидает ощущение, что еще немного, и избранный метод управления окажется несостоятельным. Наверное, в конечном счете к этому шло. Но при Акинфий до критической точки система точно не добралась. Несомненно, проживи он дольше, алтайская группа его заводов продолжала бы успешно развиваться и в историю цветной металлургии России вошли бы *демидовские* серебро и золото. Вошло же только первое, и то лишь как начальная страница обширной главы.

Предпринимательство вдохновенное и блистательное по результатам. И чем дальше, тем, кажется, все более безудержное, мерещится, все менее сдерживаемое этическими тормозами.

Лики Акинфия Демидова: Акинфий Грозный?

Размышляя над секретом успешности Акинфия Никитича, потомки нередко отмечали присущую ему жесткость.

Мамин-Сибиряк писал о свойственных ему «неистощимой энергии, железной воле, самодурстве, жестокости». «Хищный приобретатель и эксплоататор», «жесткий и энергичный делец»[780] — так характеризовал его Б.Б. Кафенгауз, исследователь, хорошо знакомый с документами и не склонный к фантазированию (хотя, конечно, как и всякий, не защищенный от влияния стереотипных трактовок в случаях, когда документ их допускает).

По мнению И.М. Шакинко, Акинфий на протяжении жизни эволюционировал в сторону усиления в нем отрицательных качеств. «Что-то безобразное произошло с Акинфием Демидовым к концу жизни. Он всегда был суров, но садистский оттенок, какое-то злодейское презрение к людям проявилось именно в последние годы… Он стал деспотичнее и мелочнее. Наряду с широкими замыслами он погряз в десятках судебных свар, дрязг, тяжб со своими конкурентами, братьями[781], сестрой, их детьми и другими людьми, что повстречались на его пути. Когда просматриваешь эти документы и видишь, как грозный горный царь сутяжничает, крохоборничает, мелочится, словно Плюшкин, становится даже обидно за эту безусловно крупную личность….Этот талантливый человек, гений своего горного дела, творец, созидатель явно душевно деградировал»[782].

Эти слова словно вдохновлены фильмом 1983 года «Демидовы», в котором Акинфий претерпевает именно такую нравственную эволюцию и, прощаясь со зрителем, крепко сжимает в руке ставшую для него талисманом золотую фигурку из когда-то ограбленного им языческого капища. Но насколько этот портрет соответствует оригиналу?

Да, как и всякий предприниматель, использовавший (то есть эксплуатировавший) наемный труд, Акинфий вполне обоснованно может быть назван *эксплуататором.* Но использовать труд — не значит драть с работника три шкуры. Драл бы — не бежали бы к нему работные люди с казенных заводов и не пришлось бы Демидовым и Геннину договариваться о взаимном неиспользовании у себя таких беглецов[783]. Ненавидевший пьянство и лень, Акинфий принуждал трудоспособного к труду и платил за него. Вот отрывок из его письма в заводскую контору с

ответом на просьбу возчиков увеличить им оплату: «В пророческих книгах напечатано: "Не прелагайте предел, я же положиша отцы ваши"[784]. А вы откуда взяли такую премудрость и для какой выгоды затеваете? Я всем вашим обывателем плату произвожу не по силе плакату. Как вы и сами известны, во всех работах производится от нас плата против плакату в полтора и вдвое. Зачем же мне им прибавлять?»[785]

Да, возобновление споров вокруг Верхотулицкого завода (случай, который Шакинко, возможно, подразумевал, говоря о сварах и дрязгах с родственниками) не красит стареющего Акинфия. Но обратим внимание: не он спровоцировал тот конфликт. Всё началось с попытки пользователя закрепить завод за Акинфиевой, собственника земли, спиной.

Да, известно о множестве судебных тяжб Акинфия последних лет его жизни. В списке спорных дел последних лет, составленном около 1744 года, дел продолжавшихся — около трех десятков[786], а ведь были еще и другие — решенные и потому в этот реестр не включенные. Но и в прежние годы Акинфий тоже немало судился, однако отражающих это сводных данных просто нет. Как сравнивать?

Факты жестокости по отношению к людям… Были такие факты. Но мягче ли поступал его отец, у которого он учился разуму? Едва ли — примеры этому мы приводили, их нетрудно умножить.

Еще недавно мне виделось такое объяснение этих фактов. Акинфий к концу жизни так высоко взлетел, такими планами ворочал, что ему постепенно становилось уже не до отдельных людей. Всегда входивший в детали, он не мог охватить их все, детали жили своей, иногда и «безобразной» жизнью. (Разве не могло быть склонных к садизму приказчиков? Наверняка были.) Да и вообще, человек становился песчинкой в огромной вселенной, наконец покорившейся ему, вселенной, которую он с наслаждением строил и перестраивал по собственному плану. Безразличие к отдельному человеку, отношение к нему как материалу, глухота к боли — всё это, наверное, у него было. И у Петра I было. Но «садистский оттенок»… Если принять эту гипотезу, один шаг до включения в биографию Акинфия легенды о мастерах, затопленных в подземельях Невьянской башни.

Внимательное знакомство с письмами Акинфия не подтверждает этой модели. Приведем фрагменты из двух относящихся к 1741 году его писем, так выразительных в каждой детали, что рука не поднимается их сокращать. Оба посвящены вопросам, для нас настолько незначительным, что мы даже не уговариваем читателя входить в их суть. Главное в этих текстах

не объект и предмет, а то, в каком стиле и тоне Акинфий осуществляет пресловутое ручное регулирование.

Итак, письмо первое, от 21 июня, адресованное главному тагильскому приказчику Григорию Сидорову:

«Ты же пишешь, что у вас тележных колес не имеетца. И сему веема я удивляюсь, что вы живете, забыв Бога. И как тебе, бедняку, об оном не стыдно ко мне писать, понеже колесных мастеров из крестьян наших имеется у вас доволно, и они что у вас делают, и у чево вы живете — я не знаю, что о таком нужном инструменте не хотите возыметь попечения. А я тебе свидетельствуюсь живым Богом: у нас (на Невьянском заводе, откуда писал Акинфий. — *И. Ю.)* колесной мастер имеется один да двоя, которыя делают колясочныя колеса, и то делают их тогда, в которое время, когда на плотине работы никакой не имеетца. Также и к починке ветхих колес берем плотника на время ж. А колес у нас имеетца, как тебе известно, великое множество и довольствуем мы такими колесами многие заводы без всякой нужды. А ты, бедной, с таким множеством колесных мастеров от доброго своего радения и одного завода удовольствовать не мог.

Я бы от тебя и тем доволен был, кабы ты не разтерял и старых наших колес. А ныне видно, что ты старые наши колеса отпустил в слободы гулять, или вами и обывателями вашими они переломаны да лежат в груде без починки. О том к тебе от меня писано было зело заблаговремянно. Можно бы с того времяни доволствоватца вам, хотя б и вновь делать таким людством, какое вы имеете у себя. А здешним заводам удовольствованы наш завод, Быновской, Шуралинской, Черноисточинской, Уткинской, Шайтанской, Ревдинской, вновь строящейся Рождественской. А ты со всяким безделным дрязгом в глаза дересся как мошка»[787].

Второе письмо, написанное 19 июля того же года к нижнетагильским приказчикам Веденею Терентьеву и Мирону Попову, касается какого-то сена, по мнению Акинфия, незаконно скошенного при попустительстве адресатов. Сообщив, что письмо «о следствии выкошенного сена» получил, автор продолжает:

«Толко оное ваше следствие учинено весьма неправедливо. Я надеясь, к тебе писал, что ты от оного чист явисься и правду в том Божескую к нам сотворишь. А ныне, как видно, что и ты к тому причастен явился, то на кого уже мне надежду иметь в правде. И [поскольку] в том вы следствии явились все подлинными сообщниками, то так и учинено несправедливо. Тому примеру подобно: кто человека убиет, а другой то убивъство видел, а не донес или в привод не привел — чему он достоин? Не той же ли казни, яко же и злодеи? Или вы на то надеясь, что собралась вас

кампания в том хорошая? Нет ли вам ныне в том стыда? Да уже мимошедшаго не возвратить, толко прошу не слукавить, то подкошеное сено во оной нашей поскотине перевести и причислить с казенным нашим сеном и о том нас отрепортовать со всякою праведливостию, чтоб я в том остался от вас с покоем».

Далее приписки, сделанные другим почерком, — свидетельство того, что Акинфий, и продиктовав ответ, не перекипел:

«А кони наши где будут довольствоваться — о том вам печали нет; то за что ж вы у Бога хлеб кушаете?

Мочно ль вам очювствовати? Надлежало б вам в том меня обранить (оборонить, защитить. — *И. Ю.)* от других, а вы сами то первые других зделали»[788].

Во всех адресованных на Тагил письмах 1741 года самые грубые слова — «дурак» и производные от него. Представить, что это писала холеная манерная рука, изображенная на гроотовском портрете, трудно. И этот взывающий к Богу, совести и стыду, избегающий брани, тем более грубой брани, человек — жестокий тиран? кровопийца? садист? С ним произошло «что-то безобразное»? Как хотите, но эти дефиниции здесь явно неуместны.

Подозревать, что Акинфий рисуется, хитрит, ханжит, прячет звериный оскал под маской, не приходится. Это ему и не нужно, и других, похожих на приведенный текстов более чем достаточно. Уж скорее смягчился Акинфий на старости лет, чем ожесточился.

Эти наблюдения в общем согласуются с мнением историка Н.С. Корепанова, который идет даже дальше: пишет, что Акинфий и «противозаконные действия» — вещи несовместимые, что тот «по своим человеческим качествам просто не был на них способен». Он противопоставляет сына отцу (корепановскую оценку последнего мы уже приводили), заявляя, что «А.Н. Демидов был человеком совсем иного склада»[789].

А как же многочисленные тяжбы с близкими и чужими, с богатыми и не очень? Как же борьба с конкурентами?

Нам кажется, что большинство таких фактов отношение к Акинфию имеют разве что опосредованное. За тяжбами и сварами стоит исправно работающая машина отстаивания бизнес-интересов, созданная еще комиссаром Никитой, отлаженная им и сыном и с какого-то момента действовавшая почти без участия хозяина. Тяжбы вел не Демидов, а с его ведома приказчики. Тяжб было много — а вы приказчиков сосчитайте. Только при заводах человек двести, а ведь были поверенные в городах, работавшие по найму Чем было им заниматься, как не защищать интересы хозяина в борьбе с конкурентами?

* * *

Анонимная биография рассказывает:

«Кончина Акинфия Никитича последовала во время обратного его из Петербурга путешествия в заводы в устроенной барке водою на реке Чусовой против берега, образующаго высокую каменную скалу. На сей горной возвышенности по приказанию покойнаго меньшаго его сына Никиты Акинфиевича в 779 году воздвигнут высеченной из камня с изображением Креста памятник»[790].

В целом так приблизительно и было, однако в деталях — неточности и неясности. Акинфий ехал, знаем это точно, не из столицы, а из нижегородской вотчины. Точное место смерти, в полном согласии друг с другом и противореча биографии, называют два современных событию исторических источника. Уже упоминавшийся нами указ императрицы Елизаветы Петровны от 30 сентября 1745 года начинается словами: «Известно Нам, что действительной статской советник Акинфей Демидов в прошедшем августе месяце, будучи в пути от Казани и до Сибирских своих заводов, на Каме реке под селом Ицким, коликою умер»[791]. (Обратим внимание на причину смерти. Расплывчато, но лучшего нет.) То же и в письме вдовы Е. И. Демидовой А.В. Беэру от 21 января следующего, 1746 года: она сообщает о намеченной в ближайшие дни поездке сына Никиты «в село Ицкое Устье для привезения сюда тела покойнаго мужа моего»[792]. В согласии с этим указывают место смерти Акинфия Никитича большинство биографов: река — Кама, село — Ицкое Устье[793] (вариант — Яцкое Устье[794]).

А памятный крест на Чусовой действительно был поставлен. Он отмечал место, где родился сын Акинфия Никита[795]. В надписи на кресте было указано, по чьей инициативе (Никиты Акинфиевича) и когда (1779 год) его поставили. Возможно, на искаженную информацию об этом и опирался аноним, перенесший в своем тексте место смерти Акинфия с Камы на Чусовую[796].

Смерть наступила, по одним данным, 5-го, по другим — 18 августа 1745 года[797]. Основатель династии умер на семидесятом году жизни. По нынешним временам не старость. Старший сын и до этих лет не дожил.

Отец скончался на заводе. Сын — на пути с одних заводов на другие.

Акинфий принадлежал к личностям, которые, самоутверждаясь через свое Дело, грандиозностью свершений борются с неизбежностью личного разрушения. Борются, снова и

снова побеждая, до поры, пока единственная, последняя, решающая победа не достается противнику. Такие всегда умирают в пути, всегда не вовремя.

И сам он, казалось, всё не мог успокоиться, соединившись с землей. Его тело долго ожидало своей могилы — не могли решить, где его похоронить. Наконец, с высочайшего позволения, «по жительству их» (Демидовых. — *И. Ю.)* он был перевезен в Тулу[798]. Акинфия Никитича положили рядом с отцом в склепе построенного им храма. Эпитафии на надгробии или не было, или, вероятнее, она относительно скоро была вместе с памятником утрачена. Ее не знал даже Г.И. Спасский, издавший в 1833 году первую книгу об Акинфий[799]. Мы помним, какой образ Никиты Демидова запечатлела надпись над его гробом. Каким представал Акинфий в словах над его могилой?

Немало загадок оставил после себя Никита Демидов.

Его великий сын — не меньше.

Глава 10. АКИНФИЕВИЧИ: ПОД ОТЕЧЕСКИМ КРЫЛОМ

С уходом Акинфия в истории рода Демидовых наступила новая эпоха. Первыми ее ощутили ближайшие родственники, отношения между которыми сразу и существенно изменились. Напротив, промышленное хозяйство еще долго жило по законам, установленным для него создателем, — оно оставалось единым целым долгих 13 лет. Казалось, не смирённый смертью дух великого промышленника еще витал над заводами и рудниками, не позволяя начать новую главу в их истории.

Но к управлению ими рвались новые люди — наследники. Им и тому, как ради них было развалено «Ведомство Акинфия Демидова», и посвящена эта глава.

Первенец: детство и юность

Как мы уже говорили, до взрослых лет дожили трое сыновей Акинфия: Прокофий, Григорий и Никита. Переписная книга Невьянского завода, составленная в декабре 1721 года, упоминает еще одного, Ивана, на тот момент шестнадцати недель от роду[800]. Скорее всего он умер младенцем.

Старший из Акинфиевичей, Прокофий, появился на свет 8 июля 1710 года[801]. В старой литературе утверждалось, что он и Григорий были детьми от первого брака их отца, тогда как третий сын, Никита, — от второго. Именно этим иногда объясняли сложности в отношениях, сложившихся у Прокофия с родителем и младшим братом[802]. Объяснение ошибочно, поскольку основано на недостоверном факте. Документально установлено, что матерью Прокофия была вторая жена Акинфия[803]. Затянувшийся на годы раздор между братьями действительно имел место, но возник по другой причине.

Биографы, в том числе К.Д. Головщиков, местом рождения Прокофия называют Сибирь (подразумевая, конечно, в данном случае Урал)[804]. Историк А.С. Черкасова уточняет: родился в Невьянске[805]. Нам документальные подтверждения этого факта неизвестны, но с учетом того, что его, двухнедельного, учли в переписной книге именно на Невьянском заводе, это представляется наиболее вероятным[806].

«К сожалению, достоверных биографических данных о молодых годах Прокофия немного», — пишет А.С. Черкасова. Сказано, на наш взгляд, еще мягко. Их немногим больше, чем сведений о молодости его отца и даже деда. «А те, что дает литература, — продолжает она, — часто не выдерживают критики при сравнении с документами». Согласимся и с этим. Пример такого рассыпавшегося при соприкосновении с источником «факта» (что дети Акинфия от разных матерей) мы только что привели.

«Воспитание мое сибирское», — утверждал Прокофий, и за почти полным отсутствием сведений о том, где он жил до 18 лет, остается ему верить. В переписной книге Невьянского завода, составленной в декабре 1721 года, упомянут и Прокофий[807], но это, так сказать, его «прописка». Впрочем, то, что в эти годы он жил при Старом заводе, кажется очень вероятным. Кроме демидовских гнезд Среднего Урала к числу мест, которые в детстве и юности он, вероятно, посещал, отнесем также Соликамск (где со временем обосновался брат Григорий)[808] и родную всем Демидовым Тулу.

Что это было за воспитание — Бог ведает. В одном из писем уже стариком Прокофий вспоминает уроки фехтования, которые брал в молодости. Даже делится полученным тогда опытом: «Пример тебе скажу: ежели на лапирах битца, должно знать ево намерение — куда удар его или обман представитца. Спрошай-ка, кто оному горазд, а я помоложе учился»[809].

Многое, что известно о зрелом Прокофий, связано с его увлечением ботаникой, коллекционированием растений. Этот странный для его среды интерес когда-то и где-то зародился. Так где же набухало экзотическое семечко? Едва ли ошибемся, предположив, что страсть к «произрастаниям» поселилась в нем в детстве.

Обратим внимание: и фехтование, и садоводство — культурные атрибуты дворянского воспитания. Но «приличного» дворянину образования (при всех колебаниях в понимании того, что было тому прилично) Прокофий не получил. Иностранными языками не владел[810]. Русскую грамоту, конечно, знал, читал и довольно много писал, причем не только письма. Но очаровывающая нынешнего читателя непосредственность его письменной речи — она ведь не только от раскованности души, она и от незнания норм литературного языка.

Примечательно, что женой Прокофия оказалась не дворянка (а став в 1726 году дворянином, он мог рассчитывать и на такую подругу жизни), а представительница тульского купеческого рода Постуховых (уже породнившегося с Демидовыми: супруга Прокофия Матрена Антиповна приходилась племянницей Анастасии Герасимовне, жене его дяди Никиты Никитича).

Купеческая дочь — не приговор, но с высокой вероятностью набор вполне определенных предпочтений по части образа жизни и интересов. (Вот персонаж Лескова, купеческий сын, просит сваху познакомить его «с какой-нибудь барышней, или хоть и с дамой, но только чтоб очень образованная была. Терпеть, — говорит, — не могу необразованных». Рассказывающая об этом сваха комментирует: «И поверить можно, потому и отец у них и все мужчины в семье все как есть на дурах женаты, и у этого-то тоже жена дурища — всё, когда не приди, сидит да печатные пряники ест»[811]. Приведенный пример — из более поздней эпохи. Сомневаемся, однако, чтобы за полтора столетия до Лескова баланс между временем, посвящаемым купеческими дочерьми пряникам и, допустим, чтению, был более смещен в сторону чтения.)

Впрочем, случай Прокофия может из статистики и выпадать. В литературе высказано предположение, что Матрена вышла за него замуж, уже побывав в первом браке княгиней Мещерской[812]

(то есть вошла в семью Демидовых скорее всего вдовой). Статусная логика в таком породнении для Демидовых существовала: одворянившийся ремесленник женился на одворянившейся же в прежнем браке купчихе. Вот бы еще документы, этот факт подтверждающие, обнаружить…

Когда он женился? В точности не известно, но с достаточной вероятностью событие можно отнести ко второй половине 1720-х — началу 1730-х годов[813].

В целом туманное детство и юность оставляют в отношении Прокофия очень неопределенное впечатление. Какие-то следы дворянского воспитания, какие-то — свойственного кругу богатого городского населения, но населения податного, непривилегированного. Среда его жизни и общения, формировавшая личность не меньше, чем целенаправленное воспитание, — вполне простонародная. Соответствуют ей и выработанные привычки.

Сказанное очень наглядно демонстрирует следующий сравнительно ранний, 1728 года, биографический эпизод — фактически первый, в котором Прокофий выступает и как действующее лицо, и как лицо говорящее — высказывающее свое отношение к обществу и принятым в нем правилам.

Драма на охоте, или Новый российский дворянин: проблема интеграции в сословие

17 июня 1728 года Арефий Авдеев, человек тульского помещика майора С.М. Извольского, подал в Тульскую провинциальную канцелярию словесный извет, в котором сообщил о происшествии, незадолго перед тем приключившемся с крепостным крестьянином Извольского и двумя наемными работниками. Крестьянин деревни Щегловой Матвей Никитин и работники Клемен (Клим) Васильев и Иван Кирилов везли в Тулу на продажу камень. Дорога шла мимо демидовского завода на Тулице. Не доехав до него, на принадлежавшей Извольскому пустоши Воробьевке возчики устроились ночевать. В это же время там находились Прокофий Демидов с компанией: заводским работником Демидовых Савелием Засыпкиным и двумя казенными кузнецами Лаврентием Бараньевым (Барановым) и Акимом Князевым. Они выкашивали рожь, готовя место, «где послать надлежит сети ловить перепелов». Крестьяне решили защитить господскую ниву и, подойдя к птицеловам, спросили: «За что рожь косите и толочите?» В ответ Прокофий, «умысля» (то есть осознанно, с умыслом), стал по крестьянам стрелять из пистолетов и их, как выражается Арефьев, «перестрелял». Раненые, они пребывали «при смерти, толко едва живы». Произведенный осмотр зафиксировал у Матвея Никитина две раны в правой руке и одну на голове. Тяжелые ранения получили и его спутники[814].

На следующий после подачи извета день Авдеев обратился с просьбой Прокофия Демидова и бывших с ним «сыскав, в озарническом стрелянии роспросить, а по роспросу розыскать». Просил осмотреть место происшествия — «покошенную и потолоченую» на нем рожь, для чего послать туда «кого надлежит».

На основании прошения 20 июня на пустошь Воробьевку и завод Демидовых был отправлен подьячий Петр Кашкаров. При осмотре потравленных птицеловами хлебов обнаружилось, что скошенным пятном (примерно 4 на 6 саженей) и разломанными шалашами ущерб, нанесенный полю, не исчерпывается. От этого места, писал Кашкаров, «многое число потолочено ржи, как можно ходить за перепелки». Осмотрев место преступления, посыльный и понятые отправились на завод, где к подьячему вышел сам Акинфий Демидов. Кашкаров потребовал Прокофия,

объявив, что намерен забрать его с собой. Заводовладелец выдать сына и работника отказался. Отвечать по обвинению он соглашался не раньше, чем Извольский подаст челобитную «своим имянем, а не человека своего»[815]. Такая тактика, не будучи юридически безупречной, делала не столь демонстративным нежелание сотрудничать со следствием. Если Извольский пребывал в отлучке (а, похоже, так и было) — держаться за этот аргумент можно было долго.

Двое свидетелей — Баранов и Князев — были казенными кузнецами. Требовать их выдачи от Демидова смысла не имело — они «ведались» в Тульской оружейной конторе. Обращение к ней успеха также не возымело. Она согласилась предоставить «своих» не раньше, чем к допросу станет ключевой фигурант — младший Демидов. Одновременно контора напомнила, что дела, касающиеся оружейников, рассмотрению местной гражданской администрации не подлежат.

За Демидовым на завод из провинциальной канцелярии посылали еще дважды. Хозяин к посланцам воеводы больше не выходил, отправлял служителя, а тот повторял сказанное Акинфием при первой встрече: Демидовы по этому делу станут отвечать не раньше, чем Извольский подаст жалобу от своего имени.

Ход дела застопорился. Истцу только и оставалось, что напоминать о нем, прося законного удовлетворения. Безрадостная картина нарисована в прошении, поданном 16 мая 1729 года: один из «стреленных» Демидовым крестьян, Васильев, от ран скончался, а остальные продолжают лежать при смерти (из чего заключаем, что ущерб здоровью в первом «извете» преувеличен не был). Авдеев «порицал» Демидова, «приличая» его к «смертному убивству»: писал, что «им, Демидовым, чинить смертное убивство не первое», напоминал, что «племянник оного Акинфия Демидова родной Иван Григорьев сын Демидов умышлительно и отца своего родного убил до смерти и в три года мыслил и застрелил»[816].

Привлечение Авдеевым внимания к бывшей тогда у всех на слуху кровавой драме в семье Демидовых объясняет сделанный Акинфием выбор линии защиты. Выстрел, сведший в могилу его брата, прозвучал 14 мая — всего за месяц до выстрелов на ржаном поле. Очень вероятно, что сопротивление Акинфия выдаче сына явилось реакцией на крайне неприятное положение, в котором с недавних пор пребывала фамилия. Иван, двоюродный брат Прокофия, обвинялся в отцеубийстве со всеми вытекающими из этого последствиями — арестом и розыском с применением пыток. Защищавшая Демидовых броня, выкованная нажитым ими

богатством и связями, получила как минимум вмятину, а возможно, и трещину. Не сказать, что раньше им дозволялось в Туле все что угодно, но многое — действительно дозволялось. Майской ночью 1728 года отношение общества к ним как к людям, стоявшим над законом, было поколеблено. Это прямо выразил в своей жалобе Авдеев, указавший на сходство в действиях братьев, один из которых уже вполне официально считался убийцей. Акинфий осознавал опасность таких параллелей. Осознавая, тормозил разбирательство.

Акинфий победил. Несмотря на благоприятный момент, привлечь Прокофия к ответственности по делу о стрельбе по крестьянам не удалось. На допрос Прокофий не являлся — все лица, посланные за ним из провинциальной канцелярии, возвращались ни с чем. Отчаявшись, Авдеев в мае 1729 года попросил принять решение по его иску в обход саботируемой ответчиком нормальной процедуры: «указ учинить по Уложенью и по правам»[817]. Просьба удовлетворена не была. Дело буксовало. Оно выдыхалось.

В мае 1733 года по сути вопроса наконец высказался Прокофий Демидов, за пять прошедших после инцидента лет, можно думать, вполне уверившийся в благополучном для себя его исходе. В поданном в провинциальную канцелярию прошении он уведомил, что по прибытии из Петербурга в Тулу ознакомился с поданной Авдеевым челобитной. Тот, в очередной раз напоминая о несчастных возчиках камня, именовал в ней Прокофия «умышлительным человеком, и смертноубивцею, и ведомым озорником, яко сущаго вора и злодея». Придерживаясь избранной линии защиты, Прокофий заявлял, что такое прошение «без верющей челобитной и принимать не подлежало». Он напоминал об условии, выдвинутом Акинфием приходившим за Прокофием (последний, по словам отца, находился тогда в Петербурге). Объяснение тому, что челобитная от имени Извольского подана так и не была, Прокофий находил в том, что истец, осознавая его, Демидова, «правость», понимал, что Авдеев — «плут»: «оные (извет и челобитье. — *И. Ю.)* без воли ево, Изволского, подавал». Замечательно интересна реакция Прокофия на присутствующие в челобитной Авдеева характеристики Демидовых и его самого (по оценке обвинителя — «смертноубивцы», вора, злодея и проч.). Прокофия возмутило, что его противник к этим «укорительным» словам «примешивал еще и постороннее: о убивстве дяди ево Григорья сыном ево Иваном Демидовым» (сам этот факт Прокофий, разумеется, не отрицал). Иван «за то богомерское преступление… кажнен смертию». Но, решительно заявляет Прокофий, «то ему, Демидову, или фамилии их ни к малой

укоризне не прилично. *Всяк звание приемлет от своих дел,* а отец де ево, Акинфей, и он, Прокофеи Демидов, *люди добрые и снабдены высокой императорского величества милостию».* Вот как.

Подробности дальнейших событий опускаем. Итог пятилетней тяжбы был подведен 27 июля 1733 года. В этот день Тульская провинциальная канцелярия, слушав дело, вынесла определение: просителю Авдееву «от иску его, что он искал на нем, Демидове, в бою крестьян отказать»[819].

Выразительные подробности этого эпизода в очередной раз напоминают об одном из важнейших для Демидовых событий второй половины 1720-х годов — их одворянивании. И попавший в историю с охотой на ржаном поле Прокофий, и его родственники состояли в шляхетском сословии без году неделя. Рожденные казенными кузнецами, они только еще вышли из горнила сословного метаморфоза в новую, теперь уже *дворянскую* жизнь. Но писаться дворянином — не значило быть в новом качестве признанным. История об охоте на перепелок, закончившейся стрельбой по крестьянам, содержит немало деталей, интересных в плане изучения процесса интеграции в дворянское сословие таких, как Демидовы, — лиц, только недавно добившихся юридического себя к нему причисления. Присмотримся к тому, как они срастались с дворянством.

Интеграция в сословие — частный случай проявления феномена социальной мобильности. Переместиться внутри социальной структуры — значит изменить свое ранговое положение в ней, иначе социальный статус. Динамическим его выражением можно считать социальную роль — модель поведения, статусом определяемую. В любом члене общества, как правило, совмещаются несколько статусов и соответствующих им социальных ролей (наборы статусный и ролевой). Носитель статуса «исполняет» сопряженную с ним социальную роль в соответствии с закрепившимися для данной общности социальными функциями — специфической совокупностью прав и обязанностей. Стремление к подъему в социальной иерархии в значительной степени мотивировано расширением доступа к социальным ресурсам. По отношению к предпринимателям это вдвойне очевидно и втройне важно.

Но юридически оформленное изменение социального статуса — лишь половина дела. За ним следует (во всяком случае, должна) интеграция культурная. Они отличаются друг от друга многим. В том числе тем, что первая, формальная, протекает одномоментно (новые права и обязанности приобретаются с появлением акта), вторая, фактическая, требует времени. Применительно к Прокофию особенно интересна именно

культурная интеграция — осознание и принятие нуворишем новой социальной функции, освоение социальной роли, то есть имеющих новое для носителя культурное оформление, а подчас и содержание, моделей поведения.

Детство и юность Прокофия протекали в атмосфере ожидания сословного перехода — ключевые события в этой истории, как помним, относятся к 1720 и 1726 годам. Под стать ожиданию и занятия. Навык фехтования, для заводчика бесполезный и даже странный, обретает оправдание и смысл в качестве культурного знака, маркирующего дворянина. То же — ботаника. Лица с выраженным интересом к естествознанию, натурфилософии, естественной истории для предпринимательской среды в *ту* эпоху нехарактерны в принципе, тогда как для дворянской — хотя и редки (их время придет позже), тем не менее уже встречаются (А.Т. Болотов). Перечисленное — свидетельство освоения Демидовым образцов социального поведения, более или менее специфичных для сословия, в которое он переместился в шестнадцатилетнем возрасте, свидетельство некоторых успехов на пути культурной в него интеграции.

Трудно сказать, насколько Прокофий возраста «драмы на охоте» врос в новую среду. Зато отчетливо видно, что с «материнской» для него культурой городского посада он не порвал. Из нее — соседствующие с дворянскими интересами и занятиями развлечения, по происхождению и среде распространения вполне простонародные. Причем усвоенные в специфически характерной для «малой» его родины форме. Имеем в виду «птичьи охоты» — забаву, чрезвычайно распространенную в Туле XVIII — первой половины XIX столетия. Пожалуй, самым ярким свидетельством, отразившим ее бытование, является оригинальное сочинение — «Толкование о чижиной охоте», сохранившееся в составе литературного памятника конца XVIII века «Истории города Тулы мещанина Абрама Булыгина о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях и об работах»[820]. Широкое распространение в Тульской губернии имела, в частности, перепелиная охота. Сложившиеся здесь ее приемы (в том числе ловлю в ночное время сетями — в точности как в нашей истории) описывает известный писатель той эпохи, знаток края Василий Левшин[821].

О связи с городской культурой говорит и социальное положение тульских приятелей Прокофия — тех, с кем он развлекался. Среда его общения вполне демократическая: работник с отцовского завода, казенные кузнецы-оружейники. Работник упомянут в книге второй ревизии по Туле. Молотовому мастеру Савелию Засыпкину (одному из четырех таких мастеров

на демидовском заводе) в 1728-м было 22 или 23 года[822]. Молодой человек, физически крепкий (об этом говорит род деятельности), четырьмя или пятью годами старше Прокофия (что в этом возрасте может быть значимо) — таков портрет товарища нашего героя по молодецким его забавам. Такова среда, в которой будущий наследник огромного промышленного хозяйства проводит свободное время.

Обратим внимание и на то, *где* в Туле живет в эти годы Прокофий. Усадьба его отца находилась в Оружейной слободе. Место, где стоял этот и другие принадлежавшие Демидовым дома[823], можно считать историческим центром мастеровой Тулы. В 1728 году главное здание Акинфиевой усадьбы доживало свой век. Через пару лет его хозяин занялся строительством на этом месте нового роскошного каменного особняка, больше похожего на дворец. Хоромы, ему предшествовавшие, были, несомненно, скромнее (иначе не понадобилось бы их сносить). Соответствуя сложившемуся в этом кругу стандарту дома обеспеченного горожанина, за его рамки они, вероятно, не выходили. Вокруг, в казенной слободе, могли стоять дома и побогаче. Выделившись из общества оружейников юридически, в бытовой культуре Демидовы от него еще не оторвались. В полной мере это относится и к молодому Прокофию. Войдя в возраст, отгородиться от среды, в которой вырос, он не пожелал.

О том же говорит и выбор супруги. Культурный облик Матрены определялся рождением в купеческой среде. Брак, иногда служивший эффективным ускорителем сословного скачка и интеграции в новом сословии, в случае Прокофия, напротив, лишь закрепил его связь с материнской посадской культурой[824]. И действовал этот фактор долго. Имевшая общие с супругом тульские детство и юность, Матрена умерла в 1764 году, когда Прокофию было 54 года[825]. Как видим, она находилась рядом с ним много дольше того возраста, когда личность еще сохраняет пластичность и способность к изменению.

Не исключаем, что даже некоторое высокомерие по отношению к простолюдинам (которое можно расслышать в цитированных высказываниях восемнадцатилетнего Прокофия) оборотной стороной имеет ощущение культурного родства с «простым» народом: потому и подчеркивается отличие, что осознается невытравленная близость.

Результатом наложения культурных норм, присущих новой социальной роли, на формы, свойственные материнской среде, является, на наш взгляд, и подчеркнутое (преувеличенное? гипертрофированное?) внимание к личному достоинству и достоинству рода (как компоненту сословной чести). В

документах, повествующих о драме на охоте, более или менее отчетливо оно высвечивается по меньшей мере в связи с двумя моментами.

Усмотреть его можно в такой на первый взгляд мелочи, как именование в документах Акинфия и Прокофия Демидовых с прибавлением к именам слова *дворянин* — и так по тексту почти всех документов дела, расследовавшегося в местной канцелярии, с весьма незначительными исключениями. Подписанный императрицей дворянский диплом и ночную стрельбу во ржи разделяют всего два с небольшим года. Тульская администрация и Демидовы еще не свыклись с дворянским статусом вчерашних Антюфеевых. Местных чиновников он удивляет (перед ними первый в их практике пример такой трансформации промышленника), а некоторых явно раздражает. У новоявленных дворян (самих Демидовых) — вызывает гордость. «Всяк звание приемлет от своих дел», — как заклинание твердят Демидовы себе и другим, апеллируя к насаждавшемуся со времени Петра I представлению о личной чести европейского типа, чести индивидуализированной[826]. Демидовы — «люди добрые и снабдены высокой императорского величества милостию». Они — облеченная доверием опора престола, то есть то, чем, по сути, и является дворянство. (Как некстати с проведением рекламной кампании, посвященной «доброте» рода, совпало убийство внутри семьи! Но нечего «примешивать постороннее» — оно фамилии к «укоризне не прилично».) И тут не играет роли, что большинство документов, именующих их дворянами, составлено не ими, а канцелярскими служащими. Если бы Демидовы осознавали, что частое упоминание о принадлежности их к благородному сословию лишь подчеркивает, что еще недавно они были дворянами, они, полагаем, сумели бы освободить деловую прозу от этого напоминания или, во всяком случае, сделать его не столь навязчивым. Но оно — присутствует.

Обратим внимание также на аргументацию Акинфия, оправдывавшую отказ подчиниться местной администрации. Уведомив, что «против челобитья» он сына и работников не даст, отец заявляет: «Когда де майор Извольской подаст челобитную своим имянем, а не человека своего, тогда де и отвечать будет»[827]. Подчеркнутое дистанцирование Акинфия от низших классов (он — «голубая» кровь, судиться станет только с равным) демонстрирует окружающим, как воспарили Демидовы над сословным статусом, в котором были рождены. Оказавшись в неприятной, опасной для семьи ситуации, Акинфий ищет способ затормозить разбирательство. И какой аргумент в связи с этим пускает в ход? Тот, который в очередной раз демонстрирует ему и

другим, что он — не как все. Объяснение этому может быть только одно: в некоторых отношениях он от родственной по рождению среды фактически не оторвался. И здесь не важно, что автором цитированного текста выступает не Прокофий, а его отец: происхождение и стаж пребывания в составе дворянского сословия были у обоих одинаковы.

Во всем — недоопределенность состояния, размытость вектора развития, проистекающая из переходного положения статуса рода. Старшему поколению — детям комиссара Демидова — было проще. Они ни во что превращаться не собирались, по возможности черпали из нового статуса преимущества—и только. Внукам труднее. Вроде и ясно, куда двигаться, и хочется, но «подлое» воспитание не пускает.

И все же, несмотря на сохранение тесной связи с культурой городской массы[828], Прокофий периода «драмы на охоте» — актор, «умом» ориентированный на интеграцию в новую культуру. Ибо хорошо помнит, что каждый получает от дел своих.

Молодой промышленник

Стрельба во время вечерней охоты на пустоши Воробьевка оказалась, к счастью, не такой меткой, как в час охоты ночной в Гончарной слободе. Избежав наказания, Прокофий возвращается в уготованную ему жизненную колею. Осваивает роль сына заводчика, его помощника, продолжателя дела.

Разрывавшийся между столицами и Уралом Акинфий наследника готовил по методе отца. Тот погрузил его в Урал и долго держал там, пока наследник не узнал его досконально и не сроднился с ним. В точности воспроизвести этот сценарий на новом витке было рискованно. Акинфий в годы его молодости управлял единственным заводом, лишь готовясь к строительству других. В последние годы жизни Никиты число заводов множится, а при Акинфий множится еще быстрее, больше того, возникает новая демидовская «колония» на Алтае. Многое в этой большой работе слишком ответственно, чтобы поручать начинающему. Школу мастерства для Прокофия разумнее устроить там, где все устоялось, где трудно напортить. Лучшее из таких мест — Тула.

На некоторое время скрывшись из нее после событий июня 1728 года, Прокофий, когда опасность миновала, возвратился, причем даже прежде завершения разбирательства дела «в бою крестьян» (чем оно кончится — уже чувствовалось). До начала 1740-х годов он появляется в Туле неоднократно — имеем документальные свидетельства этого, относящиеся к 1735, 1738, 1740 годам. Скорее всего не просто появляется, а подолгу здесь живет.

Утверждая, что, пребывая в Туле, Прокофий занимался здешним заводом, помним, однако, и то, что он же в дальнейшем полностью свернул занятия промышленным предпринимательством. Как согласовать два эти факта? Как объяснить переход Прокофия из одного состояния в другое, очень от первого далекое, фактически противоположное? Может быть, объявить, что Прокофий внутренне нисколько не менялся, что заводские заботы были чужими ему всегда, что включаться в них его принуждал властный отец? Объяснение удобное, разом всё объясняющее. Только верное ли?

Попытаемся ответить на вопросы: как Прокофий в дни своей молодости и ранней зрелости относился к делу, которым занимался отец? как смотрел на перспективу стать его преемником? Долгое время они даже не ставились, поскольку казались неуместными — рефлексию напрочь забивал факт

последующей продажи заводов[829]. Историк А.С. Черкасова доказала, что причиной расставания с ними было не отвращение к предпринимательской деятельности в промышленной сфере, а совокупность неблагоприятных для бизнеса факторов, длительное время мешавших развитию хозяйства получившего самостоятельность Прокофия, а также некоторые обстоятельства субъективного характера[830].

К настоящему времени накопилось немало фактов, позволяющих утверждать, что молодой Прокофий относился к заводам и управлению ими совсем не так, как он же на шестом десятке жизни. Это отношение было как минимум вполне лояльным.

Год 1731-й. Прокофию 21 год. Московская артиллерийская контора хочет купить у его отца кровельное железо на покрытие цейхгауза. Находившемуся в Москве поверенному Алексею Игнатьеву (тому, который три года спустя настрочит на хозяина длинный донос) Акинфий сообщает цену, которую надо предложить покупателю. «И дабы того подряду не упустить, — утверждал позже Игнатьев, — и полковнику Гарберу велел давать от того до пятисот рублев. А сын ево, Прокофей, писал: давать и до тысячи рублев»[831]. Этот эпизод примечателен тем, что свидетельствует об участии Прокофия в такой ответственной и требующей опыта работе, как взаимодействие с контрагентами. Дополнительный его интерес обусловлен расхождением распоряжений, данных отцом и сыном. Независимо от того, чье указание было бы выполнено[832], данный факт говорит, может быть, о некоторой самостоятельности в ведении дел, предоставленной сыну. Конечно, не исключено, что увеличение вдвое предельной суммы взятки Акинфий и Прокофий предварительно согласовали. Больше того, возможно, что решение исходило от отца, сын же выступил в роли лица, о нем оповестившего. И все же тот факт, что Прокофий задействован в решении столь деликатного вопроса и к его словам относятся серьезно, говорит минимум о том, что он — отнюдь не юноша, играющий с котенком (каким он представлен в известном художественном фильме о Демидовых), но молодой *хозяин.*

Проходит два года. П.П. Шафиров и его комиссия принимаются за партикулярных заводчиков, на Тульском заводе Акинфия трудится ревизор. В поданных им экстрактах упоминается, что при Прокофии и по его инициативе здесь отливались пушки. Известие само по себе интересное — пушечного литья тут не бывало со времени, когда на взятом в казну заводе хозяйствовало Адмиралтейство, то есть уже лет двадцать[833]. Детали технологии с той поры забылись, была

утрачена нужная технологическая оснастка. Предстояло организовать работу, которая позволила бы преодолеть эти трудности. Скорее всего вопрос предварительно согласовывался с Акинфием, но практическая работа ложилась на Прокофия и приказчиков. Сопряженная с этим степень самостоятельности позволяет предполагать, что какое-то время Прокофии фактически заменял здесь отца точно так же, как когда-то Акинфий заменял Никиту в Невьянске.

Август 1735 года. Акинфию Демидову на Тульский завод направлен указ о посылке металла в Воронеж. Отвечает Прокофии, сообщающий о количестве имеющегося полосного железа и его цене. Как видим, он не только находится на заводе, но от имени владельца ведет дела по реализации продукции (что полностью самостоятельно — не утверждаем)[834].

К тому же или предшествующему году относится участие Прокофия в компании (включавшей также Семена Пальцова и Федора Володимерова), которая просила о передаче ей казенных Алапаевского и Синячихинского заводов[835]. Этот факт на первый взгляд выявляет промышленника в Прокофии особенно ярко: создается впечатление, что он рвется вложить заработанный под крылом отца опыт в ведение собственного дела. Однако не всё так просто. Факту может быть дано и другое объяснение. Алексей Игнатьев инициатором этой идеи считал… Акинфия: он полагал, что родственников, включая сына, тот использовал в качестве щирмы[836]. Впрочем, доказать это утверждение не смог.

Идем далее. Осень 1739 года. Акинфий, перегруженный заданиями от Артиллерии и Адмиралтейства, от поставок железа на оружейное дело освобожден. Беэр объявляет в Туле полученный им указ: предлагает желающим, объединившись в компанию, построить специальный завод, с которого и поставлять железо по установленной цене. Желающих не находится. В наличии лица, готовые его продавать «повольными ценами»: это заводчики и «тако ж и Акинфея Демидова сын Пракофей». Последний, как видим, в контактах с казной выступает наравне с другими заводчиками, то есть фактически на уровне совладельца предприятия (хотя таковым не является). Полномочия, ему предоставленные, весьма широки.

Конец января 1740 года, новый указ, посвященный торговле металлом. «…Некоторыя заводчики, — написано в нем, — при продаже оным мастерам железа цену возвышают, как то учинил Акинфея Демидова сын Праковей: велел на оружейное дело железо продавать по рублю пуд; [что] ему чинить весьма не надлежало…»[837] Прокофий, оказывается, успешно торгует. Настолько успешно, что это вызывает беспокойство трех

кабинетминистров, подписавших указ.

Приведенные факты относятся к Прокофию в возрасте до тридцати лет. Их достаточно, чтобы уверенно утверждать: в молодости заводами он реально занимался. Лежала ли у него к ним душа — сказать трудно, но ничего, что говорило бы об отвращении к связанной с ними деятельности, в нашем распоряжении нет. Полагаем, что, может быть, и не испытывая к ним острой тяги, он свыкся с заводами с детских лет и относился к ним как к данности и неизбежности. Неизбежность же определялась статусом наследника, носителем которого Прокофий себя первоначально несомненно считал. Отец мог даже не говорить с ним об этом специально. Но, рассуждал Прокофий, как когда-то Акинфий, будучи старшим сыном, получил заводы, так и он, старший в следующем поколении, когда-нибудь их получит.

Однако Акинфий, руководствуясь петровским указом о единонаследии, применял его к своему случаю с не столь благоприятным для Прокофия выводом. Недвижимое имущество, полагал он, должен получить единственный, но не обязательно старший. Прокофий с какого-то момента устраивать его перестал. Когда? Если Прокофия отодвинули в тень не какие-то собственные его проступки, если в сознании отца его заслонил Никита Акинфиевич, то это могло произойти никак не раньше конца 1730-х годов (скорее всего — уже в 1740-х) — до этого времени Никита был отроком, может быть, с умилявшими отца задатками, но все же личностью несформировавшейся, в своих интересах не определившейся.

Не исключено, однако, что Прокофий в качестве наследника дела выдавливался из планов отца постепенно. Отдаление Прокофия могло развиваться по мере подрастания Григория, к которому в качестве потенциального наследника Акинфий, несомненно, тоже приглядывался, но который в конечном счете его тоже не удовлетворил. Возможно, выражение какой-то промежуточной конфигурации следует видеть в приобщении Григория к заводским делам — посылке его на медеплавильный Суксунский завод (зачем бы это, если заводы отойдут не к нему?). Нам кажется вполне возможным увидеть за этим намерение Акинфия развести наследников (Прокофия и Григория, малолетний Никита пока не в счет) по «технологическому» принципу, о чем еще скажем. Что при этом нарушался принцип единонаследия, роли уже не играло: этот петровский закон был отменен в 1731 году.

На что рассчитывал Прокофий в начале — в общем, ясно. Чем все это кончится — тоже известно. Как, когда менялись его

расчеты, по какой причине, что он чувствовал и переживал — все это останется в области предположений и догадок.

Средний сын

Григорий родился 14 ноября 1715 года. Утверждалось (и это утверждение эпизодически вспоминают до сих пор), что он был сыном Акинфия от первого брака. Из этого выводится характер отношений, сложившихся у Григория с другими членами семьи. Приведем пример, выделяющийся из прочих тем, что исторический материал переработан в нем в соответствии со стереотипами массового сознания:

«Что мира не стало в его (Акинфия. — *И. Ю.)* Невьянском доме — это понятно. После смерти своей первой жены Евдокии Тарасовны, урожденной Коробковой, Акинфий, выдержав положенный срок, женился в Туле на Евфимии Ивановне Палыдовой[838]. Когда в 1724 году летом вез ее в Невьянск, она была на сносях и принесла ему прямо на берегу Чусовой сына Никиту. Как не терпит медведица в берлоге чужого пестуна, так невзлюбила мачеха девятилетнего пасынка Григория, который и без того не отличался общительным нравом. Когда Акинфий бывал дома, ему как-то удавалось сохранить видимость нормальных отношений. Но заводское дело хлопотное — на месте не усидишь… А вернешься из таких поездок, жена ревмя ревет, сын волчонком смотрит. Он его и ругал, и за волосья таскал — не покоряется тот мачехе»[839].

Всё складно. Если убрать дату и поменять имена, получится сказка братьев Гримм.

Вот только исходная расстановка фигур на сказочной сцене с реальной историей не совпадает. Если Прокофий был сыном уже от второго брака (а это сейчас установлено твердо), то родившийся позже Григорий — тоже. Так что не существовало ни мачехи и пасынка, ни медведицы и волчонка.

Григорий был пятью годами моложе Прокофия. Разница невелика, недостаточна, чтобы одному вырваться вперед, другому отстать.

Где прошли детство и юность Григория — неизвестно. Как и старший брат, он упомянут в переписной книге Невьянского завода, составленной в декабре 1721 года[840]. Бывал он там и позднее, в 1730-х годах[841]. Едва ли ошибемся, назвав и другой город, который часто посещал его отец, — Тулу. 23 мая 1731 года отец женил Григория на Анастасии, дочери богатого Соликамского солепромышленника Павла Ивановича Суровцова (Суровцева)[842]. Это событие связало с биографией Григория еще один город — Соликамск, где и состоялась свадьба.

Соликамск в эти годы являлся крупнейшим в регионе

центром солеварения. Варницами здесь владел и Акинфий Демидов, купивший соляной промысел с дворами в 1730 году[843], по одним данным, у гостя Филатьева, по другим — у его наследников[844]. К этим четырем скважинам добавилось столько же, полученных с приданым невесты, а потом еще несколько, купленных у ее родственников[845]. Акинфий в духовном завещании описывает это владение такими словами: «… соловарные заводы со всяким строением, и инструменты, и посудою, с мастеровыми и работными людми, и со обретающимся в тех заводех капиталом». Первый промысел покупался запустелым, позже «был возобновлен», но, как потом вспоминал Григорий, оказался «за плохостию росолов к варению соли не годен; и в убыток в действии содержать ево невозможно, чего ради в 1740-м году оставлен»[846]. В первой половине 1740-х годов какие-то скважины еще действовали, однако в мае 1745-го Акинфий эксплуатацию их прекратил и до его смерти она уже не возобновлялась[847]. Но в 1730—1731 годах, осваивая новую для себя промышленную отрасль, Акинфий Демидов оценивал перспективу ее развития наверняка более оптимистически.

Интерес Акинфия к Соликамску не исчерпывался желанием приобщиться к бизнесу, эффективность которого давно доказали многие и многие, а особенно убедительно Строгановы. Отсюда же начинался главный путь на Урал — Бабиновская дорога, доходившая до Верхотурья, где находилась таможня. Объекты промышленного хозяйства Демидова были разбросаны на огромной территории и по мере расширения разбросанность, естественно, возрастала. В этой ситуации особенно важным становилось согласование географии их размещения с коммуникационной сетью. Возможность прирастить свое хозяйство объектом, действующим на хорошо освоенной дороге, должна была казаться весьма привлекательной.

Не исключено, что, закрепляя Григория в Соликамске, Акинфий работал на будущее своей промышленной империи. После отмены в год свадьбы Григория запрета на разделение недвижимого имущества между наследниками он, несомненно, обдумывал возможность раздела, но искал такую его схему, которая бы нанесла его детищу минимальный вред. Варианты существовали. Можно было, например, Прокофия одарить металлозаводами, а Григория — заводами соляными.

Не исключаем, что именно в этом направлении прощупывал будущее и выстраивал стратегию действий Акинфий в начале 1730-х годов.

Существовали минимум два обстоятельства, мешавшие Акинфию осуществить этот план. Живя в Соликамске, Григорий

неожиданно для отца увлекся разведением здесь обширного сада, о котором расскажем особо. Правда, все более углубляясь в необычное «хобби», Григорий не уклонялся и от дела, порученного отцом: вместе с приказчиками отчитывался перед ним о выварке соли. Но даже при добросовестном исполнении обязанностей внимание приходилось делить между занятиями в сферах, никак между собой не соприкасавшихся. Сомневаемся, что Акинфия это радовало.

Вторую причину уже упоминали. Рассолы оказались плохи, и проку от промысла становилось все меньше. Вариант раздела, при котором Прокофий получал металлургию, а Григорий солеварение, не «вытанцовывался». Возможно, осознание этого Акинфием явилось одной из причин упоминавшейся отправки Григория из Соликамска на Суксунский медеплавильный завод[848]. Не исключено, что отца заинтересовал новый вариант раздела: Прокофию — предприятия черной металлургии, Григорию — медь.

Как долго и в какое конкретно время Григорий находился на Суксунском заводе — не знаем. Обращает на себя внимание письмо Акинфия приказчику Степану Егорову от 6 февраля 1733 года. Прося его съездить к Соли Камской, Акинфий дает ему поручения, в том числе предписывает «посмотреть и за нашими управители», при необходимости что нужно там исправить и негодных управляющих от дела отрешить[849]. О сыне ни слова. Судя по широте полномочий, предоставленных Егорову, и неупоминанию Григория, его в это время в Соликамске не было. Может быть, потому, что он находился на Суксуне?

Но план превращения Григория в медепромышленника в конечном счете был тоже отвергнут. Одну из причин видим в трудности раздела по технологическому принципу. На Урале железные руды соседствуют с медными, соответственно, один завод может быть и железным, и медеплавильным. (Пример тому тот же Суксун, где в 1740-х годах параллельно со сворачиваемым медеплавильным налаживается железоделательное производство.) Получалось не так уж и «складно»: без остановки на заводах некоторых «цехов» целое делиться не желало.

Пока же Григорию приходилось осваивать технологию и управление выплавкой меди. Не думаем, впрочем, что оно было ему совсем в новинку. Скорее всего ранее он уже бывал на отцовских заводах этого профиля. И уж конечно знал о находившихся сравнительно недалеко от Соликамска месторождениях медной руды, для переработки которой в 1731 году (когда уже закреплялись здесь Демидовы) в трех верстах от города построил и пустил Троицкий завод М.Ф. Турчанинов.

Как сам Григорий воспринимал действия авторитарного отца, планы которого в отношении сыновей еще и менялись? Судя по тому, что известно о Григории того времени, когда его характер получил возможность проявиться отчетливо, он был человеком более мягким, чем Прокофий. Никаких данных о его спорах, тем более конфликтах с братьями до периода раздела наследства не имеем.

Никита, внук Никиты

Никита Акинфиевич родился 8 сентября 1724 года, на берегу реки Чусовой, во время поездки его родителей из Тулы в Сибирь[850]. Имя, дату и место счастливого события он позднее отметит установкой на берегу каменного креста с соответствующей надписью[851].

О его детстве и юности знаем еще меньше. Жил в Невьянском заводе, когда подрос, сопровождал отца в некоторых поездках.

Сохранилось короткое письмо Никиты, написанное им в возрасте десяти с половиной лет. Вот его полный текст со всеми описками и грамматическими ошибками:

«Прикащику нашему Григорью Сидорову.

Получаси сие, выслос бо тебе к нам в Тулу магнитснаи камень, которой выточить и откавать железом хорошим маст[ер]с[тво]м, чтобы был весом пети фунтоф, прислать нгздержно. Никита Демидов».

На обороте написанный тем же почерком адрес: «Сие писмо отдать на Нижэнном Тагиле Григорию Сидорову Никита Демидов»[852].

Документ очень выразителен. Видно, что перед нами ребенок: почерк неустойчив, много ошибок. Видно, что письму его учили люди, сами не особенно «расписавшиеся»: начертано получше, чем курица лапой, но до каллиграфии далеко. Видно, как кто-то — кто, как не Акинфий? — развивает потомка («на нашем Урале — помнишь? — встречается в горах удивительный камень магнит»), наставляет технологиям («взяв из природы, обточить, оковать железом, взвесить»), приучает сызмала «к должности» («у нас там приказчики, главный на Тагиле — Сидоров, — напиши, распорядись, исполнят "неиздержно"»). Заодно учит выделиться в группе («хочешь игрушку, какой нет ни у кого из товарищей по играм?»).

Письмо было отправлено и достигло Урала (имеется помета: «Получено мая 19 дня 1735 году»). Задание, можно думать, было выполнено. В детской комнате дома в Тульской оружейной слободе среди игрушек появился еще и магнит.

В свете этого письма, приоткрывающего дверь в детские забавы Никиты, по-иному воспринимаются нередкие в письмах Акинфия упоминания о посылках с Урала в Центральную Россию диких животных. Какие-то из них доставлялись, вероятно, для «зоопарков» самого Акинфия. Паллас упоминает протянувшийся вдоль Нейвы обнесенный бревенчатым «оплотом» зверинец, «в коем держивали оленей и других диких зверей»[853]. Другие

предназначались для подарков высоким персонам, императрице[854]. Но вот строки из письма на Нижнетагильский завод Степану Егорову от 4 января 1733 года: «Ежели молодой маралка у вас обретаетца в добром здравии, то старого маралка пришлите к нам в Тулу весною на алексинском стругу; и за нею пошлите нарочного нашего крестьянина, которой бы ее в корму и в пойле не оставил и соблюдал бы ее здравие». В письме от 12 марта Демидов уточняет: «Писал к тебе прежде сего о присылке в Тулу оного марала; а ныне писано от нас в Невьянскую кантору, чтоб всех моралов отпустить нынешнею весною на алексинском стругу». Ниже он просит Егорова написать в контору Колывано-Воскресенского завода и перечисляет, что нужно от его имени от нее потребовать, — между прочим, и то, «чтоб оттуда прислали лосенков и других зверушек, каких могут добыть»[855].

Не для детской ли радости собирали в Туле животный мир Урала и Алтая?

Потехе час, время же — делу. «Приучай для смотрения за оными кузнецами сына своего», — писал переваливший шестидесятилетний рубеж Акинфий на Тагил приказчику Григорию Сидорову[856]. Приучить собственных в той степени, чтобы они смогли в будущем его заменить, у него пока не получалось. Вглядываясь и сравнивая результат, Акинфий продолжал приучать. Старшие, закрепленные в порученных им городах, были не на виду, а вот подраставший Никита, живший с матерью в Невьянском заводе и иногда переезжавший вслед за отцом, пребывал перед глазами почти непрерывно. Пребывая, выделялся всё отчетливее. Названный, скорее всего, в память об отце, комиссаре Демидове, он, как стало казаться Акинфию, в наибольшей степени обладал качествами, нужными заводчику. По-видимому, отрок проявлял такой интерес и способности к занятиям, составляющим труд заводовладельца, что отец преодолел сомнения, которые его, безусловно, мучили, и трудное решение принял.

Как в детстве складывались отношения Никиты с братьями, из которых Прокофий был старше его почти на поколение, — неизвестно. Что-то предполагать на этот счет можем только со времени, когда отец начинает оформление своей наследственной воли.

Рубикон перейден. Что дальше?

Уверив себя, что равномерно расписать недвижимость детям невозможно, Акинфий расписал ее неравномерно. Очень неравномерно.

Прокофию запуск отцом процедуры оформления завещания показал, что надеяться на золотой дождь нечего, нужно заботиться о будущем самому. Вызов судьбы он услышал и дал на него адекватный ответ: попытался завести собственный завод. Когда-то именно по такому пути пошли младшие сыновья Никиты Демидова. С неприязнью поглядывая на счастливца Акинфия, они строили свои заводы (купить в то время готовый было не у кого и не на что) и в конечном счете добились немалого.

Прокофию повезло: появился шанс перепрыгнуть через этап строительства. В 1742—1743 годах[857], то есть именно в тот период, когда утверждалась отеческая воля, казна решила отдать в частную собственность кое-что из тяготившего ее госимущества, а именно Липецкие и Боринские заводы. Прокофий предпринял попытку стать самостоятельным, независимым от отца заводовладельцем — обратился с предложением передать их ему.

Владение старенькими заводами Липецкого комплекса, разумеется, не компенсировало потерю заводов отцовских. (Впрочем, и средства, которыми решался пожертвовать покупатель, были тоже невелики — шесть тысяч рублей с шестилетней рассрочкой[858].) Так что никакая это была не компенсация, скорее попытка психологического замещения. Прокофий, похоже, просто не представлял будущего без заводов, стремился чем угодно заполнить образовавшуюся пустоту. И могло бы случиться, что заполнил. Лишь случайное обстоятельство помешало этому: заводы были признаны находящимися в приличном состоянии, и казна продавать их раздумала.

Своими заводами не обзавелся, отец решения тоже не изменил. В завещании, если вчитаться, Прокофий выглядел самым обделенным. Григорию отец какие-то заводы (солеваренные промыслы) все же оставлял, даже желал ему ими «владеть порядочно и к размножению оных соляных заводов прилежное старание иметь». Будущей вдове (тоже наследнице) оставлял и того больше: в случае, если она не останется жить с основным преемником, — два завода, и какие! — Нижнетагильский и Черноисточенский[859]. Прокофию же из промышленной недвижимости — ничего. К тому же старшие сыновья не приобретали необходимой для устройства

собственного будущего самостоятельности — от своего хозяйства отец их еще не отделял. Они вынуждены были работать на него, зная, что все, ими созданное, достанется их младшему брату.

Тупик. Горькая обида на отца. Не в это ли время начинает меняться отношение Прокофия к Делу? Любовь, вполне возможно, и изначально не особенно пылкая, угасала, замещаясь раздражением и обидой. Зачем заниматься заводами, если ничем от приказчика-родственника не отличаешься? Дальше — больше. Раздражение перерастало в отторжение.

Как *восприняли* это старшие сыновья — догадаться можно (во всяком случае, в отношении Прокофия). Но как *повели* себя? Молчали? Демонстрировали обиду во внутрисемейном общении? Выносили сор из избы?

После оформления завещания Прокофий стал открыто уклоняться от управления отцовскими заводами. Это вызывало недовольство властного отца и в ответ — еще большее сопротивление упрямого сына. За несколько месяцев до смерти Акинфия конфликт обострился настолько, что отец, как уже упоминалось, воззвал к суду общества: пожаловался на сына кабинетсекретарю И.А. Черкасову (тем самым косвенным образом оповещая о ситуации императрицу). Мы уже касались этой истории, но тогда нас интересовал прежде всего Акинфий. А что же непослушный сын? Скорее всего в поездке на Урал, куда его посылали, он не видел надобности, да и не хотел туда ехать. Возможно, осознавал, что, настаивая, отец подталкивает его к демонстративному неподчинению. Прочитав отцовскую инструкцию, сын следовать ей отказался, вспыхнул, вместо Сибири отправился с женой сначала в деревню, потом в Петербург. Акинфий известил, что питомец, по его мнению, неисправим, в подтверждение чему назвал имена его друзей (Петра Чебышева и князя Якова Семеновича Барятинского) — можно думать, лиц, зарекомендовавших себя повесами[860].

Чего добивался, обостряя ситуацию, Прокофий? Чего, еще более ее обостряя, его отец? Свет, хотя и тусклый, на эту довольно темную историю бросают на первый взгляд далекие от темы документы — две купчие крепости на землю и людей в Боровском уезде[861]. Покупателем в обоих выступает супруга Прокофия Матрена Антиповна, что (ее присутствие в сделке) уже само по себе несколько необычно. Жене при живом муже скупать недвижимость и души — это практиковалось неизмеримо реже, чем соответствующая деятельность мужчин, при этом всегда имело объяснение. К тому же две названные сделки Матрены были довольно значительны — в сумме на 5 тысяч 600 рублей. Вспомним и сравним: прося продать ему заводы, Прокофий

предлагал за них всего шесть тысяч и те просил разрешить ему вносить с рассрочкой, долями. Денег, заплаченных за боровские землю и крестьян, хватило бы на завод. Обратим внимание на то, что купчие были составлены примерно в одно время — в конце 1744-го — начале 1745 года и касались смежных земель. Полагаем, что обе эти акции — и упомянутая выше неудачная попытка купить старый завод, и эта, осуществленная через жену, покупка земель — преследовали общую цель. Покупатель пытался обзавестись чем-то, на что можно было опереться в будущей жизни.

Не исключаем, кстати, что, скупая боровские земли, Прокофий думал о заводе — подбирал для него место или обзаводился важным ресурсом. (В отличие от окрестностей Тулы, принесших свои леса в жертву металлургическим печам, Боровский уезд своих лесов еще не лишился.) А если так, не сюда ли ездил Прокофий с женой, вместо того чтобы отправляться по отцовскому требованию в Сибирь? И тот факт, что участником сделки выступает жена, а не сам Прокофий (при этом его автографов в деле — масса), находит логичное объяснение. Ожидая со стороны отца применения санкций, он делал всё, чтобы в случае радикального размежевания отец не мог претендовать на имущество, приобретенное им в период пребывания в составе отцовского клана.

Зная характер Прокофия, думаем, что он от отца не таился. Такие вот причина и следствие: отцовская провокация (или что-то очень на нее похожее) и сыновний бунт. Черкасов, конечно, в семейное воспитание вмешиваться не собирался — это все понимали. Главная цель Акинфиева письма — соответствующим образом настроив власти, подготовить прижизненное отделение Прокофия. В письме Черкасову он говорит о нем почти прямо — обещает «по духовной моей зделать»[862]. Поступить по завещанию — это и есть отделить сына, дав ему то, что в ней обещано (немного денег, немного движимого имущества, кое-какие вотчины с крестьянами и — счастливого пути).

Заметим, что, подготавливая отделение отпрыска, Акинфий со свойственной ему приверженностью к традиции и опыту довольно точно воспроизводил модель семейно-имущественных отношений, опробованную некогда первым Демидовым.

А что другой сын, Григорий, тоже обойденный отцом? В отношении его ситуация менее определенна. Полагаем, что в единственные наследники заводов он, в отличие от «застрявшего» на этом пункте Прокофия, не метил никогда. Надеялся ли он на более или менее равный раздел промышленной недвижимости и на получение в ней своей доли — сказать трудно. Тот факт, что

документальных свидетельств обострения отношений между ним и отцом не имеется, позволяет предположить, что его скорее всего не было — во всяком случае, такого масштаба, какой имел место у отца с Прокофием. Было это связано с тем, что Григорий обладал другим характером и темпераментом (что, несомненно, так), или с тем, что уже тогда он имел другие склонности и интересы (что тоже возможно), сказать трудно. В конфликте отцов и детей материальный интерес толкал его к старшему брату. Но, повторим, вел себя Григорий не так, как он.

Что слухи о недовольстве Прокофия в обществе ходили, сомневаться не приходится — не тот он был человек, чтобы конфликт скрывать, да и терять ему было нечего. Можно думать, ходили слухи и об обиде Григория. В своем указе от 30 сентября 1745 года императрица, обосновывая намерение вмешаться в судьбу наследства, упомянет о решении завещателя передать заводы единственному из сыновей, «о чем *те ево дети* (множественное число! — *И. Ю.)* еще и *при нем* роптали, что неравно разделены»[863]. Вероятно, донеслось что-то такое либо до нее самой (через Черкасова?), либо до того лица, которое готовило этот указ.

После утверждения духовного завещания напряжение между Прокофием и отцом возрастало. Прокофий сопротивлялся вошедшей в привычку практике распоряжаться собой как приказчиком. Акинфию же его самоустранение от дел, хоть он его фактически спровоцировал, было не только неудобно, но в психологическом плане и неприятно. Сын упрямился, отец сердился, писал жалобы и т. д. Так в Акинфиевом семействе и жили какое-то время: Прокофий, считавший, что отец его предал, — сам по себе; Григорий, который хоть соляные промыслы в перспективе получал, — более или менее семейно; будущий обладатель всего Никита — с отцом. Тот не только учил младшего, но, словно предчувствуя будущее, еще и передавал ему связи. В 1744 году при посещении императрицей тульского дома Демидова присутствовал приближавшийся к двадцатилетию Никита. По сообщению И.Ф. Афремова, он «имел счастье понравиться» наследнику, великому князю Петру Федоровичу, «который очень полюбил его»[864].

Можно думать, если бы событиям было суждено развиваться естественным путем, дело скоро закончилось бы отделением Прокофия, что во многом бы ситуацию упростило.

Но Акинфий умирает. Обстановка разом и резко меняется.

Глава 11.
АКИНФИЕВИЧИ: В СВОБОДНОМ ПОЛЕТЕ

На три не делится…

Как не выполнили волю Акинфия

Смерть Акинфия смешала все карты. Мощная его воля сдерживала обиды и взаимные претензии в семье — теперь они вырвались наружу, семья раскололась. Рухнули сложившиеся отношения с властью. Их нужно было выстраивать вновь, но кому? В одно мгновение исчезла определенность в стратегии развития бизнеса.

Неизвестно, как скоро обделенные наследники обнаружили намерение побороться за ущемленные права. Но обнаружили, и императрица заявила, что решила «о том их розделе сами всемилостивейше разсмотреть», о чем 30 сентября 1745 года дала указ генерал-майору и президенту Берг-коллегии А.Ф. Томилову. Цель: «дабы оное (имение покойного. — *И. Ю.)* меж ими, детми ево, в спорах и тяжбах не пропало». Обоснование: «…то их имение все суть государственная полза»[865].

Обещание «разсмотреть» — еще не ущемление прав владельцев. Но оно — декларация решимости самодержавной властью вмешиваться ради государственной пользы во всё на свете. Совершенно прав Б.Б. Кафенгауз, который в более позднем, 1748 года указе императрицы Сенату, в котором она изменила волю завещателя, усмотрел проявление того, «что правительство не признавало за заводчиком полного и неприкосновенного права собственности»[866]. Можно удивляться, цитировать подходящие пункты Берг-привилегии, регламента Мануфактур-коллегии и прочих заложивших основы петровской промышленной политики документов, но факт остается фактом: разрулить ситуацию вокруг наследования имущества Акинфия Демидова существовавшие нормы права, по мнению власти, не позволяли, и опираться исключительно на них было нельзя. То есть, конечно, можно. Но не нужно.

Императрица потребовала составить ведомость имениям и заводам, а также опись вещам, находившимся в домах и при умершем. Собрать информацию поручила Томилову, в помощь которому выделялся технический персонал. Отправив ведомость императрице, Томилов должен был ехать «в сибирския ево заводы», где находились вдова и «бывшей при нем»[867] младший сын, у которых выяснить, «не учинил ли» Акинфий «при конце живота» нового завещания. Далее при жене и *всех* детях (оговорено: «которых буде там нет — велеть туда приехать»)

следовало переписать наличные вещи, «обретавшияся при нем, умершем». «И к той переписи велеть всем руки приложить… и потом все запечатать»[868].

Тело Акинфия оставалось тем временем там, где он умер, — в селе Ицком Устье. На пути от дома к дому, от одного завода к другому. Между землей и небом. Вдова, дети — все были ошарашены, без приказа не знали, куда его везти, — на родину в Тулу или в Сибирь. Вдова и Никита застряли в Невьянске, задержанные там распоряжением Томилова никуда не выезжать, пока он туда не приедет. Вот и не уезжали, ждали[869].

А Томилов приближался к Невьянску медленно. Сначала выяснял положение дел в Туле и Москве, разобрался с которым только в декабре 1745 года[870]. В начале февраля следующего был в нижегородском Фокине, писал оттуда[871].

Прокофий в конце 1745-го находился в Москве. Отсюда он зорко следил за переговорами вдовы с тульскими и московскими приказчиками, даже вскрывал случайно попадавшие к нему в руки ее письма[872].

Где пребывал в это время Григорий — не ясно. Вдова в январе 1746 года писала: велено «до прибытия ево (Томилова. — *И. Ю.)* мне и с детми с Невьянских заводов не отлучатца»[873]. О детях говорила во множественном числе. Значит ли это, что их на Старом заводе находилось двое? Если так, то вторым мог быть только Григорий.

Неопределенность ситуации угнетала всех. У наследников еще ничего не отняли, но права распоряжения имуществом лишили. Указ Томилову от 30 сентября поручал все учтенное и внесенное в описи «хранить в целости тем, у кого что на руках есть». В них не включалось (соответственно, могло быть использовано без согласования) то, что надлежало «на употребление в пищу и в другая необходимыя расходы». Еще разрешалось «во всех ево (Акинфия. — *И. Ю.)* домах людям, что кому давать положено, то давать»[874]. Это — все, что касалось содержания лиц, которые давно привыкли не слишком себя ограничивать. В литературе отмечается, что Берг-коллегия выделяла вдове и детям деньги из прибыли, полученной от заводов[875]. По сути, именно так и было. Но механизм этого в указе проработан не был. Томилов едва ли решился бы дополнить его, хотя бы этого и требовал здравый смысл. Это обстоятельство скорее всего еще более усложняло жизнь наследников в первые месяцы после смерти Акинфия. Усложняло и позже, когда возникали экстраординарные обстоятельства. Так было, например, у Прокофия, который осенью 1746 года обращался к Черкасову с просьбой разрешить ему взять у московского

приказчика «из суммы покойного отца» деньги на свадьбу дочери («…а в наличестве денги имеются», — информировал он). Потом, вынужденный занять на стороне шесть тысяч, снова писал ему и А.Ф. Томилову[876].

К 1747 году все имущество наконец было описано и сведено в ведомости, на их основе составлены экстракты. Можно было приступать к разделу.

Алтайские заводы: второе взятие в казну

Раньше всех новый хозяин появился у алтайских заводов. И был он не из рода Демидовых.

Мы покинули Алтай вместе с Беэром в августе 1745 года, когда он с выплавленным из змеиногорской руды серебром отправился в Екатеринбург. 17 декабря он прибыл в столицу, где подал рапорт императрице. Основной вывод, к которому он пришел, был таким: руды Змеевского месторождения для промышленной переработки подходят, казенный завод заводить можно. Главная трудность — обеспечение производства (существующего демидовского и планируемого казенного) лесом. Для более экономного его расходования Беэр предлагал плавку медных руд на Колывано-Воскресенском заводе прекратить, полностью переведя ее на завод Барнаульский. Казенный завод строить на реке Таре или Уе, но с постройкой повременить. Пока его нет, выплавку серебра вести на Колыванском заводе. В литературе высказано мнение, что последний в его предложениях «предназначался для плавки государственного серебра»[877]. Текст рапорта, на наш взгляд, уверенно утверждать это не позволяет.

Заметим, что Беэр при жизни Акинфия поддерживал с ним приватную переписку. Показательно его письмо заводчику из Екатеринбурга от 9 ноября 1744 года, посвященное конфликту Демидова и Осокиных по поводу медных рудников. Беэр советует, как, по его мнению, правильнее поступить «для лутчаго разсмотрения с вашей стороны правости», рекомендует побеспокоиться о даче указа из Кабинета, по получении которого он «вашу (демидовскую. — *И. Ю.)* правду почтился б по должности ея на свет вывести»[878]. После смерти Акинфия Беэру пишет его вдова: сообщает семейные новости (обострение отношений с Прокофием, проблемы с погребением мужа), обращается за помощью, именуя «милостивцем»[879]. Как-то плохо это сочетается с невыгодной для семьи Акинфия позицией в очень даже касавшемся всех наследников вопросе о судьбе алтайских заводов.

Позицию Беэра, какой она сложилась к концу месяца, продемидовской тем более не назовешь. Можно предположить, что на нее повлияло обсуждение ситуации в верхах, выработка там предварительного решения и распоряжение Беэру облечь его в форму конкретных предложений. Что он и сделал в рапорте от 30 декабря.

В прежнем документе он оставлял Демидовым место на Алтае — как минимум они могли продолжать выплавлять медь. В новом проекте его им здесь уже не находится. Государство забирает Алтайский металлургический комплекс в свои руки полностью. Сереброплавильными становятся оба действующих завода. Для управления создается особое подразделение горной администрации. Беэр предлагает включить в его штат хорошо известных ему специалистов. В том числе — Улиха и Христиани, причем первого «за многую и верную ево службу в России и за обучение к плавиленному медному делу учеников» рекомендует возвысить до ранга премьер-майора, что было повышением сразу на четыре ступени. Упомянут и сыгравший роль в истории «объявления» серебра Трейгер, но и новый ранг, о котором для него ходатайствует Беэр, скромнее, и жалованье ниже[880].

Итак, в самом конце 1745 года «наверху» было принято решение алтайские заводы у наследников Демидова забрать. Уже в январе следующего года выходит указ об обеспечении их свинцом (он требовался для отделения серебра). Свинец с Нерчинского завода приказано не продавать, а отправлять на Алтай. Здешние предприятия названы еще «Барнаульскими Акинфия Демидова заводами», что понятно: указ о взятии их в казну только готовится.

В марте 1746 года Беэр подает в Кабинет новый рапорт: если императрица изволит взять заводы в казенное содержание, плавку на них демидовской меди для экономии угля следует скорее запретить. На следующий день Черкасов заключает шестилетний контракт с Христиани о его службе на алтайских заводах. В начале августа тот прибывает на Колывано-Воскресенский завод и, опираясь на инструкцию Беэра, начинает готовить его к превращению в казенный сереброплавильный. Осенью того же года сюда для описания демидовского имущества по заданию Томилова отправляются горный инженер Григорий Клеопин с помощником[881].

Именной указ, решивший судьбу алтайских заводов, был дан Беэру 1 мая 1747 года. Ему предписывалось ехать на Алтай и там заводы «Колывановоскресенской, Барнаульской, Шульбинской[882] и протчее на Иртыше и Оби реках и между оными все строения, какия обретаются, заведенныя от покойного Акинфия

Демидова, со всеми отведенными для того землями, с выкопаными всякими рудами и инструментами, с пушками и мелким ружьем, и с мастеровыми людьми, собственными ево Демидова, и с приписными крестьянами взять на нас». Строения и руды следовало описать и оценить «для знания, что должно будет наследникам ево из казны нашей заплатить». Предписано справиться, нет ли за Акинфием и наследниками долгов перед казной, дабы учесть их при «заплате»[883]. Речь, таким образом, шла не о конфискации, а о выкупе государством частной собственности. Выкупе, конечно, принудительном. Но такая практика уже существовала и применялась к тем же Демидовым. Вспомним, что одновременно с передачей их родоначальнику Невьянского завода у него изымался с обещанием выкупа Тульский завод.

Указ 1747 года изменил судьбу Беэра. Все началось с распоряжения отправляться на Алтай для выяснения положения с серебряной рудой. Новый приказ, зафиксировав взятие предприятий в казну, определял программу приоритетного развития на них сереброплавильного производства. Беэр уже три года занимался Алтаем, был, как говорится, «в материале». Лучшего, чем он, специалиста и менеджера, способного выполнить эти планы, в России было не найти. Военная коллегия терять Беэра тоже не хотела и, характерно, даже после майского 1747 года указа императрицы писала по его поводу в документах обтекаемо: «…отправлен в Сибирь для исправления горных работ, где он имеет пробыть и немалое время»[884]. Но «пробыть» там он должен был в качестве первого лица горного начальства, а это означало окончательную отставку от Тулы, пост «главного командира» Оружейной конторы в которой занимал в его отсутствие майор Михаил Кошелев.

Ехать в Тулу поручили бригадиру Василию Федоровичу Пестрикову, главе находившейся в Сестрорецке Оружейной канцелярии. Кадровая перестановка имела важное значение для оружейной Тулы. Пестриков привез с собой новый статус здешней структуры оружейного управления: добился, что Тульская контора стала именоваться канцелярией, а учреждение в Сестрорецке — конторой[885]. Канцелярия «застряла» в Туле почти на три десятилетия. Из чисто производственного центра Тула превратилась еще и в общегосударственный центр управления производством оружия.

Созданные умом, талантом и огромным трудом Акинфия Демидова, алтайские заводы не дали ему той отдачи, которой он от них ожидал, — реализовать удалось далеко не все связанные с ними планы. После получения на них серебра и золота они стали

самой драгоценной частью оставленного им наследства. Видя, что раздел затягивается, и не будучи уверенным, что новый владелец распорядится имуществом без ущерба для дела, «наверху» не решились оставить их в составе имущества, подлежащего разделению. Изъятие алтайских заводов раздел несомненно упростило и ускорило.

Майский указ 1747 года если и не перенаправил судьбу алтайских предприятий, то во многом дал ей другое оформление. Центром их группы отныне становится не Колывано-Воскресенский, а Барнаульский завод (со всеми последствиями для истории молодого города), управляют им казенные чиновники от Кабинета, техническое руководство осуществляют нанятые им иностранные и отечественные специалисты. Вопрос о том, кто и что от этого потерял или выиграл, слишком сложен. Тем более что проникнуть в острый и часто неожиданный ум Акинфия нам не дано.

Как делили и как разделили

Неопределенность в положении алтайских заводов разрешилась сравнительно быстро. В отношении всего остального смутное время еще продолжалось, и конца ему видно не было.

В 1748 году вариант разделения имущества предложил средний брат. Хотя наследники 30 апреля его приняли, раздела не последовало. Новым указом императрицы осенью того же года на заводах временно вводилось общее управление; братьям было велено иметь общую контору[886]. Так продолжалось несколько лет.

В 1753 году Григорий подготовил новый план разделения заводов на части — на основе идеи, что каждая из них должна обладать определенной полнотой, быть самодостаточной.

Велением императрицы от 23 октября 1757 года произвести окончательный раздел было поручено генерал-адъютанту А.Б. Бутурлину[887]. 28-го братья дали расписки в том, что указ слышали, что готовы ему подчиниться и до окончательного решения обязуются из Петербурга не уезжать[888]. Процедура вступила в завершающую стадию.

Как она шла, узнаём из Журнала продолжавшихся с 28 октября по 1 декабря заседаний, на которых вырабатывались решения и подписывались бумаги. В нем сообщается, что на одном из них был «чтен… сочиненной средним братом Григорьем об оном разделе план, расположенной на три равные части». Его экземпляр, озаглавленный «1757 года план о разделе имения на три части по жеребью», находится в архивном деле

непосредственно перед Журналом. Он имеет соединяющую листы скрепу на нижнем поле «Сей план Григореи Демидов подписал». Приложение к нему руки Григорием (одним, без братьев) прямо указывает на авторство. Свидетельства этого находим и в тексте документа[889].

Итак, именно Григорий на протяжении минимум десятилетия разрабатывал варианты раздела, согласовывая интересы и амбиции далеко не всегда склонных к компромиссам братьев. Именно он довел проект до заседаний, итогом которых стало «полюбовное» его согласование. Едва ли эта работа, однообразная, к тому же развивавшаяся в атмосфере то затухавшего, то вновь разгоравшегося межличностного конфликта, была приятна человеку, растившему и лелеявшему сады. Но он с ней справился.

Первоначально предполагалось, что собственников долей определит жребий, — упоминание об этом Григорий даже вставил в заголовок. Однако Прокофий заявил, что части неравны. Как писали потом младшие братья, он «ту часть, которую толко хотел, выбрав, взял». Ему приглянулась часть, ядром которой являлся Невьянский завод. Напомним, что там жили мать и младший брат. Не исключаем, что желание обосноваться именно здесь сформировалось у Прокофия еще и из желания унизить Никиту. Тот не только не получал всего, что завещал ему отец. Он лишался Старого завода — опорного камня демидовской державы на Урале.

Измученные тяжбой братья согласились на условие Прокофия. Согласился Никита, которого торжествовавший победитель изгонял из дома, где тот долго жил. Согласился Григорий, получивший часть, которую сам Прокофий «при разделе… называл пред протчими недостаточную и за тем (то есть поэтому. — *И. Ю.)* на жеребей не шел». Утешительными призами для них являлось то, что Никита получал наиболее мощный из Акинфиевых заводов — Нижнетагильский, а в пакет Григория входили соляные промыслы, завещанные ему отцом.

В ситуации столкновения амбиций обращает на себя внимание поведение Григория Акинфиевича. Разрабатывая план, он не закладывал в него выгод лично для себя — распределять части планировалось «по жеребью». После демарша Прокофия, сорвавшего эту процедуру, Григорий тоже сделал жест, но жест с противоположным смыслом. Как явствует из Журнала, решение братья принимали, «усмотря снисхождение средняго брата Григорья, которой обоим братьям в выборе частей отдал на волю, а сам оставался при последней». Документ подписан всеми заинтересованными лицами, следовательно, все ясно осознавали

действия Григория как проявление его «снисхождения», уступки. И еще раз: по прочтении предложенного Григорием плана братья «по полюбовному их брацкому розделу доволно разсуждая и усмотря снисхождение… Григория… и без метания жеребьев… единогласно положили и утвердили по нижеследующему…». Далее сообщается принадлежность частей *без* характеристики их содержания, из чего заключаем, что оно соответствует приложенному плану — плану Григория.

1 декабря 1757 года в Журнал была внесена последняя запись, сообщающая о вручении братьям «оконченного между ими роздела с Росписанием по частям и с касающимися в прибавление к тому разделу пунктами»[890].

В декабре они получили «раздельные» грамоты[891]. Вскоре по заводам и вотчинам были разосланы распоряжения готовить к передаче имущество, обретшее наконец конкретных хозяев. Так, бывший главный приказчик всех заводов Степан Егоров получил ордер (от 27 января 1758 года), которым предписывалось «все приуготовить» к маю «и чтоб с перваго числа майя уже каждая часть, назначенная в разделной, в свое течение вступила»[892]. 1 мая братья вступили в «особые» владения[893]. Длившийся без малого 13 лет раздел получил формальное завершение.

В пакет согласованных документов входило Расписание, содержавшее списки разделенных на три части основных объектов наследования: заводов, крепостных и приписных людей, приказчиков и служащих, дворов и домов.

Невьянская часть, при разделе именованная первой, как уже говорилось, досталась Прокофию Акинфиевичу. Она включила заводы Невьянский, Быньговский (с одноименным кожевенным заводом), Шуралинский, Верхнетагильский, Шайтанский, Верхнечугунский, Нижнечугунский, Корельский (Корелской) и Курьинскую пристань. Ему же отошли населенные имения в уездах Нижегородском, Царевосанчурском, Унженском, Арзамасском и Ярославском. Плюс шесть дворов с домами в городах Москве (каменный), Казани, Чебоксарах, Ярославле, Кунгуре и Тюмени[894].

Григорий Акинфиевич получил Ревдинскую часть, включавшую заводы Ревдинский, Уткинский, Рождественский, Суксунский, Бымовский, Ашапский, Шаквинский, Тульский и Тисовский кожевенный. В шести уездах (Нижегородском, Царевосанчурском, Арзамасском, Романовском, Тульском и Елецком) он получал крепостные села и деревни. Дворов ему досталось больше всех — в девяти городах (Москве, Серпухове, Петербурге, Твери, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Кунгуре) и при Ягошихинском заводе. На четырех из них

— в Москве, Серпухове, Петербурге и в Нижнем — стояли каменные дома[895].

Заметим, что ему единственному достались медные заводы[896], что примечательно, учитывая, что в молодости он по воле отца знакомился с технологией медеплавильного производства. Кроме того, у Григория остался некогда купленный Акинфием и переданный ему во владение солеваренный промысел в Соликамске. Как отходящий Григорию, он упомянут и в завещании Акинфия. Правда, ценность этого актива была невелика: «за плохостию рассолов» он был остановлен за пять лет до смерти Акинфия и за семнадцать до завершения раздела. В документах по разделу промысел назван «запустелым издавна». Григорий полагал, что он «к варению соли не годен и… содержать его невозможно»[897].

Григорий получил и находившийся в Туле металлургический завод — первый завод Никиты Демидова. На момент кончины Акинфия на нем работали только молотовые, но сенатский указ, состоявшийся за три года до оформления раздела (в августе 1754 года), потребовал закрытия всех заводов, находившихся ближе 200 верст от Москвы, и тем окончательно лишил его будущего. Но физически он существовал, в недвижимую собственность входил и должен был приобрести хозяина. Им стал Григорий.

Помимо завода Акинфий владел в Туле каменными жилыми домами (о них вскользь упомянуто в его завещании 1743 года). Среди домов, подлежавших разделу, тульских, однако, нет. В отношении дома на здешнем заводе (назывался также «Домом на плотине») это понятно. Господские дома при заводах в документах по разделу не упоминались, поскольку обретали собственника автоматически, вместе с заводом. Так произошло и с этим — он достался Григорию. Пока раздел готовился, в тульском доме (в этом или в обоих) за печатями Томилова и демидовских приказчиков хранились многочисленные «пожитки»[898].

Третья часть, Нижнетагильская, досталась младшему сыну Никите Акинфиевичу. Она включала заводы Нижнетагильский, Черноисточинский, Выйский, Висимо-Шайтанский, Лайские и Сулемскую пристань. Его вотчины по плану 1757 года находились в уездах Нижегородском, Казанском, Симбирском, Ярославском, Арзамасском, Царевосанчурском, Унженском. Никита получил в разных городах восемь домов — каменных (в Петербурге, Ярославле и Казани) и деревянных (в Твери, Нижнем Новгороде, Тобольске, Таре и Екатеринбурге)[899]. Усадьба в Тульской оружейной слободе в конечном счете тоже досталась Никите. Когда и как она перешла в его собственность — не знаем. Он

владел зданием до сильно повредившего его пожара 1779 года, после чего продал[900].

Помимо перечисленного существовали и вместе с заводами переходили к новым владельцам разного рода непрофильные объекты — например мельницы, которые на этом этапе даже не учитывали.

Кроме Расписания братьями был согласован и подписан 21 пункт Прибавлений к «постановленному полюбовному розделу» — документ, излагавший принципы введения решений в действие. В нем же затрагивался вопрос о движимом имении (деньгах, золоте, серебре, алмазных «вещах», «домовых уборах»), искусственно выделенный, дабы не тормозить разделение. Было решено, «не чиня затруднение пробами или оценками», «разположить» его «одному брату на три равные части и оные получить з жеребья. Или которой разбирал и разложил, тот должен обоим дать выбрать, а сам остатся при последней». Кроме того, предстояло пересчитать и учесть траты, в течение двенадцати лет сделанные участниками из общих средств: «…что чего и сколко кем забрано… в том учинить щет, и что один перед другим перебрал, во оном поверстатца…»[901]

Нам неизвестно, как при разделе были учтены права матери Акинфиевичей Евфимии Ивановны. Допускаем, что тульский дом в Оружейной слободе исчез из связанных с ним документов именно потому, что по договоренности сразу отошел именно к ней. Заметим, что она пережила мужа, кажется, на несколько десятилетий — по некоторым данным, умерла во время эпидемии около 1771 года[902]. Возможно, к Никите Акинфиевичу дом перешел именно от нее.

Акинфиевичи: перезагрузка

Заводчики на пути к независимости

Получения братьями раздельных грамот и формального их вступления в особые владения оказалось недостаточно. Даже отложив на время решение вопросов, касавшихся движимого имущества, обеспечить прорыв не удалось. Реализация соглашений столкнулась со множеством мелочей, требовавших дополнительного согласования. Несколько лет ушло на действия и контрдействия сторон с целью приблизить бумажную схему к реальности, а реальность к схеме.

Отношения между братьями в этот период часто оказывались далеко не братскими. Они снова разделились на две партии: одну — составил Прокофий, другую — более или менее близкие между собой Григорий и Никита. Но и им часто не хватало взаимопонимания. В письме Никите от 1 октября 1758 года Григорий жалуется, что «тулской дом и все, что там есть движимое и недвижимое имение, и поныне не разделено и *мне* не опростано», просит «скорея тулской дом и деревни *мне* опростать»[903].

Трудно сказать, был ли доволен свершившимся разделом Прокофий. Скорее всего он его устраивал. Но это не мешало ему демонстрировать неуживчивый характер. Братья реагировали. Все друг на друга жаловались.

Первый выстрел сделал, кажется, Прокофий, подав жалобу на братьев 21 декабря. Он обвинял их в многочисленных грехах, как серьезных, так и мелких: не дают ему копий с грамот и крепостей, не учреждают счетной конторы для «щетов прикащиков», Григорий задерживает одного из конторщиков в Петербурге, в посланном в Тульскую контору ордере о разделе заводских «инструментов» «написано неделно» и т. д.

Братьев эти претензии возмутили: «…есть ли б совесть имел, то б в челобитной о том и писать стыдился». Некоторое время они молча доходили до белого каления, к августу 1759 года дошли: подали собственную жалобу на Прокофия. Они писали про «коварные ево происки, в которых раздела… действом не оканчивает, и чрез то нас… в разные правителства подсудными учиня, и из нижних правителств в вышние те ж самые дела во аппеляцию перенося, во весь век человеческой в покое не оставит, а чрез то привести во всеконечное нас разорение». Заявляли, что если «коварной вымысел брата нашего Прокофья особливою… к

нам беззаступным милостию пресечен не будет, то мы, именованные, не токмо государственной ползе способствовать, но и во весь век наш по совершенном нам разорении никакого покою себе иметь не будем, а имение наше вместо того, чтоб оное употребить в размножение… заводов, все истреблено будет в напрасных тяжбах для единого брата нашего Прокофья душевреднического намерения». Братья просили послать в еще неразделенные имения «надежную персону» и «повелеть при том посланном самою истинною, в чем надлежит, нас розделить». А чтобы «оной раздел наш никаким более от нас прекословием подвержен быть не мог» — «удостоить оной… императорскаго величества конфирмации, чрез что избавить нас раззорения и вечнаго беспокойства»[904].

К челобитной братья приложили обширный, 19 пунктов, экстракт, подробно перечислявший, в чем, по мнению челобитчиков, Прокофий договоренность «не токмо не исполняет, но и ничего братьям своим дать не хочет». Из него узнаём, что в Тулу и Сибирь ордера о разделе движимого имущества не посланы, что на Чугунских заводах раздел идет, но медленно из-за препятствий, чинимых приказчиком старшего брата. Расчетная контора в Москве не учреждена за его же, Прокофьевым, несоглашением. В Сибири дело движется, но поминутно спотыкается. Прокофий просит закрепить за ним леса, данные Петром I его деду, игнорируя тот факт, что они «пожалованы, дабы и другие в тех местах дед наш заводы заводил, которые и заведены, и ему, Прокофью, не достались». Григорий и Никита никак не могут получить согласованное при разделе количество чугуна, Григорий — какие-то «образцы» с «меднокотеленных» фабрик при Невьянском заводе. Не отдают ему и инструменты недействующего Тульского завода. В Петербурге Григорию достался дом, но в нем хранится общее движимое имение. Прокофий делить его не дает и сам не съезжает, хотя имеет в столице собственный дом, сдаваемый внаем. Приказчики не отдают в раздел и находящиеся на Невьянском заводе «башенные двои часы с колоколами». Челобитчики опасаются, как бы «по явной же брата нашего ко интересу склонности (то есть из-за корыстолюбия. — *И. Ю.)* …он всего оного себе не захватил»[905].

Впрочем, между Никитой и Григорием отношения тоже были не идеальными. Сохранился черновик обширного письма первого второму, страницы которого, несмотря на обволакивающие читателя заверения в приязни и уважении прав («а чтоб тем тронуть вас, и в помышлении моем не имел, да и словесно вам… доносил; на то и вы мне отозвались по-брацки, что по справедливости удоволствие окажете…»[906]), свидетельствуют о

непонимании автором (Никитой) действий и помышлений адресата (Григория). Большая часть девятистраничного текста посвящена совершенным пустякам на фоне того, чем уже владеет каждый из братьев: судьбам одной из мельниц и двух крепостных крестьян. Впрочем, напряжение между Никитой и Григорием было все же не столь сильным, как у обоих с Прокофием, — средний и младший друг на друг в казенные учреждения не жаловались. А.С. Черкасова полагает, что кончина в 1761 году Григория способствовала сближению братьев. «Несомненно, — пишет она, — ранняя смерть брата произвела сильное впечатление на живых»; она «повлекла существенные изменения в отношениях старшего и младшего братьев». Насчет впечатления свидетельств не имеем и спорить не станем, а вот в изменении отношений, во всяком случае *существенном,* не уверены. Приведенное историком письмо младшего брата старшему от 16 мая 1762 года свидетельствует, что трудности в контактах преодолены не были. Ограничимся фразой, следующей за перечнем возмутивших Никиту действий Прокофия: «К чему причиною, не прогневитесь вы, государь мой, желая *не по любви уже братской, но и не по христианской,* особливо меня обидеть и под разными претексты всего отеческого лишить»[907]. Один брат отказывает другому в присутствии у того не только братской любви, но и любви христианской — какое уж тут изменение в отношениях!

Нет, смерть Григория измотанных бойцов, увы, не примирила (в мае 1762 года Никита снова жаловался на Прокофия[908]) — всё еще слишком горькими казались упреки и обиды, наносившиеся когда-то одному из них отцом, а потом в запальчивости братом брату годами. И дележка после этой смерти еще продолжалась. Сохранившиеся ордера о порядке раздела между Демидовыми Прокофием, Никитой и сыновьями покойного Григория Александром и Петром находившегося на Невьянском заводе серебра, драгоценных камней, платья, мебели и другого имущества относятся к июлю 1762 года[909]. После вступления во владение прошло четыре года, после смерти отца — 17 лет!

Мир к братьям пришел, кажется, только после того, как Прокофий, в конце 1760-х — начале 1770-х годов продав свои заводы, утратил интерес к сфере деятельности, которой еще долго и успешно занимался его брат.

Остается еще раз посочувствовать Григорию, немало сил и, вероятно, души вложившему в распутывание тугих узлов при разделе. Но таким долгим он оказался не только из-за столкновения интересов и характеров. В неменьшей степени

«виноват» в этом колоссальный объем наследства, оставленного Акинфием. К моменту его смерти его хозяйство разрослось до стадии, когда без ущерба разделить его на части было уже невозможно — диспропорции возникали при любом варианте. При этом, полагаем, оно еще много лет могло без больших проблем существовать как целое и даже расширяться, проживи Акинфий дольше или получи один из братьев наследство неразделенным. Но целое искусственно расчленили на четыре части (четвертая — алтайские заводы, переданные в Кабинет). Передел собственности ударил по любовно выстроенному и отлаженному очень тяжело, разрушив многочисленные многоуровневые связи, крепившие былое единство. В ситуации маячившего мало сказать распада — развала и деградации хозяйства Григорий проделал важную и трудную работу, позволившую каждой из сконструированных им частей относительно успешно существовать самостоятельно. Имевший, конечно, известный собственный интерес, в еще большей степени стремившийся примирить интересы братьев, он выступал защитником также и государственного интереса — того самого, который очень точно обозначила присутствующая в указе императрицы выразительная формула: «…то их имение все суть государственная полза»[910].

Предпринимательские заботы Прокофия

Хотя официальное вступление братьев в «особое» владение только еще начинало реальный раздел, событие произошло все же важное. У каждого наконец появились *свои* заводы. Эта глава — о том, как шел по избранной им дороге промышленник Прокофий Акинфиевич Демидов.

Сразу скажем, что достиг он немногого. Вместе с имуществом на него свалились проблемы как доставшиеся от отца, так и новые. В качестве нежеланного, но неизбежного обременения он получил обязательные казенные поставки, осуществлявшиеся со времен первого Никиты Демидова и оплачивавшиеся очень неаккуратно. Получил леса, убегавшие от заводов все дальше. Получил неспокойных приписных крестьян, не желавших работать за установленную плату больше времени, нужного для отработки подушной подати. Получил споры с соседями, мешавшими друг другу самим фактом своего существования.

Для преодоления одних трудностей отец подключал многочисленные свои связи — то, чего Прокофий не имел. С другими Акинфий готов был временно мириться — пока, работая на будущее, концентрировал усилия на решении других,

стратегических задач. Прокофий, может быть, и готов был увлечься чем-то подобным, но никак не мог справиться с тем, что требовалось делать немедленно.

Требовалось же заменить оборванные при разделе связи и обеспечить самодостаточность выделившегося промышленного комплекса. Задача достойная, но, как нам кажется, пылкого в своих увлечениях Прокофия не слишком вдохновлявшая. Тем не менее после длительного ожидания получивший наконец собственные заводы, он погружается в связанную с ними работу.

Летом 1760 года Берг-коллегия дает ему разрешение на строительство нового Верхнейвинского завода. Место для него на земле, полученной еще комиссаром Демидовым, подобрал когда-то Акинфий. Но, очаровавшись им, вскоре разочаровался, решив, что для реализации проекта потребуется слишком большая плотина[911]. Подобно Павлу I, споримшему с покойной матерью ревизией многих разумных ее решений, Прокофий за строительство нового завода на Нейве решил взяться.

Забегая вперед скажем, что пустить его в действие он так и не сумел. Но задачу, показавшуюся трудновыполнимой отцу (строительство плотины), — решил. При осмотре места строительства, произведенном в 1765 году, было обнаружено, что плотина, включая все в ней прорезы, уже готова, тогда как на остальных объектах дело не ушло дальше заготовки «припасов» и работ нулевого цикла — в лучшем случае были набиты сваи и прокопаны каналы.

Отдавая должное решимости Прокофия взяться за трудновыполнимую задачу, отметим все же слишком большой срок, потребовавшийся для ее решения. Конечно, некоторые заводы и дольше строились, но всегда для этого существовали причины — трудности организационные, финансовые, технические… Полагаем, что в данном случае собрались вместе все эти причины. Большая плотина требовала больших трудозатрат и больших денег. Кроме того, в 1760 году у Прокофия сгорел один из его передельных заводов, Быньговский, и возникли трудности с обеспечением казенных поставок. Братья, отношения с которыми оставались напряженными, брать на себя чужие проблемы не захотели. Поневоле Прокофий вынужден был отвлечь внимание и ресурсы от нового завода.

Завершая наше повествование концом Елизаветинской эпохи, прерываем рассказ о Прокофии-промышленнике далеко от его завершения. Он еще не отказался от былых амбиций полностью. В 1762 году даже отправил на заводы учиться управлять ими сыновей — значит, намеревался сохранить их в роду, готовил себе смену[912].

Что, однако, интересно и несколько тревожно, если думать о перспективе, — сам он предпринимательские невзгоды расхлебывает, проживая не в Невьянске, а в Москве. Уже в 1750-е годы ведет здесь усадебное строительство, закладывает ставший впоследствии знаменитым сад. Представление о московском его доме можно составить из следующего принадлежащего историку С.Н. Шубинскому его описания, лишенного индивидуальных черт, но общее впечатление, несомненно, передающего верно: «Внутренняя отделка дома была великолепна и вполне соответствовала колоссальному богатству хозяина. Масса золота, серебра и самородных камней ослепляла глаза; на стенах, обитых штофом и бархатом, красовались редчайшие картины; зеркальные окна и лестницы были уставлены редкими растениями; мебель из пальмового, черного и розового дерева поражала тончайшей, как кружево, резьбой»[913].

Сидя в таком кресле, бороться с трудностями было, несомненно, комфортнее. Показательно, что в 1763 году, отвечая на циркулярный запрос Берг-коллегии заводчикам, не имеют ли они «каких по заводам тягостей», Прокофий ничего по существу вопроса не сказал, лишь сообщил: последний раз был на Урале во время описи, порученной Томилову, а «после того даже и поныне в тамошних заводах быть мне не случилось, и за тем, какие оные заводы имеет тягости и какое к тому вспо-мощество потребно, ныне я показать не могу». А.С. Черкасова выдвинула довольно убедительное объяснение тому, что Прокофий в данном случае предпочел отмолчаться[914] (хотя, заметим, другие заводчики на свои трудности жаловались по поводу и без повода то и дело). Но, слукавив в отношении своей информированности, Прокофий не стал бы врать в отношении поездок — слишком легко было бы его уличить, слишком бесцельна была бы эта ложь[915].

Долгие годы стремившийся стать заводчиком, обзаведясь заводами, Прокофий уже не рвался физически к ним прикоснуться. В конце концов он их продал: в 1769 году уральские, три года спустя — нижегородские[916].

Примеряя наряд чудака

Не следует думать, что наследство было единственной серьезной заботой Акинфиевичей. Хотя одной из важнейших — несомненно. Существовали, однако, и другие, в своем роде тоже важные заботы и связанные с ними цели. Читателю этой книги не нужно напоминать, что братья родились в более «низком» сословии и в разные годы испытали сословное «преображение». И если Никита скорее всего превращения даже не заметил (он стал

дворянином в возрасте двух лет), то родившийся казенным кузнецом и остававшийся им до шестнадцати лет Прокофий становился дворянином болезненно и долго—в некотором смысле всю жизнь. Ощутив, как в августе 1745 года с него в одночасье спали цепи отцовской воли (которой он сопротивлялся, но не настолько успешно, чтобы не замечать), Прокофий несомненно почувствовал облегчение. Но оставались иные путы, которые сами собой исчезнуть не могли, — путы сословных норм и сословных предубеждений. Их власть давила не менее болезненно, и он противился ей не менее яростно, чем власти отцовской.

В этой борьбе смерть отца не была ключевым событием, хотя предшествующие отношения с ним определенную роль для ее (борьбы) хода и исхода, полагаем, сыграли. Чтобы понять ситуацию, перенесемся в более раннее время — самое начало дворянской биографии Прокофия.

Культурная его интеграция в новую сословную среду проходила непросто. Чисто умозрительно можно представить три сценария событий, следующих за актом формального одворянивания.

Вариант первый. «Новый» дворянин принимает и усваивает новые социальные функции и присущую статусу новую социальную роль. Как результат — подтверждает изменение социального статуса, растворяясь (в культурном плане) в новом для него сословии. Из заводчиков таковы Гончаровы, некоторые из Демидовых. К описанию этого сценария можно приложить идеи Джорджа Герберта Мида о том, как индивид, инте-грируясь, стремится преодолеть мозаичность внутреннего «я».

Второй сценарий. Кое-как справившись с усвоением социальной функции, пассажир межсословного лифта в полной мере так и не вживается в новую социальную роль, оказывается неадекватен ей и застревает на обочине сословия. Такие тоже существовали. Из известных заводчиков именно таким был, возможно, пионер промышленного освоения Северного Урала М.М. Походяшин.

Особенностью третьего варианта является то, что герой, влившись в сословие (первый сценарий), позднее в некоторых сферах социального бытия (особенно в частной, приватной жизни) совершает обратное движение: возвращается к формам и нормам оставленной им материнской среды. Можно предложить несколько объяснений такого развития личности. Оно может быть истолковано как *культурный регресс.* Трудность, возникающая при таком объяснении, — часто неясно, что считать снижением культурного уровня. Его можно описать и как результат *разбалансировки ролевого набора* (совокупности задающих

программы поведения социальных ролей), порожденной неопределенностью представления индивида о его сословной идентичности. Наконец, при определенных условиях этот сценарий может быть сведен к *комбинации* двух предыдущих. Неочевидность интерпретации делает этот случай особенно интересным.

Эволюция личности Прокофия Демидова, как нам кажется, является примером практической реализации именно такого сценария.

Одна из составляющих характерной для молодых его лет негомогенности личности — двойственность в самоидентификации. Насколько об этом позволяет судить последующее поведение, преодолена она им не была. Прокофий прожил долгую (76 лет) жизнь и не исключено, что за эти годы продвинулся в интеграции дальше, чем можно заключить из отрывочных свидетельств этого движения. Однако, продвигаясь, постепенно в движении затормаживался и, наконец, остановился.

Полностью вписаться в новый социальный статус невозможно, не преодолев социально-психологические барьеры. Но внутренняя переработка личности — еще половина дела. Пребывание в социальной группе — это непрерывный диалог с ней. Допустим, первые барьеры преодолены и в действиях новичка ясно читается установка на интеграцию. Но захочет ли общество принять посылаемый им сигнал? Депутаты екатерининской Комиссии о сочинении нового Уложения жарко спорили по поводу расширения сословия за счет выходцев извне. Многие дворянские представители были категорически против него[917]. Уровень сословной самооценки дворян был высоким и в петровское время — последовательное, даже в условиях реформ, сохранение за ними права не платить подать и других прав, воспринимавшихся как привилегии, давало для этого достаточные основания. Пока «перебежчик» не интегрировался полностью, дворянское «общество» в принципе не может относиться к нему как к равному — оно предъявляет к нему требования, существенно отличные от требований к «своим». К новичку предвзято приглядываются: придирчиво отслеживают, с одной стороны, качество исполнения им новой социальной роли, с другой — отсутствие в его поведении следов прежних ролей. И не стесняются указывать на ошибки.

Но Прокофий не принадлежал к тем, кому подобное, замешанное на высокомерии наблюдение помогало отшлифовывать новую роль. Одной из присущих ему с юных лет черт характера было упрямство, только закалявшееся в столкновениях с родителем. Нам кажется, что это качество

отразилось и на интеграции: с какого-то времени в его личности начинает набирать силу противостоящее ей движение. Трудно сказать, были ли причиной тому лишенная теплоты встреча новой средой, «родимые пятна», оставленные прежней жизнью (так и не достигшее баланса сочетание ролей внутри их набора), индивидуальные ли черты характера, что-то иное или, наконец, все вместе. Вектор эволюции личности, а с ним и сам Прокофий, доселе перемещавшийся из одной субкультуры в другую, в своем движении постепенно разворачиваются. Но в одну реку дважды не войти. Незамкнутая петля рождает химеру: Прокофий, сохраняя присущее новому социальному статусу понимание социальной *функции* (прав и обязанностей, соединенных со статусом), в части социальной *роли* застревает в сумеречной зоне причудливых смешений несовместимого. Становится тем, кого в то время именовали *чудаками.*

Черты несколько утрированного своеобразия в поведении, по временам весьма живописные, проступали у него еще в молодости. Первоначально их допустимо было списывать на еще неотполированные культурой проявления чрезмерной страстности натуры. Но уже в это время они порождали специфически окрашенные отголоски. Так, брат Григорий в письме, размышляя по поводу одного предложения, согласится на него Прокофий или нет, не исключал, что всё определится настроением: «…однако ж угадать не могу, может быть, что доброй стих на него и придет»[918]. Что это, как не своего рода *минус-ожидание:* в словах Григория присутствуют и косвенно выраженная оценка прежнего поведения (сомнение в приходе доброго «стиха» суть ожидание прихода недоброго), и констатация неустойчивости социально значимой составляющей поведения.

Развитие некоторых из этих черт приводит к девиациям поведения, уводящим на обочину ролевой нормы, говорит об освоении ролей, чуждых ролевому набору, адекватному социальному статусу. Еще недавно подчеркивавший «от дел своих» (благодаря им) принадлежность дворянскому званию (вспомним его разглагольствования периода «драмы на охоте»), поздний Прокофий демонстрирует равнодушие к гармоничной культурной интеграции. Примечательны слова, сказанные им по поводу одной исторической песни, переданной Г.Ф. Миллеру: он извещает, что достал ее от сибирских людей, «понеже туды (в Сибирь. — *И. Ю.)* всех разумных дураков посылают, которые прошедшую историю поют по голосу»[919]. Именно эта маска — разумный дурак — с некоторого времени становится для него привлекательной альтернативой тому образу, к которому вело

движение по ортодоксальному пути. Именно ее он все чаще к собственному и окружающих удовольствию на себя примеряет. Таков он в подавляющем большинстве многочисленных исторических анекдотов, сохраненных его современниками.

Простец простецу рознь. Просты были и промышленники первого поколения. Упомянутый М.М. Походяшин, став владельцем обширного горно-металлургического хозяйства и значительного состояния, сохранил привычки, сформированные средой, в которой прошли его детство и юность: любил ходить летом в халате, зимой — в нагольном тулупе, обожал женить молодежь и прочее[920]. И в костюме, и в поведении Прокофий подчас поразительно на него похож. Но Прокофиева простота по природе совсем другая: это простота протестная по содержанию и часто весьма изощренная по форме. Роль мудрого простеца наш герой — при рождении повенчанный с заводами, но постепенно разочаровавшийся в этом союзе, — увлеченно играет не только в своем доме, но и публично, играет в России и за границей. (Иллюстрацию последнего содержит принадлежащий самому Прокофию рассказ о его пребывании в Голландии: «в посмеяние тем, у которых недостаточны карманы, а ездят в каретах», богач Демидов демонстративно передвигался там пешком или на извозчике. По его словам, это было замечено, понято и оценено: местные жители «радуются и не вытерпели меня за оное похвалить»[921]).

Прокофий рубежа 1720—1730-х годов, отрабатывая навязанную дворянским достоинством и связанным с ним статусом социальную роль, старается удовлетворить ожидания общества, к которому приобщается. Стареющий, он раз за разом демонстрирует презрение к этому достоинству (противопоставляя ему шкалу ценностей, в которой более значимое место занимают человечность и вера) и постоянно совершает явно провокационные по форме поступки. С надеждой влиться и в известном смысле раствориться он порывает окончательно и бесповоротно.

Демонстративный разрыв с ролями, сопровождавшийся провокативным поведением, привлекал внимание. Нашему современнику, поддавшись обаянию пушкинской речи, легко рассуждать о «странностях», которые суть «существенные достоинства, из коих главное: особенность характера, самобытность (individualite), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия»[922]. Сословное общество смотрело на причуды не всегда столь снисходительно. А.Т. Болотов, вспоминая Прокофия, отзывался о нем в общем нейтрально, хотя и несколько пренебрежительно[923]. А вот М.М.

Щербатов, на страницах сочинения «О повреждении нравов в России» тоже вспоминавший его эскапады, высказывается о нем нелицеприятно, жестко: «Прокофей Демидов… бывший под следствием за битье в доме своем секретаря Юстиц-коллегии, делавший беспрестанно наглости и проказы, противные всякому благоучрежденному правлению, за то, что, с обидою детей своих, давал деньги в сиропитательный дом, чин генерал-маеорской получил, а задание пяти тысяч в пользу народных школ учинено ему всенародно объявленное чрез газеты благодарение. Якобы государь не мог полезных учрежденей завести, без принимания денег от развратных людей, и якобы деньгами могли искупиться развратные нравы!»[924] Такова оценка длительной и щедрой благотворительной деятельности Прокофия Демидова (о ней ниже) «природных» дворян, причем щедрости, облаченной во вполне европейский костюм (воспитательные учреждения, университет). Одни от его щедрости отворачивались, другие ею пользовались, но все же часто относились к благодетелю свысока. В начале XIX века Василий Нарежный в романе «Российский Жилблаз»[925] нарисует несколько выразительных сцен, герои которых — презирающие низкородных богачей масоны, цинично дурачащие их, хитростью втягивающие в разорительную для них благотворительность. Причем последняя, независимо от ее масштаба и содержания, нисколько не прибавляет в глазах мошенников достоинств благотворителю. Примерно так некоторые относились и к пожилому Прокофию: завидовали, презирали, не считали грехом обмануть.

Расставаясь с Прокофием, отметим, что история одворянивания и последующего внутреннего, если можно так выразиться, «раздворянивания» нашего героя интересна еще и тем, что происходит на фоне и при непосредственном действии фактора провинциальное/столичное. Прокофий, интегрирующийся в дворянство, но сохраняющий связь с материнской средой, — житель провинции. Он же поздний, разуверившийся в статусных суетах и в плане поведения реинтегрирующийся — пожившая «столичная штучка»[926]. Не исключаем, что, сложись его биография без переноса места действия, несмотря на внутреннюю логику конца этой истории, итог мог оказаться другим. Но промышленник в третьем поколении успешной российской предпринимательской династии XVIII века был фактически обречен переселиться в столицу. А эта колея таких, как Прокофий, вела к известному нам финалу уже по кратчайшему маршруту и без остановок.

Григорий и Никита

Григорию и Никите Акинфиевичам удалось избежать психологической западни, в которую попал старший брат, — утверждаем это не только для Никиты, но и для Григория вполне уверенно. Стряхнув после раздела многие ограничивавшие их свободное развитие заботы, они нашли собственные «рецепты» жизни в обществе, вполне соответствовавшие их возможностям, склонностям, характерам, темпераментам.

В отличие от Прокофия, в конце концов охладевшего к промышленному предпринимательству и обрубившего питавшие материальный достаток рода заводские корни, Григорий и Никита заводами занимались до конца дней. Не беремся судить, испытывал ли Григорий внутреннее влечение к этому занятию. Неопределенность обусловлена не столько сомнениями в его (влечения) существовании, сколько тем, что исторические источники для хозяйства Никиты сохранились в изобилии, а для Григориевых заводов отсутствуют. Впрочем, ничего, что вызывает сомнение в усердии Григория на промышленном поприще, в нашем распоряжении нет. Тем более что к этой деятельности он был неплохо подготовлен. (Отметим, между прочим, что в библиотеке Григория имелась рукописная копия знаменитых «Абрисов…» В.И. Геннина — вобравших в себя опыт этого незаурядного специалиста описаний металлургических заводов Урала и Сибири. Впоследствии именно этот экземпляр был взят за основу при публикации книги[927].) Не исключаем, что занятия заводами воспринимались им по большей части как неизбежная обязанность. Но за недолгие три года между окончанием раздела и смертью один завод, Бисертский передельный, он все-таки построил и пустил. И это лучшее доказательство того, насколько серьезно он относился к исполнению своего долга.

Завод строился на землях Западного Приуралья, купленных его отцом у татар и марийцев еще в 1741 году. Акинфий ограничился строительством на речке Бисерти, притоке реки Уфы, мукомольной мельницы. Не исключено, что со временем он превратил бы ее в металлургический завод, но сделать это было суждено сыну. Желание построиться в этих местах высказывали многие мануфактуристы — не только «профессиональные» промышленники вроде Н.Н. Демидова и барона А.С. Строганова, но и недавно приобщившиеся к промышленному предпринимательству представители верхушки дворянского сословия граф Р.И. Воронцов и обер-прокурор Сената А.И. Глебов. Аргумент Г.А. Демидова, вступившего с ними в соперничество, состоял в том, что две домны принадлежавшего ему Уткинского завода (он находился в 50 верстах от мельницы на Бисерти) вырабатывают чугуна больше, чем могли переработать его

молоты. Берг-коллегия, осознававшая главный негатив раздела — разбалансировку производств, возникшую из-за разрыва технологических цепочек, — вняла этому доводу. 11 июня 1760 года она разрешила Григорию построить передельный завод с двумя действующими молотами для переработки уткинского чугуна. Воспользовавшись существовавшей плотиной, Григорий построил его на удивление быстро. Первый молот начал работать 5 ноября 1761 года — всего через год и неполные пять месяцев. Сравним это с растянувшимся на несколько лет строительством плотины на Верхнейвинском заводе Прокофия. Кстати, и у Григория гидротехническое хозяйство оказалось внушительным: тянувшаяся на полверсты плотина имела высоту до семи метров, запертый ею заводской пруд уходил вверх по реке на шесть верст.

Завод заработал за неделю до смерти хозяина и послужить ему не успел. Случилось так, что его молотам пришлось обслуживать не тот завод, который намечал связать с ним Григорий. После раздела его наследства Уткинский и Бисертский заводы попали к разным владельцам. Поставщиком чугуна для бисертских молотов стал Ревдинский чугуноплавильный завод Петра Григорьевича Демидова[928].

Прошло время, когда строительство завода осуществлялось в присутствии и на основании личных указаний заводчика (именно так полвека назад «доводил до ума» Невьянский завод Акинфий). Как и Прокофий, Григорий строил, живя от Дела вдалеке, осуществлял дистанционное им управление. Теперь, при наличии отлаженного аппарата управления и опытных управленцев-приказчиков, результата можно было добиться и так. Все братья переселились в столицы, и в этом — общее их отличие от поколения Акинфия, от свойственного ему культурного типа промышленника-мануфактуриста, привязанного к своим предприятиям.

Не лишивший своего внимания родовое Дело, Григорий последних лет его жизни уже столичный житель со свойственными уровню достатка и социальному положению интересами и привычками.

Вот каким было Соликамское жилище, в котором Григорий с семьей пребывал в годы молодости: «В Красном селе большой деревянной дом, на каменном фундаменте с чердаками, весь убран штуфом (штофом. — *И. Ю.);* в коем комнат с сен-ми 27 и при выходе [из] онаго три палатки для держания напитков и над оными чердак о двух комнатах. А весь оной дом покрыт тесом, длиною 23 сажени, шириною 8 саженей…»[929]Солидно, но не роскошно.

Его столичные жилища были другими. Напомним, что из

имущества отца ему досталось по каменному дому в каждой из столиц. Какие именно — стало ясно только в 1758 году. Не имея до этого возможности сделать ставку ни на один из отцовских домов, Григорий в 1755 году купил в Петербурге усадьбу у обер-шталмейстера П.С. Сумарокова. Она находилась на Мойке, в районе нынешнего Гривцова переулка (ранее Демидов переулок, еще прежде — Малая Сарская улица). Не позднее 1756 года он начал на этом участке каменное строительство, завершившееся на третий год. Проект возведенного им дома по стилю приписывают одному из крупнейших зодчих русского барокко С.И. Чевакинскому, много и успешно строившему как в Петербурге, так и в Москве для знатнейших персон государства. Кроме основного здания, стоящего параллельно Мойке (оно сохранилось), комплекс включал флигели, парадный двор, большой сад и службы. Фасады были оформлены с использованием чугунных украшений (прием не уникальный, но в данном случае особенно уместный), отлитых, возможно, на заводах владельца[930].

Домом в Гривцове переулке петербургская недвижимость Григория не исчерпывалась. Возможно, дома он множил и сохранял в расчете на подраставших детей.

В своих заметках, посвященных современному ему русскому искусству, петербургский академик Я. Штелин описал виденный им необычный (из-за множества символических деталей) семейный портрет, написанный с Г.А. Демидова и его супруги. Его автором был немецкий портретист Давид Людерс, работавший в Петербурге в 1757—1758 годах. Мужа на портрете он поместил перед кабинетом редкостей натуральной истории, жену — на фоне сада. Перед ней находился розовый куст с двадцатью пятью листьями на нем и пятью увядшими розами. Пять свежих роз она протягивала мужу. «Это должно означать, — поясняет Штелин, — что они живут в супружестве 25 лет, у них было 10 детей, из них 5 умерли, а 5 живы». По мнению Штелина, картина была лучшей из написанных художником в годы пребывания в русской столице[931].

Дети, их воспитание — важная часть жизни Григория Демидова, всмотревшись в которую, можно узнать нечто и о нем самом.

Детей, доживших до взрослых лет, в семье было много — больше, чем насчитал роз Штелин[932]. Сыновей — трое: Александр (старший), Павел и Петр. Дочерей — семь. По возрасту сыновья различались не сильно — разница между старшим и младшим составляла три года. Весной 1748 года, когда старший приближался к одиннадцатилетию, отец отправил их в дальние

края: учиться и смотреть мир. Впрочем, первые три года прошли не так уж далеко, в Ревеле, где профессор Сигизмунди и некто Фохт обучали их латыни и немецкому языку. Овладев ими, братья отправились в Западную Европу. Их путешествие по ее городам, обучение в ее университетах продолжалось, считая от времени отъезда из Петербурга, 13 с лишним лет. В русскую столицу они возвратились в первый день сентября 1761 года, за два с небольшим месяца до кончины отца[933].

Сохранились «журналы» путешествия молодых Демидовых, раскрывающие интересы и образ мыслей не только их самих, но, опосредованно, и их родителя. Здесь упоминается о посещениях заводов и рудников, в частности знаменитых фрайбергских (сравним: раньше Демидовы отправляли преемников для обучения делу на собственные предприятия). Но сколько упомянуто объектов, которые Демидовых прежних поколений заинтересовали бы в лучшем случае как занятная редкость. Содержащиеся в заметках братьев описания художественно-исторических памятников Рима и Флоренции и сегодня можно использовать в качестве путеводителей по знаменитым городам[934].

Эти письма и журналы — своего рода окно в души братьев Демидовых. Но корректно ли переносить то, что видим в них, на Григория? Ведь их личности ваялись в иных, чем его, условиях — в атмосфере европейской культуры. Какой была обстановка в петербургском доме Григория Акинфиевича, тон в котором задавали не письма, а живые люди? Ответ на вопрос дает знакомство с дочерьми Григория и Анастасии. За границу их не посылали, но тоже учили и воспитывали. Усилия принесли плоды: по меньшей мере три из девиц Демидовых занимались литературными переводами. Одна, Хиония, перевела, между прочим, французскую сказку, русский отголосок которой известен нам в пересказе Сергея Аксакова под названием «Аленький цветочек». И это — в XVIII веке, в эпоху, для которой писательские опыты женщин в России еще довольно редки.

О многом говорят имена зятьев Григория. Дочь Пульхерия вышла за архитектора, директора Академии художеств А.Ф. Кокоринова, Наталья (младшая) — за другого архитектора — И.Е. Старова[935], Хиония — за дипломата, посланника в Швеции и Турции, впоследствии члена Российской академии и секретаря Вольного экономического общества А.С. Стахиева.

Новые интересы, новые места конденсации лиц с такими интересами. Это уже не просто круг образованных людей, это круг людей с высокими духовными запросами. Прокофий, реинтегрируясь, стремится уже не столько к знанию (хотя и его

не отвергает), сколько к здравому смыслу и радостям естества. Напротив, Григорий в его интеграции оказывается даже впереди паровоза — в просвещенном обществе, духовным наследником которого станет русская интеллигенция XIX века.

Любопытно, что ориентация на знание «европейского» типа не отменяет интереса к традиционной культуре, хотя воспринимается она, конечно, уже не так, как в детстве. Мы упоминали о письме Прокофия Миллеру, сопровождавшем посылку ему исторической песни. Она входит в замечательный фольклорный сборник XVIII века, который назван по имени его составителя «Сборником Кирши Данилова». Кирша — загадочная фигура. Долгое время не было даже уверенности в том, что это историческое лицо. Только недавно удалось реконструировать биографию этого человека, при этом выявилась тесная его связь с демидовскими заводами. И, добавим, с самими Демидовыми. Не ставя перед собой цели полно раскрыть это утверждение, в дополнение к упомянутому факту посылки Прокофием песни из «Сборника» (посылал — значит скорее всего был знаком и с собранием), укажем еще один. Это написанная одним демидовским приказчиком другому недатированная записка, сохранившаяся среди писем Акинфия в Нижний Тагил 1739 года. Вот ее текст:

«Григорей Сидорович. Кирилу Данилову не извольте проживку ево в вину поставить, ибо он удержан здесь был его благородием Григорьем Акинфиевичем за некоторым делом. Писал приказом его благородия Борис Сергеев»[936].

Конечно, даже если речь в записке идет о загадочном Кирше, из нее не следует, что его задержка Григорием связана с талантами, сохранившими имя Данилова в памяти потомков. Но существует свидетельство того, что в общении между ними важную роль играли именно таланты. В одном документе (доношении 1740 года из конторы Лялинского завода в Канцелярию главного правления Сибирских и Казанских заводов) упоминается некий Кирилла Данилов сын Исаков, в 1737 году отданный Акинфием Демидовым «сыну своему Григорию *в музыканты*». Этот Исаков жил «при нем, Григорье, у Соли Камской», а позже приехал с ним в Невьянский завод. Косвенные, но в своей совокупности сильные доказательства убеждают, что К.Д. Исаков и составитель знаменитого впоследствии фольклорного сборника — одно лицо[937]. Как видим, ориентированный на европейскую культуру 24-летний Григорий не чурался культуры коренной, народной.

Григорий умер молодым, в 46 лет, 3 ноября 1761 года. Его похоронили в Туле, в демидовской усыпальнице Николо-Зарецкой

церкви при гробах отца и деда. Не знаем, кто принимал решение о его здесь погребении. Но, помня, как далеко ушел он в своем развитии от первых представителей рода, его посмертное возвращение к корням представляется символичным. Григорий был и остался Демидовым.

Трудно сказать, успел ли он раскрыться в полной мере. Возьмем Прокофия, каким он был в те же 46 лет. В 1756 году в его послужном списке еще не было ни Московского ботанического сада, ни благотворительности — ничего (кроме недатированных чудачеств), благодаря чему он вошел в историю. Куда бы «занесло» Григория в золотой век Екатерины? Ориентируясь на интересы и среду, к которой он тяготел, предположить, конечно, можно. Но с какой подчас иронией живая жизнь опровергает самые «научные» наши прогнозы!

Хочешь насмешить Бога — расскажи ему о своих планах.

Третий из братьев, Никита Акинфиевич, заводскими делами занимался весьма прилежно и, что всегда немаловажно, не без искреннего интереса.

Унаследованные заводы он не растерял — даже умножил, построив три новых. Вскоре после раздела возник железоделательный Нижнесалдинский завод (1760), в 1770-х годах еще два — Висимо-Уткинский и Верхнесалдинский[938]. Нижнесалдинский предназначался для переработки чугуна домен Нижнетагильского завода, располагавшегося от него на расстоянии 60 верст. Он стал самым мощным передельным заводом в тагильской их группе[939].

Ожидания отца Никита вполне оправдал. Хотя заводов он имел меньше, суммарная их производительность превышала выпуск чугуна и железа на всех предприятиях его отца до их раздела[940]. Результат был достигнут благодаря постоянному контролю за работой и компетентному в нее вмешательству. Живя в столицах, он поддерживал активную переписку с Нижнетагильской заводской конторой, входя в мельчайшие детали текущей заводской ситуации.

Как когда-то дед и отец, Никита пытался заручиться поддержкой сильных мира сего. Состоявшееся еще при отце знакомство с великим князем Петром Федоровичем закрепилось. И.Ф. Афремов не без скрытой, может быть, иронии писал, что тот «очень полюбил его, потом часто занимал у него деньги и пожаловал ему Аннинскую ленту», с тем, впрочем, условием, чтобы она была обнародована лишь после смерти императрицы Елизаветы Петровны[941]. Но в царствование Петра III Демидов был очернен завистниками, потерял его расположение и ордена лишился. Позднее Екатерина II якобы подтвердила право

Демидова на орден и произвела его в чин статского советника. Достоверность этих сведений некоторыми исследователями ставится под сомнение[942]. Но связь с двором великого князя вполне вероятна, участие же императрицы в дальнейшей судьбе Демидова несомненно: месяц спустя после восшествия на престол, 27 июля 1762 года, она уволила его от службы[943]. Достоверны и сведения о пожаловании.

Женат Никита был трижды. В первый брак, с Натальей Яковлевной Евреиновой, он вступил 9 ноября 1748 года. В 1756 году, 11 августа, она умерла. Вторая жена, Мария, происходила из рода Сверчковых. В третий раз он женился во второй половине 1760-х[944].

В ближайшие после раздела годы встречаем его то в Москве (1757, 1758, 1762), то в Петербурге (1757, 1759, 1760), но неизменно в столицах. Существует, правда, довольно большая его переписка с тульскими корреспондентами, но свидетельств того, что он приезжал в эти годы также и в Тулу, мы не обнаружили (что, впрочем, оставляет такие визиты вполне возможными, даже вероятными). Помимо городских усадеб имел две подмосковные. Никита поездит и по заграницам, но произойдет это позже, в екатерининское время.

Известны минимум два дома, принадлежавшие Н.А. Демидову в Петербурге. Первый, доставшийся от отца и к настоящему времени снесенный, находился на стрелке Васильевского острова левее современного Пушкинского Дома и правее Биржи. Второе здание — в семь окон на высоких подвалах с каменным цокольным этажом и верхним деревянным — стояло на левом берегу Мойки против Новой Голландии, недалеко от Крюкова канала. Демидов купил его у Ф.В. Гарднера в 1755 году. Большая часть усадьбы была снесена в 1913 году. До настоящего времени из построек, относящихся ко времени, когда ею владели Демидовы, сохранился выходящий на Мойку одноэтажный каменный флигель, позднее надстроенный[945]. На рубеже 1750—1760-х годов один из этих домов он перестраивал, в связи с чем заказывал архитектурное литье на заводах братьев Баташевых[946].

Он ведет жизнь богатого и свободного в своих желаниях человека. Будучи достаточно просвещенным, много читает (сохранились остатки его библиотеки, многие книги которой содержат автографы владельца — краткие заметки аннотационного и оценочного характера[947]). Коллекционирует редкости, произведения искусства. Знакомится и в ряде случаев поддерживает связи с деятелями культуры, науки, искусства и теми, кто себя в этом качестве еще выразит в будущем:

скульптором Ф.И. Шубиным, историком и коллекционером А.И. Мусиным-Пушкиным, естествоиспытателями А.Т. Болотовым и академиком П.С. Палласом. В петербургский дом Демидовых в конце 1748 года перебираются академические коллекции и библиотека, пострадавшие при пожаре Кунсткамеры в ночь на 5 декабря. Сюда же перевозят минц-кабинет, станки петровской токарни и знаменитую «восковую персону» — изготовленную из воска статую Петра Великого в натуральную величину, в подлинной одежде императора (сейчас в экспозиции Государственного Эрмитажа). В то время этот дом находился в общей собственности наследников, но позже его владельцем стал Никита. Коллекции оставались здесь долго — до 1766 года[948].

Никита многим похож на брата Григория. Но озаренности далекой от меркантильных расчетов духовной целью и одновременно печали, порожденной ощущением духовного одиночества, — черт, которые подчас пробиваются у Григория, несмотря на тщательно скрываемый внутренний мир, — всего этого у Никиты нет. Нет ранимости, свойственной другим братьям (проявлявшим ее, конечно, в разной мере и форме). Никита интегрировался в свое сословие великолепно, без родовых шрамов и комплексов. Б.Б. Кафенгауз, сравнивая братьев, заметил, что Никита «не выделялся какими-либо особенностями, и эта ординарность делает его в своем роде не менее типичным, чем его старший брат, характерный представитель чудаков и самодуров того времени»[949]. Мы привели эту цитату не для того, чтобы присоединиться к такому понимаю различия между братьями (на наш взгляд, оно глубже, а природа — сложнее), сколько для того, чтобы указать на использованное определение: ординарность. И это нисколько не оскорбление, не стремление умалить достоинства. Достоинства тоже были. Но помните, как в старом фильме: «Хороший ты человек. Но не орел».

Кстати, не благодаря ли этой ординарности Никита оказался самым успешным промышленником? Вдохновенной энергии и талантов деда и отца вполне хватило, чтобы оплодотворить косную материю. Новых дрожжей не требовалось. Нужны были навык и правильный распорядок.

«Другие» Демидовы

Зеленые наслаждения Демидовых

Разведение садов — занятие, хорошо известное культуре Древней Руси. Перешедшее в Новое время и многое почерпнувшее из опыта Западной Европы, оно приобрело новые формы, расширило цели, обогатило изобразительный язык.

Тяготение к миру живой природы, восторг перед его совершенством и красотой были свойственны всем братьям Демидовым. Путешествуя по страницам их писем, убеждаешься в этом снова и снова. Они восхищаются пением птиц, ищут грибы, разводят пчел, дивятся картинам, открывающимся в окуляре микроскопа. И увлеченно собирают то, что можно из этого мира собрать и поместить рядом с собой. Так создаются демидовские коллекции. Так расцветают демидовские сады.

Мы ничего не знаем о садах Акинфия. Животных он собирал, это точно — упоминаний о них в письмах много. А вот растения…

Отметим, однако, что на плане Невьянского завода, созданном вскоре после случившегося там в 1772 году пожара[950], между церковью и постройками господского двора показан примыкавший к крепостной стене сад. Внутри сада отмечена сгоревшая оранжерея с двумя галереями. Кем всё это создавалось? На момент пожара владельцем завода был Савва Яковлев, купивший его недавно — в январе 1769 года[951]. Чтобы посадить сад и устроить оранжерею, у него было только три года. Немного, если учесть необходимость достраивать один недостроенный завод и налаживать управление несколькими действующими. Более вероятным представляется возникновение сада при Демидовых. При котором конкретно? Едва ли при Прокофии — он на уральских заводах жить не собирался и сад ему там не требовался. Напротив, Акинфий с перерывами жил в Невьянском заводе чуть не со дня передачи его Демидовым, здесь же проживала и его семья. Его кандидатура подходит, согласимся, больше других[952].

Рассказ о садах Акинфиевичей уместнее начать с того, который был создан Григорием, — именно к нему относятся первые конкретные сведения о демидовских садах.

Сад был заложен им в селе Красном, как полагают (вслед за В.М. Сваловым), около 1731 года. Коллекция собранных в нем растений становилась все больше и интереснее. Возможно, уже в 1733 году ее осмотрели проезжавшие Соликамск участники

Второй Камчатской экспедиции — молодые посланцы молодой Петербургской академии наук. Значение этого сада, созданного любителем первоначально ради далеких от науки целей («как для времяпрепровождения, так и для отдыха»[953]), не следует недооценивать. Забава переросла в нечто большее — возник полноценный ботанический сад. Если отсчитывать от времени его основания, это был не только первый такой сад на Урале, но скорее всего и первый в России. Во всяком случае, следующий известный нам подобный сад был основан в Петербурге на базе Академии наук на несколько лет позже — по разным данным, в 1735 или 1736 году[954].

Уровень, на который со временем вышло увлечение Григория, демонстрирует его переписка с выдающимся шведским ботаником Карлом Линнеем. Опубликовано 12 писем Демидова, охватывающих период в 12 лет — с февраля 1748-го по июнь 1760 года. В одном из первых, представляя себя, он сообщает, какой деятельности со времени деда посвятили себя представители рода, но замечает, что сам он старается «заниматься в свободные часы различными искусствами и науками». Ботанику, и то, что он именует латинским выражением *cultura plantarum* (в данном контексте: культура садоводства. — *И. Ю.),* он относит к числу «основных» своих занятий. Осознавая дистанцию между собой, любителем наук, и известным европейским ученым, Григорий пишет Линнею не часто и «по делу»: обращается к нему, как правило, или за консультацией, или в поисках нужной книги. При этом всегда выражает готовность быть полезным и действительно выполняет некоторые просьбы, связанные с доставкой растений и семян из разных, в том числе труднодоступных европейцу районов России[955]. Впоследствии с Линнеем переписывался сын Григория Павел.

«…А в этих местах я единственный живой ботанофил, и моя страсть повелевает мне не только служить ей, но и не считаться ни с расходами, ни с друзьями», — писал в 1750 году Линнею Григорий, похоже, страдавший от вынужденного одиночества[956].

Григорий, полагаем, насчет единственности несколько преувеличивал. Отнюдь не чужд той же страсти был его брат Прокофий, первые сведения о садах которого относятся к началу 1740-х годов. Возможно, импульс развитию этого увлечения он получил от Григория.

Интерес к ботанике старшего брата проявился еще в Туле. Сохранилось относящееся к марту 1740 года письмо 29-летнего Прокофия, адресованное петербургскому академику ботанику Иоганну Амману. В Петербурге всего годом раньше вышла из печати написанная им на латинском языке книга «Изображения и

описания редких растений, произрастающих в Российской империи» — труд, содержавший описания 235 неизвестных растений. Письмо академика и отправленный ему ответ документируют процесс сбора ботанического материала для такого рода работ. Прокофий, получив в Туле послание ученого, заключает: «Усмотрел, что в здешних растениях имеете охоту», сожалеет, что сейчас не в силах услужить просителю, объясняет почему. При этом сообщает корреспонденту, а заодно и нам немало интересного.

Оказывается, у Прокофия в это время существовал в Туле «огород». (Этим словом в России XVII, а часто и XVIII века называли не только собственно огороды, но и сады. Именно его, как правило, использовал Петр I, большой любитель садовых затей. Существовали также специальные «аптекарские огороды», в которых выращивали лекарственные растения.) Как следует из контекста, в тульском огороде произрастали растения, среди которых были и нужные Амману. В оранжерее Прокофий их не держал (существовала ли она — из текста не ясно, но это слово он употребляет), что понятно — вызвавшие интерес растения были скорее всего местными дикими формами. Отвечая на письмо в марте, Прокофий, естественно, не располагал живыми растениями, лишь обещал: «что Бог зде-лает впредь, то я с радостию моею пришлю в предбудущую осень». Сразу он выполнил заказ лишь по одной позиции: отправил ботанику два листа «натуралной гербарии» чемерицы черной[957] — однолетнего травянистого ядовитого растения, используемого в медицине. Послал «третей листок написанной, как он ростет натурално», то есть, надо понимать, рисунок. Послал и семена, причем отметил, что из-за дождливой осени «збирал их с великим трудом». Обратим на это внимание: сбор семян производился осенью, скорее всего до письма Аммана, — стало быть, Прокофий интересовался этим растением независимо, сам по себе. Убеждаемся в этом, обнаружив в письме информацию о типе почвы, наиболее подходившей для растения: «Землю любят они полевую, хорошую и чорную, а в черноземе оне, по моей пробе, не растут»[958].

Итак, у Прокофия имелся «огород» (читай — сад), в котором он выращивал дикорастущие растения (в том числе лекарственные), экспериментируя при этом с грунтом; он, возможно, уже имел оранжерею, он собирал семена и создавал гербарий, он зарисовывал (не обязательно сам) растения… Не имея сведений об объеме и качестве этой работы, можем тем не менее уверенно заключить: Прокофий проявлял интерес к ботанике и осваивал практические приемы собирания и изучения

растений.

Итак, первый достоверно известный сад Прокофия — тульский. Сведений о нем очень мало. Мы не знаем, где находился «огород», отмеченный в письме Амману, не знаем, был ли он единственным.

Сохранились поздние упоминания о двух тульских садах, которые можно связать с именем Демидовых. Составленная в 1779 году при покупке в казну Тульского их завода опись коротко упоминает находившийся здесь «сад, во оном саду три древа кедровых, округ оного саду огорожено, половина решеткою, а другая забором ветхим»[959]. Любопытны по счастливой случайности попавшие в документ «три древа кедровых» — ботанический привет демидовской Туле с демидовского Урала.

Еще один сад — у дома Демидовых в Оружейной слободе — видим на плане тульского Заречья конца XVIII века[960]. Думаем, что он был сравнительно небольшим. Об этом говорит размер участка, принадлежавшего когда-то Никите Демидову, — едва ли тот был больше, чем у зажиточных соседей по слободе. Войдя в силу, Демидовы, прикупив соседние дворовые места, его расширили, но очень большим он, полагаем, и после этого не стал (иначе этот «неформат» оставил бы след в планировке участка и в последемидовское время). Возможностей для размещения сада близ завода имелось больше.

И все же относительно невелики были, похоже, оба тульских сада. По сравнению с тем, чем обладал в то время Григорий, — нечто довольно скромное[961]. (Впрочем, трудно сказать, насколько сведения о тульских садах в документах последней четверти XVIII века отражают положение дел, каким оно было в 1730-х — начале 1740-х годов. Единственное, о чем они позволяют говорить точно, — место, где находились когда-то сады.)

По-настоящему развернулся Прокофий в Москве. Здешний его сад был известен современникам значительно больше, чем Соликамский брата, — и потому, что был на виду, и потому, что со смертью Григория первый пришел в упадок. В историю и топографию Москвы демидовский сад вошел под названием Нескучного.

Начало ему было положено еще в годы раздела. Сад был заложен не позднее 1756 года на высоком берегу Москвы-реки близ Калужской дороги. Природный профиль берега для его устройства показался неудобным. В течение двух лет 700 человек осуществляли вертикальную планировку, перемещая землю и формируя террасы, что позволило придать участку «правильную фигуру амфитеатра». Его образовывали пять уступов разной

ширины и высоты длиной приблизительно 200 метров. Площадки соединяли лестницы с металлическими ступенями.

Верхнюю террасу занимал двор с обширным каменным жилым домом — трехэтажным, с одиннадцатью окнами по фасаду в каждом этаже, решетками вдоль балкона и крыши, с лестницей парадного входа по центру. Этот дом в перестроенном виде сохранился; сейчас это старое здание Президиума Российской академии наук.

За металлической решеткой раскинулись террасы, занятые садом. Заложив сад первоначально как плодовый, Прокофий позднее его перепрофилировал, определив «для одной ботаники». Первая терраса была узкой — чуть больше 20 метров. На ней размещались гряды для луковичных растений и «как бы зверинец для кроликов, кои здесь и зиму сносят на открытом воздухе». Здесь же были возведены каменные стены для защиты от непогоды особо нежных плодовых деревьев и устроен парник для ананасов. Узкой была и следующая терраса, занятая грядами и горшками с однолетними («годовыми») и многолетними («переннисами») растениями, в том числе кустарниками. За каменной стеной росли плодовые деревья. Рядом были устроены две длинные, больше 80 метров, кирпичные оранжереи. В одной выращивали виноград, в другой зимой держали многолетние растения, весной ею пользовались «для рощения семян». На третьей, более широкой площадке размещались три оранжереи, в том числе одна для пальм и других деревьев и «сочных» растений из теплых стран. Зимние оранжереи находились и на четвертой площадке. Самой большой была пятая площадка, продолжавшаяся до берега Москвы-реки. На ней располагались оранжереи, большой пруд и обсаженный деревьями птичник. Одно время в нем содержались редкие животные, выписанные из Англии и Голландии, позднее его заняли исключительно редкие «иностранныя птицы из роду кур и уток».

Современники отмечали высокое качество и отличное состояние собранной в демидовском саду ботанической коллекции. Посетивший московский сад Прокофия в начале 1880-х годов П.С. Паллас рассказ о том, что в нем «особливого удивления достойно», начал с указания на уникальное «по числу и по редкости собрание иностранных дерев, ежегодно с великим иждевением умножаемое»[962].

К концу елизаветинской эпохи сад еще не развился до своей высшей точки — той, которая отражена в двух печатных его каталогах, принадлежащих Палласу (1781) и самому Демидову (1786). Но уже к 1780 году количество в нем растений («переннисов и деревьев»), по оценке хозяина, достигало

приблизительно трех тысяч.

Завершим экскурсию в демидовский сад принадлежащей Палласу общей оценкой этого замечательного собрания. «Сей сад, — писал он, — не только не имеет себе подобного во всей России, но и со многими в других Государствах славными ботаническими садами сравнен быть может как редкостию, так и множеством содержащихся в оном растений»[963]. Ученый не преувеличил. Московский ботанический сад Прокофия Демидова по праву вписан в историю русской культуры и науки XVIII века.

Увлеченным садоводом был и младший из сыновей Акин-фия Демидова. Его сады — и в Москве, при городской усадьбе, «Слободском доме», и в подмосковных Сергиевском (Алмазове) и Петровском-Княжищеве (Алабине) — по редкости и качеству экземпляров подчас соперничали с теми, которыми владели его братья.

Чем были для Демидовых их замечательные сады?

Нам кажется, что каждый из них в той или иной мере обладал тремя качествами, раскрывался в трех ликах. Сад был местом отдыха. Был коллекцией. Был площадкой для научной работы. Несмотря на тесную взаимную связь, каждое из этих качеств обладало собственной значимостью и к другому не сводилось. Здравый смысл подсказывает, что научная работа в садах могла начаться не раньше, чем их создатели оказывались к ней готовы. Наверное, так и было. Наверное, копавшегося в земле и собиравшего семена по тульским лугам и перелескам Прокофия еще рано именовать «молодым ученым». Но отвергать определенную научную значимость его трудов в московском саду уже нет оснований. Эта значимость многократно возрастает, если учесть, что собранным Демидовыми пользовались жившие в их эпоху профессиональные ученые, а их список велик. Конечно, Демидовы даже в высших своих достижениях в этой сфере оставались учеными-любителями, дилетантами, многого достигавшими не знанием, а энтузиазмом и вложением в дело немалых средств, но для развития науки в ту эпоху такие рядовые солдаты ее армии были также чрезвычайно важны.

Насколько подобные увлечения были типичны для того времени? Насколько распространены? Параллели встречаются (так, интерес к садам у А.Т. Болотова возник еще в молодые годы[964]), но они редки и не столь масштабны.

И еще. Сады Демидовых — только что не райские сады. В них уходило за горизонт всё, что тяготило и мучило: бесконечный раздел имущества (продолжившийся и после получения раздельных грамот), бесконечное одворянивание (после получения диплома), бесконечные проблемы на заводах

существующих и строившихся. «У меня только и радости, — пишет Прокофий, — как жадной, веселюсь на растении»[965]. Братья обменивались семенами, отводками… Сады — гармонизированная искусством натура, прибежище покинувшей мир любви — изгнанная из прошений и челобитных, в них одних она и спасалась. Создавая сады, Демидовы пестовали в себе ту человеческую первооснову, которую во все времена так непросто сохранить в мире больших денег.

Меценаты и благотворители

Еще одна общая Акинфиевичам черта, в елизаветинское время раскрывшаяся неполно, но проявившаяся достаточно отчетливо, — их склонность к благотворительности и меценатству.

Нищелюбие в допетровской Руси — тема слишком обширная и слишком важная для понимания русской культуры того времени, чтобы останавливаться на ней походя. Нас в данном случае интересует та ее часть, которая касается подобных явлений в предпринимательской среде. Приведем один факт, относящийся непосредственно к кругу металлозаводчиков.

При приеме в 1675 году в компанию по поиску и разработке полезных ископаемых, состоявшую из переводчика Посольского приказа московского дворянина Андрея Виниуса (того, который много лет спустя возглавит Сибирский приказ), посадского из Вологды Якова Галкина и торгового иноземца Кондратия Нордермана, нового члена заводчика Вахрамея Меллера компаньоны подписали соглашение, включавшее, помимо прочих, и такой пункт:

«А буде за помощию Божиею сыщем мы многую прыбыточную руду и заводы построим, и мне, Вахрамею, по прежнему их, Андрееву, и Яковлеву, и Кондратьеву, обещанию и своего жеребью ис прибылей, которые Бог подаст, откладывать с ними ж на строение Божиих церквей, и на пропитание служебников церковных, и убогим десятую часть безо всякия удержки»[966].

Обратим внимание на упоминание некоего «прежнего обещания». Речь идет о договорной записи, объединявшей коллектив в его прежнем составе[967]. Судя по приведенному тексту, статья о десятине присутствовала и в ней. Содержание ее неизвестно, как неизвестно и то, насколько такие статьи были типичны для подобных договоров. Но в том, что подобные обещания давались, сомневаться не приходится.

(Своеобразие обещанию, данному в 1675 году, придает тот факт, что участники соглашения принадлежали к разным

конфессиям: Виниус и Галкин были православными, Нордерман и Меллер — протестантами[968]. Какой именно церкви и ее «служебникам» намеревалась они помогать? Разным? Но как в таком случае предполагалось делить средства? Поток планировалось направить в сторону одной православной церкви? Тогда, получается, помогать ей собирались и протестанты?)

Приведенное свидетельство уникально (хотя, как следует из него же, факты такого рода имели место). Век XVIII дает неизмеримо более богатый материал, содержащий упоминания и Демидовых.

При Невьянском заводе в середине 1750-х годов существовала богадельня. Хотя по согласию деливших наследство братьев «сии богаделщики в раздел не кладены», из факта обсуждения вопроса следует, что по крайней мере некоторые из них были людьми зависимыми (один «купленный» даже упомянут)[969]. Само по себе существование богадельни, конечно, не означает, что ее содержал заводовладелец, но все же важно, что на старейшем уральском заводе Демидовых такое заведение имелось. Помня гуманный тон писем Акинфия и столь же гуманный характер содержащихся в них его распоряжений, зная о его многолетних благодеяниях по отношению к старообрядцам, можно думать, что и невьянская богадельня не была ему вполне безразлична. Напомним, кстати, что некоторые из этих благодеяний старообрядческие историки уверенно считали сделанными одним из сыновей Акинфия, которым посвящена эта глава, а именно Никитой Акинфиевичем.

Новое время, новое поколение. Возникают новые адреса благотворительной деятельности (наука, культура), рождаются новые ее формы.

Самый ранний известный нам факт деятельности в этой сфере братьев Демидовых относится к периоду раздела отцовского наследства. Мы хорошо помним, как напряжены были их отношения в этот период и как трудно тогда, да и многие годы после, согласовывали между собой они даже мелкие вопросы. Тем примечательнее запись в Журнале посвященных разделу заседаний конца 1757 года, сообщающая, что «со общаго согласия положили они и[з] отцовъского имения в Московской императорской университет поднесть два выписные минералные кабинета, называемые один Генкелев, а другой Морздорфов, и минеральную ж перемиду, ис коих один кабинет уже и поднесен; и требовали чтоб оные кабинеты и перемиду ис числа раздела их исключить, и о том для ведома записать в Журнал»[970].

Напомним, что Московский университет был учрежден в 1755 году — всего за два года до события, отмеченного в Журнале.

Научных коллекций, обязательной принадлежности такого рода учебных заведений, он, естественно не имел. Не было и сложившейся практики дарений таких объектов частными лицами. Продолжая споры вокруг имущества, братья Демидовы без трудных обсуждений (во всяком случае, их следов в документах нет) принимают решение подарить университету едва ли не лучшее собрание минералов, которым располагали, — приобретенное их отцом минералогическое собрание известного саксонского минералога И.Ф. Генкеля[971].

Ранние акты благотворительности братья совершают, как правило, от общего имени, что понятно: до конца 1757 года личная собственность каждого невелика, возможности же в одиночку распоряжаться имуществом отца, имуществом пока общим, они лишены. В качестве примера назовем два денежных пожертвования Московскому университету, сделанных Демидовыми: одно — к его основанию (13 тысяч рублей), другое — немного позднее (8 тысяч)[972]. В источнике жертвователи указаны только по фамилии (Демидовы). Полагаем, что это были братья Акинфиевичи, к тому времени еще не разделившие наследство и потому выступавшие коллективно.

В начале 1820-х годов во исполнение распоряжения министра народного просвещения графа А.К. Разумовского в Московском университете появились две доски «для всегдашней памяти» о его благотворителях. На первой из них золотыми буквами были написаны имена трех братьев Демидовых[973].

После раздела благотворительная деятельность братьев, в том числе в пользу науки и просвещения, продолжалась уже самостоятельно. В наибольшей степени проявил себя в этой сфере Прокофий Акинфиевич (по-видимому, абсолютный лидер среди Демидовых в этой деятельности), но наиболее известные и крупные его благотворения (Воспитательному дому, университету) относятся уже к екатерининской эпохе.

В детях Акинфия Демидова впервые в этом роду видим покровителей наук и просвещения. В свое время их отец, человек в некоторых отношениях вполне просвещенный, и уж точно не обскурант, скептически отнесся к обучению «обывательских» детей при частных заводах, которого добивался Татищев. И добился-таки решения «учить читать и писать охотников, а в неволю не принуждать»[974]. Дети Акинфия по мере сил помогали становлению первого российского университета. Внуки, продолжая эту работу, попытаются открывать новые.

* * *

Осколки «ведомства Акинфия Демидова» можно сравнить с эллинистическими государствами, возникшими после смерти Александра Македонского. Обосновавшиеся в своих «частях» Акинфиевичи в чем-то подобны воцарившимся диадохам, бывшим военачальникам блистательного полководца. В истории Древнего мира распад той великой империи особенно четко отграничил культуру классической Античности от культуры эллинизма (при всей их преемственности). Новое поколение Демидовых, по привычке считая домны и ревизские души, даже не замечало, как стремительно погружалось в новую эпоху. Прошло совсем немного времени — и чудо преображения свершилось. Вчера еще отпрыски отцовского ствола, теперь они иные, причем *разные* иные. Мы покидаем их далеко от конца жизненного пути. Исключая умершего в 1761 году Григория Демидова, им еще предстоит без нас дораскрыться. Но уже сейчас, на рубеже 60-х, каждый из них проявил себя так, как едва ли бы смог при отце.

Глава 12.
НИКИТА ВТОРОЙ И ЕГО СЫНОВЬЯ

Никита Второй при жизни Первого

О начальных годах жизни младшего сына Никиты Демидова не известно ничего. Не знаем не только даты — даже года его рождения. Да и взяться дате неоткуда. Ее могла бы отразить надгробная плита — она отсутствует, могли бы письма — эпистолярий Никиты скуден.

Кажется, первый документ, прямо его касающийся, — запись от 23 марта 1711 года, перечисляющая имущество, отданное ему отцом при отделении[975]. Никита к тому времени был женат (упомянуто платье жены, купленное на средства родителя). Родился, стало быть, никак не позже первой половины 1690-х годов. В сказке первой ревизии, датированной августом 1723 года, упомянуты двое его сыновей. Старшему из них 16 лет[976], из чего заключаем, что тот появился на свет около 1707 года. Это позволяет уточнить хронологический интервал, к которому относится рождение его отца, — не позднее 1688 года[977]. Более позднее рождение маловероятно, несколько более раннее (но в границах 1680-х годов) — вполне возможно.

Сведения, где и чему учился Никита, отсутствуют. Как и братья, грамотой он владел — сохранившиеся автографы многочисленны.

Тульский завод строился отцом на глазах Никиты, и, несомненно, именно на нем получал он практические знания в области металлургии, здесь же приобретал опыт управления. Первые известные нам собственные его предприятия — переданные отцом при отделении Перевидские винные заводы[978]. Первое же металлургическое предприятие — купленный тоже у отца в 1719 или 1720 году полуразрушенный Дугненский завод, отстроенный вскоре на новой площадке.

Что за отношения складывались у вступавшего во взрослость Никиты Никитича с Никитой Демидовичем — не очень понятно. Отец курсировал между европейской частью России и Уралом, в Туле подолгу не жил. Относящиеся к ней его планы менялись: простившись с нею, он в нее возвратился, восстановил утраченное положение (заметим, при участии сыновей). Сыновья (кроме Акинфия) все это время жили в Туле, здесь же с самого начала устраивая и свой бизнес. Их отношения с отцом были, несомненно, непростыми. Вот несколько событий одного, 1720 года, явно между собой связанных, но успешно скрывающих логику связи.

При покупке отцом у капитан-поручика графа Н.Ф. Головина нижегородского села Фокина с деревнями именно Никита 20

августа 1720 года по его приказу принял от продавца подписанную им купчую и расписался в ее получении, отметив, что покупатель «сам грамоте не умеет»[979]. Сын выполняет ответственное поручение отца, тот доверяет ему получить важный документ. Можно предположить, что их отношения были тогда «нормальными»,

О! Не всё так просто.

В том же году, 25 октября, комиссар Демидов дал в долг на полгода 200 рублей помещику Д.И. Лодыженскому. В обеспечение тот заложил мельницу в Алексинском уезде на речке Дугне «со всяким мельничным строением, и з заводом, и з землею». В этой, вполне рядовой сделке интересно то, что мельницей в то время пользовался младший из сыновей заимодавца: она была «отдана сыну ево Никите в наем во владенье». Скорее всего именно к ней, к ее плотине, был привязан его завод. На случай, если мельница не будет своевременно выкуплена, в договор вставлено обычное в таких случаях условие «ся ево закладная — и купчая», превращавшее заложенный объект в проданный.

Вспомним теперь, что покупать землю и деревни Никита-младший до 1721 года права не имел. С учетом этого в сделке можно усмотреть желание отца помочь ему завладеть нужной для промышленного строительства землей. Возможно, оформленная как заем сделка была замаскированной продажей. Заметим, кстати, что закладную у продавца, как и в предыдущем случае, забирал не комиссар, а младший сын. Не был ли он заинтересован в этой операции?

Мы не знаем, расплатился ли Лодыженский с Демидовым или расстался с мельницей. И, если второе, кто больше от этого выиграл. Сын арендовал землю теперь у собственного отца. Что, если тот этого и добивался? Не потому ли заимодавцем выступил именно он, а не сын? Следующий далее факт склоняет именно к этому предположению.

Уже отмечалось, что, чувствуя предпринимательский потенциал и зная бойцовские качества младшего сына, комиссар Демидов не пускал его на Урал. В декабре того же 1720 года Никита-старший подал в Берг-коллегию уже упоминавшуюся челобитную, наполненную обвинениями в адрес Никиты-младшего. Тот стремился на Урал, за речку Выю, «в пайщики» к брату Акинфию, не имея, по мнению отца, на то ни способностей, ни прав. Тем не менее лез, и это причинило «немалую турбацию». Отец просил утвердить закрепление недвижимой собственности за старшим. Комиссар пугал: «…буде они, дети мои Григорей и Никита, умыслом своим станут вымышлять на меня и на брата свого Акинфея… и которой на такое дело поползнетца, и за такое

ево непотребное дело будет тот сын мой проклят»[980].

Ну, это, понятно, были слова, не более. Что такого мог предпринять отец, что остановило бы младшего сына в его поползновениях? Нам кажется, на Дугне он это «что-то» и предпринял. Пытаясь завладеть землей, на которой строился или уже стоял *единственный* завод Никиты Никитича, Никита Демидович помимо прочего ставил под контроль активность настырного отпрыска. Если бы жалоба в Берг-коллегию не была услышана, если бы та допустила Никиту-младшего к медной руде на Вые, Никита-старший смог бы устроить сыну «веселую жизнь» на Дугне. В его способности сделать это «как надо» сомневаться не приходится — вспомним хотя бы, как он ставил на место попытавшегося присоседиться к нему на Тулице Ивана Баташева.

(С учетом сказанного еще раз вспомним уже надоевшую историю с землей под Верхотулицким заводом. Покупая ее для сына Григория, только ли помочь ему хотел отец? Не искал ли он также способ на многие годы обеспечить его лояльность? Правда, купчая на землю хранилась у Григория, но…)

Временно отступив в своих претензиях на кусочек уральского пирога, Никита Никитич концентрирует усилия в Центральной России. Инерция некоторое время сохраняется и после смерти отца. Он добивается разрешения расширить доменное производство на Дугне (возведя там вторую домну) и создать новое передельное предприятие на речке Брыни[981]. Вскоре задуманное осуществляет.

А в 1730 году удается зацепиться и за Урал. Зацепившись, освоиться. За Шайтанским заводом, пущенным в конце 1732 года[982], после десятилетней паузы последовали заводы Верхнесергинский (октябрь 1743 года) и Нижнесергинский (ноябрь 1744 года). Они находились в Уфимском уезде Оренбургской губернии на речке Серге, притоке реки Уфы, верстах в пятнадцати один от другого. В 1751 году в Исетской провинции той же губернии у екатеринбургского купца (выходца из Тулы) Якова Коробкова Никита-младший купил железный (в конце десятилетия ставший еще и медеплавильным) Каслинский завод на речке Касли. Позднее в той же провинции примерно в 40 верстах от него построил и в 1757 году пустил два завода на речке Кыштым, притоке реки Течи: доменный и передельный Верхнекыштымский и расположенный в трех верстах от него передельный Нижнекыштымский[983].

Компромисс своих и брата интересов, позволивший создать завод на Шайтанке, не означал, что трения остались в прошлом. Последовало новое охлаждение в отношениях. Каждый из братьев имел друг к другу серьезные долговременные претензии. По ситуации они могли отходить на второй план. Но именно они определяли обычный, «нормальный» для них характер отношений. Всплывали старые обиды — формировалось ожидание новых.

В восприятии Никиты старший брат был человеком, владевшим неправедно отнятым у него имуществом. Он мог исправить отцовскую ошибку — не исправил. Позже вознесся, и спорить с ним стало совсем невозможно. «А по смерти родительской, — пишет Никита в 1748 году М.И. Воронцову, — как усилился брат мой у Регента, тогда и поминать было невозможно; только дал десять тысяч рублев, о чем я и в проезд Киевской Всемилостивейшей Государыне в доме своем доносил, при чем и ваше Сиятельство быть изволил, на что изволила в то время о сем веселиться, и при том изволила сказать: что ты ныне молчишь? Да как было думать и просить на него? В какой он силе был!»[984]

Никита рискнул коснуться деликатной темы в разговоре с императрицей, и это было в ее «проезд Киевский» (1744), то есть когда Акинфий находился на вершине могущества и императрица его во всем защищала. Можно представить, как глубоко сидела в

его сердце эта заноза.

Примерно к тому же времени (начало 1740-х годов) относится поданное в Сенат прошение Никиты, в котором личная обида прикрыта соображениями введенной в моду Петром I общенародной пользы. Никита писал, что его брат «имеющияся ево в Сибире заводы разорил, и по смерти отца их как в военных припасах, так и в железе и в народной продаже великое в цене повышение имеет»[985].

Акинфий в отношении Никиты тоже никак не мог успокоиться. Брат продвигался на Урал, и по ходу движения поводов для конфликтов не убывало. К тому же Никита был не рядовым конкурентом. Вроде бы и смирившийся с его успехом Акинфий помнил политику, которую проводил отец. На усилия младшего брата упрочиться под боком у старшего последний отвечал, и по временам резко. Очередным яблоком раздора стал завод, строившийся Никитой на речке Баранче.

Вероятно, вскоре после того, как Акинфий добился указа о «собственной протекции» и защищении у императрицы, был составлен «Реестр нерешенным делам по прошениям действительного статского советника Акинфия Демидова в заводских и других делах и в чинимых от него другим заводчиком [и] от них ему обидах»[986]. Среди включенных в него заголовков дел есть отражающие его конфликты с братом. Самые ранние относятся к 1738 году — как видим, нерешенными они оставались шесть лет. Вот два образца:

«Репорт ис Канцелярии главного заводов правления о согнании от работ оным Демидовым строющагося Баранчинского брата ево статского советника Никиты Демидова завода работных людей; при том доношение из оной же канцелярии и экстракт о строении железных заводов на той же речке Баранче бароном Строгановым и статскому советнику Никите Демидову.

Доношение действителного статского советника Акинфея Демидова о недопущении брата ево Никиту Демидова за близостию к ево Нижнетагильским и Выйским заводам в построении на той речке Баранче того железного завода»[987].

Еще одно дело, связанное с этим конфликтом, было возбуждено по прошению сына Никиты Евдокима.

Были, однако, случаи, когда жизнь толкала к объединению усилий. Вспомним о согласованных их действиях в период Следствия о заводах. Тогда им жизненно важно было вести скоординированную политику и, отвечая на множество вопросов, друг другу не противоречить. Объединяла и борьба за привилегии.

Март 1744 года. Только что поднесший императрице

алтайское серебро Акинфий пользуется моментом и просит о важной для него льготе: чтобы «повелено было з заводов наших мастеровых и работных людей, равно как и при соляных промыслах определено, не ссылать, и которые явятца хотя и без пашпортов, генералитету переписать, и ис тех, кои явятца, ничьи крестьяне, яко волные и разночинцы, тех, потому что к заводским делам уже приобыкли, по силе выданной о ревизии[и] инструкцы[и] 16 пункта написать при заводех неотменно. То ж и тех, кои… при заводех надлежащему ко оным мастерству обучились, к помещиком не развозить, а по силе указу 725-го году *быть при заводех вечно,* а помещиком заплатить по пятидесят рублев за человека. Дабы от высылки и вывоски з заводов мастеровых и работных людей те наши заводы вовсе не опустошились, и оттого произходимои к ползе государственной с них интерес туне и к великому государьственному вреду и убытку не утратился, а мы потерянием на то всего своего иждивения и силы напрасно и в конец не разорились, и в вечной бедности и посрамлении не остались…»[988].

Местоимение *мы* в этом тексте — не описка. Прошение направлено от имени братьев — Акинфия и Никиты. То, с чем они обращались, не касалось защиты от «обид» — это была просьба об исключении из общего правила, фактически о привилегии. Полагаем, что присутствие подписи Никиты должно было показать, что поднятый вопрос выходит за рамки интереса отдельного лица, что он объективно значим и для других заводчиков-металлургов.

Прошение 1744 года — последнее известное нам свидетельство сотрудничества братьев в предпринимательской сфере.

«Ее императорскому величеству не противимся, да смерть себе от Демидова видим…»

Зацепившись за Урал и настойчиво укрепляясь на занятом плацдарме, Никита обращает внимание на заводы, принадлежащие ему в центре Европейской России. В дополнение к существующим он решает построить на речке Вырке в семи верстах от Калуги еще одно предприятие.

В 1739 году он покупает здесь у графа М. Головкина Ромодановскую волость, состоявшую из двадцати восьми сел и деревень с населением 2268 крестьян мужского пола. До Головкина волость принадлежала Ромодановским, а еще раньше (это важно для дальнейшего) была дворцовой[989]. 700 здешних крестьян Никита посылает на уральские заводы[990], остальных привлекает к работе на ближних предприятиях, в том числе заставляет строить завод на Вырке. Крестьяне, еще недавно зажиточные (по их словам, имели по десять лошадей и жили «во благополучии»), через пару лет поднимают бунт, а некоторое время спустя — еще один.

Столь же непросто втягивались в заводские работы крестьяне еще одной приобретенной им волости — Оболенской. Демидов купил ее в 1751 году у князей Репниных[991]. Когда для отказа владения Демидову туда прибыл секретарь Вотчинной коллегии, крестьянин деревни Черная Грязь Михаила Матвеев, которому были «приказаны» все волостные жители, «едино согласно со всеми крестьяны умышлением» отказывать себя не позволил. Сопротивляясь, крестьяне действовали якобы «по приказу ж прежнего помещика их», но, возможно, оказались заложниками родственной распри. «И в ту волость, — рассказывал на допросе один из крестьян, Федор Зайцев, — оного секретаря и с имеющимися при нем не впустили и до владения оного господина Демидова, обънадеясь на приказание означенного князя Репнина, не допускают». Больше того, по его подсказке крестьяне стали собирать деньги на выкуп. «И собрано со всех той волости с крестьян якобы на выкуп денег суммою пятнатцать тысяч. И те денги имеютца и поныне той волости каждой деревни у зборшиков»[992].

Поведавший об этом Зайцев рассказывал с чужих слов — сам он в это время был далеко, занимался извозом. Но вот челобитная демидовского служителя, составленная и поданная в Тульскую провинциальную канцелярию по личному распоряжению хозяина

14 августа 1751 года. Он начал с заявления, что о противных указам поступках купленных его господином крестьян, об «умышленном их отбывательстве» известно не только в Вотчинной коллегии, но уже и в конторе Сената. Сенат определил взять «тех противников» серпуховскому воеводе, но его представителю и посланному от Вотчинной коллегии секретарю с командой «крестьяне веема продерзостно со общаго согласия при посторонних понятых в отъвет сказали, якобы они у себе имеют писменное повеление от князь Николая княж Васильева сына Репнина, чтоб оного господина моего ни в чем им не слушать и до отказу себя не допускать».

Другой крестьянин той волости, приведенный в Московскую полицмейстерскую канцелярию, показал: «Крестьяне с общаго мирскаго согласия против оного господина моего веема умышленное возмущение ко отбывательству чинят, ревнуя наставлению и науком означенного ж князя Репнина служителя ево». Настроение общества характеризовал так: они «и поныне состоят в противностях злодейского умышления против господина моего и всякие происки чинят ко отбывательству. А между тем начальствующие той… вотчины старосты и выборные крестьяне с товарыщи тоя… вотчину безвинно разоряют, и от своей братьи последнею пажить, скот и протчее отнимают и продают, и великим принуждением денги собирают якобы на выкуп, отчего оному господину моему великое затруднение и знатные убытки происходят»[993].

Последовавшие за этим в 1752 году волнения в Ромодановской волости принадлежат к наиболее крупным в Центральной России того времени[994]. Остановимся на них, тем более что темы «заводчики и работные люди» прежде мы касались только вскользь и в других поворотах.

Жалобы на Демидова ромодановских крестьян однообразны, но далеко не легковесны. Он установил работы для всех — «до сущего младенца»[995]. На строительстве Выровского завода трудились без различия полов. У женщин от тяжкой работы случилось полсотни выкидышей, а благополучно рожденные младенцы без материнского присмотра умирали. Подушную подать за отправленных на заводы выплачивали крестьяне, сумма ее достигала полутора тысяч рублей. Демидов установил барскую пашню, которую засеивал крестьянскими руками и крестьянскими же семенами. Поскольку большинство крестьян в это время трудились на заводах, ее обрабатывали старики и женщины.

Особенно впечатляют описания применявшихся Демидовым к ослушникам и жалобщикам наказаний. По словам крестьян, он «производил прежестокие и мучительные пытки, подымая на

стряски, вкладывая в ноги великий и претежелые бревна, а [в] петли ж руки и ноги». Одного посадил «в поддомну, на руки и на ноги понобив тяжкие железы», другого, «заклав к плотине… уморил до смерти», третьего, «положа на железе, жег немилостиво». Крестьяне насчитали 20 человек, которых он «запытал до смерти», и еще 12 — «от страха» удавившихся и пропавших без вести. Больше двухсот человек погибло от мороза и голода. За «малое какое в деле неизправление» Демидов наказывал кнутом, после чего посыпал раны солью. Следующая пытка поражает своей изощренностью: заводчик сажает жертву «между домен в зделанную там им, Демидовым, тюрьму, которое выкопана в земли и выкладена камнем в вышину болея 6-ти сажен, и, накладывая на руки и на ноги, також и на шею 8-ми пудов цепь, и так в той преисподней морит безвинно»[996]. Не исключено, что кое-что крестьяне преувеличили (допустим, число пострадавших), но описания так богаты выразительными деталями, что картина в целом убеждает. Жесткость, с которой цегентнер Демидов пытался разговаривать с казенными кузнецами, обернулась жестокостью, когда на месте далеко не беззащитных оружейников оказались крепостные крестьяне.

Первый массовый протест ромодановских крестьян имел место в 1741 году. Для их усмирения была послана воинская команда. Крестьяне оказали ей сопротивление, и успешно: у солдат (25 человек) и поручика отобрали ружья, а их самих побили. Новая, более многочисленная команда одержала победу уже над крестьянами. После разбирательства двоих из них повесили, троих били кнутом и отправили в Сибирь для работы на казенных заводах, прочих причастных, наказав кого кнутом, кого плетьми, отпустили.

События 1752 года имели более значительный масштаб. Ранней весной в Ромоданове были получены два приказа Никиты Демидова, распорядившегося «всех той волости крестьян» отправить на Дугненский завод. Крестьянский сход постановил помещика не слушать и на работу не ходить, а просить об отписке волости в казну. Крестьяне, как видим, за три четверти века пребывания в статусе владельческих не забыли, что были когда-то дворцовыми. К тому же у них перед глазами был свежий прецедент: сопротивление заводчику крестьян Оболенской волости, настойчиво стремившихся не допустить их ему «отказа»[997]. Годом раньше они добились просимого: были включены в состав дворцовых. Ромодановцы отправились к ним за советом.

Осознавая возможность встречи с воинской командой, крестьяне решили подготовиться к ней: организовали занятия по

боевой подготовке. Их проводил отставной солдат: учил действовать дубинами, дрекольем и камнями.

10 апреля Никита Демидов объявил калужскому воеводе о вызванной неподчинением крестьян остановке Выровского завода и уходе их с других предприятий. Он опасался, что бунтовщики свяжутся с работниками на уральских заводах и бунт начнется и там. Воевода послал представителя, но того в деревню не пустили.

В середине мая к месту событий прибыл Рижский полк. Попытка, форсировав Оку, войти в село окончилась неудачей: полсотни крестьян с дубьем и рогатинами вышли навстречу, солдат не пустили.

Повторная операция, предпринятая 22 мая, оказалась еще менее успешной. На церковной колокольне ударили в набат, созвавший до полутора тысяч вооруженных чем ни попадя крестьян. Войска остановились, на переговоры вышел офицер, но уговорить не смог. Солдаты зарядили ружья пыжами без пуль, выстрелили. Крестьяне не испугались — перекрестившись на храм Божий и набрав камней, выступили в атаку. Войска потерпели «великую конфузию»: командир отряда полковник Олиц попал в плен. Его держали в заводской тюрьме, потом в хоромах Демидова в течение двух недель. Семь офицеров и 25 рядовых были тяжело ранены, число легко раненных приближалось к двумстам. Было захвачено 210 ружей, 180 шпаг.

Команду усмирителей увеличили: к Рижскому прибавился Киевский полк, еще два двигались от Кашина. Насчитав по прибытии подкрепления без малого 1400 боеспособных солдат, воинский консилиум решил, что их все же недостаточно, поэтому постановил, устроив форпосты, ждать. Однако вскоре прибыло предписание, потребовавшее (со ссылкой на изустное повеление императрицы) самых решительных действий: стрелять по восставшим из пушек, жечь их дома и «всею командою бить».

11 июня наступление началось. Войска подошли к перевозу. Стоявшие на другом берегу крестьяне кричали: «Мы Ее императорскому величеству не противимся, да смерть себе от Демидова видим, а к нему, Демидову, в руки не идем». Паромы отчалили, крестьяне обрубили канат. Одна рота села на мель, другая с помощью шестов кое-как добралась до берега, но высаживаться не спешила — стреляла с воды. Крестьяне не уходили. Командир на высадку так и не решился, ограничился посылкой в село очередного увещевателя. Крестьяне стояли.

19 июня попытка была повторена. Оку форсировали два полка. Запылали деревни, была объявлена атака. Только теперь крестьяне, ощутив скорую «погибель», дрогнули, из села вышли.

Сразу было схвачено 200 человек, позже число задержанных достигло 674 человек. Восьмерых приговорили к смертной казни, но Сенат наказание смягчил, заменив ссылкой в Сибирь и работой там в кандалах на хозяйских заводах. Остальных ожидали кнут и плети.

Голос ромодановских крестьян долетел до властей, когда пик противостояния был уже позади. Свою челобитную они размножили в двадцати экземплярах и, раздав гонцам, отправили в Петербург. Многократное дублирование должно было повысить надежность операции. Достигли цели трое. Одного в столице арестовали, двое добрались до Царского Села, и, может быть, их экземпляр прошения попал к императрице. Во всяком случае, она о нем знала: 23 июля А.Б. Бутурлин объявил ее требование Сенату эту челобитную рассмотреть.

Суровое наказание не остановило протеста. В декабре 1752 года огонь вспыхнул вновь, на этот раз — среди крестьян, занятых на рудокопных работах. Они их оставили, покинули рудники, а некоторые отправились в свои деревни — как предполагал Демидов, «видно де, что оные соглашаются в прежней свой бунт». Рецидив удалось нейтрализовать в самом начале, трое, признанные зачинщиками, после наказания кнутом были отправлены в заводскую работу на Урал[998].

Вопрос, чьей кровью и потом оплачены богатства Демидовых, вставал неоднократно. В советское время ответ на него казался настолько очевидным (крепостных крестьян, разумеется), что его даже не слишком настойчиво искали — искали скорее яркие факты, его подтверждающие. Ромодановское восстание советским историкам пришлось особенно по душе, поскольку факт чудовищного внеэкономического принуждения был здесь налицо, к тому же он представал в разнообразных формах (был тут и частичный отрыв крестьян от земледельческих занятий, и широкое применение женского и детского труда, и бесчеловечные мучения крестьян на заводской каторге), к тому же — в сопровождении естественной на него реакции угнетенных[999].

Прошли годы. Образы Демидовых переписали, превратив из кровопийц в государственников, патриотов, меценатов, благотворителей. Объяснение их отношения к крестьянам («только дешевый крепостной труд мог обеспечить им прибыль»[1000]) кое-кем воспринималось в качестве оправдания.

А как же с насилием и жестокостью — были они? Нет? Оговорили благодетелей Отечества?

Было, многое было. Документы, как их ни перечитывай и ни перетолковывай, свидетельствуют об этом ясно и определенно. Современным представлениям о гуманизме и правах человека

социальные отношения в царстве Демидовых явно не соответствовали. Соответствовали другим, для той эпохи многими считавшимся нормальными. Что ж, такова общая наша история, общая биография. Глядя из XXI века, бессмысленно судить русский бунт и тех его современников, кто гасил страшный пожар.

Обретя право знать правду, мы получили и тяжкое обременение: не забывать о ней.

Никита Демидов vs Александр Шувалов, или Как хоронили и как спасали подмосковную металлургию

В середине 1750-х годов Н.Н. Демидову пришлось столкнуться еще с одной опасностью, которая едва не погубила его предприятия в центре Европейской России. Ситуацию породил сенатский указ 1754 года о ликвидации заводов вокруг Москвы. Содержавший распоряжение, публично обоснованное заботой об охране природной среды, этот законодательный акт интересен, помимо прочего, огромной ролью в его появлении и реализации обстоятельств, очень далеких от экологии, проявлением действия субъективного и объективного начал.

Импульсом, инициировавшим подготовку указа, послужило вскользь брошенное «рассуждение» императрицы Елизаветы Петровны. 11 мая 1744 года при посещении Правительствующего Сената она заметила, что для сбережения лесов вокруг Москвы здания в ней следовало бы строить не деревянные, а каменные. Подхватив и развив тему сбережения, Сенат в тот же день определил обратиться в разные ведомства за справкой, сколько вокруг Москвы имеется заводов, которые, как и строительство, поглощают драгоценную древесину. Железных вододействующих (или, как тогда говорили, *водяных)* и минеральных их «открылось» семнадцать. Реальных действий, направленных на уменьшение наносимого ими вреда, предпринято тогда, однако, не было. Резонное беспокойство и разумное предложение императрицы последствия для подмосковной промышленности повлекли только спустя десять лет. За это время и лесов стало меньше и, что в данном случае важнее, список металлозаводчиков России пополнился новым для него именем генерал-аншефа, ее императорского величества генерал-адъютанта, действительного камергера, лейб-компании поручика и кавалера графа Александра Ивановича Шувалова.

Приобщение Шувалова к кругу металлургов-мануфактуристов происходило постепенно — словно он входил во вкус этой деятельности и наконец вошел. Сначала он захватил заводы, принадлежавшие Вахрамею и Петру Меллерам, позже предпринял интервенцию, объектом которой явились предприятия братьев Мосоловых. При этом вторую победу фактически извлек из первой. Шувалов ловко зацепился за старую конфликтную ситуацию, в свое время поссорившую Меллеров и Мосоловых. Первые из-за трудностей с топливом пытались не

допустить строительства вторыми нового завода. Хлопоча в 1734 году о запрете, они ссылались на то, что приносят государству большую пользу — производят продукцию военного назначения, в отличие от Мосоловых, намеревавшихся работать в первую очередь на рынок. Отношения накалились[1001]. Берг-коллегия Меллеров не поддержала, на монополизацию производства в их руках не пошла и позволила Мосоловым построить завод на реке Шане. Десятилетие спустя, в 1753 году, А.И. Шувалов, к которому к тому времени перешли заводы Меллеров, попытался добиться закрытия мешавшего ему Архангельского завода Мосоловых в Боровском уезде на речке Луже. И своего добился! Потерпевшие поражение Мосоловы оставили победителю не только освоенную производственную площадку, но и все заводские постройки. Вскоре Шувалов, забыв про аргументы в пользу остановки завода, заявил о желании его восстановить. Впрочем, получив под это беспроцентный кредит в 12 тысяч рублей, намерения не осуществил[1002].

Пересчитывавших убытки Мосоловых ожидал еще один, более страшный удар. Он был нанесен в ходе кампании, развернувшейся вскоре под лозунгом сбережения лесов.

22 августа 1754 года[1003] в Берг-коллегию поступил указ Правительствующего сената. Им было предписано «состоящия от Москвы в 200-х верстах… заводы… для сохранения лесов уничтожить, а имеющияся на них наличныя материалы в год переделать и более заготовлять не допускать». Под действие указа подпадали не только железные заводы, но также хрустальные и стекольные[1004]. Но именно металлургическая промышленность являлась важнейшим потребителем леса и именно ее в первую очередь имел в виду законодатель. В порядке исключения из сферы действия распоряжения выводились казенный Тульский оружейный завод и предприятия, принадлежавшие Шувалову: три завода, доставшиеся ему от Меллеров (Угодские в Малоярославецком уезде, Истинский в Боровском и Ментовский в Оболенском), и один — от Мосоловых (Архангельский в Боровском).

Список подлежавших уничтожению металлозаводов включал 13 предприятий (три братьев Мосоловых, по два Карасевых, Н.Н. Демидова и наследников Нарышкина, по одному Баташева, Ф. Мосолова, Золотаревых и наследников А. Демидова). Большинство из них находилось в границах провинций Московской губернии. Среди них было два завода статского советника Никиты Никитича Демидова: железный в Алексинском уезде на речке Дугне (располагался в 150 верстах от Москвы) и молотовой в Калужском уезде в Ромодановской волости на речке

Вырке (в 190 верстах)[1005]. Попал в список и Тульский завод наследников Акинфия Демидова, но он фактически уже не работал.

Ошеломленные заводовладельцы отчетливо осознавали, кому была выгодна забота о лесах, многим из них грозившая разорением. Несколько лет развивавшаяся у них на глазах предпринимательская деятельность А.И. Шувалова продемонстрировала, к чему он стремится и какими средствами добивается успеха. Указ 1754 года, нарушавший важнейшие положения петровской промышленной политики[1006], еще раз продемонстрировал умение Шувалова ставить и решать амбициозные задачи. Но те из промышленников, чьи заводы привлекли непосредственное внимание вельможи, лично в его адрес не высказывались. Лишь поздний, 1765 года указ Правительствующего Сената (конфирмованный императрицей его доклад), поставивший точку в этой истории, содержит откровенную и весьма нелицеприятную оценку деятельности покойного генерал-фельдмаршала. Впрочем, оценки личности избегает и он.

Как складывалась судьба подлежавших разорению заводов, можно проследить по сенатским определениям. Мнение Сената о заводах Н.Н. Демидова и его детей менялось. Вот определение от 12 мая 1755 года по его челобитью: Дугненскому и Выровскому заводам велено «быть по-прежнему в действии». Вот другие, от 7 сентября и 29 октября 1761 года по поданному в Берг-коллегию челобитью Шувалова: Выровский молотовой и при нем доменные заводы, построенные в 1759 году Алексеем Демидовым «вновь», «уничтожить и впредь не быть»[1007].

Можно выделить два этапа в борьбе неравных соперников — рядовых промышленников с нерядовым Шуваловым. На первом этапе затронутые указом металлозаводчики (Афанасий Гончаров, Евдоким Демидов, Родион Баташев, Илья Данилов, Максим Мосолов с братьями), аргументируя в чем-то сходно, в чем-то различно, пытались вывести свои заводы из-под его действия. Усилия некоторых возымели успех. Но уже в 1755 году их противник предпринял ответные шаги и, как результат, «продавил» ряд выгодных для него властных распоряжений.

Заводчики, предприятия которых попали в «черный» список, указ в целом, разумеется, не критиковали. Их усилия были направлены на то, чтобы добиться исключения из него своих заводов. Никакой стратегии у них не было — впрочем, может ли быть у выживания стратегия? Не было, собственно, и тактики, а была чисто физиологическая реакция схватиться, погружаясь в пучину, за что угодно, способное удержать на поверхности.

Выбирать, впрочем, не приходилось — соломинка была всего одна. Ею выступила производственная «привязка» к казенному военно-промышленному комплексу, основу которого в данном районе составлял Тульский оружейный завод. Несмотря на необходимость уступок (экономически невыгодных изменений в ассортименте продукции), пойдя на них, владельцы в кризисных условиях хозяйствования свои предприятия сохраняли.

Не отражающий долговременных потребностей, ситуативный характер этой адаптации вполне очевиден. Альянс с предприятием государственного военно-промышленного комплекса изначально носил камуфляжный характер. Оружейникам сотрудничество с местными заводами если и было интересно, то не столько в отношении железа, предназначавшегося на «оружейные вещи» (его хватало, вопрос стоял только о качестве), сколько в части «чугунных вещей»: срочного штучного литья на разного рода заводские потребности. Экономически не были заинтересованы в этой связке и металлозаводчики, предпочитавшие делать железо и работать с рынком.

Искусственный характер связи частных заводчиков с казенной промышленностью для времени после указа 1754 года особенно нагляден для крупного Дугненского завода. Последний все более специализировался на производстве передельного чугуна. Литье из него изделий было сведено к минимуму, в отдельные годы не производилось вообще. Налаживание технологического процесса исключительно для исполнения казенного заказа было сопряжено с трудностями и дополнительными затратами. Понятно, что Демидов не стремился к такому сотрудничеству. Выводя завод из-под удара, он пошел другим путем.

В качестве основных он выдвинул два аргумента[1008]. Дрова для завода не покупаются, а заготавливаются в собственных дачах приблизительно в 300 верстах от Москвы. Передел чугуна осуществляется вообще вне запретной зоны — в Мещовском уезде. Демидов показывал не только необоснованность закрытия Дугненского завода, но и то, что вместе с ним погибнет еще один завод, передельный, не наносящий вреда подмосковным лесам. Сенат указом, данным Берг-коллегии 23 мая 1755 года, велел объект освидетельствовать. Объяснения приняли. В том же году, в сентябре, определением Берг-коллегии работу на нем было разрешено производить по-прежнему[1009].

Не будучи, однако, уверенным в том, что приведенные аргументы сочтут достаточно вескими, хозяин Дугненского завода попытался разыграть и «оружейную карту». Но на истории

его отношений с казенным заводом имелось мешавшее сотрудничеству пятно: однажды Демидов отказался дать в Оружейную канцелярию свое железо для его там испытания. Почему так получилось — не ясно. Не исключаем, что заводовладелец испугался проверки — того, что его товар окажется хуже чужого. В доношении в Оружейную канцелярию Демидов давал, разумеется, иное объяснение. «Уже доныне, — писал он, — за 15 лет по пробам и в самом деле по мастерским свидетелствам оное, кроме сибирскаго, лутче других оказалось». Все дело в руде («ис худой руды никакой мастер доброты тому железу прибавить, какую она себе доброту содержит, не может»), а все эти годы руда, наилучшая по своей «доброте», берется им из одного места. Так читатель подводился к выводу, что железо, бывшее лучшим прежде, остается таким и сегодня. Впрочем, уверенно заявлял он, если Сенат все же соизволит «учинить» «достоверную оному пробу», взяв для сравнения образцы продукции разных заводов, то «пре[д] другими несравнителная оного доброта окажетца»[1010].

Выше мы отмечали, что Демидов не рвался отливать «оружейные вещи» для казенного завода в Туле. Судя по факту отказа дать туда металл на пробу, казна не представляла для него большого интереса даже в качестве покупателя основной продукции его предприятий — железа.

Демидов боролся за то, чтобы сохранить, что имел. Одновременно искал, как, оставаясь в рынке, работать в дальнейшем спокойно. Для строительства заводов нужно было выбирать более удаленные от Москвы площадки. Баташевы, поставленные перед тем же вынужденным выбором, в конце концов ушли осваивать места ниже по Оке. Демидов двинулся в противоположном направлении — на запад. В европейской части России он построил два новых передельных завода: Людиновский в Брянском уезде на речке Ломпадь (был пущен в ноябре 1756 года) и Есенковский в Мещовском уезде на речке Сентец (пущен в 1757 году)[1011]. Впрочем, успехом для него закончилась и борьба за Дугненский и Выровский заводы — в конечном счете их ему также удалось сохранить.

Металлозаводчики спасались кто как мог, проявляя в борьбе за жизнь вызывающее уважение упорство и изобретательность. А что же главный их гробовщик А.И. Шувалов? Он, как человек непосредственно в указе 1754 года заинтересованный, предпринимал энергичные усилия по его практической *реализации.* При этом осуществляя и даже расширяя предпринимательскую деятельность в районе, который предполагалось защищать от утраты лесов. Яркий пример —

упомянутое получение им производственной площадки, на которой еще недавно функционировал завод Мосоловых, во исполнение указа разоренный.

Жесткую оценку деятельности Шувалова дал подведший итог десятилетию действия указа 1754 года новый, 1765 года указ Правительствующего Сената. «Разбор полетов» в нем предваряет четко выраженная позиция по поводу частного промышленного предпринимательства: вопрос «ясно показывает, что от умножения заводов не только казенныя, но и государственная есть ползa». (Обратим внимание на разграничение в данной формуле двух этих «польз» — разграничение, далеко не всегда осознаваемое властью и еще реже ею декларируемое.) Берг-коллегии предписывается действовать с разбором. При рассмотрении прошений о разрешении строительства в случае, если оно может способствовать «истреблению лесов, а паче близ резиденции, где в тех болше других мест нужда требуется», велено «строить не допускать». Но если такие заводы уже «заведены и умножены, то, не доказав об них настоящей ползы и вреда государственнаго, ко уничтожению приступать не можно». Тем более недопустимо «уничтожа оные, отдать для возобновления». А ведь именно так и оказалось: «построенные в Московской губернии разные заводы у других заводчиков для збережения лесов уничтожены, а после те самые отданы, а иные якобы самоволно (то есть добровольно. — *И. Ю.)* от завотчиков во время уничтожения их графу Шувалову в одне руки уступлены». Сенат не обнаружил в этом ни казенной прибыли, ни общественной пользы. Напротив, усмотрел «казенной повсягодной убыток», поскольку раньше с перешедших к Шувалову заводов «с выплавленнаго чугуна десятина повсягодно в казну вступала», теперь же все состоящие за ним в Московской губернии заводы подати не платят. Больше того, поскольку его заводы были выведены из ведения Берг-коллегии, ведомости с них туда поступать перестали. Так что неизвестно даже, *«сколко за ним, графом Шуваловым, заводов состоит».* Сенат таких сведений не имеет, а если всё так и останется «и впредь иметь не может». Итак, рассужено Сенатом, «ежели он, граф Шувалов, столько, сколько уничтожено, себе заводов присовокупил или построел, то и *збережения лесов тем, что у других отнято, а ему во одне руки отдано, нимало не произошло».*

Сенат в 1765 году поставил под сомнение не только разумность действий, совершенных во исполнение указа 1754 года, но и законность самого указа: «…чтоб у прочих Московской губернии заводчиков, кроме ево, графа Шувалова, заводы уничтожить, высочайшаго… соизволения по делам совсем не

видно». Записанное рассуждение императрицы, на основании которого решено было «определение зделать о уничтожении реченных заводов, содержит в себе… то толко, чтоб леса зберегать деланием в Москве каменнаго, а не деревяннаго строения, а отнють не то, чтоб горные… заводы… уничтожить убытками и раззорением партикулярных людей». Сенат заключил, что «высочайшее словесное разсуждение», выступившее в роли первотолчка, *«совсем до горных заводов не касается»*.

Свои удары А.И. Шувалов направлял на заводы и заводчиков, предприятия которых мешали развитию его промышленного хозяйства или же вызывали интерес в качестве возможного его пополнения. Прочие заводы страдали из-за того, что подпадали под действие общего узаконения. Применявшиеся Шуваловым формы и методы конкурентной борьбы выходили за границы того, что практиковалось в предпринимательской среде того времени. Беспрецедентная свобода, которой он в качестве частного предпринимателя сумел для себя добиться (вспомним, что правительство не знало даже, «сколко за ним, графом Шуваловым, заводов состоит»), прецедента в истории металлургии в России, насколько нам известно, не имела. Соответственно, обстановка, которую эти условия порождали, не имела ничего общего со свободной конкуренцией.

Резко отрицательную оценку действиям А.И. Шувалова для судьбы подмосковной металлургии второй половины 1750-х — начала 1760-х годов дал Н.И. Павленко, писавший о «беззастенчивом использовании» им власти и положения при дворе, о шантаже и угрозах, применявшихся «распоясавшимся вельможей» в борьбе за прибыль. Анализируя его предпринимательскую деятельность, он не сумел обнаружить в ней «хотя бы одну черту, положительно повлиявшую на развитие металлургии России», а подводя итог, заключил, что «промышленность Подмосковного металлургического района обязана Шувалову сокращением производства, уменьшением числа предприятий, разорением ряда купцов и исчезновением их из списка предпринимателей»[1013].

Сказанное справедливо, и дальнейшие исследования скорее всего не изменят этот общий вывод. Но если не сводить всё к Шувалову, а сосредоточить внимание на содержании рокового указа, окажется, что столь же однозначно интерпретировать его невозможно. Природоохранный аргумент, способный показаться исключительно прикрытием корыстного интереса, на фоне всего, что известно о воплощении указа, таковым, по нашему мнению, все-таки не является.

Что подмосковная металлургия в XVIII веке испытывала

углублявшийся «дровяной кризис», на страницах этой книги говорилось не раз. Но на момент обнародования указа большинство из предприятий переживало трудности еще и с обеспечением производства рудой. В дальнейшем они нарастали. Совокупное действие этих факторов привело к тому, что некоторые из заводов (Тульский Демидовых, а потом и *все* на Тулице), избежав принудительного закрытия, остановили работу естественным образом. С отменой тепличного режима в сложном положении оказались и подмосковные заводы Шувалова. При обследовании присланным от Берг-коллегии шихтмейстером принадлежавшего его вдове Угодского завода выяснилось, что руда в рудниках «давно пресеклась», леса также полностью истреблены. Последняя плавка на заводе имела место в 1766 году. 13 лет спустя, по результатам обследования, выявившего бесперспективность попыток восстановить завод, домны на нем разрешили сломать[1014].

Как видим, указ 1754 года отразил тенденции развития подмосковной металлургии несколько парадоксальным образом. Будучи экологически мотивированным чисто формально (в докладе Сената от 5 августа 1765 года сомнительность его лесоохранной эффективности была и высказана, и аргументирована), он тем не менее абсолютно точно указал на одну из причин болезни, которая в самом скором времени оставила от подмосковной металлургии жалкие остатки былого ее великолепия.

«Стараниями Шувалова, — писал Н.И. Павленко, — было разрушено 10 подмосковных заводов»[1015]. Действительно, много: при поверхностной прикидке приблизительно половина от их числа за 1754 год. Историк, писавший об этом 200 лет спустя (в эпоху безусловного доминирования в экономике интересов тяжелой промышленности), оценивал это крайне негативно. Задумаемся, однако: сколько бы леса осталось потомкам в нынешней Московской и соседних областях, если бы они продолжали действовать? Экономика страны от закрытия этих предприятий в целом не пострадала: заводы других металлургических районов, прежде всего уральские, возместили потери, связанные с закрытием подмосковных заводов. Больше того: возник новый Приокский металлургический район, созданный стараниями переместившихся сюда после указа промышленников[1016].

Или нас смущает то, что корыстные интересы привилегированного предпринимателя совпали с тем, что в интересах «общенародной» пользы следовало сделать еще раньше? Но разве лучше было бы, если бы они разошлись и новая

география промышленности не замедлила, а ускорила концентрацию негативных последствий потребляющей природные ресурсы деятельности человека?

Трудившийся на ниве промышленного предпринимательства столь же настойчиво и долго, как Акинфий, и не меньше его преодолевший трудностей Никита Никитич Демидов — каких успехов добился он в результате? Итоги его промышленной деятельности впечатляют: 11 построенных (таких большинство) и приобретенных заводов. Результат скромнее, чем достигнутый Ахинфием (18 предприятий). Но с учетом того, полагал Н.И. Павленко, что младшему брату «пришлось самому создавать производственную базу на Урале и преодолевать сопротивление своих ближайших родственников… его успехи следует признать значительными»[1017]. Полностью разделяем этот вывод.

В Акинфий комиссар Никита Демидов обрел идеального сына — в смысле: идеальное продолжение себя. К тому же Акинфий был старшим. Это позволяло начать подготовку преемника без потери драгоценного времени. Но не менее «идеальным» оказался, по нашему мнению, и младший сын — Никита Никитич. Как будто природа создала в его лице запасной элемент, дублирующую цепь, которой предстояло сработать в случае осечки с основным. Случилось так, что резерв не понадобился.

Не получив царства на блюдечке, Никита Никитич Демидов создал его своими руками.

Жизнь в Туле и не в Туле

Основным местом пребывания Никиты Никитича на протяжении большей части его жизни оставалась родная Тула и — некоторое время — ближайший к ней Дугненский его завод. Тульский дом Никиты находился в Оружейной слободе[1018], семья состояла в приходе Николо-Зарецкой церкви[1019]. Здесь мы встречаем его вплоть до начала второй половины столетия[1020] — времени, когда потомки его старшего брата родину уже покинули.

В Туле, городе, где помнили его босоногим мальчишкой, одворянившийся и все более богатевший Никита Никитич испытал немало унижений. Здесь долго не могли смириться с изменениями его статуса и показывали ему это. Статус постепенно повышался, но не так быстро и радикально, чтобы защитить от обидчиков. А унижения Никита терпел отнюдь не равнодушно. Вот любопытное свидетельство, относящееся к времени, когда его ранг вырос, в сравнении с исходным, до небес: до статского советника (это произошло в 1742 году, в один год с

пожалованием Акинфию действительного статского).

12 августа 1745 года. К Никите Никитичу в тульский его дом направляется посланный из провинциального магистрата капрал Родион Акинфиев. Несет «повестное» письмо. За два месяца до этого Демидов подал челобитную на служивших у него в приказчиках братьев Копыловых, которые, по его утверждению, не отчитавшись перед ним в расходах, бежали. Двое Копыловых были схвачены, сидели под караулом. Письмо из магистрата требовало, «чтоб по поданной от него… исковой челобитной для произведения суда хождение имелось». Капрал пришел, попросил, чтобы его благородию доложили. Для порядка придержав в ожидании, посланца допустили во двор, где находился Демидов. Акинфиев объявил повестное письмо. Никита читать не стал, заявил: «Я де знаю, зачем ты пришел». Тот принялся излагать поручение устно. Демидов выслушал, потом ударил по лицу, после по затылку. Сказал: «Пошел де ты, и впредь не ходи. Чтоб де я вас не видал. Сам бы де Фома Лугинин по мне пришел — я де брегодир, а он мужик»[1021]. Остается добавить, что «мужик» Лугинин — тульский купец, в то время бургомистр Тульского магистрата, именем которого скорее всего было подписано письмо Демидову. Так-то: пускай бумаги ко мне носят лично бургомистры. Под стать речам и обстановка, и дом, куда даже представителя власти не сразу пускают, а пустив, по настроению могут и побить.

Середина 1740-х годов, к которой относится этот эпизод, — время, когда место в мире было Никитой Никитичем завоевано и утверждено. Кому-то что-то доказывать давно уже не требовалось. Статский советник для Тулы — фигура. (Бургомистра обхамил? Это даже не по злобе — от простоты нравов.)

Утвердив себя в Туле, Никита Никитич отрегулировал отношения с родственниками по линии брата.

Впрочем, в длинной истории раздела имущества Акинфия Никитича был эпизод, в котором Никита попытался из свидетеля событий стать на время действующим их лицом. Уже цитированное письмо М.И. Воронцову писалось не для того, чтобы облегчить страдания, поплакав вельможе в жилетку. Никита обращался к вице-канцлеру за помощью отнюдь не психологической. При его посредстве он надеялся повернуть назад колесо истории и посчитаться с внуками за обиды, нанесенные ему их предками. Читаем: «И я, государь мой, имею у себя пропитание довольное; однакож всякой может рассудить, что своего напрасно отнятого жаль. А ныне я известился, что велено им (сыновьям Акинфия. — *И. Ю.),* по всемилостивейшему приказанию Государыни Императрицы Елизаветы Петровны,

разделить на три части равными частями, которое разделение они между собою и расписали и подали в Кабинет. А оные пожитки, заводы и деревни еще отца моего, А я яко бы в том отеческом имении и неучастник, яко бы они разделяют отца своего пожитки; а отец их по смерти отца нашего, одним словом сказать, и ничего не прибавил, кроме медных заводов и Царево-Кокшайских деревень. Как же, государь мой, совести моей, видя такое грабление, спокойной быть! И невозможно ли Вашему сиятельству, милостивому государю моему, о сем доложить Всемилостивейшей Государыне, дабы и я в отеческом своем по Вашей высокой милости участник был.

Заставь, Государь мой, за себя вечно Богу молить и вечным рабом быть с детьми своими. И ежели, Государь мой, на то Ваше соизволение будет, то я и сам туда приеду для сего, если изволите доложить Всемилостивейшей Государыне прежде конфирмования и разделения их.

Что же рассудить до содержания заводов, то, государь мой, всякой может рассудить, что я с детьми своими, одним словом сказать, содержу лучше во сто крат и для пользы государственной»[1022].

Исправить прошлое, изменив завещание основателя династии, Никите Никитичу не удалось. В конечном счете он с этим смирился и в дальнейшем поддерживал добрые отношения с племянниками. Дядя даже помог им с разделом тульского имущества. Он переписывался с Прокофием, возможно, из братьев наиболее близким ему (тот прочнее всех был связан с Тулой, подолгу жил в ней). Из Никитиного письма к нему от 8 января 1761 года узнаем, что раздел тульских «пожитков» близится к завершению. Но «делитель» Полонский[1023] не хочет класть в раздел найденные в тульском доме шесть тысяч рублей — он полагает, что правильнее отдать их в Тульскую счетную контору на жалованье и расходы подьячим и ему, Полонскому Кроме того, он собирается передать хранящиеся в Туле важные документы и дела не Прокофию, как ранее договорились братья, а в Берг-коллегию. Развязать узлы берется Никита Никитич. Во-первых, сообщает Прокофию об ущемляющих интересы племянника намерениях Полонского. Во-вторых, спорит с Полонским, доказывая ему, что тот действует, нарушая документ, утвержденный императрицей. В-третьих, удерживает доверенного человека Прокофия Никиту Романова от подписания бумаг (к чему его принуждает Полонский). Характер обращения к племяннику («Ваш, Государь мой, покорной слуга и дядя») и общий тон письма (заключительная фраза: «И на сие воля Ваша, буду ожидать от Вас приказу») демонстрируют более чем

доброжелательные отношения корреспондентов[1024]. Время распрей между ветвями демидовского клана, похоже, миновало.

Хотя основным местом жительства Никиты оставалась по-прежнему Тула, человеку с его занятиями и заботами без посещения столиц было не обойтись. Образ жизни в них должен был соответствовать статусу.

В Петербурге до середины 1730-х годов собственного жилища у Никиты, похоже, не было. Летом 1735 года строить здесь каменный дом повелела ему сама императрица, указ которой 26 июня объявил генерал-полицмейстер В.Ф. Салтыков. Для строительства было приказано «Демидова к строению выслать самого на срок». На выбор было предоставлено несколько пустых мест по берегу реки Невы ниже Исаакиевской церкви. Позже указ был подтвержден и объявлен через члена Кабинета министров П.П. Ягужинского. Вопрос предписывалось решить при участии Главной полицмейстерской канцелярии[1025]. Участок Демидову определили, но он на нем не задержался. 28 мая следующего года императрица распорядилась закрепленное за ним место (уточнено: «на Адмиралтейском острову на берегу Невы-реки») отдать советнику Нарышкину, а Демидову и еще одному застройщику выделить другие — на той же береговой линии, там, где имелись незастроенные места князя Борятинского и умершего графа Ф. Скавронского[1026]. По данным Е. О. Красновой, участок Н.Н. Демидова располагался на нынешней Английской набережной[1027].

Когда петербургский дом был построен — не знаем. Но в 1744 году собственное жилище у Никиты Никитича в Северной столице, несомненно, уже существовало. Усадьба, помимо прочего, служила и бизнесу: в находившемся на ней амбаре хранили железо, поступавшее в Петербург с Гжатской пристани[1028].

Собственный дом был у него и в старой столице. Он находился (сведения 1752 года) «за Москвою-рекою, у Живого мосту, в приходе церкви Божий Софии Премудрости»[1029]. Из немногочисленных московских церквей с таким посвящением подходит единственная — в Средних Садовниках (Софийская набережная, 32). Расположенный поблизости наплавной мост именовали Москворецким[1030]. Примерно на этом месте находится существующий сейчас каменный мост с таким названием.

Обратим теперь внимание на одну деталь в цитированном письме Никиты Никитича М.И. Воронцову 1748 года. Он пишет, что об обиде на брата из-за неправильного раздела наследства «в проезд Киевской Всемилостивейшей Государыне в доме своем

доносил, при чем и ваше Сиятельство быть изволил». О каком доме идет здесь речь? В июле 1744 года Елизавета находилась в Москве, где праздновала мир со Швецией. В начале августа заезжала в Тулу в гости к Акинфию Демидову. Если Никита подразумевает именно этот «проезд» (а не перемещение в обратном направлении — через Тулу в Москву), то более вероятным нам кажется посещение императрицей его московского дома. Вспомним, как за 15 лет до того он, тянувшийся хотя бы прикоснуться к высшей власти, одалживал деньги на охотничьи развлечения Петра II. Теперь он, уже статский советник, до нее дотянулся — принимал у себя императрицу и виднейших ее сановников.

Дата смерти Никиты Никитича неизвестна. В литературе указывается 1758 год[1031], но, судя по упоминаниям в более поздних документах, очень вероятно, что он прожил еще несколько лет[1032]. Нет сведений и о месте погребения. Учитывая тесную связь Никиты с родным городом на протяжении всей его жизни, можно предположить, что он был похоронен в родовом склепе Николо-Зарецкой церкви рядом с отцом, братом и дочерью.

Братья Никитичи, их университеты

Супруга Никиты Никитича происходила из рода тульских купцов Постуховых, звалась Анастасией Герасимовной. Она принесла мужу шестерых доживших до зрелых лет потомков: пятерых сыновей — Василия, Евдокима, Ивана, Никиту, Алексея и дочь Татьяну.

Сыновьями Никиты Никитича родоведы пристально не занимались. Для периода, когда был жив отец, известных фактов о них меньше — при нем дети пребывали в его тени, выступали исполнителями отцовской воли. Биографий из этих лоскутков не сшить.

Детство сыновей прошло в Туле и на заводах. Евдоким, возмужав и народив собственных отпрысков, организует обучение их грамоте, поручив дело дьячихе. Можно ли думать, что сам он имел более квалифицированных учителей?

А вот с делом Никитичей знакомили основательно. Естественно, школой выступали заводы отца. Полной картины профподготовки, разумеется, не имеем, но единичные свидетельства показательны. Сообщая в 1733 году сведения о главных приказчиках на Брынском заводе, Никита упомянул, что там «также были дети ево, Василей и Евдоким, по нынешней год». Один из заводских работников подчеркнул: «…более де при том

заводе бывал означенного Никиты Демидова сын Василей Демидов». Он принимал даже кадровые решения: когда завод покинул один из приказчиков, Василий «определил смотрение иметь ему, Савину (Савве Алексееву — *И. Ю.),* да крестьянину ж Павлу Иванову; и были они на том заводе при нем, Демидове…»[1033].

Василий выступил главным помощником Никиты в самом важном для него проекте начала 1730-х годов — в проникновении на Урал. Никита сделал главное: выбрал место на речке Шайтанке и в упорной борьбе с братом добился его за собой закрепления. Приехав на Урал осенью 1732 года[1034], он некоторое время лично поруководил строительством плотины, домны и молотовых. Но важнейшее событие, пуск домны, происходило, вероятно, в его отсутствие[1035] — если так, то им руководил оставшийся на заводе Василий. Неслучайно первое предприятие Никиты Никитича на Урале, доменный и передельный Шайтанский завод, будут называть еще и по имени сына Васильево-Шайтанским.

Как видим, в 1730-х годах Василий Никитич живет то на одном, то на другом отцовском заводе, перемещаясь между центром Европейской России и Уралом. Независимостью он не обладает, от отцовского хозяйства не отделен. Его семья до конца этого десятилетия числится в приходе тульской Николо-Зарецкой церкви[1036], сам он живет здесь, вероятно, в отцовском доме.

В произведенном в 1758 году прижизненном разделе отцовского имущества Василий Никитич не участвует, в связанных с ним документах он не упоминается. Долгое время внезапно оборвавшаяся биография Василия притягивала интригующей загадочностью. В родословии, составленном одним из Демидовых в начале XX века, сообщалось, что он уехал в Америку, где положил начало новой ветви этой фамилии. Так и считали, и лишь недавно удалось установить, что причина исчезновения упоминаний о нем прозаичнее: не позднее 1748 года Василий умер[1037].

Столь же надежный помощник отца вырос и из Евдокима, родившегося в Туле 29 июля 1713 года[1038]. Повзрослев, он проявил многие качества, необходимые для успешных занятий предпринимательством: интерес к делу, энергию, наличие необходимых знаний и технического опыта, навык организатора, наконец удачливость. Документы свидетельствуют об активном участии Евдокима в управлении Дугненским заводом, на котором он подолгу жил.

Как и Василию, отец вполне доверял Евдокиму, давал ему ответственные поручения. Выше упоминались спорные дела,

связанные с конфликтом братьев Акинфия и Никиты вокруг строительства последним завода на речке Баранче. Вот заголовок еще одного дела 1738 года: «Прошение статского советника Никиты Демидова сына ево Евдокима о охранении их от обид и раззорения дяди ево упомянутого Акинфея Демидова и о достройке им того Баранчинского завода»[1039].

В 1740 году именно Евдоким вел строительство Выровского завода, в связи с чем именно на него иногда указывают как на основателя предприятия[1040].

Участвовал он и в борьбе Демидовых за спасение Дугненского завода после указа о закрытии предприятий вокруг Москвы. В поданном в Сенат прошении Евдоким отмечал, что ущерба ближайшим лесам завод не наносит, поскольку уголь доставляется издалека. Сообщал о больших запасах сырья на заводе. Подчеркивал высокое качество вырабатываемого из его чугуна железа, которое «против других тутошних заводов, кроме сибирского, явилось способнее» для изготовления оружия, а следовательно, представляет интерес для Оружейной канцелярии[1041]. Обращал внимание на то, что ликвидация предприятия потянет за собой закрытие связанного с ним Брынского завода. Убежденный им Сенат в мае следующего за «роковым» года принял отвечающее интересу просителя решение: если его утверждения подтвердятся (выяснить это должна была Берг-коллегия), «те заводы по-прежнему производить им, Демидовым, дозволить»[1042].

Подписанные Е. Н. Демидовым прошения и донесения в Сенат присутствуют и среди документов начала 1750-х годов, связанных с волнениями крестьян Ромодановской волости[1043].

Пара Никита Никитич и сын Евдоким отчасти напоминает другую, смещенную в родословцах на поколение вниз: основателя династии Никиту Демидовича и его сына Акинфия. Они помогают друг другу, одновременно закрепляя и развивая персональный управленческий и технический опыт.

Жребий брошен

23 октября 1758 года Никита Никитич надиктовал завещание. Вот как он итожил в нем свои «прибытки»: «Имею я недвижимое и движимое свое имение, нажитое, покупное и заведенное мною, железныя заводы и полатняныя фабрики, состоящия в разных губерниях, правинцыях и других городах и местах, и при тех заводах и фабриках поселенных купленых крепостных и разного звания мастеровых и работных людей, и приписных к тем заводам по указом крестьян, да купленныя мною ж разныя вотчины, и

деревни и земли и протчия угодья каменныя и деревянныя двары, состоящия в разных же губерниях и правинциях и других городах и местах».[1044]

Никита искал, как нанести этому немалому хозяйству наименьший урон, когда, а это неизбежно, он покинет сцену. Он мог воспользоваться чужим опытом. И воспользовался им.

Существовало два варианта решения вопроса: оставить хозяйство в общем пользовании или способствовать его разделению. 13 лет пребывания «ведомства Акинфия Демидова» в собственности трех братьев и сопряженное с этим совместное им управление (в котором сами братья, не имея на то прав, участия не принимали) продемонстрировали, кажется, все недостатки такой схемы. Казалось, опыт настойчиво убеждал: хорошего от компании собственников, даже и родственников, ждать не приходится[1045]. Вот как сам Никита сформулирует позже эту мысль в духовной: «…Во общем содержании не всяк равно радеит, а заводы всегда должно содержать в прилежном и добром неусыпном смотрении и усердном прилежании, чрез что всякой хозяин, яко главной в своем имении… и не имея з другими общества, должен будет лутчее старание и чрез то ревность и попечение иметь всегда без сумнения, нежели с кем-либо в том какия расприи или споры видеть, но всегда с покоем от того останетца»[1046].

Укрепившись в этой мысли, Никита решил разделить имение еще при жизни, причем так, чтобы желания переделить не возникло. Определить закрепление заводов за конкретными лицами решил с помощью максимально обезличенной и беспристрастной процедуры — с помощью жребия.

К моменту составления завещания его имущество «по крепостям и дачам» было уже описано в «полюбовно» составленном детьми «расписании». При их согласии он сам разделил его на четыре части — Людиновскую, Сергинскую, Шайтанскую и Брынскую и «благословил тем владеть». Дети кинули жребии. Их вынимали при свидетелях — тульских первой гильдии купцах Иване Лугинине, Харитоне и Иване Постуховых. Части, которые назначил случай, предпочтениям отвечали не вполне. С разрешения отца сыновья ими обменялись и подписали согласие на то, что получилось. Вслед за этим Никита и составил духовную: «определил» сыновьям названные части с имуществом в них. Документ включил санкции, следующие за нарушение «уравнителнаго и безгрешнаго… по совести раздела»[1047]. Вечный мир скрепляли, пугая вечным проклятием. Слишком удручающей выглядела перспектива новой затяжной войны за демидовское наследство.

Завещание было составлено в Туле, свидетели подобрались не особенно видные — попроще, чем у Акинфия[1048]. Это говорит, пожалуй, о том, что в воздухе порохом не пахло, решения принимались действительно полюбовно. Впрочем, участники раздела подстраховались. Иван, Никита и Алексей спустя несколько дней дали Евдокиму запись (внесенную в соответствующую книгу Тульской крепостной конторы), в которой обещали соглашение соблюдать и доставшееся им имущество «иметь в вечном и безповоротном владении»[1049]. Крепил дело мира и Никита Никитич: просил о записи своего завещания в Юстиц-коллегии[1050]. Получив справки из тульских учреждений (духовного правления и провинциальной канцелярии), коллегия в конце декабря вынесла решение духовную Демидова в соответствующую книгу записать[1051], чем дополнительно ее законность подтвердила.

Раздел наследства Никиты Никитича Демидова — пример удачного, «бескровного» дробления на части крупного промышленного комплекса — особенно примечателен на фоне того, что происходило с наследством его брата. Одаренный недюжинной волей, Акинфий Никитич верил, что она и после его кончины сможет противостоять амбициям потомков. Никита Никитич побеждал реже, случалось — бывал бит и, что еще важнее, имел возможность убедиться, к чему может привести следование в этом деликатном деле слишком жесткой политике. Он выбрал стратегию более гибкую.

И, как оказалось, в ожиданиях не ошибся.

Заводчики Демидовы: пополнение списка

С закреплением частей за новыми владельцами, ознаменовавшим распад второй по величине демидовской «империи», вчерашние птенцы разлетаются. Все они уже в возрасте (Евдокиму около сорока пяти лет), у многих дети, им давно пора строить собственные дома. Они и строят.

Евдокиму при дележе досталась Брынская часть, которую он тогда же обменял на Людиновскую[1052]. Она включала заводы Людиновский на речке Ломпадь в Брянском уезде и старейший у этой ветви Демидовых завод Дугненский, а также 1749 крепостных душ мужского пола. Евдоким ликвидировал передел чугуна на Дугне, полностью переведя его на Людиновский завод. В начале 1760-х годов именно при нем он скорее всего в основном и жил. Здесь же находилась семья, включая детей, которых учила грамоте жена сельского дьячка[1053].

Основным направлением промышленного строительства для

Евдокима стало уральское. Он начал с покупки летом 1760 года у коллежского асессора Козьмы Матвеева Авзяно-Петровских заводов — Верхнего и Нижнего. Они находились в Уфимском уезде Оренбургской губернии на речке Авзяне[1054]. Позже будут еще два завода, построенные им самим, еще позже — разорение их пугачевцами, потом — частичное восстановление и новое строительство… Евдоким себя еще покажет: получив от отца два завода, оставит детям шесть. Но это — позже.

Покупая и строя заводы на Урале, заезжая при необходимости в западную часть империи, Евдоким не рвал связей с родной Тулой. Во всяком случае, недвижимость в ней приращивал. Так, в ноябре 1761 года купил у туленина Ивана Максимовича Мосолова (вероятно, сына Максима Перфильевича) дворовое и огородное место в Тульской оружейной слободе — длинную (125 метров) узкую полосу без построек[1055].

Евдоким и другие сыновья Никиты Никитича — последние из Демидовых, сохранявшие связь с Тулой. Из братьев, может быть, самым «тульским» оставался Иван Никитич. И это — притом что ему досталась далекая от Тулы Сергинская часть, и он, единственный из братьев, ни с кем ее не обменивал — что выпало, тем и доволен. Заводы (Верхне- и Нижнесергинский) находились на Урале. Иван их посещал[1056], владел ими и управлял.

Иван подолгу жил в Туле. Принадлежал к приходу Николо-Зарецкой церкви (его подпись стоит под многими прошениями прихожан, связанными с приходским бытом). Что примечательно (поскольку может быть сказано не обо всех Демидовых), заботился о поддержании здания и внутреннего убранства храма[1057], где лежал прах его знаменитого деда[1058].

Еще один сын, Никита Никитич (второй), получив по жребию Людиновскую часть, вскоре обменял ее на Шайтанскую, для уравнения при обмене несколько приплатив брату Алексею деньгами[1059]. Этот родившийся в 1728 году Демидов имел имя и отчество, совпадавшие с именем и отчеством его отца. Чтобы различать, в современных документах их именовали: отца — статским советником, сына, чинов не заслужившего, — просто дворянином.

По ведомости Берг-коллегии, основанной на сведениях от заводчиков 1762—1763 годов, за Никитой Никитичем Демидовым в то время числились железные заводы Шайтанский, Верхнешайтанский, Кыштымские Верхний и Нижний, Каслинский и строившийся Уфимский (Азяш-Уфимский). Кроме того, по двум указам Берг-коллегии 1760 года ему предписывалось построить заводы на крепостной земле в Исецкой провинции Оренбургской

губернии на речках Кеолиме — доменный и Шемахе — молотовой. К 1762 году построены они не были[1060].

Выразительный, хотя и, можно предполагать, односторонний портрет этого энергичного промышленника рисует его переписка с приказчиками. Многословные его письма настолько изобильны руганью, включая матерную, хамством и запугиванием, что возникает предположение: писание их, отражая недовольство автора, само по себе его только бодрит. Вот характерный образчик подобной прозы:

«Вижу везде, к немалому сожалению, доменныя у вас суточному чюгуну выходы негодныя и пакостныя и недодел[ы] в молотовых из криц железа большия и прескверныя, а паче на Кыштыме, чего нигде таких пакостей, как у вас, нет, и у нас никогда не бывало. И за такое вы сущее нерадение и несмотрение, главныя, подлежите превеликому штрафу, осмотритесь, ебион мать, сущия нерадивыя безтия, побоитеся Бога ис-теного, постыдитесь такого явно нерадения и шали»[1061].

Эти писания разительно отличаются от неоднократно цитированных нами писем своим управляющим его дяди Акинфия — тот, случись редактировать это послание, ограничился бы призывом постыдиться. Сохранившиеся письма горячего дворянина относятся уже к екатерининскому времени, но, несомненно, у второго Никиты Никитича стиль общения со своими менеджерами сформировался значительно раньше. Если вспомнить продемонстрированные его отцом приемы «воспитания» крепостных крестьян Ромодановской волости, то невольно напрашивается предположение, что второй Никита Никитич такой стиль общения с подчиненными усвоил, проходя мастер-класс именно у родителя.

Младший из сыновей Никиты Никитича, Алексей, при жеребьевке получил Шайтанскую часть, но после этого еще дважды обменивался с братьями: сначала с Никитой, у которого взял часть Людиновскую и некоторую сумму денег, потом с Евдокимом, у которого в обмен на Людиновскую получил Брынскую[1062]. По упомянутой ведомости Берг-коллегии, в 1762—1763 годах ему принадлежали три завода в Калужской губернии: Брынский, Есенковский и Выровский[1063].

* * *

Птицы разлетаются. Паруса покинувших верфь кораблей исчезают за горизонтом…

ДЕМИДОВЫ — ОТЦЫ И ДЕТИ, ИЛИ КОЕ-ЧТО О ЦЕНЕ ПОБЕД

Первое столетие промышленной династии Демидовых — это почти незнающая исключений история побед, одержанных ее основателями. Усилиями двух первых поколений рода были созданы два мощных вертикально интегрированных промышленных хозяйства, разместившихся на нескольких площадках в разных краях империи. Наибольших успехов добился Акинфий Демидов (25 металлозаводов, в том числе 18 построенных самостоятельно), но и младший его брат, начинавший в неизмеримо худших условиях, достиг немалого (11 предприятий — собственной постройки и покупных)[1064]. Смерть их создателей комплексы эти раздробила, но, уменьшившись в размере и увеличившись в числе, они в полной мере сохранили жизненный потенциал и в большинстве своем способность к развитию.

Но что значила бы победа, если бы не имела цены? Радовались бы мы достижениям, когда бы не знали, чем за них заплатили?

История Демидовых — это отпечатавшаяся в биографиях история большого Дела. Оно было настолько трудным и несжимаемым во времени, что в жизненный путь одной личности не вмещалось — могло совершиться, лишь воплотившись в нескольких жизнях. Вступившему на путь служения идеям большого масштаба был нужен тот, кто примет дорожный посох. В то время передачу эстафеты обеспечивал единственный механизм — родовой.

Вот почему жизнь Демидовых — еще и рассказ о *венной* проблеме, всякий раз хорошо, плохо ли решаемой (подчас не решаемой вовсе), но неизбежно встающей перед делателями. Проблеме отцов и детей.

В полной мере повезло одному основателю рода. И преемник оказался достойным, и передаче заводов в одни руки ничто не помешало. Успешно осуществил свой план передачи и младший сын комиссара, но мир и согласие в его семье удалось сохранить дорогой ценой — путем собственноручного раздела хозяйства. Чаще что-то шло не по плану: то намеченный кандидат доверия не оправдывал (Прокофий — отцовского), то обстоятельства мешали «отдать все» самому достойному (неисполнение завещательной воли Акинфия). Прокофий, человек не бесталанный, но со временем перенесший свои таланты в сферу,

далекую от той, к которой готовился, — весьма показательный случай. Для отца он — его неудача, промах. (Впрочем, бывали случаи куда тяжелее — вспомним финал конфликта Григория Никитича с единственным сыном.) Не складывалось с преемником — лишившееся пестуна Дело уходило в случайные руки, могло в них и заглохнуть, как это случилось с заводами Григория, доставшимися Даниловым. К счастью для Демидовых, ни один из таких сбоев серьезных помех развитию промышленного хозяйства их клана на этапе его подъема не нанес.

Историческую миссию, возложенную судьбой на первых Демидовых — растить и холить индустрию, — их род выполнил с честью.

История первых трех поколений Демидовых повествует не только о них. Это рассказ еще и о том, как Россия принимала вызовы, как отвечала на них и чем расплачивалась. Столетие их побед — столетие побед России. И расплаты за эти победы.

Великого Петра сжигала мечта, сохранив и возвысив политическую независимость, слиться с зарубежной Европой в единой культуре вещей и технологий. Принципиальный противник самоизоляции, он расширял импорт предметов, идей и людей. Не знавший покоя, постоянно в дороге, повсюду создавал визуальные образы Европы: дома чужой архитектуры, обсаженные деревьями дороги, каналы, корабли… Строил Петербург, видел — Амстердам. Амстердам хоть и второй, но лучше первого.

Современных ему Демидовых, вдохновенных творцов и истовых тружеников, маниакальное стремление во что бы то ни стало догнать и перегнать заграницу не мучило. Они, конечно, при необходимости нанимали иностранных специалистов и переносили на свои заводы приходившие с ними технологии. Но заимствование и пересадка сами по себе, как самостоятельная ценность, их не волновали. Они догоняли не потому, что гнались, а потому, что успешнее других работали. В результате оказались первыми, прежних лидеров обойдя.

Но при этом (печальный парадокс) еще прочнее закрепили то, с чем России давно пора было проститься. Успехи первых Демидовых были бы невозможны без широчайшего распространения на их заводах крепостнических порядков, чему каждый из них в той или иной мере способствовал.

Столько себя, сколько Демидовы, в преображение России вложили немногие. Петр I это осознавал и своих соратников ценил. Своей жизнью и трудами они писали противоречивую историю петровской модернизации России. Она (модернизация) произошла бы и без Никиты с Акинфием. Но *такой* облик и *такой*

результат без них имела бы едва ли.

Не зная отдыха и окорота, Демидовы вместе с Петром Великим ваяли новую Россию. Следы их трудов не изгладились и по сей день.

Но памятника комиссару Демидову, который вроде бы был задуман, император не соорудил. Памятник Акинфию Никитичу, почти уже заказанный его внуком Николаем Никитичем, тоже не состоялся[1065]. Памятники, поставленные позже, XX век сохранить не захотел. За исключением узкого круга специалистов, на Демидовых смотрели в то время глазами «трудящегося и эксплуатируемого народа», часто не замечая (или не желая замечать), что закрепившиеся в народной памяти исторические «портреты» создаются и живут по законам жанров народного творчества. Богатей — значит злой, жестокий, стяжатель…[1066] Официальная идеология предлагала общественному сознанию иные образы, призванные воплощать идеал Мастера-творца. Блоха, талантливо подкованная на кончике писательского пера, перевесила индустрию, оставленную России ее великими кузнецами… Лишь в постсоветскую эпоху место первых Демидовых в истории нации было осознано в степени, пропорциональной масштабу их деяний.

Россия снова возводит монументы своим строителям. Среди немногих, посвященных российским предпринимателям, — воссозданные и новые памятники Демидовым: кузнецу и его потомкам, прославившим свое имя на стезе не только предпринимательства, но и щедрой благотворительности.

Мир стремительно меняется, решительно отправляя в пропасть забвения многое, без чего еще вчера себя и не мыслил. Стремительно меняется и Россия, столь же решительно расправляясь с прежними кумирами. Кто знает, сколько «милой старины» останется в ней лет через сто, даже пятьдесят, какие имена будут тогда вспоминать. Хочется верить, что имена первых Демидовых не забудут.

Что значила бы победа, когда бы не имела цены?

Демидовы третьего поколения, утратив связь с городской посадской культурой, потеряли себя, какими были рождены. Приобретя трудом основателей династии колоссальные богатства, благодаря им — место в среде, в которой даже брак с дочерью французского императора скоро не покажется чудом, они стали… Кем они стали? Получив всё, о чем когда-то мечтали отцы и деды, чем владели?

Кто они, Демидовы второго столетия династии?

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕМИДОВЫХ

1656, 25 марта — рождение Никиты Демидовича Антюфеева, впоследствии Демидова, основателя промышленной династии.

Ок. 1676 — Никита Демидов вступает в брак.

1676, декабрь — 1680, ноябрь — смерть отца, ствольного заварщика Тульской оружейной слободы Демидки (варианты: Демка, Дементий) Клеменова сына Антюфеева.

Ок. 1678 — рождение Акинфия, старшего сына Н.Д. Демидова.

Между 1678 и 1688 — рождение Григория, среднего сына Н.Д. Демидова.

Не позднее 1688 — рождение Никиты, младшего сына Н.Д. Демидова.

1694, 31 марта — прошение Н.Д. Демидова о передаче ему мельницы на реке Тулице «в жалованье на оружейное дело».

1694/1695 — указ (или указы), разрешившие Н.Д. Демидову строительство на Тулице металлургического завода.

1695, 13 мая — грамота об изъятии Н.Д. Демидова из «ведения» местной

администрации и передаче в ведение Преображенского полка.

12 августа — грамота, в которой Н.Д. Демидов назван оружейным мастером Преображенского полка.

1702, 4 марта — указ о передаче Н.Д. Демидову казенного Невьянского завода.

1703, 7 ноября — Н.Д. Демидов с сыном Акинфием покидают Невьянский завод из-за конфликта с верхотурским воеводой А. Калитиным.

Ок. 1707— строительство и пуск Н.Д.Демидовым с сыном Григорием Дугненского завода.

1709, 11 февраля — пожалование Н.Д. Демидову чина комиссара.

1710, 8 шюля — рождение Прокофия, старшего сына Акинфия Демидова.

1711, 23 марта — отделение Н.Д. Демидовым младшего сына Никиты. *1713* — возвращение Н.Д. Демидову Тульского завода.

1715, 14 ноября — рождение Григория, среднего сына Акинфия Демидова.

1716 — пуск Н.Д. Демидовым Шуралинского завода — первого, построенного им на Урале самостоятельно.

1717 — покупка первого (Дугненского) завода Никитой Никитичем Демидовым. *1722, 23 ноября* — пуск Акинфием Демидовым Выйского медеплавильного завода, первого медеплавильного завода Демидовых на Урале.

1724, 8 сентября — рождение Никиты, младшего сына Акинфия Демидова.

1725, 17 ноября — смерть основателя династии Никиты Демидовича Демидова.

25 декабря — пуск Нижнетагильского завода Акинфия Демидова.

1726, 24 марта — подписание императрицей Екатериной I патента на потомственное дворянство сыновьям Никиты Демидовича Демидова.

1728, ночь на 14 марта — убийство Григория Никитича Демидова сыном Иваном.

1729, 21 сентября — пуск Колывано-Воскресенского завода Акинфия Демидова, освоение на Алтае промышленной плавки меди.

1730, февраль — казнь в Туле Ивана Григорьевича Демидова.

Ок. 1731 — основание Г.А. Демидовым сада в селе Красном близ Соликамска, как считается, первого ботанического сада в России.

1732, 1 декабря — пуск Шайтанского (Васильево-Шайтанского) завода — первого завода Никиты Никитича Демидова на Урале.

1733—1736 — Следствие о партикулярных заводах и связанные с ним расследования по доносам на Демидовых.

1735, июнь — 1736, ноябрь — первое «взятие» алтайских заводов Акинфия Демидова в казну.

1740 — пожалование Акинфию Демидову чина статского советника.

1742 — пожалование Акинфию Никитичу Демидову чина действительного статского советника, Никите Никитичу Демидову — статского советника.

1743, 24 марта — оформление Акинфием Демидовым завещания.

1744, февраль — сообщение Акинфия Демидова императрице Елизавете Петровне об обнаружении на Алтае руд, из которых выплавлено серебро.

24 июля — указ императрицы Елизаветы Петровны о содержании Акинфия Демидова «в собственной протекции и защищении».

1745, 26 февраля — первая плавка на Колывано-Воскресенском заводе, в ходе которой было выделено золото.

18 августа — смерть Акинфия Никитича Демидова.

7747, *1 мая* — указ императрицы Елизаветы Петровны о взятии алтайских предприятий Акинфия Демидова в казну.

1752— волнения крестьян Ромодановской волости Никиты Никитича Демидова.

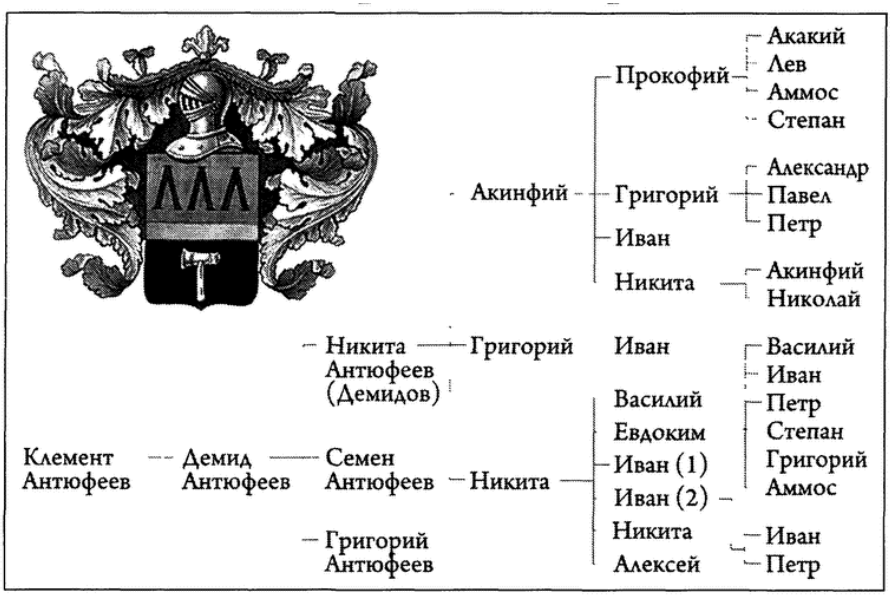
7757, 7 *декабря* — завершение раздела наследства Акинфия Демидова между сыновьями.

1758, 7 мая — подписание сыновьями Акинфия Демидова документов, закрепивших доли унаследованного ими имущества. *23 декабря* — оформление Никитой Никитичем Демидовым завещания, разделение промышленного хозяйства между сыновьями.

7767, *13 ноября* — смерть Григория Акинфиевича Демидова.

Ок. 1763 — смерть Никиты Никитича Демидова.

Родственные связи представителей рода Демидовых



СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

ГААК — Государственный архив Алтайского края

ГАСО — Государственный архив Свердловской области

ГАТО — Государственный архив Тульской области (ныне ГАУ ТО «Государственный архив»)

НГИАМ — Невьянский государственный историко-архитектурный музей

НТМЗ — Нижнетагильский музей-заповедник

ПиБ — Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., М., 1887— 2003. Т. 1-13.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. Собрание 1-е. СПб., 1830.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РИО — Русское историческое общество

СПбФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Альманах Международного Демидовского фонда. М., 2001—2009. Вып. 1—4.

Бородаев В. Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула. Барнаул, 2000.

Головщиков К.Д. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881.

Демидовский временник: Исторический альманах. Екатеринбург, 1994. Кн. 1; 2008. Кн. 2.

Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. 1.

Контев А.В. Незаконная добыча Акинфием Демидовым серебра из алтайских руд: Аргументы «за» и «против» //Альманах Международного Демидовского фонда. М., 2009. Вып. 4.

Корепанов Н.С. Геннин на Урале. Екатеринбург, 2006.

Краснова Е. И. Демидовы: Родословная роспись. Екатеринбург, 1992.

Краснова Е. И. Такие разные Демидовы. СПб., 2007.

Мост А.Г. Род Демидовых. Екатеринбург, 2012.

Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы. Екатеринбург, 2001.

Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы. М., 1962.

Пирогова Е. П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000.

Рожков В.И. Акинфий Никитич Демидов на своих Колывановоскресенских заводах //Горный журнал. 1891. Т. 3.

Рожков В.И. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии // Горный журнал. 1885. Т. 2. № 5.

Старый Невьянский завод. 1701. Екатеринбург, 2001.

Хадсон Х. Первые Демидовы и развитие черной металлургии России в XVIII веке. Уфа, 2011.

Черкасова А.С. Прокофий Акинфиевич Демидов: Автопортрет в письмах //Прокофий Акинфиевич Демидов: Письма и документы. Екатеринбург, 2010.

Черкасова А.С. «…Чтоб железо делать самым добрым мастерством»: Из деловой переписки Акинфия Никитича Демидова //Демидовский временник. Екатеринбург, 1994. Кн. I.

Шакинко И.М. Невьянская башня: Предания, история, гипотезы, размышления. Свердловск, 1989.

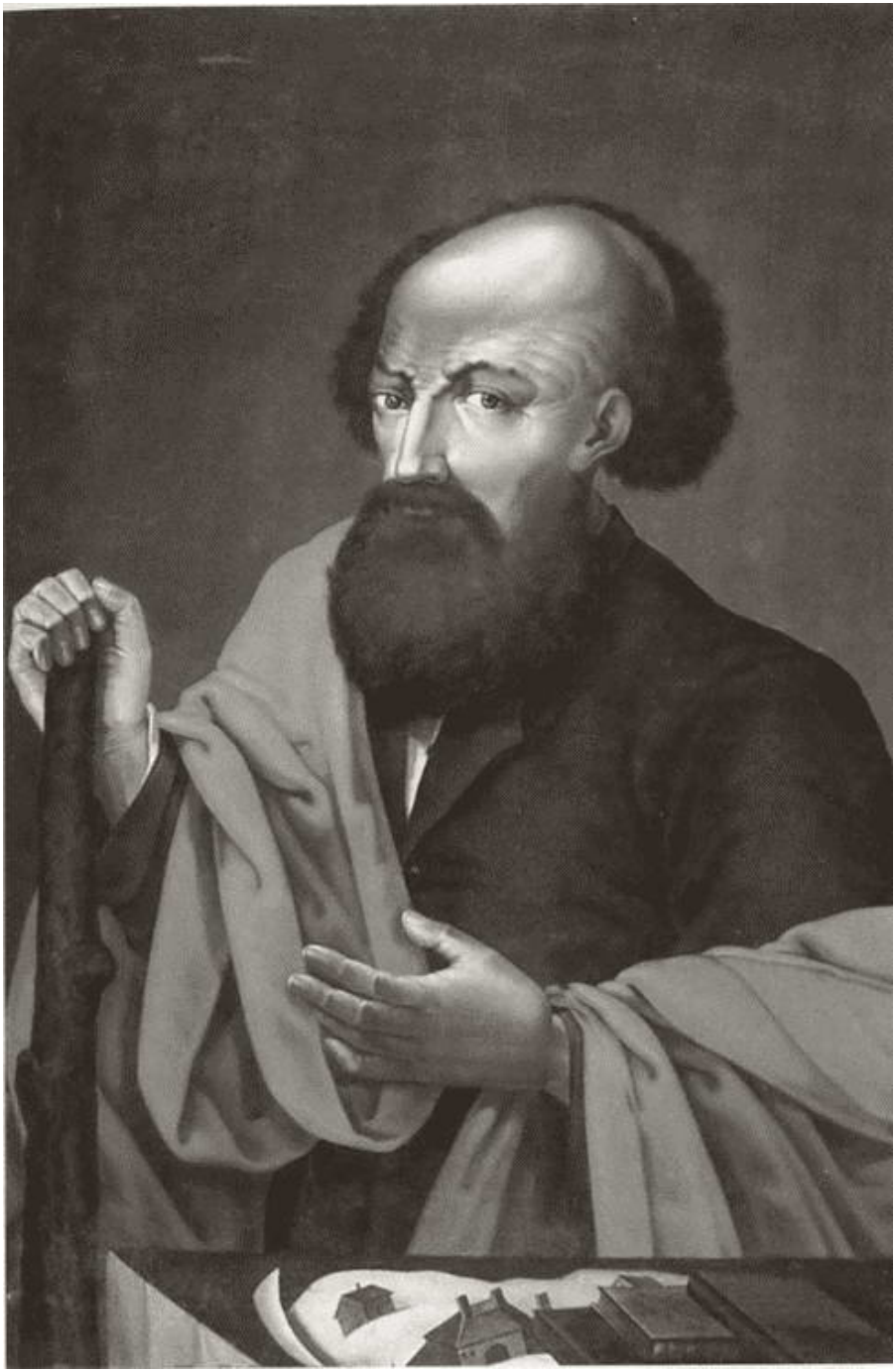
Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и

развития промышленной династии. М.; Тула, 1998.

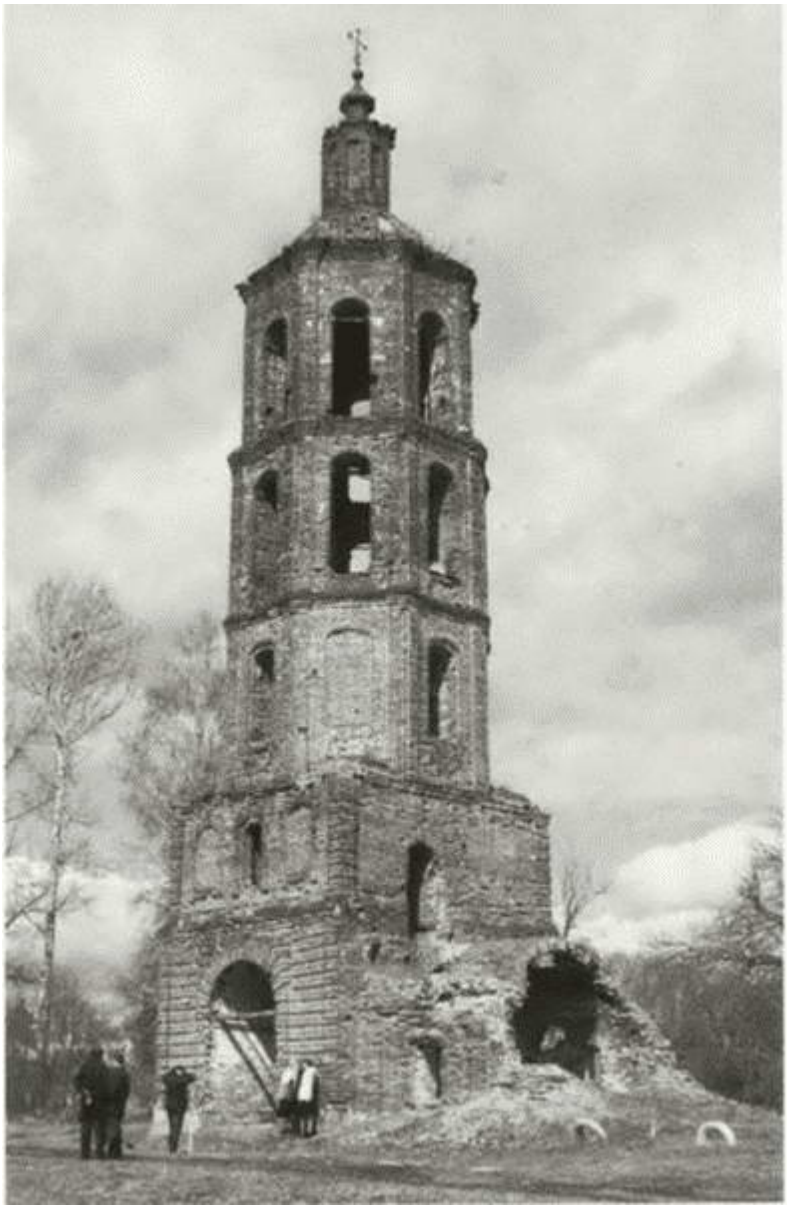
Юркин И.Н. Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. М., 2001.

Юркин И.И. Тульский завод Демидовых. 1695—1782: Из истории становления и развития доменной металлургии России. М., 1996.

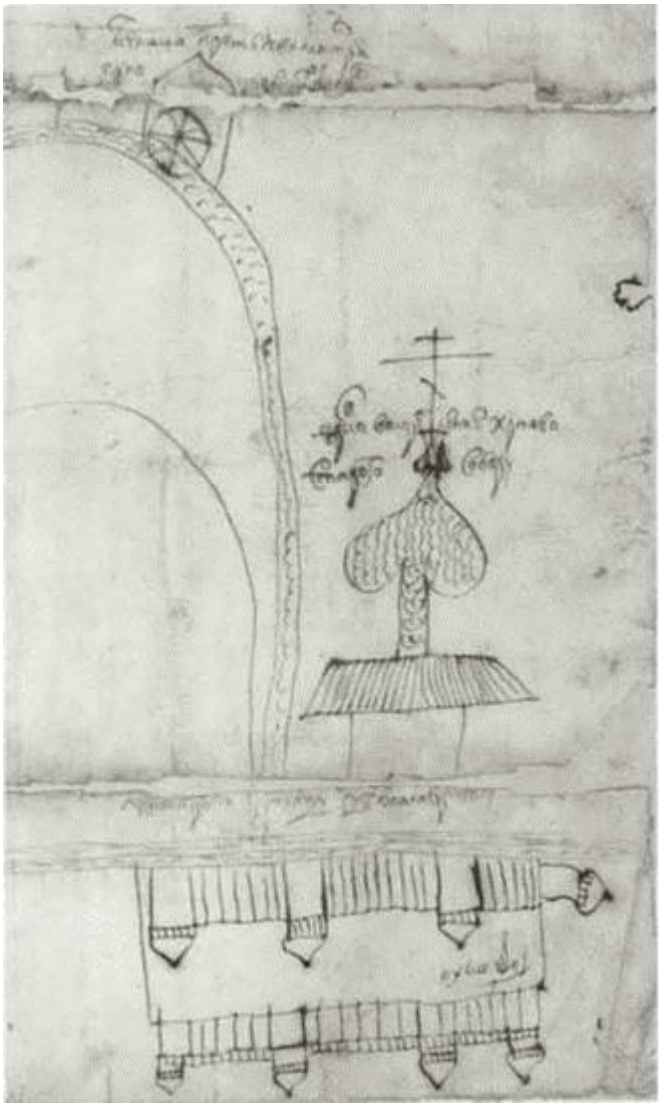
ИЛЛЮСТРАЦИИ



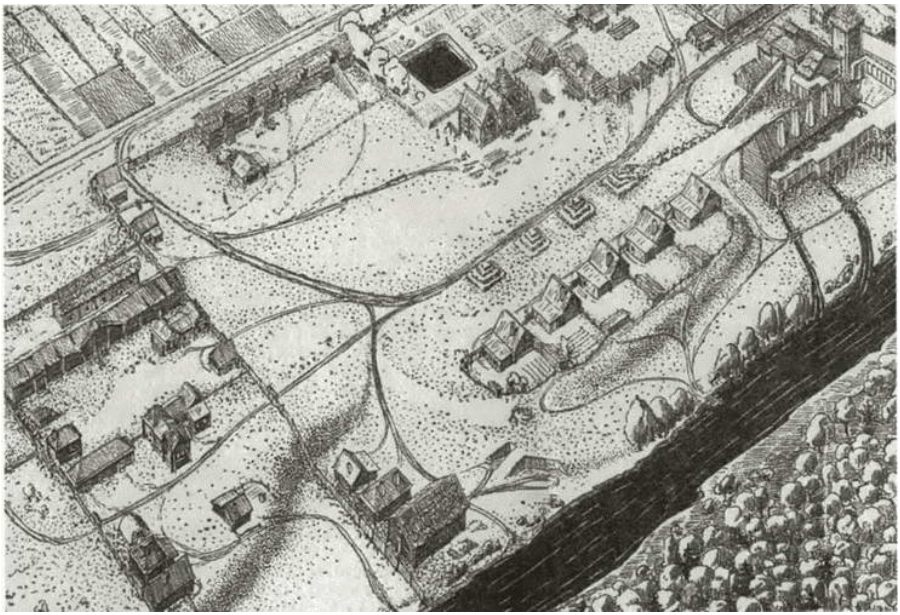
Никита Демидович Демидов. Портрет работы неизвестного художника первой четверти XVIII в. НТМЗ «Горнозаводский Урал»



Колокольня храма Воздвижения Креста Господня в селе Новое Павшино. 1730-е гг.

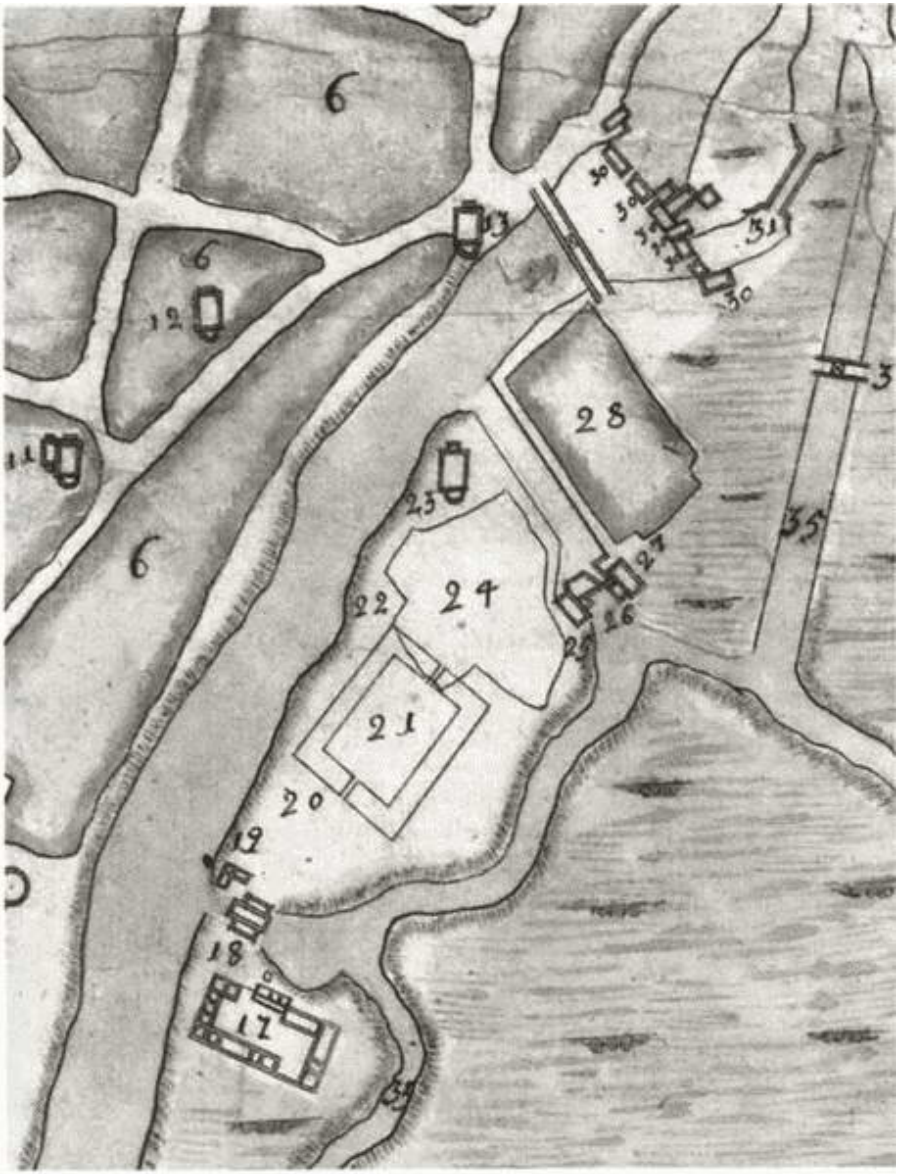


Тула на географическом чертеже последней четверти XVII века

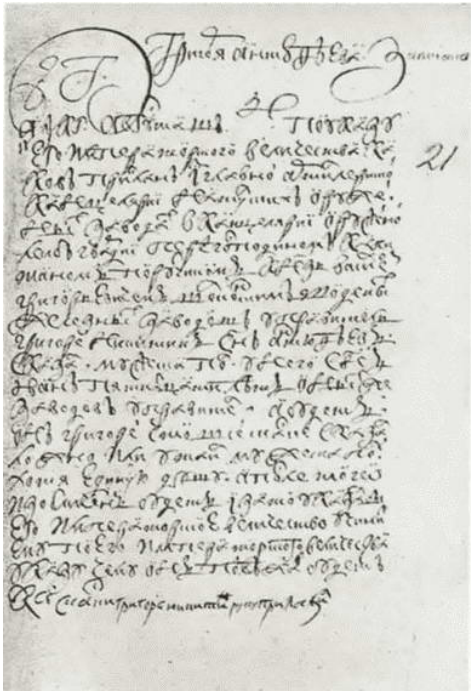


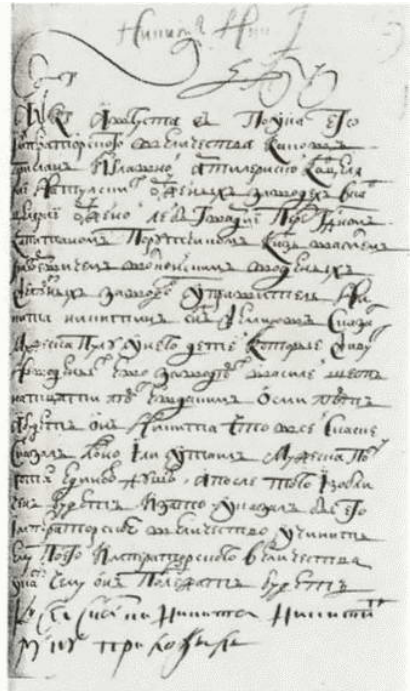
Планировка доменного и молотового завода 1660-х годов (по описанию Поротовского завода)

Тульский завод Демидовых на плане Тулы 1740 года



Тульский оружейный завод на плане Тулы 1740 года





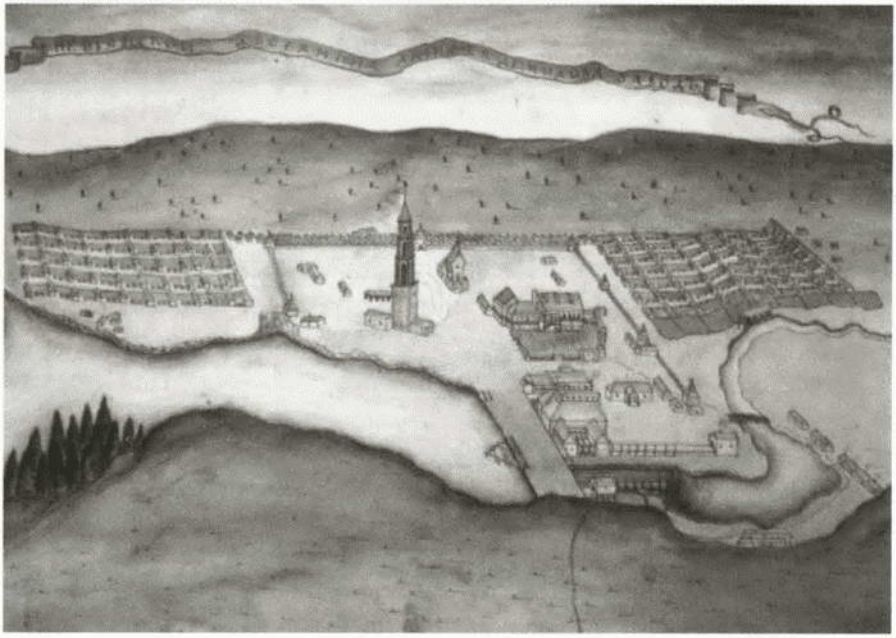
Сказки Григория и Никиты Никитичей Демидовых (с автографами), поданные в августе 1723 года

Памятник Никите Демидову в Туле

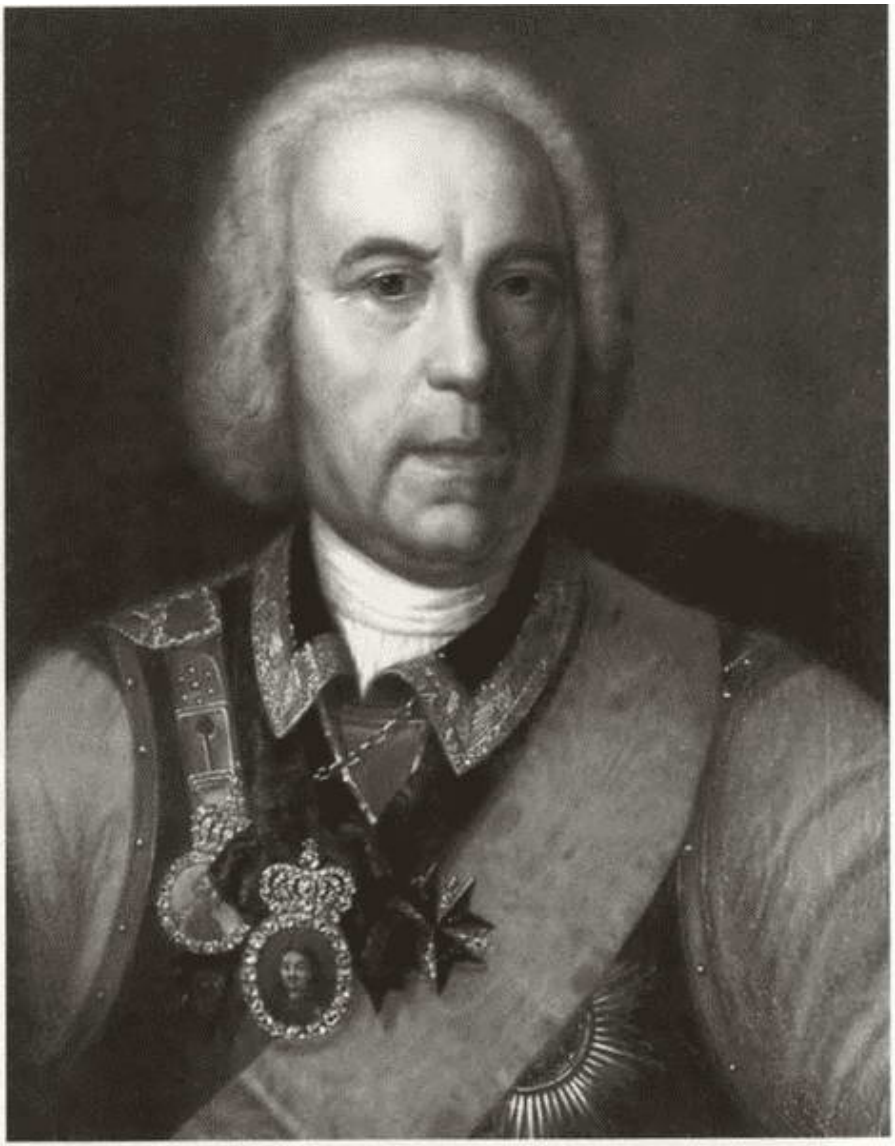
Памятник Петру Великому в Туле

Памятник Петру Великому и Никите Демидову в Невьянске

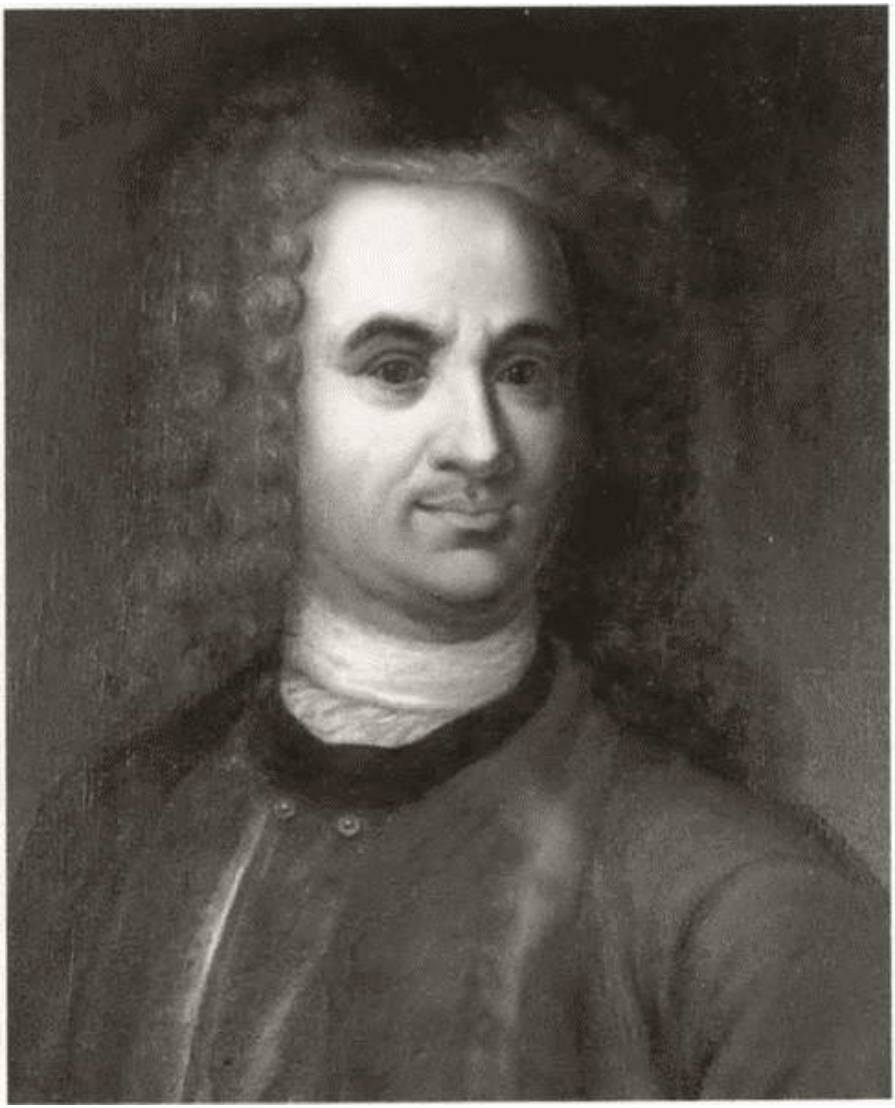
Предполагаемый портрет Андрея Андреевича Виниуса



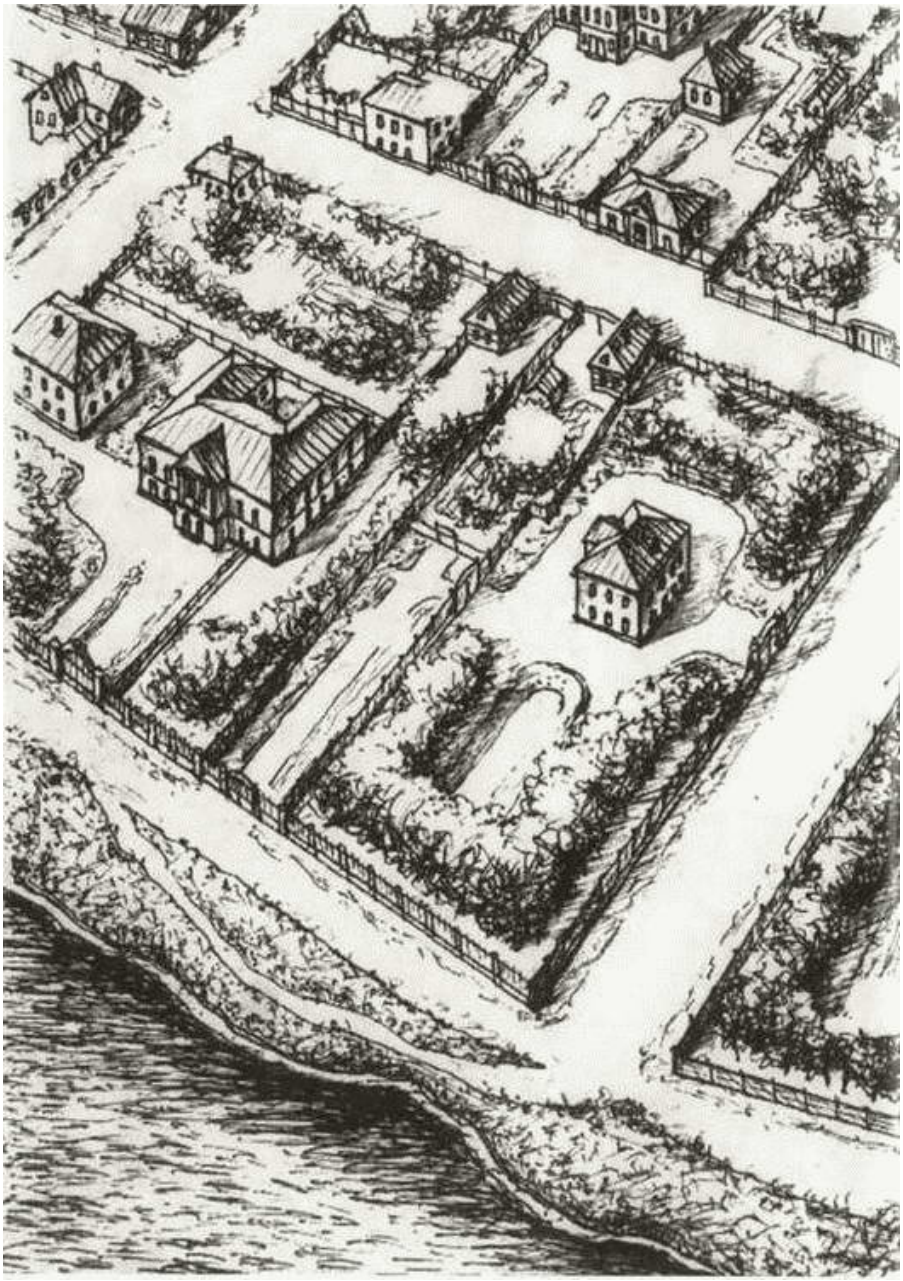
Невьянский завод в середине 1730-х годов. Из рукописи В.И. Геннина «Абрисы...»

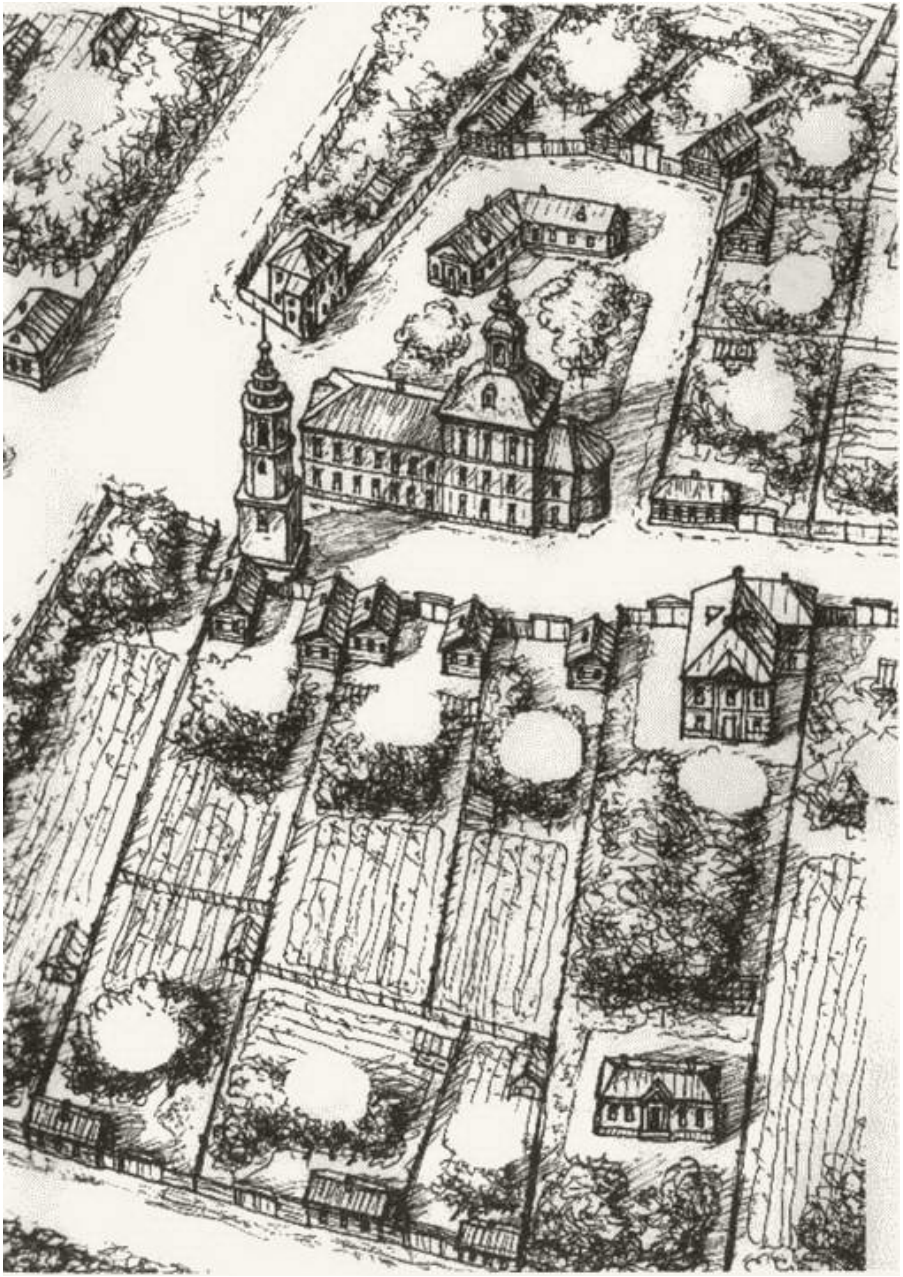


Вилим Иванович Геннин



Василий Никитич Татищев



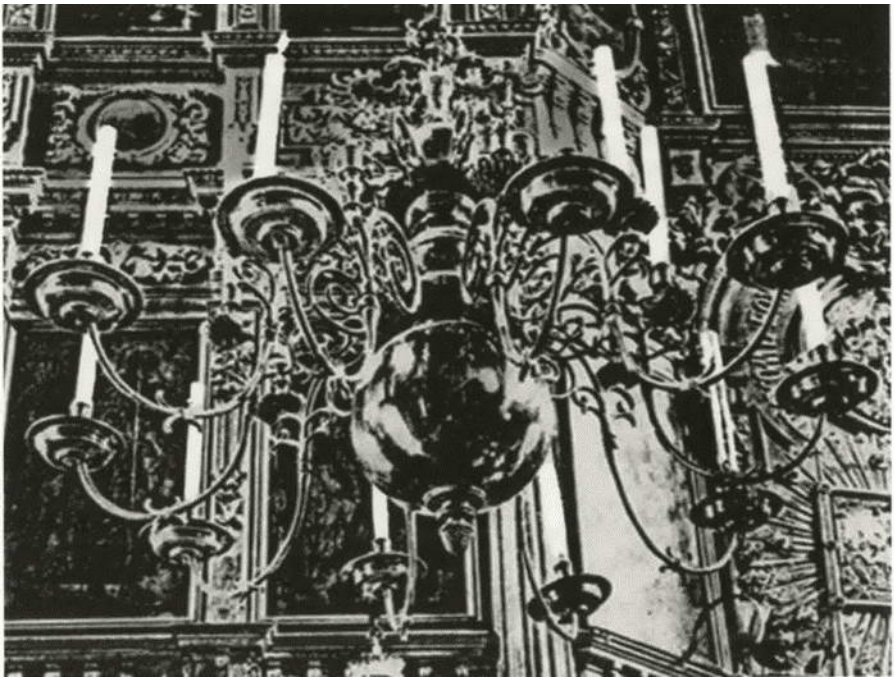


Николо-Зарецкая церковь (в центре) и усадьба Демидовых (слева) в Тульской оружейной слободе. Реконструкция на конец XVIII в. автора. Рисунок Я.Н. Куравского

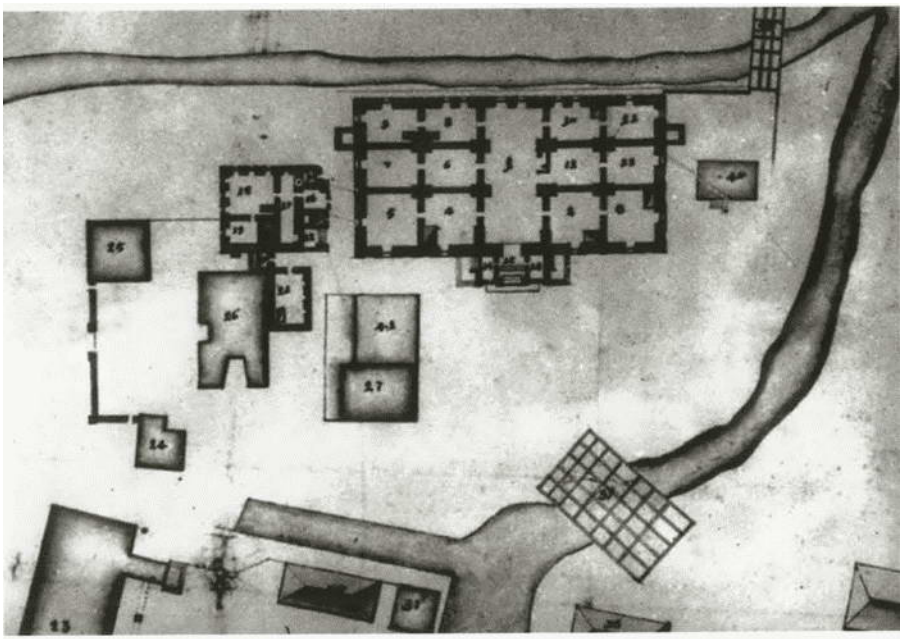
Герб рода Демидовых. Проект с изображением рудоискателя с зеленой лозой

Соболи, держащие герб Демидовых. Решетка ограды музейного комплекса в Невьянске

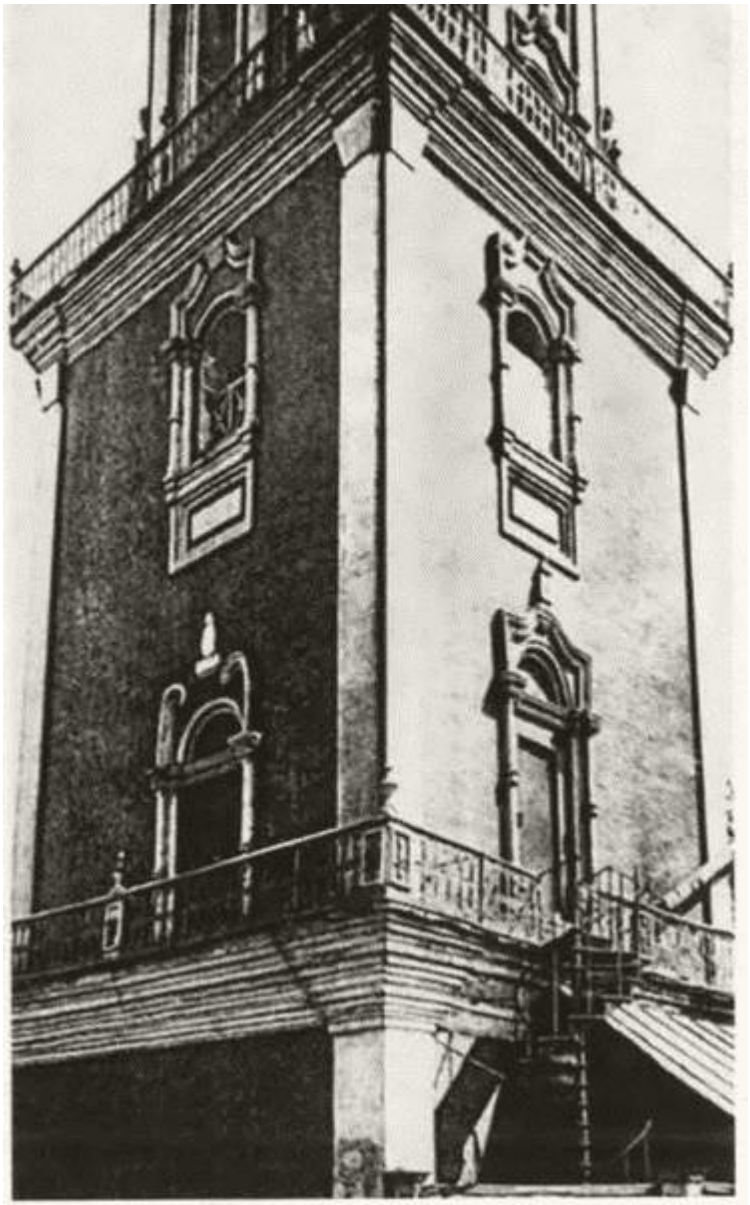
Акинфий Никитич Демидов. Портрет работы Г.Х. Грота



Медное паникадило из Николо-Зарецкой церкви. Фото начала XX в.



Каменный дом при Тульском заводе Демидовых на плане 1750-х годов

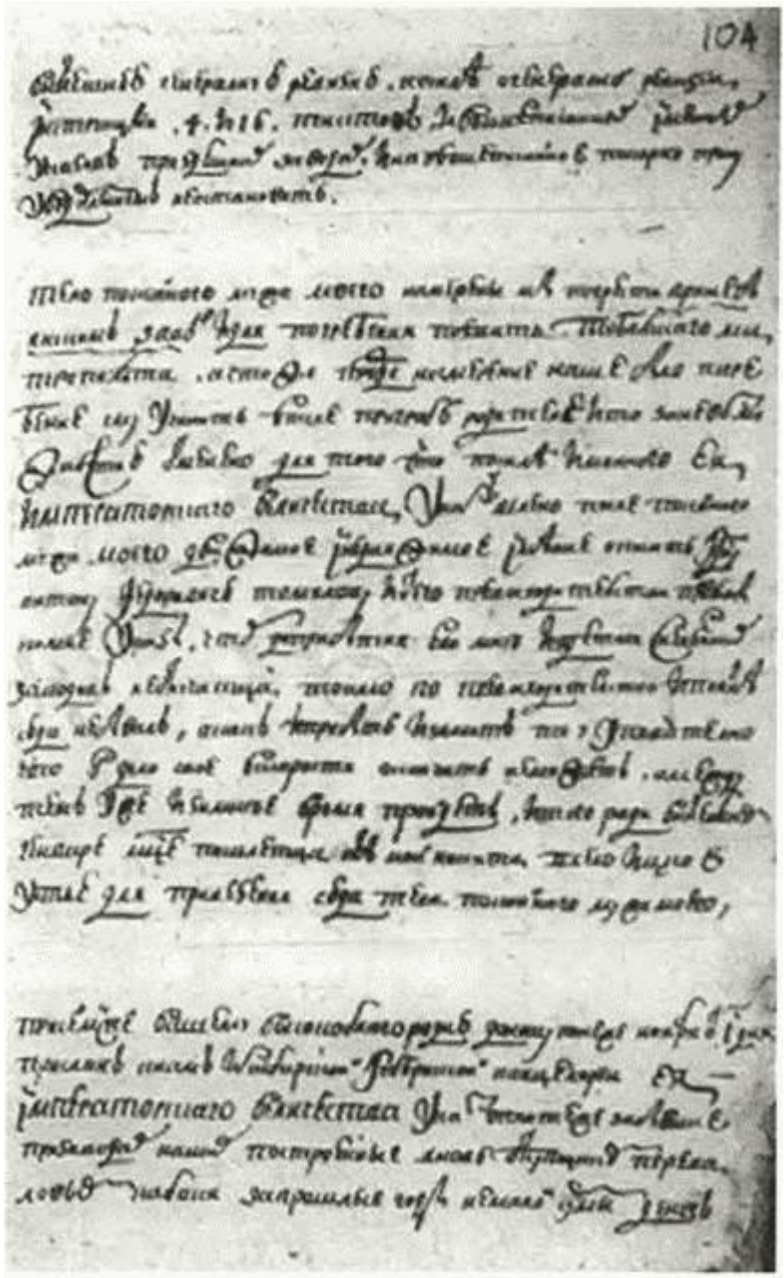


Колокольня Николо-Зарецкой церкви. Фото начала XX в.

Невьянская башня

Одно из каменных зданий XVIII века на территории усадьбы Акинфия Демидова в Оружейной слободе Тулы

Церковь Николы Зарецкого в Туле: западная стена трапезной, вход в усыпальницу Демидовых; справа — мемориальная доска



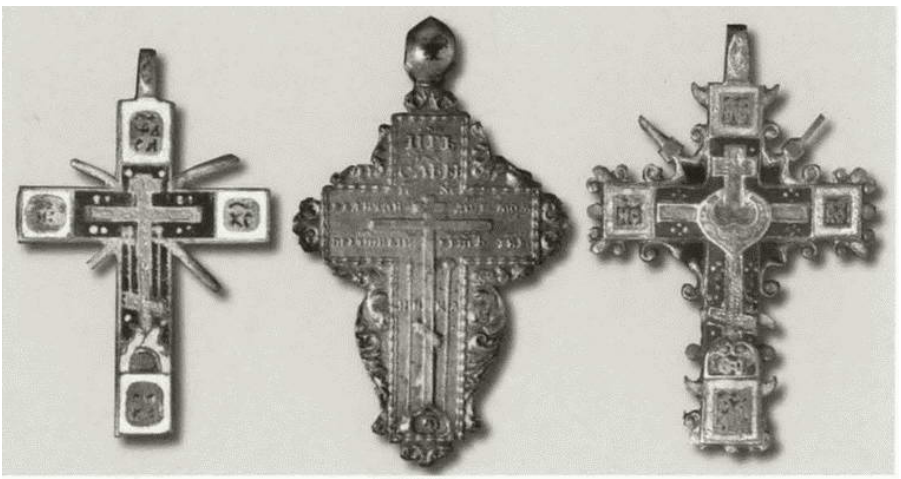
Письмо Евфимии Демидовой А.В. Беэру от 21 января 1746 года с упоминанием о задержке погребения ее мужа Акинфия

Склеп Демидовых в церкви Николы Зарецкого (современное состояние)

Ручка от гроба из усыпальницы Демидовых

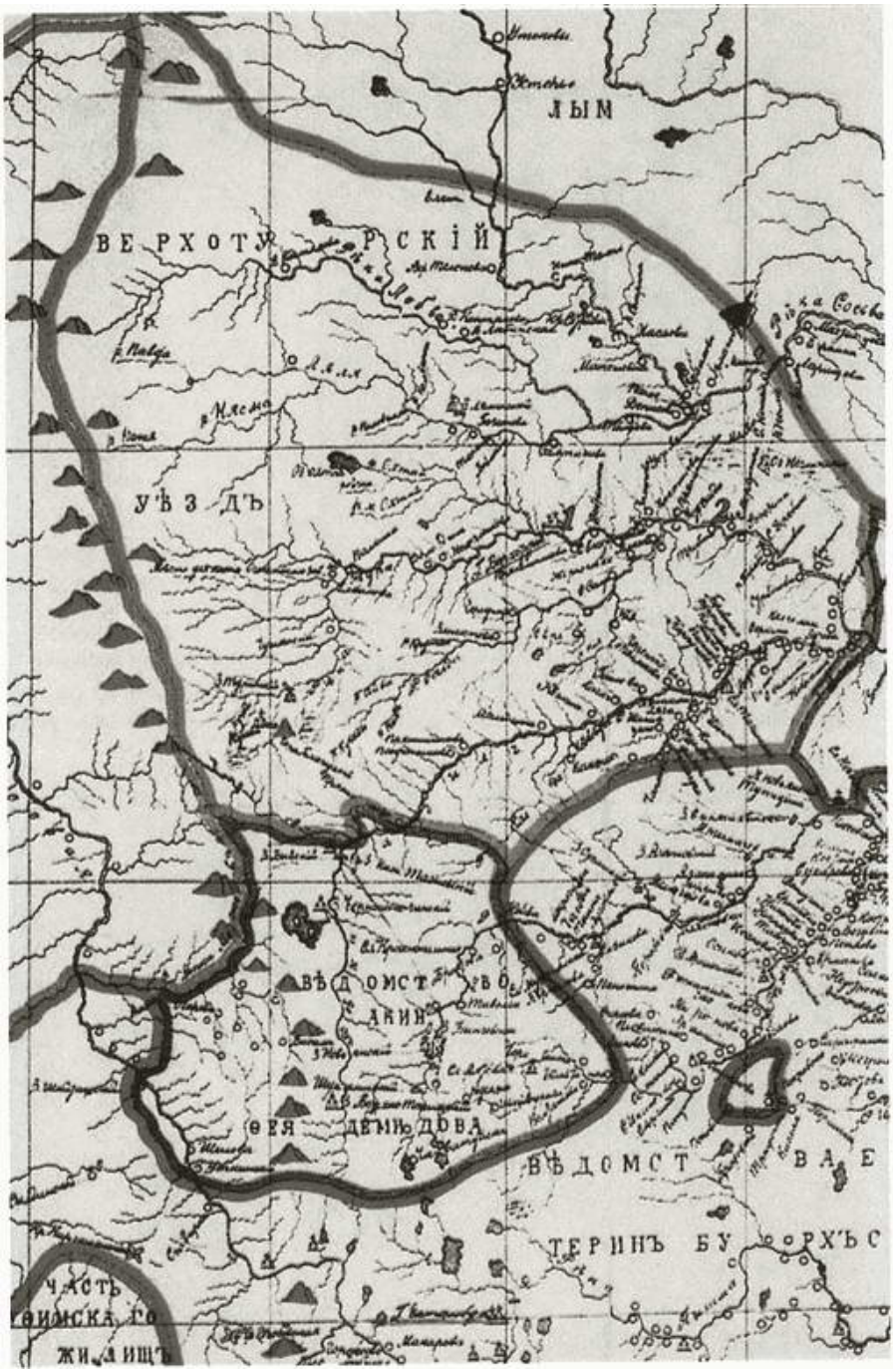
Кронштейн лестницы в усыпальнице Демидовых

Музей «Некрополь Демидовых» в Туле



Кресты-тельники из усыпальницы Демидовых

Выставка предметов из демидовской усыпальницы в музее «Некрополь Демидовых»



Ландкарта 1734—1736 годов с выделенным «Ведомством Акинфия Демидова»

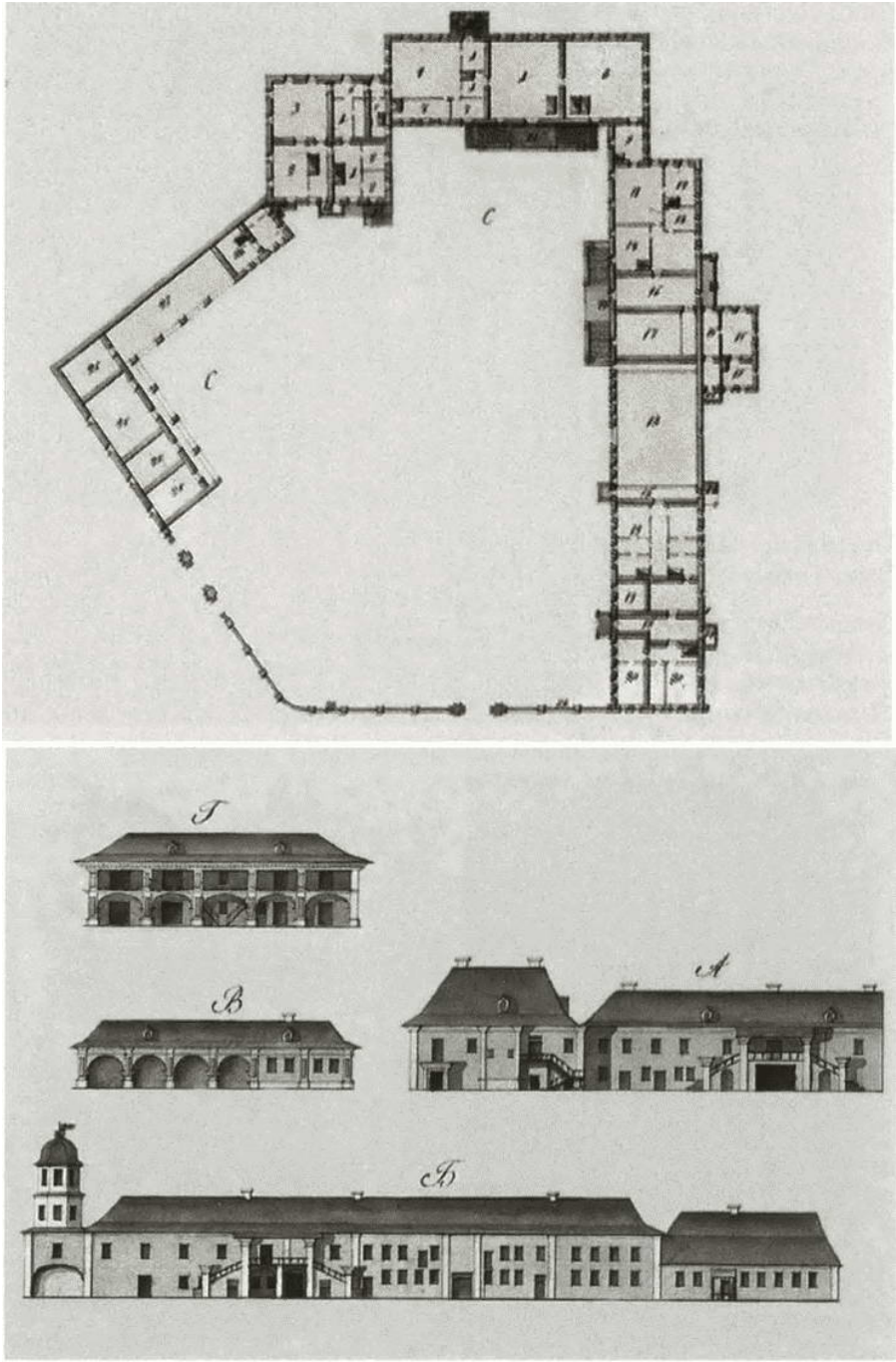
Подвеска паникадила с вензелем и надписью «Невьянской» из церкви Николы Зарецкого в Туле. Музей «Некрополь Демидовых»

Невьянская башня, церковь и господские хоромы. Фрагмент гравюры 1868 г.

Вид с Невьянской башни на заводской пруд

Невьянская башня. Вход в лабораторию

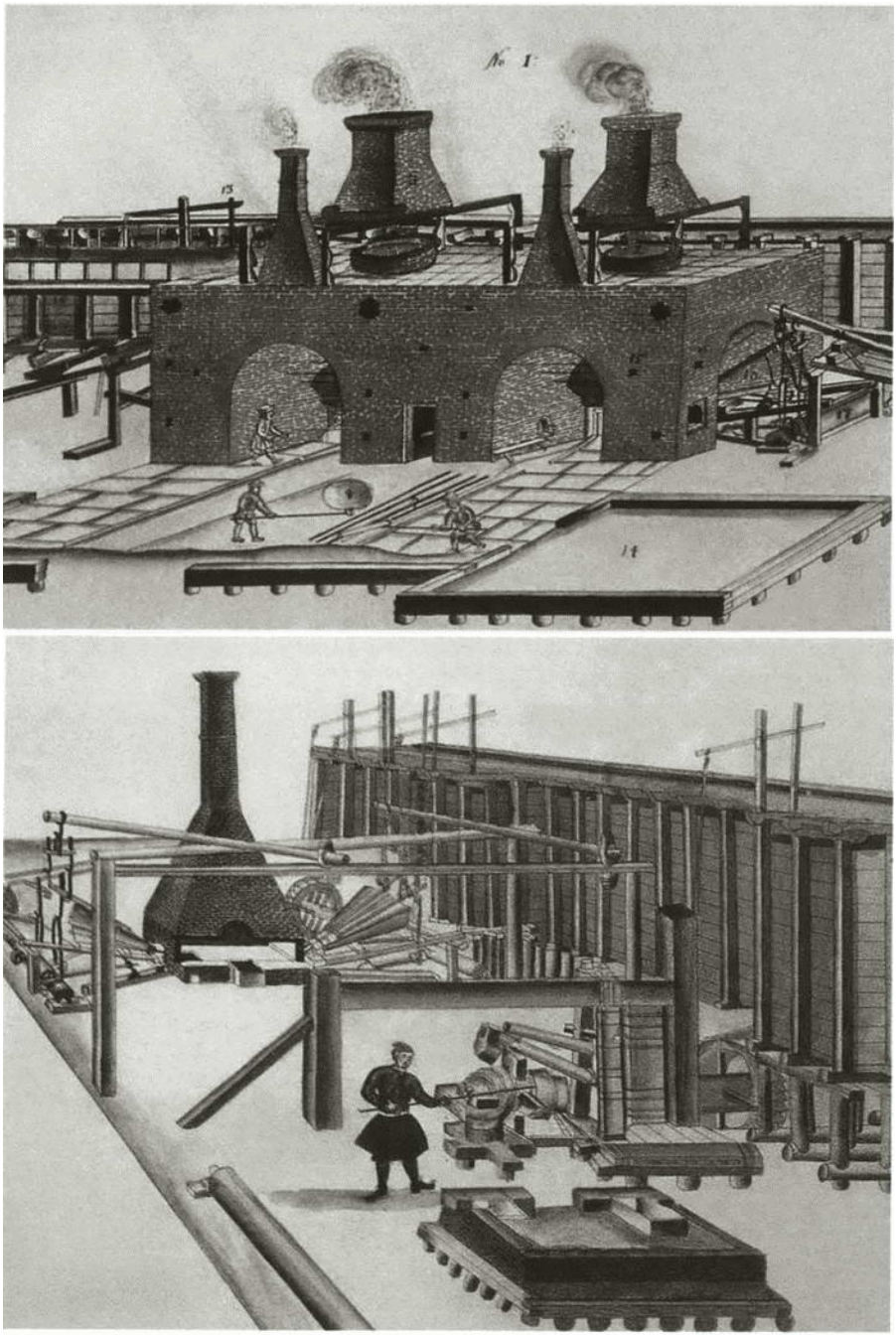
Заводовладелец с плеткой. Экспозиция в нижнем этаже Невьянской башни



Ансамбль господских хором и конторы на Невьянском заводе: план (вверху) и дворовые фасады (внизу). Чертеж первой половины XIX в.

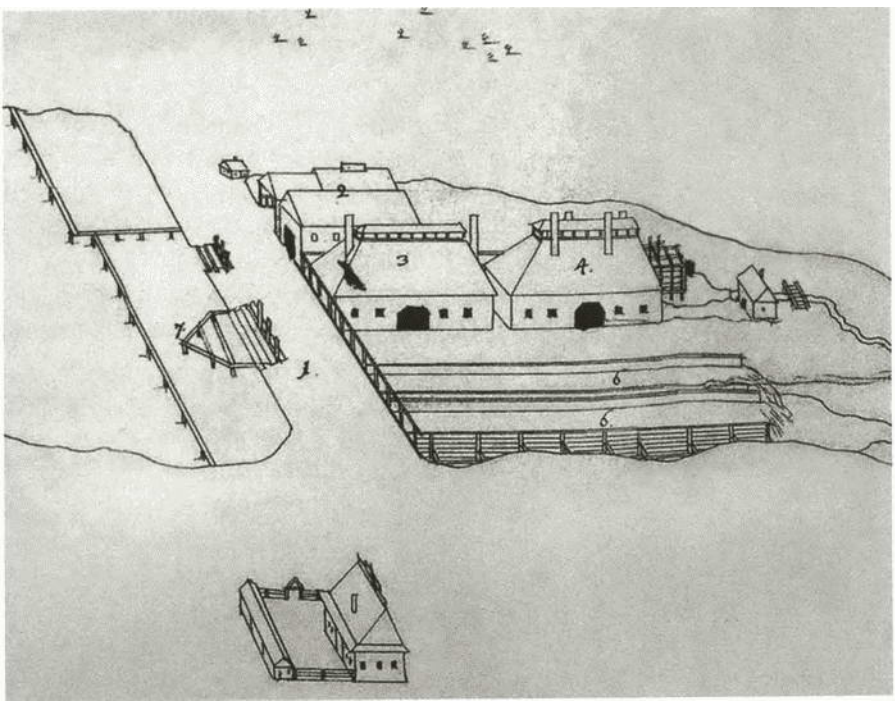
Памятная плита, отлитая на Невьянском заводе в 1725 году

Ансамбль господских хором и конторы Невьянского завода в ходе реставрации



Доменная (вверху) и молотовая (внизу) фабрики. Из рукописи В.И. Геннина «Абрисы…»

Листобойный цех. Фрагмент картины П.Ф. Худоярова



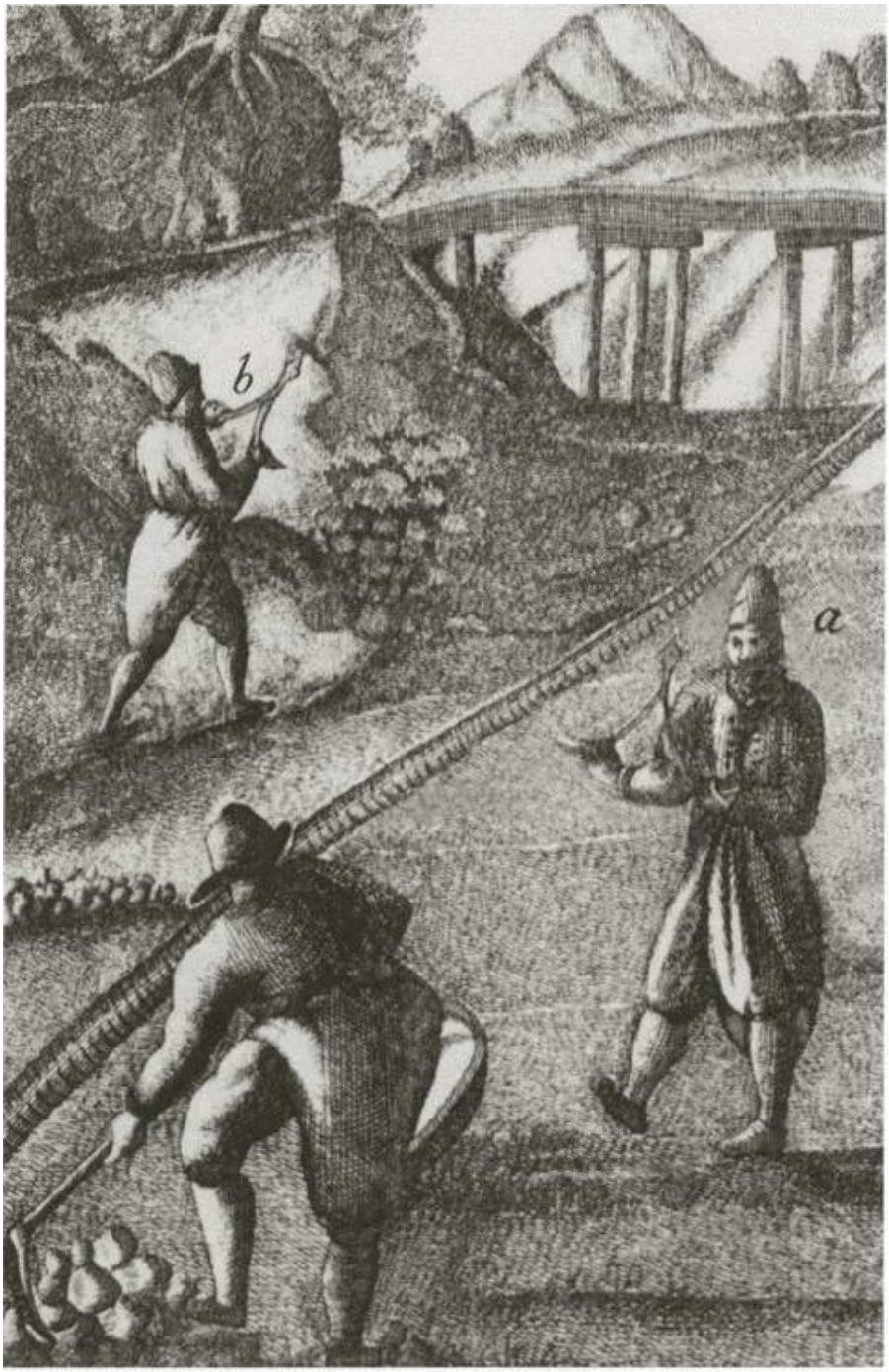
Нижнетагильский завод. Фрагмент рисунка 1734 г.

Медный стол, рудная пирамида и большой магнит в экспозиции НТМЗ «Горнозаводский Урал»

Клеймо «Сибирь /Н:S/ДАД» («Невьянский завод дворянина Акинфия Демидова»)

Церковь Иоанна Предтечи в селе Красном под Соликамском

Людмилинская соляная скважина в Соликамске

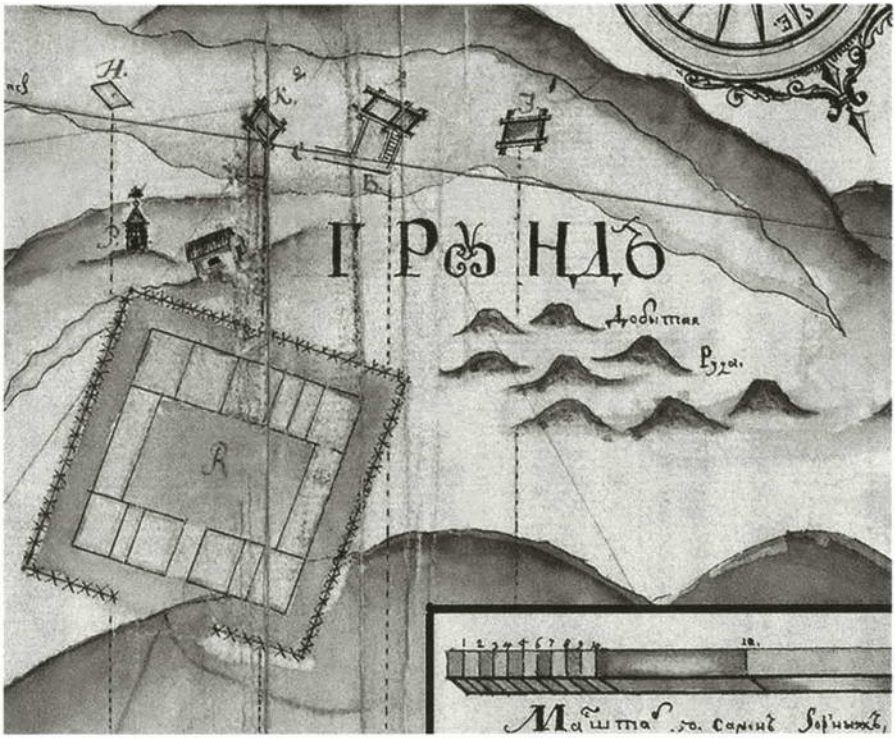


Лозоходцы: a — «как рудокоп лозою руду находит»; b — «склонение лозы на рудную жилу». Из книги И.А. Шлаттера «Обстоятельное наставление рудному делу…». 1760 г.

Фрагмент карты Кузнецкого уезда с указанием мест демидовских рудников на Алтае. 1729 г.

Памятник на предполагаемом месте первого завода Акинфия Демидова на Алтае

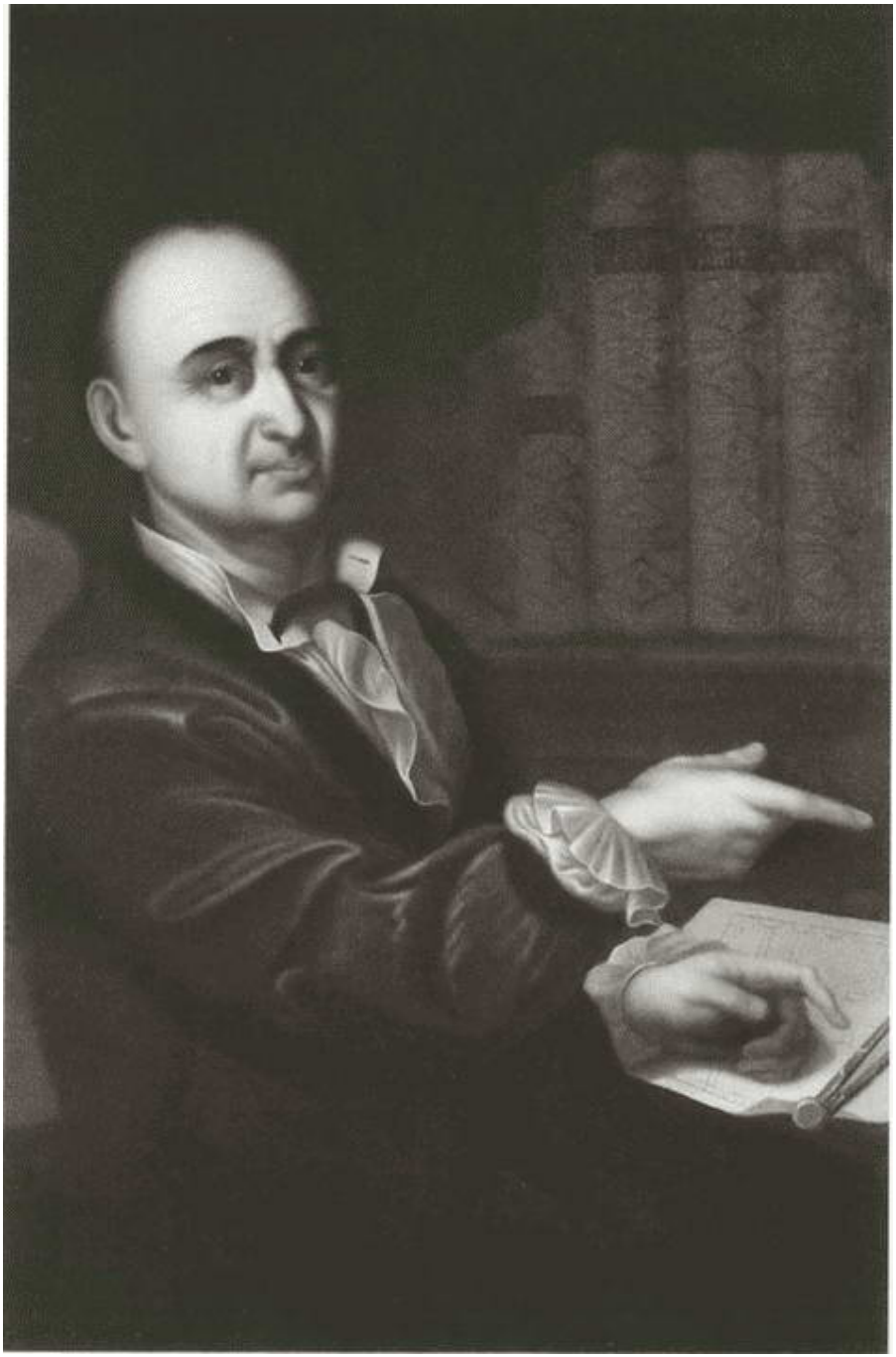
Сургучная печать Филиппа Трейгера, преподнесшего императрице первые образцы змеиногорской золотой руды



Фрагмент чертежа Змеиногорского рудника. Показаны первые шахты и строения на Змеиной горе. 1745 г.

Сургучная печать Андрея Беэра на рапорте об отправке первого казенного «золотистого» серебра с Алтая. 1745 г.

«Демидовский столп» — памятник столетию горного дела на Алтае, воздвигнутый в Барнауле в 1830-х годах



Прокофий Акинфиевич Демидов. НГИАМ

Григорий Акинфиевич Демидов

Памятная доска в честь 270-летия закладки Г.А. Демидовым сада в селе Красном

Никита Акинфиевич Демидов. Портрет работы Л. Токке. 1756— 1758 гг. НТМЗ «Горнозаводский Урал»

notes

1

Своими мыслями о Демидовых П.П. Бажов поделился в написанном в 1945 г. обширном письме А.А. Суркову — фактически рецензии на опубликованный за несколько лет до этого роман о них Е. А. Федорова (текст см., например, в издании: *Бажов П.П.* Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955. С. 148—156).

2

Шакинко И.М. Невьянская башня: Предания, история, гипотезы, размышления. Свердловск, 1989. С. 7.

3

Гомель И. Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. Отдел «Прибавления». С. 2.

Белоцерковский Г.М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. Киев, 1914. С. 21.

5

Тульские оружейники: Сборник документов /Отв. ред. И.Н. Юркин. М., 2003. С. 17, 18.

6

РГАД А.Ф. 699. Оп. 1. Д. 589. Л. 16 об.

7

Спасский Г И. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих горных заводов, составленное из актов, сохранившихся у его наследников, и из других сведений. СПб., 1877. С. 12. Все последующие ссылки — на это (второе) издание.

Там же. С. 2.

Головщиков К.Д. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881. С. 1; *Афремов И.Ф.* Историческое обозрение Тульской губернии // *Афремов И. Ф.* Собрание сочинений. Тула, 2008. С. 292.

Левшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. Тула, 2006. С. 73. Местным авторам правильная форма тоже могла быть известна по контактам с жившими в Туле поздними носителями фамилии. Действовала, однако, магия авторитета, справиться с которой смог один В.А. Левшин.

Афремов И.Ф. Указ. соч. С. 292.

12

РГАД А.Ф. 1209. Алексин. Дела старых лет. Кн. 10427. Л. 40, 41, 42 об., 46 об.

13

Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1017. Л. 323, 346.

14

Не потому ли выбирают именно его, что в отличие от другого, Старого Павшина, Новому суждена была более счастливая судьба — оно существует по сей день?

15

В 1721 г. оно принадлежало князю Петру Саввичу Волконскому. В это время трое его крестьян владели в Павшине 9 горнами и 3 железцовыми кузницами (Там же. Л. 346). Данные для середины 1730-х гг. см.: *Сербина К.Н.* Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI — первой половины XIX в. Л., 1978. С. 30—36.

Так, в 1733 г. ручные железные заводы имели у себя на дворах тульские посадские жители Артемий Никитич Вельской (названный промышленником), Антон Вельской и Иван Дьяконов (РГАД А.Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1071. Л. 640, 666, 669 об.).

17

Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула, 1998. С. 30.

18

«Демидко Клеменов с пищалью и з бердышем» (РГАД А.Ф. 210. Оп. 7 Дела разных городов. Д. 9. Л. 38). Б.Б. Кафенгауз, ссылаясь на публикацию этого документа в сборнике «Тула. Материалы для истории города XVI—XVIII столетий» (М., 1884), воспроизводит отчество не точно — «Клементьев» *(Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII— XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. 1.С. 83).

Именно его приводят Г.И. Спасский, И.Ф. Афремов, К.Д. Головщиков. Формы, производные от *Климентия,* — у Гамеля, из позднейших авторов — у Б.Б. Кафенгауза.

20

Запись через косую черту используется для календаря с неянварским началом годового цикла. Петровской календарной реформе предшествовал календарь, год в котором начинался 1 сентября. Запись 1653/54 означает период с 1 сентября 1653 г. по 31 августа 1654 г.

21

РГАД А.Ф. 210. Оп. 14 Столбцы Севского стола. Д. 155. Л. 20, 20 об. Автор благодарит С.В. Трофимова за ознакомление с копией этого документа. Роспись составлена не ранее ноября 1655 г. Патроним в приложении руки написан неотчетливо. Но присутствие автографа на обороте именно того листа, на котором записан Дементий Клеменов, склоняет принять именно это прочтение.

22

Там же. Оп. 7 Дела разных городов. Д. 9. Л. 70 об.

23

Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625— 1700): Биографический справочник. М., 2011. С. 715.

Другое объяснение — смерть членов семьи во время эпидемии — можно отбросить. В документе 1655 г. все подобные случаи отмечены: указано, в какой семье и сколько человек умерло. По поводу семьи Д.К. Антюфеева в нем таких сведений нет, следовательно, «моровое поветрие» она пережила без потерь.

Афремов И.Ф. Указ. соч. С. 292.

Хадсон Х. Д. Первые Демидовы и развитие черной металлургии Рос сии в XVIII веке. Уфа, 2011. С. 17. Отечественные авторы менее радикальны: продлевают жизнь Д.К. Антюфеева до 1677 г. *(Трофимов С.В.* Новые данные о происхождении и родственном окружении первых Демидовых (материалы для родословия) //http:// rodoved2006.wordpress.com/2006/05/30/ novye-dannye-2).

27

Между Васькой Фефиловым и Сенькой Нестеровым.

28

РГАД А.Ф. 210. Оп. 7 Дела разных городов. Д. 9. Л. 261 об.

29

Там же. Оп. 14 Столбцы Севского стола. Д. 155. Л. 20.

Другие случаи ее употребления: Там же. Л. 17.

Афремов И.Ф. Указ. соч. С. 292.

Трофимов С.В. Указ. соч.

Спасский Г.И. Указ. соч. С. 52; *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 2.

34

Доклады и приговоры Правительствующего Сената. Т. 2. С. 355. Впервые на этот документ обратил внимание Б.Б. Кафенгауз, указавший в ссылке, впрочем, неверный номер тома *(Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С. 85).

35

У Семена и его племянника Н.Н. Демидова фамилии в этом документе совпадают: оба *Ефтифеевы*. По мнению Б.Б. Кафенгауза, тождество Семена Демидова с братом Н.Д. Демидова несомненно. Мы также считаем его весьма вероятным.

Цит. по: *Трофимов С.В.* Указ. соч.

Там же; *Юркин И.Н.* Демидовы в Туле. С. 196.

38

О производстве, принадлежавшем первому: РГАД А.Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1017. Л. 411, 412 об.; Там же. Кн. 1400. Л. 117 об., 118; второму: Там же. Кн. 1071. Л. 610-612; Там же. Кн. 1400. Л. 117 об., 118. Сведения относятся к 1721, 1727 и 1733 гг.

39

По публикации Н.Ф. Андреева (1854) воспроизведена в кн.: *Юркин И.Н.* Николо-Зарецкая (Демидовская) церковь в Туле: Исторический очерк. Тула, 1994. С. 64.

Афремов И.Ф. Указ. соч. С. 292.

Они почерпнуты из каких-то письменных источников — из документов или, может быть, из недошедших до нас поздних тульских хронографов. Тульскому жителю Ивану Афремову надпись на находившемся в Туле могильном памятнике Никите Демидовичу также была, несомненно, известна.

42

Документально о подобных посылках известно для 1660-х гг. (Крепостная мануфактура в России. Ч. 1: Тульские и Каширские железные за воды. Л., 1930. С. 37, 38, 369). Утверждение, что на одном из заводов Тульско-Каширской их группы (конкретно — на Ченцовском) обучался Демидов, было высказано давно *(Стоскова Н.Н.* Основание Тульского оружейного завода //Вопросы истории естествознания и техники. М., 1963. Вып. 14. С. 108). Но источник, из которого заимствован этот факт, в статье не указан, и нам отыскать его не удалось.

Головщиков К Д. Указ. соч. С. 3.

Сахаров И.П. История общественного образования Тульской губернии. М., 1832. Ч. 1.С. 147-149.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С. 84.

РГАД А.Ф. 233. Кн. 351. Л. 450.

Там же. Кн. 352. Л. 585 об., 588 об., 589.

Там же. Кн. 354. Л. 216.

Из текста, впрочем, не ясно, идет речь о реальном разорении или только об угрозе.

Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 4: Курс русской истории. С. 111.

Бобровский О.П. История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к 1 тому. СПб., 1900. С. 40, 41.

Гамель И. Х. Указ. соч. С. 29, 30.

Тульские оружейники. № 32—34.

54

Архив ВИМАИВиВ С.Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 212. Сообщающий об этом документ относится к марту 1704 г. Однако, учитывая, что данная запись фиксирует уже не первую «порцию» денег, заплаченных поставщику, предполагаем, что фузеи были сданы в 1703 г., в крайнем случае — в начале 1704 г.

Гамель И. Х. Указ. соч. С. 30.

56

П.П. Шафиров тогда не был ни вице-канцлером (подканцлером — занял этот пост в 1709 г.), ни бароном (пожалован титулом в 1710 г.).

См., например: *Толычева Т.Т.* Предания о Демидовых и о демидовских заводах //Русский архив. 1878. Кн. 2. С.119, 120.

Загоровский В.П. Петр Великий на воронежской земле. Воронеж, 1996. С. 14—18. Возможно, Петр проезжал Тулу в ноябре 1695 г., возвращаясь из Азовского похода, но маршрут его передвижения через Воронеж не проходил *(Юркин И.Н.* Петр Железный (Петр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы). СПб., 2012. С. 43, 44).

59

Пребывание Петра на территории тульского края, его здесь остановки (в том числе, возможно, и в Туле) подробно рассмотрены в книге: *Юркин И.Н.* Петр Железный… С. 35—69.

Голиков И.И. Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные Иваном Голиковым //Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 386—388.

Виргинский В. С Очерки истории науки и техники XVI—XIX веков (до 70-х гг. XIX в.). М., 1984. С. 19.

62

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С. 88. В других местах своего сочинения он называет две не вполне совпадающие даты: 1696—1697 (основание и пуск) (Там же. С. 259) и 1696—1701 (сооружение) (Там же. С. 89).

63

Основан не ранее 1695 г. (И.П. Сахаров), устроен в 1701 г. (он же), в 1696 г. (И.Ф. Афремов), не ранее 1696 г. (И. Х. Гамель), не ранее 1700 г. (К.Д. Головщиков), сооружался в 1696—1701 гг. (Н.Е. Бранденбург).

Гамель И.Х. Указ. соч. С. 31.

Афремов И.Ф. Указ. соч. С. 293, 294.

РГАДА. Ф. 1345. Оп. 2. Д. 134. Л. 45. Подробнее см.: *Юркин И. Н.* Тульский завод Демидовых. 1695—1782: Из истории становления и развития доменной металлургии России. М., 1996. С. 12.

67

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1.Д. 1071. Л. 1,2 об., 3.

Там же. Л. 8 об.

Там же. Л. 9.

В экстракте напротив места, в котором говорится об оставшихся до истечения срока 13 годах, имеется помета: «По силе оной справки уроч-ныя годы вышли по 714-й год» (Там же). Результат обратного отсчета будет меняться в зависимости от того, где установить границу — в начале или конце 1714 г.

Там же. Л. 10 об.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 86.

РГАДА- Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1071. Л. 8 об., 9.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 495, 496.

Там же. с. 96.

Там же. с. 495.

Тула. Материалы… с. 73.

Там же. с. 114.

РГАДА. Ф- 699. Оп. 1. Д. 1032. Л. 2 об., 3 об., 4.

Там же. Д. 806. Л. 8; Д. 1073. Л. 36.

81

Там же. Д. 806. Л. 1,3.

Там же. Д. 1030. Л. 14.

Юркин И.Н. Демидовы в Туле. с. 161 — 165.

Там же. с. 171-174.

Тула: Материалы… с. 74, 80, 82-84.

86

РГАДА. Ф- 350. Оп. 1. Д. 428. Л. 76 об.

Юркин И.Н. Старосты Кузнецкой слободы г. Тулы в XVII — начале XVIII в. //Из истории металлургии и металлообработки в Тульском крае. Тула, 1994. с. 48.

88

СПбФА РА Н.Ф. 85. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

Юркин И.Н. Старосты Кузнецкой слободы… с. 49.

90

ГАТ О.Ф. 187. Оп. 1. Д. 13. Л. 433.

91

Гамель И. Х. Указ. соч. с. 50; СПбФА РА Н.Ф. 85. Оп.1. Д. 3. Л. 81.

92

РГАДА- Ф- 248. Оп. 9. Д. 657. Л. 237.

93

Не исключено, что старшим его братом был известный по сказке 1723 г. Тульской оружейной слободы казенный кузнец, «рудных ручных заводов железного дела промышленник» Григорий Петрович Володимеров, в свою очередь имевший сыновей: Ивана 15 лет, состоявшего «у то го ж железного промыслу», и упоминавшегося Петра 9 лет (ГАТ О.Ф. 187. Оп. 1.Д. 13. Л. 358).

Годы рождения сыновей устанавливаем исходя из возраста, указанного в сказках оружейников 1723 г. (Там же. Л. 359, 433).

Так, отец Федора Петр Володимеров выступил в качестве свидетеля при оформлении 23 октября 1727 г. духовной Е. Ф. Демидовой.

В литературе приводится и другое его отчество — Евсеевич (см.: *Юркин И.Н.* Демидовы в Туле… с. 157, 214). Наши документы устойчиво называют его Васильевичем. То же у Гамеля *(Гамель И. Х.* Указ. соч. с. 47).

97

Возраст Василия в переписной книге 1715 г. — 60 лет. Следователь но, он родился около 1655 г. (РГАД А.Ф. 699. Оп. 1. Д. 750. Л. 10).

98

Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1071. Л. 11 об., 12 об., 505, 579 об., 580.

ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 768. Л. 6, 7.

100

См., например: *Керов В.В.* «Се человек и дело его…»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004.

101

ПиБ. СПб., 1887. Т. 1. № 181. с. 632, 639, 643.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 60, 76, 77; *Микитюк В. П., Дьячков С В.* Каменский чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII—XX вв. Екатеринбург, 2001. с. 242.

103

Спасский Г.И. Указ. соч. с. 7; *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. с. 90.

104

Афремов И.Ф. Указ. соч. с. 294. Близкий по содержанию рассказ присутствует у Г.И. Спасского, который ссылается на предание, бытовавшее на Невьянском заводе *(Спасский Г.И.* Указ. соч. с. 9).

105

Пи Б.Т. 2. №409,410.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 90, 91, 93, 94.

Спасский Г.И. Указ. соч. с. 9.

Цит. по: *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. с. 93, 94.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 100.

Там же. с. 100, 101.

111

Там же. с. 103.

Там же. с. 105, 106.

113

Там же. с. 134.

114

Опубликована в кн.: *Шишонко В.* Пермская летопись. Период 5. Ч. 3. Пермь, 1889. Прим. 4. Цитируем по копии в фонде Берг-коллегии (РГАД А.Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 43-50).

115

Там же. Л. 49 об., 50.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 137.

Особенно показательна упоминаемая далее отписка Демидова в Сибирский приказ от 7 ноября 1703 г. (РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 50. Л. 194 об.-199).

118

Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 51-59 об.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 142.

120

Там же. с. 126.

121

Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы. М., 1962. с. 73.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 155.

123

Цит. по: *Шакинко И.В.* Указ. соч. с. 53.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 155.

125

Там же. с. 155-156.

126

Там же. с. 156.

127

Там же. с. 156, 157.

Там же. с. 157.

Афремов И.Ф. Указ. соч. с. 292.

Самое позднее известное нам упоминание о ней еще живой относится к июню 1744 г. (ГАТ О.Ф. 1770. Оп. 1. Д. 326. Л. 1 об.).

131

Указанный год рождения является общепринятым. Отметим, однако, что в переписной книге Невьянских заводов 1721 г. Акинфий показан 40-летним (Старый Невьянский завод. Екатеринбург, 2001. с. 66). Впрочем, если возраст Никиты Демидовича и его внука Григория Акинфиевича показан в ней правильно, возраст другого внука, Прокофия, смещен на два года.

132

Обоснование даты рождения Никиты Никитича см. в главе 12.

Гамель И. Х. Указ. соч. с. 30, 31.

Афремов К Ф. Указ. соч. с. 293.

135

Голиков И.И. Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого… с. 384, 388.

136

Нартов А. К Достопамятные повествования и речи Петра Великого //Там же. с. 287. О предпочтении, которое он оказывал анисовой водке, упоминается и в другом анекдоте (Там же. с. 318).

137

РГАД А.Ф. 615. Оп. 1. Д. 11829. Л. 27. Еще один двор, находившийся поблизости от демидовского, принадлежал вдове посадского человека Устина Афанасьева.

138

Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 96. Л. 1,2. Документ опубликован в кн.: *Юркин И.Н.* Демидовы в Туле. с. 260.

139

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1.Д.49.Л. 1.

140

И.Ф. Афремов, говоря о покупке Баташевыми демидовского дома после пожара 1779 г., отмечает, что с ним было куплено «и огромное место двора их» *(Афремов И.Ф.* Указ. соч. с. 203). Как видим, участок воспринимался не просто большим — огромным. Отец Акинфия в конце XVII в. таким владеть не мог.

Юркин И.Н. Демидовы в Туле. с. 260.

142

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1687. Л. 1 об.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 141, 142.

Там же. с. 106, 111.

145

Там же. с. 134.

146

РГАДА. Ф. 248. Кн. 119. Л. 763 об.

147

Приехал не позднее 22 мая, отбыл в Елец не ранее 13 июня (Там же. Ф. 699. Оп. 1.Д. 108. Л. 1об.).

148

В сенатской выписке отмечено: «И по тому наказу Фатей Тютчев описных книг и скаски не присылывал» (Там же. Ф. 248. Кн. 119. Л. 764). Потому и «не присылывал», что решение в полном объеме исполнено не было, распоряжения же, прежний указ отменявшие, документально, скорее всего, оформлены не были.

Там же. Л. 764-766 об.; *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. с. 158.

150

РГАДА. Ф. 248. Кн. 119. Л. 767.

151

Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 585. Л. 1.

Юркин И.Н. Демидовы в Туле. с. 76.

153

Характер упоминаний (а также неупоминаний) о Григории в грамоте, составленной при отделении Никиты Никитича, таков, что позволяет думать, что Григорий был уже отделен.

154

Головщиков К Д. Указ. соч. Прил. 15. Письмо подписано именем Никиты Демидова, без отчества. В литературе его приписывают Никите Акинфиевичу (К.Д. Головщиков) и почему-то Прокофию Акинфиевичу (В. Свалов). Анализ содержания не оставляет сомнений: автором мог быть только Никита Никитич.

155

Документ опубликован — см.: *Юркин И.Н.* Демидовы в Туле. Прил. 5. № 1.С. 259-261.

Возможно, он арендовал не только землю, но и находившуюся здесь мельницу. Во всяком случае, какая-то отдававшаяся Ладыженским Демидову внаем мельница на Дугне упоминается в закладной, оформленной в 1720 г. (РГАД А.Ф. 285. Оп. 1. Кн. 237. Л. 1540). Однако полной уверенности в том, что она была отдана еще в первом десятилетии века, у нас нет.

Павленко Н.И. Указ. соч. с. 95.

158

Аргументацию см. в кн.: *Юркин И.Н.* Демидовы в Туле. с. 79, 80.

159

Архив ВИМАИВиВ С.Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 138. Л. 2.

160

РГАД А.Ф. 285. Оп. 1. Кн. 237. Л. 1540.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 161.

162

Там же. с. 160. К сожалению, Б.Б. Кафенгауз не указывает, к какому году относится эта просьба, и не дает ссылку на источник.

163

Павленко Я.И. Указ. соч. с. 95. Заметим, что факт, это подтверждающий, приведен всего один: противодействие Никите-младшему в его стремлении на Урал.

Гамель И. Х. Указ. соч. с. 44, 45.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 158.

166

РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 119. Л. 762 об.

167

Там же. Кн. 1075. Л. 501. Впрочем, это данные на 1741 г., когда оружейный завод разросся и, возможно, несколько приблизился к заводу металлургическому.

168

Там же. Кн. 119. Л. 762 об.

169

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 408. Л. 5. Подробнее см.: *Юркин И.Я.* Тульский завод Демидовых. с. 18, 19.

Павленко Н.И. Указ. соч. с. 117.

171

РГАДА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 585. Л. 1 об., 2.

172

Там же. Д. 589. Л. 15 об.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 495.

Павленко Н.И. Указ. соч. с. 117.

Объяснить нестыковку можно, предположив, что Никита Демидов из истории с винокурней это не Никита Демидович, а Никита Никитич. Но такое предположение легко оспорить. Никита Демидов назван в повествующих о ней документах «оружейных дел мастером». Документов этого времени, в которых так именовался бы Никита-младший, нам не известно. Кроме того, младший жил тогда общим с отцом хозяйством. Сомневаемся, что он мог в такого рода делах выступать вполне независимо.

Павленко Н.И. Указ. соч. с. 117.

177

РГАД А.Ф. 271. Оп. 1.Кн. 1071. Л. 10 об.

178

Там же. Ф. 282. Оп. 1. Д. 4886. Л. 6-8 об. См. также: *Павленко Я. И.* Указ. соч. с. 97.

179

Имеются основания предполагать, что земля, на которой разместился завод, приобреталась в несколько приемов, частями.

180

РГАД А.Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1041. Л. 299. Тот же год указан в кн.: *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. с. 96. Приведенное у него название пустоши *(Кистенка)* искажено: и в купчей (Там же), и в документах генерального межевания название дачи — *Кисленка* (ГАТО. Ф. 291. Оп. 14/58. Д. 3. Л. 85).

181

РГАД А.Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1017. Л. 174, 335.

Там же. Л. 335 об.

183

Юркин И.Я. Демидовы в Туле. Прил. 5. Док. № 2. с. 261, 262.

Как было принято, операция оформлялась «без приписи», то есть как бездоходная. В действительности доход прятали в сумму, указанную в заемной кабале.

185

Юркин И.Я. Демидовы в Туле. Прил. 5. Док. № 3. с. 262, 263.

186

РГАД А.Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1017. Л. 338 об., 339.

187

Там же. Л. 339 об., 340.

Для уральских заводов этот вопрос достаточно хорошо разработан. Для менее изученного Дугненского завода см. списки мастеров на 1723 г. *(Юркин И.Я.* Демидовы в Туле. Прил. 5. № 6. с. 264—268). Не думаем, что в конце 1710-х гг. положение на нем сильно от других отличалось.

189

Добыча и доставка руды крестьянскими артелями существовала приблизительно в это время на пермских заводах (*Корепанов Я.С.* Геннин на Урале. Екатеринбург, 2006. с. 18; Пермь заводская. 1723—1781 гг. Екатеринбург, 2011. с. 9).

190

РГАД А.Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1017. Л. 338.

191

Там же. Кн. 1037. Л. 61 об., 65 об.

ПСЗ.Т. 4. №2331.

Нам эти аргументы (случавшиеся на заводах аварии, утраты продукции при доставке, многолетние задержки с оплатой поставленного казне и др.) кажутся вполне резонными, хотя Б.Б. Кафенгауз на основании точно того же материала пришел к заключению, что Демидов «несомненно преувеличивал расходы и себестоимость железа» *(Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч. с. 160). Конечно, себестоимость конкретной партии металла могла быть и меньше, но с учетом перечисленных издержек она неизбежно возрастала.

Рожков В. Доносы фискалов на Никиту Демидова// Русская старина. 1887. № 54. с. 329-344.

Там же. с. 335; *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. с. 160.

Там же. с. 132, 133, 137.

Там же. с. 135; РГАД А.Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 137.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 155. Причину свертывания производства пушек на Урале видят в улучшении общей военно-политической ситуации, позволившем развернуть его на заводах, находившихся ближе к театру военных действий *(Гаврилов Д.В.* Развитие военного производства на Урале в XVIII—начале XX в. // *Гаврилов Д.В.* Горнозаводский Урал XVII—XX вв. Екатеринбург, 2005. с. 428). Эта причина не являлась единственной — в цитированном указе прямо названа и другая, связанная с качеством продукции.

Шакинко И.В. Указ. соч. с. 44.

200

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 138-140, 142 об.

201

РГАД А.Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 142. Наши данные характеризуют отпуск продукции. Е. В. Курлаев приводит сведения по производству Его цифры несколько больше, но динамика изменений в целом та же. До указа 1705 г. на Невьянском заводе было отлито 60 пушек и 4 мортиры. В 1708—1709 гг. во время волнений башкир — 50 пушек. В 1710—1717 гг. — 556 пушек, часть из которых была отправлена на Макарьевскую ярмарку *(Курлаев Е. А., Корепанов Н. С, Побережников И.В.* Технико-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII—XVIII вв. Екатеринбург, 2011. с. 120, 121). Эти данные существенно корректируют утверждение о том, что в 1709—1714 гг. на Невьянском заводе отливались только снаряды *(Гаврилов Д.В.* Развитие военного производства… с. 429).

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 160-162.

Хадсон Х. Указ. соч. с. 35; *Мосин А.Г.* Первые Демидовы: возвращение на Урал //Наука. Общество. Человек. Вестник УрО РАН. 2012. № 1 (39). с. 171, 172.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 163; РГАДА. Ф.П. Оп. 1. Д. 95. Ч. 1. Л. 11.

Павленко Н.И. Указ. соч. с. 73.

206

РГАД А.Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 36 об.

Хадсон Х. Указ. соч. с. 27.

208

РГАД А.Ф. 285. Оп. 1. Кн. 237. Л. 1274-1277.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 95, 96.

210

ПС З.Т. 6. №3711.

211

Гаврилов Д.В. Верхнетагильский чугуноплавильный и железоделательный завод //Металлургические заводы Урала… с. 133.

212

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1071. Л. 3.

213

Один из сидевших там колодников сказал на Семена Иванова «слово и дело»: якобы он растопил чугуном медный крест и говорил опасные слова о государе. Но тот оправдался (ничего предосудительного не говорил, «восточной церкви повинуетца»), доноситель же сознался в оговоре (РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221, 1277; ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 120, 122).

214

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1017. Л. 338 об.

215

Там же.

216

Там же. Кн. 781. Л. 326 об., 327. Документ 1736 г. Склоняемся к предположению, что в 1721 г. домна еще работала, на основании того, что при нормальной ее работе для переработки чугуна требовались три молота, — соответственно, при работающем одном понадобилась бы трехлетняя работа одного молота. Молотовая в течение следующих двух после 1721 г. лет в работающей домне не нуждалась.

217

Там же. Кн. 1017. Л. 338 об.

218

Любопытно, что с младшим сыном своего неприятеля, Никитой Никитичем, давно следовавшим в жизни собственному курсу, отношения у Баташева складывались, возможно, не столь драматично. Они, конечно, обострились, когда Н.Н. пытался заставить тульских металлопромышленников платить в казну «правильную» десятину, но Баташев действовал здесь в составе сплоченной общими интересами группы и сколько-нибудь выдающейся строптивости не проявлял. Но в 1725 г. И.Т. Баташев дважды занимал у Н.Н. деньги. Немного — всего чуть больше 150 рублей *(Волков М.Я.* Крепостная книга города Тулы о предпринимательской деятельности комиссара Н. Демидова и его сына Никиты //Коммерция и государство в истории России (XVI—XX вв.). Екатеринбург, 2001. с. 22), но к врагам в таких случаях обычно и за меньшим не обращаются. Впрочем, заемщик в указанной статье Волкова указан только инициалами, что не позволяет надежно отождествить его с Иваном Тимофеевичем. Одно временно с ним жил Иев Тимофеевич, тоже Баташев, тоже оружейник, тоже промышленник — владелец железоделательного завода, только ручного (см., например: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1071. Л. 602 об.).

Если, конечно, мы правильно реконструируем связь событий. Мы уже указывали на эпизод с винокурней, который, не противореча общей траектории развития личности Баташева, в хронологию ее эволюции не вписывается.

Павленко Н.И. Указ. соч. с. 74; *Гаврилов Д.В.* Лайский железоделательный завод //Металлургические заводы Урала… с. 296.

221

Н.И. Павленко начало строительства Нижнетагильского завода от носит к 1722 г. *(Павленко Н.Н.* Указ. соч. с. 74).

Гуськова Т. К., Мальцева Е. с. Нижнетагильский чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала… с. 347.

223

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1037. Л. 46. Площадка, подобранная для строительства, располагалась в 44 верстах к западу от Екатеринбурга *(Гаврилов Д.В.* Ревдинский чугуноплавильный и железоделательный за вод //Металлургические заводы Урала… с. 402).

224

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1037. Л. 46 об.

225

У Н.И. Павленко, из книги которого заимствуем этот факт (Указ. соч. с. 74), использовано множественное число: Шуралинские заводы. Подразумеваются, скорее всего, Шуралинский и расположенный неподалеку Быньговский заводы.

Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. с. 111.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 155, 156.

Павленко И.И. Указ. соч. с. 74, 75; *Гаврилов Д.В.* Выйский медеплавильный завод //Металлургические заводы Урала… с. 164.

Курлаев Е. А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной поли тики. М, 2005. с. 243.

230

Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. № 18. с. 84. Близкий текст в рапорте Геннина в Кабинет от того же числа (Там же. № 17. с. 64—65).

231

В публикациях эта надпись часто цитируется с разночтениями. Приведенный текст сверен с оригиналом.

На это обратил внимание тагильский краевед К.Ф. Ляпцев (*Ляпцев К Ф.* Загадка медного стола //Уральский следопыт. 1983. № 5; *Он же.* Загадки медного стола //Тагильский краевед: Альманах. Нижний Тагил, 1992).

233

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 628. Л. 152 (цит. по: *Курлаев Е. А.* Загадки медного стола и начало производства меди на заводах Никиты Демидова // 9-е Татищевские чтения. Екатеринбург, 2012. с. 40).

АЕ. А. Курлаев пишет об этом уверенно: «…к 1715 г. заводчиком было построено не менее 25 медеплавильных печей» (Там же. с. 41).

Геннин В. Уральская переписка… с. 79.

Там же. с. 79, 80.

237

Там же. с. 80. Обучение не этого ли человека подразумевал Геннин, говоря о помощи, оказанной им Демидову?

238

Там же.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 164.

Шакинко И.М. Указ. соч. с. 82.

241

Б.Б. Кафенгауз датирует соответствующий указ 21 сентября 1720 г. и называет его «состоявшимся» *(Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. с. 163).

Геннин В. Указ. соч. № 18.

Имеем в виду в первую очередь подборку из 14 документов, опубликованную А.С. Черкасовой в 1-м выпуске «Демидовского временника» и письма Геннина Петру и Екатерине, опубликованные М.О. Акишиным *(Геннин В.* Указ. соч.).

Юхт А.И. Указ. соч. с. 42, 43, 47, 50, 106.

245

Там же. с. 42, 43.

Обратим внимание на дату. Татищев не мог собрать компрометирующий материал, который достиг бы царя до 20-х чисел сентября того же года (дата неподписанного дворянского диплома). Уже из этого видна не состоятельность предположения, что на отношение Петра к Демидову повлияли известия о нем, полученные от Татищева.

247

Там же. с. 51.

Там же. с. 121.

Геннин В. Указ. соч. № 18.

Там же. с. 82, 83.

251

Там же. с. 82.

Там же. с. 77, 78.

Юхт А.И. Указ. соч. с. 110, 111.

Там же. с. 111.

Геннин В. Указ. соч. № 18. с. 83.

Юхт А.И. Указ. соч. с. 116.

257

Там же. с. 118. Татищев дал объяснения, на что израсходовал эту сумму.

Геннин В. Указ. соч. № 33. с. 144. При Петре к печальным последствиям могло привести изобличение и в малых взятках. Вот относящееся к 1701 г. свидетельство И.А. Желябужского: «Генваря в 30 день на площади перед Поместным приказом повешен Леонтей Яковлев сын Кокошкин за то, что был он у приему подвод во Твери и взял 5 рублев денег» *(Желябужский И.А.* Записки // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. с. 288).

Цит. по: *Шакинко И.* Указ. соч. с. 279.

Герцог Лирийский. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. с. 249.

Юхт А.И. Указ. соч. с. 124.

Там же. с. 128.

Цит. по: *Юхт А.И.* Указ. соч. с. 128.

Там же. с. 158, 161.

Афремов И.Ф. Указ. соч. с. 295.

266

Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Кн. 240. Л. 201 об. Документ — письмо из Приказа артиллерии в Москве в Артиллерийскую канцелярию в Петербурге — относится к августу 1719 г. Никита в это время находился в Сибири, на дворе жил жилец (дворник?).

267

Частное строительство в Москве и Подмосковье. Первая четверть XVIII века. Подрядные записи / Сост. М.В. Николаева. М., 2003. Т. 1. с. 451.

С Григорием связана история находившегося в Тульско-Каширском металлургическом районе Дугненского завода, основанного в 1707 г. Присутствие в Туле Никиты надежно прослеживается с 1711 г., в котором отец при отделении дал ему здесь двор.

269

Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Кн. 240. Л. 201 об.

270

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1539. Л. 467; Старый Невьянский завод. с. 66.

271

ГАТО. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 326. Л. 1 об.

Головщиков К.Д. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881. с. 19, 20.

Сам Никита, как уже отмечалось, в эту переписную книгу не внесен.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1539. Л. 467 об.

275

Документ опубликован в кн.: Старый Невьянский завод. с. 66.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 166, 167.

277

См., например: «…с сыновьями был суров, даже жесток, за исключением старшего Акинфия. К нему Никита Демидович питал нежную отцовскую любовь…» *(Шакинко И.М.* Указ. соч. с. 52).

278

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1017. Л. 335.

Там же. Кн. 639. Л. 125.

280

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1238. Л. 1-8.

281

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1017. Л. 335 и дал., 339 и дал.

Волков М.Я. Указ. соч. с. 21—23.

283

РГАДА. Ф- 271. Оп. 1. Кн. 1037. Л. 61 об.

284

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 847. Л. 1-24 об.

285

«…Левая (рука. — *И. Ю.)* поддерживает алую накидку, наброшенную на темный кафтан…» *(Шакинко И.М.* Указ. соч. с. 48). Этот текст повторен и в его последней книге «Демидовы». Достаточно внимательно присмотреться к изображению, чтобы убедиться в ошибочности утверждения.

286

Описываем изображение по фотокопиям и репродукциям в печатных изданиях. Даже при хорошей полиграфии цвет объектов на них сильно различается. Так, окраска поверхности стола варьируется от оливково- зеленого до коричневого без признаков зелени.

Калязина Н. В., Комелова Г Н. Русское искусство Петровской эпохи. Л., 1990. Илл. 90.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 128.

289

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 54, 55.

Корепанов И.С. Серебро на Нейве? // Легенды и были Невьянской башни. Екатеринбург, 2011. с. 104.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 164.

292

Юркин И.Н. Николо-Зарецкая (Демидовская) церковь в Туле. с. 64. Эпитафию публиковали Г.И. Спасский (1833, 1877) и, скорее всего по другой записи, Н.Ф. Андреев (1853, 1854).

Если, конечно, под «Тульскими заводами» подразумеваются имен но *заводы,* а не *Тула,* что тоже не исключено.

Андреев Н.Ф. Историческое известие о Чулковой слободе (предместий), что в Туле //Москвитянин. 1854. № 15. Отд. II. с. 122, 123.

Афремов И.Ф. Указ. соч. с. 295.

Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы / Сост. В.П. Кругляшовой. Свердловск, 1991. с. 145. Пригорок в этой истории напоминает о пейзаже скорее уральском, нежели тульском. Но каким же должна была представлять демидовское имение жительница Висима?

297

В публикации, которую цитируем, — 1701 г., но это, несомненно, или опечатка, или результат неправильного прочтения текста на плите (может быть, поврежденной?). Если прибавить к году рождения 51, получим 1707. Отметим, однако, что эта дата тоже не совпадает с указываемым в литературе (со ссылкой на указ) 1709 г. Или этот указ не пожаловал чин, а лишь подтвердил уже имеющийся? Но нам документы 1707 и 1708 гг., в которых Никита именовался бы комиссаром, не встречались.

Юркин И.Н. Николо-Зарецкая (Демидовская) церковь. с. 64.

Г.И. Спасский сочинителем эпитафии уверенно назвал Акинфия *(Спасский Г.И.* Указ. соч. с. 57). Отметим интересное, хотя и не подкреп ленное доказательствами мнение И.М. Шакинко, предположившего, что в составлении текста «участвовал перед смертью и сам Никита Демидович» *(Шакинко И.М.* Указ. соч. с. 50).

300

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1017. Л. 183 об., 184 об.

Способный — да. Но каких взглядов придерживавшийся в действительности? Не останавливаемся на этом подробно (отнеся вопрос в по следующие главы), но отметим, что Никита как минимум сочувствовал старообрядчеству, а некоторые течения в нем относились к Петру крайне отрицательно.

Хадсон Х. Указ. соч. с. 42.

303

Головщиков К.Д. Указ. соч. с. 43. В качестве источника известия Головщиковым названо «Историческое начертание горного производства в Российской Империи» (Ч. 1. с. 8).

Голиков И.И. Деяния Петра Великого. М., 1789. Ч. 9. с. 442. О том же у Галема: «Государь, желая почтить трудолюбие сего мужа, хотел даже соорудить ему, как первому показателю источников, снабжающих Россию железом и медью, памятник на одной из площадей Петербургских; но сие намерение осталось неисполненным» (цит. по: *Спасский Г.И.* Указ. соч. с. 53). Ср.: «Петр настолько был доволен деятельностию Демидова, что намеревался даже соорудить медную статую его и поставить оную в Петербурге "в публичном месте, в ознаменование оказанных им заслуг"» *(Головщиков К.Д.* Указ. соч. с. 43).

305

Там же.

Шакинко И.М. Указ. соч. с. 34. Паллас, ссылаясь на слышанные им рассказы, пишет, что столб «назначен был для статуи г. Статского Советника Акинфия Никитича Демидова» *(Паллас П. С* Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2. Кн. 1: 1770 год. СПб., 1786).

307

О строительстве часовой башни на Нижнетагильском заводе имеются сведения в документах 1741 г. *(Шакинко И.М.* Указ. соч. с. 28, 29), она изображена на гравюре середины XVIII в., упоминается в «Путешествии…» Палласа. На Тульском заводе часовая башня изображена на плане середины XVIII в. *(Юркин Я.Н.* Тульский завод Демидовых… с. 37).

Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы /Под общ. ред. В.И. Байдина. Екатеринбург, 2001. с. 43—49, 63, 64. Не противоречит этому мнение В.М. Слукина: фундамент заложен в 1721—1723 гг., постройка «складена» в 1725—1732 гг. (Легенды и были Невьянской башни. с. 38, 52).

309

Это свидетельство содержится в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» *(Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. с. 56).

310

Текст опубликован: *Юркин И.Н.* Новые документальные материалы о начальном этапе истории адаптации в России доменной технологии («Память из Приказа Большой казны об основании железного завода под Тулой», 1651 г.) //Архив истории науки и техники. М., 2007. Вып. 3. с. 375-389.

311

В документах датируется различно: 21 сентября *(Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч. с. 163) и 23 сентября 1720 г. (изложение в указе Сената от 30 ян варя 1727 г. см.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10442. Алексин. Дела старых лет. Л. 362).

Цит. по сенатскому указу 1727 г.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 168.

Сборник РИО. Т. 55. СПб., 1886. с. 46, 169.

315

Каким — не говорилось, но подразумевалось. В записи, данной Григорием Акинфию, тот пишет: «…взял я, Григорей, себе *якобы в раздел* денег пять тысяч рублев. И впредь мне, Григорью… на него, брата моего болшаго Акинфия… как в движимом, так и в недвижимом имении и в заводех ея императорскому величеству *никогда не бить челом и тех дел отнюдь не начинать*» (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 760. Л. 3. Курсив наш).

Там же. Л. 1-5. См. также: Там же. Д. 759. Л. 1.

317

Там же. Ф. 282. Оп. 1. Д. 4886. Л. 15-15 об.

318

В рукоп.: не бить.

319

Там же. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 759. Л. 1 об.

320

Там же. Л. 1 об., 2 об.

321

Там же. Л. 3, 4, 6 об. См. также дело, заведенное по этому поводу в провинциальной канцелярии (ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 2082).

322

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 759. Л. 3, 6 об.

Единственное известное нам исключение — упоминаемое ниже на падение (1727) его сына Ивана Демидова на рудник дяди Никиты Никитича. Ничто не говорит о том, что за спиной отпрыска стоял Григорий Никитич. Оставляем этот факт на совести 19-летнего Ивана, склонного к хулиганским поступкам.

324

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 761. Л. 1. Почерк документа относится к концу XVIII — началу XIX в.

325

Черкасова А.С. «…Чтоб железо делать самым добрым мастерством» // Демидовский временник. Екатеринбург, 1994. Вып. 1. с. 22.

Упоминающие об этом авторы (С.П. Шевырев, К.Д. Головщиков, А.С. Черкасова и др.) о времени путешествия не сообщают. П.П. Бажов полагал, что оно имело место после смерти комиссара Никиты. Подробнее см.: *Юркин И.Н.* Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. М., 2001. с. 23, 25.

327

РГАДА. Ф.П. Оп. 1.Д. 95. Ч. 2. Л. 269 об.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 164.

Юхт Л.И. Указ. соч. с. 129.

Там же.

331

А.И. Юхт на одной странице высказывает прямо противоположные мнения. «Демидов, — пишет он, — склонялся к тому, чтобы не доводить дело до конфликта, а пойти на мировую». А ниже заявляет, что «Демидову выгодно было представить Меншикову» дело так, чтобы «склонить светлейшего к отказу от мировой, что больше устраивало заводчика» (Там же. с. 130).

Головщиков К.Д. Указ. соч. Прил. 6.

Юхт А.И. Указ. соч. с. 130, 131.

Геннин В. Указ. соч. № 18. с. 81, 82.

Юхт А.И. Указ. соч. с. 122.

Геннин В. Указ. соч. № 18. с. 83, 84.

337

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 639. Л. 7, 8.

Цит. по: *Корепанов Н.С.* Серебро на Нейве? с. 92.

339

Там же.

340

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 639. Л. 10.

341

Там же. Кн. 1071. Л. 3.

Там же. Л. 7, 4.

343

Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1030. Л. 14 об., 15.

Афремов И.Ф. Указ. соч. с. 299-300.

345

Юркин И.Н. Николо-Зарецкая (Демидовская) церковь в Туле. с. 12.

346

«Дворец… так же как и церковь, был закончен в 1734 году» *(Кипарисова Л.* Тула. М., 1948. с. 41). Это утверждение можно принять только в том смысле, что автор имел в виду окончание строительных работ. И все же полгода для приведения церкви в состояние, когда ее можно освящать, — большой срок. Может быть, ждали отсутствовавшего в Туле Акинфия? Для ближайших к июню дат нам известно его местопребывание для 26 марта и 21 сентября 1735 г. В обоих случаях Акинфий находился в Туле, а в промежутке между 1 и 21 сентября ездил в свою деревню под Тулой (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1408. Л. 72 об.; Там же. Ф. 449. Оп. 1. Д. 30. Л. 1 об.).

КипарисоваА. Указ. соч. с. 41.

Там же. с. 42.

Юркин И.Н. Николо-Зарецкая (Демидовская) церковь… с. 40.

Данных, объясняющих связь этого храма с родом Демидовых, не имеем, за исключением того, что он стоял недалеко от их завода и некоторые из работавших на предприятии жили поблизости. Может быть, Коробковы (родители Евдокии) были прихожанами этого храма?

351

Гаврилов Д.В. Ревдинский чугуноплавильный и железоделательный завод //Металлургические заводы Урала… с. 402.

Павленко И.И. Указ. соч. с. 79—81.

Корепанов Н.С. Серебро на Нейве? с. 103.

Павленко И.И. Указ. соч. с. 82, 83.

355

Шкерин В.А. Суксунский медеплавильный, железоделательный за вод //Металлургические заводы Урала… с. 444.

Павленко Н.И. Указ. соч. с. 83, 84.

357

Акинфий пишет только о 1725 г., но современные исследователи склонны датировать время обследований 1724—1725 гг. (*Бородаев В. Б., Контев А.В.* У истоков истории Барнаула. Барнаул, 2000. с. 60).

Там же. Док. № 9.

Там же. с. 60, 61, 105.

Там же. с. 105.

Там же. с. 100, 97.

ПС З.Т. 8. № 5860.

363

Бородаев В. Б. Контев Л.В. Указ. соч. с. 101, 102. Док. № 16.

Там же. с. 106.

365

Там же.

366

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 56.

Там же. Л. 55, 56.

Новейший критический обзор этих легенд с обильным привлечением документального материала см. в статьях алтайских и уральских историков: *Контев А.В.* Незаконная добыча Акинфием Демидовым серебра из алтайских руд: аргументы «за» и «против» // Альманах Международного Демидовского фонда. М., 2009. Вып. 4. с. 54—73; *Корепанов Н.С.* Серебро на Нейве? с. 88-106.

369

Байдин В.И. Как познакомились Акинфий Никитич с Кириллой Даниловичем: Версия о пребывании Кирши Данилова в Сибири и его встречах там с А.Н. Демидовым //Проблемы истории России. Екатеринбург, 2005. Вып. 6. с. 178.

Бородаев В. Б., Контев А.В. Указ. соч. с. 62.

Рожков В.И. Акинфий Никитич Демидов на своих Колывано-воскресенских заводах //Горный журнал. 1891. Т. 3. с. 336.

Среди них И.Ф. Афремов (Указ. соч. с. 297), из новейших — И.М. Шакинко (Указ. соч. с. 254). Последний писал, что тот «бывал на Колывани очень редко», то есть, получается, бывал, причем не раз.

Байдин В.И. Как познакомились… с. 186, 193—196, 202—205.

374

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 376, 376 об.

375

Там же. Л. 374, 374 об.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 639. Л. 125.

В документе он назван «выборным». В 1713 г. Родион Андреевич избирался оружейным старостой *(Юркин И.Н.* Демидовы в Туле. с. 20).

378

РГАДА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1030. Л. 24, 25 об.

Детьми от этого брака были Акулина и Иван (Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1041. Л. 316). Приблизительный год рождения Ивана позволяет определить сказка первой ревизии: в августе 1723 г. он, «оных же заводов управитель», был записан в ней 15-летним (ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 13. Л. 21).

Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1322. Л. 1, 2.

381

Там же. Д. 1621. Л. 1, 1 об.

382

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1041. Л. 284, 284 об.

383

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1621. Л. 1.

384

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1041. Л. 285.

Там же. Л. 278 об., 279, 285.

Так, во всяком случае, утверждал Акинфий: «…Брат мой волею Божиею умре, а наследника по себе недвижимому ево имению при животе своем он не учинил» (Там же. Л. 313).

Там же. Л. 304 об.

Там же. Л. 278-281; Там же. Ф. 282. Оп. 1. Д. 4886. Л. 6-8 об.

389

Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1041. Л. 313, 314 об.

Там же. Л. 309, 309 об., 306 об.

Там же. Л. 306 об., 307, 297 об.

Например, в ноябре 1728 г. жаловалась в провинциальную канцелярию на соседа, вместе с крестьянами подворовывавшего лес из призаводской рощи (ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1780. Л. 1, 1 об.).

393

РГАДА. Ф- 271. Оп. 1. Кн. 1041. Л. 297, 298 об.

Там же. Л. 303 об.

395

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1041. Л. 301, 301 об.

Там же. Л. 303.

Там же. Л. 302 об., 303.

Его сказки присутствуют во всех комплектах сказок, которые давали тульские оружейники (см., например, составленные при их переписи в августе 1723 г.: ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 13. Л. 21).

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 495.

400

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1041. Л. 305.

401

В промемории, посланной из Тульской провинциальной канцелярии, читаем: «А заводами ево (Ивана Григорьевича. — *И. Ю.)* ныне владеет дядя ево родной дворенин Акинфей Никитин сын Демидов» (ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 2215. Л. 2 об.).

402

РГАДА. Ф- 271. Оп. 1. Кн. 1041. Л. 309 об., 312 об.

403

Там же. Л. 307 об., 308 об.

Там же. Л. 307 об., 308 об., 310 об., 312 об.

405

О достигнутом договоре Акинфий 2 июля 1729 г. известил Берг-коллегию *(Павленко Н.И.* Указ. соч. с. 98).

406

РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 4886. Л. 6-8 об.

407

Цитированная промемория из Тульской провинциальной канцелярии, в которой упомянуто о владении Акинфием заводом Ивана Демидова, датирована 28 марта 1730 г. (ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 2215. Л. 2 об.).

Там же. Д. 1238. Л. 1 об.; *Павленко Н.И.* Указ. соч. с. 99.

409

Там же.

Сохранилось ее письмо середины 1760-х гг., показывающее, как нуждался тогда в сырье Верхотулицкий завод: Акулина благодарит двою родного брата за подаренные им остатки руды, находившейся на останов ленном Тульском заводе (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 22. Л. 1).

411

РГАДА. Ф- 271. Оп. 1. Кн. 1041. Л. 285, 285 об.

412

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 2215. Л. 2 об.

413

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1041. Л. 466.

Павленко И.И. Указ. соч. с. 96.

415

В источнике (РГАДА. Ф- 1239. Оп. 3. Ч. 49. Д. 24857. Л. 1) говорится, что дело происходит в период с сентября по ноябрь, так что, может быть, леса еще не зажглись, а может — уже отгорели.

Там же. Л. 1, 1 об. Решение о возвращении долга будет вынесено уже после смерти Петра II — в мае 1730 г. (Там же. Л. 3).

Юркин И.Н. Демидовы — ученые, инженеры… с. 48—50.

418

Мы уже высказывали предположение, что более раннему приходу Н.Н. Демидова в Берг-коллегию могло мешать противодействие отца — действительно имевшее место или возможное в случае подобной попытки (Там же. с. 47).

419

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 639. Л. 13.

Там же. Л. 4.

421

Там же. Л. 13, 14.

Там же. Л. 24-26.

423

Там же. Л. 28, 28 об.

Там же. Л. 112, 115 об., 116 об.

425

Там же. Кн. 774. Л. 155.

Сборник РИО. Т. 55. СПб., 1886. с. 46.

427

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 9.

Там же. Л. 25.

429

Там же.

Там же. Л. 53 об.

Там же. Л. 56 об., 57; 102, 102 об.

Там же. Л. 103.

Там же. Л. 103, 103 об.

Письмами, именовавшимися *промемориями,* по регламенту сообщались учреждения равного статуса. Можно думать, что главу Оружейной конторы такое именование Демидовым служебных писем к нему дополнительно раздражало. Потому, может быть, он его послание и не принял.

435

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 103 об., 104 об.

Там же. Кн. 774. Л. 154 об.

437

Там же. Кн. 1400. Л. 104 об.

Там же. Л. 105.

Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953. с. 139.

440

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 182. Л. 20.

441

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 257 об.

442

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 178. Л. 67 об.

443

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 227, 228, 270 об., 273 об., 275.

Там же. Л. 1 об.

Там же. Кн. 774. Л. 154 об.

Там же. Кн. 1400. Л. 314, 317.

Там же. Л. 258, 258 об., 276 об.

Там же. Кн. 774. Л. 155.

Позднее по сходному поводу будет возмущаться племянник Никиты Прокофий.

Павленко Н.И. История металлургии… с. 103, 104.

451

Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности… с. 412.

452

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 53.

Там же. Л. 58, 59, 59 об., 61, 64, 81, 83, 94.

Там же. Л. 179.

Там же. Кн. 841. Л. 2-6 об.

Там же. Кн. 781. Л. 179, 180.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 174, 175.

458

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 179.

459

В.И. Рожков, не ссылаясь на источник, сообщает, что Васильев был на заводах Акинфия под Тулой в первых числах октября 1733 г. *(Рожков В.И.* Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии // Горный журнал. 1885. Т. 2. № 5. с. 246). Судя по документам, он появился на них месяцем раньше.

РГАДА. Ф- 271. Оп. 1. Кн. 1071. Л. 3, 7.

461

Там же. Кн. 781. Л. 81.

Там же. Кн. 1071. Л. 2, 10 об.

463

Там же. Кн. 1408. Л. 50, 51.

Рожков В.И. Указ. соч. с. 246, 247.

465

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 198 об.

Там же. Л. 51, 52 об.

467

Там же. Л. 59, 56-56а.

Там же. Л. 59, 60, 94, 94 об.

469

Там же. Л. 101 об.

Рожков В.И. Указ. соч. с. 247.

471

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1071. Л. 332 об.

Рожков В.И. Указ. соч. с. 247.

473

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1071. Л. 497 об., 498.

Там же. Л. 500, 503, 505.

Там же. Л. 499 об., 501, 502.

476

До 20-го. Датируем по доношению Васильева с изложением доноса Горбунова, поступившего в контору Комиссии 22 декабря (Там же. Кн. 781. Л. 53 об.). В.И. Рожков пишет, что решение императрицы проверить металлозаводчиков определили шесть доносов (перечисляет каких), среди которых был и горбуновский. О них «было доведено до Высочайшего сведения и Государыня все дела велела разобрать… барону Шафирову»; далее излагается указ ему от 4 августа 1733 г. *(Рожков В.И.* Указ. соч. с. 244). Полагаем, что здесь допущена ошибка. Всё, известное нам об этих доносах, относится ко времени *после* 4 августа. Послужить поводом для указа о следствии они не могли.

477

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3291. Л. 1.

478

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 53 об., 54.

Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности… с. 413.

Там же.

481

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3291. Л. 13.

482

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 54, 54 об.

483

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1.Д. 3291.Л. 1, 1 об.

Там же. Л. 2, 3, 11.

485

РГАДА. Ф- 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 54 об., 55 об.

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1.Д. 3291. Л. 7, 7 об., II об., 12.

487

Там же. Л. 13, 13 об.

Там же. Л. 15, 16.

489

Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности… с. 413, 414.

490

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 774. Л. 154, 155 об., 174.

491

Там же. Кн. 781. Л. 179.

492

Там же. Л. 127, 127 об. В деле из синодского архива доносителем на зван «пономарь Тульской Рождество-Богородичной церкви Василий Петров» (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 14. Стб. 585). Несомненно, что речь идет о том же человеке.

493

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1071. Л. 501, 501 об.

494

Там же. Кн. 781. Л. 128, 128 об. «И то де он, доноситель, — пророчески замечал подьячий, — затевает напрасно».

495

Там же. Л. 127, 127 об.

Описание документов и дел… Стб. 586.

Там же. Стб. 585.

Сборник РИО. Т. 117. с. 665, 666.

499

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 128 об., 129.

500

Сборник РИО. Т. 117. с. 666.

501

Там же. с. 665.

502

Малицкий П.И. Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895. с. 39.

503

Предания и легенды Урала. с. 156—157.

Гаврилов Д.В. Билимбаевский чугуноплавильный и железоделательный завод //Металлургические заводы Урала… с. 70.

505

Указ, отправленный из Петербурга 2 октября, прибыл на Невьянский завод 4 ноября (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 11 об.).

Там же. Кн. 841. Л. 17, 19,20.

507

Там же. Л. 36, 36 об.

Там же. Л. 94.

509

Там же. Л. 95, 96, 98 об., 99.

Там же. Л. 99 об.

511

Там же. Л. 289-291 об., 293, 294, 296.

Там же. Л. 298-303 об.

513

Там же. Кн. 1408. Л. 51 об.

Там же. Кн. 841. Л. 308, 321.

515

Там же. Кн. 781. Л. 179.

516

Там же. Л. 83, 83 об.

517

Там же. Л. 81, 82 об.

518

Рожков В.И. Указ. соч. с. 250. В определении Комиссии от 19 июля 1736 г. указана другая дата назначения Маслова — 14 января 1735 г. (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 179 об.).

519

Датируем по аресту Самсонова.

Сборник РИО. Т. III. Юрьев, 1901. с. 541, 418.

521

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3757. Л. 2.

522

Сборник РИО. Т. 111. с. 470.

523

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3757. Л. 1 об., 2 об., 3, 5, 19, 20.

Описание документов и дел… Стб. 585—587.

525

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3757. Л. 4, 5.

Там же. Л. 12, 13, 13 об.

Рожков В.И. Указ. соч. с. 257.

528

Сборник РИО. Т. III. Л. 534.

529

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 27. Л. 1; *Рожков В.И.* Указ. соч. с. 257.

530

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 3538. Л. 1, 1 об.

531

Сборник РИО. Т. III. Л. 517, 548.

Впрочем, это только предположение. Среди бумаг, поступивших в Кабинет 4 января 1736 г., значится доношение Лаврова «о чем он (Копылов. — *И. Ю.)* спрашивай в застенке» (Сборник РИО. Т. 114. с. 5). В нашем распоряжении этого документа не имеется.

533

Там же. с. 98, 150.

534

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 160, 160 об.

535

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3918. Л. 1 об.

536

Инструкция от 23 марта 1734 г.: «…К каждому заводу определить вам особых Шихтмейстеров, дав им инструкции, применяясь ко учреждению Саксонских и Шведских заводов…» (ПС З.Т. 9. № 6559).

Бородаев В. Б., Контев Л.В. Указ. соч. с. 97, 98.

Там же. № 18.

539

Там же. № 19.

Там же. № 20.

541

Байдин В.И. Как познакомились… с. 200.

Бородаев В. Б., Контев А.В. Указ. соч. с. 115.

543

Там же. с. 116.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 179 об. —181.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 173.

546

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 59 об., 60; 141; *Рожков В.И.* Указ. соч. с. 250.

Там же. с. 246.

Там же. с. 250, 251.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 176.

Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности… с. 420.

551

ПС З.Т. 9. № 7047.

552

Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской //*Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. с. 186.

553

См., например: *Курукин В.Н.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. с. 263.

Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности… с. 421.

555

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 190-193, 194 об., 197, 198, 199 об.

Там же. Л. 200-202.

557

Там же. Л. 202, 202 об.

Там же. Л. 207, 207 об.

559

Там же. Л. 202 об.-204.

Там же. Л. 207 об., 208 об.

561

Там же. Л. 209-210 об.

Бородаев В. Б., Коптев А.В. Указ. соч. с. 116.

563

Там же. №21.

564

Там же. №23.

565

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 164 об.

566

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3918. Л. 1 об., 2 об.

567

Там же. Д. 4299. Л. 1, 1 об.

Там же. Л. 4, 5.

Если, конечно, не предположить, что имущество было припрятано.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 189.

Там же. Л. 189 об., 190 об.

Рожков В.И. Указ. соч. с. 256, 257.

573

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 403, 404, 404 об.

Сборник РИО. Т. 117. с. 639, 640.

575

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 27. Л. 1, 1 об.; *Рожков В.И.* Указ. соч. с. 257.

576

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 27. Л. 1 об.

Там же. Л. 6 об, 7, 8, 8 об.

Там же. Л. 11,11 об.

Там же. Л. 13-17.

Юркин И.Н. Демидовы в Туле. с. 107, 195, 196.

581

Сборник РИО. Т. 117. с. 668, 669.

582

Описание документов и дел… Синода. Т. 14. Стб. 587, 588.

583

Сборник РИО. Т. 117. с. 668.

Там же. с. 669.

585

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 257 об.

«…И, — завершает он оборванную нами фразу, — забывали после ее окончания» *(Гаврилов Д.А.* Развитие военного производства… с. 426).

Там же. Л. 258 об.

См. с. 205—206 настоящего издания.

589

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 59, 60.

Там же. Л. 56.

591

Там же. Л. 81, 81 об.

Там же. Л. 134 об.

593

Там же. Л. 54 об.

Рожков В.И. Указ. соч. с. 256.

595

ПС З.Т. 9. № 6840.

596

Там же. № 6858.

Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М., 2002. с. 199.

ПС З.Т. 9. № 6939.

599

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 175. В ПСЗ документ отсутствует.

Среди хлопотавших за него был зять Федор Володимеров — петербургский его резидент, занимавшийся, как видим, не только торговлей демидовским железом.

601

А.К. Нартов сообщает анекдот, в котором Петр при участии князя- кесаря Ф.Ю. Ромодановского разыгрывает по этому поводу целый спектакль с целью дать урок подданным (*Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого //Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. № 143. с. 318).

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 177.

603

РГАДА. Ф.И. Оп. 1.Д. 95.4. 2.Л. 27.

Павленко Н.И. История металлургии… с. 78.

605

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 100.

Бородаев В. Б., Контев А.В. Указ. соч. с. 117.

607

Денисов Ю., Петров А. Зодчий Растрелли: Материалы к изучению творчества. Л., 1963. с. 8.

608

Головщиков К.Д. Указ. соч. с. 87. Деньги были возвращены много лет спустя потомкам заимодавца (*Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. с. 175).

609

Головщиков К.Д. Указ. соч. Прил. 15.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 175.

Павленко Н.И. История металлургии… с. 81—85.

Там же. с. 78, 79.

613

В другой рукописи — 672.

Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской //*Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. с. 190. Анна *(евр.)* — благодать.

615

Холодова Л. С, Рукосуев Е. Ю., Шапошников Г.Н. Кушвинский чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала. с. 287.

Лесенко Д. Мысли В.Н. Татищева о развитии горнозаводской промышленности //Русская старина. 1879. Т. 26. с. 35—42.

617

Там же.

Татищев В.Н. Указ. соч. с. 186.

619

ПС 3. Т. 10. № 7767.

Павленко Н.И. История металлургии… с. 131.

621

Холодова Л. С, Рукосуев Е. Ю., Шапошников Г Н. Указ. соч. с. 287.

622

Бородаев В. Б., Контев А.В. Указ. соч. № 26, 27. с. 126—129. Авторы высказывают предположение, что по протяженности (245 саженей) барнаульская плотина была «крупнейшим для того времени гидротехническим сооружением России» (Там же. с. 154). Едва ли это так: длина тульской плотины в 1730-х гг. составляла более 230 саженей, а во второй половине 1740-х достигала 375 саженей *(Юркин И.Н.* Тульский завод Демидовых. с. 153).

623

Бородаев В. Б., Контев А.В. Указ. соч. № 28, 29, 33. с. 127, 161, 164, 165, 170.

624

Байдин В.И. Новое о Р.Ф. Набатове и его окружении (предварительные заметки) //Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. Новосибирск, 2005. с. 339.

Бородаев В. Б.} Контев А.В. Указ. соч. № 36, 37. с. 169, 170.

Там же. № 53, 54.

627

ПС З.Т. 7. №5163.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 174.

629

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 5.

ПС З.Т. 10. №. 7766.

Там же. Т. 9. № 7047.

632

По-видимому, здесь несколько опечаток. В Берг-привилегии (п. 17) это место выглядит более осмысленно: «…или другим в сыскании, устроении и разширении…» (Там же. Т. 7. № 4378).

Там же. Т. 10. № 7766.

634

Контев А.В. Незаконная добыча Акинфием Демидовым серебра из алтайских руд: аргументы «за» и «против» // Альманах Международного Демидовского фонда. М., 2009. Вып. 4. с. 72.

635

ПС З.Т. 10. № 7766.

Мы отнюдь не ставим на одну доску Геннина и Шемберга. Мы лишь хотим подчеркнуть, что альянсы с власть имущими были одним из способов решения трудных вопросов — способов, к которым Акинфий по мере необходимости прибегал.

637

Бородаев В. Б., Контев А.В. Указ. соч. № 55, 57. с. 242, 243, 246.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 179.

Бородаев В.Б. Контев А.В. Указ. соч. № 58.

640

Сапоговская Л. В. Национальная золотопромышленная политика XVIII—XX вв., или Нужно ли России золото? Екатеринбург, 2008. с. 16; *Максимов М.М.* Очерк о золоте. М., 1977. с. 59, 60.

641

Бородаев В. Б., Контев А.В. Указ. соч. с. 254. Змеиногорский рудник, положивший начало современному городу Змеиногорску, стал первым в России местом, где в дальнейшем добывалось самородное золото.

Контев А.В. Указ. соч. с. 61, 62.

643

Очерки истории культуры и быта… с. 57.

Федоров В.Г. Тайны Невьянской башни. Свердловск, 1961. с. 27. Из новейших публикаций, отразивших тему подземной архитектуры Демидовых, укажем на написанный В.М. Слукиным раздел в книге с характерным названием «Легенды и были Невьянской башни» (Екатеринбург, 2011. с. 64-72).

Ограничимся заключением В.И. Байдина: «Никаких достоверных документальных и вещественных свидетельств существования в прошлом на Невьянском заводе сети подземных ходов на данный момент нет» (Очерки истории культуры и быта… с. 62).

Лясик С.А. Легенда под микроскопом // Уральский следопыт. 1973. №2.

Контев А.В. Указ. соч. с. 66.

648

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 178. Л. 29, 29 об.

649

ПС З.Т. 10. № 7655. Указ от 14 сентября 1738 г.

650

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 178. Л. 33.

651

РГАДА. Ф- 248. Кн. 1075. Л. 502, 502 об. Угля, ценнейшего продукта, погибло около 20 тысяч четвертей (Там же. Л. 501).

652

Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. Екатеринбург, 2010. № 7. с. 20.

653

РГАДА. Ф- 248. Кн. 1075. Л. 501.

654

В переписной книге 1710 г. ей 17 лет (Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1539. Л. 467), в книге 1721 г. — 30 (Старый Невьянский завод. с. 66).

655

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 302 об.

Там же. Л. 302—306. Позднее оно было «явлено» в Юстиц-коллегии, которая 17 июня того же года определила его «записать по указу» (Там же. Л. 306 об.).

657

Письмо А.Д. Меншикову от 15 февраля 1727 года. (Опубл.: *Головщиков К.Д.* Указ. соч. Прил. 6).

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 170; *Трофимов С.В.* Указ. соч.

659

Гурьянова Я.С. Дополнение к «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова//Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. с. 235.

Там же. Общежительства — мужское Выговское и женское Лексинское, организованные по монастырскому чину, — окружали скиты, в ко торых разрешалось проживание семьями.

Гурьянова Н.С. Указ. соч. с. 235, 236.

Цит. по: *Шакинко И.М.* Указ. соч. с. 244.

663

Юхименко Е.М. «Слово надгробное о двою брату единоутробною» Февронии Семеновой //Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. с. 341.

Гурьянова Н.С. Указ. соч. с. 236.

Алейские — с речки Алей.

666

Цит. по: *Шакинко И.М.* Указ. соч. с. 246, 247. Заявление вполне правдоподобное. В анонимном «Дополнении…» к «Истории» И. Филиппова отмечено, что, покинув Выг, Семенов «в начале живяше при заводах Екатеринбурских за его великоразумие от началствующих не помалу по читаем бе» *(Гурьянова П.С.* Указ. соч. с. 235). Можно думать, под «начальствующими» подразумевается и Геннин.

667

Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. с. 113.

Шакинко И.М. Указ. соч. с. 248.

669

Цит. по: *Шакинко И.М.* Указ. соч. с. 250.

Корепанов Н.С. Серебро на Нейве? с. 95, 104.

Цит. по: *Шакинко И.М.* Указ. соч. с. 250, 251.

Гурьянова Н.С. Указ. соч. с. 235.

673

О героях и событиях, упомянутых в этом документе, см.: *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. с. 196-209.

674

РГАДА. Ф. Н83. 1751. Оп. 1. Д. 173. Л. 12 об., 13. Софонтиевщина — один из толков старообрядцев-поповцев, сформировавшийся на Керженце.

В это время Павлу было 16, много, если 17 лет. Может быть, сыграло роль простительное в этом возрасте незнание жизни? Записался же в прусскую службу живший в Германии молодой М.В. Ломоносов.

Там же. Л. 14, 14 об., 15 об., 16.

677

Там же. Л. 2, 15 об.

Там же. Л. 7 об., 8 об., 15.

679

Обтемперанский Л. Историческая записка к 200-летию существования храма Преображения Господня в Невьянском заводе. Екатеринбург, 1910.

680

РГАДА. Ф. Н83. 1751.0п. 1.Д. 173. Л. боб.

681

Геннин В., де. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М, 1937. с. 617.

682

РГАДА. Ф. П83. 1751. Оп. 1. Д. 173. Л. 17.

683

Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 376, 376 об.

Там же. Л. 289-291 об., 293, 294, 296.

Юхименко Е. М. Указ. соч. с. 343.

686

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 18.

Покровский И.П. Указ. соч. с. 72—81.

688

РГАД Д. Ф. 1183.0п. 1.Д. 173. Л. 18, 18 об.

689

Байдин В.И. Новое о Р.Ф. Набатове и его окружении (предвари тельные заметки) //Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. Новосибирск, 2005. с. 337.

Там же. с. 338.

691

Юркин И.Н. «От города до города на прежния жилища» («Выгонки» беглых из-за польской границы в 30-х годах XVIII века и распространение старообрядчества) //Старообрядчество: История, культура, современность. М, 2000. Вып. 8. с. 29-32.

692

ГАТО. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 831. Л. 5-5 об.

693

Павловский Н.Г. Демидовы и старообрядчество в XVIII веке // Демидовский временник. Екатеринбург, 1994. Кн. 1. с. 39.

Там же. с. 37, 39.

695

ПС З.Т. 9. № 6559.

Там же. № 6780.

697

Там же. № 6835.

698

Там же. Т. 10. № 7663; РГАД Д.Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 1. Л. 20 об.

699

Там же. Л. 21 об.

ПСЗ. Т 10. № 7663.

701

РГАДА. Ф. II. Оп. 1.Д. 95. Ч. 1. Л. 20 об., 21.

Там же. Л. 21.

703

ПС З.Т. 9. № 6928.

Там же. Т. 10. № 7663.

705

РГАДА. Ф. II. Оп. 1. Д. 95. Ч. 1. Л. 20, 20 об., 22.

Павловский Я.Г. Указ. соч. с. 32.

707

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 4756. Л. 1, 2.

Там же. Д. 5087. Л. 1, 1 об., 23 об., 24 об.

709

Данные исповедных росписей 1775 г. (ГАТО. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 4773. Л. 25 об., 253 об., 309). Упомянуты в приходах церквей Казанской и Преображения Господня.

Некоторые фамилии связывало даже несколько браков. В таком от ношении друг к другу стояли, например, фамилии Лугининых и Мосоловых, Лугининых и Баташевых (*Юркин И.Н.* Надгробия Лугининых на Всехсвятском кладбище Тулы как источник по генеалогии рода // Тульский металл: четыре столетия истории. М.; Тула, с. 54).

Баташевы породнились с Ливенцовыми, Лугиниными, Мосоловы ми, Пальцовыми, Постуховыми *(Юркин И.Н.* Тульские металлозаводчики XVIII века (дополнения к словарю) // Промышленные династии тульского происхождения. Тула, 1993. с. 75; *Он же.* Демидовы в Туле. М.; Тула, 1998. с. 222; РГАДА.Ф. 615. Оп. 1. Д. 11859. Л. 38 об.).

Там же. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1221. Л. 5 об., 6.

713

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 237. Автор не дает ссылки на источник сведений. К сожалению, установить его нам пока не удалось.

Можно указать еще на один факт, любопытный в плане причастности к старообрядчеству Никиты Акинфиевича. Автор Дополнения к «Истории» И. Филиппова, говоря о Гавриле Семенове, замечает, что он «в прикащичество господина Никиты Иакинфовича Демидова вниде, от которого за благоразумие его почтен бысть зело». Далее — о его определении «главнонадсмотрителем заводов» (*Гурьянова Н.С.* Указ. соч. с. 235). Но, скорее всего, здесь имеет место ошибка. В том, что касается 1720— 1730-х гг., подразумеваться мог исключительно Акинфий. Его сын Ники та был еще слишком мал.

715

РГАДА. Ф. 1183. 1751. Оп. 1.Д. 173. Л. 16 об., 17.

716

Байдин В.И. Тайна авторства Сборника Кирши Данилова // Наука. Общество. Человек: Вестник УрО РАН. 2010. № 4 (34). с. 84.

Гурьянова Н.С. Указ. соч. с. 235, 236.

Павленко Н.И. История металлургии… с. 84, 85.

Бородаев В. Б., Коптев А.В. Указ. соч. с. 255. № 59.

Там же. № 59.

721

Там же. с. 257. Он забрал серебро, выплавленное при нем. Пять слитков недоочищенного серебра весом более 38 кг, выделенного до при езда Беэра, позднее перечистили и передали наследникам (Там же. с. 260). Еще одно свидетельство того, что плавку серебра в вину Демидову не ста вили.

722

ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1533. Л. 1, 1 об.

723

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 11: История России с древнейших времен. М, 1993. с. 265.

724

РГАДА. Ф.П. Оп. 1.Д. 95. Ч. 1.Л. 51.

725

Афремов И.Ф. Собрание сочинений. с. 300.

Соловьев С.М. Указ. соч. с. 265.

727

Струговщиковы — выходцы из Мещанской слободы, в XVIII в. московские 1-й гильдии купцы, позднее вышедшие в дворяне. Петр Струговщиков в 1759 г. завел суконную фабрику в Тульском и Алексинском уездах *(Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. М, 1988. с. 67, 68, 86, 131, 158).

728

РГАДА Ф. 282. Оп. 1. Д. 4886. Л. 2 об.

729

Там же. Л. 1, 1 об., 4, 4 об., 6-8 об.

Там же. Л. 14, 15 об.

Там же. Л. 19.

В качестве иллюстрации приведем письмо престарелой заводчицы, написанное ею в Туле двоюродному брату Н.А. Демидову 3 января 1766 г.: «Премилосердый мой государь, братец, Никита Акинфиевич. Хотя в бытность вашу в Туле вы и пожаловали мне подлежащее число на вашу часть на Тульском заводе руду, но токмо ныне племянника вашева Павла Григорьевича прикащик Петр Чирков без писма вашева не верит и оной руды не отпущает. Того ради покорно вас, государя моего, прошу пожаловать тем не оставить и об отпуске оной руды к кому подлежит отписать, ибо я ныне в ней имею нужду. Я ж вам, государю моему всегда пребуду с искренним моим почтением ко услугам готовая сестра ваша Акулина Данилова» (РГАДА. Ф-1267. Оп. 1. Д. 22. Л. 1).

733

ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 765. Л. 14; Там же. Д. 766. Л. 34. В документах конца января—февраля 1753 г. по делам, связанным с заводом, разыскивают уже не И. Данилова, а Акулину, называя ее заводчицей, а двор, в котором ее ищут, — «ее, Акулины Даниловой, двором» (Там же. Д. 1354. Л. 5, 6 и др.).

Там же. Д. 1354 и 1367.

Павленко Н.И. История металлургии… с. 124.

736

РГАДА. Ф. П. Оп. 1.Д. 95. Ч. 1.Л. 288, 286.

Бородаев В. Б., Коптев А.В. Указ. соч. с. 261.

738

РГАДА. Ф. II. Оп. 1.Д. 95. Ч. 1. Л. 71, 71 об.

739

См. упоминающее об этом письмо приказчика И. Торопова от 9 июля 1745 г. (ГАТО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1080. Л. 94 об.).

Цит. по: *Бородаев В. Б., Коптев А.В.* Указ. соч. с. 262.

Шакинко И.М. Указ. соч. с. 285.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 171, 175.

743

РГАДА- Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 302, 303 об.

Там же. Л. 249-253 об.

Помимо каменного господского дома в Невьянске упоминаются «господские хоромы» при Колывано-Воскресенском заводе (*Байдин В. И.* Как познакомились… с. 194, 201). Следует, однако, учесть, что чем больше становилось заводов, тем реже навещал их владелец. Необходимость строить на каждом специальное жилье для хозяина отсутствовала. Его не было, например, на Барнаульском заводе. Но там существовал дом приказчика, который принадлежал заводу, то есть являлся собственностью Демидова (*Бородаев В. Б., Контев А.В.* Указ. соч. с. 209).

Может быть, их намеревались оставить вдове?

Текст дефектен. В публикации здесь союз «и».

Афремов И.Ф. Указ. соч. с. 299, 300.

749

РГАДА. Ф.11. Оп. 1.Д.95.Ч. 2.Л. 327, 368.

Афремов И.Ф. Указ. соч. с. 299.

Кириленко Н.Н. Храмы города Тулы. Тула, 2010. с. 210.

Юркин И.Н. Тульский завод Демидовых… с. 54—56. Планы: Там же. с. 37, 38.

Gmelin I. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743 (цит. по переводу Е. М. Рединой в кн.: Старый Невьянский завод. с. 133).

зТ0 утверждение сомнительно. По современным представлениям, каменная господская усадьба строилась в 1740-х гг., а строительство башни было завершено еще в 1732 г.

755

Старый Невьянский завод. с. 134.

756

Очерки истории культуры и быта… с. 52, 64. При жизни Акинфия была построена только часть ансамбля.

См., например: Старый Невьянский завод. Илл. на с. 101.

Если, конечно, эта башенка относится ко времени Акинфия, а не к более позднему.

759

Шишонко В. Пермская летопись с 1263—1881 г. Пятый период. Ч. 3: с 1702-1715 г. Пермь, 1889. Прим. 7.

760

РГАДА Ф. 285. Оп. 1. Кн. 251. Л. 1006-1008. Через шесть дней после этой сделки Акинфию разрешили покинуть Петербург и ехать на за воды (Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 59 об., 60).

761

РГАДА. Ф.11. Оп. 1.Д.95. Ч. 2.Л. 1-2,8-9, 14-15 об., 401.

Перечисляя далее издания, опираемся на анализ списков подлежавших разделу книг, выполненный Е. П. Пироговой (*Пирогова Е. П.* Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000. с. 11—17).

763

Илизаров С.С. Первый очерк истории Академии наук и его автор И.Д. Шумахер //Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. с. 755-770.

Пирогова Е. П. Указ. соч. с. 15, 16. Вместо *Генкелем* у нее *Гениелем.*

765

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 613. Л. 27, 27 об., 28, 33, 33 об.

Там же. Л. 2 об.

Шакинко И.М. Указ. соч. с. 286, 283.

Павленко Н.И. Указ. соч. с. 79, 94.

769

Там же. с. 85.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 230.

Цит. по: *Коптев А.В.* Указ. соч. с. 71—73.

772

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 613. Л. 21. Выражение «не по конец рук», по-видимому, по смыслу близко идиоматическому выражению «не покладая рук».

773

В рукоп.: «чечения». Это, конечно, описка. Но какое слово подразумевалось — «чинения», «лечения»?

Там же. Л. 28, 28 об.

Очерки истории культуры и быта… Екатеринбург, 2001. № 2. На эти высказывания обратил внимание еще Г.И. Спасский *(Спасский Г. И.* Указ. соч. с. 19).

Корепанов Н. С Геннин на Урале. с. 38, 39.

777

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 613. Л. 43 об., 49.

Цит. по: *Бородаев В. Б., Коптев А.В.* Указ. соч. с. 261.

779

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 613. Л. 44.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 167, 179.

781

После 1728 г. у Акинфия оставался единственный живой брат.

Шакинко И.М. Указ. соч. с. 293.

783

См., например, о такой договоренности, относящейся к 1723 г. *(Корепанов Н.С.* Геннин на Урале. с. 33).

«Не прелагай предел вечных, я же положиша отцы твои» (Притч. XXII, 28).

785

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 613. Л. 43 об., 44.

Там же. Ф. И.Оп. 1. Кн. 95. Ч. 2. Л. 28-33.

Там же. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 613. Л. 24, 25.

Там же. Л. 28а, 28а об.

Корепанов Н.С. Серебро на Нейве? // Легенды и были Невьянской башни. Екатеринбург, 2011. с. 104.

790

РГАДА. Ф- 1287.0п. 1. Д. 761. Л. 1, 1 об.

791

Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 229. Копия. Аналогично в копии из Свердловского архива (опубл.: *Бородаев В. Б., Контев А.В.* Указ. соч. № 60).

792

ГАА К.Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 104.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 236.

Головщиков К.Д. Указ. соч. с. 86.

Там же. Колено 4.

Не решаемся исключить возможность того, что Никита Акинфиевич в один год заказал установить два креста: один — близ места смерти отца, другой — где родился сам. Но это допущение не снимает противоречий, требующих объяснения.

Раннюю дату называют анонимная биография (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 761. Л. 1) и большинство старых авторов (П.Н. Петров, А.Б. Лобанов-Ростовский, К.Д. Головщиков). Позднюю — Б.Б. Кафенгауз (Указ. соч. с. 236), к сожалению, не указавший источник, на основании которого он ее исправил. Е. И. Краснова, первоначально разделявшая мнение большинства, в изданном в 2007 г. сборнике своих статей привела дату Кафенгауза.

798

РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 761. Л. 1 об., 4.

В то время как эпитафия на надгробии Никиты была ему известна. По-видимому, не знал Акинфиевой эпитафии и автор анонимной его биографии — иначе в ней появилась бы дата рождения.

800

Старый Невьянский завод. с. 66.

801

Краснова Е. И. Демидовы: Родословная роспись. Екатеринбург, 1992. с. 9.

802

Так, П.Н. Петров писал: «Женитьба отца произвела раздор с ним старших сыновей. Прокопий с мачехою начал тяжбу…» (*Петров П.Н.* История родов русского дворянства. Ч. 2. М., 1991. с. 246, 247).

803

Точки над «i» ставит переписная книга Верхотурского уезда 1710 г., в которой упомянут только что, две недели назад, родившийся Прокофий, при этом женой Акинфия названа Евфимья Иванова дочь. Таким образом, и Прокофий, и последовавшие за ним сыновья Акинфия родились, когда он состоял уже во втором браке *(Могильников В.А.* Происхождение Демидовых (генеалогические заметки) //Тульский металл: четыре столетия истории. М; Тула, 1995. с. 9; *Юркин И.Я.* Демидовы в Туле. с. 71, 72, 131). Этот вывод косвенно подтверждается словами отца в завещании 1743 г. Перечислив в нем доли наследства, выделенные каждому из сыновей и дочери, Акинфий переходит к жене (естественно, второй), о которой говорит так: «…жена моя, а их детей моих мать» (РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 304). Поскольку перед этим дети упомянуты без разделения их на группы, уместно считать, что жена была матерью им всем.

Головщиков К.Д. Указ. соч. с. 96.

805

Черкасова А.С. Прокофий Акинфиевич Демидов: Автопортрет в письмах //Прокофий Акинфиевич Демидов: Письма и документы. Екатеринбург, 2010. с. 302.

Впрочем, нельзя исключить, что Прокофий родился в пути на Невьянский завод, куда младенец прибыл как раз в канун проведения на нем переписи. Именно так, в дороге, появился на свет его младший брат. Но в настоящее время этот вариант существует только в качестве умозрительной возможности.

807

Старый Невьянский завод. с. 66.

808

В вероятности длительного проживания там Прокофия исследователи сомневаются *(Черкасова А.С.* Прокофий Акинфиевич Демидов… с. 309).

809

Прокофий Акинфиевич Демидов: Письма… с. 131.

Скорее всего. В отношении немецкого языка прямо заявляет, что на нем не читает (Там же. с. 13).

811

Лесков Н.С. Воительница. Гл. 3. Любое издание.

Краснова Е. О. Указ. соч. с. 9; *Черкасова А.С.* Прокофий Акинфиевич Демидов… с. 310.

813

Дальнюю границу (1725) получаем, прибавляя к году рождения Прокофия 15 лет (минимальный возраст вступления в брак для мужчин в XVIII в.). *(Цатурова М. К* Русское семейное право XVI—XVIII вв. М, 1991. с. 7.) Ближнюю определяем на основании того, что в 1746 г. Прокофий выдал замуж дочь, которой, по сведениям А.С. Черкасовой, было 14 лет (Прокофий Акинфиевич Демидов: Письма… с. 218). Если она была рождена в законном браке, то жениться Прокофий должен был не позднее 1732 г. Это и есть вторая искомая граница.

814

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3063. Л. 76. Автор благодарит В.А. Касаткина, обратившего его внимание на этот документ.

815

Там же. Л. 76 об.

816

Там же. Л. 77. Авдеев, по-видимому, имел в виду срок, в течение которого Иван вынашивал преступное намерение.

817

Там же.

818

Там же. Л. 78, 78 об. Выделено нами.

819

Там же. Л. 76.

Юркин И.Н. Абрам Булыгин: чудности, веселости, «непонятная философия»… Тула, 1994. с. 73—129.

821

Ловцами использовалась особая, так называемая «разбивная», сеть размером 10 на 7 аршин. Охотник прятался за щитком из хвороста. Для дневной охоты употреблялись другие виды сетей — «разстильная» и «колковая» (*Левшин В.А.* Топографическое описание… с. 298).

822

Тула. Материалы… с. 194, 195. На момент второй ревизии ему было 38 лет.

823

Мы не знаем точных «адресов» домовладений братьев Акинфия, но, будучи прихожанами одной церкви (Николо-Зарецкой), они, несомненно, проживали поблизости.

Говорим *посадской,* подразумевая, что она в бытовом плане от культуры оружейников существенно не отличалась.

Тула. Материалы… с. 132, 175; *Краснова Е. И.* Указ. соч. с. 9.

Коллманн Н. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. с. 370.

827

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3063. Л. 76 об.

Иное дело «природное» дворянство, характером и условиями службы существенно более оторванное от своих корней (что отмечал еще М. Раефф).

Заметим, что объяснение их продажи равнодушием к занятиям промышленным предпринимательством даже у ранних биографов общепринятым не было. Так, Головщиков причину видел в недовольстве Прокофия своими сыновьями (Глава о Прокофии Акинфиевиче Демидове из книги К.Д. Головщикова «Род дворян Демидовых» // Прокофии Акинфиевич Демидов. Письма… с. 456). Впрочем, подбором доказательств этому утверждению он себя не затруднил.

Черкасова А. С Прокофии Акинфиевич Демидов… с. 318—325.

831

РГАД Д.Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 198 об.

Самой взятки, скорее всего, не было — казенные заводы предложили настолько низкую, в сравнении с демидовской, цену, что та не понадобилась.

833

Там же. Кн. 1071. Л. 4.

834

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3612. Л. 29 об.

835

Татищев В.Н. Записки, письма: 1715-1750 гг. М, 1990. с. 217.

836

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 207.

837

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 178. Л. 36, 38.

838

В тексте опечатка: *Нальцовой.*

839

Свалов В. Вестники старого ботанического сада // *Баньковский Л. В.* Сад XVIII века. Соликамск, 2004. Приложение. с. 109.

840

Старый Невьянский завод. с. 66.

Так, например, приезжал туда зимой 1739 г. *(Байдин В.И.* Тайна авторства Сборника Кирши Данилова // Вестник УрО РАН. 2010. № 1 (31). с. 112).

842

Соликамский летописец // *Берх В.Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. Пермь, 2009. с. 281.

843

Там же. с. 280.

844

Первое упомянуто в завещании Акинфия (РГАД Д.Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 303), второе сообщено Григорием (Там же. Л. 257). Слова последнего кажутся нам менее убедительными, чем свидетельство покупателя — его отца. Противоречия в показаниях может, впрочем, и не быть. Акинфий мог что-то купить у Филатьева, а после смерти последнего — еще и у наследников.

845

Черкасова А.С. «Ваши особые научные познания… известны мне…»: Письма Григория Акинфиевича и Павла Григорьевича Демидовых Карлу Линнею //Демидовский временник. Екатеринбург, 2008. Кн. 2. с. 13.

846

РГАД Д.Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 303, 257.

847

Черкасова А.С. «Ваши особые научные познания…». с. 16.

Баньковский Л.В. Сад XVIII века. с. 35; *Свалов В.* Указ. соч. с. 110. Идем в данном случае вслед за литературой. Нам документальные свидетельства пребывания Григория на Суксунском заводе не встречались.

849

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 601. Л. 4.

850

Головщиков К.Д. Указ. соч. Колено 4.

851

Существование этого артефакта делает крайне маловероятным утверждение И.Ф. Афремова (Указ. соч. с. 301) о том, что Никита родился в Туле.

852

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 604. Л. 3, 3 об.

Паллас П. С Указ. соч.

Ср.: *Байдин В.И.* Как познакомились… с. 192, 193, 196, 214.

855

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 601. Л. 2, 8, 8 об.

Там же. Д. 611. Л. 6.

857

Прокофии Акинфиевич Демидов. Письма… № 4; *Рудаков Л.Е.* По следам легенд: Очерки по истории городов и памятников архитектуры Липецкой области. Воронеж, 1986. с. 72, 73.

Юркин И.Н. Демидовы в Туле. с. 133.

859

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 303 об., 304.

Там же. Ч. 1.Л. 286.

861

Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10450. Л. 37 и далее.

862

Там же. Ф. 11. Оп. 1.Д. 95. Ч. 1.Л. 286.

863

Там же. Ч. 2. Л. 229. Курсив наш.

Афремов И.Ф. Указ. соч. с. 301.

865

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 229.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 237.

867

Постоянно бывший? Присутствовавший при смерти? Деталь интересная, но неотчетливая по смыслу.

868

РГАДА. Ф.11. Оп. 1.Д. 95. 4.2. Л. 229 об., 230.

869

ГАА К.Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 104.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 218.

871

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 1. Л. 90, 90 об.

872

ГАА К.Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 104 об., 105.

Там же. Л. 104.

Бородаев В. Б., Коптев А.В. Указ. соч. № 60.

Там же. с. 263.

876

РГАД Д.Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 1. Л. 289, 290, 290 об; Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма… № 6. Брачный обряд был совершен 9 ноября 1746 г. Имени дочери отец в письмах не называет. По мнению А.С. Черкасовой, речь идет о старшей дочери Пелагее *(Черкасова А.С.* Прокофий Акинфиевич Демидов… с. 218). Но сообщаемое исследователем имя жениха (Василий Алексеевич Шошин) с именем, названным Прокофием (Григорий Иванович — см. второе из указанных писем кабинетсекретарю, хранящихся в РГАДА. Л. 290), не совпадает.

Бородаев В. Б., Коптев А.В. Указ. соч. с. 266.

878

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 22 об.

879

ГАА К.Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 104.

Бородаев В. Б., Коптев А.В. Указ. соч. № 62.

Там же. с. 273, 274, 276.

882

Этот задуманный Демидовым завод так и не был достроен.

883

Бородаев В. Б., Коптев А.В. Указ. соч. № 65.

884

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 178. Л. 59 об. Указ Оружейной канцелярии от 25 мая 1747 г. Опубликован: *Юркин И.Н.* Перед Алтаем (Андрей Беэр и Иоганн Улих в 1740 году) //Ползуновский альманах. Барнаул, 2004. № 2. с. 96, 97.

885

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 178. Л. 61.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 237.

887

РГАДА. Ф.11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 227. Копия.

Там же. Л. 228. По Б.Б. Кафенгаузу, раздел происходил в октябре 1757 г. *(Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. с. 237). Учитывая приведенные даты, это представляется маловероятным. Его уместнее отнести самое раннее на ноябрь.

889

Так, по поводу соляного промысла в Соли Камской Григорий говорит от первого лица: «Я, Григорей, в свою часть, хотя и без ползы… приемлю…» (РГАДА. Ф.11. Оп. 1.Д. 95. Ч. 2.Л. 257).

Там же. Л. 239, 243 об., 244, 265 об., 266, 269 об.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 238.

892

РГАДА. Ф.11. Оп. 1.Д. 95. Ч. 2.Л. 242.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 238.

894

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 244 об., 253 об., 310, 335. См. так же: *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. с. 238—239. Уезды с вотчинами — по плану 1757 г. Позднее могли произойти обмены.

895

РГАДА. Ф.11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 244, 251 об., 314 об., 340.

На заводах братьев медеплавильное производство в лучшем случае сосуществовало с доменным, и то такое положение имело место, как правило, в прошлом.

897

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 257.

Там же. Л. 243.

Там же. Л. 244, 249 об., 318, 347.

Афремов И.Ф. Указ. соч. с. 301.

901

Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма… № 13.

Афремов И.Ф. Указ. соч. с. 300.

903

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 23. Л. 1 об. Если верно наше предположение, что усадьба в слободе досталась вдове, здесь подразумевается дом при заводе.

904

Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 238, 239 об., 243, 243 об.

Там же. Л. 240—243 об. Здесь упомянута каменная башня с часами и колоколами на ней (Там же. Л. 242) — несомненно, знаменитая Невьянская башня, сообщающие о которой исторические источники XVIII в., заметим, довольно скудны.

906

Там же. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 76. Л. 1 об.

907

Черкасова А.С. Прокофий Акинфиевич Демидов… с. 325, 326. Выделено нами.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 238.

909

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 2.

910

Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 229.

911

Гаврилов Д.В. Верхнейвинский чугуноплавильный и железоделательный завод //Металлургические заводы Урала… с. 111; *Черкасова А. с.* Прокофий Акинфиевич Демидов… с. 327.

Там же. с. 315, 325, 328.

913

Шубинский С.Н. Русский чудак XVIII века (Цит. по: *Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч. с. 267).

914

Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма… № 19; *Черкасова А. с.* Прокофий Акинфиевич Демидов… с. 316.

915

В ноябре 1758 г. петербургский приказчик Никиты Акинфиевича сообщил в письме ему слух, что «братец» Прокофий «изволит ехать в Сибирь» (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 382. Л. 36). По-видимому, намерение реализовано не было.

Там же. с. 330; *Павленко Н.И.* История металлургии… с. 89. Б.Б. Кафенгауз писал, что продажа уральских заводов произошла в 1768 г. (Указ. соч. с. 230).

917

Сборник РИО. Т. 36. СПб., 1882. с. 6-8.

918

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

919

Путилов Б.И. «Сборник Кирши Данилова» и его место в русской фольклористике //Древние российские стихотворения, собранные Кир- шею Даниловым. М, 1977. с. 373, 376, 385.

Павленко И.И. История металлургии… с. 515.

921

Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма… № 1.

922

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. М, 1995. Т. 8. Кн. 1.С. 110, 111.

923

Более отчетливо сословное высокомерие слышится в словах Болотова по поводу Никиты Акинфиевича, в московской усадьбе которого мемуарист осматривал собранные тем коллекции, сад и оранжереи. «При всем его огромном богатстве и знаменитости» он «находил в нем самого простака и сущего богача-ахреяна, в котором и сквозь золото видима была еще вся грубость его подлой природы, из которой произошел он чрез богатство в знать и в люди» *(Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1996. с. 680). Тут показательно буквально каждое слово.

924

Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1983. с. 126.

925

Нарежный В.Т. Сочинения. Т. 1: Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова. М, 1983. См., в частности, в части 3 гл. 13—17, в части 4 гл. 5—7.

926

О его московском доме скажем ниже; дом в Петербурге находился на Миллионной улице.

Данных о составе и объеме библиотек, принадлежавших лицам, осуществивших межсословный переход, мало. Уральский заводчик А.Ф. Турчанинов (дворянин в первом поколении) владел и роскошной библиотекой, и минералогическим кабинетом. Однако, по свидетельству современника, библиотека имела чисто декоративное назначение и ею, по существу, не пользовались *(Павленко Н.И.* Указ. соч. с. 514). Но вот деталь, заставляющая заподозрить иное: по свидетельству, повторенному в Словаре митрополита Евгения (Болховитинова), «состоявшая в редком собрании многих сочинений, касающихся до горного и монетного дела», библиотека выдающегося для своего времени специалиста президента Берг-коллегии И.А. Шлаттера после его смерти перешла именно к Турчанинову. Нового ее владельца этот современник, а за ним Евгений называют «знатоком и любителем оных» *(Балъзер А.* Известие о фамилии гг. Шлаттеров, много споспешествовавших усовершенствованию горных и монетных дел в России, с портретом И.А. Шлаттера //Горный журнал. 1844. Ч. 1. Кн. 2. с. 294; Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, сочинение митрополита Евгения. М, 1845. Т. 2. с. 253). И эту характеристику, учитывая авторитет второго из них, со счета не сбросить.

928

Гаврилов Д.В. Бисертский железоделательный завод // Металлургические заводы Урала… с. 74, 75; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1237. Л. 110 об., 111.

929

Цит. по: *Черкасова А.С.* «Ваши особые научные познания…» с. 17. Тот же документ, но существенно модернизированный по языку и «обогащенный» ошибками прочтения опубликован в кн.: *Свалов В.* Указ. соч. с. 109. Оговоримся, что описание относится к 1810 г. — моменту, отделенному от продажи демидовской усадьбы в селе Красном интервалом в 38 лет, а от времени, когда в ней жил Григорий, — еще большим сроком.

930

Штелин Я. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в Рос сии. М., 1990. Т. 1.С. 165; *Краснова Е. И.* История домовладения и застройки участка бывшей усадьбы Демидовых на Мойке // Петербургские чтения. СПб., 1992. с. 128, 129. Вопрос о месте изготовления декоративного литья оставляем «приоткрытым», зная, что не всегда Демидовы отливали его на своих предприятиях. Так, в близкое время строивший дом брат Григория Никита заказывал архитектурное литье для него на баташевских заводах.

931

Штелин Я. Указ. соч. Т. 1. с. 74. Несмотря на сходство с моделями и большие размеры полотна, картина в целом Штелину не нравилась. Демидов, по его словам, походил лицом на Иуду, композиция была плохой, а «инвенция» (ее соавтором являлся И. Тауберт) — «глупой и невразумительной».

932

Поскольку годы рождения известны не для всех, нельзя исключить, что некоторые из нижеперечисленных родились уже после создания портрета, в последние годы жизни Григория.

933

Черкасова А.С. «Ваш послушный сын…» // Демидовский времен ник. Кн. 2. с. 95, 241.

934

Материалы путешествия по Европе Александра, Павла и Петра Демидовых. 1748—1761 гг. //Демидовский временник. Кн. 2. с. 253—501.

935

Краснова Е. И. Демидовы: Родословная роспись. СП; *Крашенинников А.Ф.* Григорий — средний сын Акинфия Демидова и его зятья-архитекторы // Тульский металл: четыре столетия истории. М.; Тула, 1995. с. 26, 27.

936

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 611. Л. 70а. Кажется, первым, кто обратил внимание на этот документ, был И.М. Шакинко *(Шакинко И.М.* Демидовы. Екатеринбург, 2001. с. 63).

937

Байдин В.И. Тайна авторства Сборника Кирши Данилова // Наука. Общество. Человек: Вестник УрО РАН. 2010. № 1 (31). с. 112, 113.

Павленко Н.И. История металлургии… с. 93.

939

Теляшов Н. В., Замураев Л.И. Салдинский чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала. с. 409.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 268.

941

Афремов И.Ф. Указ. соч. с. 301.

942

Дружинин П.А. Федот Иванович Шубин в работе над портретами Демидовых //Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1998. М., 1999. с. 319.

943

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

Краснова Е. И. Демидовы: Родословная роспись. с. 9.

Краснова Е. И. Три адреса А.И. Мусина-Пушкина в Петербурге // Петербургские чтения. СПб., 1992. с. 69, 70.

946

Юркин И.Н. Чугунное литье баташевских заводов для петербургского дома Н.А. Демидова // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2003. № 9. с. 73-82.

947

Материал описан и проанализирован в работе: *Пирогова Е. П.* Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000. с. 208.

Юркин И.Н. Демидовы — ученые, инженеры… с. 153—156.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 268.

950

Опубликован: Легенды и были Невьянской башни. с. 90, 91.

951

Павленко Н.И. История металлургии… с. 89.

Более точно датировать возникновение этого сада не решимся. Отметим, однако, что на рисунке завода в рукописной копии «Абрисов» Геннина (1735) он не показан *(Геннин В.И.* Указ. соч. с. 613). Впрочем, рисунок явно очищен от не касающихся производства деталей.

953

Черкасова А.С. «Ваши особые научные познания…» с. 45.

Баньковский А.В. Сад XVIII века. Соликамск, 2004. с. 35, 36; *Юркин И.Н.* Демидовы — ученые, инженеры… с. 114, 124; *Черкасова А. с.* «Ваши особые научные познания…» с. 18.

Там же. с. 23, 49.

Там же. с. 56.

957

Семена двух видов чемерицы, собранной под Тулой, в сентябре 1751 г. посылал Линнею брат Прокофия Григорий (Там же. с. 62).

958

Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма… № 2.

959

Опись Тульского завода Демидовых, составленная в 1779 г.… // *Юркин И.Н.* Тульский завод Демидовых… с. 59. По данным относящихся приблизительно к тому же времени Экономических примечаний к генеральному межеванию, сад был «плодовитым», состоял из яблонь и слив (ГАТО. Ф. 291. Оп. 14/58. Д. 3. Л. 18).

Выполненную на его основе графическую реконструкцию планировки и застройки в районе усадьбы Демидовых см. на вклейке в кн.: *Юркин И.И.* Демидовы в Туле…

961

Сад (сады) мог существовать и на каком-то другом принадлежавшем Демидовым земельном участке в Туле или в уезде. За отсутствием фактических данных эту возможность здесь не рассматриваем.

962

Паллас П.С. Каталог растениям, находящимся в Москве в саду его превосходительства действительного статского советника и Императорского Воспитательного дома знаменитого благодетеля, Прокофия Акинфиевича Демидова, сочиненный П.С. Палласом, академиком санкт-петербургским. СПб., 1781. с. 15, 17, 19, 21, 23.

963

Там же. с. 13.

964

Сельцо Дворянинoво, с которым связаны детство и юность А.Т. Болотова, находится в нескольких верстах от каширских железных заводов, в конце XVIII в. отошедших Нарышкиным. При усадьбе заводовладельцев в селе Ченцове существовало несколько садов, в том числе плодовых. О посещении этого села в юные годы Болотов упоминает в своих записках (см.: *Юркин И.Н.* К истории русских усадебных садов XVII века: усадьбы при ранних мануфактурах // Известия Тульского государственного университета. Серия «История и культурология». Тула, 2003. Вып. 1. с. 12, 31).

965

Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма… № 67.

966

РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1361. Л. 2.

Она же подразумевается, когда говорится о *«прежней записи* меж нами, Андреем и Яковом, со мною, Кондратьем» (Там же).

Виниус был натурализовавшимся и еще в детские годы принявшим православие иноземцем, Келдерман и Миллер — выходцами из Западной Европы, сохранившими первоначальное вероисповедание.

969

РГАДА Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 309 об.

Там же. Л. 269, 269 об.

971

О судьбе этого собрания см.: *Юркин И.Н.* Демидовы — ученые, инженеры… с. 28, 29.

972

Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. с. 75.

Там же. с. 441.

ПС З.Т. 9. № 6840.

975

Опубликовано: *Юркин И.И.* Демидовы в Туле. с. 260.

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 13. Л. 188.

977

Исходим из того, что Никита Никитич вступил в брак в 18 лет, добавляем год на рождение сына. Если он женился в более зрелом возрасте — дата отодвигается к более раннему времени.

Юркин И.Н. Демидовы в Туле. с. 260.

979

РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 237. Л. 1277.

Там же. Ф. 271.0п. 1. Кн. 1037. Л. 61, 61 об.

981

Там же. Кн. 1041. Л. 466.

982

Павленко Н.И. История металлургии… с. 104; *Гаврилов Д.В.* Шайтанский чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала… с. 514.

983

По К.Д. Головщикову, Н.Н. Демидовым основаны также Лайский и Буйский заводы. В действительности Нижнелайский завод построил Н.Д. Демидов, Верхнелайский — А.Н. Демидов, Буйский завод — А.М. Мосолов.

Головщиков К.Д. Указ. соч. Прил. 15.

985

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 1. Л. 30. Дата прошения неизвестна, но ответ на него Сената (доступный в изложении, где не датирован) относится к периоду между августом 1740-го и февралем 1742 г.

986

Документ (Там же. Ч. 2. Л. 28—33) входит в состав архивного дела, озаглавленного: «По копии с имяннаго указа, даннаго Сенату, о подтверждении присудственным местам, естьли до господина Демидова касатца будут где дела, о донесении наперед к высочайшему разсмотрению». Упомянутый указ — от 24 июля 1744 г., с него и начинается это дело (Там же. Л. 27).

Там же. Л. 28.

Там же. Ч. 1.Л. 49, 49 об.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 241.

Они там и остались. По сведениям П.С. Палласа, посетившего в 1770 г. Каслинский завод, жителей при нем было до 600 душ мужского пола, «кои крепостные и по большей части из Ромадановских деревень на Демидовские заводы переведенные» (*Даллас П.С.* Указ. соч.).

991

В одном из документов прежним владельцем волости назван князь Петр Иванович Репнин, в другом — князь Сергей Иванович (ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 726. Л. 1,3 об.).

992

Там же. Л. 3 об.

993

Там же. Л. 1, 1 об.

994

Значительный комплекс документов об этих событиях опубликован в сборнике: Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке. М; Л., 1937. с. 176-195, 268-270.

995

Заметим, что П.С. Палласа дети 10—12 лет, выполнявшие кузнечную работу на Невьянском заводе, умилили («Весьма приятно смотреть, что маленькие ребята…» и т. д.). Вот разница в отношении общества к детскому труду.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 242.

997

ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 726. Л. 1, 1 об., 3 об.

Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. с. 243—245.

999

Там же. с. 243.

1000

Черкасова А.С. Прокофий Акинфиевич Демидов… с. 322. Заметим, что с мнением, высказанным в этих словах, мы, в общем, согласны.

1001

См., например, соседствующие в одном сборнике документы: челобитную иноземцев В. и П. Меллеров о недопущении к построению заводов заводчиков Мосоловых и дело по доношению заводчика М. Мосолова о неотводе пять пустошей иноземцам Меллерам и об отводе их к его заводам (РГАДА. Ф- 271. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 1401. Д. 5 и 6).

1002

Павленко И.И. История металлургии… с. 129, 131, 132.

1003

В используемом далее архивном деле упоминается именно этот — сенатский в Берг-коллегию — указ. Во всех входящих в состав дела документах он неизменно датирован 22 августа (ГАТО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 5,9,21—23); указ же с датой 30 августа (под которой он помещен в Пол ном собрании законов — см.: ПС 3.Т. 14. № 10285) не упоминается, как и вообще эта дата.

1004

ГАТО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 5, 9, 15 об., 19, 21.

Владельцем второго в документах середины 1760-х гг. назван Евдоким Демидов (Там же. Л. 23 об., 24).

1006

Напомним, что согласно 16-му пункту Берг-привилегии, «промышленники рудокопных дел», получившие от Берг-коллегии разрешение на строительство завода и действующие по уставам, «каковы коллегиум впредь объявит», «имеют… сим обнадежаны быть, что у них и у наследников их оные заводы отняты не будут… разве сами в состоянии не будут оные содержать» (ПС З.Т. 5. № 3464).

1007

ГАТО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 23 об.

1008

Поданную челобитную подписал сын Никиты Никитича Евдоким Демидов (Там же. Л. 5, 9). Не приходится, однако, сомневаться, что выдвинутые аргументы были тщательно продуманы с участием главы семейной фирмы.

1009

ГАТО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 5-8, 16.

1010

Там же. Л. 6 об.

1011

Павленко Н.И. Указ. соч. с. 99-102.

Там же. Л. 24 об., 25. Выделено нами.

1013

Павленко Н.И. История металлургии… с. 329, 331.

1014

Там же. с. 335, 336.

1015

Там же. с. 467.

1016

Демиховский К. К Возникновение и развитие приокской металлургии во второй половине XVIII века // Ученые записки Пермского государственного университета им. А.М. Горького. Т. 17. Вып. 4. Пермь, 1961.

1017

Павленко И.Я. Указ. соч. с. 105.

1018

ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 847. Л. 13 об.

1019

Там же. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 326. Л. 1 об.

См., например, несколько упоминаний, относящихся к февралю и июлю 1751 г. (Там же. Ф. 55. Оп. 2. Д. 724. Л. 10; Там же. Д. 765. Л. 14, 17, 21), а также совершенное в Туле в октябре 1758 г. духовное завещание.

1021

РГАДА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1630. Л. 12, 12 об.

Головщиков К Д. Указ. соч. Прил. 15.

1023

Коллежский советник Иван Полонский, производивший раздел имущества (Очерки истории культуры и быта… № 4).

1024

Цит. по: *Черкасова А.С.* Прокофий Акинфиевич Демидов… с. 311,312.

1025

Сборник РИО. Т. 111. с. 232, 291.

Там же. Т. 114. с. 241.

1027

Краснова Е.О. О генеалогии Демидовых. Новые сведения // Историческая роль Екатерины II в развитии горнозаводского дела в России. СПб., 2000. с. 57.

1028

РГАДА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1630. Л. 1, 4, 5 об.

1029

ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1225. Л. 2, 2 об.

1030

Рубан В.Г. Описание императорскаго столичнаго города Москвы, содержащее в себе звание государских ворот, казенных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присудственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов и рынков, фабрик, заводов и прочая. СПб., 1782. с. 83; Сорок со роков /Авт.-сост. П.Г. Паламарчук. М, 1994. Т. 2. с. 597-601; М., 1995. Т. 4. с. 515, 548.

1031

Краснова Е. И. Демидовы. Родословная роспись. с. 7. В более позднем издании росписи составитель поставила около этой даты знак вопроса и приписала: «По другим сведениям, в 1761 году жив» *(Краснова Е. И.* Такие разные Демидовы. с. 120), к сожалению, источник сведений ни в этой, ни в других своих работах не сообщив.

1032

Укажем на несколько наиболее поздних документов. Запись в Книге приходной с письма крепостей Смоленской крепостной конторы сообщает о покупке статским советником Никитой Никитичем Демидовым 9 декабря 1762 г. кузницы в Смоленске (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 10310. Л. 98). Человек, принимающий беглых в Тульской провинциальной канцелярии в марте 1763 г., в расписке именует себя его (уточнено: статского советника) служителем (ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 3479. Л. 6). Если бы хозяин умер, не знать об этом его служащий не мог.

1033

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1071. Л. 499 об., 501.

1034

Отбыл не ранее 12 сентября, в обратный путь тронулся, скорее все го, до 1 декабря (*Трусов В.* Никита Никитич Демидов — основатель Шайтанского завода //Уральский следопыт. 2007. № 12. с. 70, 71).

1035

Там же.

1036

Так — в исповедных росписях 1739 г. (*Панов Г.И.* Тульская Христорождественская, за рекою, или Николозарецкая церковь // Тульские епархиальные ведомости. 1863. № 4. 15 февраля. с. 234, паг. отд. «Прибавления»).

1037

Краснова Е. И. Такие разные Демидовы. С.111.

1038

Там же. В этом варианте росписи Е. И. Краснова рядом с указанным годом поставила в скобках под знаком вопроса еще один — 1715-й. (С. 121.)

1039

РГАДА. Ф.11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 28 об.

1040

Металлургические заводы на территории СССР с XVII века до 1917 года. М.; Л., 1937. с. 233.

1041

ГАТО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 5-7 об.

1042

Там же. Л. 8; РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 6, 8.

1043

Материалы по истории волнений… с. 151, 177, 242.

1044

РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 8474. Л. 3.

1045

Впрочем, обратные случаи тоже имели место. Вдова Ф. Акемы Анна, в следующем замужестве Меллер, передала свои заводы детям Петру и Вахрамею. Они владели ими на правах общей собственности, не разделяя ее.

1046

Там же. Л. 4.

1047

Там же. Л. 3, 4.

1048

Что духовная составлялась в Туле, заключаем из того, что среди свидетелей присутствуют двое чиновников Тульской оружейной канцелярии (секретарь и лицо, находившееся в ней у вальдмейстерских дел), а также духовный отец Н.Н. Демидова, священник Николо-Зарецкой церкви Петр Трофимов (Там же. Л. 5, 5 об.).

1049

ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 2180. Л. 164, 164 об.

1050

РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 8474. Л. 1, 2.

1051

Там же. Л. 32 об., 33.

1052

Там же. Л. 4.

1053

ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 3436. Л. 12. Сведения относятся к 1763 г.

1054

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1237. Л. 132 об., 134.

1055

Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 10309. Л. 50.

1056

Нам известно упоминание об этом, относящееся к июлю 1762 г.

1057

Юркин И.Н. Демидовы в Туле. с. 148, 149.

1058

Добавим: возможно, и отца.

1059

РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 8474. Л. 4.

1060

Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1237. Л. 113 об., 116.

1061

Цит. по: *Смирнов С.С.* Заводовладелец и приказчики: Письма Никиты Никитича Демидова // Демидовский временник. Екатеринбург, 1994. Кн. 1.С. 205.

1062

РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 8474. Л. 4.

1063

Там же. Ф. 271.0п. 1. Кн. 1237. Л. 141 об. —143.

1064

Павленко И.И. История металлургии… с. 85, 116.

1065

Ерохина И.П. Неосуществленный проект памятника Акинфию Никитичу Демидову (Из переписки Н.Н. Демидова с Н.Д. Дурново) //Демидовский временник. Екатеринбург, 2008. с. 748—759.

1066

«А жадный был он…» — сообщает респондент из поселка Висим 1884 г. рождения, иллюстрируя это утверждение рассказом о прощании больного промышленника с его имением (Предания и легенды Урала… с. 145; у нас процитировано в главе 3). За 160 лет, разделяющих смерть Никиты Демидова и рождение рассказчика, эпизод, допускающий раз личную психологическую интерпретацию, был переосмыслен в соответствии с образцами, которые предлагало устное народное творчество.